

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10 (76). №2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель и издатель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Адрес: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол № от 2024 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Люттов Никита Леонидович, д. ю. н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к. ю. н., доц.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать . 2024. Формат 70х100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.
Дата выхода в свет «__» . 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340

ЗАДАЧИ ВОЙСК НКВД СССР ПО ОХРАНЕ СУДОВ ЗАГРАНИЧНОГО ПЛАВАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бутов С. В.

*Петербургский военного ордена Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье рассматривается одна из малоизученных задач пограничных войск НКВД в годы Великой Отечественной войны – охрана судов заграничного плавания. На основе анализа нормативных правовых актов военного времени и архивных материалов раскрываются организация службы вооруженной охраны судов заграничного плавания, права и обязанности пограничников, выполнявших задачи по обеспечению безопасности таких судов в портах и пути следования. Показано значение охраны судов заграничного плавания войсками НКВД для обеспечения безопасности торговых отношений СССР в военное время.

Ключевые слова: войска НКВД, пограничники, охрана, суда заграничного плавания, торговое мореплавание, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война явилась самым тяжелым и суровым испытанием в истории России, преодолеть которое советскому народу позволил истинный патриотизм, сила духа, сплоченность, вера в победу и героизм воинов, ценой своей жизни остановивших фашизм, вернувших мир в дома миллионов людей. Советские Вооруженные Силы в годы войны наряду с войсками Красной Армии и Военно-Морским Флотом включали в свой состав войска НКВД. Эти войска, являясь силовой структурой Народного комиссариата внутренних дел СССР, были призваны обеспечивать безопасность страны. В отличие от военнослужащих Красной Армии, основной задачей которых в годы войны являлась борьба с фашистскими захватчиками на линии фронта, на военнослужащих войск НКВД возлагалось выполнение более двадцати задач по защите государства, как от внешних, так и внутренних опасностей.

Для выполнения этих задач войска внутреннего предназначения были наделены особым правовым положением [1, с. 69]. Специфика войск НКВД, их подготовка и ранее полученный опыт в войне с белофинами позволял этим войскам эффективно выполнять задачи по охране тыла действующей армии. В подчинение начальникам охраны войскового тыла «были переданы оперативные, конвойные и пограничные войска, а также войска НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, расположенные на территории фронтов» [2, с. 23]. Пограничные части НКВД составляли основу войск охраны тыла действующей армии.

С нападением фашисткой Германии на Советский Союз пограничники, охранявшие западную границу СССР, приняли первыми самый сильный удар вермахта, сумев в неравном бою значительно задержать продвижение немецкой армии. На восточной границе СССР пограничные войска НКВД пресекали агентурную деятельность японской разведки. Милитаристская Япония хотя и не вступила в июне 1941 года в войну с Советским Союзом, тем не менее, постоянно

устраивала провокации в приграничных районах, допуская не только залет своих самолётов-разведчиков на территорию СССР (48 случаев во 2-м полугодии 1941 г.), но и прямые боестолкновения с пограничными нарядами. Так, в сообщении Главного управления пограничных войск НКВД СССР от 28 октября 1941 г. № 19/19529 в НКВД СССР указывалось, что «23 октября в районе Горы Чертовой (Хасанский район Приморского края) группа японских солдат численностью более 20 человек, нарушив Государственную границу Союза ССР, пыталась захватить пограничный наряд. В штыковой схватке ранено три пограничника» [3, с. 250–251]. Не отличалась спокойствием служба пограничников по охране восточной морской границы СССР. Япония, постоянно нападала на советские торговые суда в акватории Тихого океана.

В военные годы сохранение торговых отношений с другими странами являлось жизненно необходимым для Советского Союза. Реализуя свои товары, СССР получал денежные средства, самолеты, оружие, броне и автотехнику, продовольствие и иные необходимые для ведения боевых действий грузы, в том числе в рамках ленд-лиза от США и Великобритании. Из Владивостока в ноябре 1941 года в заграничное плавание ходило 44 судна, количество которых планировалось увеличить еще на 16. Судна в пути следования, а также во время стоянок в портах США и Англии не охранялись. Для обеспечения охраны советских судов заграничного плавания и для предотвращения на этих судах диверсионных и других враждебных актов ГКО постановлением от 19 ноября 1941 г. № 920сс возложил организацию и руководство охраной таких судов на Главное управление пограничных войск НКВД СССР [4]. Из состава морских КПП пограничных войск на комплектование вооруженной охраны каждого судна в зависимости от его тоннажа должны были выделяться по 10–12 проверенных и хорошо подготовленных средних и младших командиров. Приказом НКВД СССР от 25 ноября 1941 г. № 001633 требования ГКО были воплощены в жизнь.

Правовым основанием служебно-боевой деятельности, регламентирующей полномочия вооруженной охраны судов заграничного плавания, являлась Инструкция по службе команд вооруженной охраны на судах заграничного плавания, утвержденная приказом НКВД СССР от 3 декабря 1941 г. № 001661 [5]. Инструкция определяла задачи пограничникам, входившим в состав вооруженной охраны, и ее подчиненность помощнику капитана судна. Для выполнения задач по охране судна пограничники несли вахтенную службу и наделялись правом проверять документы членов экипажа судна и его пассажиров; досматривать любые каюты и отделения судна, а также имущество, подлежащее погрузке на него; задерживать, досматривать и изолировать незаконно проникших лиц на судно. На вооруженную охрану погранвойск возлагались обязанности вести постоянное наблюдение за судном и всеми работами на нем, досматривать судно в портах и проверять документы на рейс перед выходом судна в плавание; не допускать проникновения на судно несанкционированных лиц и пронос (погрузку) запрещенных к ввозу в Советский Союз предметов (грузов).

На задержанных охраной судна составлялись протоколы (акты) задержания, которые вместе с задержанными лицами и изъятым имуществом передавались в советских портах начальнику КПП, а в иностранных – портовой полиции. Выделенная для вооруженной охраны пограничная команда включалась в списки

экипажа, имела советские паспорта и несла службу на судне в морской пограничной форме. Пограничникам во время пребывания судна в иностранных портах запрещалось покидать судно. Лишь в исключительных случаях под руководством офицера вооруженная охрана в количестве не более 3-х человек могла сойти на берег на непродолжительное время. Военнослужащие вооруженной охраны не имели права вмешиваться в организацию управления судна до тех пор, пока его экипаж выполнял свои обязанности в соответствии с требованиями советского законодательства. В случае противоправных действий или контрреволюционных проявлений экипажем судна начальник вооруженной охраны пресекал их любыми средствами вплоть до применения оружия. Обо всех происшествиях на судне начальник команды охраны докладывал по радиостанции судна своему командованию, а также составлял письменный рапорт.

В соответствии с указанием Главного управления пограничных войск НКВД СССР, отданным 15 декабря 1941 года начальнику войск НКВД по охране тыла 14-й армии для предотвращения террористических актов на судах заграничного плавания из пограничников войск НКВД по охране тыла 14-й армии необходимо было сформировать 40–45 вооруженных команд (400–450 человек), решить вопрос с их продовольственным и вещевым обеспечением [3, с. 428–429]. В штат каждой такой команды входил начальник команды, политрук, контролер, командир отделения, 6–8 красноармейцев, на вооружении которых находились пистолеты у начальствующего состава и винтовки у красноармейцев.

Отсутствие бронебойного или хотя бы автоматического оружия не давало возможности пограничникам оказать серьезное сопротивление в случае пиратского нападения на судно. Кроме того, вооруженная охрана пограничников, находящихся на судне, не имела никакой возможности защитить судно от воздушной или подводной атаки. Даже небольшие катера при наличии автоматического оружия или пушки имели возможность потопить судно без ущерба для себя. В связи с чем, постановлением ГКО от 5 марта 1942 г. № 1389сс контрольные функции и внутренняя охрана судов и грузов была возложена на ВМФ СССР, команды пограничных войск на кораблях были заменены личным составом вооруженной охраны Военно-Морского Флота [6]. На основании распоряжения А.Н. Аполлонова от 12 марта 1942 г. № 32316 погранвойска передали суда заграничного плавания под охрану сил и средств ВМФ СССР [7].

По мнению Н.В. Коршуновой и Д.А. Литвинова «решение об организации на судах команды вооруженной охраны было ошибочным. Оно оттянуло значительные силы пограничников, но фактически никак не способствовало обеспечению безопасности торгового мореплавания» [8, с. 117]. Вместе с тем следует признать, что СССР в начальный период войны по объективным причинам не имел возможности защитить свои торговые суда заграничного плавания силами Военно-Морского Флота. Вооруженная охрана кораблей пограничными командами хотя и не была способна противостоять авиации, надводному и подводному флоту противника, при этом обеспечивала охрану советских судов в портах, контролировала погрузку (разгрузку) необходимых для фронта и тыла грузов, обеспечивала правопорядок на судах, не допускало на борт вражеских агентов и диверсантов.

Список литературы:

1. Бутов С. В. Особенности правового положения военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 3-2. – С. 69–72.
2. Лысенков С. Г. Советское военное законодательство о войсках НКВД СССР по охране тыла действующей армии: ответ фальсификаторам истории Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права: Сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 22–29.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября–31 декабря 1941 г. / Федер. служба контрразведки РФ, Академия федер. службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В. П. Ямпольский. – М.: Русь, 2000. – 670 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 127.
5. Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 3 Оп. 8 Д. 1563. Л. 152–156.
6. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 73–74.
7. ЦА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 56.
8. Коршунова, Н. В. Охрана судов заграничного плавания пограничными войсками Дальнего Востока в период Второй мировой войны / Н. В. Коршунова, Д. А. Литвинов // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 6(98). – С. 117–122.

Butov S. V. Tasks of the USSR NKVD troops for the security of foreign vessels during the Great Patriotic War // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – Р. 3–6.

The article examines one of the little-studied tasks of the NKVD border troops during the Great Patriotic War - the protection of ships traveling abroad. Based on the analysis of wartime regulatory legal acts and archival materials, the organization of the armed security service for ships traveling abroad, the rights and responsibilities of border guards who performed tasks to ensure the safety of such ships in ports and routes are revealed. The importance of the protection of ships traveling abroad by the NKVD troops for ensuring the security of trade relations of the USSR in wartime is shown.

Keywords: NKVD troops, border guards, security, foreign vessels, merchant shipping, the Great Patriotic War.

Spisok literatury:

1. Butov S. V. Osobennosti pravovogo polozheniya voennosluzhashchikh voisk NKVD v godi Velikoi Otechestvennoi voini / S. V. Butov // Sovremennaya nauka: aktualnie problemi teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2022. – № 3-2. – С. 69–72.
2. Lisenkov S. G. Sovetskoe voennoe zakonodatelstvo o voiskakh NKVD SSSR po okhrane tila deistvuyushchei armii: otvet falsifikatoram istorii Velikoi Otechestvennoi voini / S. G. Lisenkov, S. V. Butov // Resheniya Nyurnbergskogo tribunala kak istochnik mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: Sbornik nauchnikh statei mezhvuzovskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 23 noyabrya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii voennii ordena Zhukova institut voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii, 2023. – С. 22–29.
3. Organi gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sb. dok. T. 2. Kn. 2. Nachalo. 1 sentyabrya–31 dekabrya 1941 g. / Feder. sluzhba kontrrazvedki RF, Akademiya feder. sluzhbi kontrrazvedki RF; Ruk. gruppi avt.-sost. V. P. Yampolskii. – М.: Rus, 2000. – 670 s.
4. Rossiiskii gosudarstvennii arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii (dalee – RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 127.
5. Tsentralnii arkhiv FSB RF (dalee – TsA FSB RF). F. 3 Op. 8 D. 1563. L. 152–156.
6. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 23. L. 73–74.
7. TsA FSB RF. F. 231. Op. 1. D. 128. L. 56.
8. Korshunova, N. V. Okhrana sudov zagranichnogo plavaniya pogranichnimi voiskami Dalnego Vostoka v period Vtoroi mirovoi voini / N. V. Korshunova, D. A. Litvinov // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura. – 2022. – № 6(98). – С. 117–122.

УДК 342

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ИНЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ СЛУЖАЩИМИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФИНЛЯНДИИ

Великая О. С.

*Санкт-Петербургский университет государственной
противопожарной службы МЧС России*

Статья посвящена изучению вопросов правового регламентирования применения различных средств защиты служащими пенитенциарных заведений Финляндии вообще и огнестрельного оружия в частности. Выявлены основные нормы, устанавливающие наличие вооружения и его использования в пенитенциарных учреждениях, базовой из которых является декрета от 17 февраля 1950 г. о пенитенциарных учреждениях изданные в его изменение и дополнение нормативные акты, в частности решение Министерства юстиции от 17 марта 1980 г. о вооружение Пенитенциарной службы, и его отмена в 1990 г. В тоже время, огнестрельное оружие (государственное или личное) продолжает использоваться в служебных целях.

Ключевые слова: применение, огнестрельное оружие, средства защиты, пенитенциарные заведения, закон, Финляндия.

Средства защиты персонала пенитенциарных заведений также являются весомым аргументом в поддержании порядка среди заключенных. Практически во всех пенитенциарных системах мира происходят случаи неповиновения, сопротивления, а иногда и массовых беспорядков. В некоторых случаях они индивидуальны и спорадически, в иных же – это спланированные массовые акции, для пресечения которых требуются значительные силы правоохранителей, в том числе с применением специальных средств, а иногда и огнестрельного оружия.

При этом можно указать, что большинство стран западной Европы, в том числе и Великобритания, отказались от наличия в пенитенциарных заведениях огнестрельного оружия, однако Финляндии идти по этому пути не спешила. Очевидно, что причиной тому достаточно широкое распространение огнестрельного оружия в данной стране, в первую очередь охотничьего.

Как известно, дестабилизирующим фактором в пенитенциарных учреждениях часто выступают неформальные криминальные объединения заключенных, независимо от их внешней атрибутики, национальной принадлежности, политических взглядов. Не является в данном случае исключением и Финляндия, где несмотря не относительно либеральное законодательство также происходят противоправные действия со стороны заключенных, требующих вмешательства охранного персонала, администрации, применения специальных средств, в том числе и оружия [1].

История правового регулирования наличия и использования средств защиты и оружия в пенитенциарных заведениях, тесно связана с их историей, в том числе в сфере подготовки кадров для пенитенциарных учреждений.

В качестве примера укажем, что согласно предписания императорского Финляндского сената губернатору Або-Бьернеборгской губернии, о подготовке сторожей для тюрем в Финляндии от 5 октября 1880 г. указывалось «За сим ознакомить их с обязанностями сторожей согласно уставов и инструкции, с порядком обхождения с арестантами и надзора за ними, соответственно целям карательных заведений края, и с общими положениями уголовного закона об исполнении наказа-

ний, а равно упражнять их в военной выправке и употреблении огнестрельного оружия» [2].

В современной Финляндии данные вопросы были комплексно урегулированы несколькими нормативными актами, в частности решение Министерства юстиции от 17 марта 1980 г. о вооружении пенитенциарной службы. В нем установлено, что согласно с п. 3 ст. 41 декрета от 17.02.1950 о пенитенциарной службе [3], изложенного в указе от 25.02.1977 (212/77), министерство юстиции постановило, что департамент исправительных учреждений министерства юстиции приобретает необходимое вооружение для должностных лиц и должностных лиц Пенитенциарной службы и учреждений, подведомственных этому департаменту (§1).

В соответствии с инструкциями Департамента исправительных учреждений арсенал Пенитенциарной службы, расположенный в Центральной тюрьме Хельсинки, отвечает за хранение, распространение и изъятие оружия, которое не используется учреждениями или их персоналом. Предприятия отвечают за закупку патронов (§2).

Личным оружием должностных лиц и должностных лиц Пенитенциарной службы являются газовый ингалятор и пистолет или револьвер.

По распоряжению Департамента исправительных учреждений объекты могут использоваться более чем оружием, упомянутым в подразделе 1, и другим оборудованием, необходимым для борьбы с насилием (§3).

Начальник отдела определяет места службы и обязанности, в которых должно перевозиться оружие. Следует избегать ношения в установке оружия, отличного от газового ингалятора. Директор может, только по конкретным причинам, приказывать лицу, не являющемуся лицом, выполняющим обязанности по обеспечению безопасности, носить оружие.

Департамент исправительных учреждений определяет вооружение хранения техники в амбулаторном учреждении.

Ношение собственного оружия при исполнении служебных обязанностей не допускается (§4).

Руководитель учреждения или, если он не присутствует, его заместитель принимает решение о введении вооружения или оборудования, указанных в ст. 3(2), в соответствии с инструкциями, данными Департаментом исправительных учреждений (§5).

Пистолет носится только при исполнении служебных обязанностей. В другое время оружие хранится в оружейном шкафу учреждения, если иное не предписано Департаментом исправительных учреждений. Газовый ингалятор также мог храниться в шкафу для ключей, а вот пистолет или револьвер не должны были носиться с собой на видном месте. Газовый ингалятор носится в кармане (§6).

Окончательное решение данных вопросов возлагалось на начальника охраны департамента, чтобы обеспечить всем необходимым личный состав при применении оружия.

Прежде чем передать оружие назначенному офицеру для его ношения, начальник охраны должен был обеспечить надлежащее руководство и упражнения в использовании оружия (§7), он же отвечал за техническое обслуживание оружия, используемого объектом. Владелец оружия, выданного для личного пользования, нес ответ-

ственность за его техническое обслуживание и состояние, а для обслуживания и очистки оружия объект следовало оснастить необходимым оборудованием (§8).

Лицо, которому поручено носить оружие, обязано ежегодно участвовать в учениях по стрельбе или других тренировках по оружию, организуемых департаментом (§9).

Начальник охраны должен был вести список вооружения объекта в соответствии с установленной формулой, а также ежегодно осматривать личное и ведомственное оружие. Инспекция регистрировалась в перечне оружия (§10).

Начальник учреждения должен был информировать Департамент исправительных учреждений в письменном виде в течение 7 дней с момента использования огнестрельного оружия, а если была нанесена травма полагалось провести полицейское расследование (§11) [4].

Однако, данное положение было отменено министерством юстиции в 1998 г. [5].

Следует также указать, что согласно разделу 27 закону «О Учебном центре по уголовным санкциям» Финляндии от 22 декабря 2006 г. данное заведение «имеет кодекс поведения, в соответствии с которым учащимся, обучающимся в учебном центре, могут быть выданы положения, необходимые для безопасности и комфорта учебного сообщества:

1) практические мероприятия и поведение в учебном центре и при выполнении связанных с обучением задач и учений;

2) вооружения...» [6].

Следует указать, что случаи применения огнестрельного оружия со стороны охраны в Финляндии достаточно редки [7], т.к. применение его против заключенных строго регламентировано законом, как и само их поведение. Чаще всего охрана в первую очередь применяет физическую силу и иные средства (плексоглазковые щиты, наручники, специальный газ в баллончиках, дубинки) [8].

При этом, следует отметить, что правила поведения для заключенных в пенитенциарных заведениях в Финляндии, во многом схожи с аналогичными нормами иных государств, т.к. ставят перед собой аналогичные же задачи.

Так, в частности, в Финляндии выделяются такие группы правил: общие положения; передвижение по территории тюрьмы; одежда в тюрьме; запирающие помещения и проверка на прочность; работа и досуг; покупки; собрания; собрания под надзором; встречи без присмотра (семейные встречи); получение и доставка товаров во время встреч; совещания; использование телефона; отправка почты; чистота; владение имуществом; предметы и вещества, которые не должны находиться во владении заключенного; осмотр предметов и веществ; другие вопросы, влияющие на выдачу предметов и веществ; тюремные палаты; употребление интоксикантов и лекарств [9]. Безусловно, что это не полный перечень, т.к. он не предусматривает вопросы использования СМИ (право ознакомления, просмотра, обращения); правила поведения во время внешних и внутренних работ заключенными; правила переписки; правила нахождения в лазарете; правила общения с персоналом и т.п.

Известны такие «Правила применения силы тюремными надзирателями»:

- тюремный надзиратель имеет право применять силу в тюрьме и в непосредственной близости от нее, а также при перемещении, транспортировке и отбытии заключенных;

- допустимые силовые инструменты для охранников включают наручники, пластиковые бинты, обычную дубинку или телескопическую дубинку, газовый баллончик, пистолет и револьвер;

- огнестрельное оружие может носить только надлежащим образом обученный охранник, который должен проходить ежегодный вступительный экзамен;

- охранникам, работающим в тесном контакте с заключенными, обычно не разрешается носить огнестрельное оружие;

- оружие в основном перевозится для обеспечения безопасности транспортировки заключенных, а иногда и для выполнения заданий на открытом воздухе, таких как охрана привратников [10].

Таким образом, вопросы наличия и применения оружия в пенитенциарной системе Финляндии имеют длительную историю, однако сегодня переживают процесс модернизации, связанный, с одной стороны, с стремлением обеспечения прав заключенных, а с другой – защитой здоровья и жизни служащих, поддержанием правопорядка.

Список литературы:

1. Vankilarikollisuuden torjunnan vaikutukset vankien oikeuksien sekä täytäntöönpanon tavoitteiden toteutumiseen Jenni Blomberg OTM-tutkielma Helsingin yliopisto Oikeustieteellinen tiedekunta Toukokuu 2020 Ohjaajat: Sakari Melander ja Kimmo Nuotio. – 101 s. – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) Microsoft Word - Gradu Blomberg Jenni 2020.docx (helsinki.fi) (дата обращения : 08.04.2023)
2. 5 октября 1880. Предписание Императорского Финляндского Сената Губернатору Або-Бьернеборгской губернии, о подготовке сторожей для тюрем в Финляндии. №21. – 1880. Сборник постановлений №22 Великого Княжества Финляндского. – С. 4.
3. Asetus vankeinhoitolaitoksesta. 86/1950. – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) 86/1950 - Författningsändringsregister - FINLEX ® (дата обращения : 07.04.2023)
4. Justitieministeriets beslut om beväpningen inom fängsvårdsväsendet. №208/1980. – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) 208/1980 - Författningsändringsregister - FINLEX ® (дата обращения : 07.04.2023)
5. Utfärdat i Helsingfors den 17 december 1998. Justitieministeriets beslut om upphävande av justitieministeriets beslut om beväpningen inom fängsvårdsväsendet (1803/1998). – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) Justitieministeriets beslut om upphävande av... 1083/1998 - Ursprungliga författningar - FINLEX ® (дата обращения : 09.04.2023)
6. Laki Rikosseuraamusalan koulutuskeskuksesta. – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) 1316/2006 Закон об Учебном центре по уголовным санкциям (дата обращения : 06.04.2023)
7. Vankiloiden henkilökuntaan kohdistuva väkivalta ja väkivallan uhka työväkivallasta ja siihen liittyvistä tilannetekijöistä suomen vankiloissa. - Sosiologian pro gradu -tutkielma 16.4.2002 Ilppo A. Alatalo. – S. 75-76. – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) (дата обращения : 06.04.2024)
8. Helsingin yliopisto. Valtiotieteellinen tiedekunta Vankiloiden henkilökuntaan kohdistuva väkivalta ja väkivallan uhka työväkivallasta ja siihen liittyvistä tilannetekijöistä suomen vankiloissa. Sosiologian pro gradu -tutkielma 16.4.2002 Ilppo A. Alatalo. – S. 76. – URL: Microsoft Word - Graduvalmis.doc (rskk.fi) (дата обращения : 06.09.2024)
9. Länsi - Suomen rikosseuraamusalueen. Satakunnan vankilan koulion osaston järjestyssaanto 1.2.2014. – URL: Koulion_jarjestyssaanto_01022014_lukien.pdf (rikosseuraamus.fi).
10. Virka-aseet pysyvät vankiloissa. – URL: Табельное оружие остается в тюрьмах | Yle (дата обращения : 09.04.2024)

Velikaya O. C. Use of firearms and other means of defence by prison officers in Finland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 7–10.

The article is devoted to the study of the issues of legal regulation of the use of various means of defence by prison officers in Finland in general and firearms in particular. The basic norms establishing the presence of armament and its use in penitentiary institutions are revealed, the basic of which is the decree from February, 17th, 1950 about penitentiary institutions, issued in its change and addition normative acts, in particular the decision of the Ministry of Justice from March, 17th, 1980 about armament of Penitentiary Service, and its cancellation in 1990. At the same time, firearms (state or personal) continue to be used for official purposes.

Keywords: use, firearms, means of defence, penitentiary institutions, law, Finland.

УДК 340.13

МЕХАНИЗМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ И ОБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Головкин Р. Б.

*Юридический институт Владимирского Государственного Университета им. А.Г. и Н.Г.
Столетовых (ВлГУ)*

Статья посвящена исследованию механизма юридической идентификации субъектов и объектов правоотношений. В процессе исследования устанавливается сущность и особенности юридической идентификации индивидуальных субъектов и идентификация объектов правоотношений. Анализ законодательства и юридической практики позволил сформировать концепцию механизма юридической идентификации, что позволило выявить достоинства и недостатки правового регулирования идентификации субъектов и объектов правоотношений. В результате проведенного исследования предлагается авторская дефиниция юридической идентификации субъектов и объектов правоотношений, вносятся предложения в законодательство, направленные на совершенствование исследуемого процесса.

Ключевые слова: правосознание, юридическая идентификация, идентификация права, идентификация субъектов правоотношений, идентификация объектов правоотношений, паспортизация, идентификационная маркировка товаров и животных, идентификатор.

Идентификация важная часть процесса правового регулирования, т.к. на основе способности к идентификации окружающей действительности, том числе правовой, человек вступает в правовые отношения, становится их субъектом. Для адекватного участия личности в правоотношениях государство устанавливает в законодательстве ряд специальных идентифицирующих маркеров, с помощью которых происходит распознавание юридической действительности.

Идентификация, индивидуальных субъектов и объектов правоотношений, представляет собой определенный механизм человеческого мышления, так или иначе, основанный на правовых регуляторах. Иными словами, данные средства мыслимой реальности – часть правосознания индивида. Известно, что правосознание, состоит из трех частей: сознательной части (правовой идеологии), неосознанной (правовой психологии) и предповеденческих элементов (установки и готовность к действию). Эти три части правосознания участвуют в идентификации субъектов и объектов правоотношений на основе правовых норм и последующей их реализации в правовом поведении, неравномерно. Для правовой идентификации субъектов и объектов правоотношений необходима исходная правовая информация, содержащаяся в субъективных образах индивида. Эта информация существует относительно обособленно от имеющейся правовой информации, существующей в реале. Исходная субъективная правовая информация это, не что иное, как идеологическая часть правосознания, содержащая определенный набор представлений о праве, регулирующем поведение субъектов и правовой статус объектов правоотношений. Существующий мыслимый правовой образ субъектов и объектов правоотношений может отличаться в зависимости от уровня образования и профессии, кроме того, это уровень может отличаться и от реально существующего правового регулирования.

Уровень личной идеологической части правосознания при правовой идентификации субъектов и объектов правоотношений, может «подгружаться» информацией о реально существующем и действующем праве, реализуя гносеологическую функ-

цию правосознания. Отсюда проявляются два кластера правовой информации личностный (субъективный) и реальный (относительно объективный). Эти потоки пересекаются в правосознании на основе идентификации самого права, формируя оценочную функцию правосознания. На основе идентификации права, в процессе корреляции субъективного и объективного кластеров правовой информации о субъектах и объектах правоотношений (впрочем, данной корреляции может и не происходить в связи с особенностями личности субъекта идентификации права) производится оценка идентифицируемого правового регулятора и формы (степени) его воздействия на объекты и субъекты правоотношений.

На основе произведенной идентификации права формируется новая целостность идеологической части правосознания, направленная на правовую идентификацию субъектов и объектов правоотношений. Далее, через психологическую часть правосознания формируется установка на готовность действовать в правовой сфере самим субъектом, идентифицирующим право. На базе состоявшейся правовой идентификации объектов и субъектов правоотношений формируется образ должного поведения этих субъектов и оценка правового состояния идентифицированных объектов правоотношений. В связи с рассмотренным механизмом идентификации права можно заключить, что идентификация самого права, это первый этап любого вида юридической идентификации [14].

Процесс юридической идентификации субъектов правоотношений осуществляется, как правило, документарным способом с использованием материальных бумажных носителях информации или в цифровой форме.

Материальная форма идентификации личности уходит конями в глубокую древность и существует по сей день (от металлических пластин и пергамента, до современных бумажных носителей информации). Согласно закону «Об информации, информатизации и защите информации» (N 24-ФЗ, 20.02.95), документированная информация (документ) – это информация, зафиксированная на материальном носителе с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать [4].

Основной идентификатор личности в бумажной форме – это паспорт гражданина. В соответствии Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» Паспорт гражданина Российской Федерации является основным документом, идентифицирующим личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации [10, р.1].

При этом помимо основного документа гражданина РФ существует еще целый ряд личностных идентификаторов в бумажном варианте, например, карточка со страховым номером индивидуального лицевого счета (СНИЛС). Данный идентификатор оформляется на карточке и представляет собой – уникальный номер индивидуального лицевого счета, используемый для обработки сведений о физическом лице в системе индивидуального (персонифицированного) учета, а также для идентификации и аутентификации сведений о физическом лице при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций [3, s.1].

Кроме того, в качестве личностных идентификаторов на бумажном носителе можно отметить идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) [2, st. 84, p.7], Полис обязательного медицинского страхования (ОМС) [5].

С развитием цифровых технологий многие идентификаторы индивидуальных и коллективных субъектов правоотношений переходят в цифровую форму (электронная паспортизация, электронные трудовые книжки, цифровые СНИЛС и ОМС, цифровые базы дактилоскопии и генетических профилей и т.д. [5] Но на этом пути имеются помимо чисто технических проблем, множество юридико-технических недостатков и коллизий.

Так, например, принятый 29.12.2022 и вступающий поэтапно в юридическую силу с 2023, по 2027 г. Федеральный закон от 29.12.2022 N 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» устанавливает правовое регулирование регулирует отношения, возникающие при осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных [6]. Представляется, что некоторые положения данного закона представляются дискуссионными.

В п. 6 ст. 2 этого закона закреплена норма-дефиниция понятия «идентификатор», которое рассматривается как – уникальное обозначение сведений о лице, необходимое для определения такого лица. С точки зрения юридической техники формирования правовых понятий представленная редакция проявляет несоответствие термина, обозначающего определенный объем понятия. Термин «идентификатор» сформулирован шире нежели объем заложенного смысла нормы, т.к. идентификатор может принадлежать не только физическому, но и юридическому лицу, а также к какому-либо объекту. Кроме того, в тексте определения, также, целесообразно уточнить, что данное понятие касается физических лиц. Следовательно, указанный термин предположительно должен звучать как «*юридический идентификатор физического лица*».

Имеет видимые юридико-технические изъяны и закрепление в законе понятия идентификации (п.7. ст. 2 ФЗ-572). Так, в законе устанавливается, что Идентификация – совокупность мероприятий по установлению сведений о лице и их проверке, осуществляемых в соответствии с федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, и сопоставлению данных сведений с идентификатором [6]. Думается, что и в этом случае, термин шире изложенного определения в норме п. 7 ст. 2, т.к. идентификация, это распознавание объектов субъектов, явлений, процессов и самого права. Следовательно, необходимо рассматриваемый термин рассматривать как *юридическую идентификацию физического лица*.

В связи с приведенным суждением, предлагаю новую редакцию п. ст. 2 ФЗ-572 «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». *Идентификация физических лиц – это регулируемый правовыми нормами порядок определения сущностных свойств и индивидуальных особенностей участников и правоотношений на соответствие необходимым качествам, установленным законодательством и сопоставлению данных сведений с идентификатором.*

Предлагаю дополнить п. 4. ст. 3, где фиксируется перечень обрабатываемых видов биометрических персональных данных п. 4.3 следующего содержания: «*иные персональные данные определяемые законодательством*».

Также, представляется, что развитие технических средств идентификации личности ее варианты могут быть законодательно расширены. Тем более, данное положение согласуется с нормой п. 20 статьи 3 настоящего закона, где закреплено, что законодательством Российской Федерации при осуществлении идентификации и (или) аутентификации с использованием биометрических персональных данных физических лиц должна быть осуществлена дополнительная аутентификация физического лица способами, установленными законодательством Российской Федерации [6]. В качестве увеличения объема используемых технических средств идентификации целесообразно дополнить ст. 2 п. 12. нормой-дефиницией, закрепляющей понятие, обозначаемого термином «мониторинг региональных сегментов единой биометрической системы», который употребляется в п.19. ст. 5 настоящего закона, без раскрытия объема понятия им обозначаемого.

В качестве юридико-технической погрешности, влияющей на обеспечение прав и свобод человека следует отметить некорректную формулировку ч.1 статьи 9 рассматриваемого закона «Осуществление идентификации с использованием единой биометрической системы» которая противоречит нормам Конституции РФ. Так, в ч. 1 ст. 9 ФЗ-572 устанавливается возможность идентификации физического лица без его личного участия [6, с. 9 р.1], вместе с тем, согласно ч.1 ст. 24 Конституции РФ «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [1].

В целом, не смотря на определенные погрешности и юридико-технические недостатки рассмотренный Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных» является важным шагом в правовом регулировании цифровой идентификации физических лиц – субъектов правоотношений.

В дополнение к современному правовому регулированию идентификации субъектов правоотношений целесообразно отметить Указ Президента РФ от 18.09.2023 N 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий». В данном правовом акте устанавливается возможность гражданам предоставлять государственные и муниципальные органы документы (в т.ч. удостоверяющие личность) в электронной форме с использованием мобильного приложения федеральной государственной информационной системы "Единый портал государственных и муниципальных услуг», при этом, предоставленные документы приравниваются к документам, представленным на бумажном носителе (п. 1 Указа...) [9]. Юридическим лицам предоставлено право осуществлять получение и (или) проверку сведений, представленных с использованием мобильного приложения (п. 4 Указа...) [9]. В связи с указанными обстоятельствами, думается, что требуется дополнительное правовое регулирование работы юридических лиц по идентификации физических субъектов правоотношений, чтобы минимизировать возможные нарушения прав человека в данной сфере общественных отношений.

Идентификация объектов правоотношений регулируется комплексно ее можно подразделить на *идентификацию товаров и живых объектов* правоотношений.

Идентификация товаров, на сегодняшний день, в основном регулируется постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2019 г. N 1956 «Об утверждении Правил маркировки товаров легкой промышленности средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении товаров легкой промышленности» с изменениями внесенными постановлением Правительства РФ от 13.11.2023. №1899. Данный правовой акт утвердил «Правила маркировки товаров легкой промышленности средствами идентификации» в п. 2 Правил, фиксируется понятие маркировки товаров рассматриваемое как нанесение средств идентификации на потребительскую упаковку, или на товары, или на ярлык, или на этикетку, а в случае сформированного при производстве товаров набора, потребительская упаковка которого не может быть вскрыта без повреждения, регистрация в информационной системе мониторинга кода идентификации, входящего в состав набора, без нанесения соответствующего средства идентификации на потребительскую упаковку товара, входящего в состав этого набора, или на товар, или на ярлык, или на этикетку, располагаемую на такой потребительской упаковке [11].

Животные как объекты правоотношений также подлежат идентификационной маркировке. Основным правовым актом, регламентирующим данный вид идентификации, это закон РФ «О ветеринарии», который предусматривает «Ветеринарные правила осуществления идентификации и учета животных» (статья 2.5) [8]. Сами правила и перечень видов животных, подлежащих идентификационной маркировке закреплены Приказом Минсельхоза России» [12]. Животные подлежат маркированию, идентификации и учету в целях: выявления источников и путей распространения возбудителей заразных болезней животных; предотвращения распространения заразных болезней животных, предотвращения выпуска в обращение продукции животного происхождения не соответствующей установленным требованиям. Согласно законодательству идентификационное маркирование представляет собой прикрепление к телу животного, нанесение на тело животного, закрепление на теле животного или введение в тело животного средства идентификации [12].

В целом идентификация животных как объектов правоотношений в достаточной степени урегулирована правом, тем не менее, имеются перспективы развития правового регулирования этой группы правоотношений в связи с развитием средств идентификации [13]. Думается, что необходимо установить на законодательном уровне полномочия по идентификации и учету животных, кроме того, следует отразить в законодательстве механизм идентификационной маркировки животных.

В целом подводя итог исследованию юридической идентификации необходимо отметить следующие закономерности данных процессов.

Во-первых, юридическая идентификация субъектов и объектов правоотношений представляет процесс определения особенностей установления характеристик личности как субъекта правоотношений, а также порядок проявления объектных свойств товаров и животных на соответствие необходимым качествам установленным законодательством.

Во-вторых, идентификацию физических лиц можно рассматривать как регулируемый правовыми нормами порядок определения сущностных свойств и индивидуальных особенностей участников и правоотношений на соответствие

необходимым качествам, установленным законодательством и сопоставлению данных сведений с идентификатором.

В-третьих, механизм юридической идентификации индивидуальных субъектов и объектов правоотношений представляет собой установленную законодательством систему форм, средств и методов с помощью которых происходит установление тождества личности, товара, либо животных установленным стандартам субъекта, либо объекта правоотношения на основе правовых идентификационных маркеров.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Официальный интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) "Собрание законодательства РФ", N 31, 03.08.1998, ст. 3824.
3. Федеральный закон от 01.04.1996 N 27-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования" (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (Обращение к ресурсу: 06.12.2023).
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 31 (Ч. 1). – Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 19.12.2022) "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 06.12.2010, N 49, ст. 6422.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. N 572-ФЗ "Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // Российская газета <https://rg.ru/documents/2023/01/09/document-identifikaciya.html> (Обращение к ресурсу: 05.12.2023).
7. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. N 572-ФЗ "Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // Российская газета <https://rg.ru/documents/2023/01/09/document-identifikaciya.html> (Обращение к ресурсу: 05.12.2023).
8. Закон РФ от 14.05.1993 N 4979-1 "О ветеринарии" / с изм. внесен. Федеральным законом от 28.06.2022 № 221-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // Российская газета <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280083> (Обращение к ресурсу: 18.12.2023).
9. Указ Президента РФ от 18.09.2023 N 695 "О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий" // "Собрание законодательства РФ", 25.09.2023, N 39, ст. 7012.
10. Положение о паспорте гражданина Российской Федерации // Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 N 828 (ред. от 15.07.2021) "Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2022) <http://pravo.gov.ru> (Обращение к ресурсу: 06.12.2023).
11. Постановление Правительства от 31 декабря 2019 года N 1956 «Об утверждении Правил маркировки товаров легкой промышленности средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении товаров легкой промышленности» // <https://docs.cntd.ru/document/564110764> (Обращение к ресурсу: 14.12.2023).
12. Приказ Минсельхоза России от 22.04.2016 N 161 "Об утверждении Перечня видов животных, подлежащих идентификации и учету" (Зарегистрировано в Минюсте России 20.05.2016 N 42199) // <https://fsvps.gov.ru/files/prikaz-minselkhoza-rossii-ot-22-04-2016-n-161-ob-ut> (Обращение к ресурсу: 18.12.2023).
13. Письмо департамента ветеринарии министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 21 марта 2022 года N 25-Р-1739/ог-1595 «Об осуществлении идентификации и учета животных» // <https://docs.cntd.ru/document/350117340> (обращение к ресурсу: 18.12.2023).
14. Головкин Р.Б., Енгибарян М.А. Проблемы и перспективы идентификации права // Вестник ВЮИ ФСИН России. 2024. №1. С. 56-60.

Golovkin R.B. Mechanism for legal identification of subjects and objects of legal relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 11–17.

The article is devoted to the study of legal identification. In the process of research, the essence and trinity of legal identification are established: identification of law, identification of subjects and identification of objects of legal relations. The study of the mechanism of legal identification made it possible to identify the advantages and disadvantages of legal regulation of the identification of subjects and objects of legal relations. As a result, of the conducted research, the author's definition of legal identification is proposed, and proposals are made to legislation aimed at improving the process under study.

Keywords: law, legal identification, identification of law, identification of subjects of legal relations, identification of objects of legal relations, certification, identification marking of goods and animals, identifier.

Spisok literaturey:

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020.
2. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" dated 07/31/1998 N 146-FZ (as amended on 08/04/2023) "Collection of Legislation of the Russian Federation", N 31, 08/03/1998, art. 3824.
3. Federal Law of 04/01/1996 N 27-FZ (as amended on 12/28/2022) "On individual (personalized) accounting in the systems of compulsory pension insurance and compulsory social insurance" (as amended and additionally, came into force from 05/21/2023) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (Resource access: 12/06/2023).
4. Federal Law of July 27, 2006 N 149-FZ (as amended on December 12, 2023) "On information, information technologies and information protection" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (Part 1). – St. 3448.
5. Federal Law of November 29, 2010 N 326-FZ (as amended on December 19, 2022) "On compulsory health insurance in the Russian Federation" // "Collected Legislation of the Russian Federation", December 6, 2010, N 49, Art. 6422.
6. Federal Law of December 29, 2022 N 572-FZ "On the identification and (or) authentication of individuals using biometric personal data, on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and the recognition as invalid of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation" // Russian newspaper <https://rg.ru/documents/2023/01/09/document-identifikaciya.html> (Resource access: 12/05/2023).
7. Federal Law of December 29, 2022 N 572-FZ "On the identification and (or) authentication of individuals using biometric personal data, on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and the recognition as invalid of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation" // Russian newspaper <https://rg.ru/documents/2023/01/09/document-identifikaciya.html> (Resource access: 12/05/2023).
8. Law of the Russian Federation of May 14, 1993 N 4979-1 "On Veterinary Medicine" / as amended, entered. Federal Law of June 28, 2022 No. 221-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Veterinary Medicine" // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280083> (Resource access: 12/18/2023).
9. Decree of the President of the Russian Federation of September 18, 2023 N 695 "On the presentation of information contained in identity documents of a citizen of the Russian Federation using information technology" // "Collected Legislation of the Russian Federation", 09.25.2023, N 39, Art. 7012.
10. Regulations on the passport of a citizen of the Russian Federation // Decree of the Government of the Russian Federation of July 8, 1997 N 828 (as amended on July 15, 2021) "On approval of the Regulations on the passport of a citizen of the Russian Federation, a sample form and description of a passport of a citizen of the Russian Federation" (as amended. and additional., entered into force on 07/01/2022) <http://pravo.gov.ru> (Resource access: 12/06/2023).
11. Government Decree of December 31, 2019 N 1956 "On approval of the Rules for labeling light industry goods with identification means and features of the implementation of a state information system for monitoring the circulation of goods subject to mandatory marking with identification means in relation to light industry goods" // [https:// docs.cntd.ru/document/564110764](https://docs.cntd.ru/document/564110764) (Access to resource: 12/14/2023).
12. Order of the Ministry of Agriculture of Russia dated April 22, 2016 N 161 "On approval of the List of animal species subject to identification and registration" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on May 20, 2016 N 42199) // <https://fsvps.gov.ru/files/prikaz-minselhoza-rossii-ot-22-04-2016-n-161-ob-ut> (Access to resource: 12/18/2023).
13. Letter of the Department of Veterinary Medicine of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated March 21, 2022 N 25-R-1739/og-1595 "On the implementation of identification and registration of animals" // <https://docs.cntd.ru/document/350117340> (appeal to resource: 12/18/2023).
14. Golovkin R.B., Yengibaryan M.A. Problems and prospects for identifying law // Bulletin of the VYUI FSIN of Russia. 2024. No. 1. C. 56–60.

УДК 340.15

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И
ДИСПОЗИТИВНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ПУТЕМ
ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОЕДИНКОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ЭПОХИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Иванченко С. В.

ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено анализу реализации процессуально-правовых принципов состязательности и диспозитивности при разрешении споров путем проведения судебных поединков в Восточной Европе эпохи Средневековья. Проведен анализ восточноевропейских средневековых памятников права, регулирующих процедуру отправления правосудия путем проведения судебного поединка. Проведена систематизация оснований классификации субъектов, участвовавших в судебных поединках, так выделены внеправовое и правовое основание, также обнаружено, что правовое основание содержало в себе также два элемента – принадлежность и свойство. Выявлено, что нормами средневекового права в достаточно значимой степени были развиты принципы состязательности и диспозитивности, при этом, зачастую соблюдение процессуально-правовых принципов часто имело приоритет перед религиозно-сакральным элементом при разрешении споров путем проведения судебных поединков. Также обнаружено, что для норм средневекового права, регулирующих проведение судебных поединков характерно развития принципа равенства сторон. Прослежена эволюция принципа диспозитивности при разрешении споров судебным поединком. Сделан вывод о том, что институт судебного поединка со временем расширял возможности сторон при выборе способа защиты своих прав, в том числе и путем предоставления возможности отказаться от решения спора судебным поединком. Выделены основные предпосылки к исчезновению судебного поединка из процессуально-правовой реальности.

Ключевые слова: Судебный поединок, поле, Божий суд, диспозитивность, ордалии, состязательность, принцип равенства сторон, формализм, представительство, разрешение споров, испытание железом, процессуальная форма.

Одним из юридических способов разрешения споров в средневековой Европе был судебный поединок, представлявший собой часть более обширного процессуально-правового явления, имеющего религиозно-обрядовые корни – «Божьего Суда» (Dei Indicium), второй элемент которого составляли ордалии (испытание раскаленным железом, водой и т. д.).

Ордалии, как средство доказывания, преимущественно применялись в тех случаях, когда существовала необходимость подтвердить либо опровергнуть факт совершения преступления, какого-либо правонарушения, посягавшего на общественную либо государственную безопасность (например, обвинения в убийстве, краже [1] грабеже, разбое, фальшивомонетничестве [2, с. 64] и так далее) при недостаточности доказательств вины обвиняемого либо если суд был готов отвести вину от обвиняемого, если такая вина будет подтверждена соответствующим испытанием. Косвенно значимость признака общественной опасности при проведении ордалий подтверждается тем, что ордалии могли проводиться исключительно с санкции должностного лица, отправлявшего правосудие (так, например, в средневековой Польше правом назначать ордалии имели князь, воевода, каштелян [3, с. 355]) и оценку результата ордалий как

доказательства проводило именно такое лицо — то есть лицо, наделенное сакральными властными полномочиями, в то время как выбор решать ли спор судебным поединком по преимуществу принадлежал сторонам (отметим, что результат поединка также должен был быть засвидетельствован полномочным лицом). К примеру, Псковская судная грамота, довольно широко применявшая институт судебного поединка, указывает лишь на один случай назначения судебного поединка по определению суда — споры о лесных участках в меже двух собственников (статья 10) [4, с. 332], что напрямую указывает на главенство диспозитивного начала, при применении института судебного поединка. Судебный поединок использовался в качестве средства доказывания, как в гражданских, так и в уголовных делах, с целью снятия обвинения с привлекаемого лица либо при недостаточности непосредственных доказательств вины обвиняемого.

Выразительность диспозитивности в ее соотношении с состязательностью, равенством сторон при использовании судебного поединка как способа разрешения споров обращают на себя внимание при исследовании системы принципов процессуального права. Таким образом, диспозитивность и состязательность при отправлении правосудия путем проведения судебного поединка в некоторых странах Восточной Европы в условиях Средневековья составляет объект настоящего исследования.

Основные памятники права, к которым обращено настоящее исследование — это памятники Средневекового права славянских государств Восточной Европы, в особенности Псковская судная грамота, Польская правда (Эльблонская книга), чешский памятник права — Ряд земского права, Судебник Ивана III 1497 г. и Судебник Ивана IV 1550 г.

Приступая к исследованию процессуальных принципов в рамках института судебного поединка, отметим, что если институт ordeals известен более древним источникам права, например, в случае правовой системы Древней Руси, ордалии были закреплены еще в Русской Правде (единственное упоминание судебного поединка в Древней Руси содержится в Мясниковском списке Пространной редакции Русской Правды (ст. 22 — «дати им правду с железом на поле» [6, с. 48]), то институт судебного поединка находит полноценное нормативное выражение только в XIII в. Речь идет о договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., содержащим, например, в статье 10 следующую норму: «Русину же не лзе позвати Немчича на поле [в] Смоленське, ни Немчичю в Ризе [и] на Готьскомь березе. Или Немечьский гость иметься бити межю собою мечи в Руси, или сулицами, князю то не надобе, никакому Русину, ать правяться сами по своему суду.» [7, с. 61].

И. Б. Михайлова исследуя институт судебного поединка в Средневековой Руси приводит множество исторических актов, содержащих нормы, посвященные проведению «поля», так, в числе таких актов называются вышеупомянутые договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Записки о душегубстве 1456-1462 гг., Белозерская уставная грамота 1488 г., Судебники 1497 г. и 1550 г., Домострой и так далее [8, с. 136]. Нельзя не заметить, что перечисленные источники права относятся к Позднему Средневековью, более ранние источники, содержащие нормы о поле, кроме отмеченного выше Мясниковского списка Русской Правды, на русской земле нам неизвестны, отсюда очевиден вывод, что поле более поздний институт по

отношению к ордалиям и, по всей видимости, постепенно сменил последние.

Рассмотрим некоторые из перечисленных источников детальной.

Институт «поля» был значительно развит в Псковской судной грамоте. Псковская судная грамота указывает на право поручения проведения поединка наемному бойцу. Так, в делах об избиении и грабеже, ответчик, который относился к определенной категории (старики, священники, калеки, монахи) мог выставить вместо себя наемника, а истец выставлял своего послуха (свидетеля). Заметим, что послух своего наемника выставить не мог и если послух отказывался принять участие в судебном поединке за истца, то последний считался «недоискавшимся» [4, с. 333]. В торговых спорах ответчик и истец обладали правом как выставять за себя наемных бойцов, так и вступать в поединок сами, в этой части никаких запретов не было [4, с. 335].

Перепоручение участия в судебном поединке наемному бойцу является очевидным примером реализации состязательности в рассматриваемом институте. Так, лицо, обладавшее большим авторитетом либо имевшее большие экономические возможности, могло позволить себе лучшего наемного бойца, либо, при категоричной постановке вопроса вообще могло его себе позволить. Норма Псковской судной грамоты, устанавливающая обязанность истца выставить послуха на поединок для подтверждения своей правоты, при невозможности выступать самому в качестве непосредственного участника поединка демонстрирует очевидную значимость авторитета истца, ведь от того в какой степени послух будет готов поручиться за него, во многом зависит исход дела и если послух откажется от участия, то поединок закончится, так и не начавшись. Нам представляется, что данная норма роднит поле с ордалиями, поскольку предполагается, что за «неправого» истца вряд ли кто-то будет готов поручиться (и пожертвовать своим физическим здоровьем, а может даже и жизнью) и разрешение спора ставится в зависимость от некой неопределимой силы, в данном случае чувства третьим лицом (послухом) правоты истца. Игнорируя до некоторой степени сакральные стороны судебного поединка, предположим, что все-таки состязательные возможности истца и ответчика сводились к их социальному весу и экономическим возможностям, определявшим насколько подготовленного и физически развитого бойца, может выставить сторона. Допустимо провести параллель с современным процессом, в котором результат участия высокопрофессионального, опытного (и, как следствие, высокооплачиваемого) представителя во многом может определить исход дела, однако, если современный процесс также зависит от установления фактической истины и реализации правовых механизмов в соотношении с обстоятельствами дела, то для судебного поединка важны были лишь бойцовские качества лиц, вышедших на «поле» (при соблюдении, конечно, определенных требований ритуального формализма).

На наш взгляд в судебных поединках имеет место несколько элементов-оснований, по которым различались субъекты, принимавшие участие в судебных поединках, основания связанные с личностью стороны и определяющие реализацию различных процессуально-правовых принципов.

Во-первых, это основание внеправовое, а именно потенциал стороны: экономический, социальный, политический либо какой иной. Такой потенциал обеспечивал стороне его имеющей широкие возможности выбора лица, которое бы

его заменило в поединке. Через внеправовой элемент реализовывался принцип состязательности, поскольку от этого элемента зависело, например, какого бойца может себе позволить сторона, какой авторитет сторона имеет в отношении послухов и так далее.

Второе основание – правовое, которое выражается в правовом статусе лица, являющегося стороной спора, о таком статусе мы говорим, если на него прямо указывает та или иная норма законодательного акта.

В свою очередь, правовой статус содержит в себе две категории, которые мы обозначим как принадлежность и свойство. Под принадлежностью мы понимаем классовый статус лица, то есть является ли лицо аристократом, рыцарем, священнослужителем, свободным лицом низкого происхождения, холопом, истцом, ответчиком и так далее. При этом также необходимо различать принадлежность от рождения (высокое или низкое происхождение) и принадлежность по роду занятия (священнослужитель, рыцарь, чиновник и так далее). К свойствам мы относим такие признаки как пол, возраст, наличие признаков инвалидности, национальную принадлежность и другое. Принадлежность скорее содержит в себя смешение принципов состязательности и равенства сторон, поскольку, во-первых, от различия положения часто зависел выбор оружия, а во-вторых, право выставить наемника, свойство же соотносится с принципом равенства сторон, поскольку от пола, возраста, наличия инвалидности зависел порядок проведения судебного поединка либо вообще ставился вопрос о возможности его проведения и соответственно этим снижались очевидные преимущества более сильной стороны.

Перейдем к анализу рассматриваемых в настоящем исследовании памятников права.

Первым рассмотрим чешский памятник права XIV в. – «Ряд земского права».

Нормами «Ряда земского права» для высшего по рождению лица установлено два возможных пути решения спора при переходе к судебному поединку, если это лицо вызвано ответчиком низшим по рождению. Во-первых, это подтверждение невиновности посредством принесения присяги на кресте, при этом реализовался заимствованный принцип германского права «сам-седьмой», в соответствии с которым присяга о невиновности лица должна быть также принесена шестью свидетелями (а ответчик завершал эту процедуру, будучи седьмым присягающим). Если все шесть свидетелей подтверждали невиновность ответчика, то истец утрачивал иск, при этом, по всей видимости, присяга должна была иметь вид формулы от правильности произнесения, которой также зависел исход дела и, если один из свидетелей ошибался в произнесении такой формулы ответчик признавался виновным. Данного рода правило мы можем наблюдать, к примеру, в статье 26 Ряда земского права: «А если бы низший (по рождению) высшего, то есть, владыка шляхтича, позвал к суду за убийство; если этот ответчик оградил свое право перед жалобой раньше, нежели на него жалоба вышла, или ему его речник это оговорил, сказав: «Если придется на поединке биться, то он не хочет, так как истец ниже его по рождению», тогда этот ответчик должен доказать свою невиновность присягой на кресте сам-седьмой; и если все кончили присягу благополучно, то должен освобожден быть, и если бы один только ошибся, тогда ответчик свой иск теряет.» [9].

Во-вторых, это, собственно, проведение судебного поединка по общим правилам.

Почти аналогичная ситуация складывалась если истцом было лицо высшего происхождения, однако, судя по нормам рассматриваемого источника, присягу, в таком случае должны были давать и истец, и ответчик (статья 27) [9].

Своеобразные правила судебного поединка установлены, если истцом была женщина, чей муж или родственник был, по ее мнению, убит ответчиком. В таком случае, ответчик (под которым понимается мужчина) должен был находиться по пояс в яме и сражаться таким способом, место поединка обносилось оградой, за которую истица не имела права выходить, а ответчик не имел права покидать яму [9].

«Ряд земского права» наглядно иллюстрирует возможности реализации диспозитивности и состязательности в судебном поединке путем подробного, почти казуального описания правил их проведения доводя судопроизводство почти до правового пуризма. Так, вызов на поединок был крайне формализован и при этом на всех подготовительных стадиях предоставлял сторонам различные пути для того, чтобы избежать непосредственного столкновения, в том числе путем соблюдения строгих речевых формул и ритуалов (присяга на кресте, удары полый кафтана, вставание на колени и так далее) либо отказа от их соблюдения. Любая из сторон могла избрать иной путь решения спора, например, путем принесения вышеописанной присяги. Состязательность же, в несколько наивной форме, явлена в случае поединка между женщиной и мужчиной, по возможности поставленных в равные условия. Однако судя по обязанности женщины отправлять поединок с мужчиной, «Ряду земского права» не был знаком институт «представительства», как, например, Псковской судной грамоте и состязательность явлена здесь в иной форме – в форме непосредственной состязательности.

Эльблонгская книга, также известная как Польская правда, древнейший свод польского обычного права, созданный около XIII в. также, содержит любопытные нормы относительно института судебного поединка. Эльблонгская книга по предположениям исследователей была создана для чиновников Тевтонского ордена, управлявших польскими землями и использовавших польское право по принципу правосубъектности [10]. Любопытной особенностью Польской правды является то, что судебный поединок по преимуществу назначался судьей, а не инициировался сторонами. Так, ответчик, который не мог подтвердить свою невиновность свидетельскими показаниями был обязан биться на поединке. При этом Польская правда, как и рассмотренные ранее источники, различает статус принадлежности сторон, что сказывается на выборе оружия, используемого во время поединка. Кметы обязаны биться дубинами, а рыцари мечами, однако, если истец – кмет, а ответчик – рыцарь выбор оружия падает на мечи, если же стороны представлены обратным образом, то оружием являлись дубины [11]. Лицо, обвиняемое в государственной измене, могло испросить разрешения взамен поединка, принести присягу, однако, в таком случае обвиняемый обязан был предоставить одиннадцать свидетелей своей невиновности [12].

Случаев, когда сторона могла поставить своего представителя было несколько. Во-первых, когда обвинителем выступает князь. В таком случае князь мог приказать любому из своих людей биться с обвиняемым, а также мог привлечь свободного человека к поединку. Во-вторых, когда собственник земли, на которой сидят кметы, выдвигает обвинение к своему кмету, в таком случае обвинитель имеет право

приказать любому из своих кметов выйти на поединок с обвиняемым [11]. Этими случаями Польская правда ограничивает возможности представительства на судебном поединке.

Как мы видим, в представленных двух случаях возможности «судебного представительства» при проведении судебного поединка довольно ограничены, равно как и право сторон выбирать способ разрешения спора. Соответственно, возможности состязательности и диспозитивности в Польской правде также ограничены. Интерес с этой точки зрения представляет лишь выбор оружия, которым будет отправляться поединок. Полагаем, что выбор оружия мог быть обусловлен отсутствием цели нанесения ранений, не совместимых с жизнью, что можно исключить в случае, если более смертоносное оружие – меч, находится в руках более умелого бойца – рыцаря, в случае же спора лиц с разным статусом, предпочтение отдавалось оружию истца, что на наш взгляд обусловлено уже сакральной стороной Божьего суда, поскольку, несколько упрощая, невиновный выстоит против любого оружия. В более поздние времена, лица низкого происхождения были лишены права вступать в поединок с лицами благородного происхождения, рыцарями, окончательно это было закреплено в 1423 г. с принятием королем Владиславом II Ягеллоном Вартского статута [12, с. 16-18].

Польская правда устанавливала правило, согласно которому, в случае если во время судебного поединка оружие выпадало из руки одного из соперников, то второй соперник ожидал пока его оппонент поднимет оружие или ему его подадут. Здесь можно усмотреть некоторого рода отхождение от принципа «божественного вмешательства», характерного для ордалий, выпавшее оружие могло бы быть рассмотрено как указание сверхъестественных сил на неправоту лица, потерявшего оружие, тем не менее законодатель шел скорее по рациональному пути, исключая какое-либо вмешательство, в том числе и вмешательство «божественного» исходя из принципа «равные противники на равных условиях». Очевидно, что законодатель осознавал необходимость такой модели реализации данного института, вызванную, во-первых, значимостью соблюдения принципов равенства сторон и состязательности, а во-вторых важностью правовой определенности, которая могла быть реализована при наглядном соблюдении равенства сторон и состязательности, тем самым исключая возможность истолкования суда как суда несправедливого, нечестного, в котором сторона, выронившая оружие могла быть ранена и/или считаться проигравшей. Поединок в соответствии с Польской правдой длился пока одна из сторон не провозглашала себя проигравшей или ее не признает таковой наблюдающий за поединком судья.

В случае, если сторона не была в состоянии принимать участие в судебном поединке, то, согласно Польской правде, такая сторона проходила испытание железом – испытание «железом на земле» (*examen vomerum*) либо испытание «железом в руке» (*ferrum manuale*) [11]. Лицо, проходившее *examen vomerum*, обязано было встать на раскаленные лемехи шириной со стопу человека, разложенные на расстоянии трех шагов, испытуемого, проходящего по раскаленному железу, поддерживали с двух сторон. При *ferrum manuale* испытуемый должен был три шага пронести в руке раскаленный кусок железа, а виновность его устанавливалась в случае, если он выронил раскаленное железо либо, таким же образом, как и при *examen vomerum*, заживление ран от ожогов не шло успешно.

Рассмотрение дела не откладывалось в связи с невозможностью провести в назначенный день судебный поединок, дело рассматривалось *hic et nunc* и процесс лишался состязательности, поскольку поединок тут же заменялся ордалией в виде испытания раскаленным железом. Допустимо предположить, что при испытании железом своеобразный элемент состязательности состоял в том сможет ли испытуемый выдержать такое испытание, но поскольку ордалия также состояла в последующем осмотре ран, полагаем, что говорить в этом случае о состязательности не приходится. В целом, такое положение вещей позволяет говорить о том, что польский средневековый процесс все-таки тяготеет к минимизации состязательности, при том, что ее элементы в таких институтах как судебный поединок однозначно присутствовали, однако в большинстве иных процессуальных институтов о состязательности не идет речи.

Вернемся к рассмотрению русских правовых памятников, регулировавших процедуру отправления правосудия путем проведения судебного поединка.

И. Б. Беляев выделил значимые отличительные признаки полевого поединка по Псковской судной грамоте: 1) крестоцелование (присяга); 2) наличие института наемных бойцов (последнее запрещалось если обе стороны были женщинами); 3) засвидетельствование поединка представителем власти (княжеский, земский пристав, взимавшие плату за организацию поединка с проигравшей стороны); 4) «правая» сторона, кроме иска, могла взять с побежденного «все то, в чем он вышел на бой» [13, с. 440].

Все перечисляемые элементы, в целом характерны для общеевропейской правовой реальности эпохи Средневековья.

Крестоцелование являло собой один из вариантов той формально-сакрализирующей процедуры, которую мы наблюдаем в средневековых Чехии и в Польше при отправлении судебного поединка. Данная процедура, а скорее ритуал, в силу того, что зачастую, в рамках судебного поединка, не несли в себе никакого влияния на исход процесса, служили для разделения процессуального и внепроцессуального пространства, посредством ритуала каждая из сторон выходила из сферы профанного и входила в сферу сакрального — окончание ритуала, причем, в некоторых случаях только при правильном его проведении, легитимизировало проведение судебного поединка и его результат. Об этом же свидетельствует то обстоятельство, что для законности проведения судебного поединка по Псковской судной грамоте требовалось присутствие княжеского и городского приставов [13, с. 440], что, вероятно, дополнительно легитимизировало институт «поля».

В целом, Псковская судная грамота отличается от иных рассмотренных правовых источников тем, что более рационально реализует состязательность и равноправие сторон при отправлении правосудия путем проведения судебного поединка и содержит более рациональный подход к формализации процесса. Это обусловлено скорее тем, что Псковская судная грамота хоть и учитывает сословные различия, тем не менее предоставляет сторонам допустимо, с учетом таких различий, равные права не устанавливая дополнительных, иной раз сложно объяснимых рациональными причинами, формальностей, которые устанавливают чешский Ряд земского права либо Польская правда.

Упоминание о судебном поединке содержит также Новгородская судная грамота в статье 6 [14, с. 301], однако данное упоминание настолько незначительно, что

можно говорить лишь о том, что институт «поля» использовался в Новгородской Республике, но не более того. В последующих российских правовых памятниках мы также не находим такого детального регулирования института «поля», какое мы наблюдаем в Псковской судной грамоте. Так в «Записи, что тянет душегубством к Москве» мы встречаем «А у поля ему вяжщего треть, а пересуда треть же, да что посулять» [15, с. 168], что, как отмечает И. Б. Михайлова «[...] свидетельствует об организации главным московским судьей полевых поединков» [8, с. 140], проводившихся, по мнению М. Н. Тихомирова на площадке у церкви Троицы, находившейся в Китай-городе у места, где «[...] стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову.» [16, с. 176]. В Уставной грамоте 1488 г., данной Иваном III жителям Белозерского края, мы встречаем упоминание о судебном поединке при установлении порядка расчета взимаемой пошлины, а также на то, что судебный поединок свершается Божьим приговором: «... а побьются на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны и з доводчики» [15, с. 172].

Судебные поединки в многих русских землях были широко распространенным явлением, хотя, как мы видим не всегда законодатель уделял им хоть какое-нибудь внимание в нормативно-правовых актах. Так, сохранились многочисленные сведения о проведении поединков в Рязанской земле во второй половине XV в. [17, с. 14-15], в Белозерской земле также во второй половине XV в. [18, с. 9, 11], во Владимирском уезде [19, с. 15], в Муромском уезде [19, с. 193] и в Нижегородском уезде [20, с. 159-160] в первой половине XVI в. Тем не менее говорить о достаточной нормативной проработанности либо о нормативной проработанности вообще в отношении института судебного поединка не приходится (за исключением Псковской судной грамоты) вплоть до принятия Судебника 1497 г.

Судебник 1497 г. предусматривал три варианта завершения судебного поединка: 1) доведение процесса до судебного поединка с примирением, не приступая к поединку; 2) примирение в ходе судебного поединка; 3) завершение судебного поединка победой одной из сторон. Судебник различал также обвинения в преступлениях различной социальной значимости в целях проведения судебного поединка, так, например, за «заемное дело» поединок не облагался «полевой» пошлиной, место проведения поединка не ограждалось, а судебные агенты не следили за порядком, в противоположность «полю» проводимом по делам об убийствах, поджогах, разбое или татьбе. Судебник содержал указание на возможность представительства, причем представительство было обязательным или факультативным. Так, в соответствии со статьей 48 Судебника, если послух истца давал показания в пользу последнего по делам о нанесении вреда здоровью, грабеже или долговых обязательствах, ответчик, не признающий своей вины, обязан был биться с послухом истца [21, с. 56]. Также ст. 49 Судебника 1497 г. указывает, что в случае, если ответчик, которому предстоит биться с послухом, слишком стар, мал, увечен, а также если он является священнослужителем, он имел право выставить вместо себя наемника (примечательно, что послух, вне зависимости от его свойства или статуса, таким правом не обладал).

В целом проведение судебного поединка в России в конце XV в. – начале XVI в. отмечается крайней степенью диспозитивности, состязательности и даже в некоторой степени характеризуется как хаотичное. Так, посол Священной Римской

империи С. Герберштейн, посетивший в 1517 г. Россию пишет о том, что участники судебного поединка используют любое оружие, кроме пищаля и лука, причем иногда стороны вооружены сразу несколькими видами оружия, а «у каждой из сторон есть много друзей и сторонников, зрителей на поле боя, но у них нет никакого оружия кроме кольев, которые иногда и пускаются в ход.» [22, с. 120].

Судебник 1550 г. также детально регулировал институт «поля», вобрав в себя многие нормы Судебника 1497 г., при этом законодатель учел несколько значимых, ранее не урегулированных обстоятельств. Во-первых, Судебник 1550 г. устанавливал обязательное присутствие на месте поединка стряпчих и поручителей истца и ответчика, с запретом последним иметь при себе хоть какое бы то ни было оружие. Во-вторых, Судебник установил запрет на судебный поединок «бойца» с «небойцом», то есть профессиональные бойцы могли вступать в поединок с такими же профессионалами, единственное исключение было только в том случае, если «небоец» будет настаивать на поединке с профессиональным оппонентом.

Очевидно, что первая норма, устанавливавшая запрет на наличие у наблюдателей поединка оружия, была направлена на исключение возможного их вмешательства в процедуру, что нарушило бы, во-первых, процессуальную форму, а во-вторых, в случае признания легитимности такого поединка, привело бы к нарушению ряда иных процессуальных принципов. Вторая приведенная норма, очевидно, преследовала цель создания для сторон равных условий отправления поединка. Все это свидетельствует в пользу осознания законодателем того времени значимости принципов состязательности и равенства сторон.

Как отмечает И. Б. Михайлова: «Протесты духовенства, а также губная реформа, сопровождавшаяся переходом от состязательного процесса к розыску ... обусловили отмену поля в делах о поджогах, убийствах, разбоях, грабежах, избияниях, татьбе, займах. В прочих делах истец и ответчик имели право биться друг с другом только по обоюдному согласию» [8, с. 146]. Постепенно значимость судебных поединков снижалась, так, например, Приговор о губных делах 1556 г. содержит указание на возможность отказа от проведения судебного поединка с заменой его на крестоцелование [20, с. 144-145].

Нормы закрепленные в Судебниках 1497 г. и 1550 г., свидетельства современников, в том числе приводимого выше С. Герберштейна, указывают на то, что судебный поединок в Московском царстве имел все признаки полной (насколько это можно говорить о соответствующей эпохе) реализации принципов состязательности, равенства (реализуемой, например, через возможность выставять наемников, запрет на ношение оружия у наблюдателей поединка, поединок между предположительно физически равными соперниками и т. д.) и принципа диспозитивности (свобода выбора оружия, а в более поздние времена - замена поединка крестоцелованием и т. д.).

Таким образом, считаем возможным утверждать, что судебный поединок являл собой хоть достаточно своеобразный процессуальный институт, однако в нем были явлены в достаточной степени принципы состязательности, равенства сторон и диспозитивности и говорить о нем как о крайне архаичном и внеправовом способе разрешения споров нельзя, хотя вопрос об установлении фактической истины здесь решался неоднозначно.

Судебный поединок по своей сути был единственным «Божьим судом», в

котором принимали участие обе стороны процесса. Более того, единственным «Божьим судом», в котором вызванная сторона имела хоть какое-нибудь влияние на результат пробы, хоть это естественным образом зависело также и от уровня владения стороной процесса оружием.

Впоследствии в русских землях судебный поединок прекратил свое существование. В Польше и Чехии, после проведенного в 1215 г. IV Латеранского собора и осуждении Папой Римским Григорием XI в 1373 г. положений саксонского и магдебургского права регулировавших вопросы проведения ордалий, судебный поединок постепенно запрещался [5] и преобразовывался в поединок чести — поначалу привилегию аристократии, впоследствии распространившуюся на все слои населения. Поединки чести довольно быстро были объявлены вне закона [23]. Польские законодательные акты XVI века, в том числе акты военного уголовного права, ввели не только наказание за поединок, но также преследовали сам факт вызова на поединок [24, с. 150], причем даже вызов на поединок в войске наказывался смертной казнью [25, с. 121].

Со временем забытый институт судебного поединка, будучи привнесенным из Европы, с существенными изменениями вновь возродился в России, но уже в виде запрещенной законом дуэли.

Предпосылок к тому, что судебный поединок прекратил существование как процессуально-правовой способ разрешения споров множество. Среди основных можно отметить негативное отношение к данному институту православного и католического духовенства, игравшего в то время, когда судебный поединок претерпевал существенные процессуальные изменения, существенную роль в жизни общества и государства. Расширение процессуально-правовых возможностей, развитие способов доказывания, иных способов защиты прав также повлияли на упадок данного института в Европе. Для России же, при том, что судебный поединок как способ разрешения споров пользовался здесь крайней популярностью, основной предпосылкой, по нашему мнению, был переход от состязательного процесса к следственному процессу. Отметим также, что нельзя утверждать, что судебный поединок в своем существе устарел для общества и, в связи с этим, перестал использоваться и в судопроизводстве, поскольку со временем данный институт возродился в институте дуэли, которая как известно стала крайне распространенным явлением. Соответственно, если можно допустить, что судебный поединок устарел в качестве правового механизма, то говорить о том, что он также устарел как социальный институт нельзя. Все отмеченные предпосылки, в своей совокупности и привели к исчезновению процессуального института судебного поединка.

Список литературы:

1. Русская Правда (Пространная редакция) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 18.02.2024). – Текст : электронный.
2. Нортгэмптонская ассиза (1176 г.)// Памятники истории Англии XI—XIII вв. / Перевод и введение акад. Д. М. Петрушевского. — М.: Госоцгиздат, 1936. — С. 64–69.
3. Winiarz A. Sądy boże w Polsce // Kwartalnik historyczny. - 1891. - S. 290-313.
4. Псковская судная грамота/Российское законодательство X-XX веков в девяти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси / Под ред. О. И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
5. См. Szymczak J. Pojedynki sądowe, czyli rzecz o sądzie bożym w Polsce Jagiellonów // Studia z dziejów Państwa i Prawa Polskiego. - Kraków: Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 1999. - S.

157-166.

6. Любимов В.П. Списки Правды Русской // Правда Русская. Т. I. Тексты. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 505 с.
7. Памятники русского права. – М.: Госюриздат, 1953. – Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII – XV вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин – 443 с.
8. Михайлова И. Б. Полевой поединок – норма права в средневековой Руси // История повседневности. – 2016. - №1. - С. 136-152.
9. РЯД ЗЕМСКОГО ПРАВА - ORDO JUDICII TERRAE // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/XIV/Rjad_zemskogo_prava/text.phtml?id=2543 (дата обращения: 17.02.2024). – Текст : электронный.
10. Vetulani A. Nowe wydanie niemieckiego zводу prawa polskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne. - 1960. - №12 (2). - S. 195 – 232.
11. ПОЛЬСКАЯ ПРАВДА (ЭЛЬБЛОНСКАЯ КНИГА), СЕРЕДИНА XIII ВЕКА // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XIII/Pol_Pravda/text.phtml?id=10344 (дата обращения: 19.02.2024). – Текст : электронный.
12. См. Semkowicz Wł. Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV i XV wieku. - Lwów: Z drukarni Wł. Łozińskiego, 1899. - 41 s.
13. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2011. - 896 с.
14. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 300–308.
15. Памятники русского права. Вып. 3. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – 528 с.
16. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 320 с.
17. Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. I, II. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1895. – 271 с.
18. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. – Киев: В тип. И. и А. Давиденко, 1860. – 407 с.
19. Акты Русского государства. 1505–1526 гг. – М.: Наука, 1975. – 435 с.
20. Судебники XV–XVI веков. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 620 с.
21. Антонов А.В. Клинические акты XV – XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – С. 53–110.
22. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 431 с.
23. См. Kania L. O pojedynkach, kodeksie Bożewicza i ludziach honoru. Szkic prawno-historyczny // Studia Lubuskie - Prace Instytutu Prawa i Administracji Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Sulechowie. - 2006. - №2. - S. 45-62;
24. Makarewicz J. Polskie prawo karne: część ogólna. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2017. - 378 s.
25. Kutrzeba S. Polskie ustawy i artykuły wojskowe od XV do XVIII wiek. - Oświęcim: Napoleon V, 2021. - 372 s.

Ivanchenko S. V. The procedural principles of competition and dispositivity and trial by combat like way to resolve legal disputes in medieval Eastern Europe // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 18-29.

The research is devoted to the analysis of the implementation of procedural principles of competition and dispositivity in resolving disputes through trial by combat in Eastern Europe during the Middle Ages. The article analyzes Eastern European medieval historical legal documents regulating the procedure for administering justice through trial by combat. The basis for the classification of subjects participating in judicial fights was systematized, the extra-legal and legal basis were identified, and it was also discovered that the legal basis also contained two elements - belonging and property. The study revealed that the norms of medieval law developed to a fairly significant extent the principles of adversarial and dispositive principles, while often compliance with procedural legal principles often took precedence over the religious and sacred element in resolving disputes through trial by combat. It was also discovered that the norms of medieval law regulating the conduct of trial by combat were characterized by the development of the principle of equality of parties. The research traces the evolution of the principle of dispositivity in resolving disputes through trial by combat. It is concluded that the institution of trial by combat over time expanded the possibilities of the parties when choosing a method of protecting their rights, including by providing the opportunity to refuse to resolve the dispute by combat.. In the research define the main prerequisites for the disappearance of trial by combat from procedural legal reality are also highlighted.

Key words: Trial by combat, field, divine justice, dispositivity, ordeals, competition, the principle of equality of parties, formalism, representation, dispute resolution, trial by iron, procedural form.

Spisok literaturi:

1. Russkaya Pravda (Prostrannaya redakciya) // Elektronnye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) RAN URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (data obrashcheniya: 18.02.2024).
2. Nortgempontskaya assiza (1176 g.) // Pamyatniki istorii Anglii XI—XIII vv. / Perevod i vvedenie akad. D. M. Petrushevskogo. – M.: Gosoczekizdat, 1936. – S. 64–69.
3. Winiarz A. Sądy boże w Polsce // Kwartalnik historyczny. – 1891. – S. 290–313.
4. Pskovskaya sudnaya gramota // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v devyati tomah. T. I. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi / Pod red. O. I. CHistyakova. – M.: YUridicheskaya literatura, 1984. – 432 s.
5. Szymczak J. Pojedynki sądowe, czyli rzecz o sędzie bożym w Polsce Jagiellonów // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. – Kraków: Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 1999. – S. 157–166;
6. Lyubimov V.P. Spiski Pravdy Russkoj // Pravda Russkaya. T. I. Teksty. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. – 505 s.
7. Pamyatniki russkogo prava. – M.: Gosyurizdat, 1953. – Vyp. 2: Pamyatniki prava feodal'no-razdrobленноj Rusi XII – XV vv. / pod red. S. V. YUshkova; sost. A. A. Zimin — 443 s.
8. Mihajlova I. B. Polevoy poedinok – norma prava v srednevekovoj Rusi // Istoriya povsednevnosti. – 2016. – №1. – S. 136–152.
9. RYAD ZEMSKOGO PRAVA - ORDO JUDICII TERRAE // Vostochnaya literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki vostoka i zapada URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/XIV/Rjad_zemskogo_prava/text.phtml?id=2543 (data obrashcheniya: 17.02.2024).
10. Vetulani A. Nowe wydanie niemieckiego zwodu prawa polskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne. – 1960. – №12 (2). – S. 195 – 232.
11. POL'SKAYA PRAVDA (EL'BLONSKAYA KNIGA), SEREDINA XIII VEKA // Vostochnaya literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki vostoka i zapada URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XIII/Pol_Pravda/text.phtml?id=10344 (data obrashcheniya: 19.02.2024).
12. Semkowicz Wł. Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV i XV wieku. – Lwów: Z drukarni Wł. Łozińskiego, 1899. – 41 s.
13. Belyaev I. D. Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva / Predisl. A. D. Kaplina / Otv. red. O. A. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. – 896 s.;
14. Novgorodskaya Sudnaya gramota // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. – M.: YUrid. lit., 1984. – S. 300–308.
15. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 3. – M.: Gos. izd-vo yurid. lit, 1955. – 528 s.
16. Tihomirov M.N. Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vekah. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1957. – 320 s.
17. Lihachev N.P. Sbornik aktov, sobrannyh v arhivah i bibliotekah. Vyp. I, II. – SPb.: Tip. V.S. Balasheva i K°, 1895. – 271 s.
18. Akty, odnosyashchiesya do grazhdanskoj raspravy Drevnej Rossii / Sobral i izdal A. Fedotov-CHekhovskij. T. I. – Kiev: V tip. I. i A. Davidenko, 1860. – 407 s.;
19. Akty Russkogo gosudarstva. 1505–1526 gg. – M.: Nauka, 1975. – 435 s.;
20. Sudebniki XV–XVI vekov. – M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. – 620 s.
21. Antonov A.V. Klinkskie akty XV – XVI veka // Russkij diplomatarij. Vyp. 4. – M.: Pamyatniki ist. mysli, 1998. – S. 53–110.
22. Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. – 431 s.
23. Kania L. O pojedynkach, kodeksie Boziewiczza i ludziach honoru. Szkic prawno-historyczny // Studia Lubuskie - Prace Instytutu Prawa i Administracji Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Sulechowie. – 2006. – №2. – S. 45–62.
24. Makarewicz J. Polskie prawo karne: część ogólna. – Warszawa: Wolters Kluwer, 2017. – 378 s.
25. Kutrzeba S. Polskie ustawy i artykuły wojskowe od XV do XVIII wiek. – Oświęcim: Napoleon V, 2021. – 372 s.

УДК 340

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ НОРМА В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И СУЩНОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Маргарян А. В.

Пензенский государственный университет

Статья посвящена исследованию такого тенденциозного явления правотворчества и правоприменения, как экспериментальная норма права. Ввиду широкого распространения экспериментальных правовых норм, с опорой на современное законодательство и юридическую доктрину формулируются цели их использования в практике государственного строительства. Констатируется, что при игнорировании законодательными органами требований об указании целей введения пробного нормативного установления, такая правовая норма может восприниматься адресатом как отступление от требований законности, общеобязательности всеобщих правил поведения. Аргументируется необходимость использования всего технико-юридического инструментария для правильной постановки цели экспериментирования в целом и введения экспериментальной нормы в частности. Доказывается, что ключевое значение для указания на цели экспериментальной правовой нормы имеет преамбула.

Ключевые слова: экспериментальная норма права, юридическая техника, преамбула, правовое регулирование.

Весьма распространённым явлением современной государственно-правовой действительности является использование органами правотворчества экспериментальных правовых предписаний. Думается ни для кого не будет открытием наличие сегодня экспериментов в области цифровых инноваций, разрешения торговли отдельными видами товаров (лекарственными средствами, алкогольной продукцией) и др.

Между тем, реакция общественности, а нередко и профессионального сообщества на введение в действие экспериментальных правил регулирования не всегда однозначная. Стремление органов государственной власти к подобному – пробному подходу может восприниматься и как попытка внедрения непопулярных мер, и как нежелание брать на себя ответственность за предпринимаемые шаги и т.д. Учитывая, что наличие экспериментальных правовых норм сегодня значительно возрастает, а государство на основе их совокупности формирует полноценные экспериментальные правовые режимы, полагаем назрела необходимость установления целей законодательного установления подобной особой разновидности предписаний.

Цель, как философская категория, изначально характеризуется таким процессом мышления, в результате которого субъект предвосхищает результат чего-либо [1, с. 763], представляет его в виде конечного образа или модели. Экспериментальная правовая норма (как было сказано ранее), также представляет собой некий идеальный образ и специальную модель правового регулирования, построенную на ожидании результата ее действия, прогнозировании последствий.

Помимо мыслительного компонента, цель характеризуется одновременно и как единство интеграции действий субъектов в целостную последовательность.

Экспериментальное правовое предписание аналогично возможно представить в качестве системы последовательных действий и применяемых для этого средств, что способствует устранению сомнений в правильности выбранного подхода в правовом регулировании, последующего преодоления установленных несоответствий.

Следует отметить, что относительно целей нормативно-правового экспериментирования, мнения ученых не совпадают. К примеру, О.В. Смирнов видит среди них «выявление эффективности юридических норм в процессе регулирования общественных отношений» [2, с. 22]. Точка зрения автора, безусловно, заслуживает поддержки, однако может быть скорректирована и уточнена. Поскольку многие специальные правовые нормы преследуют цели усилить потенциал основного правового предписания, экспериментальная правовая норма, претендуя на обособление в числе прочих правил поведения, нуждается в детализации своего целевого потенциала.

Интересной является точка зрения А.Г. Репьева, указывающего, что «правовой эксперимент – это специальная модель временного правового регулирования, реализуемая посредством экспериментальной правовой нормы, <...> направленная на повышение эффективности воздействия на общественные отношения» [3, с. 47]. Уважая позицию ученого, все же позволим себе отметить два момента, характеризующих уязвимость данной позиции.

Во-первых, характеристика «эффективное воздействие» является оценочным суждением. Это означает, что и существующие, и вновь вводимые (новые) модели правового регулирования крайне сложно соизмерить с потребностями общества и дать им характеристику: эффективно либо неэффективно.

Во-вторых, убеждены, что любые средства, приемы и инструменты, используемые законодателем направлены на повышение эффективности воздействия на социум. В противном случае, возникает вопрос их целесообразности принятия, законности существования.

Полагаем, что *экспериментальная норма права – это обусловленное усложнением общественных отношений и специализацией законодательства нормативное правовое предписание, принимаемое на определенный период времени, в рамках очерченного пространства и применительно к ограниченному кругу участников общественных отношений, в целях установления научно и практически обоснованного варианта наиболее эффективной модели правового регулирования* [4, с. 72].

Попробуем, с опорой на современное законодательство, правоприменительную практику и юридическую доктрину обозначить цели использования законодательными органами экспериментальной правовой нормы:

1) *расширение познаний закономерностей развития общественных отношений, исследование основных и факультативных факторов и условий, влияющих на них, рассмотрение форс-мажорных вариантов развития ситуации*. Экспериментальная правовая норма, вне зависимости от достижения или не достижения ожидаемого конечного результата позволяет собрать эмпирические и теоретические данные о проблеме, требующей правового опосредования, установить возможные побочные явления и процессы, которые впоследствии могут сказаться на реализации общеобязательного нормативного установления. Так, одной из целей внедрения экспериментальных правовых установлений в области опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств является «определение фактических значений качественных и количественных характеристик автоматизированной системы вождения, <...> фактической эффективности работы автоматизированной системы вождения» [5];

2) *модернизация средств и подходов правового регулирования, своевременное обновление применяемых методик правового воздействия в рамках вновь возникаю-*

щих общественных отношений. К примеру, вызовы времени, в том числе, обусловленные последствиями мировой пандемии, подталкивают государственные органы на переход к передовым формам обучения, широкое использование дистанционных образовательных технологий. Подтверждением сказанному служат решения судебных органов, лаконично интерпретирующих цели, например, принятия экспериментальной правовой нормы в области создания цифровой образовательной среды: «в целях обеспечения модернизации и развития системы образования» [6];

3) *необходимость практической проверки обоснованности новых подходов правового регулирования*, включая соответствие принимаемых нормативных установлений существующей системе права и законодательства, приоритетам государственного управления, задачам укрепления социального правового государств и развития гражданского общества, а также корреляции с существующими организационно-правовыми механизмами регулирования различных областей (техники, производства и пр.). Видимо в этой связи, например, Г.И. Шатков, ведя речь о нормах, распространяющихся не на все сферы и субъектов общественных отношений, именует их техническими нормами [7, с. 6-7]. Следует, пожалуй, согласиться с тем, что без «апробации динамической модели риск-ориентированного подхода в области промышленной безопасности с использованием системы дистанционного контроля промышленной безопасности» [8], определенной в качестве цели введения пробного нормативного установления, государству непросто было бы реализовать действенные механизмы создания системы защищенности и контроля оценки рисков возникновения аварий на опасных производственных объектах. Правы в этой связи И.Н. Сенякин и А.Г. Репьев, которые указывают на такую цель экспериментальной правовой нормы, как «оценка способа регулирования сложившихся специфических общественных отношений и юридическая помощь органам власти для последующего верного, непротиворечивого, социально справедливого воздействия базового правового предписания» [9, с. 40];

4) *потребность сбора, получения дополнительных данных об особенностях правового регулирования отдельных социальных отношений*, что в конечном итоге обогащает процесс принятия основной нормы необходимой иллюстрацией апробированного ранее предписания, позволяет скорректировать юридическую конструкцию генерального установления на основе первичной информации о действии экспериментальной нормы. Так, потребность в подготовке «предложений о совершенствовании нормативно-правового регулирования отношений, связанных с рассмотрением сообщений и обращений граждан» [10] подтолкнула Правительство Российской Федерации к началу эксперимента в области создания Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»;

5) *оптимизация общего процесса правотворчества, достижение точности и адресности правового регулирования*. Принятие экспериментальной правовой нормы, последующая оценка эффективности ее действия позволяют в будущем выбрать наиболее рациональную модель сочетания затрачиваемых усилий, средств, применяемых методик воздействия на социум и получаемого результата. К примеру, по итогам действия экспериментальной правовой нормы, распространяющейся на территории Москвы и Московской области, удалось установить оптимальные формы проведения периодических проверок работников юридических лиц с особыми

уставными задачами на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия, а также методы подобных организационно-контрольных мероприятий [11];

6) *экономия финансовых средств, материальных и иных ресурсов*. В тех случаях, когда финансовое обоснование установления генерального правового предписания показывает высокую стоимость затрачиваемых ресурсов, с экономической точки зрения имеют место риски нерентабельности, а с материально-технической – нецелесообразности кардинального и повсеместного изменения подходов к правовому регулированию, экспериментальная правовая норма удобное средство апробации выбранных методов и средств воздействия. Подобное финансово-экономическое обоснование имеет, например, экспериментальный режим проведения ряда стимулирующих мероприятий в отношении тех граждан, которые приняли участие в вакцинации от новой коронавирусной инфекции [12];

7) *повышение эффективности производительности за счет нормативного правового снятия административных барьеров, упрощения организационных процедур*. В частности, многие секторы отечественной экономики, промышленности и социальной сферы отягощены различного рода препятствиями, излишне усложняющими деятельность субъектов общественных отношений. В таких случаях нередко используют экспериментальное правовое предписание, которое на время снимает необходимость беспрекословного следования установленной правовой процедуре, и предоставляет возможность отклониться от генерального предписания на легитимной основе. Такая цель преследовалась при проведении эксперимента по апробации нового способа взаимодействия между депозитарием, осуществляющим хранение электронной закладной, и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Внедрив информационную систему «Мастерчейн», основанную на технологии распределенных реестров, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации установило «наиболее успешные технологические подходы при информационном взаимодействии участников финансового рынка с органом регистрации прав, а также» осуществило «анализ возможных рисков при таком взаимодействии» [13];

8) *стимулирование субъектов правоотношений на инициативу, поиск новых форм и методов повседневной деятельности и последующее достижение результатов, превышающих общеустановленные критерии*. Экспериментальная правовая норма зачастую используется для радикальных, прорывных сдвигов в финансовой, хозяйственной, производственной и иных сферах общественных отношений, в условиях дефицита времени на ожидание получения каких-либо результатов в ходе планомерного развития. К примеру, федеральным проектом «Создание цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами малого и среднего предпринимательства и самозанятыми гражданами» [14] инициирована деятельность по всестороннему улучшению информационного взаимодействия, содействие развитию предпринимательства на основе повышения качества предоставляемых услуг. Для этого, участникам эксперимента поручено «создание приоритетных сервисов, <...> в том числе «Старт бизнеса», «Законодательный бизнес-дайджест», «Проактивный подбор и получение образования и консультаций онлайн», «Налого-

вые услуги», а также иных услуг, мер поддержки и сервисов» [15]. Экспериментальная правовая норма сегодня популярное средство правового регулирования создания робототехники, развития искусственного интеллекта [16].

Подытоживая сказанное, следует отметить целевое многообразие использования органами законодательной власти государства такого нестандартного подхода к правовому регулированию, как введение в действие экспериментальной правовой нормы.

Присутствие в общественных отношениях нестандартных обстоятельств и условий жизни граждан, наличие инновационных видов их социально-активной деятельности, так или иначе обуславливают необходимость поступательного, крайне осторожного вмешательства правовыми средствами. Достичь подобного подхода позволяет экспериментальное правовое предписание.

Для того, чтобы правовое экспериментирование в целом, так и внедрение частных (для конкретных общественных отношений) экспериментальных предписаний не ассоциировалось у населения государства и правоприменительных субъектов с недалекостью органов власти, не вызвало негативной реакции, полагаем будет правильным детальное указание целей введения пробного правила поведения. Для этого, возможно использование соответствующих структурных элементов нормативного правового акта, в частности преамбулы. Правильное с технико-юридических и содержательных позиций использование преамбулы для указания целей введения экспериментального правового предписания послужит надежным базисом законности последующего изменения правового регулирования, создаст необходимую идеологическую основу правового экспериментирования в целом.

Список литературы:

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Смирнов О. В. Социально-правовой эксперимент и регулирование общественных отношений / О.В. Смирнов // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 21-28.
3. Репьев А.Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы / А.Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 44–52.
4. Маргарян, А. В. Экспериментальная правовая норма как средство регулирования общественных отношений / А. В. Маргарян // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2(177). – С. 70–72.
5. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»): постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 (в ред. от 07.02.2022), п. 4 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (ч. VI). – Ст. 7619; 2022. – № 7. – Ст. 982.
6. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 28.04.2021 № АКПИ21-32, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующими пункта 1 Постановления Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040, абзаца шестого пункта 2, пунктов 3, 4, подпункта «з» пункта 5 Положения о проведении на территории отдельных субъектов Российской Федерации эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды, утв. Постановлением Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040: апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12.08.2021 № АПЛ21-269 // СПС «Консультант Плюс».
7. Шатков Г. И. Советская правовая норма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1962. – 19 с.
8. О проведении эксперимента по внедрению системы дистанционного контроля промышленной безопасности (вместе с «Положением о проведении эксперимента по внедрению системы дистанционного контроля промышленной безопасности»): постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2415 (в ред. от 30.06.2021), п. 2 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 28 (ч. I). – Ст. 5512.
9. Репьев А. Г. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права / А.Г. Репьев, И.Н. Сенякин // Юридическая техника: ежегодник. – 2022. – № 16. – С. 36-42.

10. О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения (вместе с «Положением о проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения»): постановление Правительства РФ от 10.11.2020 № 1802 (в ред. от 20.12.2021), п. 2 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 47. – Ст. 7519; 2021. – № 52 (ч. II). – Ст. 9189.
11. О завершении организационно-технического эксперимента: приказ МВД России от 06.04.2005 № 243 // Российская газета. – 2005. – 22 апр.
12. Об эксперименте по проведению стимулирующего мероприятия для граждан, принявших участие в вакцинации от новой коронавирусной инфекции: постановление Правительства РФ от 10.08.2021 № 1324 (в ред. от 09.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6184.
13. О проведении эксперимента по апробации способа взаимодействия между депозитарием, осуществляющим хранение электронной закладной, и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, с применением информационной системы «Мастерчейн», основанной на технологии распределенных реестров: постановление Правительства РФ от 02.09.2021 № 1471 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 36. – Ст. 6433.
14. Федеральный проект «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами малого и среднего предпринимательства и самозанятыми гражданами». Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=134418-kody_federalnykh_proektov_tselevykh_statei_raskhodov_ikh_naimenovaniya_i_sootvetstvuyushchie_im_polnye_naimenovaniya_federalnykh_proektov_v_sostave_natsionalnykh_proektov_pro&ysclid=lds2bbsu5538590781. Дата обращения: 06.02.2023.
15. О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства (вместе с «Положением о проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»): постановление Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371, п. «б» ч. 6 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 96.
16. Баракина Е. Ю. К вопросу об установлении экспериментального правового режима в области применения искусственного интеллекта / Е.Ю. Баракина // Российская юстиция. – 2021. – № 2. – С. 64–67.

Margaryan A.V. Experimental legal norm in modern legislation: the main goals and essential meaning // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 30–36.

The article is devoted to the study of such a tendentious phenomenon of lawmaking and law enforcement as an experimental rule of law. Due to the wide spread of experimental legal norms, based on modern legislation and legal doctrine, the goals of their use in the practice of state building are formulated. It is stated that if legislative bodies ignore the requirements for specifying the goals of introducing a trial regulatory establishment, such a legal norm may be perceived by the addressee as a deviation from the requirements of legality, the general obligation of universal rules of conduct. The necessity of using all the technical and legal tools for the correct setting of the goal of experimentation in general and the introduction of an experimental norm in particular is argued. It is proved that the preamble is of key importance for indicating the goals of an experimental legal norm.

Keywords: experimental rule of law, legal technique, preamble, legal regulation.

Spisok literaturey:

1. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red.: L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. – M.: Sov. Jenciklopedija, 1983. – 840 s.
2. Smirnov O. V. Social'no-pravovoj jeksperiment i regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij / O.V. Smirnov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1973. – № 11. – S. 21-28.
3. Rep'ev A. G. Pravovoj jeksperiment i pravotvorcheskij opyt kak special'nye modeli pravovogo regulirovaniya: tehnika, praktika, predely / A. G. Rep'ev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 1 (97). – S. 44-52.

4. Margarjan, A. V. Jeksperimental'naja pravovaja norma kak sredstvo regulirovanija obshhestvennyh odnoszenij / A. V. Margarjan // *Evrasijskij juridicheskij zhurnal*. – 2023. – № 2(177). – S. 70–72.
5. O provedenii jeksperimenta po opytnoj jekspluatacii na avtomobil'nyh dorogah obshhego pol'zovanija vysokoavtomatizirovannyh transportnyh sredstv (vmeste s «Polozheniem o provedenii jeksperimenta po opytnoj jekspluatacii na avtomobil'nyh dorogah obshhego pol'zovanija vysokoavtomatizirovannyh transportnyh sredstv»): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.11.2018 № 1415 (v red. ot 07.02.2022), p. 4 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2018. – № 49 (ch. VI). – St. 7619; 2022. – № 7. – St. 982.
6. Ob ostavlenii bez izmenenija reshenija Verhovnogo Suda RF ot 28.04.2021 № AKPI21-32, kotorym bylo ostavleno bez udovletvorenija z'javlenie o priznanii nedejstvujushhimi punkta 1 Postanovlenija Pravitel'stva RF ot 07.12.2020 № 2040, abzaca shestogo punkta 2, punktov 3, 4, podpunkta «z» punkta 5 Polozhenija o provedenii na territorii otdel'nyh sub#ektov Rossijskoj Federacii jeksperimenta po vnedreniju cifrovoj obrazovatel'noj sredy, utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 07.12.2020 № 2040: apelljacionnoe opredelenie Apelljacionnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 12.08.2021 № APL21-269 // *SPS «Konsul'tant Pljus»*.
7. Shatkov G. I. Sovetskaja pravovaja norma: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 1962. – 19 s.
8. O provedenii jeksperimenta po vnedreniju sistemy distancionnogo kontrolja promyshlennoj bezopasnosti (vmeste s «Polozheniem o provedenii jeksperimenta po vnedreniju sistemy distancionnogo kontrolja promyshlennoj bezopasnosti»): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.12.2020 № 2415 (v red. ot 30.06.2021), p. 2 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2021. – № 28 (ch. I). – St. 5512.
9. Rep'ev A. G. Jekspertnoe znachenie jeksperimental'noj normy rossijskogo prava / A.G. Rep'ev, I.N. Senjakin // *Juridicheskaja tehnika: ezhegodnik*. – 2022. – № 16. – S. 36–42.
10. O provedenii jeksperimenta po ispol'zovaniju federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy «Edinyj portal gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij)» dlja napravlenija grazhdanami i juridicheskimi licami v gosudarstvennye organy, organy mestnogo samoupravlenija, gosudarstvennye i municipal'nye uchrezhdenija, inye organizacii, osushhestvljajushhie publichno znachimye funkcii, i ih dolzhnostnym licam soobshhenij i obrashhenij, a takzhe dlja napravlenija takimi organami i organizacijami otvetov na ukazannye soobshhenija i obrashhenija (vmeste s «Polozheniem o provedenii jeksperimenta po ispol'zovaniju federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy “Edinyj portal gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij)” dlja napravlenija grazhdanami i juridicheskimi licami v gosudarstvennye organy, organy mestnogo samoupravlenija, gosudarstvennye i municipal'nye uchrezhdenija, inye organizacii, osushhestvljajushhie publichno znachimye funkcii, i ih dolzhnostnym licam soobshhenij i obrashhenij, a takzhe dlja napravlenija takimi organami i organizacijami otvetov na ukazannye soobshhenija i obrashhenija»): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.11.2020 № 1802 (v red. ot 20.12.2021), p. 2 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2020. – № 47. – St. 7519; 2021. – № 52 (ch. II). – St. 9189.
11. O zavershenii organizacionno-tehnicheskogo jeksperimenta: prikaz MVD Rossii ot 06.04.2005 № 243 // *Rossijskaja gazeta*. – 2005. – 22 apr.
12. Ob jeksperimente po provedeniju stimulirujushhego meroprijatija dlja grazhdan, prinjavshih uchastie v vakcinacii ot novoj koronavirusnoj infekcii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.08.2021 № 1324 (v red. ot 09.06.2022) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2021. – № 34. – St. 6184.
13. O provedenii jeksperimenta po aprobacii sposoba vzaimodejstvija mezhd depozitariem, osushhestvljajushhim hranenie jelektronnoj zakladnoj, i federal'nym organom ispolnitel'noj vlasti, osushhestvljajushhim funkcii po gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushhestvo i sdelok s nim, s primeneniem informacionnoj sistemy «Masterchejn», osnovannoj na tehnologii raspredelennyh reestrov: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.09.2021 № 1471 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2021. – № 36. – St. 6433.
14. Federal'nyj projekt «Sozdanie Cifrovoj platformy s mehanizmom adresnogo podbora i vozmozhnost'ju distancionnogo poluchenija mer podderzhki i special'nyh servisov sub#ektami malogo i srednego predprinimatel'stva i samozanjatymi grazhdanami». Oficial'nyj sajt Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. Put' dostupa: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=134418-ko-dy_federalnykh_proektov_tselevykh_statei_raskhodov_ikh_naimenovaniya_i_sootvetstvuyushchie_im_polnye_naimenovaniya_federalnykh_proektov_v_sostave_natsionalnykh_proektov_pro&ysclid=ldsu2bbsu5538590781. Data obrashhenija: 06.02.2023.
15. O provedenii jeksperimenta po cifrovoj transformacii predostavlenija uslug, mer podderzhki i servisov v celjah razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva (vmeste s «Polozheniem o provedenii jeksperimenta po cifrovoj transformacii predostavlenija uslug, mer podderzhki i servisov v celjah razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva»): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.12.2021 № 2371, p. «b» ch. 6 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2022. – № 1 (ch. I). – St. 96.
16. Barakina E. Ju. K voprosu ob ustanovlenii jeksperimental'nogo pravovogo rezhima v oblasti primenenija iskusstvennogo intellekta / E.Ju. Barakina // *Rossijskaja justicija*. – 2021. – № 2. – S. 64–67.

УДК 343.228

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ОСУЖДЕННЫХ**

Пикин И. В.

Юридический факультет Владимирского юридического института ФСИН России

Исследование посвящено анализу существующих на сегодняшний день проблемных вопросов совершенствования системы социальной реабилитации и социальной адаптации осужденных. В работе автором анализируется современное состояние законодательства в области социальной реабилитации и социальной адаптации осужденных, отбывающих наказания, связанные с изоляцией осужденных от общества. Автором уделено внимание историческому аспекту вопросов, связанных с социальной адаптацией и социальной реабилитацией осужденных, в результате чего приходит к выводу о том, что заложенные еще в позапрошлом веке основы социальной подготовки осужденных к освобождению от отбывания наказания и современное законодательство в данной области придерживаются одного направления. В процессе анализа действующей редакции Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» автор приходит к выводу о том, что принятый закон о пробации в настоящее время является «живым организмом» который в течении определенного времени будет нуждаться в изменениях и дополнениях, что позволит ему приобрести практикоориентированную направленность и будет способствовать в полной мере выполнять цели и задачи которые ставит перед собой наше государство в области пробации.

Ключевые слова: ресоциализация; социальная адаптация, социальная реабилитация осужденных.

Современное состояние уголовно-исполнительного законодательства направлено на решение проблем социальной адаптации осужденных, отбывающих наказания, связанные с изоляцией осужденных от общества, их подготовки к освобождению и периоду после освобождения от отбывания наказания.

Наибольшее количество проблем возникает у лиц, отбывших именно наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества, особо выделим из этого списка именно наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Заметим, что чем больше срок лишения свободы, тем, как правило, больше проблем у лица после отбытия срока наказания. На наш взгляд, именно осужденные, отбывшие наказание в виде лишения свободы, требуют особое внимание со стороны государства в области трудоустройства, восстановления или приобретения социальных связей, стимулирования у них правопослушного поведения как в процессе отбывания наказания, так и после освобождения с целью вернуть обществу социально здорового гражданина.

Большинство ученых исследовавших данный вопрос придерживаются мнения о том, что наибольшее число осужденных состоящих в группе риска составляют осужденные к лишению свободы, так как за период отбытия наказания они утрачивают социально полезные связи. По их мнению, именно осужденные, отбывшие уголовные наказания в виде лишения свободы, должны являться основными субъектами правоотношений в области постпенитенциарной ресоциализации, на которых направлено внимание государства и общества [4]. Согласившись с данным мнением, добавим, что наличие или отсутствие социальных связей имеет огромную роль в достижении цели социальной адаптации и социальной реабилитации. Отсутствие социальных связей в большинстве случаев подталкивает осужденных на со-

вершение преступления, как в процессе отбывания наказания, так и после освобождения, так как по их имени им нечего терять, некуда пойти, негде жить.

Историческое содержание института социальной адаптации осужденных показывает, что формирование данного института имеет весьма долгий процесс становления, сопровождавшийся изданием нормативных и правовых актов по двум основным направлениям: 1) деятельность пенитенциарных учреждений в период отбывания наказания, которая включала в себя привлечение к труду, социальной адаптации осужденных в период отбывания наказания, с целью привития им социально-полезных навыков и духовно-нравственное развитие; 2) деятельность институтов гражданского общества, направленных на осуществление попечительства над освобожденными из мест лишения свободы с целью включения их в общество, оказания первичной помощи при освобождении.

Примером развития институтов социальной адаптации по вышеуказанным направлениям является Указ Екатерины II в основе которого лежало развитие социальной работы с осужденными в тюрьмах, посредством применения духовного и нравственного воспитания человека [12]. В 1819 г. было создано Попечительное о тюрьмах общество, деятельность которого была направлена на организацию надзора и контроля за осужденными, на их раздельное содержание в зависимости от их поведения в процессе отбывания наказания, на осужденных совершивших тяжкие преступления или ранее отбывавших наказание. Особую роль отводилась нравственному и религиозному воздействию и привлечение осужденных к труду как социально-полезной деятельности [7].

В настоящее время развитие институтов социальной адаптации проходит по тем же направлениям, это период отбывания наказания и постпенитенциарная адаптация. С учетом того, что историческое содержание вопроса социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, к которым применялись наказания, в виде лишения свободы, прошло длительный путь становления, приходим к выводу о том, что только совместные меры, как со стороны государственных органов, так и со стороны общества способны вернуть социально здорового человека, отбывшего наказание в виде лишения свободы.

По словам Уполномоченного по правам человека в РФ Т.Н. Москальковой: «Для каждого государства одним из приоритетных направлений деятельности является противодействие преступности, а также формирование и развитие механизмов восстановительного правосудия, и одним из таких механизмов является создание службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы» [3].

Наиболее значимым шагом на пути ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных в современной России выступила Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 в редакции от 23.12.2015 (далее Концепция), которая предусматривала разработку новых форм воспитательной работы с осужденными, организацию образовательного процесса и трудовой занятости в новых условиях отбывания наказания, совершенствование уголовной и уголовно-исполнительной политики, направленной на социализацию осужденных, создание условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении, и другие формы [9]. Отметим, что по мнению большинства ученых, занимавшихся данной проблематикой, многие идеи, преду-

смотренные Концепцией, не были достигнуты, а в отдельных случаях негативно отражались на осужденном, так как были проработаны достаточно поверхностно. Так проф. В.И. Селиверстов [5] в своем докладе аргументировано доказывал, что предполагаемое в Концепции тюремное содержание со строгой изоляцией осужденных может привести к усилению их десоциализации, потере социально-полезных связей у тех осужденных, у которых такие связи еще имеются. При этом, разработка и принятие Концепции послужило началом большой работы реформирования УИС, принятию достаточно большого количества нормативных и правовых актов, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных. В настоящий момент мы видим, что отдельные цели и задачи не были достигнуты, на что имеются как объективные, так и субъективные причины, отдельные моменты не были реализованы в полной мере. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. еще в период ее обсуждения породила научную дискуссию о предмете и содержании будущей концепции, названии и принципах ее разработки, субъектах принятия и субъектах реализации и т. д. [6, с. 13].

Отметим, что ни после принятия Концепции, ни после принятия Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» уголовно-исполнительное законодательство так и не содержит в своих нормах термин «ресоциализация», словосочетание «социальная адаптация» встречается лишь трижды, при этом закрепляет довольно широкий перечень социальных прав и основных средств исправления осужденных. Также отметим, что Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [11] не содержит в действующей редакции понятийного аппарата в отношении терминов «ресоциализация», при этом права и обязанности осужденных расписаны достаточно детально.

Относительно детального изложения распорядка дня в ИУ высказался Борсученко С.А., по мнению которого детальная регламентация распорядка дня в исправительном учреждении не стимулирует у осужденных чувство ответственности, не способствует их самостоятельности, затрудняет социальную адаптацию и последующую реинтеграцию в общество. В этом и заключается самая большая сложность реализации задач пенитенциарного режима, нейтрализации его негативных факторов [1].

В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. Подобное определение дается и в Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Согласно ч. 6 ст. 5 Закона о пробации социальная адаптация – комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, в отношении которых применяется про-

бация, содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также иной помощи в целях стимулирования правопослушного поведения; ч.7 закона раскрывает понятие социальной реабилитации как комплекс мер по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется пробация.

На наш взгляд для достижения целей социальной адаптации и социальной реабилитации необходимо выделить ряд направлений, которые не охвачены действующим законодательством в данной области. Понятно, что максимально предусмотреть все возможные пробелы и противоречия при принятии закона не представляется возможным. Излишняя детализация норм закона может привести к отсутствию реакции должностных лиц в тех случаях, когда такое необходимо в связи с тем, что тот или иной момент не прописан в законе. И напротив отсутствие конкретики в формулировках может быть основанием к отказу от принятия конкретных мер. И тут необходима практика применения норм закона и рациональная необходимость.

В качестве пробелов законодательного закрепления можно выделить вопросы применения социальной адаптации и социальной реабилитации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства и целесообразность их применения. Напомним, Закон о пробации не содержит ограничений на оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в связи с этим мы не можем ему отказать в применении пробационных мероприятий, при этом есть ли в этом смысл, так как после освобождения осужденный будет выдворен с территории РФ. Вопрос целесообразности применения пробационных мероприятий состоит и в отношении осужденных, отрицательно направленных. То есть в течение всего срока отбывания наказания осужденный отрицательно характеризовался, придерживался радикальных, и иных преступных взглядов, отрицательно относился ко всем мерам воспитательного воздействия, и к нему мы обязаны по закону применять пробационные мероприятия. Встает законный вопрос о целесообразности подобных мер.

Также отметим, что в период отбывания наказания важнейшим элементом социальной адаптации, является вопрос использования своих профессиональных навыков (профессии) в предлагаемых администрацией ИУ работе. Как правило, возможности ИУ весьма ограничены, и возможность трудоустройства по профессии не велика. Как правило, ИУ в перечне предлагаемых работ и направлений обучения в первую очередь руководствуются возможностью обеспечить работой и собственными потребностями, и редко потребностями рынка труда в данном конкретном регионе. Возможность получения определенной профессии также способствовало налаживанию социальной адаптации, так как, по нашему мнению, ничего так не объединяет так, как общий интерес.

Также не маловажным фактором социальной адаптации в период отбывания наказания является доступность осужденных к отправлению религиозных обрядов.

Отметим, что возможность общения со священнослужителями, отсутствовавшая у осужденных в течение более полувека, была восстановлена, и к работе по социальной адаптации в исправительных учреждениях подключилась сначала Русская православная церковь, а впоследствии и другие религиозные конфессии.

Сегодня сотрудничество священнослужителей с исправительными учреждениями на постоянной основе происходит в территориальных органах ФСИН России должности помощников начальников по организации работы с верующими [8]. Отметим, что и после освобождения традиционные религиозные конфессии продол-

жают оказывать помощь, как в трудоустройстве, так и в предоставлении временного жилья лицам, которые по тем или иным обстоятельствам оказались без жилья.

Одной из ключевых вопросов совершенствования системы социальной реабилитации и социальной адаптации осужденных выступают вопросы трудоустройства после освобождения. Как правило, службы занятости не в полной мере обладают информацией о наличии среди осужденных лиц, имеющих конкретные профессиональные навыки или профессии. Необходимо создание на портале Госуслуг кабинетов для органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с целью своевременного размещения информации относительно запроса на трудоустройства. В этом плане также существует необходимость совершенствования интерфейсов на портале Госуслуг, позволяющего обеспечить удобство при заполнении резюме.

Подобного мнения в своем исследовании придерживаются и Громов В.Г., Аксенова Д.К. которые считают необходимым добавить «медиативные меры» в определение ресоциализации в Законе о пробации. Законодатель говорит о помощи в трудоустройстве, мерах социально-экономического характера, профилактике правонарушений, но эти меры оказываются совершенно бесполезными, если человек не умеет себя вести вне тюремного общества, не чтит и не уважает общественный порядок, не уважает других, не умеет договариваться и общаться [2].

Подчеркнем, что принятый закон о пробации в настоящее время является «живым организмом» который в течении определенного времени будет нуждаться в изменениях и дополнениях, что позволит ему приобрести практикоориентированный статус и который будет в полной мере выполнять цели и задачи, которые ставит перед собой наше государство в области пробации.

Список литературы:

1. Борсученко С.А. Режим исполнения (отбывания) наказаний и проблемы его законодательной регламентации // Мониторинг правоприменения. 2016. N 1. С. 54 - 58.
2. Громов В.Г., Аксенова Д.К. Пробация в Российской Федерации // Современное право. 2023. N 5. С. 101 - 104. ; Громов В.Г. О правовых основах применения медиации в исправительных учреждениях / В.Г. Громов, Д.К. Сарсеналиева // Журнал российского права. 2019. N 12. С. 140 - 149.
3. Татьяна Москалькова: создание службы пробации - приоритетное направление для каждого государства // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. URL: http://old.ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/tatjana_moskalkova:_sozdanie_sluzhby_probacii_prioritetnoe_napravlenie.
4. Тихонов Я.И., Подobreй К.А. Постпенитенциарная ресоциализация как развивающийся институт российского права//Государственная власть и местное самоуправление, 2022, N 8
5. Селиверстов В.И. Доклад о Концепции развития уголовно-исполнительной системы в РФ на заседании Союза криминалистов и криминологов (15.02.2011, МГЮА). Утопия вместо Концепции. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/ugolovno-ispolnitelnay_systema/768.html
6. Селиверстов В. И. Концептуальное обеспечение уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в современный период // XI Российский конгресс уголовного права на тему «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2018 г.). М., 2018. С. 545–549
7. Высочайше утвержденный доклад Министра Духовных дел и Народного Просвещения "Об утверждении в России Попечительного Общества о тюрьмах" // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е с 1649 г. по 12 дек. 1825 г. Т. 1 // СПб.: Тип. 2-го Отд-ния собств. е.и.в. канцелярии, 1830 - 1851. 1819. С. 306.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2014 г. N 1063 "О внесении изменений в приложение к Постановлению Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. N 176" // СЗ РФ. 2014. N 43. Ст. 5899.
9. Приказ Минюста России от 04.07.2022 N 110 (ред. от 29.11.2023) "Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего

- распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы" (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 N 69157)
10. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года».
11. Селиверстов В.И. Доклад о Концепции развития уголовно-исполнительной системы в РФ на заседании Союза криминалистов и криминологов (15.02.2011, МГЮА). Утопия вместо Концепции. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/ugolovno-ispolnitelnay_systema/768.html
12. Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны. Январь - июль 1763 г. СПб., 1764. С. 10.
13. Уткин В. А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 210–214.

Pikin I. V. Problematic issues of improving the system of social rehabilitation and social adaptation convicts // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 37–42.

The study is devoted to the analysis of the current problematic issues of improving the system of social rehabilitation and social adaptation of convicts. The author analyzes the current state of legislation in the field of social rehabilitation and social adaptation of convicts serving sentences related to the isolation of convicts from society. The author pays attention to the historical aspect of issues related to the social rehabilitation of convicts, as a result of which the author comes to the conclusion that the foundations laid down in the century before last for the social preparation of convicts for release and the period from serving their sentences and modern legislation in this regard adhere to the same path of development. In the process of analyzing the current version of Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation", the author concludes that the adopted law on probation is currently a "living organism" that will need changes and additions for a certain time, which will allow it to acquire a practice-oriented orientation that will allow to fully fulfill the goals and objectives set by our state in the field of probation.

Key words: re-socialization; social adaptation, social rehabilitation of convicts.

Spisok literaturey:

1. Borsuchenko S.A. Rezhim ispolneniya (otbyvaniya) nakazaniy i problemy ego zakonodatel'noj reglamentatsii // Monitoring pravoprimeneniya. 2016. N 1. S. 54 - 58.
2. Gromov V.G., Aksenova D.K. Probaciya v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2023. N 5. S. 101 - 104. ; Gromov V.G. O pravovyh osnovah primeneniya mediacii v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah / V.G. Gromov, D.K. Sarsenalieva // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. N 12. S. 140 - 149.
3. Tat'yana Moskal'kova: sozdanie sluzhby probacii - prioritetnoe napravlenie dlya kazhdogo gosudarstva // Oficial'nyj sajt Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF. URL: http://old.ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/tatjana_moskalkova:_sozdanie_sluzhby_probacii_prioritetnoe_napravlenie.
4. Tihonov Ya.I., Podobrej K.A. Postpenitenciar'naya resocializaciya kak razvivayushchiysya institut rossijskogo prava//Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 2022, N 8
5. Seliverstov V.I. Doklad o Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v RF na zasedanii Soyuzna kriminalistov i kriminologov (15.02.2011, MGYuA). Utopiya vmesto Konceptii. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/ugolovno-ispolnitelnay_systema/768.html
6. Vysochajshe utverzhdenyj doklad Ministra Duhovnyh del i Narodnogo Prosveshcheniya "Ob utverzhdenii v Rossii Popechitel'nogo Obshchestva o tyur'mah" // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie 1-e s 1649 g. po 12 dek. 1825 g. T. 1 // SPb.: Tip. 2-go Otd-niya sobstv. e.i.v. kancelyarii, 1830 - 1851. 1819. S. 306.
7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 oktyabrya 2014 g. N 1063 "O vnesenii izmenenij v prilozhenie k Postanovleniyu Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 marta 2007 g. N 176" // SZ RF. 2014. N 43. St. 5899.
8. Prikaz Minyusta Rossii ot 04.07.2022 N 110 (red. ot 29.11.2023) "Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennyh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij i Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh centrov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 05.07.2022 N 69157)
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 N 1772-r (red. ot 23.09.2015) «O Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda».
10. Seliverstov V.I. Doklad o Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v RF na zasedanii Soyuzna kriminalistov i kriminologov (15.02.2011, MGYuA). Utopiya vmesto Konceptii. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/ugolovno-ispolnitelnay_systema/768.html
11. Ukazy vsepresvetlejshej, derzhavnejshej, velikoj gosudaryni imperatricy, Ekateriny Alekseevny. Yanvar' - iyul' 1763 g. SPb., 1764. S. 10.

УДК 34.047

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Кулиева А. М.

Московский государственный юридический университет имени О.М. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена анализу изменений, происходящих в российской правовой системе и, в частности, во внутренней структуре и в элементном составе механизма правового регулирования. Право, подвергаясь в условиях новой социальной действительности и смены технологического уклада жизни общества скачкообразным и хаотичным изменениям, не всегда способно адаптировать и актуализировать средства правового воздействия под динамично развивающиеся общественные отношения без потери своей эффективности. В науке развилась активная дискуссия о расширении либо, наоборот, сужении пределов правового регулирования в связи с возникновением новых видов общественных отношений и субъектов правового воздействия. Механизм правового регулирования, хотя и состоит как из статичных, так и из динамичных юридических средств, по своей сущности является главным проявлением динамичного свойства жизни права и представляет собой главный идентификатор эффективности действия права. Система юридических средств, входящих в состав механизма правового регулирования, нуждается в предметном рассмотрении в контексте новых социально-экономических условий. В статье приводятся теоретико-правовые положения о трансформационных процессах внутри этой системы и рассматриваются прогностические концепции её развития.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, цифровизация права, элементный состав механизма правового регулирования, эффективность правового регулирования, технологизация общественных отношений.

В настоящее время правовая действительность проживает очередной, весьма резкий виток в своем развитии. В условиях цифровизации всех сфер жизни общества, четвертой промышленной революции, появления новых субъектов права и активной научной дискуссии о переосмыслении когда-то незыблемых постулатов *leges legum* динамическая природа правового регулирования проявляется как никогда явственно. Общество и социальные институты всё сильнее проваливаются в цифровую плоскость взаимодействия. Влиянию процессов диджитализации на все правовые категории посвящен едва ли не каждый второй круглый стол и каждая третья юридическая статья, что явственно говорит о степени остроты вытекающих из указанных процессов круга вопросов. Однако аспектов цифровизации правового регулирования, требующих пристального рассмотрения, всё ещё очень и очень много, так как в настоящий момент право, к сожалению, стоит в догоняющей позиции по отношению к динамике общественных изменений. Один из таких вопросов – трансформация механизма правового регулирования в цифровую эпоху. Учитывая, что в научном сообществе нет единогласия ни по вопросу определения понятия самого механизма, ни его элементного состава и стадий реализации и осознавая комплексность и многогранность механизма правового регулирования, видим, что анализ влияния цифровых процессов на это правовое явление – задача весьма амбициозная. Тем не менее, следуя знаменитому афоризму физика Альберта Эйнштейна, «поиск истины важнее, чем обладание ею» [1], в настоящей статье предпримем попытку провести подобное исследование.

Развитие общества, появление государственных институтов и их эволюционирование привело к формированию механизма правового регулирования, состоящего из правового инструментария, необходимого для успешного функционирования правовой системы. Правовое регулирование – более узкое и конкретизированное поня-

тие, чем правовое воздействие действие права в целом. Т.Н. Радько и В.В. Лазарев правовое регулирование определяют как специфическое, отличающееся и по форме, и по содержанию действие права, осуществляемое через юридические права и обязанности субъектов права, выступающих в качестве субъектов конкретных правоотношений, а правовое воздействие – как многостороннее и разнообразное (психологическое, государственноволевое, формальное, нормативное и т. п.) действие права в системе общественных отношений. Учёные разграничивают эти понятия на основании формы их реализации (общие правоотношения для правового воздействия и конкретные для регулирования), акцентируют внимание на том, что два этих явления отличаются признаком неотъемлемого для правового регулирования государственного принуждения, которого нет при правовом воздействии, а также различаются по объекту: объектом правового воздействия является сознание и поведение человека, объектом правового регулирования – общественные отношения. Посредством правового регулирования правом реализуется его прямая и основная функция влияния на социальные отношения *de rigore jùris*, тогда как при правовом воздействии реализуются общесоциальные функции права (политическая, культурная, воспитательная, экономическая, коммуникативная, информативная и другие). При этом оба понятия являют собой выражение динамичной природы права как такового, его динамичное состояние.

Понятие механизма правового регулирования – базовое в правовой науке. В доктрине подхода к определению этого понятия правовед С.С. Алексеева, первого в отечественной науке давшим ему определение, механизм правового регулирования представляет собой комплекс (систему) специальных средств, при помощи которых осуществляется достижение определенного результата в воздействии на общественные отношения (чаще всего в качестве такого результата рассматривают упорядочение общественных отношений). К элементам механизма правового регулирования правовед относит юридические нормы, правовые отношения и акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей и выносит такие понятия, как законность и правосознание за рамки механизма правового регулирования, считая их не функционирующими средствами правового регулирования, а неким общим фоном и сопутствующими фактором реализации права, не умаляя при этом значимости этих понятий [3, с. 30]. Как указывает А.В. Малько, цель механизма правового регулирования – обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов к ценностям, то есть гарантированность их справедливого удовлетворения. Исходя из этого, он определяет механизм правового регулирования как систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. К составляющим механизма учёный относит те же юридические средства, что и С.С. Алексеев, при этом вполне обоснованно, на наш взгляд, добавляя в их ряд юридические факты и охранительные правоприменительные акты [4, с. 625].

А.В. Скрипник определяет механизм правового регулирования как последовательную организованную систему юридических средств, способов и методов воздействия права на общественные отношения с целью трансформации нормы права в правомерное поведение граждан, динамическую силу, главное выражение правовой действительности [5, с. 7]. Анализируя подход к этому понятию С.С. Алексеева и других учёных, правоведы Т.Н. Радько и В.В. Лазарев подчеркивают такой общий

для них недостаток – определение правового регулирования через правовое воздействие и, говоря о целесообразности введения в научный словарь более узкого определения, предлагают следующее: механизм правового регулирования — это система правовых средств (элементов), осуществляющих одновременную взаимосвязанную регламентацию общественных отношений определенного вида в рамках конкретных правоотношений. пишут о возможности расширения перечня правовых средств, подлежащих к включению в состав правового регулирования с целью отражения действия права в более широком диапазоне. Авторы предлагают включить в состав механизма правового регулирования и такие понятия как определение правосубъектности граждан, приобретение и изменение их правового статуса, определение компетенции органов власти, определение правового положения общественных положений и т.п. [2, с. 309].

В.Д. Перевалов под элементами механизма правового регулирования понимания его составные части или структуру, выделял юридические нормы, нормативно-правовые акты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности [6, с.168].

В. А. Шабалин также называет в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования — законность [7, с. 124]. Не соглашаясь с этой позицией, Т.Н. Радько и В.В. Лазарев полагают, что законность как требование точного и неуклонного соблюдения всеми субъектами права законов и подзаконных актов не может быть элементов механизма правового регулирования. Законность, по мнению учёных, это метод деятельности власти, это режим права, который затрагивает все элементы механизма правового регулирования, начиная с принятия правовой нормы до ее реализации [2, с. 310].

В. Б. Исаков считает, что, категория «механизм правового регулирования» охватывает следующую систему юридических средств: норму права, юридический факт (состав), акт применения права правоотношение, акты реализации прав и обязанностей. Единодушный в вопросе отнесения к составу механизма юридических фактов вопросе, учёный указывает, что самобытность в качестве элемента правового регулирования юридических фактов определяется тем, что они связаны не только с правоотношениями, но и с иными элементами механизма правового регулирования. Правильное закрепление юридических фактов в гипотезах юридических норм – одна из задач, стоящих перед правотворческими органами при разработке нормативно-правовых актов. Полное, точное и достоверное установление юридических фактов – необходимая предпосылка для применения правовых норм [8, с. 14].

В науке, однако, существует и противоположная точка зрения на положение юридического факта. Так, к примеру, Ю.И. Гревцов считает, что юридический факт играет лишь роль связующего звена между стадиями правового регулирования. По мнению правоведа, сам по себе юридический факт является жизненным обстоятельством, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Следовательно, юридический факт – необходимая предпосылка правового отношения и не больше [9, с. 73]. Рассматривая это при помощи функционального метода научного исследования, согласно которому познание сущности определенного явления происходит посредством проникновения в него через понимание его функциональную способность и функциональное назначение, мы можем увидеть, что само понятие «механизм», как и многие другие перекочевало в право-

вую науку из отрасли технических наук и используется в переносном смысле; этимология этого понятия следующая: механизм (от греч. μηχανή — машина, орудие) — это 1) Совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения; устройство машины, прибора, аппарата и т. п. ; 2) Внутреннее устройство, система чего-л.; 3) Совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое и т. п. явление [10]. Тот факт, что «механизм» и «машина» понятия в некотором смысле синонимичные, показывает, что эффективность действия механизма правового регулирования обуславливает необходимость его существования вообще; важнейшим условием полезности действия механизма правового регулирования является результат этого действия; как нет смысла в качественно собранной машине, каждая деталь которой исправна сама по себе, но не способна во взаимодействии с другими деталями привести машину в действие и, осуществив заданный этой машине алгоритм, произвести необходимый результат, так нет смысла в совокупности правовых средств, если они в своем взаимодействии не осуществляют реализацию функций права.

Это взаимодействие составных частей механизма правового регулирования является его критически важным свойством. Механизм правового регулирования — комплексный процесс, активно функционирующая система заданного действия. Можно утверждать, что исследование механизма правового регулирования важно не сколько само по себе, сколько необходимо для перехода на следующий этап, то есть для изучения функционирования элементов рассматриваемого механизма. Юридические средства, входящие в состав механизма правового регулирования способны в полной мере реализовать весь регулятивный потенциал правовой системы только при взаимодействии друг с другом. А.В. Малько о правовых (юридических средствах) писал, что они являются правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [11, с. 8].

На наш взгляд, нельзя категорично выработать навсегда актуальный закрытый список средств правового регулирования, особенно в эпоху четвертой промышленной революции и коренных изменений в трендах общественной жизни. Однако сущностные характеристики механизма правового регулирования предполагают, что его составляющие должны подлежать четкой регламентации и представлять собой конкретные средства достижения правом своих функций, поэтому в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться более классического понимания элементного состава механизма правового регулирования.

Юридические средства логично будет разделить на традиционные (при этом подвергшиеся изменениям) и новые, или инновационные, появившиеся в результате реагирования права на общественные тенденции, то есть технологизации общественной жизни и последующей за этим необходимости в новом инструментарии для ее регулирования. Последние, безусловно, относятся к механизму правового регулирования цифровой экономики.

Кратко рассмотрим норму права, правоотношения, юридические факты и акты реализации права как «традиционные» составляющие механизма.

Норма права – неделимый элемент системы права, правило поведения, сохраняющее признаки права как социального явления [12, с. 4]. В.В. Лазарев и С.В. Липень дают норме права следующее определение: норма права — это установленное и обеспечиваемое государством общеобязательное правило поведения, предназначенное для регулирования отношений в обществе, при этом указывая, что право и норма права соотносятся между собой как общее и единичное, поэтому и норма права как единичное сохраняет основные признаки права как общего, к которым правоведы относят системность, нормативность, установление компетентными государственными органами, общеобязательность, обеспечение реализации (при необходимости) принудительной силой государства, формальную определенность.

Рассматривая правовые нормы как разновидность социальных норм, определяющихся по способам установления и обеспечения, правоведы В.В. Лазарев и С.В. Липень выделяют в зависимости от специфики объекта регулируемых общественных отношений такой вид правовых норм, как социально-технические правовые нормы, которые устанавливают правила обращения с различными техническими устройствами, правила поведения в отношении различных природных объектов. При этом учёные выделяют параллельно с нормами права также техно-социальные нормы в качестве одного из видов социальных норм, раскрывая их сущность как правила необходимого или целесообразного обращения людей с природными объектами, орудиями труда, различными техническими устройствами [13, с. 210].

Называя норму права «универсальным средством юридического ремесла», «единой регулятивной моделью в доктрине права», «правилом самого права», В.С. Нерсисянц определяет её как общее правило регулирования общественных отношений, согласно которому его адресаты должны при определенных условиях (гипотеза) действовать как субъекты определенных прав и обязанностей (диспозиция), иначе последуют определенные невыгодные для них последствия (санкция), а в качестве признаков права выделяет: общий характер, системность, формальную определенность [27, с. 391].

На основании представленной классификации можно утверждать, что техно-социальные нормы, не нашедшие нормативного закрепления, не могут являться нормами правовыми, однако, приобретая такие признаки правовых норм, как установление компетентными государственными органами, общеобязательность, обеспечение реализации (при необходимости) принудительной силой государства, формальную определенность, они входят в вид правовых норм и становятся социально-техническими правовыми нормами. В качестве примера приведем работу с газотурбинной установкой: в результате эмпирически полученной в результате физики и наращивания технологического опыта работы с подобным оборудованием, специалисты пришли к выводу, что используемое для функционирования газотурбинной установки жидкое топливо должно быть безопасным для человеческого организма, не выделять вещества, представляющие опасность для окружающей среды [14, с. 30] – это техническая норма.

Однако при введении в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18.11.2020 г. №1114-ст Национальным стандартом Российской Федерации «Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы тепловые электрические станции газотурбинные установки. Организация эксплуатации и технического обслуживания. Нормы и требова-

ния» (ГОСТ Р 59182-2020) от 01.03.2021 [15], установившим порядок, правила и требования технического и организационного характера, направленные на обеспечение безопасной и эффективной эксплуатации газотурбинных установок и тепловых электрических станций, техника безопасности при работе с жидким топливом и правила эксплуатации газотурбинных установок получили нормативное закрепление, установленное и введенное в действие государственными органами, определивших также область применения указанных технических норм и тем самым сделавших их техно-правовыми нормами.

Отношения «человек-техника» развиваются и усложняются в очень быстром темпе. Также стремительно развивается техническое регулирование отношений человека и окружающего мира. Меняется и общество, что влечет за собой изменение в соотношении общественных регуляторов. Таким образом, мы можем назвать первую особенность в современном механизме правового регулирования: возрастающую роль техно-юридических норм по сравнению с другими нормами права.

В условиях 4-й промышленной революции достижения естественных и технических наук должны получить более основательную правовую поддержку и защиту. Без правовых средств и механизмов достижения этих наук, во многих случаях, внедрены не будут. И здесь механизм верификации результатов естественных и технических наук должен быть совмещен с процессом определения результативности правовых средств, закрепляющих и опосредующих эти достижения [16, с. 113].

Для целей достижения этого баланса общественных регуляторов правовому обществу необходимо бросить силы на разрешение вопросов органичного синтеза индивидуальной морали, ценностной системы общества и юридических средств, составляющих механизм правового регулирования.

Если государство имеет перед собой целью гармоничное развитие, экономический рост и эффективное регулирование общественных отношений, ему стоит направить все силы на актуализацию правового инструментария в разрезе ежеминутно расширяющейся роли технологий в обществе.

По справедливому замечанию А.В. Корнева, в современных реалиях особую актуальность приобретают исследования, основанные на использовании кибернетического, синергетического, подходов, а также математического метода и метода научного моделирования. Согласно кибернетическому подходу, право сможет, по всей видимости, оказывать регулирующее воздействие в «реперных точках», на «входе» или «выходе» системы. Сам же процесс регулирования (например, смарт-контракты), будет осуществляться с помощью цифровых технологий [16, с.112].

На наш взгляд, в этом разрезе технико-юридическим нормам стоит отдать центральное место среди других видов правовых норм, так как они являются связующим звеном между содержанием социальных и технических норм и способны служить юридическим оформлением ценностных убеждений общества и с помощью специфических для правовых норм средств обеспечения своей эффективности плодотворно воздействовать на всё более технологизируемую действительность. Этот этап развития теоретических положений правового регулирования, без сомнения, можно назвать кризисным, однако, как мы знаем, кризис предоставляет наилучшие возможности для развития. В наших силах глубоко и комплексно переосмыслить сущность правовой нормы, пользуясь всем инструментарием современной науки и

реализуя её прогностическую функцию, и тем самым увеличить её эффективность и эффективность всего механизма правового регулирования.

Правовые нормы, содержащие признаки технических норм, находятся на качественно новом уровне по степени их соблюдения и, ведь, в отличие от сугубо социальных норм, нарушение технико-юридических норм несёт объективно обусловленные последствия в виде вреда, зачастую физического, причиняемого человеку самому себе в процессе их нарушения, серьёзные экономические последствия при невозможности осуществить какие-то действия (неисправность механизма) или неправильной эксплуатации объекта регулирования, значимые социальные последствия и приводит в дальнейшем к ограничению в совершении каких-то действий, то есть влечет для индивида отставание от технического прогресса.

Техно-юридические нормы – это смежная категория права и технологий, мост между гуманитарным знанием и миром в эпоху цифры, категория норм, первая отвечающая на вызов времени. Следовательно, возрастающая роль этого вида норм помогает в увеличении эффективности правовой системы в целом.

В правовой науке также выделяют так называемые цифровые нормы в качестве разновидности технических норм. Цифровые нормы – это программа, система кодов, разработанная людьми, она носит субъективный характер, это, в отличие от объективно существующих законов природы, продукт человеческой деятельности, что отличает цифровые нормы от технических норм. Цифровые нормы сформированы людьми в ходе взаимодействия в виртуальном пространстве. Рассуждая о наиболее эффективной имплементации цифровых норм в механизм правового регулирования, И.С. Барзилова предлагает осуществить это внедрение по аналогии с уже апробированным на практике механизмом использования в отечественной правовой системе технико-юридических норм [28, с.101].

Ещё одно традиционное средство правового регулирования – юридические факты. Под юридическим фактом понимается конкретное жизненное обстоятельство, с которым норма права связывает наступление определенных правовых последствий [17, с. 28]. Факт из жизни отдельно взятого индивида или общества сам по себе не обладает имманентным свойством считаться или нет юридическим фактом. Чертами юридических фактов то или иное деяние (действие или бездействие) наделяет государство посредством классификации юридических фактов. Факты, признанные государственным аппаратом юридическими, являются основанием для возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей субъектов права. Свершение определенных юридических фактов способно менять правовой и гражданский статусы человека, такие социальные конструкции, как родство, приобретение гражданства, избрание на пост президента страны, рождение и даже констатация смерти создаются посредством установления юридического факта и влекут за собой юридически установленные последствия. От правильного установления юридического факта зависит эффективность действия правовых норм и всего механизма правового регулирования. Критичное свойство юридического факта, показывающая обоснованность признания этого понятия в роли самостоятельной составляющей правового регулирования, заключается в том, что юридические факты являются основанием возникновения правоотношений, а также своим возникновением обеспечивают процесс перехода от общей (абстрактной) правовой модели, установленной определенной нормой права, к конкретному правоотношению. Юридический факт ознамено-

вызывает динамику механизма правового регулирования, соответствие свершившегося юридического факта ожиданием законодателя от возникши после этого факта прав и обязанностей является индикатором исправности механизма правового регулирования.

Очевидно, что дигитализация права привнесла в социальную действительность до этого не существовавшие юридические факты, порождающие новые виды правоотношений, иногда с участием новых субъектов права. К таким можно отнести: куплю-продажу криптовалюты, так называемую цифровую смерть, кражу персональных данных из электронного личного кабинета, порча чужого имущества посредством передачи компьютерного кода и многие другие. В случае с юридическими фактами, изменения заключаются не в трансформации самой сущности этого юридического средства, но в расширении классификации юридических фактов за счёт появления ранее не существовавших.

Юридические факты также могут быть актами реализации права – то есть актами соблюдения, исполнения, использования и применения права. В теории права под актами применения права понимаются фактическое поведение участников правовых отношений в виде соблюдения, исполнения и использования права. Здесь заканчивается действие механизма правового регулирования, достигается упорядоченность общественных отношений, т. е. устанавливается правопорядок

Акты реализации права – апогей действия механизма правового регулирования. Они могут существовать и в письменной форме, и без письменного закрепления. Особо выделяется акт применения права, содержащий в себе такие признаки, как: индивидуальный, издаваемый компетентным государственным органом власти (являющийся результатом волеизъявления государства), совершаемый определенным компетентным субъектом в рамках конкретных правоотношений, его целью является выявление и определение корреспондирующих друг другу прав и обязанностей на основе соответствующих правовых норм. Акты применения права подлежат классификации по сфере действия (по времени, в пространстве, по кругу лиц), по субъектам правоприменения, по отраслевой принадлежности воплощаемой нормы права, по функциональному признаку, по характеру содержащего в себе волеизъявления компетентных органов (поощряющие, обязывающие, разрешительные, предписывающие и т.д.), по способу выражения (акты-действия, акты-документы, акты символы) [2, с. 325].

Говоря о влиянии цифровизации на рассматриваемое юридическое средство, мы можем о субъектах, осуществляющих составление правоприминительных актов, а именно рассуждать о частичном делегировании составления этих актов искусственному интеллекту. Подобная практика ещё не получила официального закрепления в инструментарии отечественного законодателя, однако зарубежный опыт позволяет составить прогнозы о вероятном внедрении подобных технологий и в России, так как они представляют собой решение проблемы с загруженностью органов власти и являются отличным решением для устранения бюрократических сложностей и оптимизации времени. Однако, безусловно, в этом аспекте мы сталкиваемся с вопросом защиты персональных данных и целым рядом вопросов правовой этики.

Правоотношения – устойчивый и неотъемлемый элемент механизма правового регулирования. Правоотношения представляют собой разновидность общественных отношений, т. е. связь между людьми, их поступками, поведением, деятельностью.

От других видов отношений их отличает то, что их возникновение обусловлено воздействием норм права на одного или более людей; они представляют собой выражение осознанной воли человека; они связывают участников между собой посредством субъективных прав и обязанностей, корреспондирующих друг другу; в этом виде правоотношений участники определены или посубъектно, или им назначены определённые социальные роли (истец и ответчик, должник и кредитор); правоотношения находятся под охраной государства; юридический характер правоотношения приобретают на основании актов органов власти государства; это самый регламентированный вид общественных отношений.

Содержание правоотношения составляют субъективные права и юридические обязанности. Эти элементы позволяют судить о характере и цели правоотношения. В юридической литературе различают юридическое и фактическое содержание правоотношения. Юридическое содержание — возможность совершения определенных действий управомоченным лицом или необходимость выполнения тех или иных действий обязанным лицом, а также необходимость соблюдения запретов, установленных нормами права. Фактическое содержание составляют реальные действия по осуществлению субъективных прав и выполнению юридических обязанностей.

В традиционной правовой науке принято выделять такие субъекты правоотношений, как физические лица (которые приобретают правовой статус в правоотношениях), юридические лица (организации), социальные общности (народ, население), государство в целом и отдельные государственные органы. Также, на наш взгляд, в вопросе определения круга субъектов права и правоотношений целесообразно обратиться к прогностической функции науки и правовой науки, в частности, и включиться в дискуссию о возникновении в настоящее время новых субъектов права, и новых видов правовых отношений.

Общественные отношения всё больше погружаются в цифровую плоскость и находят ранее не существовавшее выражение. За счёт появления новых видов отношений, связанных с цифровыми технологиями, использованием цифровых информационных ресурсов, развитием робототехники, распространения использования искусственного интеллекта, необходимости идентификации личности в виртуальном пространстве, а также отношений, в которых участвуют цифровые личности появляются новые субъекты права. Существует дискуссия о возникновении так называемого цифрового наследника. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», наследники наследуют только исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В научной литературе их часто называют нетипичными, или особыми, субъектами права [18]. Некоторые подобные субъекты даже получают нормативное закрепление, например, Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» введено понятие «оператор информационной системы»; Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает правовой статус оператора обмена цифровых финансовых активов, а также иных видов цифровых прав, выпущенных с использованием инвестиционной платформы [19]. Говоря о новых, ранее не входящих в совокупность составляющих механизм

правового регулирования в условиях цифровой экономики средствах, можем сказать, что в настоящее время в правовой науке есть лишь не завершённые в оформлении концепции по этому вопросу. Инновации для права – это не просто один из сторонних факторов социальной жизни, но один ключевых факторов трансформации права. Праву присущи развитие и обновление, т.к. в любом обществе существуют две противоположные тенденции: тенденция к непрерывному развитию и совершенствованию и тенденция сохранению традиционного порядка вещей.

В своем исследовании Е.А. Войниканис, рассуждая о роли технологий в правовом регулировании, утверждает, что «даже самый общий взгляд на регулирование правоотношений в сфере информационных технологий (интернет-сервисов, электронной коммерции, электронного правительства, мобильных платежей и мобильной связи, социальных сетей, разнообразных баз данных и т.д.) показывает, что регулируются эти правоотношения не только традиционными правовыми инструментами, но и с использованием самих этих технологий. Более того, технологии как инструмент регулирования приобретают все большее значение» [20, с. 124].

Так, например, можно выделить такие средства, как свободные лицензии, умные контракты, средства правовой идентификации субъектов и объектов [21, с. 142-146] и так называемые цифровые нормы [28, с. 101]. Свободные лицензии (от англ. «free software» – программное обеспечение, распространяемое на условиях определенных лицензий) – это комплекты типовых условий (GNL, BSD, MPL), установленные физическими или юридическими лицами, которые являются правообладателями программных продуктов [22, с. 135]. Ричард Столман, основатель Фонда свободного программного обеспечения и руководитель разработки операционной системы в своей речи, произнесенной 17 февраля 2004 года в Национальном техническом институте в Тричи (Тамилнад, Индия), сказал: «Я хочу свободы больше, чем денег, и не позволю использовать свой код в несвободных программах, даже если мне предложат заплатить за него. Но у нас есть люди, сторонники открытого исходного кода, использующие GPL и получающие деньги за то, что вносят свой вклад в чью-то проприетарную программу» [23]. Свобода – главный лейтмотив и мотивация мистера Столлмана и его коллег по цеху творить новую, цифровую реальность. Очевидно, что вопрос повсеместного использования и правового регулирования свободных лицензий – это вопрос о пересмотре пределов правового регулирования, требующий глубокого изучения в рамках отдельного исследования. Мы можем утверждать, что правовое регулирование использования свободных лицензий должно обеспечить реализацию основных правовых принципов.

Под умными контрактами, или смарт-контрактами, понимается новая форма заключения сделки, наряду с устной, простой письменной и нотариальной. Это не однозначно, отдельный вид договора или сделки в общем, так как смарт-контракт не содержит в себе нового вида обязательств, но придает сделке ряд чрезвычайно важных особенностей, которые по своему характеру больше относятся к средствам обеспечения обязательств, способу и форме заключения договора одновременно.

Под умными контрактами, или смарт-контрактами, понимается новая форма заключения сделки, наряду с устной, простой письменной и нотариальной. Это не однозначно, отдельный вид договора или сделки в общем, так как смарт-контракт не содержит в себе нового вида обязательств, но придает сделке ряд чрезвычайно важных особенностей, которые по своему характеру больше относятся к средствам

обеспечения обязательств, способу и форме заключения договора одновременно [24, с. 79]. Формой существования умного контракта является программный код, а не просто текстовая электронная форма традиционного договора. В настоящее время в национальном законодательстве отсутствует нормативно закреплённое определение смарт-контрактов и не разработано необходимого регулирования деятельности специализированных платформ, которые действуют на базе технологии блокчейн или аналогов этой технологии. К достоинствам и особенностям смарт-контракта можно отнести исключение посредников в их заключении, точность, скорость, прозрачность, безопасность, достигающаяся сложным шифрованием данных и высокой защитой от угрозы взлома, экономия из-за отсутствия издержек, автоматизированность, а также их свойство, как самоисполнимость. При должном правовом оформлении умные контракты способны значительно упростить гражданские правоотношения.

Средства правовой идентификации субъектов и объектов обладают критической важностью в условиях, когда возникают новые объекты и субъекты правоотношений. Однако и для идентификации традиционных объектов правоотношений в сети Интернет они также чрезвычайно важны. При правовом регулировании в сфере информационных технологий следует учитывать влияние природы последних на механизмы идентификации. Особенности технических стандартов и протоколов определяют наличие различных видов идентификаторов у пользователей, самой информации, технических средств и устройств, что влияет на условия использования и обработки информации при идентификации субъектов информационных правоотношений. Также нужно иметь в виду, что возможны ситуации, когда идентификация в силу содержания и объёмов имеющейся информации может оказаться невозможной или неполной [25, с. 16].

При изучении сущности новых средств правового регулирования, мы видим острою необходимость в разработке единой правовой терминологии, точно отображающей их сущность, а также необходимость в нормативном закреплении этих средств и их огромный регулятивный потенциал, требующий досконального изучения и адаптации этих средств к национальной правовой системе.

Рассматривая составляющие механизма правового регулирования в цифровой экономике и осуществляя глубокий анализ трансформационных тенденций в правовом регулировании, правоведы Т.В. Шатковская, Т.В. Епифанова, Н.Г. Вовченко выделяют такие свойства механизма правового регулирования, как диспозитивность, то есть избирательность общественных отношений для юридического воздействия с учетом интересов участников правоотношений, самостоятельно устанавливающих для себя регламентирующие нормы; определенность в плане установления границ правовых возможностей лиц и стабильность в отношении существующих юридических запретов и требований к правовому поведению субъектов; антитимонопольную направленность и нацеленность на эффективное (лучшее) решение общезначимых юридических задач и реализацию субъективных прав частных лиц; сбалансированность, обусловленную необходимостью сохранения баланса интересов правообладателей, пользователей и публично-правовых образований и проявляющуюся в обеспечении равных правовых возможностей участников правоотношений и соразмерности их субъективных прав и юридических обязанностей; дина-

мичность как непрерывный процесс создания новых правовых средств и форм в противовес статичной системы действующего правового регулирования [21, с. 144].

Краткий анализ изменений, происходящих внутри механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики, позволяет нам увидеть две основные тенденции этих изменений: первая заключается в трансформационных процессах внутри традиционных правовых средств внутри механизма правового регулирования (увеличение роли и количества технико-юридических норм, появление новых видов юридических фактов, новых субъектов правоотношений и т.д.); вторая тенденция, на наш взгляд, заключается в возникновении новых правовых средств в составе механизма правового регулирования. Рассмотренные изменения несут за собой приобретение механизмом правового регулирования новых свойств, свидетельствующих о развитии этого механизма. По этому поводу учёные Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор пишут: «В условиях интенсивной «цифровизации» происходит модификация сферы правового регулирования. Она становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи. Ее образуют как типичные, так и нетипичные для нее, с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования, общественные отношения, включая те, которые практически исключают непосредственное участие человека» [26, с. 96].

Использование цифровых технологий выдвигает проблему изменения сферы правового регулирования, пределов и интенсивности регулирующего воздействия права, трансформации информационно-психологического и инструментального аспектов действия права [16, с. 115]. Это говорит об усложнении процессов, протекающих в социальной среде. Механизм правового регулирования – главный идентификатор эффективности правовой системы. Изучить закономерности протекающих внутри структуры механизма правового регулирования процессов значит возыметь возможность составить прогнозы о тенденциях развития всей правовой системы.

Список литературы:

1. Dr. Albert Einstein (Institute for Advanced Study, Princeton, New Jersey) / Considerations Concerning the Fundaments of Theoretical Physics – Science, Volume 91, Number 2369, 1940, Column 2, American Association for the Advancement of Science, Washington D.C. (JSTOR) 487-492 с. – URL: <https://dzodzo.ru/socessay/poisk-istiny-vazhnee-chem-obladanie-eyu-a-ejnshtejn/>
2. Радько, Т. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров : / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. – Москва: Проспект, 2014. – 564 с.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966, С. 30.
4. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С. 625.
5. Скрипник Александр Владимирович/ Механизм правового регулирования: его составные части и содержание // Право и государство: теория и практика. 2019. №4 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizm-pravovogo-regulirovaniya-ego-sostavnye-chasti-i-soderzhanie>
6. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров. –М.: Юрайт, 2010, с. 397.
7. Шабалин В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Сов. государство и прав, 1969, № 10, с. 124-125
8. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. — М., 1980, с. 14.
9. Гревцов, Ю.И. Проблемы теории правового отношения. – Л.: ЛГУ, 1981. – С. 73.
10. Лексические значение слова механизм. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/%D0%BC/%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 01.01.2024)
11. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема//Правоведение. 1999.№ 2.С. 7-8.
12. Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография/ Т.В. Губаева, Л.А. Гумеров, А.В. Краснов и др; отв.ред. Т.В. Губаева/ А.В. Краснов; Рос.акад.правосудия. – М.: РАП, 2014 – 164 с.

13. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – С. 448; 210.
14. Карташавич, А.Н. Топливо, смазочные материалы и технические жидкости: учебное пособие/ А.Н. Карташавич, В.С. Товстыка, А.В. Гордеев; под ред. А.Н. Карташавича. М.: ИНФРА-М, 2022 – 421 с.
15. Национальный стандарт Российской Федерации. Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы. Тепловые электрические станции. Газотурбинные установки. Организация эксплуатации и технического обслуживания. Нормы и требования. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/573116012> (дата обращения: 28.02.2024).
16. Корнев А.В., Барзилова И.С., Липень С.В., Танимов О.В., Шепелев Д.В., Арнаутова А.А. / Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху: монография/под. Науч.рук. А.В. Корнева. – Москва: Проспект, 2021 – 176 с.
17. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958. – С. 28.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. №№ 9 «О судебной практике по делам о наследовании». - Электрон. текстовые дан. -Режим доступа: www.pravo.gov.ru. - Загл. с экрана.
19. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 06.03.2024).
20. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 552 с.
21. Шатковская Т.В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-struktury-mehanizma-pravovogo-regulirovaniya-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 26.03.2024).
22. Демьянченко Д. А., Григоренко Д. С. Понятие «свободной» лицензии и проблемы её правовой имплементации в российское гражданское законодательство // Инновации в науке. 2016. №4-2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobodnoy-litsenzii-i-problemy-eyo-pravovoy-implementatsii-v-rossiyskoe-grazhdanskoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 13.03.2024).
23. Речь о свободных программах (2004). – <https://www.gnu.org/philosophy/nit-india.html>
24. Гармашев М. А. Смарт-Контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-dogovor-vidy-sposoby-zaklyucheniya-i-soversheniya-problemy-ispolneniya> (дата обращения: 13.03.2024).
25. Наумов В.Б., Полякова Т.А. Правовые Проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии Права И Управления. 2016. №2 (43). URL: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Pravovye-Problemy-Identifikatsii-Subektov-V-Gosudarstvennyh-I-Negosudarstvennyh-Sistemah-V-Rossii> (Дата Обращения: 13.03.2024).
26. Хабриева Т. Я. Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti>
27. В.С. Нерсесянц / Общая теория права и государства: учебник – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023, 560 с.
28. Корнев А.В., Барзилова И.С., Липень С.В., Танимов О.В., Шепелев Д.В., Арнаутова А.А. / Проблемы трансформации системы законодательства в условиях развития цифровых технологий: монография/под. Науч.рук. А.В. Корнева. – Москва: Проспект, 2021 – 176 с.

Kulieva A.M. Transformation processes in the legal regulation mechanism in the conditions of digitization of law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – Р. 43–56.

The article is devoted to the analysis of changes occurring in the Russian legal system and, in particular, in the internal structure and in the elemental composition of the mechanism of legal regulation. Law, being subject to abrupt and chaotic changes in the conditions of a new social reality and a change in the technological way of life of society, is not always able to adapt and update the means of legal influence to dynamically developing social relations without losing its effectiveness. In science, an active discussion has developed about the expansion or, conversely, narrowing of the limits of legal regulation in connection with the emergence of new types of social relations and subjects of legal influence. The mechanism of legal regulation, although it consists of both static and dynamic legal means, in its essence is the main manifestation of the dynamic properties of the life of law and represents the main identifier of the effectiveness of the law. The system of legal means that are part of the mechanism of legal regulation requires substantive consideration in the context of new socio-economic conditions. The article provides theoretical and legal provisions on transformation processes within this system and examines prognostic concepts of its development.

Key words: mechanism of legal regulation, digitalization of law, elemental composition of the mechanism of legal regulation, effectiveness of legal regulation, technologization of social relations.

Spisok literatury:

1. Dr. Albert Einstein (Institute for Advanced Study, Princeton, New Jersey) / Considerations Concerning the Fundamentals of Theoretical Physics – Science, Volume 91, Number 2369, 1940, Column 2, American Association for the Advancement of Science, Washington D.C. (JSTOR) p. 487-492. – <https://dzodzo.ru/socessay/poisk-istiny-vazhnee-chem-obladanie-eyu-a-ejnshtejn/>

2. Rad'ko, T. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov : / T. N. Rad'ko, V. V. Lazarev, L. A. Morozova. – Moskva: Prospekt, 2014. – 564 s.
3. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: YUrid. lit., 1966, S. 30.
4. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. M.: YUrist", 1997. S. 625.
5. Skripnik Aleksandr Vladimirovich/ Mekhanizm pravovogo regulirovaniya: ego sostavnye chasti i sodержanie // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. №4 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mekhanizm-pravovogo-regulirovaniya-ego-sostavnye-chasti-i-soderzhanie> (
6. Perevalov V.D. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. M.: YUrajt, 2010, s. 397.
7. SHabalin V.A. Sistemnyj analiz mekhanizma pravovogo regulirovaniya// Sov. gosudarstvo i prav, 1969, № 10, s. 124-125
8. Isakov V.B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya. — M., 1980, s. 14.
9. Grevcov, YU.I. Problemy teorii pravovogo otnosheniya. — L.: LGU, 1981. — S. 73.
10. Leksicheskie znachenie slova mekhanizm. — URL: <https://lexicography.online/explanatory/%D0%BC/%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (data obrashcheniya: 01.01.2024)
11. Mal'ko A. V. Pravovye sredstva kak obshcheteoreticheskaya problema. S. 7–8
12. Normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie: Monografiya/ T.V. Gubaeva, L.A. Gumerov, A.V. Krasnov i dr; otv.red. T.V. Gubaeva YA A.V. Krasnov; Ros.akad.pravosudiya. — M.: RAP, 2014 — 164 s.
13. Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov. - M.: Izdatel'stvo «Spark», 1998. - s. 210
14. Kartashavich, A.N. Toplivo, smazochnye materialy i tekhnicheskie zhidkosti: uchebnoe posobie/ A.N. Kartashevich, V.S.Tovstyka, A.V.Gordeenko; pod red. A.N. Kartashevicha—Moskva: INFRA-M., 2022, 421 s.
15. <https://docs.cntd.ru/document/573116012> (data obrasheniya: 28.02.2024)
16. Kornev A.V., Barzilova I.S., Lipen' S.V., Tanimov O.V., SHepelev D.V., Arnautova A.A. / Sistema prava i sistema zakonodatel'stva: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya v cifrovuyu epohu: monografiya/pod. Nauch.ruk. A.V. Korneva. — Moskva: Prospekt, 2021 — 176 s.
17. Krasavchikov, O.A. YUridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. — M., 1958. —S. 28
18. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 g. №№ 9 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii». - Elektron. tekstovye dan. -Rezhim dostupa: www.pravo.gov.ru. — Zagl. s ekrana.
19. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
20. Vojnikanis E.A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v cifrovuyu epohu: paradigma balansa i gibkosti / E.A. Vojnikanis. — M.: ID «YUrisprudenciya», 2014. — 552 s.
21. SHatkovskaya T.V., Epifanova T. V., Vovchenko N. G. Transformaciya struktury mekhanizma pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-struktury-mekhanizma-pravovogo-regulirovaniya-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
22. Dem'yanchenko D. A., Grigorenko D. S. Ponyatie «svobodnoj» licenzii i problemy eyo pravovoj mplementatsii v rossijskoe grazhdanskoe zakonodatel'stvo // Innovacii v nauke. 2016. №4-2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobodnoy-litsenzii-i-problemy-eyo-pravovoy-implementatsii-v-rossiyskoe-grazhdanskoe-zakonodatelstvo> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
23. <https://www.gnu.org/philosophy/nit-india.html> (data obrashcheniya: 10.03.2024)
24. Garmashev M. A.Smart-Kontrakt kak dogovor. Vidy, sposoby zaklyucheniya i soversheniya, problemy ispolneniya // Legal Bulletin. 2023. №2. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-dogovor-vidy-sposoby-zaklyucheniya-i-soversheniya-problemy-ispolneniya> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
25. Naumov V.B., Polyakova T.A. Pravovye Problemy identifikatsii sub"ektov v gosudarstvennyh i negosudarstvennyh sistemah v Rossii // Vestnik Akademii Prava I Upravleniya. 2016. №2 (43). Url: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Pravovye-Problemy-Identifikatsii-Subektov-V-Gosudarstvennyh-I-Negosudarstvennyh-Sistemah-V-Rossii> (Data Obrashcheniya: 13.03.2024).
26. Habrieva T. YA. CHernogor N. N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. №1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti>
27. V.S. Nersesyanc / Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik. M.: Norma: INFRA-M, 2023 — 560 s.
28. Kornev A.V., Barzilova I.S., Lipen' S.V., Tanimov O.V., SHepelev D.V., Arnautova A.A. / Problemy transformatsii sistemy zakonodatel'stva v usloviyah razvitiya cifrovyyh tekhnologij: monografiya/pod. Nauch.ruk. A.V. Korneva. — Moskva: Prospekt, 2021 — 176 s.

УДК 340.12

ЭКУМЕНИЗМ, ПРОТОГЛОБАЛИЗМ, АНТИНАЦИОНАЛИЗМ – ТРИАДА БУДУЩЕГО В. С. СОЛОВЬЕВА¹

Сафронов Н. А.

Юго-Западный государственный университет

Статья посвящена анализу воззрений на церковь, государство и общество в аспекте их взаимодействия выдающегося русского философа В.С. Соловьева (1853-1900) - автора ряда оригинальных идей, вызывавших и вызывающих научные и мировоззренческие дискуссии. Концепция свободной теократии, теория социальной троицы человечества, русская идея – отражали идеалы общественного устройства, организации публичной власти и государственно-церковных отношений в представлении религиозного мыслителя. В его триаду идеального теократического будущего легли идеи экуменизма, протоглобализма и антинационализма. Истинная вселенская церковь должна воспринять католическую традицию и иметь единый центр управления во главе с верховным первосвященником. Государственная власть самостоятельна в реализации своего назначения, но находится по духовным авторитетом церкви. Идеал государственной формы – вселенская монархия под властью императора. Не отрицая национальных различий и призывая сохранить лучшие черты национальной самобытности, под народом Соловьев понимал не этническую общность, а нацию, призванную реализовать Божественный замысел. В его представлении совершенная организация теократического общества базируется на единстве трех властей – священства, царства и пророчества, а русская идея в отказе от национализма и псевдопатриотизма, в стремлении ко вселенской солидарности и реальному воплощению социальной троицы.

Ключевые слова: В.С. Соловьев, русская идея, теократия, государство, церковь, общество, православиe, католицизм, вселенская церковь, экуменизм, протоглобализм, антинационализм, государственность, доктрина, социальная троица.

В настоящее время в условиях тектонических геополитических преобразований в общественно-политическом дискурсе активно обсуждается вопрос о будущем России. Ответы на вопрос: какое государственно-правовое устройство отвечает ментальности российской цивилизации, ищут чаще всего консервативной политической доктрине. В последние годы тема мессианской роли России вновь становится актуальной.

Одним из популярных направлений российского мессианства выступает идея России как «катехона» – православной империи, удерживающий мир от зла [1; 7; 16 и др.]. В 2016 г. вышел масштабный коллективный труд «Русская доктрина», авторы которого, показали уникальность и своеобразие российской цивилизации и предприняли попытку определить векторы дальнейшего развития, опираясь на катехоническую теорию государственности. «Россия, отмечалось в концепции, – это долгожданный синтез «римской» и «греческой» форм Удерживающего, доминанта православного царства ... и интерконфессиональное сверхгосударство» [6, с. 76].

Связь катехона (удерживающего) с государственной властью Вечного Рима, сдерживающего зло и уберегающего мир от прихода Антихриста, характерно для российской консервативной доктрины. Основные идеи теологической концепции Филофея «Москва – Третий Рим» получили широкое распространение в отече-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации программы развития ФГОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»

ственной философской и политико-правовой мысли. Так, в середине XIX в. в трудах славянофилов идея православного самодержавного государства, в котором публичная власть понималась в аспекте сакрального служения, стала одной из интерпретаций теории катехона. Позднее, уже в правовой науке в работах представителей охранительного направления (К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова, позднего П.И. Новгородцева, И.Л. Солоневича, И.А. Ильина и др.) обоснование назначения власти с сотериологических позиций также явилось концептуально близкой темой. Своеобразие России, уникальность ее исторического пути, особое призвание – это темы, широко обсуждаемые в общественном дискурсе второй половины XIX – начала XX века. Идея мессианства (русской идеи) была присуща всем представителям консервативной доктрины. Например, К.Н. Леонтьев (1831-1891) считал, что смысл существования России в удержании «народов на пути безверия, наиболее позднего наступления последних времен. ... Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста» [5, с. 100].

Термин «русская идея», который широко использовался литературе конца XIX – первой половины XX в. в трудах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, В.В. Розанова, Е.Н. Трубецкого, Л.П. Карсавина и др., в научный оборот ввел Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), выступая в 1888 г. в Париже с докладом по одноименной теме. Философ пытался ответить на вопрос: в чем смысл «существования России во всемирной истории» [14, с. 3]. В этой связи особый интерес представляют взгляды этого выдающегося ученого и мистика, определяющей фигуры русской философской мысли.

Труды Соловьева, которые российская общественность конца XIX – начала XX вв. встречала с большим интересом, оказали колоссальное влияние не только на представителей науки, но и на творческую интеллигенцию России. Огромный интерес к фигуре В.С. Соловьева проявляли такие поэты, как А. Блок, З. Гиппиус, В. Брюсов и другие представители символизма, окружавшие личность философа ореолом тайны.

Сам мыслитель считал себя мистиком и даже пророком экуменистического течения в христианстве. Его воззрения на власть тождественны теории «Двух мечей» Аврелия Августина, но приобрели оригинальную окраску. В.С. Соловьев считал, что христианский мир должен объединиться под духовной властью Папы Римского и светской властью императора. Такую форму властвования мыслитель определял, как всемирную теократию. Особой критике В.С. Соловьева подвергался национализм и воззрения на власть восточной ветви христианства, а именно теория катехона.

Впервые антигосударственный пафос, проявился в произнесенной 28 марта 1881 г. публичной речи против смертной казни. Философ, по сути, потребовал от Императора Александра III не казнить цареубийц-народовольцев. В центр его нападок попал русский национализм, ставший в то время основой государственной идеологии Российской Империи. Он пытался доказать ложность всякого национализма, но особенно русского, потому что, если русские считают себя христианами, значит нужно отречься от всякого национального эгоизма и самой мысли о национальном интересе. Главным тезисом, доказывающим это утверждение, философ считал формулировку апостола Павла, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея». На наш взгляд, это суждение не является верным. Эллины и иудеи – это не национальности, а

в данном случае два религиозных закона – языческий и иудейский соответственно. В конце Евангелия от Матфея Спаситель говорит апостолам: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» [Мф. 28:19]. В Откровении святого Иоанна Богослова в «Апокалипсисе» в описании Небесного Иерусалима сказано в главе: «Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою» [Откровение Иоанна Богослова 21:24].

Критикуя русский национализм, философ утверждал, что принцип нации, должен выражаться не в национальном эгоизме, а в справедливости, в соответствии с которой все народы имеют право на самоопределение и самовыражение, объединяются общей идеей служения сверхнациональному вселенскому христианскому делу. Универсализм христианства проявляется в объединении народов во всечеловечество, поэтому задача вселенской христианской Церкви объединять мир в единый социум Богочеловечества. При этом, определяя ключевые особенности русского народа, он явно ему симпатизировал. По мнению В. С. Соловьева, в похвалах самому себе народ выражает свой национальный идеал. Так, французы называют Францию прекрасной; англичане – Англию старой; немцы – Германию верной, а русские – Русь святой. «Святая Русь требует святого дела» [10, с. 79]. Таким делом русского народа Соловьев считал духовное примирение католиков и православных в единую вселенскую христианскую церковь. Однако реализации этой миссии мешает псевдопатриотизм, который базируется на идеях национального эгоизма. В.С. Соловьев писал: «Истинная любовь к народу желает ему действительного блага, которое достигается только исполнением нравственного закона, путем самоотречения. Такая истинная любовь к народу, такой настоящий патриотизм тем более для нас, русских, обязателен, что высший идеал самого русского народа (идеал «святой Руси») вполне согласен с нравственными требованиями и исключает всякое национальное самолюбие и самомнение» [10, с. 96].

Выступая во Франции с докладом «Русская идея», Соловьев признавал оригинальность исторического пути России, ее «своеобразное величие», но считал его чисто отрицательным. По его мнению, выбрав европейский вектор развития, Россия заимствовала в европейской цивилизации второстепенное, оставив за бортом главное. Соловьев был безусловным глобалистом. Он доказывал, что, если религия и наука признают субстанциональное единство мира, что человеческий род един и различные нации члены общего социального организма, то и идея нации не может быть ее выдумана, она определяется Богом. «Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [14, с. 3]. Соответственно сугубая идея нации как морального существа – это ее «верховный долг», смысл бытия, предначертанный Богом. Однако народ может не понять своего исторического назначения, например, «вне христианства историческое дело Израиля потерпело крушение» [14, с. 11]. Такую же проблему Соловьев видел и в России, увлеченной национальными идеями и панславизмом. «Знамя вселенской церкви не может быть знаменем национального обособления и международного соперничества: этим оно осквернено, это нужно смыть с него. Истинная национальная деятельность должна вдохновляться и управляться тем, что выше национальности» [14, с. 7]. Стремление к единой христианской цивилизации – есть главная национальная цель.

Однако объединение христианских церквей в единую Вселенскую должно было базироваться на католической модели церковной организации. Соловьев критиковал и византийскую традицию, именуя ее «растленной Византией». Он считал, что ориентация России на Константинополь принесла России идею абсолютизации государства и цезаропапизм; преобразование Римской Империи в Византийскую по своему духу было языческим, абсолютизовавшим государство и породившем ересь цезаропапизма. В.С. Соловьев полагал, что отечественная богословская традиция базируется на партикуляризме и не способствует объединению. По мнению Г.В. Флоровского (1893-1979) – богослова и сторонника экуменических идей «вера в Вечный Рим являлась одной из исходных положений теократического учения Соловьева. Сам Древний Рим, Священная Римская империя цезарей, сущностно принадлежал, в его понимании, к истории спасения» [15]. Но в социальное тело христианства через Византийскую империю проник грех национального партикуляризма и абсолютистского цезаропапизма, а Россия как восприимчица Византии им заразилась. «И теперь Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности и послушное орудие мирской власти» [10, с. 48].

Церковь в восточной традиции, доказывал В.С. Соловьев, превратилась составную часть государственного аппарата – государственное религиозное учреждение, а государственная власть выступает хранительницей религиозных догматов господствующей веры. «Меч духовный – слово – ржавеет, упраздненный мечом государственным. ... Установление, покинутое Духом истины, не может быть истинной Церковью Бога» [29-30]. Соловьев полагал, что именно от традиций церковной организации должна отказаться Россия. Католическая церковь во главе с Римским Папой лучше отражает будущую модель Церкви католической. «Для всеобщей, или католической, Церкви должно существовать общее, или интернациональное, священство, централизованное и объединенное в лице общего Отца всех народов, верховного первосвященника» [14, с. 40].

Экуменизм, протоглобализм, антinationализм предлагались философом в оппозицию известной триаде С.С. Уварова – православие, самодержавие, народности. Хотя сам философ утверждал, что саму формулу не отрицает, а лишь вкладывает в нее другой смысл. В триаде В.С. Соловьева «истинно-вселенское православие», сочетает в себе две основные ветви христианства. Именно к такой интеграции должна стремиться раздробленная христианская Церковь. Вселенская церковь должна иметь единственный центр управления во главе с верховным первосвященником. Под самодержавием он понимал не абсолютизм, а самодержавного царя, подчиненного духовному авторитету Вселенской церкви. Под народностью – не этническую общность, а нацию, призванную реализовать Божественный замысел, «народ – теократический по призванию и обязанности» [10, с. 107].

Идея социальной троицы человечества лежала в основе его христианской теократической концепции. Соловьев утверждал, что составными частями социальной троицы выступают: церковь, государство и общество. При этом церковь не национальная, а единая; государство, подчиненное Вселенской церкви; общество, объединенное в послушании государственной и церковной власти и стремящееся к вселенскому братству.

На этих идеях выстроена и его утопическая доктрина свободной теократии [8, 9, 10, 11], развитие которой прошло ряд этапов. Мыслитель описывал теократическую модель через проекцию христианского догмата о Божественном Троиединстве. В его представлении совершенная организация общества базируется на единстве трех властей – священства, царства и пророчества. Вселенская церковь отождествлялась им со священством Бога Отца; царство – с властью Бога Сына; пророчество – с действием Святого Духа.

Церковная власть во Вселенской церкви должна принадлежать, как уже отмечалось, верховному первосвященнику – Римскому Папе, который согласно католической традиции считается апостольским преемником Святого Петра, получившего от Иисуса Христа «Ключи от Небес» [9, с. 152]. Кроме того, доказывал В.С. Соловьев, именно католической церкви удалось сохранить вселенское единство в церкви и избежать национального церковного партикуляризма. При этом он считал, что национальные различия должны сохраниться, а народы – оставаться самобытными общностями вселенского организма.

Царство (государственная власть) сохраняет свои традиционные функции, но должно находиться под духовным авторитетом Церкви. Соловьев достаточно последовательно выступает сторонником самодержавия. «Под самодержавием, – писал он, – я понимаю не восточный деспотизм и не абсолютизм римских Кесарей, а служение христианского Царя – самодержавного, потому что он не подчинен никакой внешней юридической власти, но внутренне добровольно сам подчиняет себя духовному авторитету церкви» [10, с. 107]. При этом тему «всемирного императора» и всемирной монархии в его творчестве вряд ли можно признать проработанной, однако в письме к И.С. Аксакову в 1883 г. отмечал, что эта идея «есть вековечное чаяние народов» [13, с. 326]. Российской Империи Соловьев отдавал немалую роль, но только в том случае, если она откажется от псевдопатриотизма и пожелает «служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение» [14, с. 50].

Власть пророков должна стать «истинным орудием Святого Духа» [14, с. 50], призванным объединить устремления церкви и государства к истине, обеспечить социальное единство. В.С. Соловьев считал, что все вышеназванные начала (церковь, государство и общество) свободны, но безусловно связаны.

Русскую идею он видел в отказе от национализма и псевдопатриотизма, в стремлении ко вселенской солидарности и реальному воплощению социальной троицы. К началу XX в. В.С. Соловьев отошел от своей концепции свободной теократии, которая подверглась критике. Ее называли «утопической ересью», а Соловьева – К.Д. Победоносцев назвал «обезумевшим» «пророком» [2, с. 151]. В конце творческого пути Соловьев предстаёт мыслителем с эсхатологическим видением философии истории. Однако его представления об идеальном будущем, в основу которого были положены идеи экуменизма, протоглобализма, антинационализма, продолжали и продолжают вызывать общественные дискуссии.

Список литературы:

1. Будрайтскис И. Б. Что «удерживает» катехон? Конечность государства в консервативной и социалистической мысли // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 13–33.

2. Вл. Соловьев.: Pro et contra : Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке рус. мыслителей и исследователей : Антология / [Подгот.: В.Ф. Бойков]. - СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. - 889 с.
3. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX - начало XX в.). М., Наука, 1991. 272 с.
4. Леонтьев К. Н. На могиле Пазухина // Антихрист (Из истории отечественной духовности): антология / под ред. А. С. Гришина, К. Г. Исупова. М.: Высшая школа, 1995. - 415 с.
5. Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / Под общей редакцией А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2016. - 1056 с.
6. Сафронов Н.А. Катехоническая концепция государства в российском политико-правовом дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. - 13(1). - С. 21-29.
7. Соловьев В.С. Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении церквей // Православное обозрение, 1885. № 12. С. 727-798.
8. Соловьев В.С. История и будущность теократии (Исслед. всемирно-ист. пути к истинной жизни). Т. 1. Предисл. Вступ. Философия библейской истории. Загреб: Акционерная тип., 1887. - 396 с.
9. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России: Москва : В университетской типографии (М. Катков), 1884.- 107 с.
10. Соловьев В.С. История и будущность теократии // Россия и Вселенская Церковь. Мн., Харвест, 1999. С. 131-160.
11. Соловьев В.С. Значение государства // Вестник Европы, 1895. № 12. - С. 803-814.
12. Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...» : Стихотворения. Проза. Письма / Владимир Соловьев. - Москва : Моск. рабочий, 1990. - 444 с.
13. Соловьев В.С. Русская идея [пер. с фр. Г. А. Рачинского]. Репринтное воспроизведение издания : Москва : Путь, 1911.- 51 с.
14. Флорский Г.Г. Владимир Соловьев и Данте: задача христианской империи // Журнал «Начало». 2019. № 28.
15. Шнирельман В.А. Антихрист, катехон и Русская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2019. - № ½(37). - С. 488-515.

Safronov N.A. Ecumenism, protoglobalism, anti-nationalism - the triad of the future by V.S. Solovyov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. - 2024. - T. 10 (76). № 2. - P. 57-63.

The article is devoted to the analysis of views on the church, the state and society in the aspect of their interaction by the outstanding Russian philosopher V.S. Solovyov (1853-1900), the author of a number of original ideas that caused and are causing scientific and ideological discussions. The concept of free theocracy, the theory of the social trinity of mankind, and the Russian idea reflected the ideals of social structure, organization of public power, and state-church relations in the view of a religious thinker. His triad of an ideal theocratic future was based on the ideas of ecumenism, protoglobalism and anti-nationalism. A true universal church should embrace the Catholic tradition and have a single center of government headed by the supreme high priest. The state power is independent in the implementation of its purpose, but is under the spiritual authority of the church. The ideal of the state form is a universal monarchy under the rule of the emperor. Without denying national differences and calling for preserving the best features of national identity, Solovyov understood the people not as an ethnic community, but as a nation designed to realize a Divine plan. In his view, the perfect organization of the theocratic society is based on the unity of the three powers - the priesthood, the kingdom and prophecy, and the Russian idea is the rejection of nationalism and pseudo-patriotism, in the pursuit of universal solidarity and the real embodiment of the social trinity.

Keywords: V.S. Solovyov, Russian idea, theocracy, state, church, society, Orthodoxy, Catholicism, universal Church, ecumenism, protoglobalism, anti-nationalism, statehood, doctrine, social trinity.

Spisok literatury:

1. Budraitskis I. B. What "holds" the catechon? The finiteness of the state in conservative and socialist thought // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics.- 2021.- Vol. 5, No. 2.- pp. 13-33.
2. Vl. Solovyov.: Pro et contra : The personality and creativity of Vladimir Solovyov in the assessment of Russian thinkers and researchers: An Anthology / [Podgot.: V.F. Boikov]. - St. Petersburg : Publishing House of Rus. Christians. humanitarian. in-ta, 2000. - 889 p.
3. Isaev I.A. Political and legal utopia in Russia (late XIX - early XX 4.v.). M., Nauka, 1991. 272 p.
5. Leontiev K. N. At the grave of Pazukhin // The Antichrist (From the history of Russian spirituality): anthology / edited by A. S. Grishin, K. G. Isupov. M.: Higher School, 1995. - 415 p.
6. The Russian doctrine. The work of a team of authors and experts, created on the initiative of the Russian Entrepreneur Foundation under the auspices of the Center for Dynamic Conservatism / Edited by A. B. Kobyakov and V. V. Averyanov / Ed. by O. A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, 2016. 1056 p.

- 7.Safronov N.A. The catechonic concept of the state in the Russian political and legal discourse // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law. 2023. – 13(1). – Pp. 21-29.
- 8.Solovyov V.S. The dogmatic development of the Church in connection with the question of the unification of churches // Orthodox Review, 1885. No. 12. pp. 727-798.
- 9.Solovyov V.S. The history and future of the theocracy (Research. worldwide-east. the path to true life). Vol. 1. Preface. Introduction. The philosophy of Biblical history. Zagreb: Joint Stock Company type., 1887. 396 p.
10. Solovyov V.S. The national question in Russia: Moscow : At the University printing house (M. Katkov), 1884.- 107 p.
11. Solovyov V.S. The history and future of the theocracy // Russia and the Universal Church. Mn., Harvest, 1999. pp. 131-160.
- 12.Solovyov V.S. The significance of the state // Bulletin of Europe, 1895. No. 12. - pp. 803-814.
- 13.Solovyov V.S. "Only the sun of love is motionless...": Poems. Prose. Letters / Vladimir Solovyov. – Moscow : Moscow. worker, 1990. – 444 p.
14. Solovyov V.S. The Russian idea [translated from the French by G. A. Rachinsky]. Reprint reproduction of the publication : Moscow : Put, 1911.- 51 p.
15. Florosky G.G. Vladimir Solovyov and Dante: the task of the Christian Empire // Journal "The Beginning". 2019. No. 28.
16. Shnirelman V.A. Antichrist, Catechon and the Russian Revolution // The state, religion, and the Church in Russia and abroad. – 2019. – No. ½(37). – pp. 488-515.
- .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – С. 64–71.

УДК 342.71

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ
ПОЛУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА РФ В КОНТЕКСТЕ ГЯДУЩИХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ**

Сибилева А. Ю.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В данном исследовании рассматриваются актуальные вопросы совершенствования процедуры получения гражданства Российской Федерации. Автор изучает исторический аспект развития института гражданства с древнейших времен до наших дней. Реализован анализ основных этапов становления и развития данного института в России, а также ключевые факторы, влияющие на его эволюцию. Отдельное внимание уделяется особенностям развития института гражданства в Российской Федерации. Предложен авторский подход к периодизации анализируемого явления. На основе проведенного исследования автор делает выводы о тенденциях и перспективах развития института гражданства в современных политико-правовых реалиях. Также отдельные аспекты работы посвящены изучению специфики получения гражданства для определенных категорий лиц, в том числе претендующих на упрощенный порядок приобретения гражданства РФ. Установлены перспективы совершенствования данного вопроса не только на уровне юридической доктрины, но и в контексте направлений реформирования, озвученных высшими законодательными и исполнительными органами власти. Особое внимание уделено вопросу временных пределов и требуемых сроков пребывания (проживания) на территории Российской Федерации потенциально интегрируемых новых граждан. Результаты исследования могут быть полезны для разработки законодательных изменений и рекомендаций по оптимизации процедуры получения гражданства.

Ключевые слова: гражданство РФ, натурализация, апатриды, постсоветская адаптация, миграционные потоки, национальные трансформации, упрощенный порядок.

На текущем этапе развития правовой цивилизации, где общество, в котором законы и нормы права являются основой социального существования, а права и свободы человека – наивысшей ценностью, одним из ключевых принципов сформировавшегося уклада жизни (в государствах демократического типа) является равенство всех перед законом и наличие эффективных механизмов защиты прав человека. Правовое положение человека и гражданина является своего рода ценностью, так как оно обеспечивает последним реализацию их прав и свобод, а также, путем непосредственной взаимосвязи симбиотического типа, способствует развитию общества и государства. Одним из наиболее значимых элементов правового положения является статус, который указывает на принадлежность человека к определенному государству. Речь идет об институте гражданства.

Гражданство является важным атрибутом, определяющим права и обязанности человека, его статус в обществе и объем возможностей в части реализации своих прав. Значимость данного института трудно переоценить: помимо очевидного обеспечения связи между человеком и государством, наличие гражданства также способствует поддержанию порядка и стабильности в обществе. В связи с вышеизложенным становится очевидным, что вопросы совершенствования процедуры получения гражданства являются актуальными и требуют постоянного внимания, как со стороны законодателя, так и правоприменителей.

Говорить о гражданстве как о сравнительно молодом явлении не представляется возможным, так как история возникновения правовой связи человека и государства уходит своими корнями в период функционирования древнейших государств (в

частности, Древнего Рима и Древней Греции), где институт гражданства считался не просто связью человека с государственным образованием, но привилегией. В дальнейшем, в результате естественноисторического развития данное явление получило повсеместное распространение и приобрело особую важность в XX в. В обозначенный период институт гражданства стал инструментом защиты прав и свобод граждан, а также способом борьбы с дискриминацией и неравенством. Тем не менее, на сегодняшний день анализируемый институт все еще не достиг статуса устойчивого и, в преобладающем объеме, статичного явления. Происходящие внешнегосударственные и внутритерриториальные процессы обуславливают необходимость в дальнейшей трансформации.

В РФ, являющейся правопреемницей СССР, институт гражданства соотносится с принципом континуитета российской государственности. Основными нормативными актами, определяющими порядок приобретения и прекращения гражданства, правовой статус граждан и иных лиц, находящихся на территории РФ, являются ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2002 № 138 (далее – Федеральный закон № 138) и Указ Президента РФ от 22.11.2002 № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» (далее – Указ Президента РФ № 889).

Легальное определение понятия «гражданство» РФ содержится в ч. 3 ст. 4 ФЗ № 138, в соответствии с которой это «устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей» [2]. Правовое положение гражданина, регламентированное указанным актом, включает в себя права, свободы и обязанности, которые закреплены в законе. Эти права и свободы являются неотъемлемыми и гарантируются государством.

Законодательство, регламентирующее вопросы гражданства РФ, претерпевало неоднократные изменения на территории нашего государства. Не беря во внимание все законодательные реформы, так или иначе затрагивающие вопросы борьбы с апатризмом, правовой регламентацией бипатризма, видоизменениями правового статуса граждан РФ и т.д., отметим, что законотворческие тенденции позволили нам сформулировать три фундаментальных этапа развития:

1. Первая половина 1990-х гг. – начало 2000 гг., т.н. период постсоветской адаптации: «После распада СССР Россия стала главным на постсоветском пространстве центром притяжения масштабных миграционных потоков... Широко использовались особенности российского законодательства, позволяющего обращаться за гражданством ... через дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, находясь за рубежом» [1]. Следуя внешнеполитическим обстоятельствам, российским законодателем был разработан и принят первый Закон РФ от 28.11.1991 № 1948-I «О гражданстве Российской Федерации». Последний внес значительный вклад в отечественную правовую среду, не только определив и структурировав концептуальные идеи установления правовой связи с государством, но также обеспечив действенные пути приобретения гражданства РФ как для лиц, проживающих на территории постсоветского пространства, так и для иностранных граждан и лиц без гражданства;

2. 2002 – 2023 гг. – период двойственных реформ. Этап ознаменован принятием и промежуток действия нового закона – Федеральный закон от 31.05.2002 № 62 «О гражданстве Российской Федерации» (с учетом вносимых в него поправок). Важным нововведением являлось следующее: в контексте применения Федерального закона № 62 были в значительной степени снижены пределы и возможности деятельности заграничных дипломатических представительств учреждений. Так, от-

ныне были упразднены положения, предоставляющие возможность приобретения гражданства РФ зарубежом в порядке регистрации. Более того, под влиянием анализируемого акта в 2009 г. была проведена работа в части сокращения объема полномочий органов Федеральной миграционной службы МВД РФ по вопросам реализации упрощенного порядка приобретения гражданства РФ. Все вышеперечисленные обстоятельства поспособствовали снижению количественного объема вновь принятых граждан РФ (в сравнении с предыдущим выделенным этапом).

Однако, второй выделенный нами период не завершился на тенденции отрицательного роста, на что, в свою очередь, повлияло и государство в лице законодательных органов власти. Отмечая некоторые недостатки, в 2020 г. была проведена достаточно масштабная реформа по совершенствованию положений Федерального закона № 62. Наиболее значимый курс – внедрение процедуры упрощения приема иностранных лиц и лиц без гражданства (апатридов) в гражданство России – был достигнут путем следующих реформ: отмена необходимости в отказе от предыдущего гражданства; сокращение требуемых сроков пребывания на территории РФ для некоторых категорий субъектов, таких как бывших граждан СССР, лиц, находящихся в браке с гражданином РФ (при наличии совместных детей) и др.; наличие статуса носителя русского языка и/или документа, подтверждающего окончание образовательного или научного учреждения на территории РФ и т.д.

3. С 2023г. – по настоящее время – период национальных трансформаций. В результате достаточно продолжительной работы высшего законодательного органа власти РФ на смену ранее указанному был принят Федеральный закон № 138. Последний представляет собой логически обусловленную реакцию на происходящие внешнеполитические изменения, повлекшие за собой присоединение новых субъектов РФ, а также обострение миграционных вопросов.

Трансформация коснулась как внешне-структурных характеристик (в сторону сокращения числа глав с 9 до 7), так и содержательных особенностей. Учитывая обширность принятых изменений и не полное соответствие данной области знаний тематике настоящего исследования, отметим лишь некоторые из них. Так, определяющими вектор развития законодательства о гражданстве РФ стали такие нововведения:

- совершенствование института приема в гражданство иностранных граждан. В числе требований к претендентам, помимо ранее учтенной необходимости во владении русским языком, отныне также знание основ законодательства РФ. Новелла призвана обеспечить соблюдение всеми гражданами страны, вне зависимости от способа приобретения гражданства, законодательства РФ, в отсутствие рискового характера нарушения норм по причине незнания нормативных предписаний;

- корректировки в отношении требований к категориям, претендующим на упрощенный порядок приобретения гражданства. В числе новых преимуществ – лица, которые «успешно освоили в Российской Федерации имеющую государственную аккредитацию образовательную программу высшего образования по очной форме обучения и получили документ об образовании и о квалификации с отличием» [2];

- упразднение категории «отмена гражданства», фигурировавшей в ФЗ № 62. Ныне действующим актом не предусмотрена процедура отмены решения о приобретении гражданства, однако используется механизм «прекращения гражданства». Также расширен перечень оснований, при наличии которых гражданство может

быть прекращено, в том числе – увеличен перечень противоправных деяний, совершение которых влечет за собой утрату правовой связи лица с РФ;

- изменение объема полномочий Президента РФ в части вопросов гражданства. Если ранее глава государства был уполномочен на решение большинства вопросов указанной сферы, в том числе – получения гражданства в общем порядке, то с принятием изменений многие аспекты касательно приобретения и прекращения гражданства были вверены МВД и МИД. Однако Президент РФ также приобрел новое полномочие в части принятия решения о возможности применения процедуры упрощенного приема в гражданство РФ.

В целом принятые нововведения представляется возможным оценить, как в должной степени соответствующие тому сложному историческому периоду, который сейчас преодолевает РФ. Демографическая ситуация, территориальные изменения, дестабилизированный миграционный поток напрямую влияют на вопросы приобретения и прекращения гражданства, в связи с чем возникает необходимость в приведении действующих правовых норм в соответствие с фактическими государственными и общественными потребностями.

Данный перечень нововведений не является исчерпывающим. Однако, именно эти реформы позволяют судить о тенденциях к развитию, некоторые из которых будут проанализированы нами далее.

В процессе проводимого исследования удалось установить, что правовым вопросам гражданства уделено достаточно много внимания на уровне научно-исследовательской доктрины. Однако, большинство из них сконцентрировано на необходимости совершенствования данной системы в вопросах, которые, как видится, являются слишком разноплановыми. Более того, некоторые направления, на наш взгляд, в текущих отечественных правовых и политических реалиях можно определить как несколько преждевременные. Ознакомление с многочисленными трудами позволило выделить следующие основные направления совершенствования института гражданства в работах отечественных исследователей:

– правовые (в особенности – процессуальные) вопросы способов и порядка упрощения получения гражданства РФ. Так, в работах Ибаева Р.К. [3] прослеживается очевидная тенденция к выработке методик упрощения получения гражданства для мигрантов, особенно для тех, кто имеет выдающиеся заслуги перед страной или обладает уникальными профессиональными навыками;

– проработка правовых вопросов в области реализации борьбы с коррупцией, в контексте ее негативного влияния на процедуру получения гражданства. Так, ряд исследований, направленных на анализ коррупционных механизмов, применяемых в паспортно-визовой системе РФ [4]. В качестве методов борьбы определена необходимость в обеспечении прозрачности и открытости процесса на всех его стадиях;

– вопросы развития программ предоставления «гражданства за инвестиции», которые могут привлечь значительные средства в экономику страны [5]. Как правило, анализ вопроса нацелен, в первую очередь, на изучение опыта зарубежных государств. Страны, предлагающие программы предоставления гражданства за инвестиции, стремятся привлечь иностранных инвесторов, которые могут привнести новые знания, опыт и капитал в экономику. Однако стоит отметить, что подобные программы часто подвергаются критике из-за возможности отмывания денег, коррупционных составляющих и негативного влияния, как на местную экономику, так и общественные настроения;

– правовые и организационные вопросы увеличения уровня эффективности работы миграционных служб, повышение квалификации сотрудников и внедрение новых технологий для оптимизации процесса получения гражданства [6].

В свою очередь, проводимое в рамках данной работы исследование, направленное не только выявление отношения законодателя к миграционной политике в целом, но и внедрение авторского подхода к этапизации периодов развития института гражданства в постсоветской России с опорой на тенденции к положительному и отрицательному росту числа лиц, прибегнувших в процессе натурализации (добровольного приобретения гражданства страны), позволяет выделить несколько противоположную проблематику – отрицательные последствия развития механизма упрощенного приобретения гражданства.

Так, в соответствии с показателями деятельности подразделений по вопросам миграции, предоставленных территориальными органами МВД России за 2023 г., «отрицательное миграционное сальдо сформировалась в 66 регионах. В текущем году миграционный прирост восстанавливается, за январь-сентябрь положительное сальдо наблюдалось в 43 регионах, но это по-прежнему не касается большинства регионов Сибири и Дальнего Востока... на 45,2% (378,5 тыс.) снизилось количество лиц, принятых в гражданство... На 49,4% меньше выдано разрешений на временное проживание (89,7 тыс.) и на 12,8% видов на жительство (273,1 тыс.)» [7].

ФЗ № 138 в своей целевой направленности определялся законодателем как нормативный акт, сформированный на концепции упрощения процедуры получения гражданства для иностранных граждан и лиц без гражданства, в особенности тех, кто может быть отнесен к числу льготных категорий, в частности – соотечественников. Немаловажным также признан курс на реализацию процесса совершенствования некоторых положений закона в отношении актуализации механизмов предупреждения и пресечения противоправной деятельности лиц, претендующих на приобретение гражданства по заведомо недобросовестным действиям и/или иному умыслу. И, на наш взгляд, при создании ФЗ № 138 действительно были учтены многие недостатки предыдущих нормативных документов и реализованы необходимые меры совершенствования в направлении неразделимой соотносимости юридического и фактического сущностей закона. Тем не менее, как видится, несмотря на все выделенные преимущества, механизм приобретения гражданства РФ в упрощенном порядке все еще может быть охарактеризован наличием некоторой степени формализма, в частности, в отношении определяемых законодателем критериев к претендентам. Некоторые из устанавливаемых требований вызывают определенные сомнения в их эффективности и целесообразности.

Ст. 12 ФЗ № 138 определен общий перечень оснований для приобретения гражданства РФ, среди которых выделяют: рождение на территории РФ и/или у родителей, хотя бы один из которых имеет гражданство РФ; прием в гражданство РФ; признание гражданином РФ; выбор гражданства РФ при изменении Государственной границы РФ; в соответствии с положениями международного договора РФ [2].

Не углубляясь в анализ общеизвестных положений, отметим, что каждому из оснований присуще наличие определенного перечня требований. В отношении категории лиц, претендующих на прием в гражданство Российской Федерации, такие требования ввиду объективных обстоятельств более обширны, но, при этом, вызывают некоторые вопросы.

Так, отдельного внимания заслуживает следующий аспект – требование к сроку постоянного проживания в России. Ныне действующей редакцией статей 15 и 16 ФЗ

№ 138 регламентируются следующие, как видится, несколько пониженные требования к срокам: 5 лет – постоянное проживание в РФ дня принятия решения о выдаче вида на жительство; не менее 1 года – контракт о прохождении службы в ВС РФ, других войсках или воинских формированиях; не менее 1 года – постоянное проживание в РФ иностранного гражданина или лица без гражданства с признанием статуса беженца или получением политического убежища на территории РФ;

- не менее одного года – осуществление трудовой деятельности в РФ по специальностям, по которым претенденты получили профессиональное образование в образовательных или научных организациях Российской Федерации.

При этом, ч. 2 ст. 16 ФЗ № 138, определяющей упрощенный порядок приема в гражданство РФ, требования к иностранным гражданам и апатридам, касающиеся сроков постоянного проживания на территории России, не установлены в принципе.

Исходя из общеправового смысла механизма упрощенной процедуры получения гражданства, последний предназначен для того, чтобы облегчить процесс вступления в гражданство РФ для определенных категорий людей. Как правило, обуславливающие данные категории обстоятельства действительно значительны: например, наличие в России родственников или желание вернуться на свою историческую родину. Однако, считаем, что требование к сроку постоянного проживания является исключительно важным критерием, необходимым для подтверждения факта, что кандидат на получение гражданства имеет достаточный опыт жизни в стране и знаком с ее культурой, законами и традициями. Данный подход, распространенный как в России, так и в большинстве зарубежных стран, способствует обеспечению безопасности и стабильности общества, а также предотвращению возможных проблем, связанных с интеграцией новых граждан.

В связи с вышеизложенным, считаем возможным предложить внести ряд корректив в положения ФЗ № 138.

Так, в ч. 2 ст. 16 Федерального закона № 138 в числе требований к иностранным гражданам и лицам без гражданства выделены также такие сравнительно новые, как: наличие детей, являющихся гражданами РФ и проживающих в РФ; нахождение в браке с гражданином РФ, проживающим в РФ, и имеющим общего ребенка, в том числе усыновленного (удочеренного).

На наш взгляд, выделенные категории, в условиях необходимости обеспечения безопасности и стабильности общества, нуждаются во временных уточнениях.

Отметим, что депутатами от Фракции ЛДПР в Государственной Думе РФ Л.Э. Слуцким, С.Д. Леоновым А.К. Луговым и др. была выдвинута инициатива об ужесточении условий получения российского гражданства, т.к., по их мнению, после принятия Федерального закона № 138 «некоторые нормы законов дают возможность получить гражданство по формальным критериям, которые могут быть достигнуты мнимым образом, что недопустимо...» [7]. Не соглашаясь с такими достаточно радикальными на наш взгляд мерами, как увеличение общего срока проживания в РФ до 10 лет для реализации возможности приема в гражданство (2 года - срок проживания в стране, необходимый для получения вида на жительство, 8 лет – период со дня выдачи вида на жительство до даты подачи заявления о приеме в гражданство), тем не менее, считаем целесообразным замечание об отсутствии уточняющих критериев в отношении лиц, претендующих на упрощенный порядок приобретения гражданства в связи с наличием родственных связей с гражданами РФ.

При этом также были отмечены некоторые расхождения во взглядах между представителями законодательной и исполнительной ветвей власти в части реформ миграционной политики. В частности, о перспективах ужесточения подходов к приобретению гражданства РФ отразил свою точку зрения председатель Правительства РФ Мишустин М.В., отметив, что «Власти России будут упрощать процедуру получения российского гражданства тем, кто «достоин стать россиянами» [8].

Не умаляя значимости выше указанных аргументационных фактов со стороны органов государственной власти высшего уровня, а также оснований, позволяющих потенциально интегрируемым новым гражданам получить гражданство РФ в упрощенном порядке, тем не менее, считаем, что социальные, экономические и политические факторы, которые влияют на безопасность и стабильность российского общества и государства, должны находиться в приоритете.

Видится, что решению возникшей коллизии поспособствуют следующие нововведения, вносимые в ч. 2 ст. 16 Федерального закона № 138:

1. В отношении нормативного положения о таком основании, как наличие детей, являющихся гражданами Российской Федерации и проживающих в Российской Федерации, уточнить, что срок проживания данных категорий субъектов должен составлять не менее установленного законом. По устоявшейся тенденции целесообразным считаем регламентацию пятилетнего временного промежутка.

2. В части категорий субъектов, претендующих на получение гражданства в упрощенном порядке по основанию – нахождение в браке с гражданином РФ, проживающим в РФ, и имеющим общего ребенка, также видится логичным определение срока нахождения в законном браке. Предполагаемый срок – продолжительностью не менее 3-х лет.

Подводя итог проделанной работе, отметим следующее. Актуальные вопросы совершенствования процедуры получения гражданства включают в себя множество аспектов, которые требуют постоянного внимания и развития. Только таким образом можно обеспечить эффективность и справедливость процедуры получения гражданства, а также защитить права и свободы граждан. И, несмотря на, бесспорно, позитивное стремление законодателя к предоставлению равных возможностей к установлению правовой связи между человеком и государством, общественная безопасность должна оставаться стратегическим приоритетом национальной безопасности.

Список литературы:

1. Чудиновских, О.С. О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. / О.С. Чудиновских // Демографическое обозрение. 2014. №3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-politike-i-tendentsiyah-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii-v-period-s-1992-po-2013-g>
2. Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О гражданстве Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/
3. Ибаев, Р.К. Упрощенные способы приобретения гражданства Российской Федерации / Р.К. Ибаев // Вестник науки. 2022. №3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uproschyonnye-sposoby-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii>
4. Виноградова, А.Л. Коррупция в паспортно-визовой системе Российской Федерации: причины и методы борьбы А.Л. Виноградова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-pasportno-vizovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii-prichiny-i-metody-borby>
5. Золотов, Е.Ю. Государства в конкурентной борьбе за налогоплательщиков: реализация экономических интересов / Е.Ю. Золотов // Теоретическая экономика. – 2019. – №2 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstva-v-konkurentnoy-borbe-za-nalogoplatelshikov-realizatsiya-ekonomicheskikh-interesov>

6. Абидов, Т.М. Повышение эффективности миграционной политики и взаимодействия с российскими соотечественниками / Т.М. Абидов // Вестник ПАГС. – 2018. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-migratsionnoy-politiki-i-vzaimodeystviya-s-rossiyskimi-sootchestvennikami>
7. Госдуме предлагают уточнить правила получения гражданства РФ: Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/news/251927/>
8. Власти РФ упростят получение гражданства «достойным стать россиянами»: Аргументы и факты. – URL: <https://aif.ru/society/vlasti-rf-uprostat-poluchenie-grazhdanstva-dostoinym-stat-rossiyanami?ysclid=lujvun3jmm357343612>

Sibileva A.Y. Topical issues of improving the procedure for obtaining Russian citizenship in the context of upcoming legislative reforms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 64–71.

This study examines topical issues of improving the procedure for obtaining citizenship of the Russian Federation. The author studies the historical aspect of the development of the institution of citizenship from ancient times to the present day. The analysis of the main stages of the formation and development of this institution in Russia, as well as the key factors influencing its evolution, is carried out. Special attention is paid to the peculiarities of the development of the institution of citizenship in the Russian Federation. The author's approach to the periodization of the analyzed phenomenon is proposed. Based on the conducted research, the author draws conclusions about the trends and prospects for the development of the institution of citizenship in modern political and legal realities. Also, some aspects of the work are devoted to the study of the specifics of obtaining citizenship for certain categories of persons, including those applying for a simplified procedure for acquiring citizenship of the Russian Federation. Prospects for improving this issue have been established not only at the level of legal doctrine, but also in the context of the areas of reform announced by the highest legislative and executive authorities. Special attention is paid to the issue of time limits and required periods of stay (residence) on the territory of the Russian Federation for potentially integrated new citizens. The results of the study can be useful for developing legislative changes and recommendations on optimizing the procedure for obtaining citizenship.

Keywords: citizenship of the Russian Federation, naturalization, stateless persons, post-Soviet adaptation, migration flows, national transformations, simplified procedure.

Spisok literatury:

1. CHudinovskih, O.S. O politike i tendentsiyah priobreteniya grazhdanstva Rossijskoj Federacii v period s 1992 po 2013 g. / O.S. CHudinovskih // Demograficheskoe obozrenie. 2014. №3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-politike-i-tendentsiyah-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii-v-period-s-1992-po-2013-g>
2. Federal'nyj zakon ot 28.04.2023 N 138-FZ (red. ot 24.07.2023) «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/
3. Ibaev, R.K. Uproshchyonnye sposoby priobreteniya grazhdanstva Rossijskoj Federacii / R.K. Ibaev // Vestnik nauki. 2022. №3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uproschyonnye-sposoby-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii>
4. Vinogradova, A.L. Korrupciya v pasportno-vizovoj sisteme Rossijskoj Federacii: prichiny i metody bor'by A.L. Vinogradova // Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya. – 2010. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupciya-v-pasportno-vizovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii-prichiny-i-metody-borby>
5. Zolotov, E.YU. Gosudarstva v konkurentnoj bor'be za nalogoplatel'shchikov: realizaciya ekonomicheskikh interesov / E.YU. Zolotov // Teoreticheskaya ekonomika. – 2019. – №2 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstva-v-konkurentnoy-borbe-za-nalogoplatel'schikov-realizatsiya-ekonomicheskikh-interesov>
6. Abidov, T.M. Povyshenie effektivnosti migracionnoj politiki i vzaimodeystviya s rossijskimi sootchestvennikami / T.M. Abidov // Vestnik PAGS. – 2018. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-migratsionnoy-politiki-i-vzaimodeystviya-s-rossiyskimi-sootchestvennikami>
7. Gosdume predlagayut utochnit' pravila polucheniya grazhdanstva RF: Pravo.ru. – URL: <https://pravo.ru/news/251927/>
8. Vlasti RF uprostat poluchenie grazhdanstva «dostojnym stat' rossiyanami»: Argumenty i fakty. – URL: <https://aif.ru/society/vlasti-rf-uprostat-poluchenie-grazhdanstva-dostoinym-stat-rossiyanami?ysclid=lujvun3jmm357343612>

УДК 342

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОЦМАНСКОЙ ПРОВОДКИ В ФИНЛЯНДИИ ПО ЗАКОНУ 23 МАРТА 2023 Г.

Иващенко Е. С.

Севастопольский государственный университет

Правовое регулирование организации лоцманской проводки в Финляндии имеет многовековую историю, обусловленную особой важностью для данного государства внутренних и морских водных путей сообщения. Регламентация деятельности лоцманов и лоцманских компаний сегодня производится на основании закона 2023 г. Функции контрольные и надзорные функции в области лоцманской проводки Финляндии принадлежат Агентству транспорта и коммуникаций Финляндии, а также Министерству транспорта и коммуникаций. Особая роль принадлежит соответствующим нормам морского права, в том числе и региональным, касающимся организации деятельности лоцманской проводки.

Ключевые слова: Финляндия, лоцманская проводка, правовое регулирование закон о лоцманской проводке 2023 г.

Роль Финляндии и ее лоцманов сложно переоценить в вопросах обеспечения безопасности судоходства не только в Финском заливе, но и всего Балтийского моря. Как известно, до начала 19 в. финское законодательство, по вопросам организации деятельности лоцманов основывалось на шведском права, а затем на утвержденных императором Российской империи нормах, правилах, статутах [1, с. 68-70; 2, с. 21-26; 3, с. 51-59]. Лишь с 1918 г. Финляндия стала на собственный путь организации лоцманской проводки в своих территориальных водах [4, с. 366-370].

Ведущая роль по организации деятельности различных видов транспорта в Финляндии принадлежит Агентству транспорта и коммуникаций, а также Министерству транспорта и коммуникаций.

Упомянутое Агентство действует на основании закона от 23 ноября 2018 г. [5], который предусматривает, что данный орган является центральным государственным учреждением, действующим в административной ветви Министерства транспорта и коммуникаций, которое выполняет служебные задачи, связанные с транспортом и электронными коммуникациями; содействует развитию информационного общества и транспортной системы, а также функциональных и безопасных транспортных и коммуникационных соединений и услуг; содействует функционированию и автоматизации транспортной системы, безопасности дорожного движения, условиям работы регионов и предприятий, устойчивому развитию в масштабах всей страны; работает с ориентацией на клиента и использует многопрофильный опыт, а его деятельность Агентства носит проактивный, информационный и риск-ориентированный характер.

Сферой деятельности Агентства транспорта и коммуникаций является вся страна, а само оно выполняет следующие задачи: содействие безопасности транспорта и связи, а также техническому развитию и бесперебойному функционированию отрасли; регулирование, лицензирование, утверждение, регистрация и надзора за транспортными и электронными коммуникациями, компетентности и экспертизы в отрасли, информационных услуг и сбора статистических данных в своей области; ограничение ущерба окружающей среде, причиняемый дорожным движением; от-

вечает за организацию навигационного картографирования; развивает и продвигать транспортно-коммуникационные услуги и их предоставление, а также функционирование рынка транспорта и связи, решать задачи, связанные с правами пользователей и пассажиров; содействует цифровизации и автоматизации транспорта и коммуникаций и их рынков, а также создание условий для экспериментов, исследований и инноваций в области транспорта и связи; разрабатывает условия функционирования общественного пассажирского транспорта, грузовых перевозок и логистики и несет ответственность за выделение государственного финансирования на общественный пассажирский транспорт и управление секторами центров экономического развития, транспорта и окружающей среды в этом отношении; развивает и продвигает управление частными дорогами по всей стране, решает экспертные и консультативные задачи, связанные с частными дорогами, и отвечает за распределение субсидий на частные дороги и финансирование транспорта и транспортных услуг на архипелаге в рамках государственного бюджета, а также за соответствующее отраслевое управление центрами экономического развития, транспорта и окружающей среды; планирует использование радиочастот, содействует технической реализации радиосвязи, исследует и устраняет помехи в радиосвязи, заботится о наблюдении за рынком радиооборудования, осуществляет надзор за соблюдением условий сетевых лицензий, а также руководит администрированием лицензий на радиовещание и другим управлением частотами; выполняет задачи почтового надзора, а также задачи по регистрации и надзору за доменными именами; выполняет задачи, связанные с государственной помощью, дискреционными государственными трансфертами и налогообложением транспорта; отвечает за выполнение задач компетентного органа по управлению морским движением и составляет актуальную картину морской обстановки для органов обороны и безопасности при содействии поставщика услуг движения судов; обеспечивает готовность своей деятельности к сбоям и чрезвычайным ситуациям в нормальных условиях, содействует и контролирует эксплуатационную надежность транспортной системы и электронных коммуникаций, а также поддерживает общую готовность общества к сбоям и чрезвычайным ситуациям в нормальных условиях.

Агентство транспорта координирует и контролирует подготовку и реализацию планирования национальной транспортной системы, а также разрабатывает и поддерживает стратегические программы, меры и информацию о состоянии различных участников транспортной системы на национальном уровне. Агентство участвует в планировании транспортной системы и подготовке мероприятий в качестве эксперта в области транспортных услуг, функционирования рынка, использования информации и продвижения автоматизации; участвует в планировании региональной транспортной системы совместно с региональными советами, муниципалитетами, городскими районами и другими субъектами.

Кроме того, оно: 1) в пределах своих полномочий принимает технические регламенты по своей сфере деятельности; 2) участвует в международном сотрудничестве в своей области; и 3) заключает в рамках своих полномочий международные договоры законодательного характера технического характера.

Агентство также выполняет другие служебные задачи в своей области, которые на него возложены, может инициировать представительский иск, указанный в Законе о представительских действиях в отношении обеспечительных мер [5].

Что же касается министерства транспорта и коммуникаций Финляндии (ведет свою историю с 1892 г., министерством стало лишь в 1918 г.) [6], то в его задачи входит контроль рынка транспортных услуг (выдача лицензий и т.п.); ведение во-просов безопасности в области цифровизации, информационных ресурсов, автома-тизации, информационной безопасности; несет ответственность за транспортно-коммуникационные сети, энергетическую и окружающую среду [7].

Важнейшим нормативным актом, регулирующим деятельность лоцманов Фин-ляндии, сегодня является «Закон о лоцманской проводке» от 23.03.2023. 561/2023 [8] (ранее действовал закон от 21.11.2003/940) [9].

Действующим законом предусмотрено, что лоцманские услуги не могут предо-ставляться кем-либо, кроме лоцманской компании, а лоцманская проводка не может осуществляться кем-либо, кроме лоцмана, работающего в лоцманской компании (§8).

Лоцманская компания предоставляет лоцманские услуги, указанные в настоящем Законе, в районах, где лоцманская проводка должна использоваться. При этом, Агентство транспорта и коммуникаций Финляндии может освободить лоцманские компании от обязанности оказывать лоцманские услуги, если обязанность по предо-ставлению услуги будет сочтена явно бессмысленной или необоснованно обремени-тельной.

Лоцманская компания должна убедиться, что лоцманы, которых она нанимает, имеют действующие лицензии лоцмана, необходимые им для выполнения своих обязанностей: должна обеспечить достаточное количество лиц, сдающих экзамены, указанные в гл. 8, для беспрепятственной организации экзаменов (§9);

составить и вести руководство по эксплуатации, в котором описывается: предо-ставление лоцманских услуг; целевой уровень обслуживания и связанные с ним процедуры; процедуры, обеспечивающие соблюдение прав и обязанностей лоцма-нов, предусмотренных законом; обмен информацией о лоцманской проводке и со-трудничество с поставщиком услуг СУДС; действия в аварийных и исключитель-ных ситуациях.

Руководство по эксплуатации должно представляется на утверждение в Агентство транспорта и коммуникаций Финляндии до его ввода в эксплуатацию и после каждого обновления. Агентство утверждает руководство по эксплуатации, если в нем подробно описаны указанные вопросы (§13). При этом, закон предусма-тривает случаи, когда лоцманская компания имеет право отказать в лоцманской про-водке (§14); должна обеспечить честность и надежность лица, которого она нанима-ет, с помощью допуска к секретной информации, указанного в Законе о допуске к секретной информации от 19.09.2014 г. [10], если лицо может быть подвергнуто до-пуску к секретной информации в соответствии с разделом 19(1)(1) или (4) указанно-го Закона. В рамках допуска к секретной информации иностранные интересы лица могут быть определены, если допуск оформлен для выполнения задачи, указанной в ст. 19(1)(1) Закона о допуске к секретной информации (§15).

Лоцманские компании также должны подготовиться к чрезвычайным ситуациям, указанным в Законе о чрезвычайных полномочиях (1552/2011) [11], участвуя в пла-нировании действий в чрезвычайных ситуациях, и заранее подготовиться к чрезвычайным ситуациям и сбоям в нормальных условиях.

Гл. 4 рассматриваемого закона посвящена установлению норм ответственности и обязательства, связанные с лоцманской проводкой капитана, лоцманов, лоцманской компании и ее сотрудников, а также устанавливает пределы максимальной ответственности (100 000 евро за каждый инцидент), но если этот размер недостаточен для компенсации лицам, имеющим право на возмещение, то сумма делится пропорционально сумме их требований (§20).

Особо установлены требования к лицензии на дистанционную лоцманскую проводку (§§24-30), порядок выдачи такой лицензии (§31), система обучения лоцманской компании (т.е. обучение лоцманов) (§32), ученический период лоцмана, который должен включать, по крайней мере, следующие направления: ориентационное обучение пилотированию и обязанностям, связанным с заданием, а также правилам, связанным с заданием; ознакомление с фарватерами лоцманского района; ознакомление с маневрированием различных типов судов, работающих в лоцманском районе; маневрирование судов в различных условиях и возмущениях; маневрирование судов в ледовых условиях; обучение пользованию различными навигационными приборами; обучение работе с буксирами; обучение сопровождению буксиров, если лоцман работает в районе эксплуатации судов, которые в нормальных условиях буксируются в порт или из порта; коммуникативные навыки; курс самосохранения (§ 33).

Среди личных разрешений, освобождающих от обязанности пользоваться лоцманской проводкой (гл. 7), закон предусматривает возможность получения лицензии РЕС (лицензия РЕС – персональная лицензия, выданная Агентством транспорта и коммуникаций Финляндии, с указанием освобождения ее владельца от обязанности использовать лоцманскую проводку). Эта лицензия, запрашиваемая в Агентстве транспорта и коммуникаций, может включать исключения для фарватера или региональные исключения для конкретного района СУДС от лоцманской проводки. Кроме того, в лицензию должны быть внесены суда, на которые распространяются исключения, указанные в лицензии. Лицензия РЭК выдается лицу, ходатайствующему о первом освобождении от обязанности пользоваться лоцманской проводкой, и остается действительной, если лицензия имеет действующее освобождение или освобождения (§ 39).

Если у заявителя еще нет действующей лицензии РЕС, то для того, чтобы претендовать на освобождение от уплаты налога на фарватер, он должен иметь: действительное свидетельство о квалификации палубного офицера, дающее право ему маневрировать судном, указанным в заявке; действующую медицинскую справку экипажа, дающую право на службу на палубе; сертификат о завершённой ознакомительной поездке необходимый для получения освобождения от фарватера; свидетельство о достаточном опыте плаванья и маневрирования судов на фарватере, на который распространяется заявка; справка о прохождении экспертизы УИК; достаточное знание английского языка и необходимое знание финского и шведского языков и некоторые иные требования (стаж маневрирования во время морской службы, исполнение некоторых должностей на судне определенных размеров, опыт действия в определенном фарватере и т.п.).

Также заявитель должен уведомить Агентство транспорта и коммуникаций о своем намерении пройти освобождение от прохождения фарвея, отмеченное лицензией РЕС, до завершения учебной поездки РЕС или начала выполнения требуемых

заездов по фарвею. При этом Освобождение фарватера от обязанности использовать лоцманскую проводку действует в течение 5 лет (§ 40).

Экзамен на РЕС состоит из письменной и практической частей. Теоретический экзамен по письменной части должен быть сдан до выполнения других требований для получения освобождения от лоцманской проводки. Тест на знание фарватера для письменной части может быть завершен после того, как заявитель сдал теоретический тест, ознакомительную поездку РЕС и поездки, необходимые для получения освобождения от лоцманской проводки. Практическая часть экзамена и дополнительный тест на симуляторе судна могут быть завершены только после того, как заявитель успешно завершит требуемые рейсы и письменную часть экзамена РЕС (§ 44).

Письменная часть экзамена РЕС состоит из теоретического теста и теста на знание фарватера. Содержание теоретического экзамена состоит из вопросов, касающихся правил лоцманской проводки и официальных инструкций, обязанностей владельца лицензии РЕС и маневрирования судна в целом.

Тест на знание фарватера измеряет знание фарватера заявителем, способность воспринимать доступное пространство фарватера в различных условиях, типичных для данного района, и способность составлять план лоцманской проводки. Проверка знаний фарватера проводится на маршрутах, для которых заявитель обращается за освобождением от лоцманской проводки (§ 45).

Практическая часть экзамена РЕС состоит из экзамена по вождению и теста на симуляторе судна. Претендент должен продемонстрировать владение следующими вопросами, касающимися судна и фарватера: маневренность судна на малой скорости; управление судном в различных погодных условиях, преобладающих на фарватере; маневренность судна при торможении и разгоне; гидродинамическое воздействие на судно сужений и обмелей фарватера; режимы течения и уровни воды фарватера и их гидродинамическое воздействие на судно; влияние различных погодных условий; влияние различных условий видимости; типичное другое движение по фарватеру, в порту и его окрестностях, а также с учетом его и коммуникаций; связь с СУДС как перед входом или выходом из лоцманского района, при работе в лоцманской зоне, так и после выхода или прибытия в порт; сложные дорожные ситуации и сбои в системах, связанных с безопасной транспортировкой судов; внутренние и внешние коммуникации; использование лоцманского плана; и маневрирование судном в ледовых условиях при наличии неограниченной лицензии на УИК.

Экзаменационный запуск на борту должен быть завершен до испытания на симуляторе судна. Также следует измерять способность заявителя безопасно маневрировать и управлять судном по маршруту, охватываемому заявкой. При экзаменационном вождении заявитель должен пройти весь заявленный маршрут в одном направлении на судне, которое будет вписано в лицензию.

Испытание на симуляторе судна призвано измерять способность заявителя управлять и управлять судном, имеющим значение для получения лицензии, на фарватере или фарватерах, на которых была подана заявка в исключительных обстоятельствах и ситуациях. Экзаменационные работы и испытания на симуляторе судна сдаются лицом, сдающим экзамены РЕС, утвержденные Агентством транспорта и коммуникаций. Кроме того, эксперт, осуществляющий надзор за использованием тренажера, должен присутствовать при испытании на судовом тренажере.

Экзаменатор должен проконсультироваться с лоцманом, ответственным за лоцманскую проводку судна на борту судна, или с держателем лицензии РЕС, ответственным за эксплуатацию судна, или с экспертом, осуществляющим надзор за работой тренажера, прежде чем принять решение о принятии или отклонении экзамена.

Практическую часть проваленного экзамена РЕС закон позволяет повторить 1 раз. При подаче заявки на 2 или более освобождений от фэрвея или района, практическая часть соответствующей квалификации может быть объединена (§ 45-46).

Отдельно установлены нормы, в отношении лица, проходящего обследование или экзамены РЕС, а именно – оно должно быть обучено по нормам

Агентства транспорта и коммуникаций Финляндии. Для того, чтобы быть принятым в качестве лица, сдающего лоцманские экзамены или экзамены РЕС, лицо должно соответствовать следующим требованиям: стаж работы в качестве пилота не менее пяти лет или имеет лицензию УИК; проходит две учебные поездки с двумя разными лицами, получающими экзамены и заявления о поддержке от получателей; имеет действующую лицензию пилота или лицензию РЕС; имеет сертификаты о прохождении теоретического экзамена, обучения инструкторов, обучения коммуникации и обучения на тренажере, утвержденные Агентством транспорта и коммуникаций Финляндии для лица, сдающего экзамены на лоцманскую проводку или экзамены РЕС; пройти ознакомительную беседу с Агентством транспорта и коммуникаций Финляндии; обладать хорошими устными и письменными навыками финского или шведского языка, а также удовлетворительными устными навыками второго языка, владением английским языком, соответствующим как минимум 4-му уровню Национального сертификата о знании языка, указанного в Законе о государственном сертификате о знании языка.

Лицензия экзаменатора может быть выдана для тех фарватеров и судов, для которых заявитель имеет необходимый для выполнения задачи опыт, к таковым относятся: действующее удостоверение пилота на маршруте, охватываемом заявкой; действующая лицензия ПЭК на фарватер и судно, на которое распространяется заявка; по завершении ознакомительной поездки в соответствии с разд. 43 – проверка знаний фарватера в соответствии с разд. 45 и упражнение на тренажере, предназначенное для экзаменатора по заявленному маршруту; или экзамен на борту соответствующего судна или ознакомительная поездка с другим экзаменатором, предназначенная для экзаменатора (§51).

Отдельная часть закона (гл. 9) посвящена лоцманской проводке судов в Балтийском море, в которой установлено, что такая проводка может осуществляться лоцманской компанией или другим юридическим лицом, действующим от имени лоцмана Балтийского моря, или физическим лицом, имеющим лицензию лоцмана Балтийского моря. В Финляндии лицензия лоцмана Балтийского моря выдается Агентством транспорта и коммуникаций (§55).

Для того, чтобы получить лицензию лоцмана Балтийского моря, претендент должен иметь: действительное удостоверение капитана дальнего плавания; действующую медицинскую справку экипажа, дающую право на службу на палубе; не менее 30 месяцев морской службы в должности палубного офицера на судне валовой вместимостью не менее 3000, из них не менее 12 месяцев в регионе Балтийского моря или не менее 5 лет стажа работы лоцманом в регионе Балтийского моря; отчет в свободной форме о комплексном опыте ледового плавания в регионе Балтийского

моря; свидетельство о квалификации лоцмана Балтийского моря, выполненное не более чем за 12 месяцев до подачи заявления; достаточное знание английского языка.

Ходатайство о выдаче лицензии подается в Агентство транспорта и коммуникаций, и она действительна в течение 5 лет с даты выдачи. Также агентство транспорта и коммуникаций Финляндии может издать более подробные правила о процедурах, связанных с подачей заявления на получение лицензии лоцмана Балтийского моря (§56).

Квалификация «Лоцман Балтийского моря» (см. п. 5 ч. 1 ст. 56), присваивается Агентством транспорта и коммуникаций. Экзамен должен оценивать, по крайней мере, следующие предметы: основные маршруты в регионе Балтийского моря, а также системы маршрутизации, службы СУДС, системы судовых сообщений и другие эксплуатационные ограничения, связанные с маршрутами; 2) ключевые вопросы, связанные с навигационными предупреждениями, ледакольной и буксирной проводкой; 3) охрана окружающей среды и спасательные операции на море в регионе Балтийского моря; 4) факторы, связанные с обращением с судном; 5) национальные районы лоцманской проводки в регионе Балтийского моря, лоцманские участки и заказывающие лоцманы; 6) знание английского языка; 7) связь внутри судна, а также связь с судном наружу; и 8) Международные правила предупреждения столкновений судов в море.

Агентству транспорта и коммуникаций позволено издавать нормативные акты о содержании, организации и процедурах оценки лоцманского экзамена Балтийского моря (§57 §).

Лицензия лоцмана Балтийского моря может быть продлена по заявлению, если заявитель имеет: действительное удостоверение капитана дальнего плавания; действующая медицинская справка экипажа, дающая право на службу на палубе; в течение срока действия лицензии не менее 12 месяцев морской службы в качестве палубного офицера на судах валовой вместимостью не менее 3000 т. в регионе Балтийского моря, работа в качестве лоцмана в регионе Балтийского моря в общей сложности не менее трех лет в течение срока действия лицензии или не менее двух ежегодных лоцманских миссий в Балтийском море в течение срока действия лицензии.

Кроме того, заявитель должен представить в Агентство транспорта и коммуникаций сводку лоцманских проводок в Балтийском море, выполненных в течение срока действия продлеваемой лицензии (§ 58).

И, наконец, можно указать, что надзор за соблюдением настоящего Закона осуществляет Агентство транспорта и коммуникаций, за исключением ст. 10 и 11. Кроме того, полиция, таможня и пограничная охрана следят за соблюдением этого закона в соответствующих сферах ответственности. На арендованном участке Сайменского канала применяются положения п. 2 ст. 6 Соглашения между Российской Федерацией и Финляндской Республикой о движении судов по Сайменскому каналу об общих условиях движения судов и п. 1 ст. 15 об законодательстве, действующем на арендуемом участке.

Таким образом, можно указать, что правовое регулирование организации лоцманской проводки в Финляндии имеет многовековую историю, обусловленную особой важностью для данного государства внутренних и морских водных путей сооб-

щения. Регламентация деятельности лоцманов и лоцманских компаний сегодня производится на основании закона 2023 г. Функции контрольные и надзорные функции в области лоцманской проводки Финляндии принадлежат Агентству транспорта и коммуникаций Финляндии, а также Министерству транспорта и коммуникаций. Особая роль принадлежит соответствующим нормам морского права, в том числе и региональным, касающимся организации деятельности лоцманской проводки.

Список литературы:

1. Киров, А. А. Взаимодействие служб маяков и лоции в Великом Княжестве Финляндском / А. А. Киров // Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества : материалы VIII всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 5 апр. 2023 г. / Крымский федер. ун-т им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2023. – С. 68-70.
2. Киров, А. А. Формирование системы безопасности судоходства в Швеции в XVI – начале XX вв. / А.А. Киров // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – №6. – С. – 21-26.
3. Гаук, А. М. Организация лоцманской службы в Финляндии в начале XIX в. / А.М. Гаук, А.П. Никитина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. Т. 6 (72). – №2. – С. 51-59.
4. Гаук, А. М. Правовые основы создания и деятельности морской администрации Финляндии в 1917 г. / А.М. Гаук, А.А. Киров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 366-370.
5. Laki liikenne- ja viestintävirastosta. – URL: Закон об Агентстве транспорта и коммуникаций 935/2018 – Актуальное законодательство – FINLEX ® (дата обращения : 02.02.2024)
6. Keränen, Jorma. Suomen itsenäistymisen kronikka. — Jyväskylä: Gummerus, 1992. –156 s.
7. Liirenne – Ja viestintäministerio kommunikationsministeriet. – URL: Главная - Министерство транспорта и коммуникаций. (lvm.fi)
8. Luotsauslaki 561/2023. – Закон о лоцманской проводке 561/2023 - Оригиналы устава - FINLEX ®
9. 21.11.2003/940. Luotsauslaki. –Отмененный закон Закон о лоцманской проводке 940/2003 - Актуальное законодательство - FINLEX ® (дата обращения : 02.02.2024)
10. Laki 726/2014 "turvaluokiteltujen tietojen hyväksymisestä". – Turvallisuus selvityslaki 726/2014. - Закон 726/2014 «О допуске к секретной информации» – Первоначальные уставы - FINLEX ® (дата обращения : 02.02.2024)
11. Valmiuslaki 1552/2011 - Ajantasainen lainsäädäntö. – URL: Закон 1552/2011 «О чрезвычайных полномочиях» - Актуальное законодательство - FINLEX ® (дата обращения : 02.02.2024)

Ivashchenko E. C. Legal organisation of pilotage in Finland under the act of 23 march 2023 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 72–80.

The legal regulation of pilotage organisation in Finland has a centuries-old history due to the special importance of inland and sea waterways for this country. The regulation of pilotage and pilotage companies' activity today is made on the basis of the Act of 2023. The control and supervisory functions in the field of pilotage in Finland belong to the Finnish Transport and Communications Agency and the Ministry of Transport and Communications. A special role is played by relevant maritime law, including regional maritime law, concerning the organisation of pilotage activities.

Key words: Finland, pilotage, legal regulation Pilotage Act 2023.

Spisok literatury:

1. Kirov, A. A. Vzaimodejstvie sluzhby mayakov i locii v Velikom Knyazhe-stve Finlyandskom / A. A. Kirov // Aktual'nye problemy yurisprudencii v usloviyah cifrovizacii obshchestva : materialy VIII vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhduнар. uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov, Simferopol', 5 apr. 2023 g. / Krymskij feder. un-t im. V.I. Vernadskogo. – Simferopol', 2023. – S. 68-70.
2. Kirov, A. A. Formirovanie sistemy bezopasnosti sudohodstva v SHvecii v XVI – nachale XX vv. / A.A. Kirov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2023. – Т. 16. – №6. – S. – 21-26.
3. Gauk, A. M. Organizaciya locmanskoj sluzhby v Finlyandii v nachale XIX v. / A.M. Gauk, A.P. Nikitina // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2020. Т. 6 (72). – №2. – S. 51-59.
4. Gauk, A. M. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti morskoj administracii Finlyandii v 1917 g. / A.M. Gauk, A.A. Kirov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – S. 366-370.

5. Laki liikenne- ja viestintävirastosta. – Zakon ob Agentstve transporta i kommunikacij 935/2018 - Aktual'noe zakonodatel'stvo - FINLEX ®
6. Keränen, Jorma. Suomen itsenäistymisen kronikka. — Jyväskylä: Gummerus, 1992. – s. 156.
7. Liirenne – Ja viestintäministerio kommunikationsministeriet. – Glavnaya - Ministerstvo transporta i kommunikacij (lvm.fi)
8. Luotsauslaki 561/2023. – Zakon o locmanskoj provodke 561/2023 - Originaly ustava - FINLEX ®
9. 21.11.2003/940. Luotsauslaki. - Otmenennyy zakon Zakon o locmanskoj provodke 940/2003 - Aktual'noe zakonodatel'stvo - FINLEX ®
10. Laki 726/2014 "turvaluokiteltujen tietojen hyväksymisestä". – Turvallisuukselvityslaki 726/2014. - Zakon 726/2014 «O dopuske k sekretnoj informacii» - Pervonachal'nye ustavy - FINLEX ®
11. Valmiuslaki 1552/2011 - Ajantasainen lainsäädäntö. - Zakon 1552/2011 «O chrezvychajnyh polnomochiyah» - Aktual'noe zakonodatel'stvo - FINLEX ®
- .

УДК 347.635

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ПОТРЕБИТЕЛЮ**

Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье изучаются особенности взыскания компенсации морального вреда, причиненного нарушением законодательства о защите прав потребителей. Проанализированы нормы гражданского законодательства, регламентирующие данный институт. На основании материалов правоприменительной практики судов общей юрисдикции изучены обстоятельства, предшествующие обращению потребителей с исками о взыскании компенсации морального вреда, и специфика рассмотрения споров данной категории. Исходя из анализа изученных материалов установлено, что в правоприменительной практике сформировался подход, в соответствии с которым с исполнителя взыскивается компенсация морального ущерба даже если он объективно не мог предотвратить травму потребителя в силу неосмотрительности последнего и специфики территории оказания услуг. На основании результатов проведенного исследования предложены возможные способы преодоления проблем, возникающих при реализации потребителей права на обращение в суд для компенсации морального вреда.

Ключевые слова: защита прав потребителей, компенсация морального вреда, злоупотребление правом, судебная защита.

Современное законодательство о защите прав потребителей направлено на охрану как имущественных, так и личных неимущественных благ. Это выражается, например, в запрете на установление условий, которые ущемляют права потребителей [1, п.1 ст.16], или в возложении обязанности устранить недостатки товара [1, ст. 20] или заменить его в случае выявления таковых [1, ст. 21]. Наряду с иными правовыми гарантиями законодателем также предусмотрена возможность компенсации морального вреда, причиненного в результате нарушения прав потребителей.

Нередко в исковых заявлениях о взыскании убытков потребители требуют и компенсацию морального вреда, причиненного оказанием услуги ненадлежащим образом. В некоторых случаях требования предъявляются обоснованно, однако имеют место и такие ситуации, при которых негативные для потребителя последствия наступили в результате отсутствия должной внимательности и осмотрительности с его стороны, а исполнитель объективно не мог предотвратить причинение ущерба. При таких обстоятельствах взыскание компенсации морального ущерба нарушает права лица, которое предоставляет услугу. Несмотря на это, судебные органы часто удовлетворяют требования, даже если исполнитель не мог повлиять на наступление неблагоприятных последствий. Проблема нарушения прав продавцов и исполнителей услуг при обращении потребителей с исками о компенсации морального вреда недостаточно освещена в правовой доктрине, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Под моральным вредом в гражданском законодательстве понимаются понесенные лицом физические или нравственные страдания [2, ст. 151]. Если такие страдания были понесены в результате нарушения прав потребителя, законодательство закрепляет обязанность продавца или исполнителя услуги компенсировать мораль-

ный вред в случае подтверждения наличия его вины [1, ст. 15]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в этой связи разъяснил, что моральный вред, причиненный потребителю, подлежит компенсации в случае подтверждения факта нарушения прав. Взыскание компенсации морального вреда осуществляется наряду с применением иных санкций, установленных законом или договором. Её размер определяется судом независимо от стоимости товара или услуги и размера взыскиваемой неустойки [3, п. 55].

Таким образом, под моральным вредом, причиненным потребителю, необходимо понимать физические или нравственные страдания, понесенные лицом, обратившимся к субъекту предпринимательской деятельности для приобретения товара или заказа работы, или услуги, в результате нарушения его прав. По общему правилу, для компенсации морального вреда вне зависимости от оснований его причинения, предусмотрена денежная форма [2].

Обращаясь в суд с требованиями о компенсации морального вреда, потребители указывают различные основания иска. При рассмотрении дел судам необходимо учитывать специфику оказываемой услуги и степень влияния действий ответчика на причиненный истцу вред. Нередко в качестве основания для взыскания компенсации морального вреда истцы указывают причинение имущественного ущерба. В качестве примера рассмотрим следующее дело.

Истец обратилась с иском о взыскании компенсации морального вреда. Требования были мотивированы тем, что в автосалоне ответчика работниками сервиса был проведен плановый технический осмотр автомобиля истца и выполнено его техническое обслуживание. После этого, когда автомобиль стоял в гараже, произошло его возгорание, в результате чего он был полностью уничтожен, а гараж существенно поврежден. Ответчик возражал против удовлетворения требований, указав, что возгорание произошло из-за неправильной эксплуатации автомобиля истцом.

Суд удовлетворил исковые требования, так как выводы судебной экспертизы подтвердили факт, что возникший пожар является результатом некачественно выполненных работ по техническому обслуживанию. Ответчик в свою очередь не представил доказательств того, что причиной возгорания стала неправильная эксплуатация автомобиля истцом [1].

Таким образом, при рассмотрении споров о компенсации понесенных потребителем моральных переживаний в результате имущественного ущерба, суды принимают во внимание степень участия исполнителя в причиненном вреде. Его вину при таких обстоятельствах можно установить, проанализировав влияние вмешательства на состояние имущества потребителя, который в таких случаях не может предотвратить возникновение ущерба, так как с его имуществом взаимодействует исполнитель. Однако в случае причинения вреда здоровью потребителя вину исполнителя установить представляется более сложным, так как не все услуги предполагают непосредственное взаимодействие с потребителем. В силу специфики некоторых услуг и территории их оказания не всегда исполнитель может предотвратить вред здоровью потребителя и, как следствие, его моральные переживания. В таких случаях недопущение опасных ситуаций зависит от осмотрительности и внимательности самого потребителя. Несмотря на это судебные органы зачастую удовлетворяют требования, даже если получение истцом травм не зависело от ответчика. Для срав-

нения проанализируем судебные дела, в одном из которых ответчик мог повлиять на получение истцом вреда здоровью, а в иных – нет.

В одном из дел истец обратился с иском о компенсации морального вреда к экстрим-центру, где во время выполнения сальто упал и получил травму. В обоснование требований указал, что по причине ненадлежащего контроля инструктора его здоровью был причинен вред, вследствие чего он был вынужден проходить длительное лечение и претерпевать ограничения, связанные с травмой.

При рассмотрении дела было установлено, что перед допуском истца к занятию инструктор не выяснил уровень физической подготовки истца и наличие у него противопоказаний для выполнения тех или иных акробатических элементов и не провел инструктаж по технике безопасности. Ответчик также пояснил, что не предпринял мер для предотвращения травмирования истца и не остановил его после того, как увидел, что он выполняет элемент, инструктаж по выполнению которого проведен не был.

Суд пришел к выводу, что травма была получена истцом по причине нарушения должностной инструкции в части организации безопасного процесса прыжков, предотвращения несчастных случаев и проведения инструктажа. Ответчик не предпринял мер для обеспечения надлежащего контроля за истцом при выполнении им прыжков на батуте, что повлекло причинение травмы истцу. Суд частично удовлетворил требования, снизив требуемый размер компенсации морального вреда. Суды вышестоящих инстанций оставили решение без изменений [5].

В проанализированном деле ответчик был обязан проинформировать истца о технике выполнения акробатического элемента и обеспечить безопасность его выполнения в силу особенностей услуг по проведению тренировок. Так, для предотвращения травм и правильного выполнения экстремальных элементов недостаточно обладания жизненным опытом и способностью понимать последствия своих действий. Сотрудник организации-ответчика, как лицо, обладающее специальными знаниями, был обязан оказать услугу надлежащим образом с обеспечением безопасности посетителя, так как у него была возможность предотвратить получение травмы. Однако нередко потребители обращаются для взыскания компенсации морального вреда и в тех случаях, когда ответчик лишь предоставлял помещение и оборудование без проведения тренировок с посетителями. Несмотря на то, что в таких ситуациях предотвращение травмоопасных ситуаций зависит от посетителя, а не от исполнителя услуги, судебные органы взыскивают компенсацию морального вреда.

Например, судом были удовлетворены требования истца по иску к организации, оказывающей услуги по предоставлению в аренду ледового катка и коньков, о взыскании компенсации морального вреда. Иск был мотивирован тем, что дочь истца во время катания на ледовом катке упала и получила травму головы, в результате чего была доставлена в медицинское учреждение и проходила длительное лечение. По мнению истца, вред здоровью ее дочери был причинен по вине ответчика, так как он не обеспечил безопасность ее пребывания на катке и не предоставил защитный шлем.

Суды первой инстанции частично удовлетворил требования, снизив размер компенсации. Суд указал, что ответчик не проинформировал истца и её дочь о факторах рисках при использовании ледового катка и о мерах предупреждения травм. Суд сослался на положение правил поведения в ледовом центре, согласно которому дети

и неуверенно катающиеся взрослые посетители обязаны пользоваться шлемами, налокотниками и наколенниками. По мнению суда, ответчик был обязан удалить несовершеннолетнюю с катка, так как она не обладала достаточными навыками и находилась на катке без защитного оборудования.

В апелляционной жалобе ответчик указал, что дочь истца упала не по вине ответчика, а из-за отсутствия навыков катания. Кроме того, ответчик отметил, что оказывает услуги по аренде катка и коньков, а не проводит обучающие тренировки, а потому проведение инструктажа не требовалось.

Суд апелляционной инстанции признал решение законным и обоснованным, указав, что несовершеннолетняя получила травму по вине ответчика, который оказал услугу с нарушением требований безопасности [6].

В приведенном деле с ответчика была взыскана компенсация морального вреда, несмотря на то что он объективно не мог предотвратить падение дочери истца. Во-первых, несовершеннолетняя посетила каток совместно с матерью, а потому ответственность за её поведение и его последствия лежала на ней. Во-вторых, факторы риска нахождения на ледовом катке очевидны для совершеннолетнего дееспособного человека, обладающего жизненным опытом. Так, истец была в состоянии осознавать возможную опасность нахождения на льду ребенка, не владеющего навыками катания на коньках. В-третьих, истец не обратилась к ответчику для предоставления защитного оборудования.

Суды сослались на положения правил организации, согласно которым дети и неуверенно катающиеся взрослые обязаны кататься в шлеме и наколенниках. Однако из этого не следует обязанность ответчика принудительно выдать защитное оборудование и получить у каждого посетителя информацию об уровне его навыков катания. Таким образом, при сложившихся обстоятельствах, ответственность за получение защитного оборудования лежала на посетителе катка. Обеспечить более безопасные условия ответчик не мог в силу специфики ледового покрытия, а потому предотвращение травмы несовершеннолетней было возможно только со стороны истца.

В ином деле истец обратилась в суд с иском к организации, предоставляющей банный комплекс, о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда. Истец указал, что при посещении банного комплекса она поскользнулась, упала и получила травму. По мнению истца, ответчик не обеспечил соблюдение техники безопасности, поскольку на полу в женском отделении имелись дефекты. Ответчик представил экспертное заключение о надлежащем состоянии полов, имеющих покрытие, предотвращающее скользкость.

Суд частично удовлетворил заявленные требования, снизив размер требуемой компенсации. Принимая решение, суд исходил из того, что ответчик не представил доказательств надлежащего состояния полов в момент посещения банного комплекса истцом. Суд также указал, что ответчик не ознакомил истца с правилами посещения бани [7].

В рассмотренном случае ответчик объективно не мог обеспечить абсолютную безопасность от потенциальных травм ввиду специфики территории оказания услуг и их характера. Так, у исполнителя не было возможности повлиять на скользкость поверхности пола после попадания на нее воды и гигиенических средств. Кроме того, посещение банного комплекса не является сложным действием, требующим об-

ладания специальными знаниями и навыками, в связи с чем истец мог самостоятельно обеспечить безопасность своего пребывания. Таким образом, причинно-следственная связь между действиями ответчика и получения истцом травмы отсутствовала.

Исходя из анализа изученных материалов можно сделать вывод, что в правоприменительной практике сформировался подход, в соответствии с которым с исполнителя взыскивается компенсация морального ущерба даже если он объективно не мог предотвратить травму потребителя в силу неосмотрительности последнего и специфики территории оказания услуг. Для преодоления данной проблемы представляется необходимым закрепить разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно того, что при рассмотрении дел о компенсации морального вреда, причиненного потребителям, судам необходимо учитывать, во-первых, была ли проявлена со стороны потребителя разумность и осмотрительность с учетом особенностей характера предоставляемой услуги, во-вторых, мог ли исполнитель не допустить возникновения вреда.

Обобщая изложенное, компенсация морального вреда предусматривается законодателем в том числе в целях восстановления нравственных переживаний, причиненных в результате нарушения законодательства о защите прав потребителя. При этом нередко с их стороны допускается злоупотреблением правом. Так, из анализа материалов сложившейся практики видно, что потребители обращаются с исками, даже если своими действиями способствовали возникновению травмоопасных ситуаций в отсутствие возможности ответчика предотвратить их. Удовлетворение требований при злоупотреблении правом истцом нарушает права ответчиков и создает условия для развития тенденции, при которой любые требования потребителя будут удовлетворены независимо от того, мог ли исполнитель услуги предотвратить причинение вреда.

Для соблюдения балансов интересов сторон при рассмотрении споров данной категории представляется необходимым закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ положение о том, что судам необходимо устанавливать, мог ли исполнитель предотвратить возникновение вреда, а также было ли бы возможно получение такого же вреда иным лицом в аналогичной обстановке при проявлении достаточной осмотрительности с учетом специфики места оказываемой услуги. Это будет способствовать предотвращению неправомерного взыскания денежных средств с продавцов и исполнителей услуг и достижению целей гражданского судопроизводства.

Появление различных новых видов услуг порождает возникновение широкой вариативности правоотношений между исполнителями и потребителями. Это способствует появлению большего количества оснований для обращения в суд потребителей с исками о компенсации морального вреда, что приводит к появлению неизученных ранее аспектов этой проблемы. Данное обстоятельство обуславливает дальнейшую актуальность исследования изученной проблемы.

Список литературы:

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. N 3. Ст. 140.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. N 267. 25.11.2022.
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 08.11.2022 по делу N 33-10950/2022// [Электронный ресурс]. – URL: https://vs-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38926837&case_uid=73b25771-3a1b-435e-bca4-00a8837bdb57&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.02.2024)
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 N 88-16561/2023 по делу N 2-245/2022// [Электронный ресурс]. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=25981814&case_uid=ebc24320-6785-4368-80a7-b2c2deb4fb43&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 05.02.2024)
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 22.03.2023 по делу N 33-177/2023// [Электронный ресурс]. – URL: https://vs-kalm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3724504&case_uid=2d217906-3a46-4666-8912-105a9933f095&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.02.2024)
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.02.2023 по делу N 33-2679/2023// [Электронный ресурс]. – URL: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5392684&case_uid=cea09f12-afe9-4516-8c6d-3a48f57c1340&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.02.2024)

Ablyatipova N.A., Volkova I.Y. Current problems of law enforcement practice of the institute of compensation for moral harm caused to consumers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – Р. 81–86.

The article examines the features of collecting compensation for moral damage caused by violation of legislation on the protection of consumer rights. The norms of civil legislation regulating this institution are analyzed. Based on materials from the law enforcement practice of courts of general jurisdiction, the circumstances preceding the filing of claims by consumers for the recovery of compensation for moral damage and the specifics of the consideration of disputes in this category were studied. Based on the analysis of the materials studied, it was established that in law enforcement practice an approach has been formed, according to which compensation for moral damage is recovered from the contractor even if he objectively could not prevent the consumer's injury due to the latter's carelessness and the specifics of the territory where services were provided. Based on the results of the study, possible ways to overcome the problems that arise when consumers exercise their right to go to court for compensation for moral damage are proposed.

Keywords: protection of consumer rights, compensation for moral damage, abuse of rights, judicial protection.

Spisok literatury:

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (red. ot 04.08.2023) «O zashhite prav potrebitel'ej» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 15.01.1996. N 3. St. 140.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 24.07.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.12.1994. N 32. St. 3301.
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.11.2022 N 33 «O praktike primenenija sudami norm o kompensacii moral'nogo vreda» // Rossijskaja gazeta. N 267. 25.11.2022.
4. Apelljacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 08.11.2022 po delu N 33-10950/2022// [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://vs-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38926837&case_uid=73b25771-3a1b-435e-bca4-00a8837bdb57&delo_id=5&new=5 (data obrashhenija: 05.02.2024)
5. Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 03.08.2023 N 88-16561/2023 po delu N 2-245/2022// [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=25981814&case_uid=ebc24320-6785-4368-80a7-b2c2deb4fb43&delo_id=2800001&new=2800001 (data obrashhenija: 05.02.2024)
6. Apelljacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Respubliki Kalmykija ot 22.03.2023 po delu N 33-177/2023// [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://vs-kalm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3724504&case_uid=2d217906-3a46-4666-8912-105a9933f095&delo_id=5&new=5 (data obrashhenija: 05.02.2024)
7. Apelljacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 14.02.2023 po delu N 33-2679/2023// [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5392684&case_uid=cea09f12-afe9-4516-8c6d-3a48f57c1340&delo_id=5&new=5 (data obrashhenija: 05.02.2024).

УДК 34.09

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИСТРА НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ЦИФРОВОЙ ОБОРОТ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ:
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Быстрыкова С. А.

Российский университет транспорта

Автором исследуются правовые вопросы, связанные с формированием Регистра населения в России как информационного ресурса федерального уровня в условиях цифровой трансформации и возрастающего оборота персональных данных. На основе анализа зарубежного опыта правового регулирования в рассматриваемой области автором обращено внимание на современные тенденции и правовые проблемы, связанные с использованием аналогичных информационных ресурсов. Отмечено значение создания в Российской Федерации единого федерального информационного ресурса для интеграции сведений о населении в условиях развития цифрового оборота персональных данных и их организационно-правовой защиты. Рассматривается вопрос соблюдения установленных требований и необходимость развития государственных стандартов при формировании цифровой экономики, а также совершенствования информационного законодательства в целях реализации государственной политики обеспечения системы правовой охраны использования персональных данных во всех сферах. Особое внимание обращено на развитие цифрового оборота данных в системе транспортной безопасности.

Ключевые слова: регистр населения, федеральный информационный ресурс, сведения о населении, правовое регулирование, персональные данные, цифровой оборот данных, транспортная безопасность, информационные технологии, информационная безопасность, искусственный интеллект.

Вопрос организационно-правовой защиты персональных данных в информационную эпоху на современном этапе цифрового развития и оборота данных приобретает особую актуальность, поскольку касается не только государства и общества, но и существенно затрагивает интересы граждан. Неслучайно интересы граждан, соблюдение их прав в Стратегии национальной безопасности [1] в Российской Федерации включены в национальные интересы, при этом обеспечение информационной безопасности выделено в базовом документе стратегического планирования в качестве одного из основных приоритетов. В условиях повышения динамики и активизации применения различных информационных (цифровых) технологий, развития цифровых платформ, критической информационной инфраструктуры, связанной с оказанием государственных услуг, взаимодействия органов публичной власти и оборота значительных массивов информации, включая и персональные данные, существенно возрастают угрозы и вызовы информационной безопасности.

Вопросы правового обеспечения использования, сбора, обработки, хранения и т.д. персональных данных после подписания РФ в 2005 г. европейской Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [2] и принятия Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [3], а также развития системы правового регулирования в этой области, постоянно находятся в сфере внимания. Это касается как деятельности законодателя, так и федеральных органов исполнительной власти, включая уполномоченные в этой сфере Минцифры России, Роскомнадзора, Федеральная служба по техническому и

экспортному контролю (далее – ФСТЭК России) и др.), в банковской и финансовой, здравоохранения, образовательной сферах и многих иных.

В соответствии с международными актами, а также российским законодательством, обработка персональных данных может осуществляться только на основании заранее определенных, законных целей и задач. Среди них выделяется обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Безусловно, как отмечают исследователи в области информационного права, это приводит к росту значения государственных информационных систем [4; 5, с. 84-87; 6]. Следует с этим согласиться, поскольку в условиях возрастающего оборота данных (особенно различных видов цифровых данных) функциональные возможности таких информационных систем связаны не только с интеграцией, но и обработкой больших массивов данных о гражданах. Очевидно, что это требует усиления внимания к вопросам информационной безопасности и правового обеспечения цифрового оборота персональных данных (больших данных).

Правовая политика Российской Федерации государства, которое обладает всей полнотой власти на своей территории, определяется с учетом этого устройства, а также территориально-административного деления (например, федеративного), и подписанных международных договоров, необходимых видов и форм учета населения. Они нужны в различных целях: для оказания государственных услуг, формирования различных видов статистики, установления (подтверждения) личности физического лица, также установления различных видов учета (воинского, в избирательной системе, в судебной и правоохранительной системах, в области образования, в сфере здравоохранения и т.д.). Сегодня все шире развивается этот персональный учет и цифровой оборот персональных данных широко используется в транспортной сфере, например, для регистрации и идентификации пассажиров.

Поэтому единый федеральный информационный ресурс, формирование которого предусмотрено в Федеральном законе от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [7], все больше привлекает внимание исследователей, в том числе и в публично-правовой науке. Концепция создания такого единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении Российской Федерации, вызывала различные дискуссии, но План мероприятий («дорожная карта») его формирования и ведения был утвержден распоряжением Правительства РФ от 04.07.2017 № 1418-р [8]. Анализ зарубежного опыта создания таких ресурсов показывает различные подходы к созданию таких информационных ресурсов в разных странах [4]. Имеющаяся за рубежом достаточно разнообразная практика правового регулирования представляет интерес с точки зрения возможного прогнозирования эффективности и перспектив формирования правоприменительной практики.

Изучение зарубежного опыта свидетельствует, что во многих государствах созданы аналогичные информационные системы, которые содержат сведения о населении. В качестве основной тенденции при их использовании можно выделить обеспечение безопасности, повышение качества и удобства предоставляемых населению услуг, а также эффективность выполнения контрольно-надзорных функций органами государственной власти. По разным оценкам информационные системы

учета населения созданы и действуют почти в 60 государствах мира [4].

Заслуживают внимания результаты анализа, проведенного в монографии И.А. Трофимец [4]. Так, на основе сравнительно-правового анализа законодательства в этой сфере в Австрии, Бельгии, Венгрии, Дании, Исландии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Франции, Финляндии и особенно Испании справедливо обоснован вывод о том, что в Евросоюзе отсутствуют единообразные подходы в правовом регулировании учета населения.

Начиная с названий этих учетных систем (национальные, центральные, регистры, реестры и т.д.), вместе с тем, в ряде государств (например, в Испании) такие регистры в ряде государств (информационные учетные системы населения) отсутствуют либо используются в основном для сбора статистических данных о гражданах в социальной сфере. Хотя определенный учет существует и ведется в других системах, но общей тенденцией является то, что во всех государствах гражданину присваивается уникальный номер об индивидуальных признаках лица для его идентификации (чаще всего это относится к компетенции МВД). Хотя практика складывается также по-разному. Центральные хранилища данных имеют определенные связи с местными регистрами населения и с информационными системами других ведомств, таких как налоговые органы, социального страхования и пенсионного обеспечения, статистические службы, службы земельного кадастра, службы регистрации прав собственности, министерство внутренних дел, министерство обороны, министерства по чрезвычайным ситуациям, избирательные комиссии и др.

В США, например, исторически отсутствовала централизованная система регистрации населения, несмотря на наличие единого номера социального страхования. При этом проблема идентификации личности в США осуществляется на основе единой технологии, обеспечивающей сбор, обработку, анализ и распространение данных в электронном виде об актах изменения гражданского состояния граждан на основе взаимодействия органов власти разных уровней, включая различные службы в штатах.

Однако как показывает исследование в Российской Федерации можно выделить значительное количество отраслевых информационных ресурсов, формируемых органами публичной власти федерального и регионального уровня, а также органами местного самоуправления в целях осуществления государственных (муниципальных) функций, содержащих сведения о населении¹.

Вместе с тем сегодня идет процесс формирования единого информационного ресурса, в котором должны быть интегрированы большие массивы данных о населении РФ. Особенно важно отметить роль Единого регистра в обеспечении информационного взаимодействия с иными федеральными, региональными и муниципальными информационными ресурсами, а также с определенными негосударственными системами, которым делегированы определенные государственные полномочия в РФ.

¹ К ним относятся сведения о: регистрации физических лиц по месту пребывания и месту жительства; застрахованных лицах в системе обязательного пенсионного страхования; нуждающихся в социальной защите или состоящих на учете в органах занятости; учете населения в системе обязательного социального страхования и обязательного медицинского страхования; воинском учете; выдаче документов, удостоверяющих личность; а также иных видах регистрации (учета) сведений о физических лицах, их правах и обязанностях и т.д.

После вступления в силу указанного Федерального закона от 08.06.2020 № 168-ФЗ в России начнет функционировать единый федеральный информационный регистр, включающий совокупность сведений о гражданах РФ, а также об иностранных гражданах и лицах без гражданства, которые содержатся в государственных информационных системах органов публичной власти, органов управления государственными внебюджетными фондами и т.д. Указанный федеральный регистр также направлен на развитие системы государственных и муниципальных услуг, государственных и муниципальных функций, в том числе на основе развития цифрового оборота и обмена данными. Этот Регистр нужен также для обеспечения актуальности и достоверности информационных ресурсов в системе органов публичной власти, органов управления государственными внебюджетными фондами, также содержащими сведения о населении России.

Обязанности уполномоченного федерального органа исполнительной власти по формированию и ведению федерального ресурса о населении возложены на ФНС России. Как уже отмечалось, в данный единый Регистр должны включаться сведения о физическом лице, которые впервые формируются органами государственной власти и управления государственными внебюджетными фондами в соответствии с их полномочиями, в государственных информационных системах. Также исключительно важна информация, позволяющая идентифицировать такие сведения в государственных информационных системах². Это идентификаторы записи акта о рождении; записи акта о смерти; документа, удостоверяющего личность физического лица, включая вид, номер и иные сведения о таком документе; документов или отметок в документах, удостоверяющих личность, подтверждающих право иностранного гражданина и лица без гражданства на пребывание (проживание) в РФ; сведений о регистрационном учете гражданина РФ и миграционном учете иностранного гражданина и лица без гражданства в РФ; сведений о принятом решении по вопросам гражданства РФ; сведений о постановке на учет в налоговом органе, в том числе в качестве налогоплательщика налога на профессиональный доход; сведений о регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя; сведений о постановке на воинский учет граждан Российской Федерации, обязанных состоять на воинском учете; сведений о регистрации в системах обязательного пенсионного, медицинского и социального страхования; сведений о постановке на учет в органах службы занятости; документа об образовании и (или) о квалификации, документа об обучении, включая виды, номера и иные сведения о таких документах; сведений о присуждении, лишении, восстановлении ученой степени, присвоении, лишении, восстановлении ученого звания; учетной записи физического лица в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентифи-

² Также к ним относятся следующие базовые сведения о физическом лице: фамилия, имя и отчество (при наличии) и в случае их изменения иные фамилия, имя и отчество (при наличии); дата рождения; дата смерти; место рождения; место смерти; пол и в случае его изменения иной пол; сведения о семейном положении физического лица, в том числе о записях актов о заключении и расторжении брака; гражданство РФ и (или) гражданство (подданство) иностранного государства или иностранных государств; сведения о наличии у гражданина РФ документа на право постоянного проживания в иностранном государстве (при наличии); сведения об обращении гражданина РФ в полномочный орган иностранного государства о выходе указанного гражданина из гражданства данного государства или об отказе от имеющегося у него документа на право постоянного проживания в иностранном государстве (при наличии).

кации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем; записей федерального регистра, содержащих сведения о родителях физического лица, супруга (супруги) физического лица, ребенке (детях) физического лица.

Кроме того, следует отметить, что федеральный регистр населения формируется на основании сведений о физических лицах, представляемых уполномоченному органу соответствующими органами и организациями (МВД России, Минобороны России, Минобрнауки России, ФНС России, Росморречфлот, государственные внебюджетные фонды) в цифровой форме на основе применения единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Одним из ключевых является вопрос об идентификации субъектов. Представляет научный интерес диссертационное исследование В.Б. Наумова, направленное на изучение и разработку информационно-правовых подходов к вопросу о формировании института идентификации в информационном праве [9]. Что касается идентификации физических лиц, то технологически сведения об одном физическом лице, в федеральном регистре сведений о населении являются одной записью, которые идентифицируются на основании не повторяющимся во времени и пространстве (на территории Российской Федерации) номера. С точки зрения его функционального назначения этот единый информационный ресурс позволяет осуществлять сбор, обработку и сохранность сведений о населении, включаемых в федеральный регистр.

Также актуальным является вопрос обеспечения доступа к сведениям, содержащимся в нем и их предоставления в электронной (цифровой) форме. Отдельного внимания заслуживает проблема информационного взаимодействия государственной информационной системы с иными государственными и муниципальными информационными системами, (включая федеральную государственную информационную систему ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния) [10]. В рамках указанного взаимодействия осуществляется:

- автоматическая передача содержащихся в нем сведений в единую систему идентификации и аутентификации;
- контроль за достоверностью, полнотой и актуальностью содержащихся в нем сведений о населении;
- контроль подлинности и целостности записей федерального регистра сведений о населении;
- применение усиленной квалифицированной электронной подписи.

Приоритетное и системное значение имеет информационная безопасность, включая защиту оператором сведений, содержащихся в указанном федеральном регистре (персональные данные как при ее создании и эксплуатации, так и будущем развитии государственной информационной системы [11, с. 71-74]. Это касается применения установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации требований к защите имеющихся сведений, в данном Федеральном регистре, по разработке и внедрению системы защиты (включая применение только сертифицированных в установленном законодательством Российской Федерации в порядке средств защиты информации: криптографической защиты информации, а также аттестация государственной информационной системы на соответствие требованиям о защите информации).

В современных условиях цифровой трансформации, изменения миропорядка

особого внимания заслуживают вопросы защиты сведений, содержащихся в федеральном регистре сведений о населении, от несанкционированного доступа и атак.

Цифровой оборот персональных данных требует повышенного внимания к обеспечению безопасности межведомственного информационного взаимодействия при формировании и ведении федерального регистра сведений о населении. Это касается выполнения требований федерального органа исполнительной власти в области связи, являющегося оператором единой системы межведомственного электронного взаимодействия по обеспечению ее безопасности, а также обеспечения неизменности сведений, при их хранении и передаче [11].

В соответствии со Стратегией национальной безопасности и Доктриной информационной безопасности в Российской Федерации сегодня необходимы дополнительные меры повышенной защиты сведений, содержащихся в указанной системе от взлома, утечки, несанкционированных действий по искажению, блокированию информации, предотвращению других форм незаконного вмешательства в федеральный информационный ресурс.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ – 2021. – 5 июля.
2. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15 июня 1999 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – 3 февраля.
3. О персональных данных: федер. Закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. 8 июля 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. 14 июля 2006 г. // Собр. законодательства РФ. – 2006. – 31 июля.
4. Трофимец И.А. Государственные информационные системы учета населения : Монография / И.А. Трофимец. – Москва : РУСАЙНС, 2021. – 90 с.
5. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : Монография / Р.В. Амелин, С.Е. Чаннов. – Москва : Норма, 2023. – 278 с.
6. Правовое регулирование оборота персональных данных в условиях современных вызовов и угроз : Монография / под ред. А.В.Минбалеева. – Саратов : ООО «Амирит», 2023. 138 с.
7. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. 21 мая 2020 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. 2 июня 2020 г. // Собр. законодательства РФ. – 2020. – 15 июня.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 1418-р «Об утверждении Концепции формирования и ведения единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении Российской Федерации» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по формированию и ведению единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении Российской Федерации») // Собр. законодательства РФ. – 2017. – 17 июля.
9. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: Дисс. ...д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 455.
10. Полякова Т.А., Бойченко И.С. Развитие применения дистанционных технологий и «цифровизация» общественных отношений в условиях новых вызовов: теоретические и практические проблемы // Общественное и право. 2020. № 3. С. 319-324.
11. Чеботарева А.А. Организационно-правовые основы формирования федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев. – Москва : Проспект, 2020. – 312 с.

Bystryakova S. A. Formation of the Population Register in the Russian Federation and digital circulation of personal data: legal problems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 87–93.

The author examines the legal issues related to the formation of the Population Register in Russia as an in-

formation resource at the federal level in the context of digital transformation and increasing turnover of personal data. Based on the analysis of foreign experience of legal regulation in the field under consideration, the author draws attention to current trends and legal problems associated with the use of similar information resources. The importance of creating a unified federal information resource in the Russian Federation for the integration of information about the population in the context of the development of digital circulation of personal data and their organizational and legal protection is noted. The issue of compliance with the established requirements and the need for the development of state standards in the formation of the digital economy, as well as the improvement of information legislation in order to implement the state policy of ensuring the system of legal protection of the use of personal data in all areas is considered.

Keywords: population register, federal information resource, information about the population, legal regulation, personal data, digital data turnover, transport security, information technology, information security, artificial intelligence.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // *Sobr. zakonodatel'stva RF* – 2021. – 5 iyulya.
2. Konvenciya o zashchite fizicheskikh lic pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'nyh dannyh (zaklyuchena v g. Strasburge 28 yanvarya 1981 g.) (vmeste s Popravkami k Konvencii o zashchite fizicheskikh lic pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'nyh dannyh (SDSE № 108), pozvolyayushchimi prisoedinenie evropejskikh soobshchestv, prinyatymi Komitetom Ministrov v Strasburge 15 iyunya 1999 g.) // *Sobr. zakonodatel'stva RF*. – 2014. – 3 fevralya.
3. O personal'nyh dannyh: feder. Zakon Ros. Federacii ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. *Sobr.* 8 iyulya 2006 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. *Sobr.* 14 iyulya 2006 g. // *Sobr. zakonodatel'stva RF*. – 2006. – 31 iyulya.
4. Trofimec I.A. Gosudarstvennye informacionnye sistemy ucheta naseleniya : Monografiya / I.A. Trofimec. – Moskva : RUSAJNS, 2021. – 90 s.
5. Amelin R.V., CHannov S.E. Evolyuciya prava pod vozdejstviem cifrovyyh tekhnologij : Monografiya / R.V. Amelin, S.E. CHannov. – Moskva : Norma, 2023. – 278 s.
6. Pravovoe regulirovanie oborota personal'nyh dannyh v usloviyah sovremennyh vyzovov i ugroz : Monografiya / pod red. A.V. Minbaleeva. – Saratov : OOO «Amirit», 2023. 138 s.
7. O edinom federal'nom informacionnom registre, sodержashchem svedeniya o naselenii Rossijskoj Federacii: feder. Zakon Ros. Federacii ot 8 iyunya 2020 g. № 168-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. *Sobr.* 21 maya 2020 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. *Sobr.* 2 iyunya 2020 g. // *Sobr. zakonodatel'stva RF*. – 2020. – 15 iyunya.
8. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 4 iyulya 2017 g. № 1418-r «Ob utverzhdenii Konceptii formirovaniya i vedeniya edinogo federal'nogo informacionnogo resursa, sodержashchego svedeniya o naselenii Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Planom meropriyatij («dorozhnoj kartoj») po formirovaniyu i vedeniyu edinogo federal'nogo informacionnogo resursa, sodержashchego svedeniya o naselenii Rossijskoj Federacii») // *Sobr. zakonodatel'stva RF*. – 2017. – 17 iyulya.
9. Naumov V.B. Institut identifikacii v informacionnom prave: Diss. ...d-ra yurid. nauk. M., 2020. S. 455.
10. Polyakova T.A., Bojchenko I.S. Razvitie primeneniya distancionnyh tekhnologij i «cifrovizaciya» obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah novyyh vyzovov: teoreticheskie i prakticheskie problemy // *Obrazovanie i pravo*. 2020. № 3. S. 319-324.
11. CHEbotareva A.A. Organizacionno-pravovye osnovy formirovaniya federal'nogo informacionnogo registra, sodержashchego svedeniya o naselenii Rossijskoj Federacii // *Tret'i Bachilovskie chteniya. Cifrovaya transformaciya: vyzovy prava i vektory nauchnyh issledovanij : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* / *Otv. red. T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev*. – Moskva : Prospekt. 2020. – 312 s.

УДК 342.4

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ ПЕРЕСМОТРА КОНСТИТУЦИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ:
К ВОПРОСУ СРАВНИТЕЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СОБРАНИЯ РФ**

Водовозов С. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В настоящем исследовании проведена работа по раскрытию понятия и сущности института конституционного пересмотра, реализуемого посредством формирования специализированного субъекта временного действия. Определена классификационная градация специфических требований и сложностей в изменении положений основного закона на примере различных государств. В частности, отдельное внимание уделено процессу реализации обязательных действий по защите основных принципов конституционного строя. Отдельным достижением исследования является анализ деятельности субъектов пересмотра конституций, образуемых в зарубежных странах. Изучение подходов было структурировано посредством раскрытия особенностей сравнительного функционирования озвученных правовых категорий в странах англосаксонской (на примере США) и романо-германской (применительно к опыту Франции) правовых семей. В рамках рассмотрения возможных вариантов совершенствования отечественной модели конституционного пересмотра был учтен опыт деятельности Конституционного конвента США, Конгресса Франции, а также т.н. «опыт прошлого» – в контексте функционирования Конституционного совещания в 1993 году в России.

Ключевые слова: Конституционное Собрание РФ, Конституционное совещание, ратификация, учредительный орган, референдум, Конституционный конвент 1787 г., Конгресс Франции, процедура ратификации

Конституция большинства стран представляет собой основной закон государства, в рамках которого определены такие важнейшие сферы регулирования общественной жизни, как регламентация прав, свобод и обязанностей граждан, порядка управления страной и другие не менее важные вопросы. Конституция является главным документом, на основе которого строится вся законодательная система страны.

Ввиду высокого уровня значимости внесение изменений и поправок в конституции государств характеризуется особым порядком регулирования, а также вариативности. Анализ моделей и подходов к конституционному пересмотру некоторых зарубежных стран позволяет сформировать следующую классификационную градацию специфических требований и сложностей в изменении положений основного закона.

Так, первое, на что следует обратить внимание, это необходимость наличия квалифицированного большинства голосующих за поправки в конституции. Во многих странах для внесения поправок в конституцию требуется квалифицированное большинство голосов. Данный критерий определяет процесс изменения конституции как сложный и длительный. Так, например, в соответствии со ст. 89 Конституции Франции: «проект пересмотра считается одобренным, если соберет три пятых поданных голосов» [1].

Второй аспект – устанавливаемые законодателем ограничения в части сроков внесения поправок. Во многих государствах процедура изменения конституции мо-

жет ограничивается строго определенным сроком. Например, в США поправки в Конституцию могут быть предложены только в определенное время: если они не были приняты в течение определенного срока, то последующее их внесение не представляется возможным. Ст. 5 Конституции США определяет: «ни одна поправка, которая может быть принята до одна тысяча восемьсот восьмого года, не должна каким-либо образом затрагивать абзацы первый и четвертый раздела 9 статьи I» [2].

Третий момент – особенности процедуры ратификации. В некоторых случаях поправки к конституции должны быть ратифицированы определенным числом субъектов, таких как штаты или провинции. Этот процесс может занять достаточно длительное время. Отчасти длительность процедуры обусловлена возникновением споров о том, все ли субъекты согласны с предлагаемыми изменениями. В той же ст. 5 Основного закона США определено, что поправки приобретают «законную силу во всех отношениях ... после их ратификации legislaturesми трех четвертей штатов либо конвентами трех четвертей штатов в зависимости от того, какой порядок ратификации может предложить Конгресс» [2].

Четвертое – вопрос касательно реализации необходимости по защите основных принципов конституционного строя. Помимо общеизвестных и, в должной степени, распространенных принципов общего характера развития страны, как, например, принцип демократизма, идей правового, социального государства, во многих конституциях также отражены положения т.н. процессуального характера, призванные защитить основные, конституционные принципы от глобальных изменений. Показательным в этом ключе видится опыт Итальянской Республики. Пересмотр Конституции указанного государства может быть осуществлен по инициативе, представленной одной пятой членов одной из палат парламента или 500 тысячами избирателей, или пятью областными советами, имеющими право голоса. Если предложение о пересмотре положений Основного закона получает одобрение в обеих палатах, оно передается на ратификацию в референдум. «Закон, вынесенный на референдум, не считается принятым, если он не одобрен большинством признанных действительными голосов» [3, с. 446]. При этом отдельно выделенная статья 139 анализируемого акта устанавливает невозможность конституционного пересмотра республиканской формы правления в Италии. Обусловленная историческими особенностями и предпосылками, норма, безусловно, представляет повышенный уровень значимости, что обуславливает налагаемые ограничения. Однако, в общем виде подобные подходы могут затруднить внесение существенных изменений, даже если большинство законодателей поддержит их.

Типичным в части сохранения конституционных традиций являются государства со старейшими Основными законами, сохраняющими самобытность нации. Помимо США, одной из древнейших конституций является Конституция Королевства Норвегия, принятая в 1814 г. (с учетом вносимых поправок, в том числе, в 1995 г). В связи с чем определено, что «предлагаемые поправки не должны противоречить конституционным принципам, но относиться лишь к изменению отдельных положений, не меняющих смысл Конституции» [4].

И, наконец, пятый немаловажный аспект – юридические препятствия. В некоторых юрисдикциях могут существовать юридические препятствия для процедуры внесения изменений в конституции, такие как, например, необходимость соблюдения установленной законом специализированной процедуры. Так, ст. 96 Конститу-

ции Японии определено: «поправка считается одобренной, если за нее высказалось большинство голосовавших, либо в порядке особого референдума, либо путем выборов – в соответствии с решением Парламента» [5].

Таким образом, исходя из выделенных специфических требований и сложностей в изменении положений основного закона большинства современных стран, можно сделать вывод, что усложненный порядок принятия поправок является одним из лучших способов обеспечения необходимого уровня стабильности конституционных норм. Такие поправки, зачастую, вносятся в результате принятого решения государственного органа власти (при том, при наличии положительного заключения от квалифицированного большинства голосующих), а также посредством итогов проведенного референдума. При том, в литературе можно встретить мнение, в соответствии с которым «чем реакционнее режим, тем чаще он прибегает к референдумам, поскольку именно набор методов и способов проведения референдума, формулирование предмета референдума позволяют манипулировать общественным мнением, соблюдая при этом внешнюю демократичность» [6].

В целях соблюдения курса развития страны, заданного фундаментальными началами правового регулирования, в государствах демократического типа (а также развивающихся в данном направлении) формируются и действуют специализированные органы, ответственные за разработку и принятие новой конституции, а также внесения значительных изменений в уже существующую конституцию. Наименование, порядок формирования и формы деятельности у таких субъектов пересмотра конституций может быть различным, однако все они объединены общим целевым назначением.

В Российской Федерации субъектом пересмотра Конституции РФ является закрепленное в ст. 135 Конституционное Собрание: «Если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 ... поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание» [7].

Конституционное Собрание – это специальный орган, являющийся, исходя из смысла вышеуказанной нормы, органом временного действия. Последний предполагается к сбору для внесения значительных изменений в существующую конституцию в части пересмотра положений глав 1, 2 и 9. После выполнения своей задачи такой орган распускается.

Основная задача Конституционного собрания – обеспечение демократического процесса изменения или создания конституции, а также гарантия того, что все заинтересованные стороны будут иметь равные возможности для выражения своего мнения и участия в обсуждении формы и содержания изменений. Работа Конституционного собрания может включать в себя обсуждение и принятие поправок к Конституции, проведение референдумов, а также подготовку и представление итогового проекта новой Конституции.

Однако, к сожалению, судить о сущности и пределах действия такого органа представляется возможным, в большей степени, исходя из доктринальных исследований юристов-правоведов в анализируемой области. Причиной такой ситуации является отсутствие, вопреки положениям статьи 135 Конституции РФ, действующей

редакции федерального конституционного закона о статусе Конституционного Собрания.

Отметим, что законопроект разрабатывался неоднократно, претерпевая многочисленные изменения, однако так и не был принят. Первый проект федерального конституционного закона о Конституционном Собрании был разработан в 1997 г. председателем Верховного Совета СССР Анатолием Лукьяновым. Последний же – в 2020 г. фракцией КПрФ во главе с Геннадием Зюгановым, который был отклонен в июне 2023 г.

Законопроектом подразумевалось, что предлагаемое количество членов Конституционного Собрания должно составлять 335 человек. Учитывая, что Конституционное Собрание имеет право рассматривать проекты изменений в Конституцию и давать по ним свои заключения, в его состав должны входить эксперты в области права, представители различных ветвей власти и общественности. В частности, в состав Собрания предполагалось отнести Президента Российской Федерации, Председателя Совета Федерации, Председателя Государственной Думы, Председателя Правительства, председателей Верховного и Конституционного судов Российской Федерации, Генерального прокурора, Председателя Центральной избирательной комиссии РФ и Уполномоченного по правам человека в РФ [8].

Тем не менее, отсутствие действующего нормативного акта позволяет лишь предполагать о сущностной характеристике и особенностях деятельности Конституционного Собрания в России. Более предметным исследованием представляется изучение закономерностей в деятельности схожих с отечественной моделью Конституционного Собрания правовых институтах в зарубежных государствах.

Так, отметим, орган конституционного пересмотра может носить как временный, так и постоянный характер, в зависимости от сложившихся в конкретно взятом государстве исторических предпосылок и действующей структуры власти. Временный орган (как предполагают в том числе и российские субъекты права законодательной инициативы) обычно собирается для разработки и принятия новой конституции или внесения значительных изменений в существующую конституцию. После выполнения своей задачи такой орган распускается, и власть переходит к сформированным на основе новой конституции органам, если принятые поправки коснулись данной сферы взаимоотношений.

Постоянный орган конституционного пересмотра также призван разрабатывать и принимать новую конституцию или вносить существенные изменения в действующую. Однако, его деятельность не ограничена по времени. Решения такого субъекта конституционного пересмотра имеют верховенство над другими законами и должны быть одобрены большинством голосов. Ярким примером такого постоянно действующего органа является Учредительное собрание в Венесуэле (Национальная конституционная ассамблея), образованное в 2017 г., и, вопреки изначальной концепции, осуществляющее свою деятельность в неограниченном временном промежутке (прекратила свою деятельность в 2020 г.). Данный орган мог «вносить изменения в Основной Закон и реформировать систему госустройства. При этом по своим полномочиям он стоит выше и президента, и парламента, которые обязаны подчиняться его решениям. Будучи редким в современном мире органом прямой демократии, учредительное собрание формируется как по территориальному (избирательные округа), так и по «секторальному» принципу» [9].

В целом зарубежный опыт в области конституционно-правового регулирования пересмотра конституций очень разнообразен и зависит от конкретной страны и ее конституционной системы. Однако, далеко не для каждой страны характерным является формирование специализированного органа конституционного пересмотра. Зачастую такие функции могут быть возложены преимущественно на законодательный (представительный) орган страны. Проведенное исследование зарубежного опыта, реализованное с опорой на приведенную вначале градацию критериев в части специфических требований и сложностей в изменении положений основного закона, позволяет говорить о наличии различных подходов к пересмотру конституций в разных государствах. В условиях отсутствия в правовой доктрине единого подхода к раскрытию анализируемой проблематики считаем возможным предложить выделить собственную градацию стран с наиболее концептуально удачными подходами к решению вопроса конституционно-правового регулирования деятельности субъектов пересмотра основных законов.

Предлагается к рассмотрению подход в части разграничения государств по принципу принадлежности к правовым семьям, что также позволит выявить закономерности в вопросах пересмотра конституционных положений применительно к таким обширным группообразующим категориям.

Первая категория – страны англо-саксонского права.

Государство Соединенные Штаты Америки (США) представляет собой не только категорию яркого представителя анализируемой правовой семьи, но также, что немаловажно, знаменита своей самой старой из действующих писанных конституций, которая была принята 17 сентября 1787 г. и действует до сих пор. Соответственно и процедура принятия поправок носит ярко выраженный усложненный характер, обеспечивающий сохранность традиционного уклада жизни американцев.

«Зафиксированные в конституции правила были предложены еще Филадельфийским конвентом 1787 г. ... Указанная процедура намеренно минимизировала роль Конгресса, поскольку именно злоупотребления со стороны законодательного органа могли стать причиной, обуславливающей желательность поправок» [10]. Конституционный конвент 1787 г. был собранием представителей штатов США, который был создан целенаправленно для пересмотра и обновления Статей Конфедерации, которые до этого времени были основным документом, регулирующим отношения между штатами. Главной целью конвента было создание новой Конституции, которая бы способствовала усилению центральной власти и объединению штатов. По достижению конечной цели, а именно – принятию новой Конституции, конвент больше не созывался. Приведенная же ранее Статья V Конституции Соединенных Штатов описывает основные процедуры внесения поправок в конституцию, которые были предусмотрены законодателем.

Так, Конгресс США, будучи высшим законодательным органом власти, может представить предложенную поправку к конституции штатам, если предлагаемая формулировка поправки будет одобрена двумя третями голосов обеих палат. Последний должен созвать съезд для внесения поправок по запросу законодательных собраний двух третей штатов. Поправки, предложенные Конгрессом или съездом, вступают в силу только после ратификации законодательными собраниями или съездами трех четвертей штатов.

На сегодняшний день Конгресс представил штатам 33 предложения по поправкам, лишь 27 из которых были ратифицированы. Таким образом, Конституция США может быть изменена только с согласия квалифицированного большинства штатов, представленных в Конгрессе США. Представляется возможным утверждать, что, по аналогии с российским подходом (по формированию Конституционного Собрания), в США таким специализированным органом временного действия является конвент. Однако, хотя такой подход к пересмотру Конституции считается одним из самых сложных и ограничивает возможности внесения изменений, к сожалению, как видится, для США характерна та же проблематика, что и для РФ – отсутствие легальной позиции касательно способов и условий необходимости по формированию такого рода членства. Так, в статье V отсутствуют сведения касательного того, какие процедуры необходимо совершить, чтобы совещательный орган мог квалифицироваться как национальный конвент для предложения поправок к конституции.

И вторая категория – страны романо-германской правовой семьи.

Чуть менее жесткой в части возможностей внесения изменений и поправок является Конституция Французской Республики. Однако, учитывая тот факт, что после принятия Конституции 1958 г. последняя продолжает действовать в практически неизменном виде, Основной закон можно охарактеризовать, как в должной степени стабильный.

Отметим, что в Конституции Франции «предусмотрены две различные процедуры внесения изменений в текст Основного закона. Первая предусматривает вотирование конституционного закона посредством референдума, вторая – возможность принятия поправок на основе решения специально созываемого Конгресса» [11]. По состоянию на 2023 г. в Конституцию Франции было внесено несколько поправок, но в целом французский подход к изменению Конституции считается довольно консервативным. Так, в соответствии со ст. 89 Конституции, Президент может представить проект поправки к Национальному Собранию, которое должно принять решение о его принятии или отклонении. Если поправка принята, она передается на референдум, и для его одобрения требуется большинство голосов. На референдуме граждане голосуют за или против предлагаемых изменений. Предложение о пересмотре может быть также выдвинуто членами Национального собрания Франции.

В рамках настоящего исследования представляет интерес Конгресс, созываемый для пересмотра Конституции Франции. Так, Конгресс, по аналогии с Конституционным Собранием в РФ, является специальным органом, создаваемым для разработки проекта новой Конституции страны (или внесения поправок в действующий закон). Однако, в отличие от российского опыта, анализируемый субъект пересмотра конституции Франции действительно созывался.

Ярким примером деятельности Конгресса Франции является реализованный в 2008 году процесс модернизации институтов Пятой Республики, направленный на реформирование государственных институтов. Изначально заданный курс, заключающийся в разработке новой Конституции Франции, начался с того, что в 2005 г. Президент Франции Николя Саркози объявил о намерении начать процесс пересмотра конституции. Однако, в конечном итоге, было принято решение о необходимости разработки конституционного закона, способствующего пересмотру роли исполнительной власти и расширению полномочий парламента в Конституции Франции. В частности, было одобрено решение об ограничении числа сроков пол-

номочий Президента Французской Республики. Для одобрения всех положений законопроекта был созван Конгресс, на рассмотрение которого было вынесено окончательное голосование, состоявшееся 21 июля 2008 г., в результате чего законопроект был ратифицирован.

Наличие факта практического функционирования законодательно сформированного субъекта пересмотра Конституции подтверждает его применимость и завершенность в качестве самостоятельного института. Как видится, отчасти данное обстоятельство обусловлено грамотным законодательным подходом в части регламентации состава и порядка формирования столь значительного субъекта на уровне Основного закона страны. Так, ст. 89 Конституции Франции определено, что принимаемые поправки выносятся на рассмотрение Парламента, созываемого в качестве Конгресса, при этом в качестве бюро Конгресса выступает бюро Национального собрания.

На наш взгляд, подобный опыт законодательного регулирования является в должной степени удачным. В части реализации возможности по его заимствованию отметим следующее: для Российской Федерации фундаментально важной является инициатива по разработке проекта федерального конституционного закона о статусе Конституционного Собрания, упоминаемого в основном законе Российской Федерации. И лишь после его принятия представляется возможным и логичным упомянуть состав созываемого органа конституционного пересмотра в рамках положений ст. 135 Конституции РФ, по аналогии с подходом французского законодателя. Однако, в отличие от последнего, Конституционное Собрание РФ по своей сути, будучи учредительным органом власти, не может быть органом законодательной власти и, соответственно, не входит в состав Федерального Собрания.

В контексте проводимого исследования, помимо численного состава участников, возникает также отдельный вопрос касательно председательства анализируемым органом. В текущих реалиях представляется, что полезным и применимым будет прошлый опыт самого российского государства. Речь идет о т.н. Конституционном совещании.

Конституционное совещание – это временный орган, который был создан в России в 1993 г. с целью подготовки проекта Конституции Российской Федерации. Совещание было создано по инициативе Президента России Бориса Ельцина и состояло из представителей различных ветвей власти, общественных организаций, ученых и других экспертов. Основной задачей Конституционного совещания была разработка проекта новой Конституции России, которая должна была заменить действующую Конституцию 1978 г. В ходе работы Совещания были рассмотрены различные проекты Конституции, проведены дискуссии и обсуждения, а также учтены предложения и замечания участников. Результатом работы Конституционного совещания стал проект Конституции, который был вынесен на всенародное голосование (референдум). 12 декабря 1993 г. граждане России проголосовали за принятие новой Конституции.

Соответственно, именно Конституционное совещание сыграло важную роль в процессе создания и принятия новой Конституции Российской Федерации, которая является основным законом страны и определяет основы государственного устройства, права и свободы граждан, а также систему органов государственной власти. И, как видится, именно эта модель временного органа, созданного с целью конститу-

ционного пересмотра, является оптимальным фундаментом для формирования Конституционного Собрания. В частности, касательно упомянутого ранее вопроса о личности председательствующего видится логичным отнести данный статус к должности Президента РФ. Либо, в качестве альтернативной позиции, представляется возможным предложить избирать председателя самим Конституционным Собранием из своего состава.

Таким образом, Конституционное собрание является важным институтом, обеспечивающим прозрачность и демократичность процесса изменения Конституции и играет ключевую роль в сохранении стабильности и законности в стране. Проведенный в рамках настоящего исследования анализ конституционно-правового регулирования деятельности субъектов пересмотра конституций в зарубежных странах через призму сравнительного функционирования Конституционного Собрания РФ позволил не только консолидировать подходы к градации специфических требований и сложностей в изменении положений основного закона стран, но и выделить существенные особенности в формате их применимости под отечественные правовые реалии.

Список литературы:

1. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 года / с изменениями, внесенными Конституционным законом № 60-525 от 4 июня 1960 г., Законом № 62-1292 от 6 ноября 1962 г., Конституционными законами № 63-1327 от 30 декабря 1963 г., № 74-904 от 29 октября 1974 г., № 76-527 от 18 июня 1976 г., № 92-554 от 25 июня 1992 г., № 93-952 от 27 июля 1993 г., № 93-1256 от 25 ноября 1993 г., № 95-880 от 4 августа 1995 г. <https://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm?ysclid=lq0x3m5uje270172429#00.18.00.00.00.00.00>
2. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>
3. Конституция Итальянской Республики / Пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. — С. 423—450.
4. Конституция Королевства Норвегия 1814 г. : с поправками на 23 июля 1995 <http://www.altfornorge.ru/constit.htm?ysclid=lq256g2c2u395668305>
5. Конституция Японии (вступила в силу 3 мая 1947 г.) <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf?ysclid=lq2eg3if4z410747012>
6. Мишин, А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран // А. Мишин <https://www.livelib.ru/book/234427/readpart-konstitutsionnoe-gosudarstvennoe-pravo-zarubezhnyh-stran-avgust-mishin/~11?ysclid=lq3q248f4f300857681>
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. Законопроект № 1046036-7 О Конституционном Собрании Российской Федерации <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1046036-7>
9. Учредительное собрание в Венесуэле. Предыстория и первые итоги работы. <https://maniflora.livejournal.com/646742.html?ysclid=lq4u2uij6d704657764>
10. Косихина С.С. Внесение поправок в Конституцию Соединенных Штатов Америки: формальный способ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesenie-popravok-v-konstitutsiyu-soedinennyh-shtatov-ameriki-formalnyy-sposob>
11. Конюхова, И.А. Конституционное право Франции: особенности отрасли и дисциплины, традиции, современные черты и тенденции развития / И.А. Конюхова, А.А. Векшин // Правовые исследования во Франции. 2007. №2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-frantsii-osobennosti-otrasli-i-distitsipliny-traditsii-sovremennye-cherty-i-tendentsii-razvitiya>

Vodovozov S.V. Peruslaitoslainen ja oikeudellinen sääntely ulkomaisten maiden perustuslaitteiden muuttamista koskevasta toiminnasta: rf:n perustuslaitoskokouksen vertailevasta toiminnasta // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2024. — T. 10 (76). № 2. — P. 94—102.

In this study, work has been carried out to reveal the concept and essence of the institution of constitutional review, implemented through the formation of a specialized subject of temporary action. The classification

gradation of specific requirements and difficulties in changing the provisions of the basic law is determined by the example of various states. In particular, special attention is paid to the process of implementing mandatory actions to protect the basic principles of the constitutional system. A separate achievement of the study is the analysis of the activities of the subjects of constitutional revision formed in foreign countries. The study of approaches was structured by revealing the features of the comparative functioning of the voiced legal categories in the countries of the Anglo-Saxon (on the example of the USA) and Romano-German (in relation to the experience of France) legal families. As part of the consideration of possible options for improving the domestic model of constitutional review, the experience of the US Constitutional Convention, the French Congress, as well as the so-called "experience of the past" in the context of the functioning of the Constitutional Conference in 1993 in Russia was taken into account.

Keywords: Constitutional Assembly of the Russian Federation, Constitutional Conference, ratification, constituent body, referendum, Constitutional Convention of 1787, Congress of France, ratification procedure.

Spisok literary:

1. Konstituciya Francuzskoj Respubliki ot 4 oktyabrya 1958 goda / s izmeneniyami, vnesennymi Konstitucionnym zakonom № 60-525 ot 4 iyunya 1960 g., Zakonom № 62-1292 ot 6 noyabrya 1962 g., Konstitucionnymi zakonami № 63-1327 ot 30 dekabrya 1963 g., № 74-904 ot 29 oktyabrya 1974 g., № 76-527 ot 18 iyunya 1976 g., № 92-554 ot 25 iyunya 1992 g., № 93-952 ot 27 iyulya 1993 g., № 93-1256 ot 25 noyabrya 1993 g., № 95-880 ot 4 avgusta 1995 g. <https://lawyers.ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm?ysclid=lq0x3m5uje270172429#00.18.00.00.00.00.00.00>
2. Konstituciya Soedinennyh Shtatov Ameriki 1787 g. <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>
3. Konstituciya Ital'yanskoj Respubliki / Per. s ital. L. P. Grinberga // Konstitucii gosudarstv Evropejskogo Soyuza / Pod obshch. red. L. A. Okun'kova. — M.: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M—NORMA, 1997. — S. 423—450.
4. Konstituciya Korolevstva Norvegiya 1814 g. : s popravkami na 23 iyulya 1995 <http://www.altfornorge.ru/constit.htm?ysclid=lq256g2c2u395668305>
5. Konstituciya Yaponii (vstupila v silu 3 maya 1947 g.) <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf?ysclid=lq2eg3if4z410747012>
6. Mishin, A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran // A. Mishin <https://www.livelib.ru/book/234427/readpart-konstitutsionnoe-gosudarstvennoe-pravo-zarubezhnyh-stran-avgust-mishin/~11?ysclid=lq3q248f4f300857681>
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. Zakonoproekt № 1046036-7 O Konstitucionnom Sobranii Rossijskoj Federacii <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1046036-7>
9. Uchreditel'noe sobranie v Venesuele. Predystoriya i pervye itogi raboty. <https://maniflora.livejournal.com/646742.html?ysclid=lq4u2uij6d704657764>
10. Kosihina S.S. Vnesenie popravok v Konstituciyu Soedinennyh Shtatov Ameriki: formal'nyj sposob // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023. №100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesenie-popravok-v-konstitutsiyu-soedinennyh-shtatov-ameriki-formal'nyj-sposob>
11. Konyuhova, I.A. Konstitucionnoe pravo Francii: osobennosti otrasli i discipliny, tradicii, sovremennye cherty i tendencii razvitiya / I.A. Konyuhova, A.A. Vekshin // Pravovye issledovaniya vo Francii. 2007. №2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-frantsii-osobennosti-otrasli-i-distipliny-traditsii-sovremennye-cherty-i-tendentsii-razvitiya>.

УДК 338.4

**КАЧЕСТВО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ФАКТОР РЕИНТЕГРАЦИИ КРЫМА И
СЕВАСТОПОЛЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Годованик Е. В.

Севастопольский государственный университет

Статья посвящена сравнительному анализу правового обеспечения предоставления государственных и муниципальных услуг в контексте реинтеграции Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Проведен сравнительно-правовой анализ украинского законодательства и правоприменительной практики по вопросам предоставления государственных услуг, действовавшего на территории Крыма и Севастополя до воссоединения с Россией в 2014 г., и современного российского правового регулирования и практики его реализации в аналогичной сфере. Предложены авторские научно-практические выводы о значительно более высоком качестве предоставления государственных и муниципальных услуг в российской законодательной и правоприменительной модели по сравнению с предыдущим украинским периодом. Классифицированы и систематизированы различные подходы к построению сервисного государства в России, что позволяет определить цели и задачи дальнейшего реформирования отечественной системы предоставления государственных и муниципальных услуг. Обращается внимание на ключевое значение цифровизации государственных и муниципальных услуг как одного из ключевых направлений совершенствования системы публичного управления на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Предлагается применять позитивный опыт правового обеспечения предоставления государственных и муниципальных услуг в Крыму и Севастополе как типовой для новых субъектов Российской Федерации – ДНР, ЛНР, Запорожской области, Херсонской области.

Ключевые слова: государственные услуги, муниципальные услуги, сравнительно-правовое исследование, реинтеграция, воссоединение Крыма и Севастополя с Российской Федерацией, правовое обеспечение предоставления государственных и муниципальных услуг.

В 2024 г. жители Крыма и Севастополя отмечают 10 лет с момента главного для себя события новейшей истории – долгожданного воссоединения с Российской Федерацией. В течение всех этих лет прошли масштабные процессы реинтеграции в политическое, правовое, экономическое, социальное, культурное, образовательное, научное российское пространство. Именно термин «реинтеграция» мы считаем методологически правильным, поскольку Крым и Севастополь вернулись в состав своей исторической, культурной, политической Родины, в составе которой уже находились ранее, поэтому верно говорить не просто о вхождении, а о возвращении и восстановлении справедливого политико-правового положения.

Отдельный предмет сравнения в контексте комплексного исследования ключевых особенностей и тенденций реинтеграции Республики Крым (далее – РК) и г. Севастополя в административно-правовое пространство РФ представляет собой сфера предоставления государственных и муниципальных услуг, которая является определяющей для построения социально ориентированного государства, основным назначением которого является как можно более полное обеспечение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в различных ситуациях, возникающих в процессе повседневной жизнедеятельности.

В данном контексте необходимо отметить, что в РФ повышение качества выполнения государственных функций и оказания государственных услуг стало предме-

том достаточно широкой и многофакторной административной реформы еще начиная с 2003 г., что дало возможность к моменту исторического воссоединения Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г. наработать достаточно высокий потенциал и получить определенные конкретные результаты в части кардинального усовершенствования условий, методов и порядка предоставления государством такого рода услуг, без которых в принципе невозможна такая неотъемлемая форма реализации правовых норм, как их применение уполномоченными субъектами в рамках законодательно установленных полномочий.

Так, на федеральном уровне по состоянию на 2014 г. уже были приняты и активно реализовывались, а некоторые – завершили свое действие и внесли эффективный вклад в достижение поставленной цели, такие нормативные правовые акты в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, как Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах» [1], Концепция административной реформы в РФ в 2006-2010 годах [2], Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы и План мероприятий по реализации Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы [3], Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде [4].

Основным нормативным правовым актом, определяющим основные организационные и содержательные аспекты процесса предоставления государственных и муниципальных услуг, является Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5], который, среди прочих стратегических направлений развития, закрепил такие полезные и удобные для населения нововведения, как создание во всех регионах РФ сети МФЦ, принятие административных регламентов, организацию межведомственного электронного взаимодействия, создание Федерального реестра государственных и муниципальных услуг, внедрение системы оценки качества государственных услуг.

Говоря о цифровизации процесса предоставления государственных и муниципальных услуг и создании действенного электронного канала как намного более удобной для большинства граждан альтернативы классическому явочному способу, следует отметить, что в РФ портал предоставления таких услуг начал функционировать намного раньше, чем на Украине, и на момент начала воссоединения Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г. электронный портал существовал только в российской правоприменительной практике, чем существенно повышал доступность государственных и муниципальных услуг, выводя ее на принципиально новый уровень по сравнению с украинской действительностью.

Официальное открытие российского портала «Госуслуги» (gosuslugi.ru) состоялось 15 декабря 2009 г., когда на инновационном для того времени портале была размещена информация о 110 услугах федерального уровня и более 200 – регионального и муниципального уровней. Затем, 1 апреля 2010 г., на портале начал работать сервис авторизации («личный кабинет»), что предоставило пользователям возможность регистрироваться на сайте и отправлять документы на оформление различных услуг (до этого момента на портале можно было только найти справочную информацию, а после указанной даты его можно уже было считать полноцен-

ным инструментом предоставления и соответствующего получения государственных и муниципальных услуг, значительно облегчающего удовлетворение законных интересов граждан в их повседневной бытовой и профессиональной жизнедеятельности). К июлю 2010 г. на портале уже зарегистрировалось более 120 тыс. пользователей, из которых авторизацию прошли более 90 тыс. Авторизованные пользователи получили возможность получать справочную информацию о предоставлении органами государственной власти более 360 услуг, направлять электронные заявления – по 49 услугам, включая подачу налоговых деклараций и лицензирование отдельных видов деятельности. Начиная с декабря 2010 г. в Москве и других населенных пунктах стали постепенно устанавливаться инфокоммуникационные терминалы (т.н. «инфоматы») для связи с порталом госуслуг [6]. Такие терминалы позволяют получать доступные в электронном виде государственные и муниципальные услуги лицам, постоянно либо временно не имеющим доступа в сеть Интернет [7]. В феврале 2012 г. была представлена новая версия портала а 13 апреля 2012 г. число его пользователей превысило 2 млн. чел. [8]. Более того, в мае 2013 г. у граждан появилась возможность входа на портал «Госуслуги» с использованием универсальной электронной карты [9]. На сегодняшний день в рамках данной системы в электронном виде оказывается свыше 1200 государственных услуг на базе федеральных органов исполнительной власти, более 7700 региональных услуг, а также свыше 20850 муниципальных услуг в интересах физических и юридических лиц [10].

Таким образом, к 18 марта 2014 г., когда официально состоялось воссоединение Крыма и Севастополя с Россией, российский электронный портал предоставления государственных и муниципальных услуг был уже достаточно развит, эффективно функционировал и оказывал значительное количество видов услуг, упрощая тем самым механизм реализации гражданами РФ широкого полиобъектного комплекса своих субъективных прав.

В свою очередь, на Украине процесс предоставления государственных услуг в 2014 г. регулировался действующим до сих пор Законом Украины от 6 сентября 2012 г. № 5203-VI «Об административных услугах» [11]. Исходя из общих нормативных положений, установленных данным законом, для цифровизации сервисных процессов был разработан и 27 сентября 2019 г. официально представлен Министерством цифровой трансформации Украины бренд «Дія» (акроним от укр. «держава і я» – пер. «государство и я») [12], по содержанию функциональных возможностей представляющий собой мобильное приложение с цифровыми документами и портал с публичными услугами.

Следует отметить, что по состоянию на конец 2020 г. в украинском цифровом сервисе предоставлялось около 50 видов административных (государственных) услуг [13], что намного меньше объема государственных и муниципальных услуг, который предлагался на российском портале даже к 2014 г., не говоря уже о современных колоссальных масштабах, позволяющих получать подавляющее большинство соответствующих услуг без физического посещения гражданами органов государственной власти и местного самоуправления.

Сравнивая непосредственно российское и украинское законодательство в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг с формально-юридической точки зрения, необходимо подчеркнуть, что само понятие таких услуг, определяющее сферу действия соответствующих профильных нормативных право-

вых актов, в российском Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» выражено в гораздо более полной и охватывающей различные виды услуг форме, чем дефиниция «административные услуги», применяемая в украинском законодательстве начиная с 2012 г.

Так, согласно п. 1 ст. 2 ФЗ, «государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее – государственная услуга), – деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее – органы, предоставляющие государственные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги».

В то же время, п. 1 ст. 1 Закона Украины «Об административных услугах» дает следующее определение указанной дефиниции: «административная услуга – результат осуществления властных полномочий субъектом предоставления административных услуг по заявлению физического или юридического лица, направленный на приобретение, изменение или прекращение прав и/или осуществление обязанностей такого лица в соответствии с законом».

Как представляется, также российское законодательное определение государственных и муниципальных услуг является более точным и правильным с теоретико-методологической и научно-практической точек зрения, поскольку рассматривает их как институциональную деятельность уполномоченных субъектов, а не результат такой деятельности, что присуще украинскому правовому регулированию. Подобная интерпретация способствует повышению качества деятельности государственных и муниципальных органов, изначально настраивая их на глубокое осознание высокой позитивной ответственности именно за весь процесс предоставления услуг, включая соблюдение предусмотренной действующими административными регламентами и обеспечивающей реализацию принципа законности в государственном управлении процедурной формы, а не только за конечный результат предоставления государственной услуги. Более того, терминологически корректно иметь ввиду под результатом конкретный передаваемый гражданину документ (например, выписку, справку и т.п.), т.е. именно конкретный предмет материального мира, желаемый и искомый для заявителя, а не услугу, которой, в свою очередь, является, полностью весь функциональный процесс, совершаемый в пределах полномочий того или иного субъекта применения норм права, выступающей особой (специфической) формой их реализации в разнообразных правовых отношениях.

Другой интересной и удобной для граждан, находящихся в определенных жизненных ситуациях, особенностью российского законодательства является достаточно широкие возможности представительства, что урегулировано административны-

ми регламентами по различным видам государственных и муниципальных услуг. Подобный вывод основывается и на положении п. 3 ст. 2 ФЗ, в которой уполномоченный представитель заявителя законодательно приравнивается в правах к самому заявителю.

В свою очередь, п. 2 ст. 1 украинского закона вообще называет в качестве субъекта обращения за получением административных услуг исключительно самих заявителей, что создает разночтения в понимании действующих норм и при некоторых сопутствующих условиях формирует формально-догматическую основу для обжалования государственных услуг, полученных с применением доверенности, легитимирующей участие представителя в соответствующих административных процедурах. Кроме того, при проведении сравнительно-правового анализа российского и украинского законодательства о предоставлении государственных и муниципальных (в украинском варианте – «административных») услуг, следует обратить внимание и на эффективное внедрение присущего современному государственному управлению принципа проактивности в нормативное правовое регулирование предоставления государственных и муниципальных услуг в РФ, что непосредственно предусмотрено ст. 7 3 ФЗ и также выгодно отличает существующую российскую модель от аналогичной по предметной сфере украинской. Под проактивностью, имеющей особенно важное значение в вопросе осуществления сервисных функций государства, в общественных науках понимают способность активно осуществлять выбор цели, подчинять этой цели свои стремления, мысли чувства, действия, проявлять инициативу, отвечать за себя, за действия своих последователей, за осуществление поставленной цели и решение соответствующих ей задач [14].

Следовательно, проактивность в предоставлении государственных и муниципальных услуг означает высокую инициативность уполномоченных субъектов, а также предусмотренную законодательством реально обеспеченную возможность осуществлять определенные превентивные действия по собственному усмотрению, направленные на качественное и своевременное оказание той или иной услуги. В качестве примера можно привести 85 видов услуг (включая запрос данных о лишении водительского удостоверения, о штрафах, о судимости, о регистрации по месту жительства и пребывания, различные сведения о выплатах и доходах, о пенсиях, о задолженности или отсутствии задолженности по уплате налогов и т.д.), которые чиновники должны запрашивать самостоятельно в рамках межведомственного электронного взаимодействия без прямого участия получателя услуги, что также выгодно отличает российскую организационно-правовую модель от украинской, в которой прямое участие заявителя, исходя из положений действующего законодательства, является обязательным, а категория «межведомственное электронное взаимодействие» вообще отсутствует в используемом законодателем терминологическом инструментарии.

Кроме того, на федеральном и региональном порталах «Госуслуги», включая Крым и Севастополь (в Севастополе внедрена в 2022 г., что дает возможность говорить о постоянной качественной и эффективной работе по обеспечению полноценного нахождения воссоединившихся с Россией регионов в единой общероссийской системе предоставления государственных и муниципальных услуг, проводимой как на федеральном, так и на региональном уровнях публичной власти), доступна уникальная функция проактивного информирования, также, как и целый ряд других

весьма удобных и полезных инструментов, отсутствующая в украинской практике предоставления административных услуг, представляющая собой возможность получать информацию обо всех доступных мерах поддержки от государства. Такие уведомления будут приходить при возникновении определенной жизненной ситуации, дающей право на их получение.

При этом, что характерно для правового конституционного государства, ключевым фактором является свобода выбора гражданина в вопросе целесообразности и желательности получения либо неполучения таких превентивных (проактивных) уведомлений. Исходя из обозначенного принципа установлен и соответствующий практический механизм реализации данной потенциальной возможности: для того, чтобы получать уведомления, необходимо в личном кабинете на портале «Госуслуги» дать согласие на получение проактивных уведомлений, для чего достаточно выполнить совокупность довольно простых технических действий: зайти в раздел «Документы» и далее в раздел «Льготы и выплаты», где нажать кнопку «Запросить меры соцподдержки». Вместе с тем, если гражданин уже подавал согласие на обработку персональных данных, то поиск мер поддержки начнется автоматически. Если согласие еще не оформлено, откроется страница, где гражданин может оформить такое согласие, нажав кнопку «Разрешить», после чего вся информация о доступных мерах соцподдержки будет приходить в личный кабинет сразу после наступления подходящих к соответствующим мерам конкретных жизненных ситуаций.

В этой связи отметим и то обстоятельство, что полноценное внедрение межведомственного электронного взаимодействия совершило настоящую «бумажную революцию» в официальном документообороте, значительно упростив и удешевив его, а также освободив значительное количество времени, ресурсов и сил для решения других важнейших задач государственного и муниципального управления.

Рассматривая историю реинтеграции Крыма и Севастополя в российское правовое и управленческое пространство в контексте присоединения к существующей в РФ с 2009 г. альтернативной, включающей в себя, помимо традиционной явочной, еще и инновационную электронную, системе предоставления государственных и муниципальных услуг, необходимо отметить, что по состоянию на 2014 г. всю работу по нормативно-правовой и технической сторонам создания у жителей реинтегрируемых территорий соответствующих возможностей приходилось проводить с самого начала, так как, что вполне объяснимо, в предыдущий период доступа у внедряемым в России технологиям у данных регионов не было, а отставание от общероссийского уровня цифровизации представлялось весьма существенным.

Как заявлял относительно практических перспектив включения Крыма и Севастополя в общероссийское электронное пространство предоставления государственных и муниципальных услуг 25 июля 2014 г. заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ А.О. Козырев по итогам заседания временной комиссии Совета Федерации по развитию информационного общества, «примерно 6-12 месяцев уйдет на то, чтобы развернуть основные системы инфраструктуры, затем будет необходима регулярная работа по переводу всех услуг в электронный вид. Для того чтобы вся система начала работать, нужно и принять нормативно-правовые акты, и связать ведомства в единую сеть, и обеспечить обучение сотрудников, написать административные регламенты». При этом было предложено сфокусироваться на 20 ключевых услугах, а затем постепенно цифровизировать все

государственные услуги, предоставляемые в указанных регионах. Как добавил А.О. Козырев, «...фактический уровень готовности на сегодняшний день нулевой. Надо менять компьютеры на рабочих станциях чиновников, нужно выдавать чиновникам средства электронной подписи, подключать муниципалитеты к каналам связи, которые пока не всегда доступны». Отдельно акцентировалось на том, что получать электронные государственные услуги жители Крымского полуострова смогут как на федеральном портале государственных услуг, так и на региональных порталах, которые на тот момент также еще только предстояло создать. Кроме того, по словам чиновника, «для того чтобы эти порталы работали, нам необходимо обеспечить взаимодействие между региональными и муниципальными органами власти Севастополя и Крыма друг с другом и с федеральными органами исполнительной власти», для чего на территории регионов будет создана система межведомственного электронного взаимодействия, которая свяжет в единую сеть органы власти, предоставляющие государственные услуги, в чем крымским специалистам помогут эксперты из других регионов – лидеров в сфере электронного правительства (как с точки зрения подготовки нормативно-правовых актов регионального уровня, так и с точки зрения организации всей работы) [15].

Важным аспектом подключения Крыма и Севастополя к общероссийскому пространству предоставления государственных и муниципальных услуг стало и оперативное обеспечение необходимого объема финансирования для решения неотложных технических и организационных задач. Финансировалось создание электронного правительства на территориях, вошедших в состав РФ, из Федеральной целевой программы по развитию информационного общества (ФЦП), причем на реализацию данной программы в Крыму и Севастополе было выделено 300 млн. руб. [16].

Одновременно началась работа по внедрению единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), без которой было бы невозможно эффективное функционирование портала государственных услуг и достижение главной цели – реинтеграции Крыма и Севастополя в управленческое и правовое пространство РФ, включающее в себя и обеспечение полноценного и равного доступа жителей всех без исключения субъектов федерации к существующим возможностям и институциональным моделям.

Как итог постоянно проводимой на федеральном и региональном уровнях начиная с 2014 г. работы по включению Крыма и Севастополя в общероссийское цифровое пространство предоставления государственных и муниципальных услуг, по состоянию на начало 2024 г. можно констатировать полное завершение реинтеграции указанных регионов и полноценное обеспечение граждан РФ, постоянно в них проживающих, всем арсеналом правовых и технических возможностей для получения того же уровня услуг, предусмотренного действующим федеральным законодательством, который доступен гражданам, проживающим в других российских регионах.

Так, для жителей Крыма и Севастополя были созданы региональные версии портала «Госуслуги», предоставляющего доступ как ко всем федеральным услугам, так и к региональным и муниципальным услугам конкретного региона (доступны по адресам в Интернете: региональный портал РК – gosuslugi82.ru; региональный портал города федерального значения Севастополя – gosuslugi92.ru).

Через данные версии общероссийского портала обеспечивается полный спектр предусмотренных для граждан РФ услуг, причем виды услуг постоянно расширяют-

ся и добавляются новые, что значительно упрощает на региональном уровне как решение бытовых вопросов, так и ведение предпринимательской деятельности, включая инвестирование в экономику Крыма и Севастополя.

Например, в 2022 г. список доступных жителям РК государственных и муниципальных услуг в электронном виде пополнился новой услугой, которую можно получить на Портале государственных и муниципальных услуг РК. Совместно с Министерством строительства и архитектуры РК в цифровой вид переведена муниципальная услуга по выдаче градостроительного плана земельного участка (ГПЗУ) как документа разъяснительного характера, который предоставляет информацию для застройщика о возможностях и ограничениях пользования конкретным земельным участком. Указанный документ необходим для организации работ по возведению или реконструкции строений, а содержание градостроительного плана является исходным материалом для последующего составления проекта. При отсутствии ГПЗУ запрещено приступать к дальнейшей работе над ним. В то же время, исходя из принципа альтернативности и многоканальности способа получения государственных и муниципальных услуг, присущего российскому административному законодательству, несмотря на то, что подать заявку на получение градостроительного плана земельного участка можно через Интернет, у застройщика остается право получить градостроительный план земельного участка либо в электронном виде, либо на бумажном носителе, т.е. организационный комфорт и удобство для заявителя рассматриваются как наиболее важные критерии предоставления услуги. При этом выдача градостроительного плана земельного участка предоставляется бесплатно и доступна как для физических, так и для юридических лиц

Следует отметить, что возможности региональных порталов «Госуслуги» РК и Севастополя, которые прошли все этапы реинтеграции начиная с 2014 г. и, по состоянию на начало 2024 г., полностью влились в общероссийскую систему предоставления государственных и муниципальных услуг, широко используются для оказания помощи в реинтеграции и адаптации жителям воссоединившихся в 2022 г. с РФ новых субъектов (Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Запорожская область, Херсонская область).

Показательным примером является та значительная роль в реинтеграции, в частности, Херсонской области и обеспечении прав и законных интересов ее жителей, которую играют региональные государственные механизмы города Севастополя в части предоставления специальных государственных услуг, прежде всего – связанных с мерами особой социальной поддержки, что обусловлено, помимо прочих факторов, территориальной близостью двух субъектов и связанными с этим вопросами логистического и организационно-управленческого характера.

Так, на региональном севастопольском портале «Госуслуги» доступна официальная информация о горячей линии по вопросам предоставления единовременных выплат на обзаведение имуществом и государственных жилищных сертификатов жителям Херсона и правобережной части Херсонской области [17].

В целом, создание региональных порталов в Крыму и Севастополе, как представляется, можно рассматривать как типовую модель для включения в общероссийскую цифровую систему предоставления государственных и муниципальных услуг, вновь принятых четырех субъектов федерации, как с точки зрения нормативного правового обеспечения данного процесса, так и технических и организацион-

но-управленческих решений, принимаемых на различных этапах реализации реинтеграционных задач.

Кроме электронного (цифрового) способа предоставления и получения государственных и муниципальных услуг, в Крыму и Севастополе создана полностью соответствующая федеральным российским стандартам институциональная система, работающая в явочном порядке по принципу «одного окна».

В частности, в г. Севастополе эффективно функционирует Государственное автономное учреждение «Цифровой Севастополь – многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в городе Севастополе», учредителем которого является Департамент цифрового развития г. Севастополя (заменивший в силу реорганизации в начале 2022 г. предыдущего учредителя – Главное управление информатизации и связи) [18], причем, на наш взгляд, создание самостоятельного департамента по вопросам цифровизации в севастопольском Правительстве уже само по себе красноречиво свидетельствует о том месте и значении, которое уделяется региональной государственной властью г. Севастополя вопросам обеспечения жителей города возможностью получения качественных государственных и муниципальных услуг в рамках федеральной концепции построения «сервисного государства» как государства, работающего на благо людей и с целью как можно более полной реализации их законных интересов через интенсивную и технологически инновационную индивидуальную правоприменительную практику.

Аналогичная институциональная структура создана на региональном уровне и Правительством РК – Государственное бюджетное учреждение РК «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» [19], организационно-правовая форма и каталог полномочий которого также полностью соответствует федеральному законодательству и общероссийской управленческой практике. Таким образом, в результате проведенного анализа главных особенностей и тенденций реинтеграции РК и города федерального значения Севастополя в российское административно-правовое и государственно-управленческое российское пространство в части предоставления на региональном уровне государственных и муниципальных услуг, а также сравнительно-правового исследования профильного законодательства РФ и Украины в этой сфере, целью которого стало выявление условий и предпосылок, способствующих комфортной адаптации жителей Крыма и Севастополя к новому для них законодательству и управленческим практикам, можно сделать следующие важнейшие теоретико-методологические и научно-практические выводы.

Во-первых, по состоянию на момент исторического воссоединения РК и г. Севастополя с РФ в 2014 г. российская система предоставления государственных и муниципальных услуг находилась на более высоком уровне развития по сравнению с аналогичной украинской системой предоставления административных услуг, уже давая возможность гражданам и юридическим лицам – резидентам РФ получать колоссальное количество качественных услуг посредством использования федеральной и региональной версий портала «Госуслуги», в то время как на Украине тестовая версия подобного по функциям и назначению портала была запущена только лишь в 2019 г., а кроме того – российская система построена на системе межведомственного электронного взаимодействия и принципе проактивности субъектов предоставления услуг, из чего можно сделать обобщающее заключение о доступно-

сти гораздо более высокого уровне комфорта и удобства, а также обеспечении реальной свободы выбора канала получения услуг жителями Крыма и Севастополя после вхождения в российское правовое пространство по сравнению с периодом административно-территориального нахождения в составе Украины.

Во-вторых, по состоянию на начало 2024 г. можно констатировать полную завершенность реинтеграции РК и г. Севастополя в Российскую Федерацию в части адаптации и восприятия российской системы предоставления государственных и муниципальных услуг, установленной федеральным законодательством, что проявляется в таких элементах: а) модернизация региональной нормативной правовой базы и приведение ее в соответствие с федеральным законодательством; б) создание и успешное функционирование региональных версий портала «Госуслуги», аналогичных подобным аналогам в остальных субъектах РФ и полностью интегрированных в федеральную электронную систему порталов государственных и муниципальных услуг, на которых физическим и юридическим лицам Крыма и Севастополя доступен полный спектр федеральных, региональных и муниципальных услуг; в) создание на региональном уровне по подобию других субъектов федерации специальных институциональных структур по цифровизации и учреждение ими многофункциональных центров (МФЦ), обеспечивающих возможность очного обращения за получением соответствующих услуг.

В-третьих, модель реинтеграции Республики Крым и города федерального значения Севастополя в российскую систему предоставления государственных и муниципальных услуг можно рассматривать как типовую правовую и организационно-управленческую модель аналогичного процесса для новых субъектов, воссоединившихся с Российской Федерацией в 2022 г. (ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область), особенно учитывая разнообразный полезный опыт, накопленный в данной сфере за прошедшее десятилетие.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах». Собрание законодательства РФ. 2003. № 30. Ст. 3046.
2. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах». Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
3. Распоряжение Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011 - 2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции». Собрание законодательства РФ. 2011. № 26. Ст. 3826.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р «Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 2 (часть II). Ст. 155.
5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
6. «Ростелеком» показал Инфомат 2.0 – терминал для работы с электронными госуслугами. URL: <https://www.newsru.com/hitech/12may2011/ruinfomat.html> (дата обращения: 01.02.2024).
7. Абрамов А. «Ростелеком» установил первые многофункциональные информационные терминалы-инфоматы в Санкт-Петербурге. URL: <https://spbit.ru/news/n79896/> (дата обращения: 01.02.2024).
8. Версия 2.0: Портал госуслуг стал более доступным. URL: <https://www.dk.ru/news/versiya-20-portal-gosuslug-stal-bolee-dostupnym-236545999> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Горюхова М. Универсальная электронная карта: получаем государственные и банковские услуги легко. URL: <https://www.garant.ru/article/487980/> (дата обращения: 01.02.2024).
10. Единый портал государственных услуг Российской Федерации. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

11. Закон Украины от 6 сентября 2012 г. № 5203-VI «Об административных услугах». URL: <https://ips.ligazakon.net/document/T125203?an=292> (дата обращения: 11.02.2023).
12. Fedoriv та spiilka презентували бренд цифрової держави «Дія». URL: <https://telegraf.design/news/fedoriv-ta-spiilka-prezentuvaly-brend-tsyfrovyi-derzhavy-diya/> (дата обращения: 11.02.2023).
13. Михайло Федоров презентував 100 перемог Мінцифри за 2020 рік. URL: <https://thedigital.gov.ua/news/mikhaylo-fedorov-prezentuvav-100-peremog-mintsifri-za-2020-rik-ta-anonsuvav-masshtabni-natsionalni-proekti> (дата обращения: 11.02.2023).
14. Аверина Т.А., Лаврова Ю.С. Проактивность как эффективное направление цифровой трансформации государственных услуг. Материалы XVII Всероссийской школа-конференции молодых ученых «Управление большими системами» г. Москва, 6-9 сентября 2021 г. М., 2021. С. 665-677.
15. Электронное правительство в Крыму будет создаваться «с нуля» – замглавы Минкомсвязи РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/31465/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 01.02.2024).
16. Услуга по выдаче градостроительного плана земельного участка теперь доступна в электронном виде. URL: <https://gosuslugi82.ru/web/guest/-/online-perepis-2018-probuem-pervymi-> (дата обращения: 01.02.2024).
17. Горячая линия для покинувших Херсонскую область. URL: <https://gosuslugi92.ru/#/news/0c28efe1-49e7-4a2e-b6ff-76db48d9222a> (дата обращения: 01.02.2024).
18. Государственное автономное учреждение «Цифровой Севастополь – многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в городе Севастополе». URL: <https://www.rusprofile.ru/id/7336052> (дата обращения: 01.02.2024).
19. Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: <https://mfc.rk.gov.ru/ru/structure/44> (дата обращения: 01.02.2024).

Godovanik E.V. The quality of provision of state and municipal services as a factor in the reintegration of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 103–114.

The article is devoted to a comparative analysis of the legal support for the provision of state and municipal services in the context of the reintegration of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation. A comparative legal analysis of Ukrainian legislation and law enforcement practice on the provision of public services, which operated in the territory of Crimea and Sevastopol before reunification with Russia in 2014, and modern Russian legal regulation and the practice of its implementation in a similar area, was carried out. The author's scientific and practical conclusions are proposed on the significantly higher quality of provision of state and municipal services in the Russian legislative and law enforcement model compared to the previous Ukrainian period. Various approaches to building a service state in Russia have been classified and systematized, which makes it possible to determine the goals and objectives of further reforming the domestic system of providing state and municipal services. Attention is drawn to the key importance of digitalization of state and municipal services as one of the key directions for improving the public administration system in the territory of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. It is proposed to apply the positive experience of legal support for the provision of state and municipal services in Crimea and Sevastopol as a model for the new constituent entities of the Russian Federation - DPR, LPR, Zaporozhye region, Kherson region.

Keywords: public services, municipal services, comparative legal research, reintegration, reunification of Crimea and Sevastopol with the Russian Federation, legal support for the provision of state and municipal services.

Spisok literaturey

1. Ukaz Prezidenta RF ot 23 iyulya 2003 g. № 824 «O merah po provedeniyu administrativnoj reformy v 2003-2004 godah». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. № 30. St. 3046.
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25 oktyabrya 2005 g. № 1789-r «O Konceptii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006-2010 godah». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 46. St. 4720.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 10 iyunya 2011 g. № 1021-r «Ob utverzhdenii Konceptii snizheniya administrativnyh bar'erov i povysheniya dostupnosti gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug na 2011 - 2013 gody i Plana meropriyatij po realizacii ukazannoj Konceptii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 26. St. 3826.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25 dekabrya 2013 g. № 2516-r «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya mekhanizmov predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug v elektronnom vide» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 2 (chast' II). St. 155.
5. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2010 g. № 210-FZ «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 31. St. 4179.
6. «Rostelekom» pokazal Infomat 2.0 – terminal dlya raboty s elektronnyimi gosuslugami. URL: <https://www.newsru.com/hitech/12may2011/ruinformat.html> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

7. Abramov A. «Rostelekom» ustanovil pervye mnogofunkcional'nye informacionnye terminaly-infomaty v Sankt-Peterburge. URL: <https://spbit.ru/news/n79896/> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
8. Versiya 2.0: Portal gosuslug stal bolee dostupnym. URL: <https://www.dk.ru/news/versiya-20-portal-gosuslug-stal-bolee-dostupnym-236545999> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
9. Gorovcova M. Universal'naya elektronnyaya karta: poluchaem gosudarstvennye i bankovskie uslugi legko. URL: <https://www.garant.ru/article/487980/> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
10. Edinyj portal gosudarstvennyh uslug Rossijskoj Federacii. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
11. Zakon Ukrainy ot 6 sentyabrya 2012 g. № 5203-VI «Ob administrativnyh uslugah». URL: <https://ips.ligazakon.net/document/T125203?an=292> (data obrashcheniya: 11.02.2023).
12. Fedoriv ta spiilka prezentovali brend cifrovoi derzhavi «Diya». URL: <https://telegraf.design/news/fedoriv-ta-spiilka-prezentuvaly-brend-tsyfrovoi-derzhavy-diya/> (data obrashcheniya: 11.02.2023).
13. Mihajlo Fedorov prezentuvav 100 peremog Mincifri za 2020 rik. URL: <https://thedigital.gov.ua/news/mikhaylo-fedorov-prezentuvav-100-peremog-mintsifri-za-2020-rik-ta-anonsuvav-masshtabni-natsionalni-proekti> (data obrashcheniya: 11.02.2023).
14. Averina T.A., Lavrova YU.S. Proaktivnost' kak effektivnoe napravlenie cifrovoj transformacii gosudarstvennyh uslug. Materialy XVII Vserossijskoj shkola-konferencii molodyh uchenyh «Upravlenie bol'shimi sistemami» g. Moskva, 6-9 sentyabrya 2021 g. M., 2021. S. 665-677.
15. Elektronnoe pravitel'stvo v Krymu budet sozdavat'sya «s nulya» – zamglavy Minkomsvyazi RF. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/31465/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (data obrashcheniya: 01.02.2024).
16. Usluga po vydache gradostroitel'nogo plana zemel'nogo uchastka teper' dostupna v elektronnom vide. URL: <https://gosuslugi82.ru/web/guest/-/online-perepis-2018-probuem-pervymi-> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
17. Goryachaya liniya dlya pokinuvshih Hersonskuyu oblast'. URL: <https://gosuslugi92.ru/#/news/0c28efe1-49e7-4a2e-b6ff-76db48d9222a> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
18. Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie «Cifrovoj Sevastopol' – mnogofunkcional'nyj centr predstavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug v gorode Sevastopole». URL: <https://www.rusprofile.ru/id/7336052> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
19. Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Mnogofunkcional'nyj centr predstavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug». URL: <https://mfc.rk.gov.ru/ru/structure/44> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

УДК 34.096

БЛОКЧЕЙН-АРБИТРАЖ И ИНЫЕ ПУТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ

Кузьмин И. М.

*Юридический Институт Владимирского Государственного Университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)*

Статья посвящена поиску способов и средств оптимизации процессов осуществления правосудия. В работе анализируется сущность таких категорий как «электронное судопроизводство» и «электронное правосудие». Приводится зарубежная практика функционирования механизмов разрешения споров с криптовалютой, споров, возникающих из смарт-контрактов с применением технологий блокчейн. Выявляются закономерности развития технологии блокчейн в отечественном правосудии. Особое внимание уделяется феномену блокчейн-арбитража, как качественно новой формы осуществления правосудия в зарубежных странах, осуществляемого на базе работающих уже сегодня программ и протоколов.

Ключевые слова: правосудие, блокчейн-арбитраж, смарт-контракты, квазисудебные органы, Juris, Kleros.

В последнее десятилетие по всему миру и в нашей стране в частности идёт активное внедрение цифровых технологий и средств электронной обработки информации в процедуры судопроизводства с целью повышения его эффективности и открытости. В России эти процессы, прежде всего, выражены в функционировании сайтов судов и баз судебных решений, позволяющих ознакомиться с практикой по той или иной категории дел, либо в определенной инстанции, либо на определенной территории. Цифровизация существенно упростила и саму процедуру судопроизводства. Использование видеоконференцсвязи, аудиопотоколирования позволяют оптимизировать многие процедуры.

Вместе с тем, важной задачей цифровизации в этой области является снижение нагрузки на суды. Сегодня активно развиваются правовые порталы, позволяющие гражданам обратиться в суд посредством электронного документа оборота, подать цифровое заявление и т.д. Ключевое место в системе подобных агрегаторов занимает Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». ГАС Правосудие – это территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [12].

Для подачи заявления через эту платформу необходимо зарегистрироваться, используя ЕСИА Госуслуги, также подтверждение личности возможно при помощи электронной цифровой подписи. Далее человек может выбрать необходимую категорию заявление, программа формирует бланк, заполняя персональные данные, известные системе при регистрации. Далее происходит формирование заявки и приложение необходимых документов. Документы могут быть как электронные, так и отсканированные с материальных носителей. В последующем при отсутствии нарушений заявление принимается в работу сотрудниками суда. Аналогичны принципы работы системы «Мой Арбитр», применяющейся для подачи заявлений в арбитражные суды для упрощенного производства.

Рассматриваемые тенденции нашли отражение и в научном дискурсе. Исследователи приводят два ключевых термина, характеризуя перспективы внедрения цифровых технологий в этой сфере: «электронное судопроизводство» и «электронное правосудие». В большинстве случаев приведенные формулировки используются в качестве синонимов. Воронцова указывает, что сегодня границы между этими явлениями достаточной размыты, их определение представляется затруднительным [5, s. 167]. Ряд исследователей полагают, что цифровое правосудие является более широким явлением, включающим в себя и электронное судопроизводство [8, s. 50]. Нам данная концепция видится закономерной. Однако предлагаем несколько иную логику сопоставления рассматриваемых явлений. По нашему мнению, данные теоретико-правовые категории следует соотносить аналогично уже сформированным (аналоговым) терминам: правосудие и судопроизводство. Более того правосудие, по логике законодателя, может осуществляться не только судом, несмотря на то, что в Конституция РФ закрепляется принцип, согласно которому правосудие осуществляется только судом [1, s. 118]. Это положение также нашло отражение в тексте федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», указывающем, что никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия [2].

Таким образом, судопроизводство в классическом понимании является элементом системы правосудия. Его осуществляют суды. Вместе с тем из толкования российского законодательства следует, что не только суды уполномочены осуществлять правосудие. Однако важно обратить внимание, что отечественное понимание концепции правосудия предусматривает в качестве его сущности разрешение жизненной ситуации по справедливости и на основании закона. Подобный дуализм присутствует и в доктринальной трактовке правосудия, определяя его в широком и узком смысле. С этой точки зрения «электронное правосудие» подлежит широкому (расширительному) толкованию. В связи с этим актуальной проблемой видится нормативная регламентация следующего этапа цифровизации правосудия – блокчейн арбитража.

Для того чтобы определить перспективы развития данной системы в России, рассмотрим практику его функционирования и регламентации.

Любопытно, что термин «блокчейн арбитраж» изначально получил широкое распространение для обозначения абсолютно иного процесса – арбитража криптовалюты. Это специфичная торговая стратегия заработка на рынке криптовалют, которая заключается в перепродаже одной и той же криптовалют на разных рынках биржи. Такие процессы обусловлены высокой волатильностью подобных активов. В процессе арбитража криптовалюты происходит серия быстрых сделок, в результате которых «арбитражер» получает чистую прибыль, основанную на разнице курсов. Ввиду того, что криптовалюта основана на механизме блокчейн по децентрализованному принципу, то рассматриваемую процедуру в некоторых источниках называют блокчейн арбитражем.

Однако в рамках нашего исследования блокчейн арбитраж рассматривается именно с точки зрения юридической терминологии, как один из видов альтернативного разрешения споров, вытекающих преимущественно из смарт-контрактов.

Развитие смарт-контрактов обусловлено применением блокчейн механизма в их основе. Развитие технологий блокчейн видится наиболее перспективным многими

исследователями и практиками. В связи с этим прогнозируется рост числа заключаемых в мире смарт-контрактов, причем в абсолютно различных областях человеческой деятельности. Это закономерно повлечет рост количества споров, поскольку даже механизм смарт-контракта не исключает возможность конфликта интересов. В этих условиях актуальным видится вопрос формирования качественно нового способа разрешения подобных споров, сочетающего в себе скорость и эффективность, обусловленных природой подобных общественных отношений.

Существует два основных подхода к решению обозначенной проблемы:

а) безблокчейновый классический арбитраж, осуществляемый по традиционным правилам (заключается в создании специальных органов рассмотрения споров из смарт-контрактов по общим правилам судопроизводства);

б) создание механизма разрешения споров в децентрализованной среде – онлайн-арбитраж.

Рассмотрим подробнее сущность предлагаемых подходов и механизмы функционирования подобных систем.

Согласно первому подходу для разрешения споров из смарт-контрактов необходимо создать специальный арбитражный центр, либо коллегия в уже существующем арбитражном органе, решающую конфликты по обычным правилам (регламентам) международного коммерческого арбитража. Исследователи указывают на идею рассмотрения подобных споров в арбитражах *ad hoc*, согласно специфике регулируемых отношений. Эти идеи уже нашли отражение в международной практике.

Например, в Польше в 2018 г. был учрежден Арбитражный центр при Торговой палате по блокчейну и новым технологиям [6, s. 10]. Чтобы дело попало на рассмотрение в этот орган, необходимо наличие заключенного в письменной форме арбитражного соглашения.

Процедура осуществляется следующим образом. Сторона, полагающая, что ее интересы нарушены, направляет заявление в арбитражный орган. Затем стороны выбирают арбитров, которые будут рассматривать дело, и предоставляют друг другу и арбитрам документы, прилагая заверенные копии и доказательства. Дальнейший процесс не имеет каких-либо специфических отклонений и напоминает традиционный арбитражный процесс. Среди ключевых отличий можно назвать число арбитров (можно выбрать 5-7 арбитров) и необходимость оглашения решения, в том числе мотивировочной части. В основном такой подход представляет собой традиционный процесс, осложненный спецификой регулируемых отношений. В рамках первого для разрешения споров из смарт-контрактов также допустимо создание специализированных коллегий. Например, в России в 2018 году была создана коллегия по спорам в сфере цифровой экономики при Российском союзе предпринимателей, рассматривающая споры из смарт-контрактов и использования блокчейн технологий [4].

Второй подход к решению проблемы нехватки путей разрешения новой разновидности споров – создание механизмов, основанных на цифровом коде и включаемых в протокол смарт-контракта для разрешения споров в децентрализованной среде, предусматривает также две разновидности. Либо разрешение споров по принципам международного коммерческого арбитража (проекты Juris, SAMBA, CodeLegit), либо формирование «квазисудебной» системы рассмотрения споров (платформы Kleros, Oath).

Рассмотрим механизм функционирования наиболее примечательных платформ обоих видов в целях выявления закономерностей и перспектив развития.

Программы Juris и SAMBA являются представителями проектов первой группы, подразумевающих оптимизацию некоторых этапов арбитражного разбирательства. Механизм их работы основывается на нормах Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ и схож с механизмом международного коммерческого арбитража. Решение, вынесенное при помощи названных механизмов, может быть реализовано не только вынесение соответствующего решения государственным судом, но и через технологию смарт-контракта.

Система Juris представляет собой механизм с открытым кодом, работающий по протоколу Juris Protocol Mediation and Arbitration [6, s. 13]. Для разрешения потенциального спора по протоколу Juris необходимо наличие арбитражного соглашения, включаемого в сам смарт-контракт и заложенный изначально на счет контракта арбитражный сбор в виде некоторого количества токенов. Эти активы в перспективе станут вознаграждением арбитров, что служит некоторым стимулом их деятельности.

В случае если одна из сторон контракта обнаруживает нарушение своих прав, она подает жалобу, в результате чего инициируется необходимый протокол, приостанавливающий исполнение смарт-контракта. Затем все средства перемещаются на нейтральный адрес блокчейн-кошелька, а второй стороне приходит уведомление о возникновении спора. Затем сторонам доступны три пути разрешения конфликта:

1. Self-Mediation – операция, позволяющая сторонам самостоятельно урегулировать спор путем внесения изменений в условия смарт-контракта. Обе стороны получают доступ к открытому коду и по договоренности могут конкретизировать существенные условия контракта. На этом этапе исследователи указывают на важность использования термина «урегулирование» спора [9, s. 207], поскольку соглашение достигается самими сторонами в ходе медиативных процедур зачастую без привлечения медиатора. Тогда как «решение» спора предполагает принудительное исполнение решения принятого третьей лицом, арбитром. Если стороны не смогли договориться, либо не настроены этого делать, можно перейти сразу к следующей операции – SNAP.

2. SNAP (Simple Neutral Arbitrator Poll) – этап разрешения спора путём голосования специально привлекаемых независимых арбитров, выбирающих возможные исходы спора. По результатам процедуры стороны могут вернуться к саморегулированию, либо обратиться к более регламентированной процедуре PANEL. Не все зарегистрированные в программе арбитры имеют право принимать решения в рамках этой процедуры. Например, начинающие арбитры на этом этапе могут принимать участие в обсуждении наиболее справедливого решения, но не способны участвовать в процедуре голосования за решение. Зарекомендовавшие себя арбитры со средним рейтингом могут, как обсуждать решение, так и участвовать в процессе выбора наиболее верного. Арбитры, успешно разбирающие спора на этапе SNAP, могут решать споры на этапе PANEL.

3. PANEL (Juris Peremptory Agreement for Neutral Expert Litigation) – процесс, схожий с процедурой традиционного арбитража, основанный на принципах регламентов ЮНСИТРАЛ [6]. На этом этапе формируется коллегия из трех арбитров, которых выбирают стороны, учитывая их репутацию, рейтинг и специфику спора.

Арбитры знакомятся с доказательствами, в первую очередь это история операций по смарт-контракту и материалы предыдущих этапов решения конфликта. Именно на данном этапе происходит разрешение спора по существу, так как арбитры выносят обязательное для сторон решение, исполняемое посредством смарт-контракта.

Из анализа процедуры следует, что SNAP является обязательным условием разбирательства спора в рамках PANEL, тогда как Self-Mediation не сильно влияет на исход последующих процедур.

На аналогичных принципах работает приложение SAMBA (Smart Arbitration and Mediation Blockchain Application) — приложение на блокчейне, предназначенное для разрешения споров из смарт-контрактов. Его механизм состоит из арбитражной оговорки в виде кода, которая имплементируется в смарт-контракт (SAC) и специальной платформы для разрешения споров, функционирующей по принципу онлайн арбитража. При возникновении спора, одна из сторон заполняет арбитражное соглашение и направляет его вместе с электронными документами-доказательствами на портал SAMBA. Доступ к документам на портале получают стороны и арбитры. По итогу рассмотрения материалов арбитры принимают обязательное для сторон решение, которое размещается на портале и также доступно только участникам разбирательства. Исполнение вынесенного решения осуществляется посредством смарт-контракта.

Среди проектов, предусматривающих создание децентрализованной «квазисудебной» системы разрешения споров важно уделить внимание платформам Kleros [13] и Oath.

Kleros является специальным протоколом, который могут выбрать стороны смарт-контракта при его составлении. Этот проект отличается от вышеперечисленных тем, что нацелен на формирование квазисудебной системы, состоящей из центрального судебного органа и его подразделений, в каждом из которых рассматривается отдельная категория споров определенной специфики [14, s. 3]. Структурные подразделения различаются в первую очередь по специфике дел, однако как следствие временем сессии и количеством арбитров, стоимостью разрешения спора и т.д.

Механизм работы протокола Kleros функционирует следующим образом. В случае спора между сторонами смарт-контракта (в котором инструментом решения споров выбран Kleros) информация в зашифрованном виде направляется в Kleros. Затем система выбирает арбитров. Стороны могут установить лишь их количество. Отбор жюри осуществляется посредством случайной выборки с учетом токенов на счете арбитров, отражающем его опыт, квалификацию и профессионализм. Каждый арбитр должен быть зарегистрирован в системе Kleros и использовать специальные токены — pinakoin (PNK), подтверждающие его право. Личности членов жюри остаются анонимными в целях предотвращения их подкупа. После формирования жюри арбитры оценивают материалы спора и путем голосования выбирают одну из предлагаемых протоколов опций. Например, перевести или вернуть средства. После принятия решения каждого арбитра система подсчитывает голоса, выносит решение и автоматически его исполняет в рамках спорного смарт-контракта [14, s 10]. Любопытной особенностью рассматриваемого механизма решения споров является использование концепции «точки Шеллинга» при принятии решения по спору. Концепция заключается в следующем: арбитры принимают решение отдельно (изоли-

ровано) друг от друга, а потому оно естественно и справедливо в условиях отсутствия иного (возможно более авторитетного) мнения. При отсутствии общения между сторонами люди склонны принимать решения, кажущиеся им справедливыми, естественными и релевантными в данной ситуации. То есть арбитр при принятии решения остается один на один с собой, своими взглядами и убеждениями. Это обеспечивает справедливость принимаемых решений. Члены жюри будут голосовать справедливо, поскольку ожидают, что и другие члены жюри поступят так же [14, s. 13].

Сторона не согласная с решением вправе подать апелляцию, которая заключается также в рассмотрении кейса составом арбитров, но в большем количестве. Обжаловать решение можно дважды, решение третьего состава арбитров окончательно и обжалованию не подлежит. Оно исполняется автоматически в рамках регулируемого смарт-контракта.

Вторым интересным примером нового арбитража является платформа Oath, представляющая собой также механизм решения споров из смарт-контрактов. Однако принцип работы механизмов Oath отличается от программ, рассмотренных выше. Ещё на этапе заключения смарт-контракта стороны сделки могут выбрать шаблон с уже встроенным протоколом разрешения спора [11, s. 80], а также сразу внести на его счёт несколько токенов, которые превратятся в арбитражный сбор в случае конфликтной ситуации. При обращении к процедуре разрешения пора стороны обладаю большим функционалом по сравнению с прочими аналогичными программами. Они могут дополнительно устанавливать количество арбитров и процент голосов необходимый для принятия решения (51–100%). Однако выбор арбитров происходит согласно принципу случайной выборки. Сам процесс арбитража длится восемь дней: пять дней на предоставление сторонами доказательств и три дня на принятие арбитрами решения. Механизм функционирует по принципу суда присяжных. В случае согласия сторон с решением, оно автоматически исполняется. В противном случае у сторон есть 5 дней на обжалование решения. Процесс запускается по новой, но с участием других арбитров. Итог третьего разбирательства окончателен и исполняется автоматически по средствам смарт-контракта.

Анализируя практику развития способов разрешения споров, вытекающих из смарт-контрактов, можно сделать следующие выводы.

Цифровизация правосудия выходит за рамки классического понимания этого термина, даже в самой широкой трактовке. Специфика споров опосредовала создание новых инструментов их решения. И наиболее успешным из них видится блокчейн-арбитраж. Из приведенных примеров на взгляд наиболее приближена к идее блокчейн арбитража концепция создания «квазисудебной» системы разрешения споров [10], основанная на принципах добра и справедливости. Признание подобных механизмов обществом делает их решения легитимными, что важно в условиях развития гражданского общества и глобальной цифровизации.

Однако для имплементации рассматриваемого правового явления в российскую правовую действительность потребует развитие нормативной базы. И это не только участие в международных соглашениях, но и формирование национального законодательства. В доктрине предлагается применять к подобным институтам нормы третейского законодательства. В частности предлагается регулировать функционирование подобных блокчейн арбитражей Федеральным Законом «О третейских судах

Российской Федерации». Можно провести определенные параллели между таким арбитражем и третейским разбирательством с тем лишь отличием, что споры отличаются спецификой программного обеспечения и категорией рассматриваемых дел (споры из смарт-контрактов). Согласно названному федеральному закону судья должен быть беспристрастен и независим, современные технологии обеспечивают это сполна. Также закон указывает на необходимое юридическое образование, что не требуется напрямую в блокчейн арбитраже, например по спорам о криптовалюте. Следовательно, учитывая зарубежные практики и накопленный опыт, считаем, что третейское законодательство может стать базисом формирования необходимой законодательной базы. Однако на сегодняшний день применение обозначенных норм видится необоснованным ввиду неопределенности толкования такого явления как блокчейн арбитраж. Поэтому в целях дальнейшего развития теории и практики применения блокчейн арбитража в России предлагаем следующую формулировку обозначенного явления: «Блокчейн арбитраж – это квазисудебный порядок (процедура) урегулирования споров, закрепленный в виде специального протокола в коде смарт-контракта, осуществляемый специально отобранными арбитрами на основе принципов справедливости и легитимности. Результаты процедуры исполняются автоматически посредством технологии блокчейн, что обеспечивает безопасность и прозрачность процесса».

Таким образом, научная разработка феномена блокчейн-арбитража способствует совершенствованию действующего отечественного законодательства, что в свою очередь поможет в перспективе решить проблему дополнительной нагрузки судов, позволит распространить правосудие в цифровой среде.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 21.02.2024).
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) "О судебной системе Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // "Собрание законодательства РФ", 06.01.1997, N 1, ст. 1.
3. Регламент Арбитражного центра при РСПП. Утвержден распоряжением Президента РСПП от «21» июня 2018 года № РП-5 // Арбитражный Центр при РСПП [Электронный ресурс]: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/regulation/> (дата обращения: 21.02.2024).
4. Приложение № 5 к Положению об Арбитражном центре при РСПП. Компетенция Коллегии Арбитражного центра при РСПП по спорам в сфере цифровой экономики (применяется к арбитражу, начатому после 1 января 2019 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/statute/#pr5> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Воронцова, И. В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» / И. В. Воронцова // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. №3. С. 165-170.
6. Засемкова О.Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // "Lex russica", 2020, N 4. С. 9-20.
7. Засемкова О.Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 160-167.
8. Кузин С. А. Оптимизация деятельности аппарата судов общей юрисдикции в Российской Федерации с учётом внедрения систем «Электронное правосудие» // Закон и власть. 2023. №1. С. 49-53.
9. Рожкова М.А. Об автоматизации онлайн-арбитража и онлайн-урегулировании коммерческих и потребительских споров // Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование). Сборник статей. Сер. "Анализ современного права" Руководитель авторского коллектива и отв.редактор М.А. Рожкова. Москва, 2019 Издательство: ООО «Издательство «СТАТУТ» (Москва). С. 205-234.
10. Терентьева Д.Д. Проблемы цифровизации судопроизводства по разрешению споров, возникающих из смарт-контрактов на примере платформ Jury.Online // Альманах научных трудов. 2022. №2. С. 189-190.

11. Эрбутаева З.К. К вопросу о разрешении споров, возникающих из смарт-контрактов // Приоритетные направления развития науки в современном мире. Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. Уфа. 2022. С. 74-82.
12. Портал технической поддержки Государственной автоматизированной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: <https://techportal.sudrf.ru/?id=234> (дата обращения: 21.02.2024).
13. Kleros Суд. [Электронный ресурс]: <https://kleros.io/> (дата обращения: 21.02.2024).
14. Lesaege Cl., Ast F. Kleros: Short Paper v1.0.5. P. 3 // [Электронный ресурс] URL: <https://kleros.io/assets/whitepaper.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).

Kuzmin I.M. Blockchain arbitration and other ways of digitalization of justice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 115–122.

The article is devoted to the search for ways and means to optimize the processes of justice. The paper analyzes the essence of such categories as "electronic legal proceedings" and "electronic justice". The article presents the foreign practice of functioning mechanisms for the resolution of disputes with cryptocurrency, disputes arising from smart contracts using blockchain technologies. The patterns of the development of blockchain technology in domestic justice are revealed. Special attention is paid to the phenomenon of blockchain arbitration as a qualitatively new form of justice in foreign countries, carried out on the basis of programs and protocols that are already working today.

Keywords: justice, blockchain arbitration, smart contracts, quasi-judicial bodies, Juris, Kleros.

Spisok literature:

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS ConsultantPlus. (date of appeal: 02/21/2024).
2. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 12/31/1996 (as amended on 04/16/2022) "On the Judicial System of the Russian Federation" (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2023) // "The Assembly of the Legislation of the Russian Federation", 06.01.1997, No. 1, art. 1.
3. The Rules of the Arbitration Center at the RSPP Were approved by Order of the President of the RSPP dated June 21, 2018 No. RP-5 // Arbitration Center at the RSPP [Electronic resource]: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/regulation/> (date of access: 02/21/2024).
4. Appendix No. 5 to the Regulation on the Arbitration Center at the RSPP. The competence of the Board of the Arbitration Center at the RSPP on disputes in the field of digital economy (applies to arbitration initiated after January 1, 2019). [Electronic resource]. – URL: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/statute/#pr5> (date of appeal: 02/21/2024).
5. Vorontsova, I. V. On the relationship between the concepts of "electronic court" and "electronic justice" / I. V. Vorontsova // Legal policy and legal life. 2019. No.3. pp. 165-170.
6. Zasemkova O.F. On ways to resolve disputes arising from smart contracts // "Lex russica", 2020, No. 4. pp. 9-20.
7. Zasemkova O.F. Dispute resolution using blockchain technology // Actual problems of Russian law. 2019. No. 4. pp. 160-167.
8. Kuzin S. A. Optimization of the activity of the apparatus of courts of general jurisdiction in the Russian Federation, taking into account the introduction of "Electronic justice" systems // Law and Power. 2023. No. 1. pp. 49-53.
9. Rozhkova M.A. On automation of online arbitration and online settlement of commercial and consumer disputes // E-commerce and interrelated areas (legal regulation). Collection of articles. Series "Analysis of modern law" Head of the author's team and editor-in-chief M.A. Rozhkova. Moscow, 2019 Publishing House: LLC "Publishing House "STATUTE" (Moscow). pp. 205-234.
10. Terentyeva D.D. Problems of digitalization of legal proceedings for the resolution of disputes arising from smart contracts on the example of Jury.Online platforms // Almanac of scientific works. 2022. No.2. pp. 189-190.
11. Erbutaeva Z.K. On the issue of resolving disputes arising from smart contracts // Priority directions of science development in the modern world. Collection of scientific articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Ufa. 2022. С. 74-82.
12. Portal of technical support of the State automated system of the Russian Federation [Electronic resource]: <https://techportal.sudrf.ru/?id=234> (date of application: 02/21/2024).
13. Kleros Court. [Electronic resource]: <https://kleros.io/> (date of access: 02/21/2024).
14. Lesaege Cl., Ast F. Kleros: Short Paper v1.0.5. P. 3 // [Electronic resource] URL: <https://kleros.io/assets/whitepaper.pdf> (accessed: 02/21/2024).

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Незнамова А. А.

Академия труда и социальных отношений, Москва

Статья посвящена исследованию конституционного права на свободу научного творчества. В работе рассматриваются отдельные аспекты сущности творчества, творческой деятельности и научного творчества. Анализируются научные подходы различных ученых придерживающихся не компромиссных взглядов на природу рассматриваемых явлений с позиции различных гуманитарных наук. Особое внимание уделяется рассмотрению указанных вопросов, исследованиям науки и научного творчества в последние годы. Рассматриваются особенности нормативной правовой базы, начиная с конституционных положений через призму подходов к их реализации в действующем законодательстве. Выделяются факторы, ограничивающие реализацию охраняемой законом свободы научного творчества. Выработана авторская позиция по исследуемому вопросу в рамках которой автор приходит к выводу о том, что свобода научного творчества носит правовой характер, а также установлено ее основополагающее значение в системе прав человека в научной сфере деятельности.

Ключевые слова: право, конституционное право, право на свободу, наука, творчество, творческая деятельность, научное творчество.

Концептуальные основы свободы научного творчества имеют давние истоки. В Древней Греции и Риме философы, ученые и теологи обменивались идеями и знаниями, создавая основу для свободного научного исследования. В греко-римской древности особую ценность представляли свобода слова и мысли, а также философы и ученые тех времен активно популяризировали открытый интеллектуальный подход к научному творчеству.

В более поздние времена, наиболее важным стало признание свободы мысли и выражения. Одним из примеров является пропаганда идей, противоречащих церковной догме того времени итальянского ученого Г. Галилея, которого осудили, и он был вынужден отречься от своих идей. Однако впоследствии его работы были пересмотрены церковью и официально признаны. Его пример продемонстрировал важное значение признания свободы научного творчества.

В современном мире все развитые страны гарантируют право на свободу научного творчества. Во многих государствах свобода научного творчества признается как одно из основных прав человека. В России норма о свободе научного творчества закреплена в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. При этом, гарантируя свободу творчества, Конституция РФ не содержит его определения и не приводит исчерпывающего перечня видов творчества, которые могут быть классифицированы как в зависимости от уровня деятельности и области, так и специфических творческих сфер. При этом, следует отметить, что понятие творчества является весьма многогранным, поскольку творчество может проявляться в самых различных сферах жизни деятельности человека.

В комментарии к Конституции РФ под редакцией В.Д. Зорькина и Л.В. Лазаревой высказано мнение, что: «... творчество можно рассматривать в двух аспектах:

как процесс творческой деятельности и как ее результат, облеченный в конкретную объективную форму ... Творчество не следует полностью отождествлять с интеллектуальной деятельностью или интеллектуальной собственностью, имеющими рационально-материальную основу, хотя, разумеется, творчество – часть (вид) интеллектуальной деятельности» [13]. В частности, комментируя ч. 1 ст. 44 Конституции РФ также высказывается мнение, что «... основным критерием, отличающим творчество от изготовления (производства), считается уникальность его результата, который невозможно прямо вывести из начальных условий. Никто, кроме, возможно, самого автора, не сможет получить в точности такой же результат, если создать для него ту же исходную ситуацию» [15].

В Основах законодательства РФ о культуре, утвержденных ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 дважды упоминается о творчестве. Однако названный нормативный правовой акт также не вносит ясность в вопросы терминологии, относительно понятия «творчество». Так в ст. 10 Основ законодательства РФ о культуре, утвержденных ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 установлено, что каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями. В ст. 17 Основ законодательства РФ о культуре, утвержденных ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 регламентировано, что граждане имеют право вывозить за границу с целью экспонирования, иных форм публичного представления, а также с целью продажи результаты своей творческой деятельности в порядке, определяемом законодательством РФ. В комментарии к Основам законодательства РФ о культуре А.А. Рождествина понимает под творческой деятельностью – создание культурных ценностей и их интерпретацию [27].

В п. 3 ст. 2 Закона РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» также говорится о творчестве, но не раскрывается его содержание. Так в соответствии с названным пунктом статьи, каждому гарантировано право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. И в иных нормативных правовых актах, постановлениях Правительства и приказах министерств и ведомств можно встретить отсылку к творчеству и творческой деятельности. Таким образом несмотря на то, что упоминания о творчестве и творческой деятельности содержатся во многих нормативных правовых актах, единый подход к определению данных понятий до сих пор не сформирован, что зачастую приводит к некой неопределенности в вопросе, какую именно деятельности можно отнести к творческой.

Дефиниция «творчество» раскрывается в различных толковых словарях русского языка, так, например в толковом словаре С.И. Ожегова: «Творчество – это создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей» [25]; в словаре русского языка: «Творчество – деятельность человека, направленная на создание культурных или материальных ценностей» [31]. По своей сути данные определения являются идентичными. Исходя из представленных определений можно полагать, что творчество направлено на создание новых материальных или нематериальных ценностей. Однако, учитывая, что творчество представляет собой уникальную способность человека выражать свои идеи, мысли, эмоции и вдохновение через различные формы творческой деятельности полагаем необходимым рассмотреть различные

взгляды ученых, как прошлого, так и современности относительно научных подходов к творчеству и творческой деятельности.

Среди известных зарубежных философов можно отметить Платона, И. Канта, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и др. Платон в диалоге «Пир» писал, что: «Творчество – понятие широкое. Все, что вызывает переход из небытия в бытие, – творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их – творцами» [26]. И. Кант рассматривал творчество как проявление человеческой способности к свободному творчеству и выражению идеи «гения» [8]. М. Хайдеггер также изучал творчество и в своих работах рассматривал его через понятие «культуры», а также полагал, что творчество и искусство играют важную роль в возможности человека раскрыть свое собственное бытие и смысл своей жизни [36]. Ж.-П. Сартр рассматривал творчество – как способ для человека создавать свой собственный смысл и ценности в мире, а также акцентировал внимание на важнейшей роли свободы творчества [3; 29; 30; 46].

Среди российских философов исследовавших творчество следует отметить П.К. Энгельмейера, который исследовал процесс творческой деятельности человека, выявляя основные аспекты творческой личности, законы и принципы творчества, а также вопросы образования личности через творческую деятельность [41; 42; 43].

Советский философ А.Н. Лук в своих трудах исследовал роль и значение творчества как основного аспекта духовной жизни человека и общества, так в работе «Мышление и творчество» он подчеркнул, что творчество имеет чувственную мотивацию [22]. В.И. Иванов рассматривал философские аспекты художественного творчества, религиозный опыт в искусстве, символизм, идеи о творчестве в русской философии и литературе. Его работы были посвящены таким темам, как роль творчества в человеческом бытии, символические значения художественных произведений, их влияние на общество и культуру [4]. В.А. Коваленко в своих трудах исследовал роль ценностей и свободы в творческом процессе, вопросы взаимодействия творчества и культуры как ценностей человеческого бытия [11]. Это лишь несколько примеров философов, которые так или иначе затрагивали вопросы творчества и творческой деятельности в своих трудах.

Важный вклад в исследование вопросов творчества привнесли ученые социологи и политологи, среди них можно отметить: Е.М. Мчедлову, Н.Д. Шутенко, Ю.А. Чижову [24, 37, 40] и др., которые изучали влияние творчества на политические процессы и общество, а также взаимосвязь между политикой и творчеством, рассматривая различные аспекты их взаимодействия.

В трудах ученых психологов и педагогов также встречаются исследования, посвященные творчеству, среди них полагаем возможным отметить: Е.А. Климова, И.В. Лопаткову, А.В. Москвину [9; 20; 23] и др., которые исследовали процессы творческого мышления и воображения, взаимосвязь между творческим потенциалом и личностными характеристиками, а также влияние творчества на развитие личности и достижение успеха в различных областях жизни. Среди ученых-правоведов, которые исследовали творчество в различных его правовых аспектах, полагаем возможным выделить таких как: С.Г. Воронцов, С.М. Кудрин, В.Н. Кудрявцев, Д.Э. Корчагина, С.Н. Тагаева, Д.С. Шапорева и др. [6; 16; 18; 19; 34; 38].

Таким образом, можно полагать, что дискуссионными остаются вопросы относительно подходов к определению понятий «творчество» и «творческая деятель-

ность». Это связано, как нами было сказано ранее, с тем, что творчество является весьма многогранным явлением, оно может проявляться в самых различных сферах жизни деятельности человека. При чем творчество может быть направлено, как на создание материального, так нематериального блага. Ключевым аспектом выступает то, что результатом творческой деятельности является создание чего-то нового. Ведь творческие процессы исключают простое копирование и подразумевают оригинальность, инновационность и уникальность нового результата.

Ранее мы фрагментарно затронули такие понятия как наука и научное творчество, полагаем необходимым более подробно их рассмотреть и проанализировать опыт, накопленный учеными как в прошлом, так и в настоящее время.

В контексте научного творчества можно упомянуть работы американского философа и психолога Д. Дьюи, который исследовал основы научного метода, роли эксперимента и творчества в науке [45]. Исследованиями научного творчества также фрагментарно занимались такие ученые, как Т. Кун, К. Поппер, Р. Солоу, Ф. Бэкон и многие другие. Среди российских ученых, исследовавших науку и научное творчество, в том числе через призму научно-технического творчества представляется возможным отметить Л.А. Гумерова, В.А. Ишутина, Н.А. Князева, Л.О. Красавчикову, С.А. Лебедева, В.С. Пусько, О.В. Романовскую, Т.В. Соколову, В.С. Степина, Е.В. Ушакова и др.

Вопросы связанные с исследованием науки и научного творчества остаются дискуссионными на протяжении долгих лет. Это связано со множеством различных факторов, которые опосредуют данную деятельность. Так в доктринальных положениях можно встретить спорные точки зрения относительно подходов к формированию понятийного аппарата, этических аспектов научных исследований, границ научной ответственности, доступности научной информации и др.

В этой связи особый интерес представляет исследования Н.А. Князева, так как в своем исследовании он пришел к выводу, о сущности науки: «... сущность науки раскрывается в трех основных аспектах (или уровнях): сущность науки в аспекте категории бытие, что соответствует исследовательскому уровню науковедения; сущность науки в аспекте категории существование, что соответствует исследовательскому уровню методологии науки; абстрактно-всеобщий аспект сущности науки, что соответствует исследовательскому уровню философии науки» [10]. Что позволило автору на основе выделенных аспектов (уровней) сущности науки доказать, предметное разграничение науковедения, методологии науки, философии науки и раскрыть их. Относительно определения понятия научного творчества интерес представляет позиция Л.О. Красавчиковой, которая определяет научное творчество как: «... творческую деятельность, которая направлена на открытие новых законов и закономерностей природы, общества, мышления, на разработку фундаментальных законов теорий, концепций, математических методов и других научных результатов. В отличие от научного, техническое творчество предполагает создание новых конструкций, различных устройств, веществ и т.п., которые могут быть использованы, например, в промышленности, здравоохранении, других отраслях экономики или социальной сфере» [17]. По мнению Е.В. Ушакова: «Научное творчество – это деятельность, направленная на решение познавательных проблем (нестандартных задач) в ситуациях неполноты знаний и недоопределенности имеющимися методами» [35, с. 138]. Т.В. Соколова отмечает, что поскольку научное твор-

чество и техническое творчество, характеризуя соответствующий вид профессиональной деятельности, обосновывает направленность научно-исследовательской работы на открытие новых законов и закономерностей в разных областях знаний, а техническое творчество предполагает создание новых конструкций, технических решений и т.п. в различных отраслях экономики и социальной сфере, то указанные виды деятельности не могут относиться к стандартной (ординарной), а носят творческий характер [32]. Л.А. Гумеров утверждает, что: «Действительно, научно-техническая деятельность – это вид познавательной деятельности человека, но вместе с тем она направлена на поиск уникальных результатов, создание новых теорий и технических решений, конструирование новых объектов, которые, безусловно, являются культурными ценностями и достижениями» [7, с. 16].

Обобщив точки зрения ученых, можно констатировать, что научное творчество является процессом, в результате которого создаются новые знания. Научное творчество всегда ориентировано на получение новых знаний о природе, обществе и человеке, а также на развитие теорий и методов их изучения. Научно-техническое творчество направлено на разработку новых технологий, изобретений и инноваций, которые могут применяться в различных областях человеческой деятельности. Оба вида творчества требуют от исследователей творческого подхода, умения мыслить абстрактно, аналитического склада ума, креативности и умения решать сложные задачи. Научное творчество и научно-техническое творчество считаются ключевыми компонентами развития науки и технологий, их взаимодействие способствует прогрессу в различных сферах жизнедеятельности человека и улучшению качества жизни. Пределы творчества достаточно разнообразны, это обусловлено в большей степени конкретной областью использования результата творческой деятельности. Например, в искусстве, пределы творчества могут быть связаны с техническими ограничениями или жанровыми рамками, а также с соответствием общественным ценностям. В науке пределы творческой деятельности могут быть связаны с основанными на фактах исследованиями, логическими выводами, методологическими подходами и т.п. Также важно учитывать социокультурные и этические аспекты, которые могут так или иначе ограничивать свободу творчества, но в целом, пределы творческой деятельности ограничены контекстом, в котором она осуществляется, а также общепринятыми нормами и правилами.

Вопросы, связанные с установлением пределов и ограничений в праве всегда вызывают интерес ученых-правоведов. Единство в терминологии и понимании сущности пределов и ограничений свободы творчества в юридической науке отсутствует.

Ограничительным правовым регулятором свободы творчества, как и любой другой свободы, является положение, закрепленное в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ в соответствии с которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Так, данной нормой установлены пределы пользования правами и свободами человека, недопустимость злоупотребления ими при их осуществлении. Принцип уважения прав и свобод любого другого лица ограничивает тем самым свободу пользования своими правами [12]. Вместе с тем осуществление прав и свобод индивида должно быть основано на принципе уважения чужих прав и свобод, так как ни одно общество не может предоставить человеку чрезмерную свободу. Таким образом, устанавливается необходимое равновесие любого гражданского общества, в котором каждый, обладая правами и сво-

бодами, защищен государством от посягательства на них [1]. Согласно позиции, изложенной в комментарии к Конституции РФ право не может предоставить человеку абсолютной свободы поведения, т.к. абсолютная свобода одного может обернуться полной несвободой другого, наоборот, существование в обществе правовых установок призвано разумно ограничить полную свободу человека с целью обеспечения нормальной жизнедеятельности общества в целом. Абсолютная свобода действий без каких-либо ограничений выливается в хаос, беспорядок. Оправданное сдерживание свободы действий человека производится при помощи норм морали, правовых и других правил поведения, принятых в обществе [15].

Также, следует отдельно рассмотреть положения, установленные ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» согласно которой органы государственной власти РФ гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок; гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности защиту от недобросовестной конкуренции; признают право на обоснованный риск в научной и (или) научно-технической деятельности; обеспечивают свободу доступа к научной и научно-технической информации, за исключением случаев, предусмотренных законами РФ что до государственной, служебной или коммерческой тайны; гарантируют подготовку кадров для научных организаций; гарантируют финансирование проектов, выполняемых по государственным заказам. Эти положения указанной нормы вызывает некоторые вопросы: 1) относительно того, сформирована ли законодательная база и соответствующие механизмы для осуществления органами власти гарантий субъектам научной деятельности свободы творчества путем предоставления права выбора направлений и методов исследований, равно как возможности обеспечения свободы доступа к научной информации; 2) относительно того, что данная трактовка является достаточно узкой, так как по своей сути свобода научного творчества включает целый комплекс прав субъектов научной деятельности [21], которые гарантированы Конституцией и действующим законодательством: ч. 1 ст. 44 гарантирует свободу человека в такой важнейшей сфере самореализации личности, как научное творчество, а также охрану интеллектуальной собственности; ч. 4 ст. 29 гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; ч. 2 ст. 34 устанавливает, что не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Кроме того, следует отдельно рассмотреть положения, закрепленные в п. 3 ст. 7 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Так, согласно данной норме, управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется в пределах, не нарушающих свободу научного творчества.

М.В. Шугуров рассматривает данное положение как дополнение к норме о соблюдении свободы научного творчества в процессе регулирования научной и (или) научно-технической деятельности. Как представляется, здесь имплементировано обязательство государства уважать и соблюдать свободу научного творчества, что предполагает специальное обязательство не вмешиваться в его процесс при одновременной гарантии эффективности его законодательного осуществления [39].

В комментарии к Федеральному закону от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» высказано мнение, что: «государственное управление наукой должно осуществляться с учетом принципа свободы научного творчества. Иными словами, законодатель указывает на то, что нельзя приказывать в одностороннем порядке науке развиваться в определенных областях и совсем не обращать внимания на другие отрасли научного познания» [2].

Также в научных трудах ученых-правоведов можно встретить различные подходы к определению свободы творчества, так, М.Н. Вилачева, исследуя конституционное право на свободу творчества, указывает, что: «под свободой творчества следует понимать духовную составляющую индивида, которую он выражает, занимаясь любым видом творчества. Свободу творчества надлежит трактовать как процесс осуществления творческой деятельности и как определенный итог в соответствующей форме. Процесс создания чего-то нового и необычного и есть творчество, где индивид реализует свои духовные потребности» [5]. Также представляет интерес точка зрения Л.А. Гумерова, которую он высказывает исследуя свободу научно-технического творчества в системе прав человека: «свобода научно-технического творчества представляет собой сложное явление, имеющее, с одной стороны, отношение к внутреннему миру творческого субъекта, а с другой – соотносящее творческую деятельность с внешней средой» [7, с. 17].

О.В. Романовская полагает, что: «... право на свободу творчества не является абсолютным, может быть подвергнуто определенным ограничениям, в том числе имеющим под собой этическую основу. В настоящее время все больше внедряются такие модели регулирования, как управление рисками новых технологий и научное творчество на основе общечеловеческих ценностей. В каждом случае выдвигаются требования к прогнозированию последствий открытия, минимизации возможных негативных последствий. Благодаря такому подходу создаются этические советы, призванные выработать аксиологию потенциальных исследований» [28, с. 14].

Ю.В. Степаненко полагает, что: «... свободу творчества индивида вообще невозможно урегулировать с помощью правовых норм. Именно через нее происходит самореализация личности, а это невидимые для других людей процессы внутреннего мира человека... любые процедурные вопросы творчества, «навязанные» творческому человеку извне – законодателем или другим нормотворцем, – могут рассматриваться им как посягательство на его свободу как творческой личности» [33].

Так несмотря на то, что право на свободу научного творчества охраняется законом, его реализация все же может быть ограничена различными факторами, например, такими как доступ к ресурсам, финансирование, проявление коммерческих интересов в науке, ограничения в области этики и законодательства и др.

Сегодня к негативным факторам, которые могут повлиять на свободу научного творчества, можно отнести ограничения, связанные с введением в отношении РФ санкций: ограничение доступа российских ученых к публикации трудов в изданиях, индексируемых на международных площадках; ограничение доступа к международным научным информационным ресурсам; ограничение возможности участия российских ученых в международных конференциях и др. Это может препятствовать свободе научного творчества, а также ограничивать обмен научными знаниями и опытом с иностранными коллегами. При этом следует отметить, что РФ участвует в значительном числе конвенций и международно-правовых договоров, в той или

иной мере посвященных регулированию творческих отношений в самых различных сферах и проявлениях: в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) 1967 г., Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., Договоре о патентной кооперации 1970 г., Мадридском соглашении о международной регистрации знаков 1891 г., Договоре о законах по товарным знакам 1994 г., а также с 1995 г. - Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. (в ред. 1971 г.), Конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм 1971 г. и др. [14].

Кроме того, к негативным факторам способным повлиять на свободу научного творчества можно отнести лоббирование только определенных коммерческих интересов путем финансовой поддержки отдельных научных исследований, результаты которых ни всегда отвечают интересам общества и государств, а имеют своей целью получение финансовой выгоды частного сектора. В связи с чем полагаем необходимым сконцентрировать государственные и негосударственные (частные) ресурсы для поддержки научных исследований таким образом, чтобы результаты будущих научных исследований в целом отвечали интересам общества и вызовам, стоящим перед РФ в рамках устойчивого, динамичного и сбалансированного развития нашей страны. Достигнуть этого возможно путем выстраивания диалога между бизнесом и государством, а также посредством софинансирования научных исследований.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в разных странах во все времена право на свободу научного творчества реализовывалось по-разному, но в целом концепция свободного научного творчества продолжает оставаться ключевым элементом развития современного общества. Свобода научного творчества имеет основополагающее значение в системе прав человека в научной сфере деятельности и носит правовой характер. Конституционное право на свободу научного творчества в РФ гарантирует каждому возможность заниматься научной деятельностью, в том числе проводить научные исследования и представлять широкой общественности их результат без вмешательства со стороны государства или иных лиц, что отражает право на свободу выражения научных взглядов и убеждений. Такая свобода обычно рассматривается как ключевая составляющая развития общества, поскольку без нее прогресс и инновации становятся ограниченными, что негативно сказывается и замедляет развитие научных открытий и технологий, приводит к искажению результатов и подавлению свободного обмена идеями.

Список литературы:

1. Бархатова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). / Е.Ю. Бархатова. – 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2020. – 256 с.
2. Батяев, А.А., Каркавина Д.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. Бурханов, А.Р. Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия / А.Р. Бурханов // Вестник БГУ. 2011. № 14. – С. 42-47.
3. Бужор, Е.С. Философия символа Вячеслава Иванова и Павла Флоренского / Е.С. Бужор // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 4. – С. 70-77.
4. Вилачева, М.Н. Конституционное право на свободу творчества / М.Н. Вилачева // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. – С. 23-24.
5. Воронцов, С.Г. Роль трудового права в обеспечении прогресса научного творчества в России : специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения» : дис. на соиск... канд. юрид. наук / Воронцов Сергей Германович. – Пермь, 2007. – 168 с.

6. Гумеров, Л.А. Свобода научно-технического творчества в системе прав человека / Л.А. Гумеров // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. № 4. – С. 16-23.
7. Кант, И. Критика способности суждения: пер. с нем. / И. Кант. – Москва: Искусство, 1994. – 367 с.
8. Климов, Е.А. Альберт Эйнштейн и психологическое знание / Е.А. Климов // Национальный психологический журнал - 2014. - № 3 (15) – С. 27-30.
9. Князев, Н.А. Сущность и существование науки (Проектный анализ) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 : Красноярск, 2004. – 351 с.
10. Коваленко, В.А. Проблемы ценностей в творчестве : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : дис. ... д-ра филос. наук / Коваленко Валерий Александрович. – Москва, 1996. – 318 с.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А. М. Дроздова [и др.]; под редакцией С. А. Комарова. – 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 410 с.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо. 2009. – С. 420 - 430.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. Л.В. Лазарева. ООО «Новая правовая культура». 2009 г.
14. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеевкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут. 2013. – 688 с.
15. Корчагина, Д.Э. Конституционное право на свободу творчества и охрану интеллектуальной собственности в России и США : сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 : Москва, 2010. – 22 с.
16. Красавчикова, Л.О. Комментарий к статье 44 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма. ИНФРА-М. 2011. 411 с.
17. Кудрин, С. М. Обеспечение прогресса технического творчества средствами трудового права : специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»: дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 1998. – 165 с.
18. Кудрявцев, В.Н. Свобода научного творчества // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 22-28.
19. Лопаткова, И.В. Психологические основания и технология включения художественного творчества в процесс профессионального становления студентов : специальность 19.00.07 : дис. ... д-ра психологических наук / Лопаткова Ирина Викторовна. – Москва, 2009. – 480 с.
20. Лапаева, В.В. Закон о науке: анализ нормативного содержания // Законодательство и экономика. 2003. № 5. С. 4-5.
21. Лук, А. Н. Мышление и творчество. М., 1976.
22. Москвина, А.В. Научно-практические основы становления интеллектуального творчества старшеклассников в системе педагогического взаимодействия: дис. ... д-ра педагогических наук : 13.00.01. – Оренбург, 2006. – 406 с.
23. Мchedлова, Е.М. Взаимосвязь политического, социокультурного и ценностного континуумов // Наука. Культура. Общество. 2023. № 2. – С. 129-137.
24. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой – 3-е изд., испр. – М.: Русский язык 1991.
25. Платон. Пир // Соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. – 135 с.
26. Рождествина, А.А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о культуре от 09.10.1992 № 3612-1 (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2012.
27. Романовская, О.В. Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3 (59). – С. 5-16.
28. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика. 2000. – 638 с.
29. Сартр Ж.-П. Что такое литература? / Пер. с фр. Н. И. Полторацкой. СПб.: Алетейя.
30. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С-Я. – 345 с.
31. Соколова, Т.В. Научное творчество как вид трудовой функции научных работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 2. – С. 43-45.
32. Степаненко, Ю.В. Правовой статус научного работника: ключевые понятия // Административное право и процесс. 2019. № 5. – С. 26-32.
33. Тагаева С.Н. Исключительные права на результаты творческой деятельности и режим совместного имущества супругов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. – С. 89-95.
34. Ушаков, Е. В. Проблема научного творчества в современной философии науки: алгоритмы, эвристики, модели научно-познавательного поиска / Развитие общества и науки в условиях цифровой экономики : Монография. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна). 2021. – С. 137-152.
35. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер.нем. —М.: Республика, 1993. – 447 с.

36. Чижова, Ю.А. Социальное творчество как фактор политической трансформации российского общества : дис. ... канд. политических наук : 23.00.02. – Орел, 2001. – 154 с.
37. Шапорева, Д.С.. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в современной России : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.02 Саратов, 2007. – 215 с.
38. Шугуров, М.В. Международно признанное право человека на свободу научных исследований и российское законодательство // Современное право. 2015. № 10. – С. 149-157.
39. Шутенко, Н.Д.. Научно-техническое творчество в условиях рынка : На примере электротехнической отрасли : дис. ... канд. социологических наук: 22.00.08. - Москва, 2005. – 135 с.
40. Энгельмейер, П. К. Творческая личность и среда в области технических изобретений. — СПб.: Образование. 1911. – 116 с.
41. Энгельмейер, П.К. Теория творчества. ... СПб.: Образование. 1910. [2]. 208 с.
42. Энгельмейер, П. К. Эврология, или всеобщая теория творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Т.5. / Под. Ред. Б. А. Лезина. Харьков, 1914. – С. 131-160.
43. Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry. — Henry Holt and Company, 1938.
44. Dewey J. The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action. Gifford Lectures, 1929.
45. Sartre J.-P. L'existentialisme est un humanisme. La France. Maison d'Édition Mondiale. 1956. 56 p.

Neznamova A.A. Constitutional right to freedom of scientific creativity: concept and substance // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 123-133.

The article is devoted to the study of the constitutional right to freedom of scientific creativity. The work considers certain aspects of the essence of creativity, creative activity and scientific creativity. The scientific approaches of various scientists holding non-compromise views on the nature of the phenomena under consideration from the standpoint of various humanities are analyzed. Particular attention is paid to the consideration of these issues, research into science and scientific creativity in recent years. The specifics of the regulatory legal framework are considered, starting with constitutional provisions through the prism of approaches to their implementation in the current legislation. Factors limiting the exercise of the freedom of scientific creativity protected by law are highlighted. The author's position on the question under study has been developed in which the author concludes that freedom of scientific creativity is legal in nature, and its fundamental importance in the system of human rights in the scientific field has been established.

Key words: right, constitutional right, right to freedom, science, creativity, creative activity, scientific creativity.

Spisok literatury:

- 1.Barhatova, E.YU. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii: novaya redakciya (postatejnij). / E.YU. Barhatova. – 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Prospekt, 2020. – 256 s.
- 2.Batyaev, A.A., Karkavina D.YU. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoj politike» (postatejnij) // SPS Konsul'tantPlyus. 2007.
- 3.Burhanov, A.R. Zhan-Pol' Sartr ob ekzistencialah chelovecheskogo bytiya / A.R. Burhanov // Vestnik BGU. 2011. № 14. – S. 42-47.
- 4.Buzhor, E.S. Filosofiya simvola Vyacheslava Ivanova i Pavla Florenskogo / E.S. Buzhor // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. 2016. № 4. – S. 70-77.
- 5.Vilacheva, M.N. Konstitucionnoe pravo na svobodu tvorchestva / M.N. Vilacheva // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 2. – S. 23-24.
- 6.Voroncov, S.G. Rol' trudovogo prava v obespechenii progressa nauchnogo tvorchestva v Rossii : special'nost' 12.00.05 «Trudovoe pravo; pravo social'nogo obespecheniya» : dis. na soisk... kand. yurid. nauk / Voroncov Sergej Germanovich. – Perm', 2007. – 168 s.
- 7.Gumerov, L.A. Svoboda nauchno-tehnicheskogo tvorchestva v sisteme prav cheloveka / L.A. Gumerov // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2012. № 4. – S. 16-23.
- 8.Kant, I. Kritika sposobnosti suzhdeniya: per. s nem. / I. Kant. – Moskva: Iskusstvo, 1994. – 367 s. – (Istoriya estetiki v pamyatnikah i dokumentah).
- 9.Klimov, E.A. Al'bert Ejnshtejn i psihologicheskoe znanie / E.A. Klimov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal - 2014. - № 3 (15) – S. 27-30.
- 10.Knyazev, N.A. Sushchnost' i sushchestvovanie nauki (Proektnyj analiz) : dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.01 : Krasnoyarsk, 2004. – 351 s.
- 11.Kovalenko, V.A. Problemy cennostej v tvorchestve : special'nost' 09.00.01 «Ontologiya i teoriya poznaniya» : dis. ... d-ra filos. nauk / Kovalenko Valerij Aleksandrovich. – Moskva, 1996. – 318 s.
- 12.Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / A. M. Drozdova [i dr.]; pod redakciej S. A. Komarova. – 5-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2024. – 410 s.
- 13.Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Pod red. V.D. Zorkina, L.V. Lazareva. M.: Eksmo, 2009. S.420-430.
- 14.Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Pod obshch. red. L.V. Lazareva. OOO «Novaya pravovaya kul'tura». 2009 g.

15. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Doktrinal'nyj kommentarij (postatejnyj) / M.P. Avdeenkova, A.N. Golovistikova, L.YU. Grudcyna i dr.; ruk. avt. kol. YU.A. Dmitriev, nauch. red. YU.I. Skuratov. 2-e izd., izm. i dop. M Statut. 2013. 688 s.
16. Korchagina, D.E. Konstitucionnoe pravo na svobodu tvorchestva i ohranu intellektual'noj sobstvennosti v Rossii i SSHA : sravnitel'no-pravovoe issledovanie : avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.02, 2010.
17. Krasavchikova, L.O. Kommentarij k stat'e 44 Konstitucii RF // Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Pod red. V.D. Zor'kina. 2-e izd., peresmotr. M.: Norma. INFRA-M. 2011. – 411 s.
18. Kudrin, S. M. Obespechenie progressa tekhnicheskogo tvorchestva sredstvami trudovogo prava : special'nost' 12.00.05 «Trudovoe pravo; pravo social'nogo obespecheniya»: dis. ... kand. jurid. nauk. 1998.
19. Kudryavcev, V.N. Svoboda nauchnogo tvorchestva // Gosudarstvo i pravo. – 2005. – № 5. – S. 22-28.
20. Lopatkova, I.V. Psihologicheskie osnovaniya i tekhnologiya vklyucheniya hudozhestvennogo tvorchestva v process professional'nogo stanovleniya studentov : special'nost' 19.00.07 : dis. ... d-ra psihologicheskikh nauk / Lopatkova Irina Viktorovna. – Moskva, 2009. – 480 s.
21. Lapaeva, V.V. Zakon o nauke: analiz normativnogo sodержaniya // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2003. № 5. – S. 4-5.
22. Luk, A. N. Myshlenie i tvorchestvo. M., 1976.
23. Moskvina, A.V. Nauchno-prakticheskie osnovy stanovleniya intellektual'nogo tvorchestva starsheklassnikov v sisteme pedagogicheskogo vzaimodejstviya: dis. ... d-ra pedagogicheskikh nauk : 13.00.01. – Orenburg, 2006. – 406 s.
24. Mchedlova, E.M. Vzaimosvyaz' politicheskogo, sociokul'turnogo i cennostnogo kontinuumov // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2023. № 2. – S. 129-137.
25. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – 3-e izd., ispr. – M.: Russkij yazyk 1991.
26. Platon. Pir // Soch.: V 4 t. M., 1993. T. 2. – 135 s.
27. Rozhdestvina, A.A. Kommentarij k Osnovam zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture ot 09.10.1992 № 3612-1 (postatejnyj) // SPS Konsul'tantPlyus. 2012.
28. Romanovskaya, O.V. Konstitucionnoe pravo na svobodu nauchnogo tvorchestva: sodержanie, ogranicheniya, problemy regulirovaniya // Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2021. № 3 (59). – S. 5-16.
29. Sartr ZH.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Per. s fr., predisl., primech. V. I. Kolyadko. – M.: Respublika. 2000. – 638 s.
30. Sartr ZH.-P. CHto takoe literatura? / Per. s fr. N. I. Poltorackoj. SPb.: Aleteja.
31. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. / RAN, In-t lingvistich. issledovanij. — 4-e izd., ster. – M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. T. 4. S-YA. – 345 s.
32. Sokolova, T.V. Nauchnoe tvorchestvo kak vid trudovoj funkcii nauchnyh rabotnikov // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2019. № 2. – S. 43-45.
33. Stepanenko, YU.V. Pravovoj status nauchnogo rabotnika: klyuchevye ponyatiya // Administrativnoe pravo i process. 2019. № 5. – S. 26-32.
34. Tagaeva S.N. Isklyuchitel'nye prava na rezul'taty tvorcheskoy deyatel'nosti i rezhim sovmestnogo imushchestva suprugov // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2022. № 5. – S. 89-95.
35. Ushakov, E. V. Problema nauchnogo tvorchestva v sovremennoj filosofii nauki: algoritmy, evristiki, modeli nauchno-poznavatel'nogo poiska / Razvitie obshchestva i nauki v usloviyah cifrovoj ekonomiki : Monografiya. – Petrozavodsk : Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya Irina Igorevna). 2021. – S. 137-152.
36. Hajdegger, M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Per.snem. —M.: Respublika, 1993. – 447 s.
37. CHizhova, YU.A. Social'noe tvorchestvo kak faktor politicheskoy transformacii rossijskogo obshchestva : dis. ... kand. politicheskikh nauk : 23.00.02. – Orel, 2001. – 154 s.
38. SHaporeva, D.S.. Konstitucionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na svobodu tvorchestva v sovremennoj Rossii : dis.... kand. jurid. nauk : 12.00.02 Saratov, 2007. – 215 s.
39. SHugurov, M.V. Mezhdunarodno priznannoe pravo cheloveka na svobodu nauchnyh issledovanij i rossijskoe zakonodatel'stvo // Sovremennoe pravo. 2015. № 10. – S. 149-157.
40. SHutenko, N.D.. Nauchno-tekhnicheskoe tvorchestvo v usloviyah rynka : Na primere elektrotekhnicheskoy otrasli : dis. ... kand. sociologicheskikh nauk: 22.00.08. - Moskva, 2005. – 135 s.
41. Engel'mejer, P.K. Tvorchestvo i razvitie tekhnicheskix izobretenij. SPb.: Obrazovanie. 1911.
42. Engel'mejer, P.K. Teoriya tvorchestva / Inzhener P.K. Engel'mejer ... SPb.: Obrazovanie. 1910. [2]. 208 s.
43. Engel'mejer, P. K. Evrologiya, ili vseobshchaya teoriya tvorchestva // Voprosy teorii i psihologii tvorchestva. T.5. / Pod. Red. B. A. Lezina. Har'kov, 1914. – S. 131-160.
44. Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry. — Henry Holt and Company, 1938.
45. Dewey J. The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action. Gifford Lectures, 1929.
46. Sartre J.-P. L'existentialisme est un humanisme. La France. Maison d'Édition Mondiale. 1956. 56 p.

УДК: 341.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Никитина А. П., Саченок Л. И., Воронина С. А.

Севастопольский государственный университет

Финансовый контроль деятельности некоммерческих организаций является ключевым инструментом для обеспечения прозрачности и эффективности работы НКО. При этом выявляются не только возможные риски и нарушения, но и есть необходимость дать рекомендательные направления по улучшению и эффективной деятельности организации. В Российской Федерации методология внешнего аудита НКО имеет свои особенности, обусловленные как спецификой законодательства, так и требованиями международных стандартов. Цель исследования: на основе проведения сравнительного анализа нормативно-правового законодательства Российской Федерации о некоммерческих организациях дать оценку структуры нормативной модели регулирования финансового контроля и аудита деятельности некоммерческих организаций в РФ для выявления недостатков требующих изменений. В работе авторами исследованы нормативно-правовые акты регулируемые финансовые проверки и аудит деятельности НКО, проанализированы разработки национальных ученых, касаемой данной темы исследования. Рассмотрена актуальная методология внешнего аудита деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации, а именно основные этапы аудиторского процесса, определены проблемы, с которыми сталкиваются аудиторы при работе с некоммерческими организациями. Авторами даны направления по совершенствованию методики проведения внешнего аудита.

Ключевые слова: финансовый контроль, аудиторские проверки, некоммерческая организация, внешний аудит, финансовая отчетность, управление рисками.

Внешний контроль является важнейшей процедурой контроля деятельности и составления отчетности за определенный период. Согласно Федерального закона от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О бухгалтерском учете», все некоммерческие организации (НКО) подлежат обязательному аудиту. В части 3 Федерального Закона от 26.07.2019 г. № 247-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» определен порядок организации и осуществления организациями внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни. Руководствуясь нормативными актами ФЗ от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ, ФЗ от 02.07.2021 №352-ФЗ, ФЗ от 05.12.2022 №498 ФЗ, НКО должны организовать и осуществлять внутренний контроль ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности (за исключением случаев, когда его руководитель принял обязанность ведения бухгалтерского учета на себя).

Задача контроля в контексте некоммерческих организаций (НКО) не ограничивается лишь финансовой отчетностью, но также включает в себя оценку соответствия деятельности организации ее уставным целям, а также соблюдение принципов прозрачности и открытости. Методология внешнего аудита в РФ требует комплексного подхода, учитывающего как общие принципы аудиторской деятельности, так и специфику работы некоммерческих организаций.

Цель исследования: на основе проведения сравнительного анализа нормативно-правового законодательства РФ о некоммерческих организациях дать оценку структуры нормативной модели регулирования финансового контроля и аудита деятельности некоммерческих организаций в РФ для выявления недостатков требую-

щих изменений. В ходе исследования был проведен анализ вторичных данных, научных статей, монографий, опубликованных другими исследователями.

Исследования в области социальной статистики получили глубокое освещение благодаря усилиям таких ученых как Ефимова М.Р., Елисеева И.И. и Назаров М.Г., а также прочих специалистов в этой сфере. В то же время, важные аспекты финансового управления и экономической деятельности неприбыльных организаций были исследованы множеством авторов, среди которых выделяются Н.В. Бондарчук, В.И. Бутов, Л.А. Батурина, В.Н. Викторов, Н.А. Волгина, А.А. Володина, А.Н. Дукмас, В.Г. Игнатова, Г.В. Кузьмин, Л.П. Кураков, А.М. Ковалев, А.В. Началов, А.К. Макальская, Н.А. Пирожкова, Л.Г. Судас, С.В. Ходарева, А.С. Ходарев, В.З. Черняк, С.В. Шишкина, Е.М. Шабалин, Ю.Г. Эланский, М.В. Юрасов и многие другие.

В области бухгалтерского учета и аудита наблюдается значительное влияние трудов ученых России. Среди них – Голосов, Безруких, Бакаев, Гетьман, Данилевский, Гутцайт, Демина, Дмитриева, Ендовицкий, Ильенкова, Кирьянова, Кондраков, Мельник, Новодворский, Николаева, Нитецкий, Овсийчук, Островский, Палий, Петрова, Подольский, Рогуленко, Соколов, Суйц, Хоружий, Шеремет и др. Их вклад исследуется и оценивается на разных уровнях экономической науки, благодаря чему развиваются как теория, так и практика ведения бухгалтерского учета и проведения аудиторских проверок во всех сферах экономической деятельности.

Многочисленные исследования были посвящены изучению аудита, который является ключевым элементом финансового надзора, включая его фундаментальные принципы и методы применения в разнообразных секторах. В рамках этих исследований, значительный вклад внесли известные международные специалисты и ученые, среди которых особо стоит выделить фигуры такие как Р. Адаме, Э.А. Арене, М. Бенис, Р. Додж, Д.Р. Кармайлл, Ф. Котлер, Дж. К. Лоббек, Р. Монтгомери, В.М. ОРейлли, Дж. Робертсон, Ж. Ришар.

Внешний аудит/контроль предлагает рекомендации устранению проблем, выявленных в процессе проверки и по укреплению внутреннего контроля и управления организацией. Включение рекомендаций в аудиторском заключении помогает НКО совершенствовать свою деятельность, повышать прозрачность и достоверность финансовой отчетности, а также способствует повышению доверия со стороны доноров и общественности. Выводы внешнего аудита не только выявляют текущие проблемы, но и открывают перспективы для развития и усиления эффективности деятельности НКО в России. Практика регулярного проведения аудиторских проверок и внедрение их рекомендаций в жизнь становится залогом устойчивого развития и успешного функционирования некоммерческих организаций в стране.

Методология внешнего аудита деятельности некоммерческих организаций в РФ представляет собой комплекс принципов, подходов и методов, направленных на эффективную оценку финансового состояния и деятельности организаций, не имеющих получение прибыли в качестве своей конечной цели [5]; регламентируется как отраслевым законодательством, так и общими нормами аудиторской деятельности, что обеспечивает высокий уровень прозрачности и достоверности аудиторских заключений. Принципы его проведения основываются на необходимости обеспечения полноты и достоверности предоставляемой отчетности, а также на защите интересов доноров, государства и других заинтересованных сторон. Особое внимание

при проведении аудиторских проверок уделяется расходованию средств, их целевому использованию, а также соответствию деятельности некоммерческих организаций установленным нормативам и стандартам [1].

В контексте международных практик и стандартов, методология внешнего аудита в РФ стремится к гармонизации и адаптации лучших практик, позволяя повысить качество аудиторских услуг и обеспечить их соответствие современным требованиям к финансовой отчетности. Это включает в себя использование риск-ориентированного подхода, что позволяет сфокусироваться на наиболее значимых для организации аспектах и эффективно распределить ресурсы аудиторов [6].

Аудиторские фирмы и аудиторы, работающие на индивидуальной основе, несут ответственность за внедрение и следование установленным процедурам контроля за выполнением своих профессиональных задач, как это предписывает федеральное законодательство, регулирующее аудит. Качество аудиторских работ подлежит строгому внутреннему контролю в соответствии с нормами, определенными аудиторскими стандартами. Кроме того, для обеспечения прозрачности их работы, аудиторы должны регулярно проходить независимый аудит своей деятельности и предоставлять всю документацию, необходимую для осуществления такого контроля.

Аудиторские организации и индивидуальные аудиторы подвергаются проверке на предмет соответствия стандартам. Эти проверки проводятся как самими аудиторами через структуру саморегуляции, так и специализированными государственными органами, особенно если аудиторские услуги оказываются компаниям, имеющим значительное общественное значение. В рамках саморегуляции аудиторы не только присматривают за своими коллегами в организации, но и принимают активное участие в процессе внешнего контроля качества работы друг друга [2].

В контексте регулирования профессиональной активности аудиторов и аудиторских фирм, основная задача саморегулируемых организаций (СРО) в аудиторской сфере заключается в обеспечении соблюдения установленных профессиональных норм и регламентов. Это включает в себя как следование обязательным директивам, так и выполнение решений СРО, направленных на дисциплинарное влияние, которые принимаются после проведения внешнего анализа работы аудиторских компаний и индивидуальных аудиторов. Когда речь заходит о внешнем аудите, проверка, проводимая СРО, касается исключительно официально подтвержденных заключений аудиторов, то есть тех, которые были созданы в процессе аудиторских проверок и имеют подпись аудитора. Непредвиденные проверки аудиторских субъектов, включая как организации, так и отдельных специалистов, могут инициироваться регулирующими органами в случае поступления жалоб на их работу, указывающих на возможные нарушения установленных норм и правил. Эти действия, не ограничиваемые плановыми ревизиями, входят в компетенцию ассоциации СРО аудиторов, которая занимается определением методик, графиков и частоты таких аудиторских процедур, в том числе тех, что проводятся между его членами [4]. Федеральные Законы РФ, а именно ФЗ от 30.12.2008 N 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» и ФЗ от 02.07.2021 N 359-ФЗ саморегулируемые организации (СРО) аудиторов, определяют дополнительные условия для проведения неожиданных проверок работы аудиторских компаний и аудиторов, работающих на собственный страх и риск.

В условиях растущей социальной значимости некоммерческих организаций в России, понимание особенностей и задач внешнего аудита является ключевым для обеспечения их прозрачности, эффективности и ответственности перед обществом [1]. Система внешнего аудита играет значительную роль в обеспечении доверия к некоммерческим организациям, которое является основой для привлечения внешнего финансирования и расширения их влияния в социальном и экономическом плане.

Внешний аудит деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации включает несколько ключевых этапов, каждый из которых имеет свою специфику и важность. Процесс начинается с этапа планирования, в ходе которого аудиторы оценивают область деятельности организации, определяют важные аспекты аудита и составляют план своих действий. Это включает в себя анализ рисков, связанных с финансовыми и административными процессами организации, что помогает выстроить приоритеты в процессе проверки.

Далее следует этап сбора и анализа информации. На этом этапе аудиторы собирают необходимую документацию и данные, проводят интервью с сотрудниками и руководством, оценивают внутреннюю систему контроля организации. Основываясь на собранной информации, аудиторы анализируют выполнение некоммерческой организацией её функциональных обязанностей и соответствие действующему законодательству РФ. Следующий важный шаг – оценка аудиторами эффективности системы управления организацией и её внутреннего контроля. Это позволяет выявить возможности для повышения эффективности работы организации и её финансовой устойчивости [5].

В конце процесса формируется отчет, который содержит результаты проведенной работы, выявленные нарушения и рекомендации по их устранению, а также предложения по улучшению системы управления организацией. Этот отчет представляется руководству организации, а также может быть предоставлен заинтересованным сторонам в соответствии с законодательством. Заключительный этап – обсуждение отчета с руководством некоммерческой организации. В ходе обсуждения аудиторы предоставляют разъяснения по всем пунктам отчета, обсуждают возможные способы решения выявленных проблем и отвечают на вопросы руководства [2].

Таким образом, внешний аудит некоммерческих организаций в РФ представляет собой комплексный процесс, направленный на повышение прозрачности их деятельности, а также на укрепление финансовой и административной дисциплины.

Во внешнем аудите некоммерческих организаций российские аудиторы выполняют центральную роль, которая подразумевает не только проверку финансовых отчетов на предмет их соответствия законодательным нормам, но и оценку эффективности использования ресурсов организации. Еще одна важная обязанность аудиторов заключается в идентификации областей, в которых некоммерческая организация может улучшить свою деятельность, чтобы более эффективно достигать своих целей и миссии [3]. Аудиторы в России, согласно ФЗ от 30.12.2008 N 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» занимающиеся внешним аудитом некоммерческих организаций, должны обладать глубоким пониманием специфики работы таких учреждений, включая их цели, структуру, финансирование и регулирование. Это позволяет аудиторам констатировать факты в соответствии с действующим законодательством, предлагать конкретные рекомендации для улучшения работы.

Кроме того, одной из ключевых обязанностей аудиторов является предоставление объективной и независимой оценки деятельности организации. Это предполагает, что аудитор должен действовать без предвзятости и конфликта интересов, чтобы его заключение было надежным и правдивым. Независимость аудитора подразумевает, что он не должен иметь личного интереса в деятельности аудируемой организации и должен избегать любых ситуаций, которые могут поставить под сомнение его беспристрастность. Важно отметить, что успешно проведенный внешний аудит не только укрепляет доверие со стороны доноров, партнеров и общественности к некоммерческой организации, но и способствует более эффективному и прозрачному управлению финансами и ресурсами организации. Поэтому профессионализм, независимость и ответственность аудиторов являются ключевыми составляющими качественного внешнего аудита некоммерческих организаций в РФ.

В оценке эффективности деятельности некоммерческих организаций (НКО) в РФ внешний аудит выполняет ключевую роль, предоставляя независимую и объективную информацию для заинтересованных сторон о том, как используются ресурсы организации и достигаются её цели. Аудиторские проверки базируются на комбинации различных методов и подходов, чтобы обеспечить всестороннюю оценку эффективности [9]. Основным методом является анализ финансовой отчетности НКО с целью убедиться, что предоставленная информация точно отражает финансовое положение организации. Аудиторы используют тесты существования и полноты, выборочное тестирование сделок, проверку расчётов и применение аналитических процедур. Кроме этого, важен анализ эффективности программ и проектов, реализуемых НКО. Аудиторы оценивают соответствие между заявленными целями и фактическими результатами. Для этого могут быть использованы методы сравнительного анализа, изучения отчетов о выполнении проектов и обратной связи от целевых групп организации.

Метод подхода с управленческой точки зрения включает в себя оценку систем внутреннего контроля и управления рисками. Аудиторы осматривают процедуры НКО, направленные на соблюдение законодательства, эффективное использование ресурсов и защиту активов от злоупотреблений.

Аудит эффективности (performance audit) фокусируется на том, как действия организации способствуют достижению её миссии и целей. Это включает в себя оценку результатов деятельности в контексте стоимости и влиянию на заинтересованные стороны. Объектом анализа становятся также нематериальные активы НКО, в том числе репутация и уровень доверия общественности. Инструменты для их изучения включают опросы, экспертные оценки и анализ социальных сетей. Основной функцией контрольных финансовых органов РФ (ФЗ от 05.04.2013 N 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) О Счетной палате Российской Федерации» включая Счетную палату и региональные контрольные структуры, является надзор за аккуратным выполнением бюджетных планов, как доходной, так и расходной части, а также за использованием средств внебюджетных фондов с учетом их предназначения, объемов и структуры. Обнаружение отклонений и нарушений в бюджетном процессе требует внедрения аудита результативности в практику финансового мониторинга государства.

Оценка эффективного управления ресурсами, которые находятся в государственном владении, представляет собой процесс, отличающийся обширностью и

сложностью от традиционных методов внутреннего финансового аудита. В его рамках осуществляется мониторинг не только финансов, выделяемых из госбюджета и внебюджетных фондов, но и оценивается управление государственной собственностью, использование кредитных и заемных средств, а также анализируется распределение налоговых льгот. Кроме того, важным объектом рассмотрения является обращение с результатами интеллектуальных усилий, таких как интеллектуальная собственность, которая принадлежит государству.

Финансовая ревизия (Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного финансового контроля «Проведение проверок, ревизий и обследований и оформлении их результатов», нацелена на оценку результативности расходования государственных ресурсов, включает в себя анализ действий учреждений, властных структур и прочих субъектов, управляющих или получающих государственное финансирование. Основная цель такого аудита – выявить насколько эффективно и целесообразно используются выделенные государством средства для осуществления возложенных на данные субъекты обязанностей и решения поставленных перед ними задач. В качестве одной из функций бюджетного надзора, проверка эффективности включает в себя анализ не только бюджетных и внебюджетных фондов, но и оценку управления государственной собственностью, кредитными и заемными ресурсами, а также использования интеллектуальной собственности, находящейся в ведении государства.

Аудиторская проверка затрагивает действия не только государственных органов власти РФ, но и различных учреждений, включая казенные и унитарные предприятия, а также некоммерческие структуры, пользующиеся бюджетными ассигнованиями. Также в сферу внимания попадают федеральные и местные структуры, имеющие отношение к управлению государственными активами и внебюджетными фондами. Целью аудита является оценка того, как эти организации распоряжаются предоставленными государственными средствами, и эта деятельность имеет сложный, двухсторонний аспект [7].

Данная деятельность может быть понята как многоаспектный процесс. С одной стороны, она включает в себя выполнение специфических функций и задач, назначенных организации. С другой стороны, эта же деятельность представляет собой комплекс производственных и экономических операций, включающих использование материальных ресурсов, рабочей силы и финансов для достижения целей. Эффективность этого процесса измеряется не только по степени достижения заранее установленных целей, но и должна учитывать, как производственные, так и социальные аспекты. Производственные результаты, в частности, могут быть оценены количественно, что делает эту задачу более прямолинейной.

Измерение социального воздействия является сложным процессом, требующим выявления общественной пользы и влияния на отдельные группы населения, достигнутых в результате деятельности некоммерческих организаций. Это предполагает наличие определённых измеримых индикаторов, которые не только отслеживают выполнение задач, но и отображают ожидаемые социальные выгоды. Когда такие метрики отсутствуют, возникает необходимость в дополнительных исследованиях для установления стандартов, с помощью которых можно было бы оценить эффективность использования средств, выделенных из государственного бюджета.

Чтобы оценить социальную эффективность вложений государственных ресурсов в различные области, обращают внимание на изменение уровня определённых критериев во времени. В числе таких мер оценки выступают, например, исследования уровня удовлетворённости людей услугами, программами или работой государственных учреждений, получаемые через социологические обследования. В аналитике часто упоминаются также и относительные значения, такие как процент людей с инвалидностью, которые сумели вернуться к полноценной социальной жизни благодаря использованию протезно-ортопедических средств.

Аудит результативности работы некоммерческих организаций включает в себя комплекс процедур, направленных на сбор доказательств. Эти действия, хоть и зависят от субъективных оценок аудиторов, при соблюдении профессиональных стандартов, способствуют созданию надёжной основы для оценки эффективности аудита. Аудит эффективности в некоммерческих организациях направлен на анализ использования государственных вложений. При этом процесс проверки включает в себя сбор убедительных фактов, которые служат основой для оценок в отношении целесообразности, результативности и производительности расходования средств. Несмотря на то, что процедуры аудита и интерпретация данных могут отличаться субъективностью, основанной на личных оценках аудиторской группы, строгое следование профессиональным стандартам аудиторской деятельности гарантирует, что выводы будут несомненно надёжными.

Такой комплексный подход, сочетающий различные методы и инструменты, позволяет аудиторам формировать объективное мнение о том, насколько эффективно НКО использует свои ресурсы и достигает своих социальных, образовательных, культурных и иных целей, стоящих перед этим сегментом гражданского общества.

В процессе внешнего аудита деятельности некоммерческих организаций (НКО) в Российской Федерации выявляются разнообразные результаты, отличающиеся в зависимости от конкретных условий и специфики каждой организации. Обычно аудит позволяет оценить эффективность использования ресурсов организацией, соответствие проводимой деятельности уставным целям, а также правильность и законность финансовых операций.

Один из ключевых выводов, к которому обычно приходит внешний аудит, заключается в выявлении недостатков в системе внутреннего контроля и бухгалтерского учета. Такие недостатки могут варьироваться от отсутствия четкости в документировании операций до недостаточного контроля за целевым использованием средств. Это может вести к неэффективному использованию ресурсов организации и, в крайних случаях, к финансовым злоупотреблениям [8].

Важным аспектом является также оценка правомерности получения и использования государственных субсидий и грантов. Внешний аудит часто выявляет ошибки в отчетности, связанные с неправильным оформлением документов или нецелевым использованием финансирования, указывая на необходимость улучшения процессов планирования и отчетности. Помимо выявления проблем и недочетов, внешний аудит также предлагает рекомендации по их устранению и по укреплению внутреннего контроля и управления организацией. Включение рекомендаций в аудиторском заключении помогает НКО совершенствовать свою деятельность, повышать прозрачность и достоверность финансовой отчетности, а также способствует повыше-

нию доверия со стороны доноров и общественности. Заключение внешнего аудита/финансового контроля не только выявляют текущие проблемы, но и открывают перспективы для развития и усиления эффективности деятельности НКО в России. Практика регулярного проведения аудиторских проверок и внедрение их рекомендаций в жизнь становится залогом устойчивого развития и успешного функционирования некоммерческих организаций в стране.

Список литературы:

1. Гусарова Л. В. Методология внешнего аудита уставной и предпринимательской деятельности некоммерческих организаций // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2011. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-vneshnego-audita-ustavnoy-i-predprinimatelskoy-deyatelnosti-nekommercheskih-organizatsiy> (дата обращения: 13.03.2024).
2. Лазукова Е.М. Аудит в некоммерческой организации // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2016. №7 (391). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audit-v-nekommercheskoy-organizatsii> (дата обращения: 13.03.2024).
3. Макальская М.Л. Аудит некоммерческих организаций / Макальская, М.Л. и. - М.: Дело и сервис, 2017. - 192 с.
4. Макеева О.С., Штефан М.А. Источники финансирования деятельности некоммерческих организаций: понятие, классификация, особенности формирования и использования // Международный бухгалтерский учет. 2014. №35 (329). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-deyatelnosti-nekommercheskih-organizatsiy-ponyatie-klassifikatsiya-osobennosti-formirovaniya-i-1> (дата обращения: 13.03.2024).
5. Саченок Л.И., Янченко А.А. Внутренний контроль ведения бухгалтерского учета и отражение прибыли в отчетности ООО Моторс «Омега» // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики, 2020. №2, С. 295-296
6. Скачко Г.А. Особенности аудита в некоммерческих организациях // Аудитор. 2019. №4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38195682> (дата обращения: 13.03.2024).
7. Таусова Ирина Федоровна, Андрюхина Дарья Валерьевна, Бореева Екатерина Руслановна Аудиторская деятельность на современном этапе: проблемы осуществления и пути их решения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2016. №4 (190). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/auditorskaya-deyatelnost-na-sovremennom-etape-problemy-osuschestvleniya-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 13.03.2024).
8. Шаталин В. Н. Особенности аудита в некоммерческих организациях // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2010. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-audita-v-nekommercheskih-organizatsiyah> (дата обращения: 13.03.2024).
9. Ягудина Г. Г. Бухгалтерская отчетность некоммерческих организаций как форма контроля их деятельности // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buhgalterskaya-otchetnost-nekommercheskih-organizatsiy-kak-forma-kontrolya-ih-deyatelnosti> (дата обращения: 13.03.2024).

Nikitina A. P., Sachenok L. I., Voronina S. A. Regulatory and legal regulation of financial control of the activities of non-profit organizations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 134–142.

Financial control of the activities of non-commercial organizations is a key tool for ensuring transparency and efficiency of the work of NGOs. At the same time, not only possible risks and violations are identified, but there is also a need to give recommendations on how to improve and effectively operate the organization. In the Russian Federation, the methodology of the external audit of NPOs has its own peculiarities, due to both the specifics of legislation and the requirements of international standards. The purpose of the study: based on a comparative analysis of the regulatory and legal legislation of the Russian Federation on non-profit organizations, to assess the structure of the regulatory model for regulating financial control and auditing the activities of non-profit organizations in the Russian Federation in order to identify shortcomings requiring changes. In the work, the authors investigated the normative legal acts of regulated financial audits and audits of the activities of NGOs, analyzed the developments of national scientists related to this research topic. The current methodology of external audit of the activities of non-commercial organizations in the Russian Federation is considered, namely the main stages of the audit process, the problems faced by auditors when working with non-profit organizations are identified. The authors give directions for improving the methodology of conducting an external audit

Key words: financial control, audits, non-profit organization, external audit, financial reporting, risk management.

Spisok literaturey:

1. Gusarova L. V. Metodologiya vneshnego audita ustavnoj i predprinimatel'skoj deyatel'nosti nekommercheskih organizacij // Buhgalterskij uchët v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah. 2011. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-vneshnego-audita-ustavnoj-i-predprinimatelskoy-deyatelnosti-nekommercheskih-organizatsiy> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
2. Lazukova E.M. Audit v nekommercheskoj organizacii // Buhgalterskij uchët v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah. 2016. №7 (391). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audit-v-nekommercheskoj-organizatsii> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
3. Makal'skaya M.L. Audit nekommercheskih organizacij / Makal'skaya, M.L. i. - M.: Delo i servis, 2017. - 192 c.
4. Makeeva O.S., SHtefan M.A. Istochniki finansirovaniya deyatel'nosti nekommercheskih organizacij: ponyatie, klassifikaciya, osobennosti formirovaniya i ispol'zovaniya // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchët. 2014. №35 (329). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-deyatelnosti-nekommercheskih-organizatsiy-ponyatie-klassifikatsiya-osobennosti-formirovaniya-i-1> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
5. Sachenok L.I., YAnchenko A.A. Vnutrennij kontrol' vedeniya buhgalterskogo ucheta i otrazhenie pribyli v otchetnosti OOO Motors «Omega» // Aktual'nye voprosy ucheta i upravleniya v usloviyah informacionnoj ekonomiki, 2020. №2, S. 295-296
6. Skachko G.A. Osobennosti audita v nekommercheskih organizacijah // Auditor. 2019. №4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38195682> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
7. Tausova Irina Fedorovna, Andryuhina Dar'ya Valer'evna, Boreeva Ekaterina Ruslanovna Auditorskaya deyatel'nost' na sovremennom etape: problemy osushchestvleniya i puti ih resheniya // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika. 2016. №4 (190). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/auditorskaya-deyatelnost-na-sovremennom-etape-problemy-osuschestvleniya-i-puti-ih-resheniya> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
8. SHatalin V. N. Osobennosti audita v nekommercheskih organizacijah // Buhgalterskij uchët v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah. 2010. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-audita-v-nekommercheskih-organizatsiyah> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
9. YAgudina G. G. Buhgalterskaya otchetnost' nekommercheskih organizacij kak forma kontrolya ih deyatel'nosti // Buhgalterskij uchët v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buhgalterskaya-otchetnost-nekommercheskih-organizatsiy-kak-forma-kontrolya-ih-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 13.03.2024).

УДК 34

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ¹

Полякова Т. А., Троян Н. А.

Статья посвящена исследованию актуальных информационно-правовых вопросов, касающихся значения суверенитета государства в условиях влияния цифровой трансформации. В процессе исследования внимание авторов обращено на актуальные проблемы, связанные с обеспечением суверенитета, информационного суверенитета государства, цифрового суверенитета, научно-технологического развития в Российской Федерации. Проведено исследование отдельных теоретических положений доктринального значения, а также анализ ряда документов стратегического планирования. Авторами обоснована необходимость выработки новых концептуальных подходов к обеспечению информационной безопасности Российской Федерации, требующих реализации защитных мер правового воздействия, а также увеличения эффективного использования правовых средств в целях защиты национальных интересов. Переход современного общества на цифровые технологии и достижение цифрового технологического суверенитета в современных условиях, на наш взгляд, возможны посредством развития организационно-правовых механизмов анализа защищенности цифровых данных, формирования безопасной цифровой среды, обладающей необходимым уровнем цифровой зрелости.

Ключевые слова: государственный суверенитет, цифровой суверенитет, информационная сфера, пространство, цифровая трансформация, государственное управление, искусственный интеллект, угрозы, правовое регулирование.

Настоящее время характеризуется глобальными изменениями миропорядка, турбулентности, активизации недружественной политики элит западных государств и консолидации антироссийских сил, а также ведением ими гибридной и информационной войны. Вместе с тем отмечаются высокие темпы эволюции – экспоненциального развития информационно-коммуникационных (далее – ИКТ) и цифровых технологий, которые нередко используются в противоправных целях, для развязывания кибервойны.

Одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности является укрепление суверенитета государства и обеспечения состояния защищенности национальных интересов государства в цифровую эпоху. В связи с усилением вызовов и угроз в ИКТ-среде и ростом рисков, пристального внимания требуют вопросы информационной безопасности на международном и национальном уровне, в информационном пространстве, тревога в связи с неисполнением общепризнанных принципов и норм международного права [13 с. 41]. Вместе с тем сохраняя исторический потенциал, суверенитет сегодня наполняется новым теоретическим и практическим содержанием под влиянием процессов глобализации, масштабных интеграционных процессов, но не всегда устойчив перед новыми вызовами эпохи [14, с. 5].

Исследования подтверждают, что суверенитет как явление имеет длительную историю. Так, в словаре Д. Н. Ушакова суверенитет характеризуется как «независимость государства в его внутренних делах и внешней политике» [13, с. 5]. Каковы грани суверенитета в разных сферах? Суверенитет является одним из принципов конституционного и международного права, но также выражает общественный характер публичной власти как один из признаков государства. Сегодня одним из вы-

¹ Статья написана в рамках Государственного задания FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

зовов праву является формирование новых пространств в разных сферах жизни мирового сообщества. Меняется измерение пределов и объема правового регулирования, которое пока не отражает весь потенциал правового суверенитета в условиях реформирования научных специальностей в праве. Это связано с тем, что действие права во времени и пространстве не ограничивается сугубо территориальными и государственными границами. При этом одним из драйверов нового правового пространства можно признать развитие и использование современных информационных (цифровых) технологий. На влияние информатизации на общество, государство и право, отношения между гражданами и государством обращала внимание И.Л. Бачило [15]. Сегодня изменения границ правового регулирования, их расширение под влиянием процессов глобализации, становятся очевидными. Не утратил актуальности в связи с этим вопрос о рубеже свободного, дозволенного, регулируемого и контролируемого информационного обмена, а, по сути, о границах суверенитета. Между тем, рассматривая генезис понятия государственного суверенитета, важно обратить внимание на широкое использование таких терминов, как «информационный суверенитет», «киберсуверенитет», «технологический суверенитет», «цифровой суверенитет» и т.д. Вопрос об их применении, соотношении требует междисциплинарных исследований.

Анализ общетеоретических подходов свидетельствует о том, что суверенитет является признаком государства, общей категорией государственного суверенитета в информационном пространстве, поэтому требует разработки категория информационного суверенитета [12]. В данной области, на наш взгляд, заслуживает внимания научно обоснованная позиция Президента Национальной ассоциации международного права профессора А.Я. Капустина, выделившего на основе системного анализа в международно-правовой доктрине три подхода к определению роли суверенитета государства в киберпространстве [16]. Анализ разных позиций, на наш взгляд, подтверждает необходимость развития правовой доктрины в целях сближения позиций. Учитывая, что важной составляющей государственного суверенитета в условиях цифровизации и разрастающегося мирового кризиса, преодоления усиливающих санкций и перехода к многополярности, необходимо сфокусировать внимание на проблемах технологического суверенитета, связанных, в первую очередь, с обеспечением политики импортонезависимости на основе импортозамещения. В этом контексте развиваются также и дискурсы относительно обеспечения цифрового суверенитета, сетевого, научно-технологического и т.д. В связи с этим закономерен вопрос об их связи с правовым обеспечением информационной безопасности и соотношении с общепризнанным государственным суверенитетом [12, с. 46].

Следует отметить, что в ряде документов стратегического планирования в области национальной и международной информационной безопасности, утвержденных Президентом РФ в 2021 г., указано на необходимость укрепления информационного суверенитета государства и усиления его роли на международной арене [17]. Кроме того, в базовых документах стратегического планирования в России ключевую роль среди национальных приоритетов занимают направления, касающиеся обеспечения информационной безопасности, достижения цифрового технологического суверенитета и развитие организационно-правовых механизмов анализа защищенности цифровых данных, формирования безопасной цифровой среды, обладающей необходимым уровнем цифровой зрелости. В Указе Президента РФ от 21. 07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одной из приоритетных национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. определена цифровая трансформация и ключевым показателем, характеризующим достижение данной цели определено достижение

«цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения, образования и государственного управления [18].

В связи с этим заслуживает внимания сама категория «цифровая зрелость», которая, прежде всего, является оценочной, весьма сложно воспринимаемой правом, как и само понятие «цифровая», неоднозначно оцениваемое как в научной литературе, так и в законодательстве [1, с 109.]. Представляются полезными попытки раскрыть понятие «цифровая зрелость». Примечательно, что «цифровая зрелость» в государственной программе РФ «Информационное общество» рассматривается как важный результат цифровой трансформации и «переход к принятию управленческих решений на основе данных» [19]. Таким образом, по сути «цифровая трансформация» и «цифровая зрелость» можно считать в определенной степени аналогами. При этом предлагается рассматривать зрелость как результат процесса трансформации, а также непосредственно самостоятельного процесса, в рамках которого и происходят качественные и количественные изменения, обусловленные новым критерием принятия управленческих решений [1, с 110].

Среди ключевых задач одним из приоритетов является выполнение программы социально-экономического развития и увеличение качества государственного управления. В рамках реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации разработан проект «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» [20], целью которого является обеспечение сбалансированного и устойчивого пространственного развития Российской Федерации.² Важное значение имеет создание «Цифровой платформы» на отечественных технологиях (11 сервисов позволяют упростить поиск, подбор и регистрацию объектов, введено единое окно для информации об объекте, ограничениях, и правовых режимах). На сегодняшний день в 52 регионах проведено подключение к системе и до конца 2030 года запланирована полная интеграция всех регионов страны [20]. В целях достижения технологической независимости Указом Президента РФ от 28.02. 2024 № 145 утверждена «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [21], являющаяся основой для разработки отраслевых документов стратегического планирования в области научно-технического развития.

Это является новым импульсом для развития информационного права в рамках публичного (государственного) права, а также и совершенствования информационного законодательства (в составе которого начинает выделяться и цифровое законодательство). В информационном праве формируются правовые механизмы, правовые нормы, институты и подотрасли, которые регулируют отношения, связанные с расширением применения ИКТ, поскольку это является предметом информационного права, и формирует правовые основы для построения системы правового регулирования цифровых технологий, больших данных, технологий распределённого реестра, сквозных данных, облачных вычислений [3, с. 30]. В современных реалиях информационное законодательство под влиянием цифровой трансформации требует развития междисциплинарных отраслевых связей, современных концептуальных подходов к развитию системы законодательства в Российской Федерации. Информационные процессы сегодня оказывают огромное влияние не только на развитие информационного общества, но и требуют развития системы законодательства в России [4, с. 100, 5; с. 27]. В связи с этим трансформационные процессы, связанные с увеличением роли и значения данных, нуждаются в современных инструментах,

² Важной составляющей его является: сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, увеличение эффективного экономического роста, технологического развития, и обеспечения информационной безопасности. Значимым представляется и утверждение госпрограммы «Национальная система пространственных данных».

способствующих регулированию новых отношений, изменение парадигмы, управления данными на всех уровнях [1, с. 158].

В целях поддержки проектов научно-технологического развития России проводятся ежегодные флагманские форумы будущих технологий, на которых представлены современные технологии и инновационные научные разработки, определяющие вектор развития отраслей экономики на ближайшие годы [23]. Обращает внимание, что в выступлении Президента РФ В.В. Путина на первом Форуме будущих технологий «Вычисления и связь. Квантовый мир» поставлена задача перехода от цифровой экономики к экономике данных и ключевыми являются направления, связанные с системообразующей инфраструктурой для дальнейшего развития страны (наращивание внутренних компетенций, запуск пилотных внедрений сквозных технологий: квантовых решений, обеспечивающих национальную безопасность и переход к новым моделям экономики). Поставлена задача – «перевести всю экономику на качественно новый уровень на основе больших данных» [23].

Это задача стоит и перед публично-правовой наукой, включая целый ряд ключевых направлений. К ним относятся: сбор данных, с использованием высокочувствительных датчиков, включая квантовые сенсоры; передача данных, развитие систем связи, суверенная инфраструктура для вычислений и хранения данных внутри страны (отечественные облачные платформы и центры обработки данных, вычислительные мощности собственного производства); безопасность данных, в том числе с использованием технологий квантовых коммуникаций и квантового шифрования, суверенные и национальные стандарты и т.д. [22]. Необходимы и новые подходы к публично-правовому регулированию отношений, связанных с применением цифровых инноваций, цифровых платформ, позволяющих развивать умные города и беспилотные системы, использовать «цифровые двойники» технических систем и процессов их производства. Это будет способствовать созданию нового уровня в логистике и энергетике, в развитии телемедицины и онлайн-образовании, предоставлении госуслуг, позволит полномасштабно автоматизировать не только технологические процессы, но и взаимоотношения между участниками рынка. Трансформация и переход к экономике данных, безусловно, потребует развития методологического обеспечения данных процессов, гибкого регулирования. В этой связи важно создание модели максимального разрешения и использования технологий с определенной системой рисков, их последствия и контроль государства.

Процессы цифровой трансформации, связанные с формированием цифровой экономики, затрагивают все сферы. Происходящие изменения отражаются как в юридической деятельности, так и в правовой науке и стали частью современных управленческих систем во всех сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Одновременно необходимо признать, что сегодня во всем мире обостряется проблема недостаточности нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования функционирования и применения различных технологий, необходимо определение характера и путей взаимодействия правового регуляторов.

Следует согласиться, что процесс формирования «цифрового права» вызывает множество дискуссий на различных площадках в качестве информационно-правового института или отрасли права, нет четкого доктринального понимания правовой природы многих современных информационных отношений в условиях возрастающей динамики применения цифровых технологий [6, с. 17]. Как справедливо в свое время, отмечала профессор И.Л. Бачило, «развитие правовой информационной проблематики проделало большой, тернистый путь от формирования научно-правовых основ обеспечения процессов автоматизации управления, обоснования их применения в системе государственного управления до формирования ин-

формационного права как самостоятельной отрасли права» [7]. Безусловно, актуальной остается разработка понятийного аппарата, как отмечала И.Л. Бачило, обращая внимание на проблемы «понятийного аппарата в праве через призму информационного права», аргументируя это возрастающей ролью информации в жизни общества и в праве [8 с, 18].

Сегодня требуют теоретико-методологического осмысления и современные механизмы правового регулирования в процессе цифровой трансформации. Появилась необходимость формирования новых теоретических моделей и концептуальных подходов как в информационном, так и в административном праве, с учетом актуализации конституционно-правовых основ в области оборота цифровых данных и обеспечения национальной безопасности в информационном пространстве в условиях рисков и угроз информационной безопасности, и осложнения геополитической обстановки в мире. Возникновение отмеченных вызовов и угроз нашего времени усиливает значение решения правовых проблем информационного права (рост и категоризация субъектов и их видов, проблем методологии выстраивания правового регулирования, поиска новых правовых режимов, появления новых субъективных прав и свобод человека и гражданина, нуждающихся в регулировании, и многое другое). Сохраняется и даже усиливается множество технических и технологических проблем, связанных с развитием цифровой экономики [9, с. 55]. В связи с этим возрастает значение методов правового регулирования, причем они должны быть достаточно гибкими и обеспечивать оперативную возможность формирования системы способов, приемов и средств реагирования на новые вызовы, должна развиваться система принципов правового регулирования, имплементироваться (системно, локально или точечно) технические, этические, организационные и иные нормы и т.д. [9, с. 55-58]. В этой связи возрастает роль комплексного регулирования (технического, правового, этических аспектов) связанного с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники [3].

Необходимо признать, что вопросы публично-правового регулирования в научных исследованиях изучены недостаточно. Возможно, определенной причиной является то, что деление права на публичное и частное в науке нередко оценивается как условное, поскольку является официальным, государственным и в этом смысле публичным. Законодатель является субъектом публичного права, он определяет содержание норм не только публичного, но и частного права. Следовательно, и частное право зависит от воли законодателя и в этой связи в определенной степени носит публичный характер.

Информационные отношения возникают, изменяются и прекращаются в информационной среде и регулируются нормами специального законодательства. Характерным признаком публично-правового регулирования является императивный метод правового воздействия. Однако для окончательного вывода о том, что же такое публично-правовое регулирование, необходимо развитие правовой доктрины. Тем не менее, полагаем, что основой такого регулирования является способ и метод императивного воздействия на общественные отношения. Безусловно, публично-правовые (государственно-правовые) науки как единая научная специальность в ходе реформы естественно претерпела самые значительные изменения, так как интегрировала целый ряд научных направлений, составляющих традиционные отрасли права. В этой связи сложность определения предмета информационных отношений состоит в том, что право уже имеет определенную структуру своих классических предметных отраслей. Вместе с тем важно, что в процессе цифровой трансформации вопрос о возрастающей роли информационного права особенно актуален и связан с правовым регулированием информационных отношений во всех отраслях права.

Это позволяет утверждать, что значение информационно-правовой науки, ее роли и месте в развитии юридической науки имеет множество междисциплинарных связей буквально со всеми отраслями. Однако, на наш взгляд, при проведении исследований в фокусе внимания находится предметная область общественных отношений (многие отрасли права называются в основном по предметному признаку, как и информационное право). Существование информационного общества основано на обращении информации, при этом правовые проблемы обращения информации исследуются на основе модели информационной среды, сферы производства, преобразования и потребления информации. Под влиянием новых информационных (цифровых) технологий сегодня правовая информация стала особым видом информации, обладающим специфическими свойствами и ценностью для субъектов, что должно обеспечиваться ее актуальностью, достоверностью и доступностью. Именно этим фактором, в значительной степени и определяется ее значимость с развитием конституционно-правовых основ, требований, а также необходимостью модернизации системы законодательства. Однако информация как ключевой объект информационных правоотношений весьма неоднородна. Следует отметить, что споры о правовой природе информации и ее законодательном определении ведутся давно [25]. Поэтому среди приоритетных направлений исследований получили новый импульс вопросы публично-правового регулирования в сфере информации и информационных (цифровых) технологий, архивного дела и защиты информации, в том числе при осуществлении публичной власти и в публичном управлении [10, с. 98]. Это детерминировано многоаспектностью информации как объекта, динамикой развития и особенностями правовых режимов. Необходимо отметить, что в основе правового регулирования информации, ее правовой охраны лежат как частные, так и публичные интересы, возникающие у различных субъектов права. Информация не может быть объектом только гражданских прав, она — объект как публичных, так и частноправовых отношений. Однако имеется определенная дихотомия связей и взаимозависимостей информатики, технологий и права [11, с. 40]. Необходимо отметить, что в юридической литературе отмечалась проблема негибкости правовой системы и отсутствие возможности создание специальных правовых режимов, действующих на основе принципа специальных правил, а не отступления от действующих норм [3, с. 31]. Так, Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [26]. Также, одним из направлений развития информационного права и информационного законодательства в 2022 г. стало принятие мер поддержки отрасли информационных технологий. В соответствии с Указом Президента РФ от 02.03. 2022 г. №83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» [27] появилась необходимость четкого определения, что представляет собой отрасль информационных технологий, и ее комплексное регулирование. Требуется научное осмысление ключевых векторов развития информационного законодательства на основе научного прогнозирования последствий тех или иных законодательных инициатив [11, с. 96]. Следовательно, в условиях цифровизации и цивилизационного кризиса правовая система, естественно, динамично усложняется. В этой связи перенос информационных отношений в цифровую среду требует осмысленной адаптации современного информационного права и законодательства.

В заключение необходимо отметить, что сегодня генезис государственной политики и выделение приоритетов в этой области свидетельствуют о переходе к формированию государственной политики на основе стратегического планирования в области национальной безопасности. В современных реалиях важна выработка новых концептуальных решений к обеспечению информационной безопасности РФ,

требующих реализации защитных мер правового воздействия, правовых средств превентивного и опережающего характера для защиты национальных интересов. Сегодня для достижения цифрового технологического суверенитета необходимо развивать организационно-правовые механизмы анализа защищенности цифровых данных, формировать безопасную цифровую среду, обладающей необходимым уровнем цифровой зрелости. Также ключевым фактором является создание условий для разработки отечественной элементной базы, системного программного обеспечения, средств защиты информации и подготовка квалифицированных специалистов ИТ-отрасли, повышение цифровой и культуры информационной безопасности граждан, формирование условий для развития отечественных стартапов и повышения конкурентоспособности российских организаций, работающих в данной сфере [12].

Список литературы:

1. Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа «цифровая зрелость» / Государство и право № 9. 2021. С.107– 116.
2. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины Российского информационного права в условиях перехода к экономике данных / Государство и право № 9. 2023 С.158–171.
3. Минбалеев А.В. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография/ под общ. ред. А.В. Минбалеев. – Москва: Проспект. 2020. – 224 с.
4. Троян Н.А. Теоретико-правовые вопросы систематизации законодательства. Цифровой или информационный кодекс сегодня необходим в России / Трансформация информационного права: монография /отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. – М.: Институт государства и права РАН, 2023. – 256 с.
5. Полякова Т.А., Троян Н.А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в условиях цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) № 2. 2023. С. 26-33.
6. Полякова Т.А. Трансформация информационного права: монография /отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. – М.: Институт государства и права РАН, 2023. – 256 с.
7. Проблемы информационного права: учебник //коллектив авторов, под ред. Бачило И.Л. Лапина М.А.М.: ЮСТИЦИЯ.2016. С. 34-36.
8. Бачило И.Л. Предисловие к книге «Понятийный аппарат в информационном праве» / Отв. ред. И.Л. Бачило Т.А. Полякова В.Б. Наумов: Кол. монография. М.: ИП РАН Изд. «Канон+РООИ» Реабилитация, 2017. 264 с.
9. Полякова Т.А. Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права: тенденции, проблемы, перспективы / Мониторинг правоприменения № 2 (35) 2020. – С. 53-58.
10. Полякова Т. А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право, 2022, № 9, С. 94-104.
11. Полякова Т. А. Актуальные проблемы развития системы правового обеспечения информационной безопасности в цифровую эпоху / Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) №12.2019. С. 37-44.
12. Полякова Т. А. Троян Н.А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая национальная политика // Правовая политика и правовая жизнь №1. 2024. С. 41-53.
13. Тихомиров Ю.А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии /Журнал российского права. №3. 2013. С. 5-20.
14. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка / новая современная редакция. 2020. 816 с.
15. Бачило И. Л. Государство и право XXI в.: реальное и виртуальное. М.: юрид. Изд.-во «Юркомпани» 2012. 277 с.
16. Капустин, А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение / А.Я. Капустин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 6. — С. 99–108.
17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 27, ч. 2, ст. 5351.
18. Указ Президента РФ от 21. 07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СР.РФ.2020. №30 Ст.4884.
19. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014. № 313 (в ред. от 31.03.2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СЗ РФ.2014. №18 (ч.II), ст. 2159.
20. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostrans

tvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/?ysclid=lulb5p8nqd121910039, (дата обращения: 04.04.2024).

21. Указ Президента РФ от 28.02. 2024 № 145 утверждена «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.04.2024.

22. Форум будущих технологий// <https://future-forum.tech/>, дата обращения 01.04.2024.

23. Итоги Форума будущих технологий «Вычисления и связь. Квантовый мир»// <https://future-forum.tech/media/news/itogi-foruma-budushchikh-tekhnologiy-vychisleniya-i-svyaz-kvantovyy-mir/?ysclid=lugz2mnp215612874>, дата обращения 01.04.2024.

24. Федеральный закон РФ от 20.02. 1995. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (ныне утратил силу) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.03.2024.

25. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

26. Указ Президента РФ от 02.03. 2022 г. №83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.03.2024.

Polyakova T. A., Troyan N.A. Public legal approaches to ensuring state sovereignty in the information sphere // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – Р. 143–151.

The article is devoted to the study of current information and legal issues concerning the importance of state sovereignty under the influence of digital transformation. In the process of research, the authors' attention is drawn to current problems related to issues of sovereignty, information sovereignty of the state, digital sovereignty, scientific and technological development in the Russian Federation. A study of individual theoretical conclusions and provisions of doctrinal significance was carried out, as well as an analysis of a number of strategic planning documents. The authors have established the need to develop new conceptual approaches to ensuring the information security of the Russian Federation, requiring the implementation of protective measures of legal influence, as well as increasing the effective use of legal means to protect national interests. Considering the transition of modern society to digital technologies and the achievement of digital technological sovereignty in modern conditions, in our opinion, it is possible through the development of organizational and legal mechanisms for analyzing the security of digital data, the formation of a safe digital environment with the necessary level of digital maturity.

Key words: state sovereignty, digital sovereignty, information sphere, space, digital transformation, public administration, artificial intelligence, threats, legal regulation.

Spisok literatury:

1. Polyakova T.A., Minbaleev A.V. The concept and legal nature of "digital maturity" / State and Law No. 9. 2021. С.107- 116.
2. Polyakova, T.A.; Minbaleev, A.V.; Krotkova, N.V. Development of the doctrine of the Russian information law in the conditions of transition to the data economy / State and Law No. 9. 2023 С.158- 171.
3. Minbaleev, A.V. Mechanisms and models of regulation of digital technologies: monograph / edited by A.V. Minbaleev. technologies: monograph / edited by A.V. Minbaleev. - Moscow: Prospect.2020. - 224 с.
4. Troyan N.A. Theoretical and legal issues of systematisation of legislation. Digital or information code is necessary in Russia today / Transformation of information law: a monograph / ed. by T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. - 256 с.
5. Polyakova T.A., Troyan N.A. Actual problems of systematisation of Russian legislation under the influence of digital technologies in the conditions of digital transformation // Bulletin of O.E. Kutafin University (MGJA) No. 2. 2023. С.26-33.
6. Polyakova T.A. Transformation of information law: a monograph / ed. by T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. - Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. - 256 с.
7. Problems of information law: textbook //collective of authors, ed. Bachilo I.L. Lapin M.A.M.: JUSTICIA.2016. С.34-36.
8. Bachilo I.L. Preface to the book "Conceptual apparatus in information law" / Edited by I.L. Bachilo T.A. Polyakova V.B. Naumov: Collective monograph. Moscow: IGP RAS Izd. "Kanon+ROOI" Rehabilitation, 2017. 264 с.
9. Polyakova T.A. Influence of digital transformation on the development of information law: trends, problems, prospects / Monitoring of law enforcement No. 2 (35) 2020. - С. 53-58.
10. Polyakova T. A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Main tendencies and problems of development of the science of information law // State and Law, 2022, № 9, P. 94-104.

11. Polyakova T.A. Actual problems of the development of the system of legal provision of information security in the digital era / Bulletin of O.E. Kutafin University (MGJA) No.12.2019. C.37-44.
12. Polyakova T.A. Troyan N.A. Ensuring sovereignty in the information space - a strategic national policy // Legal Policy and Legal Life No.1.2024. C.41-53.
13. Tikhomirov Y.A. Legal sovereignty: spheres and guarantees / Journal of Russian Law. №3. 2013. C.5-20.
14. Ushakov D.N. Big explanatory dictionary of the Russian language / new modern edition. 2020. 816 с.
15. Bachilo I.L. State and Law of the XXI century: real and virtual. M.: juridical izd.-vo "Yurkompani" 2012. 277 с.
16. Kapustin, A. Ya. State sovereignty in cyberspace: international legal dimension / A. Ya. Kapustin // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. - 2022. - Т. 18. - № 6. – С. 99-108.
17. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 № 400 // *Sobr. zakonodatel'nosti Ros. Federation*. - 2021. - No. 27, part 2, article 5351.
18. Decree of the President of the Russian Federation of 21. 07.2020 № 474 "On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" // *SR.RF.2020. No.30 Art.4884*.
19. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014. No. 313 (as amended from 31.03.2021) "On Approval of the State Programme of the Russian Federation "Information Society" // *SR.RF.2014. No. 18 (Part II), Art. 2159*.
20. "Strategies of spatial development of the Russian Federation until 2025" / https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/?ysclid=lulb5p8nqd121910039, (date of circulation: 04.04.2024)
21. Decree of the President of the Russian Federation from 28.02. 2024 № 145 approved "Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation" / Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.04.2024.
22. Forum of future technologies// <https://future-forum.tech/>, circulation date 01.04.2024.
23. Results of the Forum of Future Technologies "Computation and Communication. Quantum World"// <https://future-forum.tech/media/news/itogi-foruma-budushchikh-tekhnologiy-vychisleniya-i-svyaz-quantovyy-mir/?ysclid=lugz2mnxpu215612874>, date of address 01.04.2024.
24. Federal Law of the Russian Federation of 20.02. 1995. No. 24-FZ "On Information, Informatisation and Protection of Information" (now no longer in force) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 06.03.2024.
25. Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ "On experimental legal regimes in the sphere of digital innovations in the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020.
26. Decree of the President of the Russian Federation from 02.03. 2022 № 83 "On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 30.03.2024.

УДК 342.5

**СУДЕБНАЯ СИСТЕМА КАК ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РФ**

Радомский А. Ю.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В работе проведен анализ судебной системы Российской Федерации как ключевого правовой механизма обеспечения охраны и защиты конституционного строя. Анализируются основные принципы и задачи судебной системы, а также ее роль в процессе обеспечения законности и конституционных прав граждан. Актуальность темы обусловлена важностью конституционных норм и принципов для обеспечения стабильности и правопорядка в государстве. В статье анализируются основные положения Конституции РФ, а также законодательные акты, регулирующие вопросы охраны и защиты конституционного строя. Автор исследует понятие конституционного строя, его основные принципы и характеристики, а также проблемы, возникающие в процессе реализации конституционных норм. Особое внимание уделяется роли и статусу Конституционного Суда РФ как высшего органа судебной власти по защите конституционного строя и конституционных прав и свобод граждан. В исследовании также подчеркивается необходимость совершенствования законодательства и практики его применения для обеспечения эффективной охраны и защиты конституционных основ российского государства, предложены пути и способы такого совершенствования, а также отражено их возможное влияние на современную действительность.

Ключевые слова: конституционный строй, судебная система, Конституционный Суд РФ, послание Конституционного Суда РФ, правовая позиция, охрана и защита основ конституционного строя, органы государственной власти, конституционный контроль.

Конституционный строй – это система организации государственной власти, закреплённая в конституции и иных конституционно-правовых актах и регулирующая отношения между государством и обществом, между властью и гражданами. В свою очередь, основы конституционного строя представлены основными принципами, на которых строится и функционирует конституционный строй государства. В числе последних выделяют такие основы, как верховенство закона, равенство всех перед законом, права и свободы человека как высшая ценность, суверенитет народа, федеративное устройство и т.д. Соответственно, основы конституционного строя также обладают важным критерием устойчивости, призванным сохранить фундаментальные аспекты развития российской государственности. Так, на одном из посланий Федеральному Собранию РФ Президент РФ отметил, что в России «могут меняться правящие партии, правительства, президенты, но не должны затрагиваться основы государства и общества, прерываться преемственность национального развития, пересматриваться вопросы суверенитета, обеспечения прав и свобод граждан» [1]. Таким образом, определяется устойчивая связь между выше озвученными категориями и предопределяется роль действующего законодательства, где Конституция РФ является основным законом государства и закрепляет основные принципы и институты государственного устройства. Она гарантирует права и свободы граждан, устанавливает разделение властей и определяет полномочия каждой из них (законодательной, исполнительной и судебной). Тем не менее, несмотря на всю свою значимость, основы конституционного строя не застрахованы от противоправных посягательств, влекущих за собой прямую угрозу для всего российского общества и

государства, что обуславливает необходимость разработки и функционирования комплексных мер по их защите.

Охрана и защита конституционного строя РФ обеспечивается несколькими правовыми механизмами, включая законодательство, судебную систему, правоохранительные органы и гражданское общество. В рамках предыдущего исследования, посвященного анализу подходов и способов правового регулирования, а также актуальных направлений совершенствования институтов самозащиты и защиты основ конституционного строя гражданами РФ и их объединениями [2, с. 95], особое внимание было уделено роли гражданского общества, представляющего собой совокупность общественных организаций, движений и объединений, которые активно участвуют в общественной жизни и способствуют защите конституционных принципов и прав граждан. На текущем же этапе считаем в должной степени актуальным акцентировать внимание на фундаментальной роли судебной системы как правового механизма обеспечения охраны и защиты конституционного строя в России.

Судебная система выступает одним из ключевых элементов обеспечения охраны и защиты конституционного строя, гарантируя соблюдение законодательства и прав граждан. Каждый из вышеперечисленных руководящих принципов, предопределяющих основы конституционного строя России, находит свое отражение в судебной системе и определяет ее деятельность. В целом, вопросы определения статуса и структуры судебной системы РФ являются в должной степени изученными и неоднократно освящаемыми в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых, в связи с чем отсутствует практический смысл в повторном изложении общеизвестных фактов. Однако, отметим, что в части определения места и роли судебной системы как одного из правовых механизмов обеспечения и защиты основ конституционного строя, существует некоторая пробельность, отчасти обусловленная несовершенством действующего законодательства. В связи с вышеизложенным и предопределяется дальнейшая направленность исследования.

Так, судебная система в России достаточно обширна. Она состоит из Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов, военных судов и судов субъектов РФ. Каждый суд имеет свою компетенцию и осуществляет правосудие в соответствии с законодательством Российской Федерации. В совокупной взаимосвязи вся судебная система играет ключевую роль в обеспечении охраны и защиты конституционного строя РФ, а также обеспечивает исполнение законов и иных нормативных актов в соответствии с положениями Конституции, гарантируя их непротиворечивость. Она осуществляет контроль за соблюдением законодательства, обеспечивает защиту прав и свобод граждан, а также способствует реализации фундаментального принципа разделения властей. Также элементы судебной системы (суды) занимаются разрешением споров между гражданами и организациями. Судьи рассматривают жалобы и претензии сторон и выносят решения, которые должны быть исполнены обеими сторонами.

Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным делам и делам об административных правонарушениях. Он осуществляет надзор за деятельностью нижестоящих судов, а также дает разъяснения по вопросам судебной практики. Военные суды рассматривают дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и другими лицами, находящимися на военной службе. Они также осуществляют контроль за законностью и обоснованно-

стью решений, принятых военными прокуратурами и военными следственными органами. Мировые судьи рассматривают дела об административных правонарушениях и гражданские дела, не представляющие особой сложности. Они являются низшим звеном судебной системы и обеспечивают доступность правосудия для граждан.

Представляется возможным выделить следующие основополагающие функции судебной системы, направленные на обеспечение охраны и защиты конституционного строя РФ:

1. контроль конституционности законов и нормативных актов. Суд проверяет соответствие всех принимаемых законов и подзаконных актов Конституции, обеспечивая их соответствие принципам разделения властей, защиты прав и свобод человека, а также другим фундаментальным положениям;

2. разрешение споров о компетенции между государственными органами и ветвями власти. Суды определяют, какой государственный орган или ветвь власти имеет право на принятие определенного решения, и может ли это решение быть принято в рамках соответствующей компетенции;

3. защита прав и свобод граждан. Суды рассматривают жалобы граждан на нарушение их прав и свобод, а также на несоблюдение законов государственными органами. Решения суда могут привести к отмене незаконных решений государственных органов, восстановлению нарушенных прав граждан и применению мер ответственности к виновным лицам;

4. обеспечение исполнения законов. Суды контролируют деятельность правоохранительных органов и других государственных структур с целью обеспечения соблюдения законов и выполнения их требований. В случае выявления нарушений суд вправе применить меры по их устранению и привлечению виновных к ответственности;

5. участие в развитии конституционного права. Суды играют важную роль в толковании и применении конституционных норм, что позволяет обеспечить их соблюдение и защиту прав и свобод граждан.

В целом, выше озвученные функции (с учетом отраслевой специфики) присущи всем звеньям судебной системы. Однако, в рамках изучения роли судебных органов как механизма обеспечения охраны основ конституционного строя, отметим, что наибольшую роль играет Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд РФ – это высший орган судебной власти по защите конституционного строя и конституционных прав и свобод граждан. Он рассматривает дела о соответствии законов и иных нормативных актов Конституции РФ, разрешает споры о компетенции между органами государственной власти, а также проверяет конституционность законов, примененных в конкретном деле, рассматриваемом судом.

Конституционный Суд РФ состоит из 11 судей, назначаемых Советом Федерации по представлению Президента РФ. Председатель Суда и его заместители назначаются на должность Советом Федерации по представлению Президента из числа судей Конституционного Суда РФ сроком на 6 лет.

В соответствии с положениями ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» в перечень полномочий Конституционного Суда входит разрешение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов и иных

нормативных актов (в том числе не вступивших в силу международных договоров РФ), разрешение споров о компетенции между органами государственной власти разных уровней, осуществление толкования Конституции РФ, формирование заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента РФ и т.д. [3]. Исходя из приведенных положений, напрашивается вывод об обширности полномочий Конституционного Суда РФ, а также подтверждается его ключевая роль как ведущего органа власти по защите основ конституционного строя России. Тем не менее, необходимо понимать, что сам факт наличия Конституционного Суда в государстве не является однозначной гарантией защиты и охраны конституционного строя.

В подтверждение вышеуказанной мысли приведем позицию профессора кафедры конституционного и административного права Н.А. Бобровой, которая утверждает, что гарантии конституционного строя являются одним из ключевых моментов для обеспечения стабильности и порядка в государстве. При этом не сам орган конституционного контроля, а именно факт наличия института юридической безответственности Конституционного Суда (который выражается в его независимости) играет ключевую роль в обеспечении этих гарантий [4].

Независимость Конституционного Суда РФ позволяет ему принимать решения на основе Конституции и законов, не испытывая давления со стороны других государственных органов или политических сил. Указанное обеспечивает объективность и справедливость судебных решений, что является ключевым фактором для поддержания и защиты конституционного строя.

Однако, отметим, что юридическая безответственность Конституционного Суда не является безграничной. В некоторых случаях, решения Конституционного Суда могут быть спорными, а также вызывать недовольство среди населения или политических элит. В таких ситуациях, независимость Суда может стать причиной конфликтов и разногласий, которые могут угрожать стабильности государства.

Ярким примером подобного конфликта интересов стало Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2020 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области». Так, предметом спора выступило положение Закона субъекта РФ о перечне мест, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций. Решение Суда в части признания ст. 3.4 Закона Самарской области не соответствующей Конституции Российской Федерации (ст. 31, 55 (ч. 3), 71 (пункты «в», «м»), 72 (п. «б» ч. 1) и 76 (ч. 2)) [5] столкнулось с ярко негативной реакцией российской объединенной демократической партии «Яблоко»: «Конституционный Суд РФ своим постановлением ... фактически отменил право на свободу собраний ... Мы заявляем об абсолютной неприемлемости решения Конституционного суда, которое не только радикально расходится с его же ранее заявленной позицией, ... но и уничтожает свободу мирных собраний в России...» [6].

Не соглашаясь с суждением политической партии, однако, отметим, что подобные реакции, истолковываемые как выражение политического недоверия Конституционному Суду, являют собой иллюстрированный пример дестабилизации общественно-правового сознания в государстве. В связи с чем, для обеспечения баланса

между независимостью Конституционного Суда и его ответственностью перед обществом, в некоторых странах существуют механизмы контроля и надзора за деятельностью высших органов защиты конституционного строя. Так, например, в США, где Верховный Суд США принял на себя функцию проверки законов с точки зрения их соответствия Конституции, существует сложная система апелляций и проверок, которые позволяют пересмотреть решение суда на разных уровнях.

В других странах, таких как, например, Германия (ФРГ), решения Конституционного суда могут быть обжалованы в международных судах, таких как Европейский суд по правам человека (ст. 267 Договора о функционировании ЕС). В РФ решения Конституционного суда считаются окончательными и не могут быть обжалованы, они обязательны для всех органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и отдельных лиц (ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1). Однако, несмотря на подобное ограничение, остается возможность внесения корректировок и трансформации правовых позиций Конституционного Суда РФ в качестве механизма обеспечения законности и справедливости.

Одним из способов корректировки правовых позиций Конституционного Суда является внесение изменений в действующее законодательство: например, путем принятия новых законов, а также подзаконных актов, не противоречащих Конституции РФ, которые учитывали бы и развивали идеи и принципы, заложенные в решениях Конституционного Суда. Данный механизм олицетворяет легальные методы органов законодательной власти по осуществлению возможностей в части внесения корректив в решения Конституционного Суда, адаптируя их к постоянно изменяющимся условиям и требованиям.

Кроме того, Конституционный Суд вправе сам пересмотреть свои предыдущие решения, если это необходимо для устранения юридических недочетов или разногласий. В этом случае, Суд может принять новое решение, которое будет отличаться от предыдущего, но будет основано на тех же принципах и правовых позициях (ст. 82 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1).

Таким образом, возможность корректировки или трансформации правовых позиций Конституционного Суда обеспечивает гибкость и адаптивность правовой системы к изменяющимся общественным отношениям и условиям. Однако, для обеспечения стабильности и предсказуемости судебных решений, а также для предотвращения юридических ошибок и разногласий, как видится, необходимо развивать систему пересмотра решений Конституционного Суда и обеспечить право обжалования его решений.

Отметим, что в 2021 г. был принят важный нормативный акт, определяющий такое новое основание для пересмотра судебного решения (нижестоящих инстанций), как наличие постановления Конституционного суда РФ. Данным Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2021 № 473 было определено, что с момента принятия указанного акта в случае, если та или иная норма будет признана неконституционной, то данный факт является основанием к массовому пересмотру судебных решений, которые были приняты на основе этой нормы. Конституционный Суд РФ может потребовать от судов пересмотреть свои решения по положениям новой нормы, которая заменит неконституционную норму.

В целом, для развития системы пересмотра решений Конституционного Суда необходимо провести реформу судебной системы, которая бы учитывала особенности российской правовой системы. Такая реформа должна быть основана на принципах независимости судов, состязательности равноправия сторон, а также на обеспечении доступа к правосудию для всех граждан.

Представляется возможным сформулировать несколько путей развития. В качестве одного из возможных решений можно предложить создание специализированного органа, в чьи полномочия входил бы пересмотр решений Конституционного Суда в связи с новыми обстоятельствами. Данный орган может состоять из судей Конституционного Суда, которые ранее не принимали участия в рассмотрении данного дела, а также из экспертов в области права.

В правовой доктрине также можно встретить точку зрения о возможности создания апелляционных и кассационных судов для пересмотра решений Конституционного Суда РФ по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, что позволило бы обеспечить большую прозрачность и объективность при пересмотре решений, а также предотвратить возможные юридические ошибки и разногласия. Однако, в данном аспекте следует согласиться с мнением М.Ю. Ковярова: «Что касается создания внутригосударственной системы обжалования решений Конституционного Суда РФ, то здесь мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью внесения поправок как минимум в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде», а то и в Конституцию РФ. Учитывая всю слабость правовых институтов России, отсутствие прочных правовых традиций и, напротив, богатую историю силового разрешения противоречий, лучше не торопиться с такими преобразованиями, несмотря на то, что они продиктованы благими намерениями» [7].

Помимо института юридической безответственности, участие Конституционного Суда в механизме защиты основ конституционного строя реализуется посредством иных полномочий, в том числе путем: осуществления конституционного контроля (в части рассмотрения дел о соответствии Конституции РФ законов и иных нормативных актов); разрешения споров о компетенции между органами государственной власти; толкования конституционных норм; повышения уровня правосознания и правовой культуры граждан России, что является общей задачей всех органов государственной власти и институтов гражданского общества.

Так, Конституционный Суд РФ играет важную роль в системе органов государственной власти. Он является гарантом соблюдения законности и защиты прав граждан в России. Однако пробельным, как видится, на текущий момент остается вопрос касательно порядка реализации функций осуществления конституционного контроля и разрешения споров о компетенции между органами государственной власти. В частности, речь идет о таком ныне неиспользуемом полномочии Конституционного Суда РФ как обращение с посланием к Федеральному Собранию РФ.

Так, до момента принятия поправок к Конституции РФ 2020 г. ч. 3 ст. 100 была предусмотрена возможность совместного заседания палат Федерального собрания РФ для заслушивания посланий Конституционного Суда РФ. После вступления в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» совместное заседание палат стало возможным лишь для заслушивания посланий Президента РФ.

Послание Конституционного Суда РФ представляло собой документ, который выражал официальную позицию высшего судебного органа власти и уведомлял об этой позиции высший законодательный орган. В Послании могли быть отражены требования к определенным субъектам, однако последние не являлись обязательными к исполнению, соответственно такое послание не имело силы правового акта. Однако Конституция РФ до поправок 2020 года обязывала палаты Федерального Собрания выслушать данное послание.

Несмотря на неоднозначный статус послания, председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в одном из своих ранних интервью отмечал, что послание «... в существующей конституционно-правовой системе ... имеет исключительный характер... То есть по своему предназначению институт послания Конституционного суда наиболее органичен либо в ситуации конституционного кризиса, либо в условиях нарастания системных проблем конституционного правопорядка...» [8]. Данный ответ был реакцией на поступивший в 2013 г. в Государственную Думу РФ законопроект, обязывающий Конституционный Суд РФ обращаться с посланием к Федеральному Собранию РФ раз в 5 лет. Отметим, что данный акт так и не был принят, т.к., по мнению законодателя, в нем содержались вопросы, касающиеся самой процедуры подготовки и заслушивания указанного послания, что непосредственно затрагивает порядок внутренней деятельности Конституционного Суда РФ и не должны регулироваться отдельным законом.

В конечном итоге положения о послании Конституционного Суда РФ были упразднены как в законе о Конституционном Суде РФ, так и в самой Конституции РФ. Мы не в полной мере согласны подобными реформами.

Как уже неоднократно упоминалось, защита основ конституционного строя осуществляется государством в лице его органов и должностных лиц, где Конституционный Суд РФ играет особую роль. Эта роль исполнима лишь посредством реализации возложенных на Суд полномочий, которые позволяют ему выступать в качестве независимого и справедливого защитника положений первой главы Конституции РФ. А, как отмечал судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев: «послания Конституционного Суда — это свидетельство того, что между органами законодательной и судебной власти в условиях действия принципа разделения властей должны присутствовать элементы взаимодействия, партнерства» [9].

Таким образом, несмотря на достаточно редкое использование института посланий Конституционного Суда РФ высшему законодательному органу власти (наиболее яркий пример – послание 5.03.1993 «О состоянии конституционной законности в Российской Федерации», где было уделено особое внимание основной угрозе конституционному строю России, а именно: «усиливающейся конфронтации законодательной и исполнительной властей, в стремлении каждой из них получить односторонние преимущества»), видится необходимость в возрождении данного полномочия Конституционного Суда РФ, доступного хотя бы в рамках необходимости реализации экстренных мер защиты конституционного строя нашего государства.

Условно данные акты представляется возможным разделить на две тематические разновидности: послание о состоянии конституционной законности в России; иные послания, определяемые целями функционирования Конституционного Суда РФ.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим следующее. Судебная система РФ представляет собой сложный и многоуровневый правовой механизм, обеспечи-

вающий охрану и защиту конституционного строя страны. Конституционный суд играет ключевую роль в судебной системе России как действенный механизм обеспечения охраны и защиты конституционного строя РФ. Он контролирует соответствие всех законов и нормативных актов Конституции, рассматривает споры о компетенции между различными органами власти, а также защищает права и свободы граждан. Однако на сегодняшний день данный механизм назвать совершенным не представляется возможности. Указанные законодательные пробелы, а также недостатки подходов к функционированию правозащитных институтов требуют своевременного и оперативного реагирования, в том числе в пределах направлений развития, предложенных нами в контексте настоящего исследования. Считаем, что предложенные реформы позволят оказать благоприятное влияние на решение еще одной острой для современного отечественного правового поля проблемы – неисполнения решений Конституционного Суда в правоприменительной деятельности. Ведь, как показал анализ конституционно-правовых аспектов совершенствования правоприменительной деятельности, проведенный Секретариатом Конституционного Суда РФ на основе его решений, «в ряде случаев имеет место недостаточное понимание этого, что ведет к ненадлежащему исполнению предписаний Конституционного Суда и, как неизбежное следствие, к повторному рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства, казалось бы, уже разрешенных правовых проблем» [10].

Список литературы:

1. Послание Президента Федеральному собранию от 12 декабря 2012 г.: 2 декабря 2012 г.: в Конституции общенародная ответственность за Родину перед нынешними и будущими поколениями провозглашается. – URL: https://dzen.ru/a/YPilXBY_M2Y7qcLY
2. Радомский, А. Ю. Правовое регулирование и актуальные направления совершенствования институтов самозащиты и защиты основ конституционного строя гражданами Российской Федерации и их объединениями / А. Ю. Радомский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 95-103.
3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/?ysclid=ltctixcn4o917042290
4. Боброва, Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект конституционной ответственности / Н.А. Боброва // Правоприменение. 2020. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rossiyskoy-federatsii-kak-subekt-konstitutsionnoy-otvetstvennosti>
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2020 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» в связи с жалобой граждан Н.П. Барановой, А.Г. Круглова и Д.И. Сталина». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354312/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=lte6coqsvi443798013
6. Решения бюро: Конституционный суд против конституционных прав граждан. – URL: https://www.yabloko.ru/Resheniya_Byuro/2020/06/10/?ysclid=lte6ageo1p64519718
7. Ковяров, М. Ю. К вопросу о возможности обжалования решений Конституционного Суда РФ / М.Ю. Ковяров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. №24 (735). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-obzhalovaniya-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rf>
8. Зорькин В.Д. Путь права требует разума, воли и ответственности (интервью) / В.Д. Зорькин // Интерфакс. 2013. 11 дек. – URL: <https://www.interfax.ru/interview/346291?ysclid=ltfqyz3jl210271548>
9. Омаров, С.М. Основные проблемы реализации послания Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации / С.М. Омаров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-realizatsii-poslaniya-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-federalnomu-sobraniyu-rossiyskoy-federatsii>

10. Информация Конституционного Суда Российской Федерации: Конституционно-правовые аспекты совершенствования правоприменительной деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2016–2018 годов) // подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspektsKS_2018.aspx

Radomsky A.Y. The judicial system as a legal mechanism for ensuring the protection and protection of the constitutional system of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 152–160.

The paper analyzes the judicial system of the Russian Federation as a key legal mechanism for ensuring the protection and protection of the constitutional system. The main principles and tasks of the judicial system are analyzed, as well as its role in the process of ensuring the rule of law and constitutional rights of citizens. The relevance of the topic is due to the importance of constitutional norms and principles for ensuring stability and law and order in the state. The article analyzes the main provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as legislative acts regulating the protection and protection of the constitutional order. The author explores the concept of the constitutional system, its basic principles and characteristics, as well as problems arising in the process of implementing constitutional norms. Special attention is paid to the role and status of the Constitutional Court of the Russian Federation as the highest judicial authority for the protection of the constitutional order and constitutional rights and freedoms of citizens. The study also highlights the need to improve legislation and the practice of its application to ensure effective protection and protection of the constitutional foundations of the Russian state, suggests ways and means of such improvement, and reflects their possible impact on modern reality.

Keywords: constitutional system, judicial system, Constitutional Court of the Russian Federation, message of the Constitutional Court of the Russian Federation, legal position, protection and protection of the foundations of the constitutional system, public authorities, constitutional control.

Spisok literatury:

1. Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu ot 12 dekabrya 2012 g.: 2 dekabrya 2012 g.: v Konstitucii obshhenarodnaya otvetstvennost' za Rodinu pered ny'neshnimi i budushhimi pokoleniyami provozglashaetsya. – URL: https://dzen.ru/a/YPiXBY_M2Y7qcLY
2. Radomskij, A. Yu. Pravovoe regulirovanie i aktual'ny'e napravleniya sovershenstvovaniya institutov samozashchity i zashchity osnov konstitucionnogo stroya grazhdanami Rossijskoj Federacii i ix ob`edineniyami / A. Yu. Radomskij // Ucheny'e zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 2. – S. 95-103.
3. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ (red. ot 31.07.2023) «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/?ysclid=ltctixcn4o917042290
4. Bobrova, N.A. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii kak sub`ekt konstitucionnoj otvetstvennosti / N.A. Bobrova // Pravoprimerenie. 2020. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rossiyskoj-federatsii-kak-subekt-konstitutsionnoj-otvetstvennosti>
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 04.06.2020 № 27-P «Po delu o proverke konstitucionnosti stat'i 3.4 Zakona Samarskoj oblasti «O poryadke podachi uvedomleniya o provedenii publichnogo meropriyatiya i obespechenii otdel'nyx uslovij realizacii prav grazhdan na provedenie publichnyx meropriyatij v Samarskoj oblasti» v svyazi s zhaloboj grazhdan N.P. Baranovoj, A.G. Kruglova i D.I. Stalina». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354312/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=lte6coqsvi443798013
6. Resheniya byuro: Konstitucionnyj sud protiv konstitucionnyx prav grazhdan. – URL: https://www.yabloko.ru/Resheniya_Byuro/2020/06/10/?ysclid=lte6ageo1p64519718
7. Kovyarov, M. Yu. K voprosu o vozmozhnosti obzhalovaniya reshenij Konstitucionnogo Suda RF / M.Yu. Kovyarov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2015. №24 (735). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-obzhalovaniya-resheniy-konstitucionnogo-suda-rf>
8. Zor`kin V.D. Put` prava trebuet razuma, voli i otvetstvennosti (interv`yu) / V.D. Zor`kin // Interfaks. 2013. 11 dek. – URL: <https://www.interfax.ru/interview/346291?ysclid=ltfqyz3jl210271548>
9. Omarov, S.M. Osnovny'e problemy realizacii poslaniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii / S.M. Omarov // Pravo. Zhurnal Vysshiej shkoly ekonomiki. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-realizatsii-poslaniya-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoj-federatsii-federalnomu-sobraniyu-rossiyskoj-federatsii>
10. Informaciya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: Konstitucionno-pravovy'e aspekty sovershenstvovaniya pravoprimeritel'noj deyatel'nosti (na osnove reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii 2016–2018 godov) // podgotovlena Sekretariatom Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. – URL: https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspektsKS_2018.aspx

УДК 342

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ И ПРЕДЕЛАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Радомский Ю. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В данной статье рассматривается вопрос об основаниях и пределах конституционно-правовой ответственности Федерального Собрания Российской Федерации. Автором был проанализирован зарубежный контекст функционирования конституционных норм, регулирующих ответственность законодательного органа на примере стран постсоветского пространства (Россия и Латвия), а также рассмотрены изменения в этой сфере, происходившие в законодательстве Российской Федерации. Работа содержит аргументированный анализ законодательства, судебной практики и теоретических подходов к проблеме конституционно-правовой ответственности Федерального Собрания. Основная мысль статьи заключается в том, что эволюция правового статуса и ответственности парламента отражает динамику развития конституционной системы страны и подчеркивает необходимость постоянного совершенствования законодательства в этой области. Автор выделяет сложности и противоречия, возникающие при определении оснований и пределов ответственности законодательного органа, и предлагает пути их преодоления.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, высший законодательный орган власти, Федеральное Собрание РФ, депутаты Государственной Думы РФ, сенаторы Российской Федерации, смешанная республика, Конституционный Суд РФ.

Конституционно-правовая ответственность является важным элементом института правовой ответственности в целом. При этом данная категория также является и сравнительно молодой разновидностью юридической ответственности: отечественными правоведами конституционно-правовая ответственность достаточно длительное время не признавалась в принципе. Соответственно, отстаивалась точка зрения и об отсутствии категории «санкция» в конституционно-правовых нормах в целом. На сегодняшний день, безусловно, данный подход претерпел кардинальные изменения. Процесс прошел несколько взаимосвязанных стадий: 1) отрицание факта существования конституционно-правовой ответственности и санкций; 2) признание наличия конституционно-правовой ответственности, санкции за наступления которой устанавливаются смежными правовыми отраслями (гражданское, уголовное, административное право); 3) признание существования санкции конституционно-правовой нормы.

Значительный вклад в развитие института конституционно-правовой ответственности внесла сформировавшаяся судебная практика, в частности, акты Конституционного Суда РФ. Так, например, в Определении Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 472-О было установлено, что «необходимость следования при объявлении амнистии общеправовым принципам, обязательным в демократическом обществе, не ставит под сомнение закрепленное в статье 103 (пункт «е» части 1) Конституции Российской Федерации исключительное дискреционное полномочие Государственной Думы, поскольку изначально только она одна, исходя из всей полноты возложенной на нее конституционной ответственности, ... уполномочена объявлять амнистию...» [1].

При этом необходимо учитывать, что, несмотря на ее признанность, конституционно-правовая ответственность является уникальной разновидностью ответственности, с присущими ей характерными чертами. Так, например, в конституционно-правовой ответственности вина не является обязательным элементом. Конституционно-правовая ответственность обычно наступает за нарушение норм конституционного права, даже если нарушитель действовал безвиновно. Однако в некоторых случаях вина может быть учтена при определении размера наказания или при принятии решения о привлечении к ответственности. В частности, если нарушение было совершено по неосторожности или в результате небрежности, то вина может повлиять на степень определяемой ответственности. «Шон Д.Т. обосновывает данное утверждение тем, что конституционная ответственность — это ответственность за ненадлежащее осуществление публичной власти и требование обязательного наличия вины в совершении конкретного правонарушения сузило бы диапазон ее применения и исказило бы социальное назначение данного вида ответственности» [2].

Также своего рода особенностью признаются возможные субъекты конституционно-правовой ответственности, перечень которых очень обширен и включает в себя, помимо самого государства, также высших органов и должностных лиц государственной власти, граждан и т.д. В контексте настоящего исследования считаем актуальным провести правовой анализ специфики и пределов конституционно-правовой ответственности одного из менее изученных в отечественной правовой доктрине, но, тем не менее, функционально значимых субъектов, а именно – российский парламент (Федеральное Собрание РФ). Актуальность данного направления обусловлена данными, полученными исходя из анализа общего количества и целевой направленности большинства доктринальных работ в рамках указанного направления. Обзор теоретико-исследовательской базы позволяет сделать вывод, что в современной науке внимание уделено, преимущественно, вопросам ответственности Президента РФ и государства в целом, в то время, как деятельность высшего законодательного органа власти остается недостаточно изученной.

Во избежание двусмысленности, в рамках настоящего исследования под конституционно-правовой ответственностью предлагаем понимать «вид юридической ответственности, призванный осуществить защиту важнейших сфер отношений, выраженный в наличии совершенного субъектом, обладающим конституционной правосубъектностью, правонарушения в связи с невыполнением либо ненадлежащим выполнением данным субъектом своих конституционных обязанностей, либо злоупотреблением своими конституционными правами, в результате чего наступают неблагоприятные последствия личного, организационного и/или имущественного характера для правонарушителя, проявляемые в форме применения мер государственного принуждения» [3, с. 178]. Данная дефиниция была разработана нами ранее и с учетом выделенных существенных признаков анализируемого явления.

Так, Федеральное Собрание РФ – это законодательный орган власти высшего уровня, обладающий внушительным объемом полномочий. Преимущественно парламент РФ занимается принятием законов и регулированием деятельности государства. В России сформировалась система двухпалатного парламента – федеральный парламент состоит из верхней и нижней палат, именуемых Советом Федерации и Государственной Думой соответственно.

Отметим, что в современной отечественной законодательной системе отсутствует единый акт, определяющий правовой статус Федерального Собрания РФ. В отношении каждой из палат парламента разработан и принят федеральный закон:

- Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.12.2020 № 439;

- Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20 (в частности, статья 101, закрепляющая норму отсылочного характера: «Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах депутатов Государственной Думы устанавливается федеральными законами» [4]).

Также в качестве вспомогательных актов используются регламенты палат – акты, которые определяют порядок работы и процедуры внутри законодательного органа. Они устанавливают правила для проведения заседаний, принятия решений, формирования комитетов и подкомитетов, а также определяют обязанности и права членов каждой из палат и ответственность за ненадлежащее исполнение возложенных на них функций. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 44 Регламента Государственной Думы РФ: «В случае отсутствия депутата Государственной Думы на заседании палаты без уважительной причины ... в отношении его устанавливается ответственность в виде уменьшения размера ежемесячных выплат...» [5].

Вышеуказанные правовые источники в их неразрывной взаимосвязи позволяют говорить о наличии института конституционно-правовой ответственности высшего законодательного органа власти. Однако, вместе с тем, некая разобщенность правовых норм, а также не структурированность анализируемых групп правоотношений обуславливает необходимость в дополнительной систематизации анализируемого правового явления.

Так, в наиболее общем виде представляется возможным разграничить институт конституционно-правовой ответственности Федерального Собрания РФ в зависимости от контролирующего субъекта. В этом отношении выделяют две категории: ответственность парламента РФ перед населением и ответственность перед государством (как системообразующим субъектом).

Ответственность парламента России перед населением заключается в обеспечении принятия качественных и своевременных законов, регулирующих жизнь граждан и общества в соответствии с текущими потребностями и условиями жизни. Более того, Федеральное Собрание РФ также ответственно за контроль над деятельностью исполнительной власти, в том числе, в части формирования правительства, что, безусловно, оказывает прямое влияние на гражданско-правовые интересы. Реализуя в качестве основания критерий сферы влияния деятельности парламента на общественную жизнь, представляется возможным определить следующие категории отношений, во взаимодействии с которыми Федеральное Собрание РФ ответственно перед населением. Среди них: обязанность своевременного реагирования на обращения граждан, предоставления им информации о своей деятельности и обеспечении возможности участия граждан в законотворческом процессе; обеспечение прозрачности и открытости своей работы, в том числе, путем своевременного предоставления информации о заседаниях, принимаемых законах и других аспектах своей деятельности.

Представительные органы власти ответственны, в первую очередь, перед избравшими их гражданами (речь идет как о прямом представительстве населения, так и о представительстве субъектов РФ). Оценку их деятельности дают сами граждане опосредованно – на очередных выборах путем выражения доверия или недоверия депутатам предыдущего созыва.

В свою очередь, перед государством (как системообразующим субъектом) Федеральное Собрание РФ ответственно в следующих пределах: законодательная деятельность: одной из основных задач Федерального Собрания РФ является принятие законов, которые не только призваны обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина, но также способствуют развитию экономики и социальной сферы государства; контроль над исполнительной властью: Федеральное Собрание РФ участвует в реализации контрольных функций за деятельностью правительства, в том числе – посредством утверждения федерального бюджета нижней палатой парламента, а также реализации права на отказ в доверии к правительству; участие в формировании правительства: Федеральное Собрание РФ имеет право утверждать кандидатуру Председателя правительства, предложенную Президентом РФ, а также участвовать в назначении других членов правительства; финансовое регулирование: Федеральное Собрание РФ принимает бюджет, определяет налоги и контролирует исполнение бюджета; избирательная система: Федеральное Собрание РФ отвечает за регулирование избирательной системы, в том числе за разработку законов о выборах, контроле их проведения и подведении итогов; международные отношения: Федеральное Собрание РФ утверждает ратификацию и денонсацию международных договоров, а также участвует в обсуждении вопросов внешней политики.

Конституционно-правовая ответственность Федерального Собрания РФ наступает в случае нарушения или невыполнения данных функций и полномочий. Соответственно, в части дефинитивного толкования отметим, что конституционно-правовая ответственность Федерального Собрания – это юридическая ответственность, предусмотренная Конституцией Российской Федерации за нарушение норм конституционного права, в частности, в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением своих полномочий.

Данная разновидность ответственности Федерального Собрания заключается в возможности применения мер ответственности к его членам и другим участникам за нарушение конституционных норм. Анализируя ответственность парламента, представляется возможным говорить как об ответственности Федерального Собрания РФ в целом, так и его отдельных палат, а также о персональной ответственности депутатов Государственной Думы РФ и сенаторов Российской Федерации. Соответственно, выделяется как индивидуальная, так и коллективная ответственность Федерального Собрания РФ. Тем не менее, такая градация остается весьма условной, поскольку применение коллективной ответственности влечет за собой негативные последствия для индивидуальных субъектов, в то время, как индивидуальная ответственность отдельно взятого субъекта (парламентария) оказывает негативное влияние на весь законодательный орган в целом. В подтверждение озвученной мысли далее раскрываются механизмы применения конституционно-правовой ответственности в различных условиях и последствиях.

Процедура привлечения к конституционно-правовой ответственности зависит от вида ответственности и включает в себя несколько этапов: установление факта

нарушения, возбуждение дела, рассмотрение дела и вынесение решения. На каждом этапе действуют правила и процедуры, установленные законодательством.

Первая анализируемая разновидность ответственности – индивидуальная ответственность депутатов Государственной Думы и сенаторов Совета Федерации. Данная ситуация возникает в случае нарушения депутатом или сенатором своих обязанностей или совершения правонарушения в связи и по поводу исполнения им своих обязательств, в результате чего полномочия такого должностного лица могут быть прекращены по решению соответствующей палаты Федерального Собрания.

В соответствии с положениями ст. 10.1 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» по форме принудительного воздействия конституционно-правовые санкции в отношении депутатов подразделяются на следующие разновидности:

«а) предупреждение;

б) освобождение от должности в Совете Федерации, Государственной Думе ... без прекращения полномочий сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы с лишением права занимать должности в Совете Федерации, Государственной Думе с момента принятия решения о применении к сенатору Российской Федерации, депутату Государственной Думы меры ответственности до прекращения срока их полномочий...» [6].

Анализ приведенной нормы позволяет говорить о, как видится, недостаточном уровне урегулированности института конституционно-правовой ответственности депутатов и сенаторов Федерального Собрания на законодательном уровне. Так, концентрация лишь на двух разновидностях ответственности вне привязки к необходимости раскрытия условий их применимости не в полной мере отвечает нуждам отечественного правового поля.

В целом институт ответственности парламентария является достаточно трудно реализуемым во всех направлениях. Наличие оснований для привлечения депутата или сенатора к, например, уголовной и административной ответственности, напрямую взаимосвязано с институтом неприкосновенности. Последний определяет условие, при котором сенатор Российской Федерации и депутат Государственной Думы могут быть привлечены к уголовной или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, лишь с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации [6].

В целом практика применения индивидуальной ответственности депутата Государственной Думы и сенатора РФ является не слишком распространенной, однако, применимой. Так, 3 августа 2022 г. Московский суд «приговорил депутата Госдумы РФ Вадима Белоусова к 10 годам колонии строгого режима по обвинению в получении взятки в размере 3,25 млрд рублей» [7], соответственно, предварительно лишив данного парламентария депутатской неприкосновенности.

Отметим, что со стороны парламентариев предпринимаются активные действия по совершенствованию анализируемого вопроса. Так, неоднократно вызывали споры положения ст. 4 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ в части регламентации возможности «по досрочному прекращению полномочий сенатора Совета Федерации, депутата Государственной Думы в случаях их поступления на государственную или муниципальную службу, вхождения их в состав органа управления

хозяйственного общества или иной коммерческой организации, осуществления ими предпринимательской или другой оплачиваемой деятельности (кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности), т.е. в связи с нарушением принципа несовместимости. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 27.12.2012 № 34-П в связи с запросом депутатов Государственной Думы РФ однозначно определил, что «пункт «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ не противоречит Конституции РФ» [8].

Исходя из всего вышеизложенного, в целом конституционно-правовые санкции в отношении парламентариев представляется возможным разграничить на следующие категории: 1) досрочное прекращение полномочий и утрата статуса вследствие нарушения принципа несовместимости; 2) лишение полномочий депутата после вступления в силу обвинительного приговора суда (как последствие уголовного преступления); 3) лишение полномочий депутата по причине систематического неисполнения депутатских обязанностей; 4) процедурно-процессуальные санкции (например: лишение права на заседании законодательного органа власти); 5) материальные санкции (сокращение размера заработной платы, лишение премий и т.д.).

Депутат может быть лишен неприкосновенности по решению парламента. При этом, в отличие от депутатов представительного органа местного самоуправления, в отношении федеральных парламентариев неприменима такая санкция, как отзыв депутата избирателями.

От индивидуальной ответственности перейдем к ответственности коллективного типа. Одной из наиболее часто применимых мер конституционно-правовой ответственности российского парламента является реализация процедуры роспуска одной из его палат – Государственной Думы РФ.

Исходя из содержания энциклопедического словаря «Конституционное право России», под роспуском Государственной Думы РФ следует понимать «досрочное прекращение полномочий Государственной Думы по решению Президента РФ и по основаниям, предусмотренным в Конституции РФ» [9]. Основным закон государства закрепляет данные основания в трех статьях: ст. 111 (в случае трехкратного отклонения кандидатур Председателя Правительства РФ Государственной Думой), ст. 112 (в случае трехкратного отклонения Государственной Думой кандидатур заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров) и ст. 117 (в случае повторного выражения в течение трех месяцев Государственной Думой недоверия Правительству РФ) Конституции РФ [10].

Первое, на что неоднократно обращали внимание как правоприменители, так и сам законодатель, это основание роспуска Государственной Думы РФ, предусмотренное ст. 111 Конституции РФ. Данная норма является олицетворением института ответственности Федерального Собрания РФ перед Президентом РФ. Однако, ситуация заключается в следующем: исходя из буквального толкования смысла содержания анализируемой нормы, Президент РФ трижды предлагает кандидатуру Председателя Правительства для его утверждения нижней палатой парламента. В случае его трехкратного отклонения нижней палатой парламента Президент по своему усмотрению назначает Председателя Правительства и распускает Государственную Думу. В ответ на закономерный вопрос депутатов Государственной Думы РФ (в связи с двусмысленностью изложенной нормы) о возможности трехкратного представления одной и той же кандидатуры на должность Председателя, Конституци-

онный Суд РФ вынес Постановление, формирующее однозначную позицию: «Положение части 4 статьи 111 Конституции ... означает, что Президент РФ при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата» [11]. Конституционный Суд РФ обосновывает данную позицию следующим образом: подобный подход к толкованию ст. 111 Конституции РФ определяется целью по обеспечению дальнейшего функционирования Правительства РФ, поддерживаемого Президентом РФ (вопреки позиции Государственной Думы РФ). В свою очередь, такой механизм позволит реализовать превентивные меры в части недопущения возникновения конфликтных ситуаций между Президентом РФ и высшим законодательным органом власти.

Отметим, что, несмотря на продолжительность функционирования данной нормы, разногласия и споры в связи с данным подходом к толкованию продолжают существовать. В частности, показательным является наличие сразу трех особых мнений судей Конституционного суда РФ по поводу принятого решения: Н. В. Витрук, В. О. Лучин и В. И. Олейник. В частности, последний отмечал, что, исходя из целей ст. 111 Конституции РФ, опирающейся на необходимость соблюдения принципа сдержек и противовесов, указанная статья не должна формировать возможность представления Президентом одной и той же кандидатуры Председателя Правительства РФ три раза подряд.

На наш взгляд, В.И. Олейник сформировал правильную, с точки зрения фундаментальных начал, позицию, и именно ее следовало бы придерживаться при применении ст. 111 Конституции РФ. В противном случае, как видится, возникает ситуация, при которой механизм сдержек и противовесов в части взаимодействия Президента, Государственной Думы и Правительства РФ несколько дисбалансируется. Иными словами, лишь обязательность предоставления трех различных кандидатур на должность председателя Правительства может послужить правомерным основанием для роспуска Государственной Думы. Троекратное предложение одной и той же кандидатуры способно оказать чрезмерное давление на мнение парламентариев.

Также в контексте анализа проблематики роспуска нижней палаты парламента РФ как конституционно-правовой санкции возникает еще один вопрос, касающийся ответственности Государственной Думы РФ за свои действия перед населением. Как уже было упомянуто ранее, отечественной правовой системе неизвестен институт отзыва населением депутатов Государственной Думы РФ. Соответственно, отсутствует возможность формирования инициативы в части роспуска палат Федерального Собрания РФ для его рассмотрения на референдуме, о чем законодатель прямо говорит в рамках ч. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5 «О референдуме Российской Федерации». Возникает закономерный вопрос: должны ли граждане иметь прямую возможность роспуска органа законодательной власти, который они сформировали. В данном контексте представляется возможным обратиться к зарубежному опыту.

Так, конституционное право Латвийской Республики пошло по собственному пути развития, характеризуемому как архаичный: содержательно Основной закон страны с точки зрения юридической техники был позаимствован из Конституции Латвийской Республики 1922 г. В данном государстве функционирует однопалат-

ный парламент – Сейм, состоящий из 100 депутатов, избираемых латвийцами раз в 4 года. Для Латвии характерна парламентская форма правления, где принцип разделения властей хотя и соблюдается, однако механизм сдержек и противовесов функционирует в несколько видоизмененном формате, так как правительство как высший исполнительный орган власти формируется парламентом и ответственно перед ним. Президент Латвии обладает полномочиями по роспуску парламента, однако, преимущественно, в период политического кризиса, и такое право ограничено определенными условиями. Так, в соответствии с положениями главы 3 статьи 48 Конституции Латвии, «Президент государства вправе возбудить вопрос о роспуске Сейма. После этого должно состояться народное голосование. Если в ходе народного голосования больше половины его участников выскажется за роспуск Сейма, то Сейм считается распущенным...» [12].

Соответственно, в целом подобный механизм является реализуемым. Однако, необходимо учитывать следующее: «в самой Латвии парламентскую форму правления образно именуют «сеймократией» или правлением «100 царей» ... установление режима парламентской республики в условиях превосходства на политической арене одной партии лидерского типа создает угрозу авторитаризма и формирования так называемой «министерской формы правления» [13]. В настоящее время в Российской Федерации установлена республиканская форма правления смешанного типа с сильной властью Президента, в то время, как в Латвийской Республике отмечается наличие сильного законодательного органа. Как видится, в последнем случае наличие полномочий у населения по решению вопроса касательно роспуска парламента является логичным и действенным механизмом реализации принципа разделения властей, в то время, как в РФ данный конституционно-правовой механизм возможной ответственности в должной степени гармонично входит в полномочия главы государства.

Подводя итог проделанной работе, отметим следующее. Вопрос об основаниях и пределах конституционно-правовой ответственности Федерального Собрания РФ тесно связан с эволюционной проблематикой, поскольку предполагает анализ динамики развития и изменений в системе государственной власти.

В контексте эволюции, ответственность Федерального Собрания РФ основывается на принципах законности, справедливости, равенства и соразмерности. Это означает, что действия или бездействие Федерального Собрания должны соответствовать нормам Конституции РФ, а также законодательству и иным правовым актам.

Пределы конституционно-правовой ответственности определяются рамками полномочий Федерального Собрания, которые установлены Конституцией РФ и законодательством. Например, Федеральное Собрание имеет право принимать законы, утверждать бюджет, контролировать деятельность исполнительной власти и т.д. Однако эти полномочия не являются неограниченными, и существуют определенные ограничения, установленные Конституцией и законодательством, которые Федеральное Собрание должно соблюдать.

Эволюционная проблематика в данном контексте заключается в том, что с течением времени могут происходить изменения в законодательстве, политической ситуации и общественных отношениях, что может потребовать корректировки полномочий и ответственности Федерального Собрания. В качестве примера ранее были проанализированы два дискуссионных момента: возможность трехкратное предло-

жения одной и той же кандидатуры Председателя Правительства для его утверждения Государственной Думой, а также целесообразность наличия у граждан права роспуска высшего органа законодательной власти в стране. Последний вопрос в значительной степени зависит от политико-правовой ситуации в государстве.

Для обеспечения эффективности и стабильности системы государственной власти необходимо постоянное взаимодействие между всеми ветвями власти, включая Федеральное Собрание. Важно, чтобы все участники процесса понимали свои обязанности и ответственность, а также были готовы к изменениям и адаптации к новым условиям.

Таким образом, конституционно-правовая ответственность Федерального Собрания РФ в контексте эволюционной проблематики предполагает постоянный анализ и корректировку полномочий и ответственности в соответствии с изменяющимися условиями и требованиями времени.

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 N 472-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Приходько Павла Юрьевича на нарушение его конституционных прав Постановлениями Государственной Думы от 20 апреля 2005 года «Об объявлении амнистии в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» и «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов»». – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20122005-n/?ysclid=lsu6cjm26f597345955>
2. Кучура, П. И. К вопросу об основаниях конституционно-правовой ответственности / П. И. Кучура. – Текст : непосредственный // Государство и право: теория и практика : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). – Т. й0. – Чита : Издательство Молодой ученый, 2013. – С. 20-23.
3. Радомский, Ю. А. Институт конституционно-правовой ответственности: дефинитивная пробельность и перспективы практической применимости / Ю. А. Радомский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 2. С. 172-182.
4. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/?ysclid=lt2mtvt98y761165733
5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.98 № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». – URL: <https://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/?ysclid=lt2nmatgaj116094074>
6. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/
7. Тасс.ру: Что известно об уголовном деле в отношении депутата Госдумы Вадима Белоусова. – URL: <https://tass.ru/info/15386055?ysclid=lt2ypknwjz132327793>
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139990/
9. Энциклопедический словарь «Конституционное право России». — М.: Юридическая литература. В.И. Червонюк, И.В. Калинин, Г.И. Иванец. 2002. – URL: https://constitutional_law_russia.academic.ru/577ysclid=lt4a97iaht70816978
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21423/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/?ysclid=lt4bam6bnn886610195
12. Конституция Латвийской Республики: принята 5 февраля 1922 года на общем заседании Учредительного Собрания Латвии. – URL: <https://lvportals.lv/www/raksti/LVPORTALS/KRIEVU.PDF>
13. Худолей К.М. Формы правления зарубежных стран бывшего Советского Союза / К.М. Худолей, Д.М. Худолей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №41.

Radomsky Yu.A. On the issue of the grounds and limits of the constitutional and legal responsibility of the Federal Assembly of the Russian Federation in the context of evolutionary issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 161–170.

This article examines the issue of the grounds and limits of the constitutional and legal responsibility of the Federal Assembly of the Russian Federation. The author analyzed the foreign context of the functioning of constitutional norms regulating the responsibility of the legislative body on the example of the post-Soviet countries (Russia and Latvia), and also considered the changes in this area that took place in the legislation of the Russian Federation. The work contains a reasoned analysis of legislation, judicial practice and theoretical approaches to the problem of constitutional and legal responsibility of the Federal Assembly. The main idea of the article is that the evolution of the legal status and responsibility of parliament reflects the dynamics of the development of the country's constitutional system and emphasizes the need for continuous improvement of legislation in this area. The author highlights the difficulties and contradictions that arise in determining the grounds and limits of responsibility of the legislative body, and suggests ways to overcome them.

Keywords: constitutional and legal responsibility, supreme legislative authority, Federal Assembly of the Russian Federation, deputies of the State Duma of the Russian Federation, senators of the Russian Federation, mixed Republic, Constitutional Court of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.12.2005 N 472-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Prikhod`ko Pavla Yur`evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav Postanovleniyami Gosudarstvennoj Dumy` ot 20 aprelya 2005 goda «Ob ob`yavlenii amnistii v svyazi s 60-letiem Pobedy` v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941 - 1945 godov» i «O poryadke primeneniya Postanovleniya Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii «Ob ob`yavlenii amnistii v svyazi s 60-letiem Pobedy` v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941 - 1945 godov». – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-20122005-n/?ysclid=lsu6cjm26f597345955>
2. Kuchura, P. I. K voprosu ob osnovaniyax konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / P. I. Kuchura. - Tekst : neposredstvennyj // Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika : materialy` II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita, mart 2013 g.). - T. 10. - Chita : Izdatel'stvo Molodoj uchenyj, 2013. – S. 20-23.
3. Radomskij, Yu. A. Institut konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti: definitivnaya probel`nost` i perspektivy` prakticheskoy primenimosti / Yu. A. Radomskij // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 2. – S. 172–182.
4. Federal'nyj zakon «O vy`borax deputatov Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» ot 22.02.2014 № 20-FZ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/?ysclid=lt2mtvt98y761165733
5. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya RF ot 22.01.98 № 2134-II GD «O Reglamente Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii». – URL: <https://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/?ysclid=lt2nmatgaj116094074>
6. Federal'nyj zakon ot 08.05.1994 № 3-FZ (red. ot 31.07.2023, s izm. ot 27.11.2023) «O statuse senatora Rossijskoj Federacii i statuse deputata Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/
7. Tass.ru: Chto izvestno ob ugolovnom dele v otnoshenii deputata Gosdumy` Vadima Belousova. – URL: <https://tass.ru/info/15386055?ysclid=lt2ypknwjjz132327793>
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.12.2012 № 34-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta «v» chasti pervoj i chasti pyatoj stat'i 4 Federal'nogo zakona «O statuse chlena Soveta Federacii i statuse deputata Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» v svyazi s zaprosom gruppy` deputatov Gosudarstvennoj Dumy`».
9. E`nciklopedicheskij slovar` «Konstitucionnoe pravo Rossii». — M.: Yuridicheskaya literatura. V.I. Chervonyuk, I.V. Kalinskij, G.I. Ivanecz. 2002.
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lt4arybt9o227583898
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.12.1998 № 28-P «Po delu o tolkovanii polozhenij chasti 4 stat'i 111 Konstitucii Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21423/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/?ysclid=lt4bam6bnn886610195
12. Konstituciya Latvijskoj Respubliki: prinyata 5 fevralya 1922 goda na obshhem zasedanii Uchreditel'nogo Sobraniya Latvii. – URL: <https://lvportals.lv/wwwraksti/LVPORTALS/KRIEVU.PDF>
13. Xudolej K.M. Formy` pravleniya zarubezhny`x stran by`vshego Sovetskogo Soyuza / K.M. Xudolej, D.M. Xudolej // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2018. №41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-pravleniya-zarubezhnyh-stran-byvshego-sovetskogo-soyuza>

УДК 342.7

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ (ОТРАСЛЕВЫХ)
УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Рыбалко С. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В данном исследовании проведена работа по анализу проблем и перспектив функционирования института специализированных (отраслевых) уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Раскрыты основные задачи и сферы деятельности данной категории уполномоченных, а также их роль в обеспечении и защите прав и свобод человека на региональном уровне. На примере конкретных субъектов федерации изучена текущая ситуация и дана оценка распространимости института регионального уполномоченного в России. Особое внимание уделено вопросам координации деятельности отраслевых уполномоченных с региональными органами государственной власти и институтом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В статье исследуются перспективы дальнейшего развития института специализированных уполномоченных и его роль в формировании эффективного механизма защиты прав человека на региональном уровне в России. Акцентировано внимание на необходимости реформирования всего законодательного массива в регулируемой сфере деятельности. Аргументирована необходимость в индивидуальном подходе к регламентации правового статуса отраслевых уполномоченных по правам человека в рамках специализированных нормативных актов.

Ключевые слова: отраслевой уполномоченный по правам человека регионального уровня, омбудсмен, права и свободы граждан, региональное нормотворчество, субъекты РФ, законодательная инициатива, средства охраны и защиты.

Институт уполномоченных по правам человека представляет собой важный элемент глобальной системы защиты прав и свобод граждан. Он призван обеспечивать контроль за соблюдением прав и свобод человека в различных сферах жизни, а также способствовать их охране и защите. Данный институт стал незаменимым и, в значительной степени, востребованным правовым механизмом современной России. И, несмотря на отсутствие нормативно закреплённого требования об обязательном наличии уполномоченных по правам человека на уровне субъектов федерации, абсолютному большинству регионов в РФ известен данный институт с точки зрения правоприменительного взаимодействия.

В Российской Федерации институт уполномоченных по правам человека появился и начал функционировать с 1997 г. При том, должность «уполномоченного в субъекте РФ возникла в 1996 г., за два года до избрания в 1998 г. федерального Уполномоченного, после учреждения региональными законами данных должностей в Республике Башкортостан и Свердловской области» [1]. Изначально законодателем была регламентирована должность исключительно Уполномоченного федерального уровня. Предполагалось, что все субъекты федерации отреагируют на данное нововведение с должной степенью активности и смогут перенять предложенный опыт. Однако, на практике ситуация сложилась несколько иначе. Несмотря на инициативность, проявленную Республикой Башкортостан и Свердловской областью, остальные субъекты не проявили подобного стремления: процесс значительно

затянулся, к началу 2000-х (ориентировочно к 2008 году) должность уполномоченных по правам человека на уровне субъекта РФ была введена лишь в 44 регионах. Тем не менее, в последующем тенденция была подхвачена и распространена.

За более чем 25-летний период существования анализируемого механизма сформировался ценнейший опыт, продемонстрировавший истинную значимость института Уполномоченного. Последняя заключается в том, что Уполномоченный по правам человека стал способом «очеловечивания» государственных органов власти, в частности, исполнительной, выразившийся в реальной возможности взаимодействия человека с властным субъектом, обеспечивающим защиту его нарушенного права. Уполномоченный по правам человека представляет собой независимого государственного служащего, который осуществляет контроль за соблюдением законодательства в области прав человека и принимает меры по восстановлению нарушенных прав. При этом, исходя из положений ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 18.03.2020 № 48, «деятельность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека и гражданина, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод» [2].

Полноценное внедрение института уполномоченного по правам человека субъекта РФ в вертикаль государственных правозащитников произошло относительно недавно. При этом определен его статус и положение во взаимосвязи с федеральным Уполномоченным, как независимое, не предполагающее механизма прямого соподчинения. Также частью 3 статьи 16 Федерального закона от 18.03.2020 № 48 установлено, что наличие факта подачи жалобы региональному омбудсмену не лишает заявителя права на обращение с аналогичной жалобой к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации.

В рамках предыдущего исследования, посвященного анализу конституционно-правового статуса и проблем функционирования государственного правозащитного института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации, была разработана и сформулирована классификационная градация форм и пределов конституционного (уставного) и подзаконного регулирования института уполномоченных, действующих на уровне субъектов федерации, которая включила в себя «следующие модели: 1) модель подзаконного регулирования (в тексте Основного закона субъекта отсутствует упоминание должности Уполномоченного); 2) модель конституционного (уставного) регулирования посредством перечислительного подхода в раскрытии ключевых органов в области защиты прав и свобод человека»; 3) модель федерального типа (должность Уполномоченного ... в нормативном акте субъекта РФ упоминается лишь посредством регламентации полномочий представительного органа субъекта федерации); 4) модель отсылочного типа (основной нормативный акт субъекта обуславливает возможность принятия Закона этого же субъекта об учреждении должности уполномоченного); 5) модель фиксированной нормы (отдельная статья (ряд статей) в конституции (уставе) субъекта РФ)» [3, с. 213].

Благодаря проведенному анализу напрашивается вывод об отсутствии единства подходов среди субъектов РФ в части оценки уровня значимости института уполномоченных по правам человека регионального уровня. Тем самым становится бо-

лее очевидным наличие еще одного доктринального спора, оказавшего влияние и на практическую плоскость: присутствует ли необходимость в наличии специализированных (или т.н. отраслевых) уполномоченных по правам человека в субъектах федерации?

Институт специализированных уполномоченных по правам человека является важным механизмом защиты прав и свобод граждан в субъектах Российской Федерации. Данная категория уполномоченных призвана осуществлять правозащитные функции в различных узких сферах общественной жизни, таких как трудовые правоотношения, деятельность, связанная с защитой прав детей, работа с наиболее уязвимыми группами населения и т.д. Отраслевые уполномоченные занимаются мониторингом и анализом ситуации в подконтрольных им сферах, проводят консультации с гражданами, представляют интересы граждан перед государственными органами и организациями, а также участвуют в разработке и реализации мер по улучшению защиты прав человека.

Важность этого института заключается в том, что специализированные уполномоченные, ввиду их узкой направленности, способны более глубоко вникать в специфику конкретной отрасли и оказывать более эффективную помощь гражданам, что позволяет решать проблемы и защищать права граждан в разных сферах жизни на более квалифицированном уровне. Однако, несмотря на всю свою значимость, данный институт сталкивается с рядом проблем и вызовов, как общецелевого (а нужен ли данный институт в принципе?), так и прикладного характера.

О роли специализированных уполномоченных в России неоднократно выражал свою точку зрения В.П. Лукин, находившийся на должности Уполномоченного по правам человека федерального уровня в период с 2004 по 2014 гг. При том, отметим, что Владимир Петрович отзывался о таком «нововведении» в крайне негативном аспекте. Так, в своем докладе от 2007 года он определил институт отраслевых уполномоченных как пример типичного негативного зарубежного опыта. В Докладе Уполномоченного утверждается, что «... чем больше «отраслевых» и иных омбудсменов топчется на одной и той же национальной площадке, тем объективно ниже авторитет, влияние, а значит, и эффективность каждого из них» [4]. Также в пользу выше озвученной мысли В.П. Лукин говорит о неделимости прав человека, что, соответственно, предопределяет отсутствие необходимости в спецификации правозащитных моделей.

На наш взгляд, подобная точка зрения на сегодняшний день является несколько не актуальной. Во-первых, в отсутствие необходимости оспаривать мысль о неделимости человеческих прав, тем не менее, отметим, что бесспорным является утверждение о значительном разнообразии сфер жизнедеятельности современного человека, каждая из которых порождает для него правовые последствия в виде предоставления прав и наложения соответствующих обязанностей. Более того, признанным подходом является тенденция к градации прав, выделяющих такие категории, как личные, социальные, политические, экономические и культурные права, что подтверждено законодателем в рамках конституционного регулирования.

Во-вторых, также не представляется возможным согласиться с мыслью о таком негативном последствии формирования «отраслевых омбудсменов», как потеря авторитета институтом Уполномоченного по правам человека в целом. Как уже говорилось ранее, наличие узкопрофильной направленности, напротив, позволит не

только повысить качественный уровень взаимодействия правозащитника с гражданами, но и сформирует представление для самих граждан о присуждаемых им правах и эффективных способах их защиты.

Более того, отметим, что ныне действующий Уполномоченный по правам человека РФ Татьяна Николаевна Москалькова выразила свою поддержку функционированию института отраслевых уполномоченных в России, в целом определив их как перспективный механизм балансировки института уполномоченного. При этом, Т.Н. Москалькова отмечает: «Крайне важно, чтобы институт уполномоченного по правам человека не растаскивался, а оставался цельным. Поэтому я считаю, что можно создавать и другие институты — по делам инвалидов, пенсионеров, по делам малочисленных народов, но цельность института должна сохраниться» [5].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что институт специализированных (отраслевых) уполномоченных по правам человека является важным и необходимым составным элементом всего огромного механизма охраны и защиты прав человека в России. Последующее исследование будет реализовано с учетом позиции о необходимости дальнейшего совершенствования анализируемого правового явления. При этом, согласившись с мнением, сформированным Т.Н. Москальковой, определяем направления развития института специализированного уполномоченного с учетом необходимости сохранения его цельности и единства.

Итак, первое, на что хотелось бы обратить внимание — это вопрос об обязательности формирования должности уполномоченного на уровне субъекта РФ. Временно абстрагируясь от категории специализированных уполномоченных того же уровня, отметим, что, исходя из положений ч. 1 ст. 1, а также ч. 1 ст. 5 ФЗ от 18.03.2020 № 48 должность уполномоченных по правам человека в субъектах РФ может быть учреждена на территории соответствующего субъекта посредством регламентации порядка и особенностей деятельности данного должностного лица на уровне конституции (устава) субъекта федерации либо любого иного закона регионального уровня, при условии его не противоречия вышеуказанному Федеральному закону. Формулировка «может» не предполагает императивности анализируемой нормы и оставляет данный вопрос на усмотрение каждого региона в отдельности.

Несмотря на то, что, как показывает практика, субъекты федерации в большинстве своем уже определили правовые особенности положения уполномоченных по правам человека регионального уровня, и, соответственно, ввели данный институт на своей территории, как видится, важным остается вопрос касательно признания обязательности его наличия. Отчасти данный аспект был решен положительно самим законодателем в 2020 году в результате принятия Федерального закона от 18.03.2020 № 48, однако, считаем, что императивность предписаний в данном случае будет являться положительным нововведением, направленным на фундаментализацию правозащитных институтов. Соответственно, часть 1 статьи 1 вышеуказанного акта представляется необходимым изложить следующим образом: «Должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации учреждается в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина ...» [2].

Аналогичный вопрос касается института специализированных уполномоченных. Однако, в отличие от уполномоченного по правам человека субъекта РФ общей направленности, отраслевые уполномоченные не могут быть охарактеризованы как

распространившиеся на территорию каждого региона России. В связи с чем, прежде всего, определим, какие разновидности специализированных уполномоченных известны правовому полю РФ в целом.

Так, на территории России сегодня существуют и функционируют следующие виды уполномоченных: при Президенте по правам ребенка; по правам коренных малочисленных народов; по защите прав потребителей финансовых услуг; по правам предпринимателей; по правам студентов; по вопросам, связанным с ликвидацией нарушений прав предпринимателей при осуществлении регулирования, контроля функционирования и развития Интернета (интернет-омбудсмен) [6].

Первым специализированным уполномоченным, появившимся на территории России, был Уполномоченный по правам ребенка. Данная должность была введена в 2009 г. Указом президента РФ от 1.09.2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при президенте Российской Федерации по правам ребёнка». Указанным актом была сформулирована рекомендация об учреждении органами государственной власти субъектов Российской Федерации должность уполномоченного по правам ребенка регионального уровня [7]. В целом, данная рекомендация была соблюдена: по состоянию на начало 2024 г. данная должность учреждена в 88 субъектах федерации, в том числе в границах новых территорий (за исключением Херсонской области) [8]. Также вакантной на текущий момент остается должность Уполномоченного по правам ребенка в Республике Тыва.

Уполномоченные по правам ребенка в субъектах РФ являются независимыми государственными органами, которые занимаются защитой прав и интересов детей на региональном уровне. Они назначаются и освобождаются от должности органами власти соответствующего субъекта, и действуют в рамках своих полномочий, определенных законодательством РФ и региона. Анализируя положения актов субъекта РФ на примере Республики Крым, а именно Закона Республики Крым от 25.08.2014 г. № 57-ЗРК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым», отметим, что в перечень основных задач данной категории, уполномоченных включают: мониторинг и анализ ситуации с соблюдением прав детей в регионе; рассмотрение обращений и жалоб от детей, их родителей или опекунов; участие в разработке и реализации региональных программ и мероприятий по защите прав детей; взаимодействие с органами власти, общественными организациями и гражданами для обеспечения защиты прав детей и т.д.

«Для реализации стоящих перед Уполномоченным задач и обеспечения его деятельности создается аппарат Уполномоченного» [9]. Уполномоченные по правам ребенка могут посещать образовательные учреждения, детские дома, интернаты и другие организации, где находятся дети, для проверки условий их содержания и обращения с ними. Они также могут обращаться в суд в защиту прав детей, если это необходимо. Важно отметить, что уполномоченные по правам ребенка не заменяют собой работу других органов и организаций, занимающихся защитой прав детей, а дополняют их деятельность, обеспечивая независимый и объективный контроль за ситуацией.

Относительно молодым институтом является сфера деятельности уполномоченных по правам предпринимателей в субъектах РФ. Последние активно формировались во временном промежутке с 2012 по 2016 г. Уполномоченные по правам предпринимателей в каждом субъекте Российской Федерации играют важную роль в за-

щите интересов малого и среднего бизнеса. Они являются независимыми государственными служащими, которые следят за соблюдением законодательства и предотвращением коррупционных составляющих, совершаемых со стороны государственных органов, а также реализуют действия по оказанию необходимой помощи предпринимателям по решению возникающих проблем. По аналогии с вышеприведенным примером, данные правоотношения урегулированы актом федерального уровня – Федеральным законом «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07.05.2013 № 78, который «определяет правовое положение, основные задачи и компетенцию Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, а также уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации» [10]. Более предметно субъекты федерации определяют правовой статус своих уполномоченных актами регионального уровня. Пример – Закон города Севастополя от 29 декабря 2016 г. № 313-ЗС «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в городе Севастополе», в соответствии с которым в обязанности такого уполномоченного входит: изучение и анализ обращений предпринимателей с жалобами на действия или бездействие государственных органов и должностных лиц; участие в разработке и реализации региональных программ поддержки малого и среднего предпринимательства; проведение консультаций и семинаров для предпринимателей по вопросам защиты их прав и интересов; разработка предложений по совершенствованию законодательства в области предпринимательства и их представление в соответствующие органы власти; осуществление контроля за соблюдением прав предпринимателей при проведении проверок государственными органами и т.д.

Таким образом, уполномоченные по правам предпринимателей играют ключевую роль в создании благоприятной среды для развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне, защищая права и интересы бизнеса от возможных нарушений со стороны государственных органов.

Однако, далеко не все перечисленные разновидности отраслевых уполномоченных получили столь успешное развитие и распространение, а также были удостоены регламентации их статуса на законодательном уровне. Как отмечают в своей работе Р.П. Аминат и Б.М. Шихтимер [6], чьи исследования были посвящены вопросам анализа классификационных подходов к градации отраслевых уполномоченных в России, на сегодняшний день, помимо отсутствия единства в подходах, прослеживается поистине удручающий уровень заинтересованности в данной деятельности. Из тех немногочисленных моделей, приведенных авторами, считаем необходимым обратить внимание на классификацию Р.Ю. Иванова, основанием для видового формирования которого стал вопрос о форме закрепления статуса специализированного уполномоченного, где, помимо закрепления статуса отраслевого уполномоченного на законодательном уровне и уровне подзаконных актов, выделяются также уполномоченные, чей статус не получил официального правового закрепления. Именно эта категория вызывает наибольшие вопросы и трудности в применимости.

Проведенный анализ позволил обратить внимание на следующее. На сегодняшний день, несмотря на очевидную необходимость в развитии правозащитных механизмов особых категорий граждан, законодателем не в полной мере «перекрыты» законодательные пробелы в рамках изучаемого нами института даже на федераль-

ном уровне. Речь идет, например, об отсутствии должного закрепления правового статуса уполномоченных по правам инвалидов, а также уполномоченных по правам военнослужащих в России. Отметим, что в целом прослеживается законодательная тенденция к разработке унифицированных правовых источников в сфере деятельности отраслевых уполномоченных. Однако к настоящему времени оба законопроекта, а именно: Законопроект № 248003-8 «Об уполномоченных по защите прав инвалидов и ветеранов в Российской Федерации» и Законопроект № 211189-8 «Об уполномоченных по защите прав военнообязанных и военнослужащих в Российской Федерации» находятся в статусе «отклонено» с 2023 года. Повторных попыток к внесению на рассмотрение новых законопроектов или актуализации вопроса о повторном рассмотрении ранее разработанных более не предпринималось.

Тем не менее, современные реалии диктуют свои условия и потребности. В частности, именно субъектовый уровень демонстрирует необходимость в проведении законодательных реформ: так, в Законодательное собрание Севастополя внесен законопроект «Об Уполномоченном по защите прав военнослужащих, призванных на военные сборы, мобилизованных по частичной и всеобщей мобилизации в городе Севастополе». Исходя из положений ст. 2 указанного акта, предполагается, что деятельность данного Уполномоченного будет направлена на «обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов военнообязанных и военнослужащих, реализации и соблюдения прав и законных интересов военнообязанных и военнослужащих государственными органами, территориальными органами военного управления, военной прокуратуры, Следственного комитета России, иных правоохранительных органов, специальных служб, органами местного самоуправления и должностными лицами в городе Севастополе» [11]. Законопроект был внесен на рассмотрение 31.10.2022 г., но пока еще не получил должного развития. Как видится, отчасти данная ситуация обусловлена отсутствием прочного законодательного фундамента федерального уровня по анализируемой группе отношений.

Подводя итог проделанной работе, отметим следующее. Функционирование института специализированных (отраслевых) уполномоченных по правам человека в субъектах РФ сегодня в России находится на этапе своего становления. Прослеживаются позитивные тенденции, в том числе попытки к унификации всего законодательного массива с последующим внедрением отраслевых уполномоченных в границы каждого субъекта РФ. Однако, текущее положение дел также характеризуется наличием ряда сложностей, требующим своевременного реагирования.

Среди формально образованных проблем следует выделить, во-первых, низкий уровень информированности граждан о деятельности специализированных (отраслевых) уполномоченных. Как показывает практика, большинство населения не владеет достаточными сведениями не только о существовании такого института в целом, но и о том, какой предусмотрен порядок и способы обращения за помощью к данной категории правозащитников. Во-вторых, прослеживается недостаточный уровень координации между специализированными (отраслевыми) уполномоченными и другими государственными органами. Зачастую возникают ситуации, когда уполномоченные выявляют нарушения прав человека, но не могут эффективно взаимодействовать с другими структурами для их своевременного устранения.

Однако не менее значимыми являются проблемы правового характера, которым было уделено особое внимание. В качестве возможных путей решения представля-

ется возможным предложить активизировать законотворческую деятельность в двух направлениях: федеральный и региональный.

На федеральном уровне очевидна необходимость в комплексной работе по регламентации правового статуса специальных уполномоченных в зависимости от их отраслевой направленности. В литературе можно встретить точку зрения о необходимости создания единого Федерального закона о статусе отраслевых уполномоченных. На наш взгляд, данный подход сопряжен со значительными трудностями не только для самого законодателя, но и, впоследствии, правоприменителей, которые столкнутся с необходимостью анализа весьма внушительного по объему (с учетом количества направлений деятельности уполномоченных) закона общего характера. Более очевидным и, ввиду наличия приведенных выше законопроектов, близким законодателю представляется подход, суть которого заключается в разработке и принятии ряда специализированных актов о деятельности каждого из отраслевых уполномоченных в отдельности. Что касается регионального уровня, отметим, что в данном направлении субъекты вольны разрабатывать собственные нормативные акты по данной категории правоотношений. Однако, остается актуальной уже упомянутая ранее инициатива и придании институту отраслевых уполномоченных в субъектах РФ статуса императивности. Перспективы развития института специализированных (отраслевых) уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации напрямую зависят от решения вышеуказанных проблем.

Список литературы:

1. Мустафина, Г.А. Конституционный статус Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) / Г.А. Мустафина // Russian Journal of Economics and Law. 2008. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-status-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-subektah-rossiyskoy-federatsii-sravnitelno-pravovoy-analiz>
2. Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347911/
3. Рыбалко, С. В. Уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовой статус и проблемы функционирования государственного правозащитного института / С. В. Рыбалко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 209-218.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год. URL: <https://rg.ru/documents/2008/03/14/doklad-dok.html?ysclid=lsd23ac0fo466658808>
5. Парламентская газета: Москалькова прокомментировала возможность появления отраслевых омбудсменов в РФ. URL: <https://www.pnp.ru/social/moskalkova-prokommentirovala-vozmozhnost-poyavleniya-otraslevykh-ombudsmenov-v-rf.html?ysclid=lsd52jxvm3707382591>
6. Аминат Р.П., Б.М. Шихтимер // Закон и право. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializirovannye-upolnomochennye-po-pravam-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-1>
7. Указ Президента РФ от 01.09.2009 N 986 (ред. от 15.01.2019) «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91194/?ysclid=lslmqjtiw2967331953
8. Уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации : сайт Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <https://deti.gov.ru/Upolnomochenny/subordinate>
9. Закон Республики Крым от 25 августа 2014 г. № 57-ЗРК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым». URL: <https://base.garant.ru/23702084/?ysclid=lslv1i6y1z290863275>
10. Федеральный закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145997/
11. Проект закона города Севастополя № 19/240 "Об Уполномоченном по защите прав военнообязанных и военнослужащих в городе Севастополе". URL:

https://sevkazakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/ii_sozyv_2022/pr_zak_19_240_ot_31_10_2022/tekst_zakonoproekta/?ysclid=lsn10op2jj171553436

Rybalco S.V. Problems and prospects for the functioning of the institute of specialized (industrial) human rights authorizers in the subjects of the Russian federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 171–179.

In this study, work was carried out to analyze the problems and prospects of the functioning of the institute of specialized (sectoral) human rights commissioners in the subjects of the Russian Federation. The main tasks and areas of activity of this category of commissioners are disclosed, as well as their role in ensuring and protecting human rights and freedoms at the regional level. The current situation is studied on the example of specific subjects of the federation and the assessment of the prevalence of the institute of the regional commissioner in Russia is given. Special attention is paid to the coordination of the activities of sectoral commissioners with regional government authorities and the institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. The article examines the prospects for further development of the institution of specialized commissioners and its role in the formation of an effective mechanism for the protection of human rights at the regional level in Russia. Attention is focused on the need to reform the entire legislative body in the regulated field of activity. The need for an individual approach to the regulation of the legal status of sectoral human rights commissioners within the framework of specialized regulations is argued.

Keywords: sectoral commissioner for human rights at the regional level, ombudsman, citizens' rights and freedoms, regional rule-making, subjects of the Russian Federation, legislative initiative, means of protection and protection.

Spisok literaturey:

1. Mustafina, G.A. Konstitucionny`j status Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub`ektax Rossijskoj Federacii (sravnitel`no-pravovoj analiz) / G.A. Mustafina // Russian Journal of Economics and Law. 2008. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-status-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-v-subektah-rossijskoy-federatsii-sravnitelno-pravovoy-analiz>
2. Federal'ny`j zakon ot 18.03.2020 № 48-FZ (red. ot 10.07.2023) «Ob upolnomochenny`x po pravam cheloveka v sub`ektax Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347911/
3. Ry`balko, S. V. Upolnomochenny`j po pravam cheloveka v sub`ektax Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoj status i problemy` funkcionirovaniya gosudarstvennogo pravozashhitnogo instituta / S. V. Ry`balko // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 2. – S. 209–218.
4. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2007 god. URL: <https://rg.ru/documents/2008/03/14/doklad-dok.html?ysclid=lsd23ac0fo466658808>
5. Parlamentskaya gazeta: Moskal`kova prokomentirovala vozmozhnost` poyavleniya otraslevy`x ombudsmenov v RF. URL: <https://www.pnp.ru/social/moskalkova-prokomentirovala-vozmozhnost-poyavleniya-otraslevykh-ombudsmenov-v-rf.html?ysclid=lsd52jxvm3707382591>
6. Aminat R.P., Shixtimer B.M. // Zakon i pravo. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializirovannye-upolnomochennye-po-pravam-cheloveka-v-rossijskoy-federatsii-1>
7. Ukaz Prezidenta RF ot 01.09.2009 N 986 (red. ot 15.01.2019) «Ob Upolnomochennom pri Prezidente Rossijskoj Federacii po pravam rebenka». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91194/?ysclid=lslmqjtiw2967331953
8. Upolnomochenny`e po pravam rebenka v sub`ektax Rossijskoj Federacii : sayt Upolnomochenny`j pri Prezidente Rossijskoj Federacii po pravam rebenka. URL: <https://deti.gov.ru/Upolnomochenny/subordinate>
9. Zakon Respubliki Kry`m ot 25 avgusta 2014 g. № 57-ZRK «Ob Upolnomochennom po pravam rebenka v Respublike Kry`m». URL: <https://base.garant.ru/23702084/?ysclid=lslvli6ylz290863275>
10. Federal'ny`j zakon ot 07.05.2013 N 78-FZ (red. ot 10.07.2023) «Ob upolnomochenny`x po zashhite prav predprinimatelej v Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145997/
11. Proekt zakona goroda Sevastopolya № 19/240 "Ob Upolnomochennom po zashhite prav voennoobyazanny`x i voennosluzhashhix v gorode Sevastopole". URL: https://sevkazakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/ii_sozyv_2022/pr_zak_19_240_ot_31_10_2022/tekst_zakonoproekta/?ysclid=lsn10op2jj171553436

УДК 342.7

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ткачева Н. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье анализируются вопросы, связанные с созданием организационно-правовых, материальных и иных условий, направленных на обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина в условиях особых правовых режимов. Конституционно-правовое законодательство РФ определяет перечень особых правовых режимов, основания и порядок их введения, принципы и цели их функционирования, систему органов публичной власти, наделяемых особыми чрезвычайными полномочиями. Вопросы, связанные с обеспечением и защитой прав и свобод личности, далеко не всегда получают четкой правовой регламентации. Автор указывает, что действие особых правовых режимов в последнее время приобретает особую значимость в виду того, что за последнее десятилетие значительно участились случаи их введения, а потому многие правовые нормы, их регулирующие, сегодня нуждаются в серьезной доработке и совершенствовании согласно вызовам времени. В заключении, автор приходит к выводу о том, что введение особого правового режима всегда должно основываться на установлении разумного, справедливого баланса между публичным и частным интересом. Закрепление за органами публичной власти полномочий, направленных на преодоление или минимизацию последствий, вызванных обстоятельствами, повлекшими введение данного режима, не должно порождать произвол со стороны этих органов в отношении личности. А потому вопросы обеспечения и защиты прав человека в условиях особых режимов должны вызывать интерес не только ученых-конституционалистов, но и законодателей.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, особый правовой режим, механизм обеспечения и защиты, конституционно-правовые ограничения, органы публичной власти.

Актуальность избранной темы определяется тем, что с формально-юридической точки зрения представляется достаточно сложным вопрос, связанный с введением особых правовых режимов (по своей сути ограничительных) и созданием механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в сложившихся условиях.

Исследования, посвященные правам и свободам человека и гражданина, их различным аспектам, от правовой регламентации до реализации и защиты, претендуют на роль «вечных» и вряд ли утратят свою актуальность в ближайшем будущем. Это связано с тем, что общественные отношения в данной сфере очень динамично развиваются, соответственно, институт прав и свобод человека и гражданина находится в непрерывном развитии. К факторам, оказывающим существенное влияние на формирование указанного правового института, можно отнести появление на наших глазах нового «поколения» прав человека, цифровизация всех сфер общественной жизни, в том числе и правовой, а также новые вызовы и угрозы, которые стоят перед обществом и государством в XXI в. Как отмечалось в одном из предыдущих исследований автора «права человека – это не статическая категория, она находится в состоянии перманентного развития, связана с непрерывным расширением набора прав и свобод человека и гражданина...» [1, с. 352-357]. А поскольку изменяется система субъективных прав и свобод личности, трансформации, естественно, должен

подвергаться и механизм их защиты и обеспечения, особенно, если речь идет не о стандартных правовых ситуациях, а об особых или чрезвычайных условиях.

Абсолютной свободы не существует ни в одном государственно организованном обществе, т.к. полная свобода может ущемлять права и свободы других лиц, публичные или общественные интересы, поэтому, вполне обоснованно и объективно в конституционном праве формируется и развивается институт ограничения прав и свобод личности. Примером могут служить нормы, закрепленные в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающие, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свобод других лиц, а также - в ч.3 ст.55, в которой допускаются ограничения только в той мере, в какой это необходимо, помимо прочего «в целях защиты прав и законных интересов других лиц». В конституционном праве это следует рассматривать как пример общей оговорки (клаузулы), когда ограничения касаются всех прав и свобод на основе общих, единых требований.

В науке конституционного (государственного) права этот вопрос является и всегда являлся одним из наиболее сложных и дискуссионных, т.к. должны быть определены те пределы ограничения прав и свобод личности, которые действительно необходимо ввести в условиях особых правовых режимов, за которыми начинается произвол публичной власти, грубые и массовые нарушения прав человека. Еще в начале XX столетия один из выдающихся ученых-правоведов Гессен В.М. в одной из своих монографий «Исключительное положение» отмечал, что «государственная необходимость выше индивидуальной свободы; и если в нормальных условиях государственной и общественной жизни современное государство признает и гарантирует индивидуальную свободу, то в условиях чрезвычайных оно жертвует ею интересам безопасности, а, может быть, и самого существования государства» [2, с. 63].

Институт ограничения прав представляет собой комплексный институт, включающий в себя нормы конституционного (государственного), административного, гражданского и иных отраслей права. Особую значимость приобретают нормы конституционного права, поскольку именно они должны заложить фундамент, четко определить основания и допустимые пределы ограничения прав, те границы возможного поведения субъектов, в рамках которых они должны действовать. Совершенно справедливо в данной связи отмечает Умнова И.А., что «конституционные положения, санкционирующие ограничения прав и свобод должны быть сформулированы и конкретизированы в текущем законодательстве с предельной четкостью и ясностью и в законах должно быть обязательно указано в каких целях, при каких обстоятельствах, в какой степени, в какой форме и каким органом власти допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 12].

В научной литературе можно найти различные подходы к определению понятия «ограничение прав и свобод человека и гражданина». Это представляется достаточно важным, т.к. четко сформулированная теоретико-правовая дефиниция, содержащая сущностные признаки рассматриваемого правового явления, позволяет избежать существенных проблем в процессе правоприменительной деятельности. На наш взгляд, наиболее удачное и полное определение сформулировано в диссертационном исследовании Квитко А.Ф., в котором автор предлагает следующую дефиницию: «Ограничение прав и свобод человека и гражданина это установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином)

нином) прав (свобод), выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства» [4, с. 18].

Ограничение прав и свобод человека и гражданина приобретает особое, специфическое содержание и функционирование в условиях введения особых правовых режимов. В таких случаях весьма важной правовой задачей является обеспечение контроля за органами публичной власти, которые потенциально могут допустить злоупотребление властными полномочиями и незаконно ущемлять человека при реализации его прав. Поэтому, в рамках данной статьи автор полагает, что установление и четкая конституционно-правовая регламентация деятельности органов публичной власти в условиях действия особых правовых режимов, является важнейшей гарантией обеспечения и защиты прав личности. На конституционном уровне в России, как и в подавляющем большинстве зарубежных стран, закреплены два вида особых правовых режимов - чрезвычайное положение и военное положение, хотя на практике применяется больше, чем конституционно закреплено. К ним можно отнести режим контртеррористической операции, режим чрезвычайной ситуации, режим повышенной готовности. Отличительной особенностью каждого из этих режимов является правовая основа и процедура их введения, а также объем ограничительных мер, применяемых в отношении индивидуальных и коллективных субъектов. Помимо этого, у органов публичной власти могут появляться дополнительные полномочия, направленные на устранение или минимизацию последствий тех событий, которые явились основаниями для введения особого правового режима. Ограничения, вводимые в условиях особых правовых режимов, имеют некоторые специфические признаки, что позволяет их отличать от иных ограничений.

Первая особенность заключается в том, что у них особое целевое назначение, т.е. они вводятся для достижения особо значимых целей (ч.1 ст. 56 Конституции РФ такими целями называет безопасность граждан и защиту конституционного строя в условиях чрезвычайного положения; ч.2 ст.87 Конституции РФ называет лишь основания введения военного положения – это агрессия или непосредственная угроза агрессии против Российской Федерации, при этом цели ограничения законодателем не обозначаются, но речь, конечно идет о такой цели введения ограничительных мер в отношении граждан как обеспечение обороны страны и безопасности государства).

Вторая особенность состоит в том, что введение особых государственно-правовых режимов создает специфические условия функционирования всей системы органов публичной власти, а потому наделяет их особыми полномочиями при принятии управленческих решений, что зачастую приводит к ограничению прав, свобод и законных интересов граждан. Именно в данной ситуации должен быть найден баланс между частным и публичным интересом, когда, обладая гипертрофированным объемом полномочий для выхода из создавшейся кризисной ситуации, не было бы допущено злоупотреблений со стороны органов и должностных лиц по отношению к индивиду.

Ограничения, вводимые в период действия особых правовых режимов, должны устанавливаться исключительно законами, регламентирующими особые правовые

режимы. В РФ согласно ст. 56, 87, 88 Конституции и чрезвычайное положение и военное положение вводятся на основе федеральных конституционных законов [5]. Режим контртеррористической операции вводится на основании ФЗ «О противодействии терроризму» [6], режим чрезвычайной ситуации – на основании ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [7].

В данной связи все же необходимо отметить, что, например, режим социальной изоляции, введенный в Российской Федерации в 2020 г. как мера, направленная на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции, регламентировался не законодательными нормами, а нормами подзаконных актов (указ Президента РФ, постановление Главного государственного санитарного врача РФ, акты Роспотребнадзора РФ). Более того, не было введено ни режима чрезвычайного положения, ни даже – чрезвычайной ситуации. В данной связи следует согласиться с мнением Варламовой Н.В. о том, что «введение ограничений прав человека без формального объявления чрезвычайного положения «размывает» конституционный правопорядок» [8, с. 20].

Четвертая особенность рассматриваемых ограничений заключается в том, что их применение лимитируется по времени, в пространстве и по кругу лиц. Это значит, что они носят временный характер, их действие прекращается тогда, когда прекращается действие особого правового режима; они действуют в рамках той территориальной локации, на которую распространяется особый правовой режим и в отношении тех лиц, которые находятся на этой территории. Как отмечает Языкеев С.Н., «такое ограничение всегда является ответом на конкретно выраженную угрозу, т.е. прямую или косвенную возможность нанесения ущерба охраняемым законом ценностям. После нейтрализации угрозы безопасности, необходимость в таком ограничении отпадает по объективным причинам» [9, с. 236].

Специфика таких ограничительных мер состоит и в том, что они являются дополнительными к тем ограничениям, которые уже существуют, предусмотрены в генеральных клаузулах, сформулированных в конституционных текстах.

В настоящее время на территориях четырех вновь присоединенных субъектов Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей) впервые в новейшей истории России введен и действует режим военного положения, поскольку «против территориальной целостности Российской Федерации применяется вооруженная сила» [10]. В одной из своих научных статей Советов И.К. указывает, что «введение военного положения на всей территории России или в ее отдельных местностях осуществляется при наличии не только фактического основания (акт агрессии или непосредственная угроза агрессии против России), но и юридического основания: издание компетентным органом государства специального юридического акта о введении такого вида экстраординарного правового режима, как военное положение» [11, с. 11]. Это создает очень серьезные сложности, связанные с обеспечением и защитой прав и свобод человека и гражданина в новых субъектах. Они в равной мере должны обеспечиваться на всей территории Российской Федерации, вне зависимости от места проживания индивида, что гарантируется ч. 2 ст. 19 Российского Основного закона, и это накладывает на государство бремя создания дополнительных организационных гарантий в условиях действия особого правового режима.

Следует отметить, что сам процесс интеграции новых территорий в состав Российской Федерации, формирование в них органов публичной власти, создание и развитие собственной правовой системы является базовым условием для обеспечения и защиты граждан, проживающих на соответствующих территориях. Примером такой обеспечительной меры является создание военно-гражданских администраций на деокупированных территориях (Харьковская, Херсонская и Запорожская области). Несмотря на временный характер их деятельности, они все же сыграли очень важную роль в деле обеспечения и защиты прав граждан в данной локации. Как отмечает Пасенов А.Н., они «должны были заниматься вопросами восстановления экономики, обеспечения социальной поддержки населения, в том числе выплат пенсий и различных социальных пособий, решением проблем жилищно-коммунального хозяйства» [12, с. 190–194]. Значимость этих органов заключается еще и в том, чтобы заполнить собой образовавшийся на тот момент вакуум власти, т.к. многие представители прежней украинской власти прекратили исполнение своих должностных полномочий и выехали за пределы подконтрольных РФ территорий.

В сентябре 2022 г. в Запорожской и Херсонской областях прошли референдумы о вхождении данных территорий в состав Российской Федерации, начался процесс формирования органов публичной власти в соответствии с российским законодательством, и как следствие, военно-гражданские администрации утратили свою актуальность (на территории РФ осталась только военно-гражданская администрация Харьковской области). Следует отметить, что правовой статус этих органов конституционно не определен до сих пор. Несмотря на временный характер их деятельности, их правовое положение должно быть идентифицировано законодательно, т.к. специальная военная операция еще не закончена и может потребоваться создание подобных чрезвычайных органов на других территориях. Попытка урегулировать статус этих органов предпринималась, однако законопроект был возвращен инициаторам (фракция «Справедливая Россия – За Правду») для доработки. Данная законодательная инициатива была оформлена не в виде самостоятельного нормативно-правового акта, а в качестве закона, вносящего поправки в Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности». Согласно данному акту, временная администрация позиционировалась как «временный орган исполнительной власти, осуществляющий деятельность по обеспечению основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечению безопасности жизнедеятельности населения, поддержанию общественного порядка, обеспечению социальной защиты населения, а также по организации взаимодействия с Вооруженными Силами Российской Федерации» [13].

Анализ указанных функций позволяет сделать вывод о том, что военно-гражданские администрации решали очень важные вопросы повседневной жизни людей, являясь подчас единственным органом власти, деятельность которого сопряжена с обеспечением и защитой лиц, проживающих на соответствующей территории. Иными словами, наличие рассматриваемых органов власти выступает важнейшей общеправовой гарантией, создающей условия для реализации правовых возможностей индивидов.

Конституция РФ в ч.3 ст.56 определяет перечень абсолютных прав и свобод, т.е. тех, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. К числу таких прав относится право на жизнь (ст. 20); достоинство личности (ст. 21); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч.1 ст.23, ст. 24); свобода совести и свобода вероисповедания (ст. 28); право на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности (ч.1 ст.34); право на жилище (ч.1 ст.40); судебнo-процессуальные права-гарантии (ст. 46-54). Указанные выше права, а также некоторые иные конституционные нормы общерегулятивного и конкретного характера необходимы для того, чтобы «не было неоправданных ограничений, произвола, возможности злоупотреблений со стороны властей и должностных лиц» [14, с. 104]. Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что некоторые видные ученые-конституционалисты не признают наличие абсолютных неотчуждаемых прав. Так, например, Хабриева Т.Я. и Чиркин В.Е. отмечают, что «не существует абсолютных прав и свобод, все они могут быть ограничены, но только на основе закона, в пределах, допускаемых конституцией, в соответствии с требованиями международного права и в строго определенных целях, указанных в международных актах» [15, с. 133-134].

Перечень абсолютных прав и свобод является закрытым и не допускает расширительного толкования, однако правоприменительная практика показала, что даже в условиях действия военного положения в ряде субъектов Российской Федерации, гражданам, находящимся на соответствующих территориях, была обеспечена возможность реализовать свои политические права, которые конституционно-правовым законодательством к числу абсолютных не отнесены. В Единый день голосования (10 сентября 2023 г.) в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях были проведены выборы, позволившие сформировать законодательные органы власти этих регионов. Одной из основных задач в ходе проведения электорального процесса было обеспечение безопасности избирателей, поэтому отдельные стадии избирательного процесса проходили с некоторыми особенностями. Стадия назначения выборов требует от Центральной избирательной комиссии РФ согласования предложения, поступившего от высшего должностного лица субъекта, в котором введено военное положение, с органами обеспечения безопасности и обороны (Министерство обороны РФ и Федеральная служба безопасности РФ). Согласно п.«б» ч.3 ст.3 Федерального закона от 29.05.2023 г. № 184 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в том случае, если организация и проведение избирательных мероприятий могут представлять угрозу жизни и безопасности граждан, то Центральная избирательная комиссия может их отложить или принять решение о сокращении сроков избирательных действий [16]. К числу особенностей организации и проведения выборов в условиях особых правовых режимов (военного положения) следует отнести также возможность образования экстерриториальных избирательных участков, т.е. для голосования избирателей могут образовываться избирательные участки за пределами территории субъектов РФ, в которых избиратели могут реализовать свое избирательное право. С 1 по 4 сентября 2023 г. в 81 субъекте РФ действовали 329 экстерриториальных избирательных участков [17].

В результате проведенной избирательной кампании в пределах тех субъектов РФ, где введено и действует военное положение, были сформированы законода-

тельные органы власти (народные советы – в ДНР и ЛНР, законодательные собрания - в Запорожской и Херсонской областях), которые в свою очередь, избрали глав новых субъектов РФ. В связи с этим, важно подчеркнуть, что РФ предприняла все организационные, правовые, материальные и иные усилия, чтобы обеспечить реализацию гражданами новых территорий РФ важнейшего политического права - права избирать и быть избранным. Это позволило сформировать каркас публично-политического механизма, который впоследствии, по окончании действия переходного периода, будет отвечать всем требованиям российского законодательства об основах организации публичной власти в субъектах РФ согласно действующему федеральному закону [18]. А поскольку, согласно ст.18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, сам факт образования данных органов, непосредственное участие в этом процессе граждан, служит важной организационной гарантией реализации тех прав и свобод, которыми должны обладать все граждане Российской Федерации независимо от места жительства и нахождения.

Значимость исследований в данной сфере определяется еще и тем обстоятельством, что правовые нормы, предусматривающие возможность введения особых правовых режимов, имеют относительно небольшую практику применения, а если говорить о военном положении - то оно впервые в новейшей истории России, как отмечалось выше, было введено главой государства после тридцатилетнего действия Основного закона, предусматривающего такую возможность и более двадцатилетнего действия Федерального конституционного закона «О военном положении». Это же, отчасти, касается и чрезвычайного положения, которое вводилось на территории отдельных субъектов РФ в начале 1990-х годов Б.Н. Ельциным.

Согласно российского законодательства, режим военного положения включает в себя целый комплекс различных мер специального характера, направленных на отражение агрессии против РФ или предотвращение ее угрозы. Обеспечивают реализацию данных мер органы государственной власти и органы военного управления. В целях эффективной реализации указанных в законе экстраординарных мер, органы публичной власти наделяются специальными полномочиями, которые должны быть конкретизированы правовыми актами. Примером может служить Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента РФ от 19.10.2022 г. № 756» [19]. Согласно данному документу предусматривается введение специальных режимов функционирования органов исполнительной власти в субъектах РФ, которые подразделяются на группы. В первую группу входят вновь присоединенные субъекты РФ, на их территории действует режим максимального уровня реагирования, во вторую группу включаются восемь субъектов РФ, которые территориально граничат с зоной проведения СВО, в их пределах действует средний уровень реагирования. Все остальные субъекты РФ приведены в режим «повышенной готовности» или «базовой готовности». Каждый из этих режимов предполагает свой комплекс мероприятий, возлагаемый на субъектовые органы власти. Высшие должностные лица субъектов, с учетом текущей ситуации, вправе самостоятельно определять ограничения, подлежащие применению в рамках Указа Президента РФ № 757. При этом следует отметить, что не совсем понятна правовая природа уровней реагирования на вве-

денное военное положение и их нормативное основание. Все эти вопросы должны получить правовое обоснование в ходе дальнейших научных исследований.

Таким образом, современный этап развития общества и государства характеризуется тем, что актуализировались различного рода угрозы и вызовы, как внутреннего, так и внешнего порядка, что приводит к необходимости введения специальных правовых режимов, в рамках которых допускаются отдельные ограничения прав и свобод граждан, а органы публичной власти наделяются специальными полномочиями по устранению или минимизации последствий тех обстоятельств, которые привели к их введению. Установление особого правового режима всегда должно основываться на регламентации разумного и справедливого баланса между публичным и частным интересом, чрезвычайные меры не должны порождать произвол со стороны органов публичной власти в отношении личности, а потому вопросы обеспечения и защиты прав человека в условиях особых режимов должны стать предметом более пристального научного внимания.

Список литературы:

1. Ткачева, Н. А. Тенденции развития основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и зарубежных странах / Н. А. Ткачева // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том I. - Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. - С. 352–357.
2. Гессен В. М. Исключительное положение. - Санкт-Петербург: Юридический книжный склад «Право», 1908. - 410 с.
3. Умнова-Конюхова И. А., Костылева Е. Д. Конституционные ограничения прав и свобод: сравнительно-правовое исследование решений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ: Монография. - Москва: РГУП, 2021. - 295 с.
4. Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. - М., 2007. - 24 с.
5. О военном положении: Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 12.01.2024); О чрезвычайном положении: Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 12.01.2024).
6. О противодействии терроризму: Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 14.01.2024).
7. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 14.01.2024).
8. Варламова, Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку / Н. В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. - 2020. - № 6. - С. 17–30.
9. Языкеев, С. Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России / С.Н. Языкеев // Вестник Костромского государственного университета. - 2022. - Т. 28. - № 2. - С. 233 – 238.
10. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/links/kremlin/> (дата обращения 10.12.2023).
11. Советов, И. К. Правовой режим военного положения в системе обеспечения национальной безопасности России / И. К. Советов // Вестник Прикамского социального института. - 2022. - № 3 (93). - С. 8 - 17.
12. Пасенов, А. Н. Правовой статус военно-гражданских администраций в зоне проведения специальной военной операции / А. Н. Пасенов // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 10-3 (73). - 2022. - С. 190 - 194.
13. О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности: Проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126842-8> (дата обращения: 23.12.2023).

14. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. - Москва: Норма, 2008. - 448 с.
15. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. - Москва: Норма, 2005. - 320 с.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федерального закона от 29.05.2023 № 184-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 12.01.2024).
17. Первые в России. Как проголосовали новые регионы // URL: <http://ria.ru/20230911/vybory-1895578843> (дата обращения: 23.12.2023).
18. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 10.01.2024).
19. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756: Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757 // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/links/kremlin/> (дата обращения 10.12.2023).
20. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 12.01.2024).

Tkacheva N.A. Ensuring fundamental human and civil rights and freedoms under special legal regimes in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 180–189.

The article analyzes the issues related to the creation of organizational, legal, material and other conditions aimed at ensuring fundamental human and civil rights and freedoms under special legal regimes. The constitutional and legal legislation of the Russian Federation defines a list of special legal regimes, the grounds and procedure for their introduction, the principles and objectives of their operation, the system of public authorities endowed with special extraordinary powers. Issues related to the provision and protection of individual rights and freedoms do not always receive clear legal regulation. The author points out that the operation of special legal regimes has recently become particularly important since cases of their introduction have become much more frequent over the past decade, and therefore many legal norms regulating them today need serious revision and improvement in accordance with the challenges of the time. In conclusion, the author concludes that the introduction of a special legal regime should always be based on the establishment of a reasonable, fair balance between public and private interests. The assignment of powers to public authorities aimed at overcoming or minimizing the consequences caused by the circumstances that led to the introduction of this regime should not give rise to arbitrariness on the part of these bodies in relation to the individual. Therefore, the issues of ensuring and protecting human rights under special regimes should be of interest not only to constitutional scholars, but also to legislators.

Keywords: human and civil rights and freedoms, special legal regime, mechanism of provision and protection, constitutional and legal restrictions, public authorities

Spisok literatury:

1. Tkacheva, N. A. Trends in the development of fundamental human and civil rights and freedoms in the Russian Federation and foreign countries / N. A. Tkacheva // Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law. Collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference. In 2 volumes. Volume I. - Simferopol: IT "ARIAL", 2022. - pp. 352-357.
2. Gessen V. M. Exceptional situation. - St. Petersburg: Law book Warehouse "Pravo", 1908. - 410 p.
3. Umnova-Konyukhova I. A., Kostyleva E. D. Constitutional restrictions of rights and freedoms: a comparative legal study of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the ECHR: Monograph. - Moscow: RGUP, 2021. - 295 p.
4. Kvitko A. F. Constitutional and legal foundations of the restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: abstract of the dissertation of the candidate. Jurid. Sciences. - M., 2007. - 24 p.
5. On Martial law: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 30.01.2002 (as amended on 11/22/2023) // Official Internet portal of Legal Information URL: <http://pravo.gov.ru> (date of appeal 12.01.2024); On the state of emergency: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 30.05.2001 (as amended on 11/22/2023) // Official internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 12.01.2024).
6. On Countering Terrorism: Federal Law No. 35-FZ dated 03/06/2006 (as amended on 07/10/2023) // Official Internet Portal of Legal Information URL: <http://pravo.gov.ru> (date of appeal 14.01.2024).
7. On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies: Federal Law No. 68 dated 12/21/1994-Federal Law (as amended on 30.01.2024) // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 14.01.2024).
8. Varlamova, N. V. The COVID-19 pandemic as a challenge to constitutional law and order / N. V. Varlamova // Comparative Constitutional Review. - 2020.- No. 6. - pp. 17-30.

9. Yazykeev, S. N. The legal mechanism for restricting constitutional rights and freedoms of man and citizen in order to ensure security in Russia / S.N. Yazykeev // Bulletin of Kostroma State University. - 2022. - vol. 28. - No. 2. - pp. 233-238.
10. On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions: Decree of the President of the Russian Federation No. 756 dated 10/19/2022 // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru/links/kremlin/> (date of appeal 10.12.2023).
11. Sovetov, I. K. The legal regime of martial law in the system of ensuring national security of Russia / I. K. Sovetov // Bulletin of the Kama Social Institute. - 2022. - № 3 (93). - Pp. 8-17.
12. Pasenov, A. N. The legal status of military-civil administrations in the zone of a special military operation / A. N. Pasenov // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 10-3 (73). 2022. Pp. 190-194.
13. On Amendments to the Federal Law "On the Procedure for the Provision by the Russian Federation of Military and Civilian Personnel to Participate in Activities to Maintain or Restore International Peace and Security: Draft Federal Law // The system of ensuring legislative activity URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126842-8> (date of application: 12/23/2023).
14. Vitruk N. V. General theory of the legal status of the individual. - Moscow: Norma, 2008. - 448 p.
15. Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. Theory of the modern constitution. - Moscow: Norma, 2005. - 320 p.
16. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 184-FZ dated 05/29/2023 // Official Internet Portal of Legal Information URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 12.01.2024).
17. The first in Russia. How the new regions voted // URL: <http://ria.ru/20230911/vybory-1895578843> (date of request: 12/23/2023).
18. On the general principles of the organization of public authority in the subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 414-FZ dated 12/21/2021 (as amended on 12/25/2023) // Official Internet Portal of Legal Information URL: <http://pravo.gov.ru> (date of appeal 10.01.2024).
19. On measures implemented in the subjects of the Russian Federation in connection with the Decree of the President Of the Russian Federation dated 19.10.2022 No. 756: Decree of the President of the Russian Federation dated 19.10.2022 No. 757 // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru/links/kremlin/> (accessed 10.12.2023).
20. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, dated 03/14/2020 No. 1-FKZ) // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 12.01.2024).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – С. 190–197.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
УДК 347.73
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В
СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Бабурин П. М.

Институт экономики, управления и права
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

В статье изучается процесс внедрения исламского банкинга в качестве эксперимента в нескольких регионах России, возникло огромное количество вопросов как относительно правового его регулирования, так и относительно самой природы данного явления. Рассчитанный на два года эксперимент, в случае положительной оценки полученного опыта, может стать началом создания новой финансовой системы и внедрения ее в существующую. Также он подразумевает использование новых банковских продуктов и инвестиционных инструментов и связанные с этим изменения в нормативно-правовых документах. Автором анализируются возможности для внедрения партнерского финансирования в условиях санкционного давления, что позволит России выйти на ранее закрытые или существенно ограниченные рынки арабских стран, а также стран Азии и Африки.

Ключевые слова: исламский банкинг, партнерское финансирование, риба, мудароба, мушараха, та-кафул, исламская экономика.

С сентября 2023 г. на территории 4-х российских регионов, начнется эксперимент по внедрению новой для России финансовой системы – партнерского финансирования или так называемого исламского банкинга. Госдума приняла в окончательном чтении закон [1] об исламском банкинге, в течение двух лет в Татарстане, Башкортостане, Дагестане и Чечне будет апробирован совершенно новый для нас подход к привычным финансовым инструментам.

В декабре 2023 г. один из крупнейших российских банков планирует открытие первого офиса, который будет предлагать банковские услуги, допустимые с точки зрения шариата. По мнению управляющего директора – начальника центра партнерского финансирования и спецпроектов Сбербанка Бехнама Гурбан-Заде, в исламском банкинге нет ничего сложного, просто в России недостаточно практики. Но банк уже профинансировал порядка 6 сделок на 18,5 млрд руб., на очереди сделки еще на 20 миллиардов [2]. В связи с этим экспериментом возникает масса вопросов относительно исламского банкинга. 10 августа 2023 г. в Казани при поддержке Академии наук Республики Татарстан прошел круглый стол «Проблемы и перспективы исламского банкинга в России» [3].

Один из участников мероприятия, по совместительству соавтор законопроекта о партнерском финансировании, депутат Государственной Думы РФ Айрат Фаррахов вспомнил, что вопрос о формировании финансовой системы с учетом интересов мусульманских потребителей банковских услуг поднимался еще 14 лет назад [4]. Однако, тогда Центральный банк РФ высказался категорически против новых правовых конструкций и инвестиционных инструментов. Лишь поддержка, оказанная инициативной группой Президентом России, позволила состояться законопроекту.

Сочетание двух банковских систем существенно расширит возможности для предпринимателей и частных лиц, исповедующих ислам. Также, учитывая современные геополитические условия, внедрение исламского банкинга позволит при-

влекать новых партнеров из числа членов Организации исламского сотрудничества, насчитывающей в своем составе 57 государств. При Организации функционирует Исламский банк развития, являющийся международной организацией, поддерживающей исламскую банковскую систему.

Изучение исламской экономики как отдельного вида экономической системы, содержащей в своей основе религиозные нормы, началось еще в середине прошлого века. Впоследствии было сформировано само понятие исламской финансовой системы [5]. Отечественный исследователь такого явления как исламский банкинг А.Ю. Журавлев предложил собственную трактовку понятия «исламская экономика» [6]. По его мнению, исламская экономика – это система взглядов мусульман на принципы и механизмы организации хозяйственной жизни общества. В чем же заключается особенность финансовых отношений в рамках парадигмы исламского мировоззрения? Во-первых, идея личного обогащения не ставится во главу угла, так как человек не владеет земными благами, а лишь управляет ими. Во-вторых, существуют определенные ограничения на отдельные виды деятельности. В-третьих, запрещены некоторые привычные конструкции, такие как процентные доходы.

Основа исламского банкинга — это свод норм и правил, базирующийся на религиозной доктрине, или шариат. Особенность сделок, заключаемых в рамках исламского банкинга состоит в том, что риски этой сделки разделяются между всеми ее участниками. Другими словами, это партнерское финансирование. В череде мировых финансовых кризисов исламские финансовые организации показали особую стабильность благодаря запрету на рисковую торговлю и использование спекулятивных финансовых инструментов. Самыми распространенными сделками исламских финансовых институтов являются лизинг и рассрочка.

Для ведения финансовой деятельности по нормам шариата организации необходимо одобрение исламских религиозных учителей, которые смогут дать свою оценку соответствия оказываемых услуг нормам ислама. Многие иностранные и международные исламские финансовые организации формируют в своем составе Шариатские советы для внутреннего контроля своей деятельности. Также функционирует ряд исследовательских центров по изучению исламского банкинга, а также обучению в этой сфере.

Изучением такого явления как исламский банкинг занимаются в Малайзии, Дубае, Африке, Бахрейне, Катаре, Иране. Специалисты и сотрудники Международного Центра образования в сфере исламской финансовой системы, Института этики исламских финансов, Исламского финансового института, Исламского центра финансовой деятельности, Центра банковских и финансовых исследований изучают особенности использования финансовых и инвестиционных инструментов в соответствии с правилами Шариата. А специальная комиссия (Совет Шариата) оценивает операции с ценными бумагами в Иране.

К крупнейшим международным организациям, занимающимся вопросами исламского банкинга, относятся Образовательный центр исламских финансов, Центр исламского банкинга и финансового обучения, Исламский Экономический Институт и другие. В таблице 1 представлены крупнейшие исламские банки по результатам исследования, проведенного компанией Alpen Capital, консалтинговой фирмой в области инвестиционного банкинга, работающей в странах Персидского залива, Южной Азии, и Африке [7].

Табл.1 Крупнейшие исламские банки (по размеру активов, млрд. \$)

Al Rajhi (Саудовская Аравия)	126.58
Dubai Islamic (ОАЭ)	78.18
Kuwait Finance House (Кувейт)	70.74
Alinma (Саудовская Аравия)	42.36
Abu Dhabi Islamic (ОАЭ)	34.51
Al Baraka Banking Group (Бахрейн)	28.25
AlJazira (Саудовская Аравия)	24.86
Dukhan Bank (Barwa Bank) (Катар)	23.30
Bank Boubyan (Кувейт)	21.18
Sharjah Islamic Bank (ОАЭ)	14.47

Предлагаемые исламской финансовой организацией услуги имеют сходные конструкции с привычными, однако, обладают рядом особенностей.

И первый вопрос, возникающий в связи с рассмотрением особенностей исламского банкинга это конечно вопрос о кредитовании. Учитывая, что любое процентное вознаграждение (риба) запрещено, не совсем ясно, как же кредитная организация получает прибыль в результате заключения подобной сделки.

Если говорит о кредитовании населения, т.е. об обычном поребительском кредите, то банк закладывает свое вознаграждение в цену необходимого товара.

Стоит отдельно отметить запрет вложений в следующие виды деятельности: переработка не являющегося халяльным мяса животных; любые виды азартных игр или лотерей; производство и реализация табака и алкогольной продукции; организация проституции; порнография (а также деятельность любых СМИ, продвигающих неправильные с точки зрения ислама ценности).

В связи с этим возможности исламских инвесторов очень ограничены в биржевой торговле. По словам Лианы Галиахметовой из ВШЭ: «...Исламское право с осторожностью относится к биржевой торговле, поэтому, например, харамными, то есть запретными, считаются спекуляции с фьючерсными контрактами. Существует ряд индексов, в которые включены компании, соответствующие шариату. Это Dow Jones Islamic Market Index, MSCI World Islamic Index, S&P 500 Sharia, S&P Europe 350 Sharia; S&P Japan 500 Sharia, S&P Pan Asia Sharia, S&P GCC Sharia, S&P BRIC Shariah Index...» [8].

Рассмотрим исламские финансовые инструменты подробнее.

Амана это, по сути, договор текущего счета, или счета до востребования. Банк лишь хранит средства клиента и совершает с ними действия по его требованию, взимая определенную сумму за это. При этом, в случае если собственности хранящейся в банке, нанесен ущерб, сам банк ответственности нести не будет в случае добросовестного выполнения своих обязательств, так доверительный собственник в данном случае не материально ответственное лицо. Является одной из форм привлечения средств, так же, как и кард хасан или беспроцентный займ, который может предоставляться в целях благотворительности.

Классический договор купли – продажи или бай. В соответствии с этим договором одна продавец передает товар покупателю, который должен заплатить за товар и принять его. Его разновидности это бай ас-салам (салам) или договор купли-продажи, при котором сначала уплачивается стоимость товара, а товар поставляется

чуть позже, однако, свойства и характеристики товара утверждены. Можно было бы сравнить этот вид договора с договором контрактации, однако, в исламском праве сделки в отношении еще не существующего товара запрещены (например, покупка-продажа будущего урожая, так здесь есть элемент риска, будет ли урожай и какой). Поэтому здесь необходимо говорить именно об отложенной поставке уже имеющегося товара. Но и здесь есть исключение, а именно *истисна* – договор купли-продажи, предмет которого еще не существует на момент его заключения. По своей природе это договор изготовления вещи под заказ или строительства под заказ. Важным требованием является четкое описание характеристик будущего товара, а также оговоренная цена. Так как здесь нет того элемента риска, как в случае с урожаем, договор считается допустимым. Отличается данный вид договора от бай ас-салам (салам) тем, что в последнем случае выплачивается вся сумма за товар, а само предоставление товара происходит позже, а в случае с истисной оплата происходит по мере изготовления вещи, например, в зависимости от этапа строительства. Следующей разновидностью является договор с отсроченным платежом или бай аджил или бай муаджал. Его суть в том, что покупатель приобретает товар, однако, плату за него вносит позднее самого приобретения. На практике это выглядит следующим образом. Кредитная организация покупает товар, продает его покупателю по цене, превышающей закупочную, а покупатель впоследствии возвращает стоимость товара, как правило, по частям. Сюда же можно отнести и договор *мурабаха*, дословно договор перепродажи, в соответствии с которым цена товара включает прибыль от его реализации.

По сути бай аджил или бай муаджал это ссуда или договор займа, кредитный договор. Но, учитывая запрет на ростовщичество, т.е. получение процентов за кредитование, подобный вид договора относится к договору торговому, это разновидность купли-продажи, и поэтому в исламском банкинге разрешен. Используется данная конструкция, как правило, при покупке движимого имущества. При строительстве или реализации других дорогостоящих проектов используется конструкция бай аль ина, где кредитор покупает у клиента актив, причем оплата происходит немедленно, а потом перепродает ему с отсрочкой платежа [9].

Договору хранения или депозитному договору (если говорить про банковскую сферу) соответствует вадиа, где одна из сторон передает другой собственность на хранение. Расходы, связанные с хранением, ложатся на владельца собственности, однако, лицо, ее сохраняющее должно вернуть вещь по первому требованию покупателя, или его наследникам в случае смерти первоначального собственника. Современными банковскими документами предусмотрено вознаграждение хибба или иной вид благодарности клиенту банка, в виде материального поощрения, который заключил договоры кард, вади аяда дамана или же разместил средства на условиях других депозитных или вкладных операций без выплаты процентов. Так как доходность по этим депозитам банком не гарантируется, то материальная «награда», благодарность, выплачивается банком по своему усмотрению, в зависимости от результатов деятельности [10]. Также работает и кард-аль-хассан или ссуда, предоставляемая банком заемщику, который, в свою очередь, возвращает банку изначально полученную сумму, но по своему усмотрению, может добавить вознаграждение в качестве благодарности. Хибба это своеобразный подарок, благодарность,

при этом риба или заранее установленный процент за пользование денежными средствами, запрещен как ростовщичество. Также классический договор дарения можно назвать хиба, разновидность же договора дарения это табарру, а именно любое безвозмездное предоставление средств по соглашению сторон.

Иджара и иджара ва иктина это договоры близкие договору лизинга. В первом случае это договор лизинга, по условиям которого право собственности на объект лизинга сохраняется у банка, во втором случае договор предусматривает выкуп объекта лизинга по окончании арендного периода.

Рахн это аналог залогового договора на любое имущество, как движимое, так и на недвижимость. Ранее рахн представлял собой задаток при заключении договора, однако современная мусульманская правовая доктрина под термином «рахн» подразумевает залог или заклад [11].

Хавала еще один исламский финансовый инструмент, а именно перевод долга. Является основой системы денежных переводов, однако во многих современных исламских государствах запрещена, так как не подразумевает никакого документального оформления и, следовательно, делает переводы непрозрачными для законодательства. Исходя из достаточно жестких правил исламского банкинга, может сложиться мнение, что в таких условиях инвестиционная деятельность невозможна. Однако, это не совсем так, просто исламская инвестиционная деятельность имеет свои особенности. Здесь необходимо рассмотреть такие понятия как мушарака, мудараба, *рабб ал-мал*, *мудариб* и *сукук*.

Мушарака это исламский аналог договора товарищества, партнерское соглашение. В банковском секторе в соответствии с этим договором банк и клиент или клиенты совместно финансируют какой-либо проект, заранее оговорив свои доли, а убытки распределяются в зависимости от размера вклада в проект той или иной стороны. При этом все партнеры имеют право участвовать в управлении проектом.

Договор мудараба можно сравнить с договором доверительного управления. В соответствии с этим договором *рабб ал-мал* (*рабб-уль-маль*) или собственник капитала, доверяет его *мударибу* или управляющему, обладающему опытом и знаниями для подобного рода деятельности. Существенным условием договора является заранее согласованный порядок распределения прибыли. Собственник капитала может выбрать один конкретный бизнес для своих инвестиций, в таком случае это будет *аль-мудараба аль-мукайяда* или ограниченная мудараба. Либо же он может оставить право выбора бизнеса на усмотрение управляющего, этот тип мудараба называют *аль-мудараба аль-мутлака* или неограниченная мудараба [12].

Договор мудараба отличается от договора мушарака в первую очередь тем, что все участники договора мушарака участвуют в финансировании проекта, а в случае договора мудараба за финансирование отвечает только *рабб ал-мал*. Так же он не имеет права участвовать в управлении самостоятельно, только посредством *мудариба*, в отличие от участников договора мушарака, которые такое право имеют. Так же *рабб ал-мал* несет все убытки как единственный инвестор и владелец капитала в случае провала дела, в то время как стороны договора мушарака несут убытки пропорционально своему вкладу.

Особый интерес представляют и исламские ценные бумаги или *сукук*. Исламская ценная бумага подтверждает наличие права собственности владельца бумаги на

конкретный реальный актив. Так как согласно шариату рибха или процентные начисления запрещены, то доходность данного вида особых облигаций обеспечивается реальной отдачей от реальных активов. При этом инвестиционные объекты должны соответствовать нормам шариата.

С исламским банкингом также тесно связаны такие понятия как *харам*, *гарар* и *майсир*. К первому относятся действия, не соответствующие правилам шариата. Это могут быть как изначально недопустимые с точки зрения ислама действия (например, рибха или ростовщичество), так и безнравственные поступки, правильные по форме, но непорядочные по содержанию, направленные на обман (например, двусмысленный текст в договоре).

Второе понятие обозначает элемент неопределенности относительно предмете договора, невозможность четкого закрепления и последующего выполнения существенных условий договора. В связи с этим многие инвестиционные инструменты современного финансового рынка, такие как, например, фьючерсы или форварды, в исламском банкинге запрещены.

Третье понятие, *майсир*, включает в любые варианты неосновательного обогащения, от азартных игр до традиционного страхования, в связи с чем используется конструкция исламского договора страхования – *такафул*. Эта система основана на принципах солидарности и взаимопомощи, не должна содержать признаков *гарар* или *рибха*, включает в себя обоюдное разделение рисков сторонами. Основная цель исламского страхования состоит в гарантировании рисков участников. Стороны договора исламского страхования могут выступать как в роли тех, кто предоставляет гарантию, так и тех, кому предоставляется гарантия [13].

В практике исламских банков распространены два основных типа инвестиций: первый тип направлен на объединение вкладов банка и клиента посредством сделок участия — «*укуд аль-иштирак*»; второй — на приобретение актива на имя банка и его последующую передачу клиенту в собственность либо пользование посредством совершения возмездных меновых сделок — «*укуд аль-муавадат*» [14].

Исламские финансовые институты могут иметь разные формы. Например, это могут быть полностью исламские кредитные организации, или же это могут быть исламские филиалы либо «исламские окна» с отдельными менеджерами в традиционных кредитных организациях.

Следует подчеркнуть, что принятый законопроект является экспериментом по внедрению исламского банкинга на территории нескольких российских регионов с целью изучения различных путей развития экономики в современных условиях. Эксперимент рассчитан на два года, его территория может быть расширена Правительством РФ по согласованию с Банком России. Минимальный размер чистых активов для участников эксперимента, не являющихся кредитными или некредитными финансовыми организациями, устанавливается на срок 2 года в следующем размере: с 1.09.2023 10 милл. руб., с 1.01.2024 15 мил. руб. Помимо этого, участникам эксперимента запрещено отказывать физическим или юридическим лицам в оказании финансовых услуг исламского банкинга по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Банк России устанавливает правила бухгалтерского учета для участников эксперимента, являющихся кредитными и некредитными финансовыми организациями, Минфин – для остальных организаций, принимающих участие в эксперименте.

Анализируя опыт других стран, где практикуется исламский банкинг, можно сделать вывод о том, что он дополняет традиционную банковскую систему, а объемы исламских активов растут. Глава Татарстана Р. Минниханов в рамках международного экономического саммита «Россия – исламский мир: KazanSummit» заявил: «Сегодня исламская экономика является неотъемлемой частью мировой. Суммарный объем ее активов экспертами оценивается на уровне \$2,9 трлн. К 2024 г. он должен увеличиться до \$3,7 трлн» [15].

В результате проведенного анализа первого опыта внедрения исламского банкинга в российскую банковскую систему, можно сделать следующие выводы: 1) кредитные организации смогут расширить список банковских услуг, предлагаемых клиентам; 2) ведение финансовой деятельности, соответствующей исламским нормам, позволит привлечь новых иностранных партнеров и их инвестиции в российскую экономику; 3) исламский подход нацелен на реальный сектор экономики, обеспечивая не финансовые пузыри, а капитальные вложения, инвестиции в форме капитальных вложений; 4) полноценное функционирование исламского банкинга предполагает ряд изменений в налоговом, банковском и гражданском законодательстве. Необходимость этих изменений или отсутствие таковой должен наглядно продемонстрировать начавшийся двухлетний эксперимент.

Список литературы:

1. Госдума приняла закон об исламском банкинге [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2023/07/19/reg-pfo/gosduma-priniala-zakon-ob-islamskom-bankinge.html> (Дата обращения: 19.01.2024).
2. Мы пять лет с советского банкинга переходили на западный»: что изменит закон об исламских финансах [Электронный ресурс] // <https://www.business-gazeta.ru/article/564447> (Дата обращения: 08.02.2024).
3. Круглый стол «Проблемы и перспективы исламского банкинга в России»: о мероприятии. Сайт Академии наук Республики Татарстан [Электронный ресурс] // <https://tat.center/event/kruglyi-stol-problemy-i-perspektivy-islamского-bankinga-v-rossii> (Дата обращения: 15.02.2024).
4. «Банк России был категорически против»: как Рифкат Минниханов и Ко обсуждали судьбу исламских финансов [Электронный ресурс] // <https://www.business-gazeta.ru/article/603473>.
5. Ярославцева Ю.О. Исламский банкинг на территории Российской Федерации: пути развития // Общество: политика, экономика, право. – №10. – 2018. – С. 68–76.
6. Журавлев А.Ю. Концептуальные начала исламской экономики // Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты. – М. – 2004. – С. 5–37.
7. ISLAMIC FINANCE & WEALTH MANAGEMENT 2021 [Электронный ресурс] // <https://argaamplus.s3.amazonaws.com/86f171a0-dcdc-4a26-b7f1-35345c16f250.pdf>.
8. В России появится исламский банкинг. Что это такое, почему запрещен доход с процентов и какие перспективы [Электронный ресурс] // <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10971107>.
9. Ибадов Э. С., Шмырева А. И. Некоторые аспекты деятельности исламских банков // Идеи и идеалы : Журнал. 2013. Т. 1, № 3(17). – С. 73–78.
10. Справка-обоснование к проекту постановления «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Национального банка Кыргызской Республики». Официальный сайт Национального банка Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // <https://www.nbkr.kg/printver.jsp?item=3526&lang=RUS&material=109669#:~:text=«Вознаграждение%20хиба%20%20вид%20материального.зависимости%20от%20результатов%20деятельности%20банка>
11. Судин Харон, Ван Нурсофиза Ван Азми. Исламские финансы и банковская система. Ассоциация предпринимателей-мусульман Российской Федерации [Электронный ресурс] // <https://apmrf.ru/news/principy-raboty-islamskih-bankov-rahni/> (Дата обращения 30.01.2024).
12. Мудараба – одна из форм инвестирования в Исламе [Электронный ресурс] // <https://islam.ru/content/economica/30922> (Дата обращения: 18.02.2024).

13. Солдатова А.О. Такафул или страхование по-исламски // Проблемы современной экономики. 2012. №7. С. 264-268.
14. Редькин О.И., Рудоквас А.Д., Тенберга И. Инвестиционные технологии исламских банков и перспективы становления беспроцентного банковского сектора в России // Правоведение. 2018. Т.62, № 4. С.692–713.
15. Рустам Минниханов: «KazanSummit» позволяет продемонстрировать исламскому миру широкие возможности российских регионов с мусульманским населением [Электронный ресурс] // <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2087437.htm> (Дата обращения: 13.01.24)

Baburina P. M. Prospects for the development of islamic banking in modern economic conditions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 190–197.

The article studies the process of introducing Islamic banking as an experiment in several regions of Russia; a huge number of questions have arisen both regarding its legal regulation and regarding the very nature of this phenomenon. The two-year experiment, if the experience gained is assessed positively, could become the beginning of the creation of a new financial system and its implementation into the existing one. It also involves the use of new banking products and investment instruments and related changes in regulatory documents. The author analyzes the possibilities for introducing partnership financing under sanctions pressure, which will allow Russia to enter previously closed or significantly limited markets in Arab countries, as well as in Asian and African countries.

Keywords: Islamic banking, partnership financing, riba, mudarabah, musharakah, takaful, Islamic economics.

Spisok literatury:

1. Gosduma prinyala zakon ob islamskom bankinge [Elektronnyy resurs] // <https://rg.ru/2023/07/19/reg-pfo/gosduma-prinyala-zakon-ob-islamskom-bankinge.html> (Data obrashcheniya: 19.01.2024)
2. My pyat' let s sovetskogo bankinga perekhodili na zapadnyy»: chto izmenit zakon ob islamskikh finansakh [Elektronnyy resurs] // <https://www.business-gazeta.ru/article/564447> (Data obrashcheniya: 08.02.2024)
3. Kruglyy stol «Problemy i perspektivy islamskogo bankinga v Rossii»: o meropriyatii. Sayt Akademii nauk Respubliki Tatarstan [Elektronnyy resurs] // <https://tat.center/event/kruglyi-stol-problemy-i-perspektivy-islamskogo-bankinga-v-rossii> (Data obrashcheniya: 15.02.2024).
4. «Bank Rossii byl kategoricheski protiv»: kak Rifkat Minnikhanov i Ko obsuzhdali sud'bu islamskikh finansov [Elektronnyy resurs] // <https://www.business-gazeta.ru/article/603473>
5. Yaroslavtseva YU.O. Islamskiy banking na territorii Rossiyskoy Federatsii: puti razvitiya // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. №10. 2018. S. 68-76.
6. Zhuravlev A.YU. Kontseptual'nyye nachala islamskoy ekonomiki // Islamskiye finansy v sovremenном mire: ekonomicheskiye i pravovyye aspekty . M. 2004. S. 5-37.
7. ISLAMIC FINANCE & WEALTH MANAGEMENT 2021 [Elektronnyy resurs] // <https://argaamplus.s3.amazonaws.com/86f171a0-dcdc-4a26-b7f1-35345c16f250.pdf> (Data obrashcheniya: 04.02.2023).
8. V Rossii poyavitsya islamskiy banking. Chto eto takoye, pochemu zapreshchen dokhod s protsentov i kakiye perspektivy [Elektronnyy resurs] // <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10971107>.
9. Ibadov E. S., Shmyreva A. I. Nekotoryye aspekty deyatel'nosti islamskikh bankov // Idei i idealy : Zhurnal. 2013. T. 1, № 3(17). S. 73-78.
10. Spravka-obosnovaniye k projektu postanovleniya «O vnesenii izmeneniy v nekotoryye normativnyye pravovyye akty Natsional'nogo banka Kyrgyzskoy Respubliki». Ofitsial'nyy sayt Natsional'nogo banka Kyrgyzskoy Respubliki [Elektronnyy resurs] // <https://www.nbkr.kg/printver.jsp?item=3526&lang=RUS&material=109669#:~:text=«Voznagrazhdeniye%20khiba%20%20vid%20material'nogo,zavisimosti%20ot%20rezul'tatov%20deyatel'nosti%20banka.>
11. Sudin Kharon, Van Nursufiza Van Azmi. Islamskiye finansy i bankovskaya sistema. Assotsiatsiya predprinimateley-musul'man Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs] // <https://apmrf.ru/news/principy-raboty-islamskikh-bankov-rahni/> (Data obrashcheniya 30.01.2024).
12. Mudaraba – odna iz form investirovaniya v Islame [Elektronnyy resurs] // <https://islam.ru/content/economica/30922>
13. Soldatova A.O. Takaful ili strakhovaniye po-islamski // Problemy sovremennoy ekonomiki. 2012. №7. S. 264-268.
14. Red'kin O.I., Rudokvas A.D., Tenberga I. Investitsionnyye tekhnologii islamskikh bankov i perspektivy stanovleniya besprotsentnogo bankovskogo sektora v Rossii // Pravovedeniye. 2018. T.62, № 4. S.692–713.
15. Rustam Minnikhanov: «KazanSummit» pozvolyayet prodemonstrirovat' islamskomu miru shirokiye vozmozhnosti rossiyskikh regionov s musul'manskim naseleniyem [Elektronnyy resurs] // <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2087437.htm> (Data obrashcheniya: 13.01.24).

УДК 347.41

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРИРОВАНИИ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Бахриева З. Р.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье обращается внимание на проблему систематизации договорных обязательств, как разновидности обязательственных отношений, регулируемых нормами российского гражданского права. Исследованы доктринальные положения о понятии и видах договорных обязательств с применением системного подхода. Сделан вывод о том, что положения гражданского законодательства об обязательственных отношениях отличаются фрагментарным регулированием и не отражают систему договорных обязательств. Законодательное определение «обязательства» в п. 1 ст. 307 ГК РФ не позволяет увидеть помимо простого основного обязательства иные виды обязательств, составляющие в совокупности целый комплекс взаимосвязанных элементов, именуемый в доктрине «обязательственным правоотношением».

Ключевые слова: системный подход, система обязательств, правоотношение, договор, обязательство, обязательственное правоотношение, договорное обязательство, основное обязательство, простое обязательство, сложное обязательство, вспомогательное обязательство, имущественное обязательство, организационное обязательство, информационное обязательство, дополнительное обязательство.

Общественные отношения регулируются различными отраслями права, что позволяет их классифицировать по отраслевой принадлежности. В частности, говоря об отношениях, регулируемых отраслью гражданского права, следует учесть, что они могут иметь договорный характер, либо быть внедоговорными. Учитывая важнейшую роль, которую выполняют на сегодняшний день договоры, как акты индивидуального правового регулирования, соответственно, следует учесть, что на основе договора возникает целый комплекс правоотношений. В связи с этим к одним из первоочередных в гражданском праве относятся вопросы о надлежащем правовом регулировании и структуризации возникающих на их основе договорных обязательств.

Обращаясь к доктринальному толкованию, выявляется, что в юридической литературе всегда уделялось много внимания исследованиям таких категорий как «договор» и «обязательство», однако при этом нельзя не упомянуть достаточно категоричное замечание известного российского цивилиста В.А. Белова о том, что «настоящему системных работ в правоведении нет» [1, с. 168-169]. Конечно, изложенное можно расценивать по-разному, но эти слова вполне оправданы в отношении многочисленных современных научных работ в области гражданского права, выполняемых без системного анализа сущности исследуемых явлений. Кроме того, сам В.А. Белов считает, что любое явление можно рассматривать как систему взаимосвязанных элементов [1, с. 168].

Следует согласиться с тем, что нельзя преуменьшать значение системного подхода, в частности, постараемся его использовать и при исследовании обозначенной в настоящей работе проблемы. Соответственно, целью настоящего исследования является выявление факторов системности при толковании самого понятия «обяза-

тельства», а также при структуризации обязательственных отношений, возникающих на основании гражданско-правового договора.

Категория «правоотношение» определяется в теории права как сложный социально-правовой комплекс, то есть как важнейшее звено правового механизма регулирования поведения людей, а также как отношение между субъектами права, которое возникает на основании правовых норм вследствие определенных юридических фактов и связывает их корреспондирующими правами и обязанностями [2, с. 276–277].

Будучи разновидностью правоотношений, обязательственные отношения, порождаемые договорами, имеют такую же структуру, в том числе, их содержание составляет обязанность должника и корреспондирующее ей право кредитора. Такой вывод очевиден из дефиниции «обязательства», содержащейся в п. 1 ст. 307 ГК РФ [3], согласно чему, должник является обязанным по совершению (или воздержанию от совершения) определенного действия в пользу кредитора, который имеет право требования от него исполнения соответствующей обязанности. Причем, как правило, обязанность должника составляет необходимость совершения именно активных «положительных» действий, нежели, так называемых, – «негативных», хотя и с таким содержанием обязательства также существуют.

Следует отметить, что вышеизложенное нормативное определение обязательства не лишено некоторых недостатков, в частности, в ст. 307 ГК РФ речь идет не просто о «праве», корреспондирующем обязанности должника, а о «праве требования» кредитора, которое, на самом деле, возникает при неисполнении обязанности должником. Соответственно, логичнее изложить указанное правовое положение в такой редакции, чтобы обязанности должника корреспондировало именно право кредитора на получение соответствующего удовлетворения.

В юридической литературе нет дискуссии относительно понимания обязательства как односторонней правовой связи, что отмечается еще со времен римского частного права, о чем свидетельствовали дореволюционные ученые [4, с. 15], то есть понятие обязательства отличается относительной стабильностью.

Однако, вывод о том, что на основании договора, как юридического факта, возникает только одно относительное юридическое отношение, будет ошибочным, так как на основании договора возникает сразу несколько обязательственных отношений, которые, в свою очередь, содержат целый комплекс обязательств. Словами С.Ю. Морозова: «договор представляет собой самостоятельную самоорганизующуюся систему, включающую в себя взаимосвязанные элементы» [5]. Более того, и С.С. Алексеев также верно указывает, что в содержании некоторых правоотношений имеются секундарные права и обязанности, которым не корреспондируют субъективные права [6, с. 125 – 126], но в настоящей работе оставим без внимания вопрос о секундарных правах, ограничившись исследованием обязательств, в которых каждому субъективному праву корреспондирует конкретная обязанность.

Следовательно, необходимо учитывать, что на основании договора, как юридического факта, возникает не одно, а несколько обязательств, что подтверждается п. 2 ст. 308 ГК РФ, посвященным сторонам договорного обязательства, согласно которому «если каждая из сторон по договору несет обязанность в пользу другой стороны, она считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в ее пользу, и одновременно ее кредитором в том, что имеет право от нее требовать». Из

приведенного следует, что одна и та же сторона может быть одновременно и должником, и кредитором, а это противоречит сущности обязательства, как такой юридической связи сторон, в которой есть только одно обязанное лицо и одно управомоченное лицо. Разумеется, что на каждой из сторон не исключена множественность лиц, однако, это не изменяет сути простого единичного обязательства.

Тезис о том, что на основании договора возникает несколько обязательств, уже обсуждался в предыдущих работах, где поднимался вопрос о сопоставлении п. 1 ст. 307 ГК РФ с п. 2 ст. 308 ГК РФ. При этом указывалось, что термин «обязательство» понимается законодателем то как односторонняя, то как двусторонняя правовая связь, так как был сделан вывод о том, что из п. 2 ст. 308 ГК РФ прямо следует понимание обязательства как двусторонних правовых связей, в которых есть два кредитора и два должника (встречные обязательства сторон), и что обязательство, о котором идет речь в п. 1 ст. 307 ГК, является лишь частью того обязательства, о котором идет речь в п. 2 ст. 308 ГК [7, с. 204].

Также и в другой работе уже предлагалось решение этой проблемы путем обращения к доктринальным источникам: поскольку эти явления в науке давно обозначены, законодателю следовало бы согласиться на использование терминов «обязательство» и «обязательственное правоотношение», что обозначают правовые явления, которые соотносятся как часть и целое, вследствие чего соответствующие законодательные положения приобрели бы значительно большую правовую определенность [8, с. 102 – 103].

Таким образом, на основании договора возникает не одно простое обязательство, а сложное единое обязательственное правоотношение, состоящее из нескольких обязательств, в которых одно и то же лицо может выступать и на стороне кредитора, и на стороне должника. Такие обязательства являются взаимными и, как правило, в двустороннем договоре каждая из сторон является кредитором в одном обязательстве и должником – в другом, причем оба обязательства взаимно обуславливают друг друга и составляют единое сложное обязательственное правоотношение [9, с. 347].

На самом деле, гражданские обязательства столь разнообразны по своему содержанию, что их подвиды не имеют отдельного нормативного закрепления. Правда, некоторые из них все же нашли отражение в нормах ГК РФ, к примеру, альтернативное обязательство (ст. 308¹ ГК РФ), факультативное обязательство (ст. 308² ГК РФ). Из контекста п. 4 ст. 329 ГК РФ следует выделить помимо основного, также обеспечивающее обязательство. Кроме того, множественность лиц в зависимости от критерия распределения ответственности может порождать солидарные (ст. 322 ГК РФ) и долевые обязательства (ст. 321 ГК РФ).

В учебниках по гражданскому праву также приводятся различные критерии классификации обязательств, в том числе, их различают в зависимости от вида правового поведения участников, по характеру исполнения и по характеру действий должника, по степени ответственности, по иерархии, по соотношению прав и обязанностей сторон и др. [10, с.13-15]. Однако подобные различия не подходят для единой классификации договорных обязательств, а лишь способны подчеркнуть их специфику.

В настоящем исследовании, взяв за основу простое обязательство, в котором только один должник и только один кредитор, мы выявили, что из договоров возни-

кают сложные обязательства, как правило, двусторонние взаимные, например, по договору купли-продажи имеются права и обязанности у продавца по отношению к покупателю и наоборот. Причем исходя из ст. 328 ГК РФ, регулирующей встречное исполнение обязательств, взаимные обязательства могут исполняться не одновременно, а последовательно.

Рассматривая сложные обязательства как систему, то есть как совокупность взаимных прав и обязанностей, следует учесть, что бывают смешанные договоры, что порождает сложное обязательство, в свою очередь, состоящее из различных договорных обязательств, каждое из которых также требует последующего разбора на составляющие.

Выполняя поставленные в настоящем исследовании задачи, считаем целесообразным обратиться к структуризации обязательственных отношений, возникающих из гражданско-правового договора, на основании идеи М.М. Агаркова, предложившего классификацию обязательств на основные, вспомогательные и дополнительные [11, с. 50]. Так, во-первых, следует пояснить особенности основных обязательств. Они отражают сущность возникшей юридической связи. Как ранее было установлено, основные обязательства могут быть как простыми (п. 1 ст. 307 ГК РФ), так и сложными (п. 2 ст. 308 ГК РФ). Однако в п. 2 ст. 308 ГК РФ подразумеваются только встречные обязательства, хотя несколько односторонне направленных обязательств, по которым возникает несколько обязанностей у должника по отношению к кредитору, также следует рассматривать не как одно простое, а как сложное обязательство.

Каждое договорное обязательство является относительным, так как возникает между конкретными участниками гражданского оборота. И здесь важно отметить имущественный характер возникающих правовых связей в зависимости от цели заключаемого договора, то есть имущественный характер может проявляться в передаче вещи, выполнении работы, оказании услуги и т.п.

Кроме имущественных, также следует выделить организационно-правовые отношения, имеющие целью организацию гражданского оборота. В юридической литературе подчеркивается, что «содержание организационных обязательств составляют организационные права и обязанности» и при этом приводятся в качестве примеров действия по организации договорных связей или совместной деятельности [12, с. 68], однако здесь важно понимать, что в указанных случаях возникающее организационное обязательство является основным и самостоятельным.

В случаях же, когда организационное обязательство выполняет лишь вспомогательную роль, служа цели – исполнению основного обязательства, например, принятие груза к перевозке, страхование предмета договора, либо совершение иных подобных организационных упорядочивающих действий, то такие обязанности неимущественного характера следует выделить в составе иных обязательств, отдельных от основных, т.е. они входят в содержание вспомогательных организационных обязательств.

Вспомогательные обязательства могут иметь имущественный характер, но, как верно отмечалось, в отличие от основных имущественных обязательств «в них отсутствует собственная цель, которая выходила бы за пределы основного обязательства» [13, с. 25].

Следовательно, вспомогательные обязательства не существуют самостоятельно без основных обязательств, исполнению которых они призваны содействовать. И для полноты настоящего исследования следует упомянуть наличие еще одного вида вспомогательных обязательств. Это, так называемые, информационные обязательства. Содержание таких обязательств составляет обязанность одной стороны предупредить вторую о наличии каких-либо прав, например, обязанность уведомления продавцом покупателя о правах третьих лиц на вещь.

В.Г. Ротань в своей статье «Система гражданских правоотношений и их структура» касается важнейших теоретических вопросов, в том числе, и проблемы структурирования обязательственных отношений, а также поясняет значение некоторых видов обязательств. Так, по мнению ученого, вспомогательные обязательства «служат целям создания должнику условий для исполнения им своей обязанности, а кредитору – условия для реализации права» [14, с. 80].

В свою очередь, дополнительные обязательства, несмотря на их общепризнанность в доктрине, так и не нашли закрепление на законодательном уровне, правда, иногда законодатель все же их подразумевает, к примеру, в правовом положении – ст. 207 ГК РФ, когда под дополнительным требованием по отношению к основному упоминаются проценты, неустойка, залог, поручительство и т.п. Как видим, цель дополнительного обязательства связывается с необходимостью обеспечения исполнения основного обязательства. При этом одной из особенностей дополнительных обеспечительных обязательств является то, что они не возникают при заключении договора. Более того, они вообще могут не возникнуть, если основное обязательство будет надлежащим образом исполнено.

Однако помимо обеспечительных обязательств также выделяют и иные виды дополнительных обязательств: дополнительные обязательства по поводу ответственности, а также дополнительные обязательства, возникающие после прекращения основных обязательств [14, с. 83].

Проблемный аспект теории о дополнительных обязательствах проявляется в том, что вслед за самим основоположником анализируемой нами теории деления обязательств на виды (М.М. Агарковым), также и последователи этого учения допустили ошибку, так как не проводили грань между вспомогательными и дополнительными обязательствами, смешивая их содержание [15, с. 5], что крайне нежелательно в целях правильного правоприменения.

В целом, на основании проведенного исследования необходимо констатировать, что вопросу структурирования договорных обязательств не уделяется должного внимания. Тем не менее, это одна из важнейших задач, от решения которой во многом зависит эффективность правотворчества и правоприменения. Сложившееся на сегодняшний день понимание термина «обязательства» не способно благотворно влиять на дальнейшее развития учения о видах обязательственных отношений. Сама дефиниция «обязательства», закрепленная в п. 1 ст. 307 ГК РФ, не позволяет увидеть помимо простого основного обязательства иные виды обязательств, составляющие в совокупности целый комплекс, именуемый в доктрине «обязательственным правоотношением», состоящим из взаимосвязанных элементов.

В завершение хочется ответить на справедливое замечание профессора В.Г. Ротаня о том, что «никто из исследователей не взял на себя бремя доведения до логического завершения учения М.М. Агаркова об обязательстве» [14, с. 75] тем, что

настоящее исследование может стать частичкой последующих научных разработок в этой области, в том числе, в направлении структурирования обязательственных отношений.

Список литературы

1. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 1 / отв. ред. В. А. Белов. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 484 с. — Текст: непосредственный.
2. Протасов, В.Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В.Н. Протасов. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 455 с. — Текст: непосредственный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон N 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 16.05.2023 № 23-П) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - N 32. - Ст. 3301. — Текст: непосредственный.
4. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права [Текст] / Г. Ф. Шершеневич. — М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. — 852 с. — Текст: непосредственный.
5. Морозов, С.Ю. Некоторые проблемы договорного регулирования гражданско-правовых отношений / С.Ю. Морозов. — Текст: электронный // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31665134&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 10.03.2024).
6. Алексеев, С. С. Гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1. Институт частного права / С. С. Алексеев, И. С. Аюшеева, А. С. Васильев [и др.]; под ред. С. А. Степанова — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 702 с. — Текст: непосредственный.
7. Бахриева, З.Р. Проблема толкования терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства / З.Р. Бахриева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2017. - Т. 3 (69). - № 1. - С. 201-206. — Текст: непосредственный.
8. Бахриева, З.Р. Понятия обязательства и обязательственного правоотношения в науке и гражданском законодательстве Российской Федерации и Украины / З.Р. Бахриева // Юридическая наука. - 2013. - № 4. - С. 101-105. — Текст: непосредственный.
9. Шагиева, Р. В. Актуальные проблемы гражданского права: учебник для магистратуры / С. Ю. Филиппова, В. В. Кулаков, А. Е. Кирпичев [и др.]; под ред. Р. В. Шагевой. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. — 445 с. — Текст: непосредственный.
10. Гражданское право : общие положения об обязательствах и договорах : учебник / Е. Б. Овдиенко, А. И. Коновалов, А. Ю. Дудченко [и др.] ; под ред. Р. А. Курбанова. — Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2020. — 191 с. — Текст : непосредственный.
11. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву: учебник / М. М. Агарков. — Москва, 1940. — 191 с. — Текст : непосредственный.
12. Подузова, Е. Б. Обеспечение задатком организационного обязательства: проблемы и противоречия / Е.Б. Подузова. — Текст: электронный // Актуальные проблемы российского права. - 2017. — С. 67 — 72. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zadatkom-organizatsionnogo-obyazatelstva-problemy-i-protivorechiya/viewer> (дата обращения: 10.03.2024).
13. Чанышева, А. Р. Вспомогательные имущественные обязательства по гражданскому праву/ А. Р. Чанышева // Альманах права. - 2016. — № 7. — С. 25 — 32. — Текст : непосредственный.
14. Ротань, В.Г. Система гражданских правоотношений и их структура / В.Г. Ротань // Власть закона. - 2019. - № 4 (40). - С.57-88. — Текст : непосредственный.
15. Аврамченко, Д.С. К вопросу толкования дополнительных обязательств в гражданском праве / Д.С. Аврамченко, Е.В. Рышкова //Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): материалы V Всероссийской научно-практической конференции. - Симферополь, 2022. - С. 3-7. — Текст : непосредственный.

Bakhrieva Z.R. On the question of structuring contractual obligations / Z. R. Bakhrieva // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2024. — Т. 10 (76). № 2. — P. 198–204.

The article draws attention to the problem of systematization of contractual obligations as a type of obligatory relationship, which is regulated by the norms of Russian civil law. The doctrinal provisions on the concept and types of contractual obligations are studied using a systematic approach. It is concluded that the provisions of civil legislation on obligatory relations are characterized by fragmented regulation. They do not reflect a system of contractual obligations. The legislative definition of “obligation” in paragraph 1 of Art. 307 of the Civil Code of the Russian Federation does not allow us to see, in addition to the simple main obligation, other types of obligations, which together constitute a whole complex of interrelated elements, referred to in the doctrine as an “obligatory legal relationship”.

Keywords: system approach, system of obligations, legal relationship, contract, obligation, obligatory legal relationship, contractual obligation, primary obligation, simple obligation, complex obligation, auxiliary

obligation, property obligation, organizational obligation, information obligation, additional obligation.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki v 2 t. Tom 1 / otv. red. V. A. Belov. — 2-e izd., ster. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2024. — 484 s. — Tekst: neposredstvennyj.
2. Protasov, V.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov / V.N. Protasov. — Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2024. — 455 s. — Tekst: neposredstvennyj.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): Federal'nyj zakon N 51-FZ ot 30.11.1994 (red. ot 16.05.2023 № 23-P) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 1994. - N 32. - St. 3301. — Tekst: neposredstvennyj.
4. SHershenevich, G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Tekst] / G. F. SHershnevich. — M.: Izdanie Br. Bashmakovyh, 1911. — 852 s. — Tekst: neposredstvennyj.
5. Morozov, S.YU. Nekotorye problemy dogovornogo regulirovaniya grazhdansko-pravovyh otnoshenij / S.YU. Morozov. — Tekst: elektronnyj // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31665134&pos=6;-106#pos=6;-106 (data obrashcheniya: 10.03.2024).
6. Alekseev, S. S. Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 2 t. T. 1. Institut chastnogo prava / S. S. Alekseev, I. Z. Ayusheeva, A. S. Vasil'ev [i dr.]; pod red. S. A. Stepanova — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2016. — 702 s. — Tekst: neposredstvennyj.
7. Bahrieva, Z.R. Problema tolkovaniya terminov, upotreblYaemyh v aktah grazhdanskogo zakonodatel'stva / Z.R. Bahrieva // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. - 2017. - T. 3 (69). - № 1. - S. 201-206. — Tekst: neposredstvennyj.
8. Bahrieva, Z.R. Ponyatiya obyazatel'stva i obyazatel'stvennogo pravootnosheniya v nauke i grazhdanskom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii i Ukrainy / Z.R. Bahrieva // YUridicheskaya nauka. - 2013. - № 4. - S. 101-105. — Tekst: neposredstvennyj.
9. SHagieva, R. V. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: uchebnik dlya magistratury / S. YU. Filippova, V. V. Kulakov, A. E. Kirpichev [i dr.]; pod red. R. V. SHagievoj. — M.; Berlin: Direkt-Media, 2019. — 445 s. — Tekst: neposredstvennyj.
10. Grazhdanskoe pravo : obshchie polozheniya ob obyazatel'stvah i dogovorah : uchebnik / E. B. Ovdienko, A. I. Kononov, A. YU. Dudchenko [i dr.]; pod red. R. A. Kurbanova. — Moskva : YUniti-Dana : Zakon i pravo, 2020. — 191 s. — Tekst : neposredstvennyj.
11. Agarkov, M. M. Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu: uchebnik / M. M. Agarkov. — Moskva, 1940. — 191 s. — Tekst : neposredstvennyj.
12. Poduzova, E. B. Obespechenie zadatkom organizacionnogo obyazatel'stva: problemy i protivorechiya / E.B. Poduzova. — Tekst: elektronnyj // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2017. — S. 67 — 72. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zadatkom-organizatsionnogo-obyazatelstva-problemy-i-protivorechiya/viewer> (data obrashcheniya: 10.03.2024).
13. CHanyшева, A. R. Vspomogatel'nye imushchestvennye obyazatel'stva po grazhdanskomu pravu/ A. R. CHanyшева // Al'manah prava. — 2016. — № 7. — S. 25 — 32. — Tekst : neposredstvennyj.
14. Rotan', V.G. Sistema grazhdanskih pravootnoshenij i ih struktura / V.G. Rotan' // Vlast' zakona. - 2019. - № 4 (40). - S.57-88. — Tekst : neposredstvennyj.
15. Avramchenko, D.S. K voprosu tolkovaniya dopolnitel'nyh obyazatel'stv v grazhdanskom prave / D.S. Avramchenko, E.V. Ryshkova //Tolkovanie pravovyh aktov (teoretiko-pravovoj, konstitucionno-pravovoj, grazhdansko-pravovoj i trudo-pravovoj aspekty): materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - Simferopol', 2022. - S. 3-7. — Tekst : neposredstvennyj.

УДК 347.1

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА САМОЗАНЯТОГО ЛИЦА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Потопальский С. С.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье исследуется правовой статус самозанятого лица в системе гражданско-правового регулирования. Особое внимание уделяется характеристике самозанятого как физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Автор приходит к выводу, что деятельность самозанятых лиц по своей правовой природе отвечает признакам предпринимательской деятельности и, как следствие, к правоотношениям с их участием применяются нормы гражданского законодательства, регулирующего деятельность индивидуальных предпринимателей. Также автором проанализированы коллизии законодательства и правоприменительной практики в отношении самозанятых лиц, предложены пути решения выявленных проблем. Сформулировано определение самозанятого лица как физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, самостоятельно осуществляющего приносящую доход деятельность и применяющего специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход».

Ключевые слова: физическое лицо, индивидуальный предприниматель, самозанятое лицо, предпринимательская деятельность, налог, профессиональный доход, потребитель, гражданское законодательство, суд, правоприменительная практика.

Одним из субъектов гражданского права является физическое лицо, которое участвует в гражданских правоотношениях от своего имени, в том числе заключает разнообразные сделки. При этом заключение сделок физическим лицом может носить систематический характер с целью получения прибыли от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг и передачи имущества в пользование. Такая деятельность физического лица подпадает под определение предпринимательской деятельности, изложенное в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] и требует регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. По смыслу ст. 2, 23 ГК РФ индивидуальный предприниматель – это физическое лицо, которое зарегистрировано в таком статусе в налоговом органе и приобрело право осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. За осуществление предпринимательской деятельности без регистрации физическое лицо может быть привлечено к административной ответственности в соответствии со ст. 14.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] и уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ [3].

Вместе с тем в правовой литературе все чаще стало употребляться такое понятие как «самозанятое лицо», которое может легитимно осуществлять предпринимательскую деятельность, в том числе без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Крылова Е.Г. определяет самозанятого предпринимателя, как физическое лицо, занимающееся индивидуальной предпринимательской деятельностью для получения прибыли, в качестве средств к существованию, использующее собственные активы и средства без привлечения наемной рабочей силы [4, с. 33].

В соответствии с п. 3.18 ГОСТ 12.0.004-2015 самозанятое лицо – это человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства

[5]. Из указанного определения следует, что самозанятое лицо может осуществлять свою деятельность как в форме индивидуального предпринимателя, так и без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Определяющим признаком самозанятого лица является не специфика осуществляемой им предпринимательской деятельности, а применяемый таким лицом налоговый режим, в частности регистрация такого лица в качестве плательщика налога на профессиональный доход.

Нормативным актом, регулирующим применение самозанятым налога на профессиональный доход, является Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон N 422-ФЗ) [6]. Указанный Закон, хотя и полностью посвящен правовому регулированию налогового режима для самозанятых лиц, однако не оперирует таким понятием как «самозанятое лицо». Согласно ч. 6 ст. 2 Закона N 422-ФЗ применять данный налоговый режим имеют право физические лица без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В разрезе положений п. 1 ст. 4 Закона N 422-ФЗ субъектами применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» являются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на указанный налоговый режим в порядке, установленном настоящим Законом. При этом такие лица должны соответствовать требованиям, установленным данным Законом. Так, положениями ст. 4 Закона N 422-ФЗ установлен круг лиц, которые не могут применять «Налог на профессиональный доход» и, соответственно, не относятся к самозанятым, например: лица, которые не сами производят, а перепродают товары других производителей; лица, привлекающие для своей деятельности наемных работников по трудовому контракту; лица, чей доход от осуществляемой деятельности превысил 2,4 миллиона руб. в текущем году; лица, применяющие иные специальные налоговые режимы; другие лица, перечисленные в ст. 4 Закона N 422-ФЗ.

Поскольку в приведенных выше случаях деятельность не может осуществляться в качестве самозанятого с применением налога на профессиональный доход, то такие лица обязаны зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя либо, например, в качестве учредителя юридического лица с применением налогового режима характерного исключительно для данных форм предпринимательства. Кроме того, физическое лицо – индивидуальный предприниматель, применяющий один из специальных режимов налогообложения, в случае соответствия его деятельности требованиям Закона N 422-ФЗ, может зарегистрироваться плательщиком налога на профессиональный доход (самозанятым), отказавшись от ранее используемого налогового режима и при этом не прекращая регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя. Закон в данном случае не ограничивает право предпринимателя на смену налогового режима, но содержит ограничение на совмещение разных налоговых режимов.

Таким образом, специфика правового статуса самозанятого лица состоит в том, что характеризует физическое лицо, в том числе индивидуального предпринимателя, с точки зрения применяемого им налогового режима, в частности налога на профессиональный доход.

Поскольку самозанятость не требует обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, то возникает резонный вопрос: является ли деятельность самозанятого лица предпринимательской, а сам самозанятый – предпринимателем? Разрешение указанной проблемы имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку определяет возможность применения к самозанятому лицу, незарегистрированному в качестве предпринимателя, норм гражданского законодательства, регулирующего правоотношения с участием индивидуальных предпринимателей.

С одной стороны, ч. 1 ст. 23 ГК РФ устанавливает для физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, требование об обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. С другой стороны, согласно абз. 2 ч. 1 ст. 23 ГК РФ в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

В правовой литературе деятельность самозанятых граждан по своим признакам приравнивается к предпринимательской деятельности [7, с. 69]. Вместе с тем отдельные авторы приходят к выводу о выделении самозанятых граждан в отдельную категорию, которая занимает промежуточное положение между индивидуальными предпринимателями и гражданами, не занимающимися предпринимательской или иной приносящей доход деятельностью [8, с. 15-16].

В судебной практике деятельность самозанятых лиц по своей правовой природе приравнивается к предпринимательской со ссылкой на положения абзаца 2 ч. 1 ст. 23 ГК РФ и, соответственно, к самозанятым применяются нормы гражданского законодательства, регулирующие правоотношения с участием предпринимателей. Указанную тенденцию можно проследить на примере применения норм Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 N 2300-1 (далее – Закон о защите прав потребителей) [9].

В преамбуле Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что данный закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами, владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах) при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг). Исходя из приведенных в преамбуле данного Закона определений «изготовитель», «исполнитель», «импортер», «продавец», «владелец агрегатора», такими лицами являются организации независимо от организационно-правовой формы или индивидуальные предприниматели. Таким образом, из буквального толкования указанных определений следует, что отношения с участием самозанятого лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, не относятся к сфере регулирования Закона о защите прав потребителей при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг).

Вместе с тем следует учитывать, что Закон о защите прав потребителей принимался тогда, когда само понятие лицо, применяющее налог на профессиональный доход (самозанятое лицо), в законодательстве не существовало. Поэтому, применяя нормы указного Закона, необходимо исходить из комплексного толкования норм законодательства, что часто не учитывается в правоприменительной практике.

Так, из письма Роспотребнадзора от 28.12.2023 N 09-22204-2022-40 «О субъектах

осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей» [10] следует, что субъектами федерального государственного контроля (надзора) в сфере защиты прав потребителей являются исключительно организации либо индивидуальные предприниматели, осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг по возмездному договору. По мнению Роспотребнадзора, изложенному в указанном письме, к такой категории лиц не относятся физические лица, осуществляющие отдельные виды предпринимательской деятельности без государственной регистрации индивидуальными предпринимателями («самозанятые» граждане), что означает невозможность предъявления им требований нормативных правовых актов, являющихся предметом федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей.

Давая такое толкование сферы применения Закона о защите прав потребителей, Роспотребнадзор не учитывает норму абз. 2 п. 1 ст. 23 ГК РФ, которая предусматривает при определенных условиях возможность осуществления физическими лицами отдельных видов предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а также норму ч. 6 ст. 2 Закона N 422-ФЗ, согласно которой физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей.

Вместе с тем суды, применяя комплексное толкование указанных норм права, идут по пути приравнивания деятельности самозанятых лиц и индивидуальных предпринимателей с точки зрения применения к их деятельности положений Закона о защите прав потребителей. Например, в Постановлении второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2022 по делу № 88-4140/2022 [11] суд отклонил довод кассационной жалобы о неприменении законодательства о защите прав потребителей к профессиональной деятельности самозанятого лица, которое не зарегистрировано предпринимателем. При этом суд пришел к выводу, что такой довод заявителя противоречит системному толкованию п. 1 ст. 2 и п. 1 ст. 23 ГК РФ, а также ч. 6 ст. 2 Закона N 422-ФЗ. Как следствие, суд признал правомерным применение к правоотношениям с участием самозанятого лица и потребителя положений Закона о защите прав потребителей. Аналогичная позиция относительно правового статуса самозанятого лица прослеживается также в апелляционном определении Московского городского суда по делу № 33-27075/2020 [12]; определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2022 № 88-31669/2022 [13]; определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2022 № 88-21241/2022 [14] и многих других.

Кроме того, в приведенных выше судебных актах суды в обоснование своей позиции ссылаются, в том числе на п. 12 Постановления Пленума ВС РФ N17 от 28.06.2012 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [15], по смыслу которого гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность с нарушением требований о регистрации индивидуальным предпринимателем, не вправе ссылаться на то, что он не является предпринимателем (п. 4 ст. 23 ГК РФ). К таким сделкам суд применяет законодательство о защите прав потребителей. Однако, следует отметить, что специфика правового статуса самозанятого состоит в легальном осуществлении

предпринимательской деятельности без регистрации в качестве предпринимателя, то есть в рамках допустимых законом. Следовательно, нарушение самозанятым норм о регистрации отсутствует, поэтому ссылки судов на положения п. 4 ст. 23 ГК РФ и п. 12 Постановления Пленума ВС РФ N17 от 28.06.2012 являются некорректными.

Следует согласиться с предложениями отдельных правоведов о том, что в гражданско-правовых отношениях для решения подобных проблем необходимо на законодательном уровне закрепить норму о применении к самозанятым гражданам положений об индивидуальных предпринимателях, если иное специально не установлено законом [8, с. 17]. При этом, по нашему мнению, следует дать определение самозанятого лица, как физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, самостоятельно осуществляющего приносящую доход деятельность и применяющего специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход».

Обобщая сказанное, следует отметить, что деятельность самозанятых лиц по своей правовой природе отвечает признакам предпринимательской как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. В связи с этим в текущем правовом регулировании отсутствие регистрации самозанятого лица в качестве индивидуального предпринимателя не препятствует применению к таким лицам норм гражданского законодательства, регулирующих предпринимательскую деятельность.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Крылова Е. Г. К вопросу о легализации правового статуса самозанятых в России // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2016. – № 7. – С. 32-38.
5. ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения" (с изм. от 06.06.2023) (вместе с "Программами обучения безопасности труда") (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.06.2016 N 600-ст) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Шуваев Е.А. Статус гражданина, зарегистрированного в качестве самозанятого, и проблемы налогообложения доходов самозанятых лиц // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. – № 2. – С. 66-72.
8. Азарова В. Б. Совершенствование нормативного закрепления статуса самозанятого гражданина // Юридическая наука: научный журнал, ноябрь 2022 г. – С. 15-17.
9. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) "О защите прав потребителей" // СПС «КонсультантПлюс».
10. Письмо Роспотребнадзора от 28.12.2022 N 09-22204-2022-40 «О субъектах осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2022 по делу № 88-4140/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-27075/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2022 № 88-31669/2022 //

СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2022 № 88-21241/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей" // СПС «КонсультантПлюс».

Potopal'skij S. S. The specifics of the legal status of a self-employed person in the system of civil law regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 205–210.

The article examines the legal status of a self-employed person in the system of civil law regulation. Special attention is paid to the characterization of the self-employed as an individual engaged in entrepreneurial activity. The author comes to the conclusion that the activities of self-employed persons by their legal nature correspond to the signs of entrepreneurial activity and, as a result, the norms of civil legislation regulating the activities of individual entrepreneurs apply to legal relations with their participation. The author also analyzes the conflicts of legislation and law enforcement practice in relation to self-employed persons, and suggests ways to solve the identified problems. The definition of a self-employed person is formulated as an individual, including an individual entrepreneur, who independently carries out income-generating activities and applies a special tax regime "Tax on professional income".

Key words: an individual, an individual entrepreneur, a self-employed person, entrepreneurial activity, tax, professional income, consumer, civil law, court, law enforcement practice.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) \ " ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 24.07.2023 s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2023) // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah \ " ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 25.12.2023 s izm. i dop., vstup. v silu s 05.01.2024) // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii \ " ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 25.12.2023 s izm. i dop., vstup. v silu s 30.12.2023) // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Krylova E. G. K voprosu o legalizacii pravovogo statusa samozanyatyh v Rossii // Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty». 2016. № 7. S. 32-38.
5. GOST 12.0.004-2015. Mezhgosudarstvennyj standart. Sistema standartov bezopasnosti truda. Organizaciya obucheniya bezopasnosti truda. Obshchie polozheniya \ " (s izm. ot 06.06.2023) (vmeste s \ "Programmami obucheniya bezopasnosti truda \ ") (vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 09.06.2016 N 600-st) // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Federal'nyj zakon ot 27.11.2018 N 422-FZ (red. ot 28.12.2022) \ "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo nalogovogo rezhima \ "Nalog na professional'nyj dohod \ "(s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2023) // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Shuvaev E.A. Status grazhdanina, zaregistrovannogo v kachestve samozanyatogo, i problemy nalogooblozheniya dohodov samozanyatyh lic // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2019. № 2. S. 66-72.
8. Azarova V. B. Sovershenstvovanie normativnogo zakrepleniya statusa samozanyatogo grazhdanina // Yuridicheskaya nauka: nauchnyj zhurnal, novabr' 2022 g. S. 15-17.
9. Zakon RF ot 07.02.1992 N 2300-1 (red. ot 04.08.2023) \ "O zashchite prav potrebitelej \ " // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Pis'mo Rospotrebnadzora ot 28.12.2022 N 09-22204-2022-40 «O sub'ekтах osushchestvleniya federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti zashchity prav potrebitelej» // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Postanovlenie vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 22.02.2022 po delu № 88-4140/2022 // SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda po delu № 33-27075/2020 // SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 07.12.2022 № 88-31669/2022 // SPS «Konsul'tantPlyus».
14. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.09.2022 № 88-21241/2022 // SPS «Konsul'tantPlyus».
15. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 N 17 \ "O rassmotrenii sudami grazhdanskikh del po sporam o zashchite prav potrebitelej \ " // SPS «Konsul'tantPlyus».

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ УГРОЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Трифонов С. Г., Трифонова К. В.

В статье рассматриваются проблемы экологической миграции в современных условиях. Экологическая миграция, вызванная чаще всего последствиями антропогенной деятельности, приобрела в последние годы значительный размах. И, как и любой вид миграции, она несет соответствующие вызовы в сфере экономики, политики и иных социально значимых сферах. Поскольку причинная обусловленность миграции имеет существенное значение для ее изучения и правового регулирования исследование экологической миграции и связанных с ней угроз и вызовов представляется достаточно актуальным. Авторы подчеркивают междисциплинарный характер экологической миграции, в связи с тем, что она исследуется учеными экономистами, социологами, политологами, психологами, экологами. Осуществлен анализ взаимосвязи динамики ухудшения экологической ситуации и миграции населения. Выявлена зависимость между динамикой увеличения численности экологических мигрантов и обострения экологической ситуации. В статье также проводится анализ дефиниции «экологическая миграция» и «экологический мигрант» в международных актах. Авторы в заключении отмечают, что создание системы рационального природопользования, минимизация антропогенного вмешательства, устранение допущенных ошибок и просчетов в экологическом планировании, а также выстраивание механизмов организационно-правового характера позволят минимизировать негативные последствия экологической миграции и сохранить окружающую природную среду.

Ключевые слова: экологическая миграция, экологические мигранты, экологические проблемы, выбросы вредных веществ, загрязнение воды, утилизация отходов, техногенные катастрофы, перемещение, антропогенез.

Миграционные процессы, по своим последствиям и масштабам, в настоящее время приобретают существенное социально-экономическое и политическое значение. Интенсификация миграционных процессов обуславливается с одной стороны расширением перечня факторов и предпосылок динамики перемещения населения, а с другой – определенной мобильностью преодолением психологических барьеров в связи с пребыванием в новом месте жительства, космополитизмом современного индивида и социальных групп.

Антропогенная деятельность привела к «появлению многочисленных экологических проблем, главными из которых стали нарушения озонового слоя и энергетического баланса Земли, обезлесения и опустынивания территорий, загрязнения атмосферы и гидросферы» [1, с. 184]. Как следствие возникают или обостряются проблемы, имеющие политическую, экономическую или социальную окраску.

Несмотря на наличие большого массива научных публикаций по предмету исследования, недостаточно разработанным сейчас остается вопрос экологической составляющей миграционных процессов, комплексного исследования предпосылок и последствий перемещение населения как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В отдельных государствах мира, которые наиболее привлекательны для мигрантов будут наблюдаться два взаимозаменяемых и взаимодополняющих процесса: трудовая эмиграция и экологическая иммиграция.

Проблематика миграции в целом, экологической миграции в частности рассматривается многими отечественными и иностранными учеными, носит междисциплинарный характер, исследуется экономистами, социологами, политологами, психологами, экологами. Миграционные процессы являются составной частью глобализа-

ционных процессов, носят объективный характер, основу которой составляют мобильность самих экологических мигрантов при возникновении, в частности, проблем в экологической сфере. Не менее важной характеристикой миграционных процессов является их конфликтность, что обуславливается психологическим и биологическим детерминантами.

Детерминантами миграционных процессов прежде всего выступает стремление самого мигранта к созданию для себя благоприятных условий: экономических, социальных, экологических, политических, культурных.

Необходимо акцентировать внимание на том, что за последние 30 лет в мире растет количество не только катастроф техногенного характера, но и катастроф природного характера, несмотря на то, что считается общепризнанным тот факт, что человек научился частично управлять природными процессами или точнее указать предупреждать некоторые природные катастрофы.

Понимание глобализационных кризисных явлений экономического и политического характера, связанных с переселением человеческого капитала, является неполным без учета экологического фактора. В настоящее время никто не может игнорировать миграционную составляющую при осуществлении как внешней, так и внутренней политики. К сожалению, в настоящее время универсальной дефиниции экологической миграции не имеется ни в международных актах, ни на уровне внутригосударственного законодательства.

Д.Д. Булешева определила экологическую миграцию как: «...вынужденную миграцию населения за пределы территории проживания в результате существующей угрозы жизни и здоровью людей вследствие экологических бедствий, природных и техногенных катастроф» [2, с. 12]. Также исследуемое явление представляется возможным определить, как: «...перемещение людей с целью изменения постоянного места проживания, пребывания и получения дохода, связанные с: 1) физической невозможностью дальнейшего пребывания в зоне экологического бедствия естественного или техногенного происхождения и эмоциональным невосприятием вынужденного образа жизни; 2) невозможностью осуществлять хозяйственную деятельность в условиях неблагоприятных изменений природно-экологической, санитарно-эпидемиологической или климатической обстановки; 3) постоянной угрозой жизни или собственному здоровью и здоровью близких; 4) категорическим нежеланием возвращения на прежнее место жительства учитывая перечисленные факторы» [3, с. 125-130].

Прошедшая 11.10.2008 в Бонне конференция оголила ряд нуждающихся в решении задач в сфере экологической миграции. Также итогом данного мероприятия стало приведенное ниже разделение экологических мигрантов на следующие категории: чрезвычайные мигранты, спасающиеся от опасных экологических воздействий для спасения жизни; принудительные мигранты, которые уезжают из постоянного места жительства, чтобы избежать неизбежных и серьезных последствий экологической деградации окружающей среды; мотивированные мигранты, которые имеют возможность покинуть район постоянного места проживания с постоянно ухудшающейся экологической обстановкой, чтобы найти лучшее место проживания» [4].

Международная организация по миграции определяет экологических мигрантов следующим образом: «... это люди, которые были вынуждены переселяться вслед-

ствие экологических катастроф» [5]. Далее в своих документах отметив, что «...в мире насчитывается около 18 миллионов экологических мигрантов, при этом прогнозируя увеличения их числа к 2050 в 10 раз» [3, с. 125–130]. Также, в рамках Международной организации по миграции экологический беженец определен как: «лицо, вынужденное покинуть свою сферу обитания в связи с резкими или постепенными изменениями окружающей среды» [6].

По мнению научного сообщества, в рамках Женевской конференции 1996 г. была предложена наиболее соответствующая действительности дефиниция: «... экологические мигранты – лица, которые вынуждены покинуть место своего постоянного проживания и которые перемещаются в пределах своей страны или пересекают ее границу вследствие резкого ухудшения состояния окружающей среды или экологических катастроф» [5, с. 21]. В.И. Евтушенко предлагает: «... чтобы устранить имеющийся пробел в понятийно-категориальном аппарате сфере экологической миграции на наднациональном уровне необходимо внести изменения в Конвенцию ООН 1951 г. «О статусе беженцев» и Протокол 1967 г. к ней путем внесения отдельной категории мигрантов –экологических мигрантов. На наш взгляд также возможно разработать и принять специальную международную Конвенцию, регулирующие отношения в сфере экологической миграции» [7, с. 13; 8].

Ряд стран, которые столкнулись непосредственно с экологическими проблемами на внутринациональном уровне приняли соответствующие нормативные акты, регулирующие отдельные вопросы экологических миграции. В частности, Закон Республики Таджикистан «О миграции» выделяет отдельные виды экологических мигрантов (т.е. лиц, которые покинули места своего жительства в связи с экологическими катаклизмами) [9].

В зависимости от явлений, определивших необходимость смены места жительства или места пребывания, лиц, которых возможно отнести к экологическим мигрантам, представляется возможным выделить следующие:

1. Природное стихийное бедствие, вызвавшее неблагоприятные экологические последствия. «По данным за пятилетку к 2010 г. население района Нового Орлеана уменьшилось более, чем на 25%, а в соседнем с Луизианой Техасе появилось более 250000 новых жителей» [10].

2. Техногенный экологический инцидент. В его структуре необходимо выделять 2 подвида таких катастроф, которые характеризуются, в первую очередь, подходами к ликвидации экологических последствий. Первый из них «не вызывает длительно-го и серьезного изменения состояния окружающей среды (взрывы природного газа в помещениях, взрывы обычных взрывчатых веществ, пожары и т. д.)» [11, с. 36].

«Второй подвид техногенного экологического инцидента также не обязательно проявляет себя на больших территориях, но приобретает признаки экологического бедствия с: затяжными хроническими локальными проявлениями и воздействиями на смежные территории; несовместимыми с жизнью и репродукцией здорового следующего поколения влияниями на экосистемное биоразнообразие и здоровье людей; требует разработки и реализации длительных и дорогостоящих программ по ликвидации последствий экологического инцидента» [11, с. 37].

Вечными памятниками человеческой небрежности и просчетам стали авария 3.12.1948 в индийском Бхопале, 26.04.1986 в советском Чернобыле и события 11.03.2011 на японской АЭС Фукусима-1. Два последних события привели к массо-

вому отселению населения из зараженных районов и созданию обширной зоны отчуждения. Причем в последнем случае надо говорить о сочетании двух причин: природной стихии и проектных просчетов в строительстве экологически опасного объекта.

3. Ухудшение экологической среды обитания, вызванное иррациональным природопользованием и непродуманной деятельностью человека.

Природные условия разносторонне влияют на жизнедеятельность людей и касаются всех сфер человеческого бытия. Они в каждой местности определяют условия жизни в целом, а в том числе и условия труда, быта и досуга, осуществления хозяйственной деятельности, очерчивают возможные уровни адаптации к необычным или изменяющимся условиям.

4. Ухудшение состояния окружающей природной среды, обусловленное причинами, не связанными с антропогенным фактором.

Получает распространение в настоящее время т.н. климатическая миграция. В частности, в результате сильных морозов зимы 2011–2012 гг. счет количества жертв от переохлаждения и замерзания идет на тысячи. Дэвид Томас из Оксфордского университета указывает, что: «экологическая миграция – это часть решения проблем, возникающих в результате изменения климата» [12].

5. Заблаговременное оповещение населения о возможности наступления прогнозируемых природных катаклизмов.

Экологическая миграция тесно связана с экологической безопасностью государства, что в свою очередь является «составляющей национальной безопасности является состоянием защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от угроз со стороны опасных природных объектов, загрязненных вследствие аварий, катастроф, хозяйственной деятельности, природных явлений, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [13, с. 383].

Таким образом, с целью минимизации рисков реализации сценария обострения экологических проблем в районах интенсификации миграционных процессов, целесообразным является введение соответствующего комплекса мер: 1) четкое законодательное регулирование миграционной политики в части учета как экологических, так и экономических аспектов пребывания перемещенных лиц на территории страны акцептора (в т. ч. вопросы с природными ресурсами, обращения с отходами потребления, доступа к объектам естественной инфраструктуры и т.п.); 2) проведение разъяснительных компаний, обучение и просветительской деятельности среди мигрантов по общим экологическим вопросам, а также относительно действующих регуляторных требований в регионе пребывания мигрантов; 3) комплексная культурологическая интеграция населения (исторический и этико-этнологический контекст); 4) формирование системы стимулирования соблюдения действующих экологических и экономических требований и ограничений (например, улучшение условий найма социального жилья в долгосрочной перспективе при пребывании в принявшем государстве в случае отсутствия нарушений природоохранного законодательства со стороны мигрантов); 5) введение системы квот для развитых стран с наиболее благоприятной экологической обстановкой на прием экологических мигрантов; 6) развитие эффективной системы мониторинга и контроля соблюдения требований законодательства в сфере сохранения и использования окружающей среды со стороны перемещенных лиц.

Список литературы:

1. Булешева Д.Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом (Москва). – 2007. – № 15. – С. 12.
2. Байгулова А., Пигина С. Экологическая миграция как симптом провала современной модели развития // Глобализм и миграции: вызов толерантности. – 2019. – №1(47). – С. 125–130.
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tumen.bezformata.com/listnews/bonnskaya-zelenaya/8957400/> (дата обращения 01.03.2024).
4. Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности: Доклад Глобальной комиссии по международной миграции / Пер. с англ. М.: Оргсервис-2000, 2006.
5. Региональная конференция по рассмотрению вопросов беженцев, недобровольно перемещенных лиц, других форм недобровольных перемещений и возвращающихся лиц в странах СНГ и соответствующих соседних государствах: Женева, 30 - 31 мая 1996 г. / Пер. с англ. 41 с.
6. Официальный сайт МОМ. [Электронный ресурс]. Режим работы: <https://russia.iom.int/ru>. (дата обращения 01.03.2024)
7. International Conference on Environment, Forced Migration and Social Vulnerability (EFMSV), 9 - 11 October 2008, Bonn, Germany // URL: <http://www.efmsv2008.org/?menu=41>. (дата обращения 01.03.2024).
8. Закон Республики Таджикистан от 11 декабря 1999 г. N 881 "О миграции" (в ред. Закона Республики Таджикистан от 31.12.2008) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. N 12.
9. International Conference on Environment, Forced Migration and Social Vulnerability (EFMSV), 9 - 11 October 2008, Bonn, Germany // URL: <http://www.efmsv2008.org/?menu=41>. (дата обращения 01.03.2024).
10. Абиева Э.Р. Проблема экологической миграции в контексте концепций экологического менеджмента и экологической дипломатии. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 36-44.
11. «Экологическая миграция» — это часть решения проблем, которые возникнут в повторите математический анализ // <http://demonhost.info/novosti-mira/6977> -(дата обращения 01.03.2024)
12. Лихачев С. В., Ракша Н. С. Актуальные проблемы экологической безопасности Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – С. 379 – 384.

Trifonov S.G. Trifonova K.V. Ecological migration as one of the threats of our time // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 211–216.

The article discusses the problems of environmental migration in modern conditions. Ecological migration, caused most often by the consequences of anthropogenic activities, has acquired a significant scale in recent years. And, like any type of migration, it carries corresponding challenges in the field of economics, politics and other socially significant areas. Since the causality of migration is essential for its study and legal regulation, the study of environmental migration and related threats and challenges seems to be quite relevant. The author emphasizes the interdisciplinary nature of environmental migration, due to the fact that it is studied by scientists, economists, sociologists, political scientists, psychologists, ecologists. The analysis of the relationship between the dynamics of environmental degradation and population migration is carried out. The dependence between the dynamics of the increase in the number of environmental migrants and the aggravation of the environmental situation has been revealed. The article also analyzes the definitions of "ecological migration" and "ecological migrant" in international acts. In conclusion, the author notes that the creation of a system of rational environmental management, minimizing anthropogenic interference, eliminating mistakes and miscalculations in environmental planning, as well as building organizational and legal mechanisms will minimize the negative consequences of environmental migration and preserve the environment.

Keywords: environmental migration, environmental migrants, environmental problems, emissions of harmful substances, water pollution, waste disposal, man-made disasters, displacement, anthropogenesis.

Spisok literatury:

1. Bulesheva D.D. Ekologicheskaya migratsiya segodnya: problemy i vozmozhnyye resheniya // Upravleniye personalom (Moskva). – 2007. – № 15. – С. 12.
2. Baygulova A., Pigina S. Ekologicheskaya migratsiya kak simptom provala sovremennoy modeli razvitiya. // Globalizm i migratsii: vyzov tolerantnosti. – 2019 – №1(47). – С. 125-130.
3. [Elektronnyy resurs]. Rezhim raboty: <https://tumen.bezformata.com/listnews/bonnskaya-zelenaya/8957400/> (data obrashcheniya 01.03.2024).
4. Migratsiya vo vzaimosvyazannom mire: novyye napravleniya deyatel'nosti: Doklad Global'noy komissii po mezhdunarodnoy migratsii / Per. s angl. M.: Orgservis-2000, 2006.
5. Regional'naya konferentsiya po rassmotreniyu voprosov bezhentshev, nedobrovol'no peremeshchennykh lits, drugih form nedobrovol'nykh peremeshcheniy i vozvrashchayushchikhsya lits v stranakh SNG i sootvetstvuyushchikh sosednikh gosudarstvakh: Zheneva, 30 - 31 maya 1996 g. / Per. s angl. 41 s.
6. Ofitsial'nyy sayt MOM. [Elektronnyy resurs]. Rezhim raboty: <https://russia.iom.int/ru>. (data obrashcheniya 01.03.2024).

7. International Conference on Environment, Forced Migration and Social Vulnerability (EFMSV), 9 - 11 October 2008, Bonn, Germany // URL: <http://www.efmsv2008.org/?menu=41>. (data obrashcheniya 01.03.2024).
8. Zakon Respubliki Tadjikistan ot 11 dekabrya 1999 g. N 881 "O migratsii" (v red. Zakona Respubliki Tadjikistan ot 31.12.2008) // Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadjikistan. 1999. N 12.
9. International Conference on Environment, Forced Migration and Social Vulnerability (EFMSV), 9 - 11 October 2008, Bonn, Germany // URL: <http://www.efmsv2008.org/?menu=41>. (data obrashcheniya 01.03.2024).
10. Abiyeva E.R. Problema ekologicheskoy migratsii v kontekste kontseptsiy ekologicheskogo menedzhmenta i ekologicheskoy diplomatii. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye. 2020. T. 31. S. 36-44
11. «Ekologicheskaya migratsiya» — eto chast' resheniya problem, kotoryye vozniknut v povtorite matematicheskoy analiz // <http://demonhost.info/novosti-mira/6977> -(data obrashcheniya 01.03.2024).
12. Likhachev S. V., Raksha N. S. Aktual'nyye problemy ekologicheskoy bezopasnosti Kryma // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskiye nauki. – 2023. – T. 9 (75). № 4. – S. 379 – 384.

УДК 347.422

ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Цыганков А. Ю., Мамедов А. Р.

Статья предлагает комплексный подход к решению проблемы фиктивных банкротств физических лиц в России. Предложенный механизм основывается на создании специализированного Реестра, который регистрирует все сделки физических лиц за три года перед началом процедуры банкротства. Этот инструмент включает не только регистрацию сделок, но и контроль за кредитами и меры, направленные на предотвращение потери имущества перед объявлением о банкротстве. Открытый доступ к Реестру для финансовых организаций и кредиторов позволит им принимать информированные решения о предоставлении займов. Это значительно уменьшит риски неплатежеспособности заемщиков и улучшит работу кредитного рынка. Однако, следует учитывать, что существует необходимость строгого контроля и оценки финансовых операций физических лиц, чтобы предотвратить злоупотребления и неправомерные попытки скрыть имущество перед банкротством. Авторы работы делают вывод о том, что важно не только предупреждать случаи фиктивных банкротств, но и улучшать механизмы кредитования и контроля за финансовыми операциями граждан. Это позволит не только сдерживать неправомерные действия, но и способствовать более стабильной финансовой системе в целом.

Ключевые слова: фиктивное банкротство, физическое лицо, реестр, финансовый анализ, неплатежеспособность, закредитованность, сделка, кредит, «предбанкротное состояние», несостоятельность.

Банкротство, как правило, считается не самым легким испытанием как для должника, так и для кредитора. Но особенно оно становится сложным тогда, когда сторона должника использует формально не запрещенные методы обхода требований законодательства в сфере несостоятельности граждан.

Прежде чем, перейти к непосредственно проблемам и путям их решений, необходимо сделать небольшой анализ развития процесса банкротства физических лиц в Российской Федерации. На законодательном уровне проблема неупорядоченности несостоятельности физических лиц стоял достаточно остро. Особенно следует учитывать то, что гражданин не имел возможности стать банкротом, т.к. возможность решить проблемы с долгами имели только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Однако в 2015 г. в связи с введением отдельной Гл. X в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» такая возможность появилась и у физических лиц. Кроме того, в сентябре 2020 г. внесены изменения, которые упростили проведение процедуры банкротства, в том числе во внесудебном порядке.

Актуальность данной работы состоит в том, что на сегодняшний день в гражданском законодательстве Российской Федерации не сформированы качественные механизмы предотвращения случаев фиктивного банкротства физических лиц. Если в отношении юридических лиц сложились определенные методы определения фиктивного банкротства и борьбы с ним, то в отношении такого банкротства физических лиц нет действенных правовых основ.

Проблема работы заключается в том, что банкротство физических лиц государством введено было, но средств борьбы против незаконных банкротств предусмотрено было недостаточно. Данная проблема на практике выражается в том, что физлицо различными путями получает крупные денежные или иные средства, когда оно

фактически не может их выплатить, а если подходит период начала процедуры банкротства, то оказывается, что у должника кроме единственного жилья ничего нет. Процедуры проверок, которые действуют для юридических лиц применить по отношению к физическим лицам крайне проблематично. Например, перераспределение долей в имуществе – каждая такая сделка в рамках ООО проходит регистрацию, на это действие имеется отдельное решение, которое можно истребовать в случае, если имеет место фиктивное банкротство, при этом достаточно необоснованным может считаться перераспределение долей в рамках «ничтожно малого размера уставного капитала в 10 тысяч рублей» [7]. Физическое лицо тоже регистрирует такие действия, например, раздел имущества супругов, здесь можно обратиться в Единый государственный реестр недвижимости и узнать, поменялись ли доли в имуществе вероятного должника или нет. Но затруднение заключается в том, что кредитор или пристав не могут узнать этого, пока самостоятельно не выяснят этот вопрос.

Фиктивное банкротство физических лиц в России, в контексте экономики и социальной сферы, воздействует на многие сферы, что требует внимания и анализа. Это явление может оказать определенное воздействие на различные аспекты жизни общества. В первую очередь, фиктивные банкротства оказывают влияние на финансовую стабильность. Когда физические лица фиктивно банкротятся, это может вызвать потери для кредиторов, снижение инвестиций и дестабилизацию финансовых рынков. Такие действия смещают конкурентное положение, влияют на рыночные отношения и снижают уровень доверия к финансовым институтам. Помимо этого, фиктивное банкротство создает проблемы для государственного бюджета. Невозврат кредитов, уклонение от уплаты налогов уменьшают финансовые ресурсы, которые могут быть направлены на социальные программы и развитие инфраструктуры. Такие случаи также оказывают воздействие на честных предпринимателей и инвесторов. Они могут изменить конкурентную среду, вызвать убытки и сделать экономическую обстановку менее стабильной и непредсказуемой.

Фиктивное банкротство также оказывает социальное влияние, поскольку создает образ финансовой нестабильности и несправедливости. Это может вызвать недоверие к финансовой системе и стимулировать рост социальных напряжений, а также может оказывать негативное влияние на экономическую стабильность, бюджетные ресурсы и социальное благополучие.

Для более детального разбора данной темы, необходимо изучить похожие работы ученых, которые затрагивают проблему фиктивного банкротства. Трудностями данной процедуры в рамках российской действительности является, по мнению, Исуповой Е. «проблемы в экономическом секторе России, потеря работы, потеря трудоспособности и та часть физических лиц, которая в принципе не собирается погашать долги» [3]. Однако нельзя говорить, что данные трудности являются ключевыми, но однозначно стоит отметить, они влияют на общую картину банкротств в РФ.

Как было сказано ранее, проблема данной темы кроется в недостатке информации, которую предоставляет гражданин о своих доходах и имуществе, например, Кабулов С. так же подчеркивает, что «специфика дел о банкротстве физлиц определяется отсутствием обязанности гражданина хранить и предоставлять сведения о «неофициальных» доходах и имуществе» [4]. Т.е. налицо законодательные недо-

статки, которые выливаются в настоящую «эпидемию» фиктивных и незаконных банкротств. Тенденцию этой проблематики отражает статистика общего числа процедур банкротств в РФ за период с 2016–2022 гг. С 19 тысяч в 2016 г. их количество к 2022 г. достигло более чем 278 тыс. [8]. Из них, соответственно, растет и количество фиктивных случаев, например, нередки случаи, когда отдельные фирмы и компании, пользуясь недостатками законодательства, проводят банкротства физических лиц за определенный процент от общего долга, который будет списан. Кроме проблем с законодательством столь бурную активность таких организаций можно объяснить увеличением количества начатых физлицами процедур банкротства, так, в работе Куликовой О. и Суворовой С. отмечается, что «подавляющую часть процедур банкротства физических лиц инициируется самими должниками» [5], а именно 96,7% в 2022 г. При этом в рамках статистики, как отмечает Исакова Ю. «наибольшую популярность получило признание физлица несостоятельным в связи с невозможностью исполнения обязательств, таких как: автокредит, потребительские ссуды и ипотека» [2].

После выяснения и некоторого понимания наиболее основной проблемы фиктивного или преднамеренного банкротств в виде проблемных сделок, необходимо, как верно отметила Баракина Э. «оценивать сделки в совокупности и определять их действительный экономический смысл» [1]. Именно совокупность позволит понять, было ли банкротство заранее спланированным нарушением или же действительно наступила без каких-либо злоупотреблений со стороны должника.

Если обратиться к судебной практике по вопросу банкротств физических лиц, то можно прийти к выводу, что большая часть судебных дел начинаются именно с подтекстом на фиктивное банкротство, например, по поводу данного факта Овинников В. заметил, что «по вопросам банкротства сложилась неоднозначная судебная практика, с учетом того, что в суды стали обращаться в основной массе недобросовестные должники, инициируя преднамеренное или фиктивное банкротство» [6].

В целом обобщая мнение ученых по данному вопросу, стоит отметить, что краеугольных камней в нем достаточно, но в общем их можно объединить только в одну проблемную область – это слабо развитая регистрация и учет сделок, которые имеют важность в процедурах банкротств физических лиц.

В целях решения данной ситуации, можно предложить создать специализированный Реестр, который будет регистрировать и учитывать все сделки физических лиц, которые они проводят за последние три года непосредственно перед началом процедуры банкротства. Механизм будет работать следующим образом:

1. Каждая весомая сделка (договор купли-продажи объектов, например, превышающих в цене 100 тыс. руб. будут регистрироваться в создаваемом Реестре совершенных (совершенные сделки за последние 3 года) и проводимых сделках (сделки, процесс заключения которых ещё не завершен). Что касается, например, договоров купли-продажи, то они будут попадать в базу данных Реестра путем их передачи компетентными органами, которым подведомственна регистрация (регистрация автомобиля органами ГИБДД).

2. Любые действия по приобретению кредита, аренды или лизинга также будут регистрироваться, при этом, если за последние 6 мес. будущий должник получил сразу несколько кредитов, не имея при этом достаточных к тому оснований, то это будет автоматически становиться объектом более тщательной проверки, если после

их получения гражданин подаст заявление о несостоятельности. Здесь также следует учитывать, что возможно расчет процента закредитованности физического лица, т.к., например, может он занимается деятельностью, которая предусматривает получение крупного займа на выполнение заказа, который в дальнейшем полностью покрывает полученный кредит. Для таких сделок необходимо предусмотреть обязанность гражданина пояснять причину получения такой ссуды и подтверждать её соответствующими документами.

3. В случае, если физическое лицо взяло два и более кредита на сумму, более 100 тысяч рублей, то он вносится в Реестр, как Лицо, имеющее закредитованность. Будет 3 уровня учета: Низкий уровень закредитованности – гражданин стабильно и без задержек оплачивает взятые ссуды, не допускает просрочек и имеет заработную плату, максимальный процент оплаты кредита от которой не превышает 40%. Средний уровень закредитованности – кредиты погашаются, но возникают редкие просрочки (не более одной просрочки в течение 3 мес.), процент заработной платы, которая погашает кредит, превышает 50%. Высокий уровень закредитованности – погашение кредита практически не производится, просрочки становятся постоянными, более 70% заработной платы уходит на погашение полученных займов. Начиная со среднего уровня закредитованности выдачу новых займов для физических лиц необходимо ограничить, для среднего уровня это запрет получения новых займов, т.к., если гражданин понимает, что выплата кредитов становится сложной, но при этом просрочек нет, то он берет дополнительный кредит на выплату предыдущих кредитов, чего допускать нельзя. В такой ситуации физическому лицу необходимо начать процедуру рефинансирования или другую операцию, которые позволят решить вопрос с уже имеющимися займами. Если же закредитованность гражданина достигла высокого уровня, то в его отношении возникает «предбанкротное» состояние, когда выплата ссуд практически невозможна и предлагаемые процедуры рефинансирования не в состоянии решить возникшую закредитованность.

4. Сделки, которые привели к резкой потере большей части имущества должника непосредственно перед банкротством будут отмечаться особым образом, также будет учитываться и то, с какими лицами были совершены сделки. Так как если будет обнаружено, что имущество было продано, передано или подарено в отношении родственников должника, то это будет основанием для признания данных сделок недействительными и направления взыскания в том числе и на это имущество. Если имущество было продано, передано или подарено никак не связанному с должником лицу, то в данном случае учитывается, являлась ли данная сделка мнимой и привела ли она к ухудшению материального положения должника.

5. Доступ к данному Реестру в обязательном порядке должен быть полностью открытым, т.к. имеющаяся информация позволит кредитным организациям, микрофинансовым организациям и другим кредиторам потенциально не допускать выдачи займов лицам, которые будут не смогут их выплатить.

На сегодняшний день российское законодательство имеет все основы для внедрения отдельного Реестра, который объединит все вышеперечисленные данные, и станет аналогом ЕФРСФДЮЛ, но в отношении физических лиц и с более большим функционалом, т.к. из судебной практики показывает, что количество проводимых процедур банкротств в отношении физических растет из года в год.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день в законодательстве России нет качественных механизмов борьбы с фиктивным и преднамеренным банкротством, их количество растет с каждым годом и нормативное регулирование в этом направлении должно быть наиболее активным. В качестве решения рассматриваемой проблемы возможно внедрить на государственном уровне специализированный Реестр о совершенных и проводимых сделках физических лиц, как инструмент отслеживания и недопущения ситуаций, когда должник уже не в состоянии выплачивать займы или же намеренно своими действиями создает обстановку, когда банкротство становится неизбежным и приведет к ухудшению положения кредитора, который не сможет взыскать с должника выданные в качестве займа имущество, вещи или иные материальные средства. Именно предотвращение банкротства должно стать ключевым методом в решении проблемы, которая была рассмотрена в данной работе.

Список литературы:

1. Баракина Э. В. Отдельные проблемы банкротства физических лиц: административная и уголовная ответственность за правонарушения и злоупотребления не обойдет стороной должников // Журнал «Вестник магистратуры». – 2019. – №1-1(88). – С. 66-67. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-bankrotstva-fizicheskikh-lits-administrativnaya-i-ugolovnaya-otvetstvennost-za-pravonarusheniya-i-zloupotrebleniya/viewer> (дата обращения: 21.12.2023). – Режим доступа: открытый.
2. Исакова, Ю. Р. Банкротство физических лиц: проблемы судебно-арбитражной практики / Ю. Р. Исакова // E-Scio. — 2022. — № 10. — С. 54-60. (дата обращения: 21.12.2023). – Режим доступа: открытый.
3. Исупова Е. А. Правовые средства противодействия фиктивным банкротствам // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 2 (февраль). – С. 180–188. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/193012.htm> (дата обращения: 15.12.2023). – Режим доступа: открытый.
4. Кабулов С. Л. Проблемы правового регулирования банкротства физического лица // Журнал «Вестник магистратуры». – 2019. – №8-2(95). – С. 97-99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-pravovogo-regulirovaniya-bankrotstva-fizicheskogo-litsa/viewer>. (дата обращения: 13.12.2023). – Режим доступа: открытый.
5. Куликова О. М., Суворова С. Д. Актуальные вопросы проведения процедуры банкротства в России // Журнал «Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования» - 2020. - №3 (45). – С. 41-46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-provedeniya-protsedury-bankrotstva-v-rossii/viewer>. (дата обращения: 18.12.2023). – Режим доступа: открытый.
6. Овинников В. А. Критерии и признаки банкротства (несостоятельности) физических лиц // Журнал «Вестник магистратуры» - 2018. - №12-1(87). – С. 131-135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-i-priznaki-bankrotstva-nesostoyatelnosti-fizicheskikh-lits/viewer>. (дата обращения: 21.12.2023). – Режим доступа: открытый.
7. Цыганков А.Ю., Дружин Е.А. Правовые проблемы создания общества с ограниченной ответственностью // Правовая реформа. – 2022. – №4. – С. 54–57. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50149236>. (дата обращения: 21.12.2023). – Режим доступа: по регистрации.
8. Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса // Федресурс URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротства%20статрелиз%202022.pdf> (дата обращения: 19.12.2023). – Режим доступа: открытый.

Tsygankov A. Yu., Mamedov A. R. Fictional bankruptcy of individuals in the Russian Federation: problems and solutions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 217–222.

The article offers an integrated approach to solving the problem of fictitious bankruptcies of individuals in Russia. The proposed mechanism is based on the creation of a specialized Register that registers all transactions of individuals three years before the start of the bankruptcy procedure. This tool includes not only the registration of transactions, but also the control of loans and measures aimed at preventing the loss of property before declaring bankruptcy. Open access to the Register for financial institutions and lenders will allow them to make informed decisions about granting loans. This will significantly reduce the risk of borrower insolvency and improve the functioning of the credit market. However, it should be borne in mind that there is a need for strict control and assessment of the financial transactions of individuals in order to prevent abuse and improper attempts to hide property before bankruptcy. The authors of the work conclude that it is important not only to prevent cases of fictitious bankruptcies, but also to improve the mechanisms of lending and control

over the financial transactions of citizens. This will not only deter misconduct, but also contribute to a more stable financial system as a whole.

Key words: fictitious bankruptcy, individual, register, financial analysis, insolvency, debt load, transaction, loan, “pre-bankruptcy state”, insolvency.

Spisok literatury:

1. Barakina E. V. Otdel'nye problemy bankrotstva fizicheskikh lic: administrativnaya i ugolovnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya i zloupotrebleniya ne obojdet storonoy dolzhnikov // ZHurnal «Vestnik magistratury». – 2019. – №1-1(88). – S. 66-67. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-bankrotstva-fizicheskikh-lits-administrativnaya-i-ugolovnaya-otvetstvennost-za-pravonarusheniya-i-zloupotrebleniya/viewer> (data obrashcheniya: 21.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.
2. Isakova, YU. R. Bankrotstvo fizicheskikh lic: problemy sudebno-arbitrazhnoj praktiki / YU. R. Isakova // E-Scio. — 2022. — № 10. — S. 54-60. (data obrashcheniya: 21.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.
3. Isupova E. A. Pravovye sredstva protivodejstviya fiktivnym bankrotstvam // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2019. – № 2 (fevral'). – S. 180–188. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/193012.htm> (data obrashcheniya: 15.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.
4. Kabulov S. L. Problemy pravovogo regulirovaniya bankrotstva fizicheskogo lica // ZHurnal «Vestnik magistratury». – 2019. - №8-2(95). – S. 97-99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-bankrotstva-fizicheskogo-litsa/viewer>. (data obrashcheniya: 13.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.
5. Kulikova O. M., Suvorova S. D. Aktual'nye voprosy provedeniya procedury bankrotstva v Rossii // ZHurnal «Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya» - 2020. - №3 (45). – S. 41-46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-provedeniya-protsedury-bankrotstva-v-rossii/viewer>. (data obrashcheniya: 18.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.
6. Ovinnikov V. A. Kriterii i priznaki bankrotstva (nesostoyatel'nosti) fizicheskikh lic // ZHurnal «Vestnik magistratury» - 2018. - №12-1(87). – S. 131-135. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-i-priznaki-bankrotstva-nesostoyatel'nosti-fizicheskikh-lits/viewer>. (data obrashcheniya: 21.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.
7. Cygankov A.YU., Druzhin E.A. Pravovye problemy sozdaniya obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu // Pravovaya reforma. - 2022. - №4. - S. 54-57. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50149236>. (data obrashcheniya: 21.12.2023). – Rezhim dostupa: po registracii.
8. Bankrotstva v Rossii: itogi 2022 goda. Statisticheskij reliz Fedresursa // Fedresurs URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Bankrotstva%20statreliz%202022.pdf> (data obrashcheniya: 19.12.2023). – Rezhim dostupa: otkrytyj.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВ И МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Бадиков Д. А., Зоз В. А.

В данной статье рассматриваются наиболее актуальные на сегодняшний день проблемы, возникающие в следственной практике в ходе расследования мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТКТ). Особое внимание уделяется изучению процедур сбора и формирования доказательственной базы по таким делам с учётом имеющейся в практической деятельности специфики, на основе чего предложены возможные варианты решения имеющихся недостатков. Отмечается, что основной проблемой, возникающей в ходе расследования данного вида преступлений, выступают вызванные нестандартностью (особенностью) среды, в которой они совершаются, пробелы в специальных знаниях сотрудников правоохранительных органов, необходимых как при изъятии электронных носителей информации, так и при производстве иных необходимых следственных действий, имеющих свою специфику.

Ключевые слова: интернет-мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, особенности расследования, преступная деятельность, обман и злоупотребление доверием, электронные средства платежа, банковские карты.

В настоящее время информационные технологии – неотъемлемая часть нашей жизни, поскольку они пронизывают многие сферы деятельности человека. Этот факт оказал существенное влияние в том числе и на преступную деятельность: по данным различных международных фондов оценки общественного мнения – Россия занимает лидирующие позиции в Европе по темпам роста количества интернет-мошенничеств (обманных действий/злоупотреблений доверием с использованием при этом электронных средств платежа и банковских карт) [1]. Как следствие этого, интернет становится как местом, так и средством совершения преступлений [2].

Объяснением этому становится преобладание безналичных расчётов в отечественной экономической системе, (что существенно облегчает преступникам совершение таких противоправных деяний), а также имеющие место быть сложности в процессе расследования данного вида преступлений, как минимум, возникающие в силу того, что деяния, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отличаются достаточно высоким уровнем латентности, а правоохранительные органы зачастую оказываются на «шаг позади» преступников в объёме знаний, требующихся для понимания непростых схем совершения интернет-преступлений. При этом необходимо понимать психологический портрет личности преступника, совершающего преступления в сети Интернет, что является одним из основных элементов оперативно-розыскной характеристики. Пол, возраст, образование, место жительства, наличие судимости – это сведения, необходимые для составления характеристики личности преступника, совершающего такие неправомерные действия [3].

Так, по некоторым оценкам специалистов, из общей массы мошеннических действий, осуществляемых с использованием электронных средств платежей, находят своё отражение в статистике лишь около 15% случаев [4]. Необходимо упомянуть о

том, что на сегодняшний день предпринимаются попытки по разрешению имеющихся проблем [5]. Так, осуществляются меры по совершенствованию уголовного законодательства в ответ на появление новых видов преступлений. Например, в УК РФ была введена статья 159.3, которая предусмотрела ответственность за осуществление мошеннических действий с использованием электронных средств платежа. В редакции Федерального закона от 23.04.2018 г. №111-ФЗ был расширен предмет данного преступления, а именно, в него стали входить не только банковские карты, но и все электронные средства платежа.

Под последними понимается особый платёжный инструмент, который позволяет хранить денежные средства в интернете, а также свободно ими распоряжаться в данном пространстве. К таковым можно отнести «Яндекс. Деньги», «WebMoney» и др. Однако и это не позволило в полной мере эффективно организовать процесс расследования, поскольку практика отдельных регионов по квалификации конкретных преступных проявлений складывается далеко не единообразно, что говорит о недостаточной её наработанности на сегодняшний день.

Данный факт существенно усложняет расследование столь масштабного количества уголовных дел, по истечении срока предварительного следствия которых доказательственной информации оказывается недостаточно для дальнейшего производства по делу. В связи с этим требуется осуществлять более тесное и регулярное взаимодействие правоохранительных органов в вопросах обмена имеющимся опытом, поскольку в отсутствие этого, крайне часто органами предварительного следствия такие уголовные дела приостанавливаются по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, что очевидно, формирует отрицательную статистику.

Кроме того, Интернет-мошенничества характеризуются высокой степенью латентности, что не позволяет правоохранительным органам оценить реальный её уровень. Учитывая, что имеющегося практического опыта, а также численности следователей и сотрудников органов дознания, осуществляющих сопровождение таких уголовных дел, их знаний в сфере IT-технологий оказывается недостаточно даже для расследования того массива преступлений, который фактически был зарегистрирован, то не сложно представить, насколько сильно усложнился бы этот процесс при меньшей степени латентности.

Среди причин подобного явления обычно выделяют: недостаточный уровень доверия граждан к сотрудникам правоохранительных органов; отсутствие веры в возможность обнаружить преступника и привлечь его к ответственности; незначительность похищенной суммы денег, ради возвращения которой граждане не готовы вступать в уголовное судопроизводство.

Очевидно, что подобные проблемы все же должны решаться. В первую очередь, необходимо добиться правовой ответственности лиц, потерпевших от мошеннических действий в информационно-телекоммуникационном пространстве. Важную роль в данном вопросе играет правовая пропаганда, а также деятельность средств массовой информации о необходимости сообщения о произошедшем в правоохранительные органы, а также об основах поведения в сети Интернет, при поступлении звонков от неизвестных граждан и т.д. В ответ на это важно обеспечить полную штатную численность сотрудников органов предварительного следствия, в частности специализирующихся на расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Кроме того, было

бы целесообразно осуществлять регулярное взаимодействие таких следователей с IT-специалистами, способными проводить разъяснительные лекции о способах совершения тех или иных действий мошенниками в работе с персональным компьютером, информационными сетями, смартфонами, о том, каким образом они преодолевают криптографические защиты и др.

Общение со специалистами на данные темы окажется крайне полезным для следователей, поскольку позволит напрямую узнать о принципе реализации преступником объективной стороны того или иного интернет-мошенничества. Для качественного проведения расследования, понимания плана предстоящих действий, способных изобличить мошенника, следователь должен быть компетентен в конкретном вопросе. В данном вопросе также важна и материальная составляющая.

Однако даже несмотря на сложность раскрытия рассматриваемой нами категории преступлений, следственная практика имеет хотя и минимальный, не всегда эффективный, но в некоторой степени стандартный план следственных и процессуальных действий, который позволяет расследовать, как минимум, несложные мошеннические схемы в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Одно из возможных и достаточно информативных при грамотном проведении следственным действием выступает допрос потерпевшего лица о фактах совершённого в отношении него мошенничества. Практика показывает, что зачастую допросы проводятся формально, упускаются важные сведения события преступления.

В ходе проведения данного следственного действия важно детально узнать суть разговора/переписки с мошенником, точную сумму похищенного, тактику действий потерпевшего в сложившейся ситуации и т.д., приобщив при этом имеющиеся доказательства (например, скриншоты переписок) [6].

При наличии у пострадавшего от преступления лица чеков или квитанций, подтверждающих факт перевода денежных средств на тот или иной счёт злоумышленника, они могут быть подвергнуты выемке и также приобщены в качестве вещественных доказательств в соответствии с УПК РФ. В ходе приобщения важно соблюдать требования относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Их процессуальное оформление должно позволять должным образом интерпретировать зафиксированные сведения, не содержать искажений и др.

Не стоит также умалить возможность опознания мошенника потерпевшим по голосу, который последний мог запомнить. Это может явиться поводом для назначения судебной фоноскопической экспертизы. Возможно, человек с подобным голосом в ином регионе уже привлекался к уголовной ответственности. В такой ситуации будет не лишней организация должного уровня взаимодействия органов предварительного следствия различных субъектов Российской Федерации. На практике такое взаимодействие не всегда выстраивается на доброжелательных началах, а время получения ответов затягивается, иногда необоснованно.

Говоря о взаимодействии, хотелось бы обозначить имеющую место быть достаточно серьёзную проблему в рассматриваемом нами вопросе. В целом, в ходе расследования Интернет-мошенничеств, а также мошенничеств с использованием сотовой связи, информация, предоставляемая следователю по его запросу от операторов сотовой связи, банков, различных Интернет-сервисов, платёжных систем играет большую роль, однако: нередко время ожидания ответа растягивается на несколько месяцев, что существенно затягивает сроки расследования; используются недоста-

точно конкретные формулировки в запросах и даются такие же абстрактные ответы; существует деление сотовых компаний на макро-филиалы, которые не всегда могут предоставить информацию обо всех абонентах их оператора в России, ограничиваясь при этом только теми из них, кто находится в пределах их филиала [7]; при перегрузке базовой сотовой станции (вышки) сигнал может передаваться на ближайшую станцию, что и фиксируется операторами сотовой связи. Однако, в связи с этим возникают ложные предположения о нахождении звонящего лица в том или ином месте, хотя фактически он находился в другом [8].

Указанные нюансы следует учитывать при направлении запросов, не допускать абстрактности в их формулировке и направлять их в первые же дни после начала производства предварительного следствия по уголовному делу.

В случае с расследованием преступлений по факту мошеннических звонков, следует помнить, что зачастую запрос в сотовую компанию направляется с целью получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, для чего предварительно требуется получить судебное решение. Копии материалов дела, передаваемые при этом в суд, должны отражать всю суть расследуемого дела, предоставлять судье полную информацию о нём. В сотовую организацию необходимо направлять вместе с запросом исключительно оригинал судебного решения, чтобы в случае его отсутствия не получить ответ о невозможности предоставления запрашиваемых сведений.

Необходимо обозначить одну из наиболее злободневных проблем – отсутствие должного международного сотрудничества. В ситуациях, когда есть необходимость установления IP-адреса подозреваемого, может быть выявлен факт его регистрации на территории иностранного государства. В данном случае встаёт вопрос о направлении запроса по линии Интерпола, срок ответа на который зачастую крайне длителен, в том числе и по объективным причинам (например, IP-адрес анонимен). Ещё один недостаток в данном направлении – не всегда добросовестная и оперативная работа в ходе ответа на запрос со стороны правоохранительных органов иностранного государства [9].

Решением подобной проблемы может стать подписание договоров об оказании правовой помощи в расследовании преступлений, совершённых с использованием ИТКТ, между Российской Федерацией и зарубежными странами.

На первый взгляд можно полагать, что следователем при расследовании информационно-телекоммуникационных мошенничеств предпринимается достаточный объём действий. Но несмотря на это, многие из них, как показывает практика, остаются не раскрытыми. Так, из зарегистрированных 522 065 преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в 2022 г. раскрыто лишь 142 384 из них [10]. Масштабное приостановление таких уголовных дел объясняется совершенствованием схем преступной мошеннической деятельности, к которым можно отнести, например, применение при переходе на конкретный сайт VPN сервисов, маскирующих реальный IP-адрес или использование абонентских номеров, не способных отобразиться на конкретной базовой станции ввиду отсутствия у номера физического носителя.

Обобщая сказанное, мы можем сделать вывод о том, что следственные действия, не приносящие должных результатов, из-за существования множества маскирую-

щих истинное лицо мошенника сервисов, лазеек, заводят следствие в тупик. Это является стимулом для того, чтобы лица, производящие расследование мошенничеств, совершенных с использованием ИТКТ, стремились к развитию своих знаний в IT-сфере, тем самым идя, как минимум, «в ногу» со злоумышленниками и пытаясь предугадать схему их действий в каждом конкретном случае, без использования формализованных шаблонов, не подстроенных под особую следственную ситуацию.

Список литературы:

1. Вестов Ф.А., Шамьенов Н.Р. Актуальность проблем DoS и DDoS-атак в уголовном праве в сфере компьютерной информации // Базис. 2020. № 1 (7). С. 13-16.
2. Иванов С.И. Особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 23-24.
3. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Личность интернет-преступника и отдельные способы их выявления в глобальной информационной сети // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 306-312.
4. Бондаренко Т.Г. К проблеме мошенничества с использованием банковских карт в РФ // Инновационная наука. 2016. № 21. С.6.
5. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. Алгоритм действий следователя при расследовании мошенничества с использованием электронных средств платежа // Закон и право. 2023. № 4. С. 153-155.
6. Денисов, Е. А. Скриншоты в системе уголовно-процессуальных доказательств: вопросы теории и практики // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 15(15). С. 179-183.
7. Сезонова, Т.В. Проблемы расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети «Интернет» и сотовой связи / Т.В. Сезонова, В.И. Чувальникова // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики: сборник научных статей / Редколлегия: Н.В. Морозова [и др.]. Орел : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2021. С. 108-113.
8. Ковтун Ю.А., Жукова Н.А., Лагуточкин А.В. Актуальные вопросы раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи: учебно-практическое пособие / Белгород, 2015.
9. Науменко О.А. Проблемы в расследовании уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной среды // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3(45). С. 60-64.
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года: [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (Дата обращения: 29.03.2023).

Badikov D.A., Zoz V.A. Towards problematic aspects of investigating internet and mobile phone frauds // Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – С. 223–228.

This article discusses the most pressing problems today that arise in investigative practice during the investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies (ITCT). Particular attention is paid to the study of procedures for collecting and forming an evidence base in such cases, taking into account the specifics existing in practical activities, on the basis of which possible options for solving existing shortcomings are proposed. It is noted that the main problem that arises during the investigation of this type of crime is caused by the non-standard (peculiarity) of the environment in which they are committed, gaps in the special knowledge of law enforcement officers, necessary both when seizing electronic storage media and when carrying out other necessary investigative actions that have their own specifics.

Key words: Internet fraud, information and telecommunication technologies, features of the investigation, criminal activity, deception and abuse of trust, electronic means of payment, bank cards.

Spisok literatury:

1. Vestov F.A., SHam'enov N.R. Aktual'nost' problem DoS i DDoS-atak v ugolovnom prave v sfere komp'yuternoj informacii // Bazar. 2020. № 1 (7). S. 13-16.
2. Ivanov S.I. Osobennosti provedeniya operativno-razysknykh meropriyatij v seti Internet // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2018. № 18-1. S. 23-24.
3. Zoz V.A., Lagutochkina A.S. Lichnost' internet-prestupnika i otdel'nye sposoby ih vyyavleniya v global'noj informacionnoj seti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 2. S. 306-312.
4. Bondarenko T.G. K probleme moshennichestva s ispol'zovaniem bankovskih kart v RF// Innovacionnaya nauka. 2016. № 21. S.6.

5. Badikov D.A., Eliseeva K.A. Algoritm dejstvij sledovatelya pri rassledovanii moshennichestva s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // *Zakon i pravo*. 2023. № 4. S. 153-155.
6. Denisov, E. A. Screenshoty v sisteme ugovolno-processual'nyh dokazatel'stv: voprosy teorii i praktiki // *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*. 2017. № 15(15). S. 179-183.
7. Sezonova, T.V. Problemy rassledovaniya moshennichestv, sovershennyh s ispol'zovaniem seti «Internet» i sotovoj svyazi / T.V. Sezonova, V.I. Chuval'nikova // *Problemy ugovolno-processual'nogo prava i kriminalistiki: sbornik nauchnyh statej / Redkollegiya: N.V. Morozova [i dr.]*. Orel : Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk'yanova, 2021. S. 108-113.
8. Kovtun YU.A., Zhukova N.A., Lagutochkin A.V. Aktual'nye voprosy raskrytiya i rassledovaniya moshennichestv, sovershennyh s ispol'zovanie sredstv mobil'noj svyazi: uchebno-prakticheskoe posobie / Belgorod, 2015.
9. Naumenko O.A. Problemy v rassledovanii ugovolnyh del o moshennichestve, sovershennom s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnoj sredy // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2019. № 3(45). S. 60-64.
10. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2022 goda: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (Data obrashcheniya: 29.03.2023).

УДК 355.551

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ НАВЫКОВ В ПРОЦЕССЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Бокий А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье проанализированы особенности организации и методики проведения практических занятий кафедрами физической подготовки и спорта, тактико-специальной и огневой подготовки, специальных дисциплин. Проводимые на этих кафедрах практические занятия автор выделяет в отдельную категорию – это занятия, основной задачей которых является формирование устойчивого навыка выполнения профессионально значимых тактико-технических действий (выполнение боевых приемов борьбы, использование специальных средств активной обороны, приведение в боевую готовность и применение табельного огнестрельного оружия и пр.). Указаны организационные и методические условия формирования и совершенствования навыков выполнения сложных тактико-технических действий. Определение типичных и наиболее распространённых недостатков позволило сформулировать основные рекомендации по организации и проведению практических занятий на кафедрах специального цикла

Ключевые слова: специальная подготовка сотрудников полиции, кафедры специального цикла, двигательный навык, тактико-технические действия, практические занятия.

Физическая, огневая, тактическая подготовка являются неотъемлемыми составляющими специальной подготовки сотрудника полиции, в ходе которой он получает не только необходимые знания, но и приобретает профессионально значимые навыки, необходимые для успешного выполнения оперативно-служебных задач в любых условиях и ситуациях служебной деятельности. Требования к высокому уровню специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел имеет законодательную основу [1; 2] Особое значение в последнее время имеет специальная подготовка сотрудников к действиям в особых условиях.

В ведомственных учебных заведениях задачи по воспитанию необходимых физических качеств, а также по обучению специализированным двигательным действиям выполняют кафедры, которые условно можно отнести к категории «кафедры специального цикла». В рамках данной статьи хотелось бы проанализировать особенности организации и методики проведения практических занятий кафедрами физической подготовки и спорта, тактико-специальной и огневой подготовки, специальных дисциплин.

Учитывая специфику преподаваемых учебных дисциплин, практические занятия на этих кафедрах можно выделить в отдельную категорию – занятия, основной задачей которых является формирование устойчивого навыка выполнения профессионально значимых тактико-технических действий (выполнение боевых приемов борьбы, использование специальных средств активной обороны, приведение в боевую готовность и применение табельного огнестрельного оружия и пр.). Необходимо также отметить, что обязательным условием формирования устойчивого двигательного навыка и, как следствие, эффективного технического действия является и соответствующий уровень развития физических качеств обучающихся (сила, быстрота, ловкость, выносливость, гибкость). И это касается не только занятий по физической подготовке.

Значит, при организации и проведении указанных практических занятий нужно учитывать закономерности обучения техническим действиям и формирования двигательных навыков, а также различные методики воспитания необходимых физических качеств. Двигательный навык – это оптимальная степень владения техникой действия, характеризующаяся автоматизированным управлением движениями, высокой прочностью и надежностью исполнения [3, с. 65].

При выборе методики проведения занятия, направленного на формирование двигательного навыка, преподаватель должен учитывать обязательную методическую последовательность:

1. Формирование положительной учебной мотивации. Обучающиеся должны четко представлять и понимать практическую значимость изучаемых действий. При этом задачей преподавателя является также учет специализации и направление обучения учебной группы.

2. Формирование знаний о сущности двигательного действия. Знания формируются на основе наблюдения за выполнением действия и прослушивания сопровождающего показ комментария, цель которого — выделить в этом действии те элементы, от которых зависит успех его выполнения [4, с. 4].

3. Создание полноценного представления об изучаемом движении по каждой основной опорной точке. Применимо к нашей специфике основные опорные точки можно определить, как ключевые элементы двигательного действия, непосредственно влияющие на его эффективность (например: уход с линии атаки, блок, захват, отвлекающий удар, скручивание и т.д.). На данном этапе освоения двигательного действия акцентируют внимание на выполнении каждого значимого элемента, активно используют метод подводящего и сопряженного упражнения.

4. Стабилизация двигательного навыка, формирование помехоустойчивости и вариативности выполнения тактико-технических действий. Данный этап характеризуется широким использованием разнообразных средств и методов, как для формирования двигательного навыка, так и развития необходимых для его эффективного выполнения физических качеств. Применимо к профессиональной подготовке сотрудников полиции это будет выражаться в возможности эффективного выполнения тактико-технических действий не только в стандартных, но и усложненных условиях (ограниченное пространство или время, плохая видимость, влияние внешних сил либо сопротивления правонарушителя, выполнение действий на фоне утомления и пр.). Вариативность применения технических действий крайне важна в нециклических видах спорта с постоянно меняющимися условиями их выполнения (единоборства, спортивные игры и пр.). Она также необходима при выполнении сотрудниками полиции действий, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. На данном этапе активно используются методы вариативного упражнения, игровой и соревновательный методы. В общем плане структура процесса обучения двигательному действию происходит в два этапа: 1) этап начального разучивания; 2) этап углубленного разучивания.

Исходя из этого, при формулировке задач практического занятия и постановке учебных вопросов целесообразно разделять изучение определенного двигательного действия и его совершенствование, что будет соответствовать указанным этапам формирования навыка.

При организации и проведении практического занятия, основной целью которого является освоение и совершенствование определенных навыков, необходимым является использование широкого перечня эффективных методов и педагогических приемов. Среди них выделяют общепедагогические (словесные, наглядные) и специфические (строго регламентированного упражнения, игровой, соревновательный), в последнем случае целесообразным будет комплексное использование методов обучения двигательным действиям и воспитания физических качеств.

Анализ проводимых кафедрами специального цикла практических занятий позволяет определить отдельные недостатки в их организации и методике. Качество методических разработок указанных занятий зачастую не соответствуют предъявляемым требованиям, не отображают в полном объеме ход их проведения, организационные особенности, методические приемы и тем более инновационные педагогические технологии или авторскую методику преподавания дисциплины и избранной темы. Основные недостатки при организации и проведении практических занятий кафедрами специального цикла:

1. Некорректная формулировка учебных вопросов. Так, в большинстве случаев преподаватель указывает только название технического действия и не акцентирует внимание на этапе его изучения. Например – «Защитные действия от удара ножом сверху», «Защита от удара рукой сбоку», «Освобождение от захвата за одежду спереди двумя руками» и пр. То есть в данном случае мы видим не учебный вопрос или задачу, а название или описание отдельного двигательного действия – боевого приема борьбы. Также при описании учебных вопросов можно встретить формулировки, не конкретизирующие ход проведения занятия («Опрос», «Практическая отработка учебных вопросов», «Выполнение строевых приемов и команд» и пр.). В отдельных случаях в качестве учебных вопросов преподавателем указываются организационные мероприятия, прямо не относящиеся к теме занятия («Подготовка и подгонка экипировки сотрудника» и пр.).

Учитывая этапы формирования двигательного навыка, с целью правильной организации и применения соответствующих методов необходимо конкретизировать учебный вопрос с формулировкой «изучение» либо «совершенствование». В зависимости от этого существенно будут отличаться методы и методические приемы, используемые для освоения двигательного действия. Отсутствие учета закономерностей формирования двигательного навыка приводит к следующему распространённому недостатку.

2. Ограниченное использование методов и средств обучения двигательному действию. Как было отмечено выше, процесс формирования двигательного навыка достаточно сложен и требует использования разнообразных средств и методов. Практические занятия, основной целью которых является обучение техническому (тактико-техническому) действию, к сожалению, в большинстве случаев сводится к использованию стандартной и эффективной только на начальной стадии обучения схеме – применение метода расчленено-конструктивного и целостно-конструктивного упражнения.

При освоении и, особенно, при совершенствовании технических действий, первостепенное значение приобретают методы подводящего и сопряженного упражнений, вариативного воздействия, игровой и соревновательный методы, к которым можно отнести и решение ситуационных задач с применением боевых приемов

борьбы, условные или вольные схватки (поединки) и пр. Широкое использование указанных методов обуславливает и более широкий арсенал применения средств обучения, что в свою очередь качественно влияет на достижение целей и задач учебного практического занятия.

1. Неиспользование или недостаточное использование специального инвентаря, оборудования, технических средств обучения. При проведении занятий не лишним будет использование разнообразного раздаточного материала, специального инвентаря и оборудования, технических средств обучения, в том числе компьютерной и мультимедийной техники. В качестве негативных примеров можно привести отработку (постановку) ударов руками без защитных приспособлений по ладоням ассистента, демонстрация техники прицеливания «на пальцах», не использование специальных электронных тренажеров при совершенствовании техники стрельбы, оказания первой медицинской помощи и пр.

2. Отсутствие комплексного подхода в обучении: изучение (совершенствование) двигательных действий и воспитание физических качеств. Как было отмечено выше, обязательным условием формирования устойчивого двигательного навыка и как следствие эффективного технического действия является и соответствующий уровень развития физических качеств обучающихся (сила, быстрота, ловкость, выносливость, гибкость). И это касается не только занятий по физической подготовке. Процесс освоения технических действий и воспитания физических качеств неразрывно связан. В связи с этим, целесообразно включать в содержание практических занятий специально-развивающие, подводящие упражнения либо упражнения, непосредственно оказывающие положительное влияние на качество выполнения изучаемого двигательного действия (развитие скоростно-силовых качеств для формирования ударной техники, развитие статической силовой выносливости для повышения эффективности в стрельбе и т.д.).

3. Недостаточное формирование положительной учебной мотивации. Преподаватели зачастую не обосновывают практическую значимость изучаемых действий, в том числе, не учитывают специализацию учебной группы и направление обучения. При демонстрации и объяснении учебного материала преподавателю необходимо приводить практические примеры выполнения технико-тактических действий при выполнении сотрудником полиции служебных задач (задержание и сопровождение правонарушителей, применение специальных средств или огнестрельного оружия и пр.), приводить примеры, разбирать и анализировать конкретные служебные ситуации.

4. Отсутствие авторских методик, новизны, оригинальности в применении педагогических технологий, эффективных методик обучения. Данный пункт подходит в основном для показательных и конкурсных занятий, при проведении которых опытные преподаватели демонстрируют оптимальную методику обучения и подготовки личного состава, затрагивают проблемные вопросы и предлагают инновационные пути их решения. Как пример можно привести проведение занятия по теме «Удары и защита от ударов». Указанная тема не ограничена использованием защитных действий от ударов невооруженного правонарушителя и включает в себя защиты от нападения ножом или другим опасным предметом. В последнем случае в соответствии с ведомственными нормативными документами предусмотрено использование и применение табельного огнестрельного оружия, но конкретных алгоритмов и

описаний соответствующих тактико-технических действий не приведено [5]. Таким образом, при проведении практического занятия преподаватель, помимо совершенствования описанных и утверждённых стандартных защитных действий от ударов ножом (опасным предметом), предлагает разработанные им защитные действия с применением табельного оружия при нападении ножом (опасным предметом) с дальней, средней или ближней дистанции, в том числе из различных исходных положений.

5. Отсутствие разработки актуальных проблемных вопросов изучаемой темы (например, применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия в сложных, нестандартных либо особых условиях несения службы). Актуально для слушателей старших курсов или проходящих обучение по программам профессиональной подготовки. При организации и проведении практических занятий целесообразно демонстрировать решение актуальных проблемных вопросов применения физической силы, специальных средств, табельного огнестрельного оружия и других профессионально-важных тактико-технических действий. В качестве примеров: применение боевых приемов борьбы в условиях ограниченного пространства, времени либо в условиях физического утомления и т.д. Отдельного внимания заслуживает разработка проблемных вопросов применения оружия в условиях противоборства с правонарушителем, либо при наличии внешнего воздействия или других помех [6]. К сожалению, в основной массе конкурсных показательных занятий преподаватели ограничиваются рассмотрением стандартных вопросов по изучаемой теме.

Наиболее актуальным на сегодняшний день является разработка проблемных вопросов применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в особых условиях несения службы. На основании проведенного анализа можно определить, как особенности применения указанных мер принуждения, так и основные направления подготовки сотрудников полиции к соответствующим действиям в особых условиях.

Таким образом, считаем необходимым подчеркнуть следующее: специфика преподаваемых на кафедрах специального цикла дисциплин позволяет выделить их практические занятия в отдельную категорию – занятия, основной задачей которых является формирование устойчивого навыка выполнения профессионально значимых тактико-технических действий (выполнения боевых приемов борьбы, использования специальных средств активной обороны, приведение в боевую готовность и применения табельного огнестрельного оружия и пр.). Соответственно, при организации и проведении указанных практических занятий необходимо учитывать закономерности обучения техническим действиям и формирования двигательных навыков, а также различные методики воспитания необходимых физических качеств.

Учитывая указанные недостатки можно сформулировать основные рекомендации по организации и проведению практических занятий кафедрами специального цикла: правильно формулировать учебные вопросы, которые должны указывать на этап обучения и степень освоения обучающимися технических действий; широко использовать полный спектр методов и средств обучения в зависимости от этапа освоения технического действия; активно использовать в процессе обучения специальный инвентарь, оборудование, технические средства, в том числе, компьютерные и мультимедийные; применять комплексный подход в обучении: одновременно с

освоением двигательных действий развивать необходимые физические качества; обосновывать необходимость и важность для практической деятельности изучения и совершенствования конкретных тактико-технических действий, формировать положительную учебную мотивацию; опытным преподавателям активно внедрять авторские методики, применять эффективные инновационные педагогические технологии в процессе обучения; делать акцент на разработке и решении актуальных проблемных вопросов изучаемой темы.

Список литературы:

1. Федеральный закон России от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в действ. редакции).
2. Федеральный закон России от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в действ. редакции).
3. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта : учебник для ВУЗов физической культуры и спорта. М.: Академия, 2003. 480 с.
4. Профессиональная подготовка рядового и младшего начальствующего состава полиции. Часть 3. Физическая и огневая подготовка: учеб. пособие / под общ. ред О.М. Булгакова. Краснодар: КрУ МВД России, 2020. 136 с.
5. Приказ МВД России от 01.07.2017 № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (в действ. редакции) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс].
6. Бокий А.Н., Рязузов Д.Ю. Подготовка сотрудников полиции к применению табельного оружия в условиях противостояния с правонарушителем: учеб.-метод. пособие. Краснодар: КрУ МВД России, 2021. 87 с.

Bokii A.N. Features of the formation of professionally significant skills in the process of special training of police officers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 229–234.

The article analyzes the features of the organization and methodology of practical training by the departments of physical training and sports, tactical special and fire training, and special disciplines. The author distinguishes the practical classes conducted at these departments into a separate category – these are classes whose main task is to form a stable skill of performing professionally significant tactical and technical actions (performing combat techniques of combat, using special means of active defense, putting on alert and using service firearms). Organizational and methodological conditions for the formation are indicated and improving the skills of performing complex tactical and technical actions. The identification of typical and most common shortcomings allowed us to formulate basic recommendations for the organization and conduct of practical classes at departments of a special cycle.

Keywords: special training of police officers, departments of a special cycle, motor skills, tactical and technical actions, practical exercises.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon Rossii ot 07.02.2011 № 3-FZ «O policii» (v dejstv. redakcii).
2. Federal'nyj zakon Rossii ot 30.11.2011 № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (v dejstv. redakcii).
3. Holodov ZH.K., Kuznecov V.S. Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta : uchebnik dlya VUZov fizicheskoy kul'tury i sporta. M.: Akademiya, 2003. 480 s.
4. Professional'naya podgotovka ryadovogo i mladshego nachal'stvuyushchego sostava policii. CHast'3. Fizicheskaya i ognevaya podgotovka: ucheb. posobie / pod obshch. red O.M. Bulgakova. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2020. 136 s.
5. Prikaz MVD Rossii ot 01.07.2017 № 450 «Ob utverzhdenii Nastavleniya po organizacii fizicheskoy podgotovki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» (v dejstv. redakcii) // IPP «Garant.ru» [Elektronnyj resurs].
6. Bokij A.N., Ryzuzov D.YU. Podgotovka sotrudnikov policii k primeneniyu tabel'nogo oruzhiya v usloviyah protivoborstva s pravonarushitelem: ucheb.-metod. posobie. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2021. 87 s.

УДК 343.341.1

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ БАНДИТИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А.

В статье приводится юридическая характеристика субъекта и субъективной стороны состава бандитизма (ст. 209 УК РФ). Делается акцент на необходимости пересмотра законодательного подхода к установлению возраста уголовной ответственности в сторону его снижения до четырнадцати лет. Предлагается введения поощрительной нормы, позволяющей освобождать от уголовной ответственности за бандитизм в определенных законом случаях. Описываются цели и мотивы бандитизма, выступающие ключевыми признаками по отграничению данного состава преступления от иных форм сложного преступного соучастия.

Ключевые слова: бандитизм; субъективные признаки; субъект бандитизма; субъективная сторона бандитизма

В доктрине уголовного права, а также в рамках правореализующей деятельности правоохранительных органов давно доказано, что бандитизм (ст. 209 УК РФ) является весьма опасным преступлением, со сложной конструкцией состава и множеством проблемных вопросов в квалификации. Отчасти справиться с такими проблемными аспектами призвано отдельное разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятое еще в 1997 г. [1], направленное на придание единообразия в правоприменительной практике относительно квалификации бандитизма, создания банды, руководства ей и участия в ней. Однако многие правоприменительные подходы, отраженные в указанном постановлении, уже не являются соответствующими современной риторике и требуют пересмотра. В определенной степени это относится и к толкованию отдельных составляющих субъективных признаков данного состава преступления.

Сами по себе субъективные признаки любого состава преступления являются весьма важными, поскольку характеризуют как само лицо, совершившее преступление, так и особенности его психоэмоционального состояния, возраста, а также внутреннюю сторону преступного поведения такого лица. Несмотря на то, что на практике установление отдельных субъективных признаков составов преступлений характеризуется сложностью, стоит подчеркнуть, что именно они служат необходимой юридической платформой для признания, во-первых, того или иного деяния преступным, во-вторых, для отграничения одного состава преступления от другого.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, является физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, т.е. общий субъект. Такой возрастной ценз установлен в ст. 20 УК РФ, а именно, ст. 209 УК РФ нет перечне деяний, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, закрепленного в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

О 16-летнем возрасте ответственности за бандитизм также указывается в абз. 2 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ. При этом, Верховный Суд РФ подчеркивает, что «лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные преступления в составе банды, подлежат ответственности лишь за те конкретные пре-

ступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-летнего возраста (ст. 20 УК РФ)» [1]. Надо сказать, что это устоявшаяся уже долгие годы позиция, которая единообразно применяется и в отношении иных составов преступлений, где речь идет об участии в преступлениях, совершаемых, например, в составе преступного сообщества (организации), экстремистского сообщества (организации).

Вместе с тем, хотелось бы обратить особое внимание на то, что за участие в составе террористического сообщества (организации) (ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), незаконного вооруженного формирования (ч. 2 ст. 208 УК РФ), а также за участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ) согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ лица подлежат ответственности с 14 лет. Все эти преступления располагаются в том же разделе и в той же главе УК РФ, что и состав ст. 209 УК РФ. Однако, до сих пор не понятно, почему законодатель обошел стороной снижение возраста уголовной ответственности за участие в составе банды, потому что это не менее опасное преступление, чем те, что указаны выше.

Более того, ситуация последних лет свидетельствует, что среди молодежи набирают обороты деструктивные формы их объединения по принципам приверженности определенным преступным взглядам. Например, в 14 июля 2020 г. Кировский районный суд г. Уфы удовлетворил административный иск прокурора г. Уфы о признании информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: https://vk.com/aye_zhizn_voram_vechno, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. В решении суд указал следующее: «АУЕ – «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство» – название и девиз предположительно существующей криминальной субкультуры и российского неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних (подростков, юношей и девушек). Это молодежное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на «общак», взамен обещая поддержку и защиту в настоящем и будущем. На указанной странице размещена информация, а также изображения, направленные на пропаганду и романтизацию криминального образа жизни, воровских понятий и уголовного мировоззрения. В частности, на страницах группы размещены изображения и высказывания со следующим содержанием: «Если Ваши мечты не тянут на пару тюремных сроков то это так себе мечты»; «Жизнь ворам Процветание Ходу Воровскому АУЕ»; «А Ваш закон мне не закон. Понятие и совесть вот закон»; «Ходу воровскому Смерти мусорскому»» [2].

Позднее 17 августа 2020 г., накопив уже солидный объем решений о запрете подобной деятельности уже Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации и признал движение «Арестантское уголовное единство» экстремистским, а также запретил его деятельность [3].

Деструктивная деятельность экстремистской организации «А.У.Е.» в последние годы также привлекает внимание ученых, которые подчеркивают «многоликость» такого запрещенного движения [4, с. 3-7]. Это еще раз подтверждает опасность данного деструктивного направления развития молодежи и в конечном счете способствует, на наш взгляд, приобщению лиц более молодого возраста к криминальной

среде, в том числе и вхождению в состав каких-либо банд для подтверждения своего криминального статуса среди себе подобных.

На основании всего сказанного, считаем необходимым снизить возраст уголовной ответственности по ч. 2 ст. 209 УК РФ до 14 лет и внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Специальный субъект бандитизма установлен в ч. 3 ст. 209 УК РФ, где указывается на совершение преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 или 2 данной статьи лицом, с использованием своего служебного положения.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ «под совершением бандитизма с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 209 УК РФ) следует понимать использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении бандой нападения либо при финансировании ее преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов банды и т.п.» [1].

Вместе с тем, обращают на себя внимание предложения некоторых ученых о необходимости исключения из содержания ст. 209 УК РФ ее части 3 [5, с. 8]. При этом, например, О. А. Попова идет еще дальше и предлагает осуществлять квалификацию соответствующих действий по ст. 286 УК РФ [6, с. 7]. Мы не разделяем данную позицию, поскольку считаем, что указанный автор существенно сужает понятие «использование своего служебного положения», и фактически приравнивает его к «использованию своего должностного положения», что в корне не верно. Объясняется это тем, что должностные лица – это субъекты, замещающие органы в государственных и муниципальных органах власти, в то время как служебным положением может быть наделен человек, работающий в коммерческих структурах.

В этой связи прав А. В. Хадзегов, который в своем диссертационном исследовании указал, что в контексте ч. 3 ст. 209 УК РФ специальными субъектами «могут быть, должностные лица, статус которых определен в примечании к ст. 285 УК РФ, и лица, выполняющие управленческие: функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ), – что общепризнанно, а также ответственные работники охранных служб и финансовых структур» [7, с. 7]. Тем самым очевидна законодательная процедура по существенному усилению юридической ответственности лиц, «которые совершают преступления посредством использования своих административно-властных, служебных полномочий и возможностей в целях облегчить совершение преступления, а также получить дополнительные средства по его сокрытию» [8, с. 7].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, – это внутренняя психическая деятельность лица, которое организывает банду, руководит ей, либо принимает участие в ней. Эта мыслительная деятельность сознания человека существует не сама по себе, а в контексте противоправного поведения и в конечном счете должна отражать отношение лица к совершаемому им деянию. Иными словами, осознавал ли он, т.е. понимал, что совершает преступление и как относился к данному факту и возможным последствиям, которые могли бы наступить в результате совершения именно этого преступления.

При этом не знание о том, что деяние закреплено в ст. 209 УК РФ и запрещено под угрозой наказания, а также незнание мер этого наказания для оценки субъективной стороны значения не имеют.

Если отталкиваться от содержательной позиции субъективной стороны преступления, то она включает в себя юридические признаки, такие как вина, мотив, цель и эмоциональное состояние.

Основной, обязательный признак субъективной стороны – это вина, которую образуют две формы – умысел и неосторожность. Под виной в юридическом смысле с позиции теории уголовного права, как правило, понимают «психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом и его последствиям» [9, с. 345-347; 10, с. 268; 11, с. 163]. Сознание и воля, образуя содержание вины, характеризуют внутренние процессы в мыслительной деятельности лица, допускающего совершение противоправного деяния.

Согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В доктрине уголовного права данное положение разъясняется следующим образом: «... если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ не указана конкретная форма вины в основном или квалифицированном составе преступления, то вина может быть либо только умышленной (в одних составах) или же умышленной и неосторожной (в других составах). Применительно к каждому составу преступления содержание вины устанавливается путем толкования уголовного закона с учетом особенностей объективной стороны преступления, включенных в число признаков его состава характеристик мотива и цели деяния (наличие последних свидетельствует только о прямом умысле) и иных обстоятельств» [12, с. 83].

Соответственно отсутствие прямого указания на неосторожную форму вины в ст. 209 УК РФ исключает возможность совершения данного преступления по неосторожности. Если исходить из содержания способов совершения этого преступления, то очевидно, что по неосторожности данные деяния совершить нельзя. Такая активная преступная деятельность характеризуется исключительно умышленной формой вины. На это специально указал Верховный Суд РФ в п. 14 постановления Пленума: «по смыслу ст. 209 УК РФ совершение любой из предусмотренных законом форм бандитизма возможно лишь с прямым умыслом» [1].

Поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 209 УК РФ, является формальным, то стоит упомянуть еще одно верно определенное А. И. Рарогом правило, согласно которому «в преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)» [13, с. 86, 98-99]. Из этого следует, что вина при совершении преступлений с формальным составом распространяется только на само преступное поведение виновного без учета отношения к возможным последствиям и соответственно может выражаться исключительно в виде прямого умысла.

В рамках правоприменительной деятельности предлагаем уделять особое внимание относительно направленности умысла у тех лиц, чье членство в банде сложно доказать, но которые, тем не менее, совершали преступления, анонсированные деятельностью определенной банды. Верховный Суд РФ на этот счет указал: «если лицо не осознавало, что совершало нападение в банде, то его действия квалифицируются как участие в том преступлении, которое охватывалось его умыслом» [1]. Тем самым данный подход определяет прямую корреляцию между осознанием лицом того факта, что он, совершая преступление, действует в составе банды, и юридическим фактом участия в составе банды. Иными словами, отсутствие такой осознанности исключает квалификацию по признаку участия в банде.

Более того, считаем пробелом то обстоятельство, что в ст. 209 УК РФ не предусмотрена специальная поощрительная норма, дающая возможность деятельного раскаяния лица и его отказа от преступной деятельности и, соответственно, освобождения от уголовной ответственности. Заметим, что во многих схожих составах преступлений такие поощрительные нормы предусмотрены (например, ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 210 УК РФ). Полагаем, что организаторы, руководители, а также в особенности лица, принимающие участие в банде, могут на определенном этапе осознать пагубность и опасность своего преступного поведения и всегда должны иметь возможность быть освобожденными от уголовной ответственности, если в их действиях не содержится иного состава преступления. Тем самым обеспечиваются гуманистические начала уголовного преследования.

Что касается наличия цели бандитизма, то считаем, что здесь вопрос несколько сложный. Так, законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ прямо говорит о цели создания банды, а именно: «в целях нападения на граждан или организации». В свою очередь Верховный Суд РФ сначала в п. 7 постановления Пленума указывает, что «создание банды предполагает совершение любых действий, результатом которых стало образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации» [1], но в п. 12 того же постановления указывает несколько иное: «Статья 209 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществляемых вооруженной бандой нападений. Это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т.д.» [1].

Материалы изученных нами приговоров судов по делам рассматриваемой категории, свидетельствуют о том, что суды все же устанавливают цель совершения рассматриваемого преступления. Но здесь наблюдается плюрализм подходов, согласно которым суды описывают цели бандитизма по-разному. Вот некоторые примеры: «нацеленность на совершение нападений» [14]; «с целью раздела сфер влияния» [15]; «в целях нападения на граждан и завладения их имуществом» [16]; «с целью совершения вооруженных нападений на граждан и организации» [17].

В этой связи мы не разделяем мнение А. В. Васильевой и А. Р. Кивковой, что «нападение на граждан и организации как цель создания банды и участия в ней не носит детализированного и конкретного характера» [18, с. 300] и мнение, что «с точки зрения закона безразлично, является цель совершения нападений основной или побочной в деятельности виновных лиц» [19, с. 118]. Мы все же считаем, что

суды должны устанавливать цель создания данного преступного объединения, для того, чтобы квалифицировать соответствующие действия в рамках состава бандитизма. Данная обязательная цель – совершение нападений на граждан или организаций. Ее отсутствие будет свидетельствовать о невозможности вменения признаков состава бандитизма.

Что касается мотивов совершения нападений в составе банды, то как показал опыт изучения судебной и правоприменительной практики, мотивация организаторов, руководителей и участников банды практически всегда сводится к корысти, т.е. желанию обогатиться, приумножить свои финансовые капиталы за счет средств других лиц. Именно поэтому преступления, которые совершаются в составе банды, в большинстве случаев квалифицируются по признакам преступлений, связанных с хищением чужого имущества (ст. 162 УК РФ разбой), реже – по признакам незаконного требования передачи чужого имущества виновным (ст. 163 УК РФ как вымогательство). Также специалисты указывают, что мотивами участия в банде может выступать «психологическое удовлетворение от самого процесса преступной деятельности (нередко связанное с риском, выбросом адреналина, своего рода игрой и т. д.); в некоторых случаях месть за свое какое-то несовершенство или несостоятельность» [20, с. 221-222]. Но подчеркнем, что любые мотивы бандитизма не влияют на квалификацию преступления.

В результате проведенного исследования нами установлено, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Но в связи со сложной социально-политической обстановкой в стране, подверженностью лиц более молодого возраста ко вступлению в различные деструктивные организации, считаем необходимым снизить возраст уголовной ответственности по ч. 2 ст. 209 УК РФ до 14 лет и внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, совершается исключительно с прямым умыслом. При этом наибольшая сложность состоит в доказывании прямого умысла у лиц, являющихся участниками банды, которые во многих случаях ограничены в информационном ресурсе относительно достоверного понимания всех признаков, характеризующих понятие банды. В таких ситуациях вопрос о направленности умысла участников должен решаться исходя из объективных обстоятельств произошедшего и исключать вменение ч. 2 ст. 209 УК РФ в тех случаях, когда лица объективно не знали или заблуждались в том, что они являются членами банды.

Для ст. 209 УК РФ в качестве обязательной выступает цель – нападение на граждан или организаций. Отсутствие указанной цели исключает квалификацию по признакам указанного состава преступления. Иные цели и мотивы на квалификацию не влияют, а могут учитываться судами в каждом конкретном случае в целях дополнения картины преступной деятельности лиц, входящих в состав банды.

Список литературы:

1. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.
2. Решение Кировского районного суда г. Уфы № 2А-4430/2020 2А-4430/2020-М-4158/2020 М-4158/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 2А-4430/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mi4aAHTRF3gQ/> (дата обращения: 01.03.2024).

3. По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://egrp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Румянцев, Н.В. Организационно-правовые вопросы противодействия экстремистской деятельности криминальных субкультур, в том числе молодежного движения АУЕ: уголовный и административно-правовой аспекты / Н. В. Румянцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2021. – № 6. – С. 3–7.
5. Агапов, П.В. Уголовно-правовое, криминологическое и социально-политическое исследование бандитизма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / П.В. Агапов. – Саратов, 2002. – 223 с.
6. Попова, О.А. Проблемы дифференциации ответственности за бандитизм: исторический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / О.А. Попова. – Екатеринбург, 2001. – 184 с.
7. Хадзегов, А.В. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / А.В. Хадзегов. – Ростов-на-Дону, 2004. – 200 с.
8. Ахметов, Р.Р. Объективная сторона бандитизма / Р. Р. Ахметов // Вестник магистратуры. – 2016. – № 6-2 (57). – С. 4–8.
9. Валуйсков, Н.В. Понятие вины и виновности в уголовном праве / Н.В. Валуйсков, Л.В. Бондаренко, А.Д. Арутюнян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 3(20). – Т. 6. – С. 345–347.
10. Курс российского уголовного права: Общая часть / Рос. акад. наук. Ин-т государства и права; [Сост.: Бородин С. В. и др.]; Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – Москва: Спарк, 2001. – 767 с.
11. Уголовное право. Часть Общая / под ред. П.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Москва, 1969. – 648 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2013. – 1359 с.
13. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – Санкт-Петербург: Юрид. центр пресс, 2002. – 279 с.
14. Приговор Ставропольского краевого суда № 2-21/2020 2-2-21/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 2-21/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LVIOsbQbmtmR/> (дата обращения: 02.03.2024).
15. Приговор Московского областного суда № 2-37/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 2-37/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S4WkJ4dIXNVN/> (дата обращения: 02.03.2024).
16. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан № 2-12/2020 от 23 июня 2020 г. по делу № 2-12/2020/ Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XfdMXTyiT65J/> (дата обращения: 02.03.2024).
17. Приговор Верховного Суда Республики Хакасия № 2-10/2020 от 21 мая 2020 г. по делу № 2-10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iDeh40W4Bt6u/> (дата обращения: 02.03.2024).
18. Васильева, Т.В. Вопросы квалификации бандитизма в разъяснениях Верховного Суда РФ / Т.В. Васильева, А.Р. Кивкова // Заметки ученого. – 2023. – № 3. – С. 299–303.
19. Хмелева, А.В. Проблемы оценки некоторых квалифицирующих признаков бандитизма: следственная и судебная практика / А.В. Хмелева, И.А. Цховребова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2023. – № 2. – С. 113–120.
20. Гринько, С.Д. Бандитизм как одна из форм организованной преступности / С.Д. Гринько // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 10(190). – С. 220–222.

N. A. Gorshkova, T. A. Zezyulina Subjective signs of banditry: theoretical and law enforcement aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – Р. 235–242.

The article provides a legal description of the subject and the subjective side of the composition of banditry (Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation). The emphasis is placed on the need to review the legislative approach to setting the age of criminal responsibility in the direction of reducing it to fourteen years. It is proposed to introduce an incentive norm that allows to exempt from criminal liability for banditry in cases defined by law. The goals and motives of banditry are described, which are key signs for distinguishing this corpus delicti from other forms of complex criminal complicity.

Keywords: banditry; subjective signs; the subject of banditry; the subjective side of banditry

Spisok literaturey:

1. О практике применения судами законодательств об ответственности за бандитизм: [postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 janvarja 1997 g. № 1] // B'ulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1997. № 3.

2. Reshenie Kirovskogo rajonnogo suda g. Ufy № 2A-4430/2020 2A-4430/2020~M-4158/2020 M-4158/2020 ot 14 ijulja 2020 g. po delu № 2A-4430/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mi4aAHTRF3gQ/> (data obrashhenija: 01.03.2024).
3. Po isku General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Igorja Krasnova Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii zapretil dejatel'nost' mezhdunarodnogo obshhestvennogo dvizhenija «Arestantskoe ugovolnoe edinstvo» // General'naja prokuratura Rossijskoj Federacii: [sajt]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800> (data obrashhenija: 01.03.2024).
4. Rumjancev, N.V. Organizacionno-pravovye voprosy protivodejstvija jekstremistskoj dejatel'nosti kriminal'nyh subkul'tur, v tom chisle molodezhnogo dvizhenija AUE: ugovolnyj i administrativno-pravovoj aspekty / N. V. Rumjancev // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. – 2021. – № 6. – S. 3–7.
5. Agapov, P.V. Ugolovno-pravovoe, kriminologicheskoe i social'no-politicheskoe issledovanie banditizma: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. / P.V. Agapov. – Saratov, 2002. – 223 s.
6. Popova, O.A. Problemy differenciacii otvetstvennosti za banditizm: istoricheskij i ugolovno-pravovoj aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. / O.A. Popova. – Ekaterinburg, 2001. – 184 s.
7. Hadzegov, A.V. Banda i sostav banditizma v ugolovnom prave Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. / A.V. Hadzegov. – Rostov-na-Donu, 2004. – 200 s.
8. Ahmetov, R.R. Ob#ektivnaja storona banditizma / R. R. Ahmetov // Vestnik magistratury. – 2016. – № 6-2 (57). – S. 4–8.
9. Valujskov, N.V. Ponjatije viny i vinovnosti v ugolovnom prave / N.V. Valujskov, L.V. Bondarenko, A.D. Arutjunjan // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2017. – № 3(20). – T. 6. – S. 345–347.
10. Kurs rossijskogo ugolovnogo prava: Obshhaja chast' / Ros. akad. nauk. In-t gosudarstva i prava; [Sost.: Borodin S. V. i dr.]; Pod red. V.N. Kudrjavceva i A.V. Naumova. – Moskva: Spark, 2001. – 767 s.
11. Ugolovnoe pravo. Chast' Obshhaja / pod red. P.A. Beljaeva, M.D. Shargorodskogo. – Moskva, 1969. – 648 s.
12. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). – 13-e izd., pererab. i dop. / otv. red. V.M. Lebedev. – Moskva: Jurajt, 2013. – 1359 s.
13. Rarog, A.I. Kvalifikacija prestuplenij po sub#ektivnym priznakam / A.I. Rarog. – Sankt-Peterburg: Jurid. centr press, 2002. – 279 s.
14. Prigovor Stavropol'skogo kraevogo suda № 2-21/2020 2-2-21/2020 ot 15 ijulja 2020 g. po delu № 2-21/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LVIOsbQbmtmR/> (data obrashhenija: 02.03.2024).
15. Prigovor Moskovskogo oblastnogo suda № 2-37/2020 ot 8 ijulja 2020 g. po delu № 2-37/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S4WkJ4dIXNVN/> (data obrashhenija: 02.03.2024).
16. Prigovor Verhovnogo Suda Respubliki Dagestan № 2-12/2020 ot 23 ijunja 2020 g. po delu № 2-12/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XfdMXTyiT65J/> (data obrashhenija: 02.03.2024).
17. Prigovor Verhovnogo Suda Respubliki Hakasija № 2-10/2020 ot 21 maja 2020 g. po delu № 2-10/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iDeh40W4Bt6u/> (data obrashhenija: 02.03.2024).
18. Vasil'eva, T.V. Voprosy kvalifikacii banditizma v raz#jasnenijah Verhovnogo Suda RF / T.V. Vasil'eva, A.R. Kivkova // Zametki uchenogo. – 2023. – № 3. – S. 299–303.
19. Hmeleva, A.V. Problemy ocenki nekotoryh kvalificirujushhih priznakov banditizma: sledstvennaja i sudebnaja praktika / A.V. Hmeleva, I.A. Chovrebova // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija. – 2023. – № 2. – S. 113–120.
20. Grin'ko, S.D. Banditizm kak odna iz form organizovannoj prestupnosti / S.D. Grin'ko // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2020. – № 10(190). – S. 220–222.

УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Исмаилов А. Д., Вершинина Е. С.

Практически во всех государственных учреждениях основы делопроизводства занимают особое место, поскольку данный процесс принято считать неотъемлемой частью обработки процессуальных решений и влияет на качество и эффективность последующего управления. Конкретный процесс принятия решения состоит из получения, обработки, анализа, подготовки и дальнейшего принятия решения определенной информации. В случаях, если в конкретном подразделении не организованы задачи, связанные с документированием, это может привести к созданию документов недостаточного качества, что, в свою очередь, приведет к увеличению времени до принятия процессуального решения и снижению качества процесса исполнения. В данной статье рассматриваются вопросы делопроизводства, документооборота, проблемы движения печатных и электронных документов в органах внутренних дел, проблемы движения документов в подразделениях участковых уполномоченных полиции. Результаты показывают, что создание электронной таблицы для регистрации документов, поступающих в отделение полиции, и сокращение времени на их поиск позволяет внедрить электронный документооборот в деятельность сотрудника органов внутренних дел.

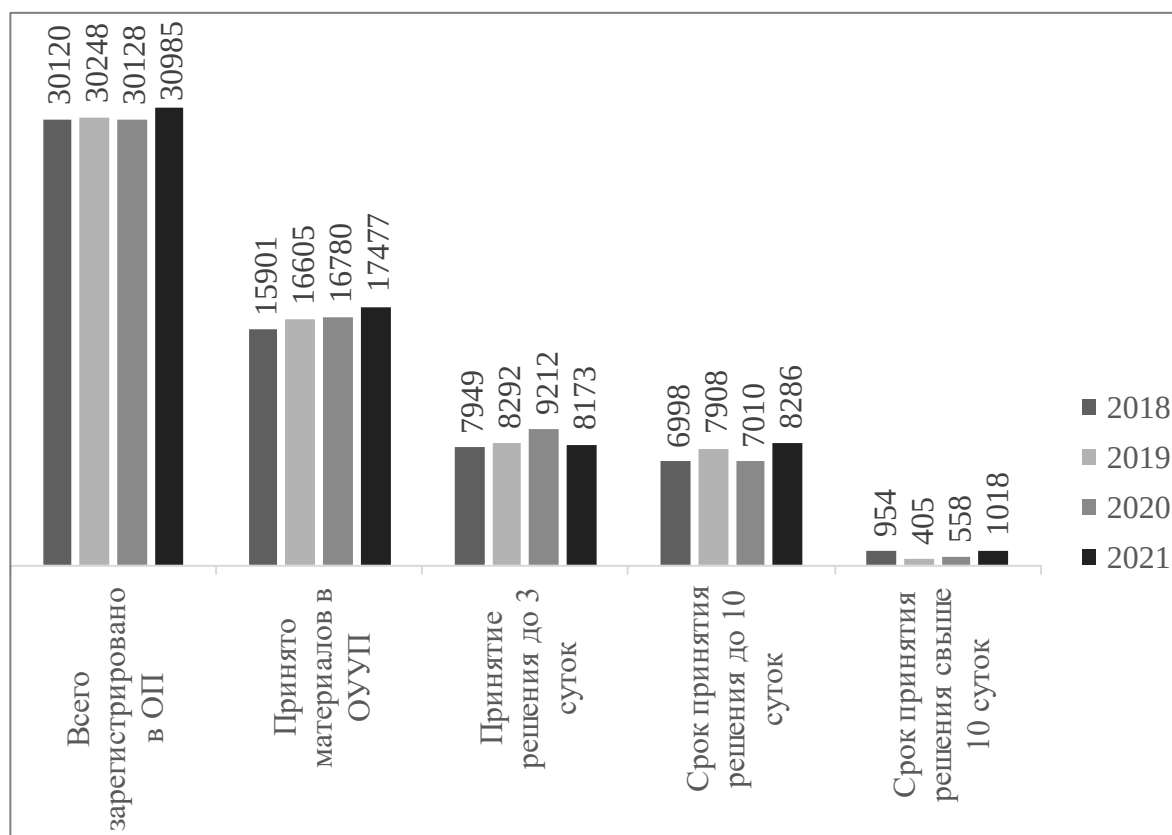
Ключевые слова: документооборот, делопроизводство в полиции, бумажный документооборот, проблемы документооборота, электронный документооборот, документооборот ОВД, документооборот органа дознания.

Документооборот – один из ключевых элементов эффективной работы органов внутренних дел. Однако, несмотря на все преимущества, с ним связаны определенные проблемы. Недостаточная автоматизация процесса обработки документов, отсутствие единой системы электронного документооборота, неэффективное распределение задач и отсутствие контроля – все это является источником сложностей, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел в своей повседневной работы.

Структурные подразделения органов внутренних дел, в том числе и подразделения участковых уполномоченных полиции, как и другие государственные органы, осуществляют документооборот в пределах своих основных направлений деятельности, установленных законодательством.

Участковый уполномоченный полиции является первоначальным субъектом в системе органов внутренних дел, осуществляющим прием граждан на отведенном ему административном участке (участковый пункт полиции), а также проводящим проверку по сообщению или заявлению о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии, в результате которого принимает одно из соответствующих решений: отказать в возбуждении уголовного дела, возбудить административное производство, передать по подследственности в другое подразделение или правоохранительный орган и другое. На основании предоставленных сведений со стороны руководства территориального отдела полиции о состоянии учетно-регистрационной дисциплины, в последнее время в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции наблюдается динамика увеличения документооборота, рост принятия заявлений о преступлениях, а также срок принятия процессуального решения свыше 3 и 10 суток (см. рис. 1).

Рис. 1. Учетно-регистрационная дисциплина одного из районных отделов полиции по г. Тольятти за 2018-2021 гг.

Делопроизводство представляет собой «деятельность организации по созданию, обработке, использованию и оперативному хранению документов» [1, с. 223]. На доктринальном уровне исследователи придерживаются мнения о том, что термин «документационное обеспечение управления», является идентичным делопроизводству. На наш взгляд, понятие делопроизводства имеет более широкое значение, так как документационное обеспечение управления связано с деятельностью по управлению, а делопроизводство позволяет реализовать основные функции всех подразделений органов внутренних дел. Аналогичного мнения придерживается Е.О. Дубейковский, отмечая при этом, что «ведение дел управленческой документации отличается от дел в судопроизводстве, в следственных органах, в нотариате и т.д.» [2, с. 278]. Кроме того, введение термина «документационное обеспечение управления» обусловлено развитием инновационных технологий и компьютерных систем.

В процессе деятельности сотрудников участковых уполномоченных полиции большинство вопросов требует официального документирования, то есть письменного подтверждения юридического факта. Наглядным примером является проведение доследственной проверки в рамках уголовного судопроизводства, в ходе которой устанавливается первоначальная квалификация преступного деяния, а также повод к возбуждению уголовного дела. Так, в случае обращения гражданина за по-

мощью в медицинское учреждение, участковый уполномоченный полиции подготавливает запрос и направляет его в медицинское учреждение в печатном виде, с целью получения копии справок и медицинских документов, на основе которых назначает судебно-медицинскую экспертизу и направляет постановление эксперту для производства экспертизы, по результатам которой будет установлена степень тяжести вреда здоровью и возбуждено уголовное дело. Следует констатировать, что для осуществления указанных действий, необходимо время для подготовки документов, в том числе и время для доставления их в соответствующее учреждение, но, как показывает практика, времени недостаточно, и, как следствие, нарушаются процессуальные сроки. Встречается также наличие переизбытка документов по вопросам, которые можно решить в устной форме или с составлением наименьшего количества документов. Так, например, гражданам необходимо разъяснить порядок обращения в надзорные и судебные органы, проконсультировать по семейно-бытовым вопросам [3, с. 272-274]. Зачастую участковый уполномоченный полиции, как представитель государственного органа, тратит много времени на составление грамотного, обоснованного ответа по обращению гражданина.

Т.е., можно прийти к выводу, что в настоящий период времени, бумажный документооборот замедляет процессы деятельности и взаимодействия с другими структурными подразделениями органов внутренних дел и иными государственными органами, тем самым способствует нарушению процессуальных сроков проведения проверки, сбора материала и принятия решения [4, с. 51]. Если участковый уполномоченный полиции или иной сотрудник органов внутренних дел не соблюдает требования нормативных актов по правилам документооборота, то он привлекается к дисциплинарной ответственности. Однако полностью отказаться от бумажного документооборота не представляется возможным, но можно максимально заменить его использование путем введения электронного документооборота [5, с. 123].

Электронный документооборот – это целостная система, обеспечивающая повышение эффективности работы должностных лиц организации, снижение временных издержек, которые напрямую связаны с документооборотом. Исследователи в области организации документооборота придерживаются мнения о том, что система электронного документооборота представляет собой «определенное программное обеспечение, которое позволяет организовать работу с электронными документами, а также взаимодействие между сотрудниками» [6, с. 15].

Электронный документооборот повышает эффективность работы сотрудников участкового подразделения, поскольку сотруднику полиции всегда предоставлен список активных задач, необходимых для выполнения, так как система оповещения в программном обеспечении не дает сотруднику забыть о поручении. Весьма часто граждане направляют повторные обращения в органы внутренних дел по ранее исполненным материалам проверок, при этом на данное обращение устанавливается срок рассмотрения 30 суток (Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»). Как показывает практика, для поиска решения или ранее исполненного материала проверки, который был направлен в надзорный орган с целью проверки на законность и обоснованность принятого решения, необходимо время, поскольку должностные лица органов прокуратуры также проводят процессуальные действия, по результатам которых принимают решение, зачастую которым является постановле-

ние об отмене постановления органа дознания (дознателя) об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако проблема заключается в своевременном поступлении материала проверки обратно в территориальный орган полиции, так как спустя неопределенное время заявитель в дальнейшем не имеет желания привлекать к ответственности лицо и забирает написанное ранее заявление.

Удаленный доступ к электронным документам позволяет сократить количество совещаний и инструктажей (СВКС-М) для сотрудников подразделения, тем самым у должностных лиц появляется дополнительное время для служебной деятельности, при этом они могут самостоятельно отслеживать через компьютер или планшет список поставленных задач и поручений. Электронный документооборот предоставляет возможность сократить расходы на обработку документов, позволяющих сэкономить денежные средства на закупку канцелярских товаров, при условии, что это не противоречит действующему законодательству (некоторые типы документов требуется иметь в бумажном виде). При электронном документообороте отпадает надобность в физической передаче участковыми уполномоченными полиции материалов проверок, ответов на запросы, обращений граждан в иные подразделения, ведомства, учреждения и государственные органы, что позволяет многократно ускорить процесс принятия решений по документам и доведения решений до руководства. Важным фактором является контроль ведения документооборота и служебной деятельности сотрудников подразделения со стороны руководства, поскольку возникает возможность узнать статус того или иного документа, то есть на каком этапе находится, какой сотрудник ответственен за исполнение [7, с. 751]. На доктринальном уровне исследователи считают, что ключевым достоинством электронного документооборота является устранение в необходимости личного присутствия гражданина или представителя конкретной организации при написании заявления, жалобы, запроса или дачи объяснения [8, с. 44].

Рассмотрев положительные стороны введения электронного документооборота, необходимо также и отметить основные недостатки:

- проблема сохранности документов, являющаяся существенным минусом на современном этапе развития информационных технологий. Например, не исключено попадание в программное обеспечение вредоносной программы [9, с. 34];
- создание электронной подписи для сотрудников полиции, не относящихся к руководящему составу, без которой подписать электронный документ будет достаточно сложно. Особенность проблемы заключается в выделении крупной суммы денежных средств на реализацию данной функции [10, с. 195], поскольку по состоянию на 2023 год в системе органов внутренних дел исполняют свои должностные полномочия более 54000 участковых уполномоченных полиции.

Нельзя не отметить мнения нижеприведенных авторов в исследуемой области и не согласиться с ними, поскольку каждый из них рассматривает с собственной точки зрения предложения об усовершенствовании ведения документов в органах внутренних дел, с целью уменьшения бумажного документооборота и возможности выполнения процессуальных действий в установленные процессуальные сроки без их нарушения. Так, например, Ю.С. Чичерин и Л.Ю. Коваленко считают, что введение электронного документооборота позволяет внедрить графические таблицы, в которых будут размещены сведения о необходимых мероприятиях, о выявлении и

анализе допущенных нарушений для фиксации результатов [11, с. 113]. В своем научном труде А.Н. Савченко считает, что для реализации электронного документооборота необходимо разработать специальное программное обеспечение, особенность которого будет заключаться в составлении плана процессуальной деятельности, контроля процессуальных сроков, доступ к заполняемым бланкам, возможность дачи указаний, согласования и утверждения процессуальных решений [12, с. 209]. По мнению И.Н. Гимазетдиновой, для эффективной работы сотрудников правоохранительного ведомства необходимо создать электронный носитель для хранения цифровой информации, в которой будет выстроена структура, система внутреннего документооборота, а также алгоритм движения материала проверки или уголовного дела, в том числе создание процессуальных бланков, необходимых для производства следственных действий (осмотр предметов, следственный эксперимент, осмотр места происшествия), установленных УПК РФ. Однако важной особенностью введения электронного носителя для хранения цифровой информации будет являться возможность прикрепления мультимедийных файлов к материалам дела [13, с. 65]. Помимо вышеперечисленного нововведения, авторами предлагается проведение следственных действий посредством применения видеоконференции-связи [13, с. 65; 14, с. 114-116].

Е.С. Вершинина приходит к выводу, что для оптимизации и упрощения функций в области документооборота, необходимо принять единственный, выверенный государственный стандарт, полностью охватывающий деятельность в области делопроизводства, при этом признать утратившим силу ряд нормативно-правовых, дублирующих эти положения [15, с. 312-314].

Из-за сложившейся ситуации в нашем государстве, а именно, с ограничительными мерами по профилактике COVID-19, законодателем в 2021 г. была введена новая норма в УПК РФ – статья 189.1, закрепляющая порядок и особенность проведения конкретных видов следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (далее – ВКС). Несмотря на нововведение, электронный документооборот в органах внутренних дел применялся и до 2021 г., например, единая информационно-телекоммуникационная сеть (ЕИТКС), система информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее – ИСОД). Следовательно, можно констатировать, что во время развития цифровых технологий, правоохранительные органы начали частично переходить на электронный документооборот. Применение системы ВКС позволяет сократить издержки уголовного судопроизводства, связанные с командировками для проведения допросов, осуществляемых с выездом в другую местность, или напротив, с оплатой расходов на поездку участников уголовного судопроизводства.

По мнению действующих сотрудников подразделения участковых уполномоченных полиции, роль электронного документооборота достаточно значима в деятельности рассматриваемого подразделения, поскольку это позволяет сократить время на доставление запросов и документов, необходимых для приобщения и принятия дальнейшего процессуального решения. Однако необходимо разработать программное обеспечение электронного документооборота при регистрации заявлений или сообщений, при этом объединив в одну локальную сеть подразделения дежурной части и участковых уполномоченных полиции, что позволило бы осуществлять

проверку поступивших материалов и документов не на фактически третьи сутки, а сразу же после его регистрации [16].

Одним из наиболее наглядных примеров является введение сервиса охраны общественного порядка, позволившего полностью отойти от ведения паспорта административного участка и существенно сократив документацию.

Для решения проблемы, связанной с нарушением процессуального срока и постепенного перехода к электронному документообороту, на практической деятельности было осуществлено создание электронных таблиц посредством программного обеспечения Microsoft Excel на участковых пунктах полиции для учета поступивших документов и материалов проверок. В основе функциональности таблицы находилось разделение на следующие столбы: номер заявления в книге учета сообщений о происшествиях (КУСП), краткое содержание, статус материала проверки. Таким образом, при поступлении материала проверки ответственному сотруднику необходимо заполнить в соответствующей графе сведения, а по итогу проведения проверки указать в таблице принятое решение: списание в номенклатурное дело, передача по подследственности или подведомственности, вынесение решения об отказе в возбуждении уголовного дела и т.д. Изначально все материалы проверок регистрировались в журналах бумажного типа, что затрудняло в поиске того или иного материала, а также в получении информации о статусе его нахождения. Однако после введения электронных таблиц, появилось удобство в поиске материалов проверки, находящихся в производстве сотрудника полиции, что позволило снизить количество времени, затрачиваемого на поиск.

В период развития информационных технологий все более актуальным становится вопрос, касающийся эффективности документационного обеспечения внутри конкретного государственного органа, предприятия или учреждения, поскольку каждый из них ведет прием, регистрацию и пересылку документов. В связи с чем на примере подразделения участковых уполномоченных полиции необходимо предусмотреть возможность применения электронного документооборота, тем самым снизив количество бумажных носителей и упростив при этом процесс регистрации документов и осуществление процессуальных действий.

Таким образом, стоит отметить, что несмотря на обозначенные в исследовании основные недостатки, введение электронного документооборота перевешивается достоинствами. Однако обозначенные недостатки можно устранить введением локального архива, использованием облачного хранилища и систем электронного документооборота. При этом необходимо будет предусмотреть создание внутренней описи документов, находящихся в материале проверки или уголовном деле посредством автоматического сбора программным обеспечением.

Список литературы:

1. Топаз А.И. Понятия делопроизводства и архивного дела в терминологических стандартах: сопоставительный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 217-226.
2. Дубейковский Е.О. Понятие делопроизводства в органах внутренних дел и его основные элементы // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 38. С. 278-282.
3. Барышников М.В. Некоторые аспекты приема, регистрации и разрешения участковыми уполномоченными полиции обращений граждан о происшествиях в сфере семейно-бытовых отношений, содержащих признаки преступления частного обвинения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5(61). С. 272-277.

4. Можаяева И.П. Современное состояние и перспективы оптимизации документооборота в системе МВД России / И.П. Можаяева, И.Ю. Захватов // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1(53). С. 48-55.
5. Харитонова С.А. Организационно-правовые проблемы использования системы электронного документооборота в системе МВД // Молодой ученый. 2023. № 35(482). С. 121-125.
6. Прищеп И.П., Зими́на Л.В. Основные понятия электронного документооборота, преимущества и недостатки его использования перед традиционным документооборотом // Экономическая среда. 2017. № 1 (19). С. 15-18.
7. Майорова М.С. Электронный документооборот на предприятии // Экономика и региональное управление: Сборник статей международной научно-практической конференции, Брянск, 06–07 декабря 2017 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2017. С. 750-753.
8. Самойлов П.А. Электронное заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела (сравнительный анализ правовой регламентации в нормативных актах МВД России и в УПК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2 (45). С. 44-50.
9. Еремина Н.В., Левченко Е.В., Брижак В.В., Мотренко Ю.В. Электронный документооборот: преимущества и недостатки // Восточно-Европейский научный журнал. 2016. Т. 14. № 2. С. 32-35.
10. Бикеева М.В., Кислякова А.С. Роль системы электронного документооборота для современного предприятия // Экономические исследования и разработки. 2017. № 5. С. 195-200.
11. Чичерин Ю.С., Коваленко Л.Ю. Некоторые направления реформирования документооборота в деятельности подразделений уголовного розыска МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4 (39). С. 111-115.
12. Савченко А.Н. Электронная форма уголовного досудебного производства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 3 (82). С. 205-210.
13. Гимазетдинова И.Н. Перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве: основные тенденции и перспективы применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3 (93). С. 62-67.
14. Попова О.А. Организационные и процессуальные аспекты участия в уголовном судопроизводстве в режиме удаленного доступа // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 111-117.
15. Вершинина Е.С. Принятие единого стандарта в области документационного обеспечения управления как инновационный способ регламентации данного вида деятельности // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 312-314.
16. Материалы интервью с заместителем начальника ОУУП и ПДН ОП №24 Управления МВД России по г. Тольятти подполковником полиции в 2017-2022 гг. Р.Х. Шарафутдиновым // Личный архив автора

Ismailov D. A., Verшинina E. S. Problems of document flow in the activities of minor affairs employees // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 243–250.

In almost all public institutions, the basics of record keeping occupy a special place, since this process is considered to be an integral part of processing procedural decisions and affects the quality and effectiveness of subsequent management. A specific decision-making process consists of receiving, processing, analyzing, preparing and further making a decision on certain information. In cases where documentation tasks are not organized in a particular department, this may lead to the creation of documents of insufficient quality, which, in turn, will lead to an increase in the time before making a procedural decision and a decrease in the quality of the execution process. This article discusses the issues of office management, document management, problems of the movement of printed and electronic documents in internal investigation bodies and ways to improve document management. Using the example of the district police department, the authors of the article analyzed the collected data on accounting and registration discipline in the division of district police commissioners. The results show that the creation of a spreadsheet for registering documents received by the police department and reducing the time to search for them makes it possible to introduce electronic document management into the activities of an employee of the internal affairs bodies.

Keywords: document management; office work in the police; paper document management; document management problems; electronic document management; document management of the Department of Internal Affairs; document management of the body of inquiry.

Spisok literatury:

1. Topaz A.I. Ponyatiya deloproizvodstva i arxivnogo dela v terminologicheskix standartax: sopostavitel'ny`j aspekt // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy`koznanie. 2019. Т. 18. № 3. С. 217-226.

2. Dubejkovskij E.O. Ponyatie deloproizvodstva v organax vnutrennix del i ego osnovny'e e'lementy' // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 38. S. 278-282.
3. Bary'shnikov M.V. Nekotory'e aspekty' priema, registracii i razresheniya uchastkovy'mi upolnomochenny'mi policii obrashhenij grazhdan o proisshestviyax v sfere semejno-by'tovy'x otnoshenij, sodержashhix priznaki prestupleniya chasnogo obvineniya // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2014. № 5(61). S. 272-277.
4. Mozhaeva I.P. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy' optimizacii dokumentooborota v sisteme MVD Rossii / I.P. Mozhaeva, I.Yu. Zaxvatov // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 1(53). S. 48-55.
5. Xaritonova S.A. Organizacionno-pravovy'e problemy' ispol'zovaniya sistemy' e'lektronного докумен-тооборота v sisteme MVD // Molodoy ucheny'j. 2023. № 35(482). S. 121-125.
6. Prishhep I.P., Zimina L.V. Osnovny'e ponyatiya e'lektronного докумен-тооборота, preimushhestva i ne-достатki ego ispol'zovaniya pered tradicionny'm докумен-тооборотом // E'konomicheskaya sreda. 2017. № 1 (19). S. 15-18.
7. Majorova M.S. E'lektronny'j докумен-тооборот na predpriyatii // E'konomika i regional'noe upravlenie: Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Bryansk, 06–07 dekabrya 2017 goda. Bryansk: Bryanskij gosudarstvenny'j universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2017. S. 750-753.
8. Samojlov P.A. E'lektronnoe zayavlenie o prestuplenii kak povod dlya возбуждениya уголовногo дела (sravnitel'ny'j analiz pravovoj reglamentacii v normativny'x aktax MVD Rossii i v UPK RF) // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021. № 2 (45). S. 44-50.
9. Eremina N.V., Levchenko E.V., Brizhak V.V., Motrenko Yu.V. E'lektronny'j докумен-тооборот: pre-имushhestva i nedostatki // Vostochno-Evropejskij nauchny'j zhurnal. 2016. T. 14. № 2. S. 32-35.
10. Bikeeva M.V., Kislyakova A.S. Rol' sistemy' e'lektronного докумен-тооборота dlya sovremennogo predpriyatiya // E'konomicheskie issledovaniya i razrabotki. 2017. № 5. S. 195-200.
11. Chicherin Yu.S., Kovalenko L.Yu. Nekotory'e napravleniya reformirovaniya докумен-тооборота v deyatel'nosti podrazdelenij уголовногo rozy'ska MVD Rossii // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Ros-sii. 2016. № 4 (39). S. 111-115.
12. Savchenko A.N. E'lektronnaya forma уголовногo dosudebnogo proizvodstva // Nauchny'j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2021. T. 27. № 3 (82). S. 205-210.
13. Gimazetdinova I.N. Perspektivy' primeneniya e'lektronного уголовногo дела v уголовном sudopro-izvodstve: osnovny'e tendencii i perspektivy' primeneniya // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3 (93). S. 62-67.
14. Popova O.A. Organizacionny'e i processual'ny'e aspekty' uchastiya v уголовном sudoproizvodstve v rezhime udalennogo dostupa // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 3 (54). S. 111-117.
15. Vershinina E.S. Prinyatie edinogo standarta v oblasti dokumentacionnogo obespecheniya upravleniya kak innovacionny'j sposob reglamentacii dannogo vida deyatel'nosti // Yuridicheskaya texnika. 2021. № 15. S. 312-314.

УДК 343.2

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ

Кабанов П. А., Исмаилов Д. А.

Вопрос о соотношении малозначительности деяния и хищения в уголовном праве при квалификации преступлений является важной и требует всестороннего рассмотрения. Вмешательство в права собственности и присвоение чужого имущества считаются серьезными преступлениями, подлежащие наказанию. Главной проблемой, рассматриваемой в данном научном исследовании, является определение, что считать малозначительным деянием и как это влияет на квалификацию преступления. Проведя анализ, возникает вопрос исключения ответственности для лиц, совершивших малозначительное деяние, и возможности не наказания. Следовательно, необходимо найти оптимальный баланс между защитой прав собственности и учетом обстоятельств, которые заслуживают более мягкое наказание для таких лиц. Это поможет установить справедливую систему уголовного правосудия, основанную на принципах правового государства и соблюдении основных прав и свобод личности.

Ключевые слова: малозначительность; квалификация хищения; вопросы квалификации хищения; вопросы малозначительности; проблемы хищения; проблема малозначительности; хищение в уголовном праве; хищение в современных условиях; малозначительность хищения; институт малозначительности.

Основной целью уголовного судопроизводства в Российской Федерации является Современное гражданское общество все больше заботится о справедливом и эффективном функционировании уголовно-правового порядка. Одним из важных аспектов такой трансформации является теоретический анализ понятия малозначительности деяния и его соотношение с хищением в уголовном праве. На доктринальном уровне остается дискуссионным вопрос о толковании термина «малозначительность деяния», в соответствии с которым М.В. Левадная предлагает считать деяние, обладающее всеми признаками состава преступления, кроме определенной степени общественной опасности [5, с. 125]. Несмотря на актуальность исследуемой темы в научных исследованиях, посвященных институту малозначительности деяния, заслуживает мнение Д.Ю. Корсуна, в соответствии с которым малозначительность деяния – это деяние, соответствующее признакам конкретного состава преступления, категорически лишенное степени общественной опасности [4, с. 53]. На основании изложенного, считаем необходимым сформулировать собственное толкование рассматриваемого института в рамках уголовно-правовых дисциплин. Итак, под малозначительным деянием необходимо полагать совершение противоправного действия, обладающего наименьшей степенью общественной опасности, учитывая критерии. К таковым критериям следует относить недостаточность и меньшая степень вреда, отсутствие последствий.

Выделение объективных факторов малозначительности хищения в уголовном праве обосновывается целью справедливости и пропорциональности при применении уголовной ответственности. Отличие в тяжести и последствиях преступления обусловило необходимость выделения и учета объективных факторов малозначительности хищения. Одним из объективных факторов является незначительный размер похищенного имущества или его незначительная стоимость. Следующим

элементом объективной стороны является степень общественной опасности совершенного деяния, обладающая наименьшим значением.

Отметим, что наряду с объективными факторами, субъективные факторы могут влиять на квалификацию и наказание в уголовных делах о хищении. Зачастую к субъективным факторам принято относить мотив деяния, цель деяния, деятельное раскаяние лица, положительная характеристика лица, отсутствие судимостей. Рассмотрим случаи, когда субъективные факторы освобождают от уголовной ответственности по делам о хищении по ч. 2 ст. 14 УК РФ:

- если виновным лицом было совершено хищение по незначительной материальной нужде или в обстановке, связанной с тяжелой жизненной ситуацией;
- если хищение было совершено с целью удовлетворения собственных потребностей, купли-продажи товаров или получения незначительной суммы денежных средств;
- если лицо, совершившее хищение, осознало противоправные действия, выразило раскаяние и приняло меры по возмещению вреда, причиненного потерпевшему;
- если виновное лицо, обвиняемое в хищении, имеет безупречную (положительную) репутацию, характеристики с места работы и постоянного места жительства;
- в случае, когда лицо совершает преступление впервые и ранее не привлекалось к уголовной ответственности.

Критерии малозначительности деяния хищения в уголовном праве заключаются в оценке степени причиненного ущерба и его последствий для пострадавших. Именно они позволяют определить, насколько значительным является деяние и какое наказание должно быть назначено.

Так, наглядным примером является Кассационное определение ВС РФ № 73-О10-15, где в 2010 г. был осужден Е. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Так, в кассационном представлении возник вопрос о возможности изменения приговора суда с учетом того, что кража телефона незначительной стоимости не является уголовным преступлением, а подлежит рассмотрению в рамках административной ответственности. По мнению председательствующего и судей, суду нижестоящей инстанции следовало прекратить уголовное преследование в части данного обвинения, поскольку не было достаточных оснований для установления состава преступления. После изучения материалов дела, заслушивания объяснений осужденного Е. и адвоката Ч., а также обсуждения доводов, выдвинутых в кассационном представлении, судебная коллегия признает приговор суда подлежащим изменению. Виновность осужденного Е. в совершении преступлений, указанных в материалах дела, подтверждена собранными в ходе предварительного следствия и изученными на судебном заседании доказательствами, которым суд присвоил соответствующую правовую оценку. Таким образом, суд исключил уголовное преследование по ч. 1 ст. 158 УК РФ в отношении Е. ввиду незначительного материального ущерба, установленного примечанием к статье 158 УК РФ [3]. Из приведенного примера является явный критерий малозначительности – размер причиненного ущерба.

В.Н. Винокуров считает, что роль незначительных преступлений, связанных с кражей недорогого имущества из помещения, является незначительной. Это объясняется тем, что статья 7.27 КоАП РФ не применима к краже, установленной ч. 2 ст. 158 УК РФ. Однако текущая редакция ст. 7.27 КоАП РФ создает противоречие ос-

новам классификации преступлений, поскольку в квалифицированном составе отсутствуют все основные признаки [2, с. 77]. Из вышеприведенного суждения выделяется критерий – совершение преступного деяния из жилого или подсобного (хозяйственного) помещения. В подтверждении мнению В.Н. Винокурова приведем решение Верховного суда РФ от 26.06.2008 № 9-ДП08-11, в соответствии с которым Л. был признан виновным в незаконном проникновении в помещение и хищении двух пар ножниц, которые принадлежали гражданину П. Суд первой инстанции также признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, при этом Верховный суд РФ отметил, что Л. не имел прямого намерения украсть какую-либо технику, и украл ножницы только потому, что ничего более ценного не было. Согласно ст. 14 УК РФ, такое действие Верховный суд РФ посчитал непроступным, поскольку оно не представляет общественной опасности из-за его малозначительности [7].

Следующим примером критерия малозначительности, выражающегося в совершении кражи из помещения, является Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан от 2011 г. По уголовному делу С. был обвинен в краже чужого имущества из дома, проникнув через оконную раму веранды, украв при этом продукты питания на общую сумму 194 руб. 50 коп., после чего скрылся с места преступления. Однако суд пришел к выводу, что данное действие не представляет собой большой общественной опасности, и дело было прекращено в связи с малозначительностью [8].

В 2018 г. Ивановским областным судом в ходе рассмотрения апелляционной инстанции было решено уголовное дело, касающееся обвинений в похищении металлических листов железа на общую сумму 506 руб. 25 коп. В этом деле фигурировали В., У., Н., Т., которые составляли группу с предварительным сговором и распределением ролей по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Находясь на одном месте совершения преступления, реализовали преступный умысел с целью приобретения продуктов питания и спиртного, залезли на крышу здания бывшего детского сада и скинули на землю 5 металлических профлистов. Однако действия до конца доведены не были, ввиду задержания сотрудниками полиции у здания. В случае доведения умысла до конца, то муниципальному образованию был бы причинен материальный ущерб [1]. Т., находясь в магазине «Перекресток», имея корыстный умысел на совершение хищения, взял с прилавка тушку лосося, положил в тележку и покинул магазин, не заплатив за товар, причинив тем самым ущерб в размере 3688 руб. 91 коп. Учитывая размер похищенного имущества, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РФ в 2020 г. было разъяснено, что применение положения ч. 2 ст. 14 УК РФ возможно в индивидуальном порядке, то есть, принимая во внимания следующие факторы: факт возмещения ущерба, данные о личности (отсутствие судимости), характер общественно опасных последствий [9].

Однако не смотря на размер похищенного имущества и нарушения неприкосновенности собственности, суды принимают решение о привлечении к ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, учитывая следующие обстоятельства дела: в 2020 г. Ф., находясь в многоквартирном доме, имея цель и умысел, направленный на хищение чужого имущества, путем незаконного проникновения, взломом входную дверь, похитил радиаторные батареи и лестницу-стремянку на общую стоимость 2500 руб., тем самым причинив П. материальный ущерб [10]. Позиция данного суда по срав-

нению с другими вынесенными решениями не совсем ясна по отношению к уголовно-правовой норме о малозначительности деяния, учитывая то, что в данном случае речь идет о краже с проникновением в жилище, а не административно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за мелкое хищение.

Существуют ситуации, когда закон не предусматривает количественных параметров преступления. Такие случаи являются наиболее сложными для правоприменителей. Позиция Л. Лобановой и А. Рожнова является вполне обоснованной, поскольку отсутствие юридического пространства, разделяющего незаконные поступки от социально нейтральных, создает сложности в классификации действий как незначительных [6, с. 47].

Проблема малозначительности хищения в уголовном праве возникает при квалификации преступлений и связана с определением, какие действия или объекты должны рассматриваться как «малозначительные» в контексте уголовного преследования. Малозначительность хищения может быть определена различными способами, в зависимости от конкретных характеристик и условий каждого отдельного совершенного противоправного деяния. Обычно малозначительные хищения относятся к случаям, когда сумма похищенного имущества или его стоимость не превышает определенного уровня, который законодательство считает необходимым для применения более серьезных уголовных наказаний (например, лишение свободы).

Основные проблемы, связанные с проблемой малозначительности хищения, состоят в следующем:

- субъективность оценки. Определение, что является «малозначительностью», может быть субъективным, поскольку оно зависит от судебной практики и его определения, стандартов, установленных в законодательстве. Суды различных инстанций могут собственные представления о критериях определения малозначительности, тем самым вносят новые судебные прецеденты;

- моральное отношение к малозначительным преступлениям. Некоторые граждане могут считать, что малозначительные хищения не требуют столь жесткого уголовного преследования и наказания, особенно когда речь идет о незначительных суммах денег или неважных материальных объектах. Однако это может создать прецедент и оправдание для дальнейшего нарушения законодательства, и как следствие наносить вред обществу;

- повторяемость и негативные последствия. Хищения, независимо от их размера, могут иметь определенные последствия для пострадавших. Однако если малозначительные преступления не попадают под уголовное преследование, лица, совершающие такие преступления, могут оставаться безнаказанными и продолжать свои действия в последующем, способствуя повторяемости и усилению социальной несправедливости.

Решение проблемы малозначительности хищения требует баланса между необходимостью защиты прав потерпевших и обеспечением справедливости в уголовном правосудии. Это может быть достигнуто путем ясного определения критериев и стандартов малозначительности, соответствующего обучения судей и правоохранительных органов, участия общественности в формировании законодательства и регулярного обновления законов в соответствии с изменяющимися социальными и экономическими условиями.

Таким образом, целесообразным считаем подход предложения законодательной регламентации малозначительности хищения. В первую очередь, необходимо внести в ст. 158 УК РФ изменения в части установления минимального порога стоимости имущества для квалификации хищения – 5 тыс. руб., что поможет судебной системе сосредоточиться на более серьезных нарушениях и снизить нагрузку на правоохранительные органы для рассмотрения малозначительных дел. В примечании 2 к статье 158 УК РФ закрепить, что значительным ущербом принято признавать материальный ущерб не менее чем на 15 тыс. руб. Во-вторых, следует ввести альтернативные меры наказания – гражданские обязательства, общественные работы или программы реабилитации. Нельзя обратить внимание на случаи, когда лицо является рецидивистом в совершении малозначительных хищений. В этих случаях, например, если человек совершил несколько мелких краж и получил предыдущие судимости, следует применять уголовное преследование и более строгое воздействие, с целью предотвращения последующим преступлений. При рассмотрении института малозначительности следует учитывать особенности его применения, а именно: определение малозначительности, критерии оценивания деяния, условия его применения, ограничения применения. Особое место в данном контексте занимают критерии, условия и ограничения, не закрепленные в уголовном законодательстве до сих пор.

На основании проведенного исследования следует резюмировать о необходимости самостоятельной регламентации малозначительности деяния в УК РФ, в связи с расширяющейся сферой применения по разным составам в том числе и хищения. В ч. 1 ст. 14.1 УК РФ установить определение малозначительности – деяние, не представляющее общественной опасности, имеющее незначительное значение по отношению к совершенному преступлению, предусмотренному Особенной части Уголовного кодекса РФ. В ч. 2 ст. 14.1 УК РФ закрепить перечень критериев, определяющих степень малозначительности преступления: сумма причиненного ущерба, характер преступления, отсутствие причинения серьезного вреда здоровью или имуществу. В части 3 ст. 14.1 УК РФ определить условия, при которых степень малозначительности может быть применена в отношении лица, совершившего преступление. Например, она может применяться только в случае, если лицо совершило преступление впервые и не имеет судимостей. В части 4 ст. 14.1 УК РФ расширить толкование об ограничениях применения малозначительности: совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Список литературы:

17. Апелляционное постановление № 22-220/2018 от 5 марта 2018 г. по делу № 22-220/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
18. Винокуров, В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. – 2014. – № 4(208). – С. 74-83.
19. Кассационное определение Верховного суда РФ. Дело № 73-О10-15. URL: <https://dogovor-urist.ru> (дата обращения: 04.10.2023)
20. Корсун, Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Корсун Денис Юрьевич; [Место защиты: Университет прокуратуры Российской Федерации]. – Москва, 2019. – 231 с.
21. Левадная, М. В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Закон и право. – 2018. – № 9. – С. 124-126.
22. Лобанова, Л. В. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации / Л.В. Лобанова, А.П. Рожнов // Законность. – 2016. – № 6(980). – С. 46-50.

23. Определение Верховного суда РФ. Дело № 9-ДП08-11. URL: <https://dogovor-urist.ru> (дата обращения: 04.10.2023).
24. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан от 18.01.2011 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru> (дата обращения: 08.10.2023).
25. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2020 N 46-УД20-9 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23062020-n-46-ud20-9/> (дата обращения: 12.10.2023).
26. Приговор № 1-188/2020 от 9 октября 2020 г. по делу № 1-188/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 08.10.2023).

Kabanov P. A., Ismailov D. A. On the question of problem aspects of criminal legal qualification of minor significance in cases of theft // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 251–256.

The question of the correlation between the insignificance of an act and theft in criminal law in the qualification of crimes is important and requires comprehensive consideration. Interference with property rights and appropriation of other people's property are considered serious crimes that are punishable. The main problem considered in this scientific study is to determine what is considered a minor act and how it affects the qualification of a crime. Having carried out the analysis, the question arises of excluding liability for persons who have committed a minor act, and the possibility of non-punishment. Therefore, it is necessary to find an optimal balance between the protection of property rights and taking into account the circumstances that deserve a more lenient punishment for such persons. This will help to establish a fair criminal justice system based on the principles of the rule of law and respect for fundamental human rights and freedoms.

Keywords: insignificance; qualification of theft; issues of qualification of theft; issues of insignificance; problems of theft; the problem of insignificance; theft in criminal law; theft in modern conditions; insignificance of theft; institute of insignificance.

Spisok literaturey:

1. Apellyacionnoe postanovlenie № 22-220/2018 ot 5 marta 2018 g. po delu № 22-220/2018 // Sudebnye i normativnye акты RF. URL: <https://sudact.ru> (data obrashcheniya: 08.10.2023).
2. Vinokurov V.N. Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovnom prave: priznaki i formy // ZHurnal rossijskogo prava. 2014. № 4(208). S. 74-83.
3. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo suda RF. Delo № 73-O10-15. URL: <https://dogovor-urist.ru> (data obrashcheniya: 04.10.2023)
4. Korsun, D.YU. Maloznachitel'noe deyanie v ugovnom prave: problemy teorii i praktiki: dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 / Korsun Denis YUr'evich; [Mesto zashchity: Universitet prokuratury Rossijskoj Federacii]. - Moskva, 2019. – 231 s.
5. Levadnaya, M.V. Maloznachitel'nost' deyaniya v ugovnom prave // Zakon i pravo. – 2018. – № 9. – S. 124-126.
6. Lobanova L.V. Maloznachitel'nost' deyaniya: abstraktnost' zakonodatel'nogo regulirovaniya i trudnosti pravoohranitel'noj realizacii / L. V. Lobanova, A.P. Rozhnov // Zakonnost'. 2016. № 6(980). S. 46-50.
7. Opredelenie Verhovnogo suda RF. Delo № 9-DP08-11. URL: <https://dogovor-urist.ru> (data obrashcheniya: 04.10.2023).
8. Opredelenie sudebnoj kollegii po ugovnym delam Verhovnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 18.01.2011 // Arhiv reshenij arbitrazhnyh sudov i sudov obshchej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru> (data obrashcheniya: 08.10.2023).
9. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.06.2020 N 46-UD20-9 // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye акты RF. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23062020-n-46-ud20-9/> (data obrashcheniya: 12.10.2023).
10. Prigovor № 1-188/2020 ot 9 oktyabrya 2020 g. po delu № 1-188/2020 // Sudebnye i normativnye акты RF. URL: <https://sudact.ru> (data obrashcheniya: 08.10.2023).

УДК 341.242

**СТРАСБУРГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ ОБ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИЮ: ОТ ПОДПИСАНИЯ,
РАТИФИКАЦИИ И ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ДО
ДЕНОНСАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ**

Каляшин А. В., Бубнова Ю. Г.

В настоящей работе проведено исследование отдельных аспектов участия нашей страны в универсальных и региональных межгосударственных соглашениях по борьбе с коррупцией. В ходе целенаправленного изучения проведен анализ совокупности действий, направленных на присоединение, ратификацию нашей страной Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, включая имплементацию обязательств в национальное законодательство. Пристальное внимание уделено последствиям денонсации указанного соглашения и выходу России из состава международной организации, созданной для помощи странам-участницам в совершенствовании механизмов борьбы с коррупцией, реализованных в целях защиты национальных интересов. Отталкиваясь от результатов исследования, авторы рассмотрели ряд предложенных независимых механизмов борьбы с коррупцией, как до, так и после выхода из соглашения и группы.

Ключевые слова: коррупция, обязательство, механизм, конвенция, присоединение, ратификация, имплементация, денонсация.

Присоединение Российской Федерации (далее: РФ) к международным антикоррупционным соглашениям, в силу императивности правовых предписаний, обязывает наше государство при вступлении в силу соответствующих договоров, имплементировать межнациональные стандарты на внутригосударственном уровне, путем их включения в национальную правовую систему. В свою очередь практическая реализация с позиции права межгосударственных антикоррупционных обязательств, а также оформление надлежащим образом отказа государства от заключенного им международного договора относится к не простым процессам. Реализация в жизнь приведенного комплекса действий ставит перед обществом и государством не простые вопросы, которые требуют в начале теоретического осмысления, затем проведения многочисленных дискуссий в рабочих группах и только в последующем их осуществление в практической плоскости.

Позиционированный выше тезис о трудностях претворения в жизнь указанных процессов находит свое подтверждение в повышенном внимании к ним со стороны государственной власти, включая профильных ведомств, представителей различных кругов российской общественности, которые нашли свое выражение в информации, размещенной на интернет-представительстве главы государства, а также в результатах научных исследований. Применительно к тексту Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [1], на официальном информационном ресурсе главы государства констатируется ситуация закрепления в его содержании иных правил, чем предусмотрены российским законодательством. В силу, чего ратификация соглашения требует принятия новых общегосударственных законодательных актов или преобразования действующих, в группу которых входят в том числе, УК и УПК РФ [2]. В данном случае, также представляется верным привести интересное мнение, отраженное в научной публикации Д.А. Седых. Автором были системно про-

анализированы нерешенные вопросы в сфере имплементации норм Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Так рассмотрев вопросы имплементации ст. 12 Конвенции ученый пришел к мнению о необходимости федерального законодателя сообщить о праве на оговорку относительно применения соглашения с учетом российских реалий, к чему исследователь в большей степени предрасположен, или привести национальное законодательство в полное соответствие с рекомендациями исследованного юридического документа [3, с. 65-70].

Выше обозначенные оценки исследуемых событий, позволяют авторам говорить о повышенном научно-практическом интересе к проблематике имплементации и денонсации, международных антикоррупционных соглашений в России. В настоящей работе исследователи не ставят своей целью проанализировать имплементацию и денонсацию всех без исключения международных антикоррупционных конвенций. Авторы концентрируют свое внимание исключительно на изучении взаимосвязи национальной организационно-правовой антикоррупционной основы с процессом выхода нашей страны из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, с выявлением ее последствий, а также изучения альтернативных способов замены противодействующих механизмов.

Рассмотрение заявленной темы начнем с долгой и непростой истории связанной с подготовкой и введением в действие в нашей стране организационно-правовых основ противодействия коррупции, взявших свое начало в далеких 1990-х годах прошлого столетия. Более тридцати лет тому назад в 1992 г. вступил в силу указ главы государства направленный на борьбу с коррупцией в системе государственной службы [4]. Приведенный юридический документ специалистами отнесен к числу, действующих раньше других антикоррупционных национальных нормативных правовых актов, ставших отправной точкой отсчета в деле противодействия коррупционным проявлениям в нашей стране.

В свете изучения заявленной темы значимо отметить наличие в России реальных событий в период 1993–2003 гг., напрямую связанных с неоднократными попытками подготовки и принятия законодательного акта устанавливающего основы антикоррупционной политики, а также федеральных законов по борьбе и противодействию коррупции [5].

Часть представителей научного сообщества, в частности Д. А. Липинский и А. А. Мусаткина в своей научной работе провели изучение длительность периода времени введения текстов законов, предлагаемых к принятию. Авторы продолжительность принятия связали с нежеланием государственной власти в лице его аппарата установить ограничения в отношении чиновников. По мнению ученых, противостояние приданию юридической силы, сопряжено с усмотрением в документах ряда запретов, обязанностей и мер государственной принуждения за совершение деяний, обладающих признаками коррупции [6, с. 676].

Своеобразной «точкой отчета» по активизации антикоррупционных преобразований в России можно считать события, произошедшие в 2003–2006 гг., когда наша страна в полном объеме присоединилась к универсальному и региональному международным правовым соглашениям в области борьбы с коррупцией.

9 декабря 2003 г. установив, аутентичность текста Россия подписана универсальную Конвенцию ООН против коррупции. В свою очередь соглашение окончательно была утверждено 8 марта 2006 г., посредством ратификации [7]. Вместе с тем, в за-

конодательный акт об окончательном утверждении договора было включено заявление по обособленным пунктам и статьям, по которым наша страна обладает юрисдикцией и обязательностью для исполнения. К примеру, в данный перечень не внесена ст. 20 «Незаконное обогащение». В контексте не включения данной нормы необходимо указать на позицию В. Михайлова, который проведя анализ проблемных вопросов незаконного обогащения, пришел к следующим примечательным выводам. Текст, содержащий анализируемую правовую норму, не введен в национальное законодательство многих иностранных государств, в силу отсутствия согласованности ее положений с принципом презумпции невиновности и установления мер государственного принуждения за незаконное обогащение в законодательных актах о налогах, регулирующих трудовые отношения и государственно-служебной деятельности. Объективно оценив происходящие юридическое регулирование, ученый привел собственную точку зрения, согласно которой, в российской правовой системе, реализация предлагаемой в статье идеи о введение ответственности за незаконное обогащение происходит не посредством признания уголовно наказуемым деянием незаконного обогащения, а с помощью применения других юридических мер воздействия [8, с. 113-119].

Следующим соглашением полноправным участником, которого стало наше государство, явилась Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (далее: Конвенция, соглашение). Соглашение было разработано в рамках Совета Европы и подписано от имени нашей страны в городе Страсбурге 27 января 1999 г. При этом Конвенция вступила в юридическую силу 1 июля 2002 г. и ратифицирована нашим государством спустя семь с лишним лет в 2006 г. [9]. Н. Д. Нодирхонова Конвенцию отнесла к широкомасштабным юридическим документам, которые направлены на координацию в области уголовной ответственности в отношении большого количества деяний, связанных с коррупцией [10, с. 62-64].

После вступления Конвенции в юридическую силу согласно п. 3 ст. 32 документа Россия автоматически стала участником Группы государств по борьбе с коррупцией (далее: ГРЕКО, группа). Группа была, образована для целей осуществления мониторинга выполнения государствами ее членами своих обязательств в области борьбы с коррупцией.

В свой черед необходимость имплементации межгосударственных обязательств в национальное законодательство плюс сложившаяся в России коррупционная обстановка, поспособствовали принятию пакета законов о противодействии коррупции, введение которых откладывалось по различным причинам в течение десятилетия. В результате в 2008 г. глава государства подписал пакет законов о противодействии коррупции, состоящий из четырех нормативных правовых акта: рамочного закона о противодействии коррупции [11]; проектов законов, вносящих поправки в юридические документы о центральном правительстве и 25 общегосударственных законодательных актов. Давая комментарии положениям закона о противодействии коррупции Т.Я. Хабриева рассматриваемому значительному явлению, связанному с принятием изучаемого юридического документа, обозначила его качестве существенного этапа в развитии российского антикоррупционного законодательства. По мнению авторов, на базе введенного документа в дальнейшем произошло формирование нормативной основы противодействия коррупции на общегосударственном

уровне, в субъектах Федерации, местном самоуправлении, а также в локальном нормотворчестве [12, с. 22].

Для более полной характеристики изучаемого вопроса важно кратко остановиться, на ведение активной совместной организационно-правовой деятельности органов государственной власти национального уровня в работе ГРЕКО, в период участия в организации нашей страны.

В комплексном юридическом документе, направленном на предупреждение и борьбу с коррупцией [13] Генеральной прокуратуре РФ совместно с Администрацией Президента РФ, МИД России и другими общегосударственным органам было дано поручение по созданию условий практически значимого участия России в деятельности ГРЕКО и реализации в жизнь обзорного механизма Конвенции ООН против коррупции.

Генеральная прокуратура РФ, представляя собой, ответственный центральный орган страны, реализовывала круг вопросов по созданию условий по участию нашей страны в работе ГРЕКО. В частности, самостоятельное структурное подразделение ведомства Управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции принимало участие в деятельности и создавало условия для работы российской делегации в ГРЕКО, равным образом оказывало содействие по осуществлению сформированных группой рекомендаций [14].

Одно из важнейших направлений Совета Федерации Федерального Собрания РФ и Верховного Суда РФ по противодействию коррупции на 2021 - 2024 годы заключалось в продвижение в ГРЕКО российских инициатив, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в связи с совершением преступлений коррупционной направленности, а также участие в мероприятиях по реализации рекомендаций группы [15].

После присоединения России к ГРЕКО было проведено четыре раунда оценки эффективности, наличествующего в нашем государстве комплекса мер по предупреждению коррупционных проявлений.

В 2008-2016 гг. наше государство с определенным успехом прошло три раунда по оценке деятельности национальных органов, занимающихся предупреждением коррупции, признания деяний преступными, включая открытости обеспечения финансовыми ресурсами политических партий.

В декабре 2019 г. в городе Страсбурге (Французская Республика) на 84-м пленарном заседании ГРЕКО, был рассмотрен крайний отчет о выполнении Россией рекомендаций четвертого оценочного раунда, посвященного деятельности по предупреждению коррупции среди таких категорий должностных лиц как, прокуроры, члены парламента и судьи. В своем последнем докладе группа в отношении РФ, выпущенном в августе 2020 г., заявила о выполнении властями страны в полном объеме девяти из двадцати двух рекомендаций по борьбе с коррупцией среди депутатов парламента, судей и работников прокуратуры, еще 9 были выполнены частично, а четыре проигнорированы. При этом в целом было отмечено о достижении определенного прогресса [16].

Не смотря, на все достигнутые результаты участия в работе ГРЕКО в 2023 году в силу сложившихся обстоятельств Россия была вынуждена денонсировать Конвенцию об уголовной ответственности. Нашей страной объявлено прекращение действие Конвенции с 1 июля, а также приостановка отношений с другими участниками

ми соглашения, в целях принятия мер, направленных на недопущение дискриминационного поведения по отношению к нашему государству в рамках оценочных механизмов ГРЕКО [17, с. 65-70].

Причина денонсации состояла в том, что после начала специальной военной операции России на Украине полномочия нашей страны в ряде структур Совета Европы, в том числе в ГРЕКО, были ограничены. Согласно решению Комитета министров Совета Европы от 23 марта 2022 г., Россия должна была не прекращать выполнять принятые на себя обязательства, обусловленные Конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию, но при этом лишалась права голоса и обсуждения докладов ГРЕКО.

Рассмотрим отрицательные и положительные последствия, выхода нашего государства из участия в указанной группе и денонсации Конвенции.

Состоявшийся факт денонсации Конвенции, результаты проведенного анализа публикаций показывают, что значительная часть специалистов, занимающихся практической и научной деятельностью поддержала выход, из соглашения выразив солидарное мнение о не влечении за собой каких-либо катастрофических последствий во внутренней и внешней антикоррупционной политике нашей страны, а также в деле борьбы с коррупционными проявлениями. В этой части являются наглядным итоги научной работы О.В. Беляева и О.Ю. Гомозовой. Специалисты, исследовав последствия денонсации нашим государством Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, включая выход из ГРЕКО в рамках обеспечения антикоррупционной борьбы, обозначили отрицательные и позитивные стороны изучаемого процесса. Авторы обратили внимание на то, что в связи с денонсацией откладываются на не установленный юридически временной промежуток изменения, направленные на сближение норм права, а также корректировка российского законодательства в пределах формирования ранее неизвестных прецедентов. С позиции исследователей, эволюционный путь развития идеи борьбы с коррупцией должен переместиться на внутригосударственный уровень [18, с. 106].

Принимая во внимание высказанные мнения специалистов, занимающихся научными исследованиями и практической деятельностью, выскажем собственную позицию относительно отрицательных и положительных последствий, связанных с денонсацией.

Во-первых, позитивным видится то, что коррупция как разрушающее государство явление в силу базового документа стратегического планирования продолжает признаваться одной из значимых угроз для национальной безопасности нашей страны.

Во-вторых, положительный момент видится в том, что произошедшие процессы не отменяют результаты уже проделанной колоссальной работы по имплементации положений Конвенции являющихся составной частью нашей правовой системы.

В-третьих, денонсация одного договора ни в коем случае не влечет за собой выхода из общемирового антикоррупционного политико-правового пространства, формируемого, прежде всего, универсальной Конвенцией ООН против коррупции, участником которой наше государство продолжает являться.

С отрицательной стороны можно отметить ситуацию отсутствия внешнего влияния, оказываемого группой на российское законодательство, реализуемое в границах системного наблюдения за борьбой с коррупцией. Указанное в свою очередь

может отразиться на дальнейшем обновлении российских антикоррупционных правил, а изучаемое явление представляет собой уровень мировой проблемы, о чем свидетельствуют национальные меры противодействия им.

В заключении исследование, представляется верным обозначить возможные направления разрешения сложившейся ситуации, как до денонсации Конвенции, так и после выхода из соглашения нашей страной.

В первом случае до денонсации Конвенции, у руководства страны была возможность пойти по компромиссному пути, который мог состоять в невыходе из состава ГРЕКО отказаться нашему государству от участия в его заседаниях. Одновременно необходимо было продолжать внимательно следить за выносимыми группой рекомендациями, при этом следуя независимым антикоррупционным курсом, избирательно учитывая рекомендации с учетом российских реалий. Сама по себе ГРЕКО не шла на конфликт с Россией, относится в мире к авторитетным организациям, а ее рекомендации способствовали реализации в нашей стране множества преобразований, от введения антикоррупционных стратегий (национальных планов) до бессрочного назначения мировых судей. Подобное направление по невыходу из группы предлагалось специалистами в области права, включая молодыми исследователями данной ситуации [19, с. 90].

Второе направление связано, с развитием идей антикоррупционной борьбы на национальном уровне после денонсации, в части анализа национальных правил в движении в целях их соответствия направлениям, в которых происходит развитие совокупности преступлений коррупционного характера, а также внесение предложений по их изменению. В данном случае отдельная группа депутатов нижней палаты российского парламента инициировала мысль, связанную с созданием независимого национального механизма мониторинга и разработки предложений по реализации мероприятий и нормативно-правовому регулированию национальной политики в сфере противодействия коррупции. Депутаты обратились с предложением создания комиссии по мониторингу и регулированию законодательства в области противодействия коррупции [20]. Указанное предложение не было поддержано субъектами законодательного процесса, оно было признано избыточным, среди прочего вследствие реализации идентичных вопросов Советом при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, его президиум и рабочие группы (комиссии).

Список литературы:

1. Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20, ст. 2394.
2. О Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию Президент России официальном сайте Президента России // Официальное интернет-представительство Президента Российской Федерации – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/2762> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Седых Д.А. Проблемы имплементации норм Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию / Д.А. Седых // Законность. – 2019. – № 1. – С. 45-48.
4. О борьбе с коррупцией в системе государственной службы: указ Президента РФ от 04 апр.1992 № 361 // Рос. газ. – 1992. – 07 апр. (документ утратил силу с 28.06.2005).
5. О противодействии коррупции: проект Федерального закона № 148067-3 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Проблемы соответствия антикоррупционного законодательства Российской Федерации международным стандартам / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 4. – С. 673-690.

7. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: федер. закон от 08 марта 2006 № 40-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 21 марта.
8. Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации / В. Михайлов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 113 – 119.
9. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федер. закон от 25 июля 2006 № 125-ФЗ // Рос. – 2006. – 28 июля.
10. Nodirkhonova N. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // European Research. – 2017. – № 1 (24). – С. 62-64.
11. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декаб. 2008 № 273-ФЗ // Рос. газ. – 2008. – 30 декаб.
12. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / Т.Я. Хабриева, А.В. Габов, А.М. Цирин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018 – 424 с.
13. Национальный план противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы, утв. Указ Президента Рос. Федерации от 16 авг. 2021 № 478 (пп. «а» п. 45) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 34, ст. 6170.
14. Организация антикоррупционного обучения федеральных государственных служащих: методические рекомендации, одобрены президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, протокол от 25.09.2012 № 34 (п. 9 разд. 5.1) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. План мероприятий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по противодействию коррупции на 2021 - 2024 годы, утв. решением Совета палаты, выписка из протокола от 21 сентяб. 2021 г. № 14/1-сп (п. 25); План Верховного Суда Российской Федерации по противодействию коррупции на 2021 - 2024 годы, утв. приказом Верховного Суда РФ от 29 сентяб 2021 г. № 35-П (п. 5.2) // Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Опубликован отчет о выполнении Россией рекомендаций ГРЕКО // Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ. – URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_otchet_o_vypolnenii_rossiey_rekomendatsiy_greko_ (дата обращения: 19.02.2024).
17. Жук О. Д. О денонсации российской федерацией конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии коррупции» // Законодательство. 2023. № 4. С. 65-70.
18. Беляева О.В., Гомозова О.Ю. К вопросу последствий денонсации Россией конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: обеспечение коррупционной борьбы / О.В. Беляева, О.Ю. Гомозова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 2 (95). – С. 106-113.
19. Маричева О.В. Российское антикоррупционное законодательство в свете возможной денонсации конвенции Совета Европы / О.В. Маричева // Молодёжь XXI в.: шаг в будущее: материалы XXIII региональной науч.-практ. конференции 24 мая 2022 г. В 4-х томах. Том 2. Благовещенск, 2022. С. 90-91.
20. О Российской комиссии по мониторингу и регулированию законодательства в области противодействия коррупции: проект Федерального закона № 275491-8 // Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

A. V. Kalyashin. Yu. G. Bubnova Strasbourg convention on the criminal liability of corruption: from signature, ratification and implementation of obligations to denunciation by the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 257–264.

This paper examines certain aspects of our country's participation in universal and regional interstate agreements to combat corruption. In the course of a targeted study, an analysis was carried out of a set of actions aimed at accession and ratification by our country of the Convention on Criminal Liability for Corruption, including the implementation of obligations into national legislation. Close attention is paid to the consequences of the denunciation of this agreement and Russia's withdrawal from the international organization created to help participating countries improve the mechanisms for combating corruption, implemented in order to protect national interests. Based on the research findings, the authors examined a number of proposed independent anti-corruption mechanisms, both before and after leaving the agreement and the group.

Keywords: corruption, obligation, mechanism, convention, accession, ratification, implementation, denunciation.

Spisok literatury:

1. Konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu (zaklyuchena v g. Strasburge 27.01.1999) // So-branie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. – 2009. – № 20, st. 2394.
2. O Konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu Prezident Rossii ofitsial'nom saite Prezidenta Rossii // Ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossiiskoi Federatsii – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/2762> (data obrashcheniya: 19.02.2024).
3. Sedykh D. A. Problemy implementatsii norm Konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu, Zakonnost', 2019, No. 1, pp. 45–48.
4. O bor'be s korruptsiei v sisteme gosudarstvennoi sluzhby: ukaz Prezidenta RF ot 04 apr.1992 № 361// Ros. gaz. – 1992.– 07 apr. (dokument utratil silu s 28.06.2005).
5. O protivodeistvii korruptsii: proekt Federal'nogo zakona № 148067-3 // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tanTPlyus».
6. Lipinskii D. A., Musatkina A. A. Problemy sootvetstviya antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii mezhdunarodnym standartam, Vestnik SPBGU. Pravo, 2019, Vol. 10. Vyp. 4. pp. 673–690.
7. O ratifikatsii Konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii protiv korruptsii: feder. zakon ot 08 marta 2006 № 40-FZ// Ros. gaz. – 2006. – 21 marta.
8. Mikhailov V. Stat'ya 20 Konventsii OON protiv korruptsii ob otvetstvennosti za nezakonnnoe obogashchenie i vozmozhnye napravleniya otrazheniya ee idei v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii, Uголовное право, 2012, No. 2, pp. 113–119.
9. O ratifikatsii Konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu: feder. zakon ot 25 iyulya 2006 № 125-FZ// Ros.– 2006. – 28 iyulya.
10. Nodirkhonova N. Konventsiiya Soveta Evropy ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu // European Research, 2017, No. 1 (24). pp.62–64.
11. O protivodeistvii korruptsii: feder. zakon ot 25 dekab.2008 № 273-FZ // Ros. gaz. – 2008. – 30 dekab.
12. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodeistvii korruptsii» (postateinyi) / T.YA. Khabrieva, A.V. Gabov, A.M. Tsirin i dr.; otv. red. T.YA. Khabrieva. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2018, 424 p.
13. Natsional'nyi plan protivodeistviya korruptsii na 2021 - 2024 gody, utv. Ukaz Prezidenta Ros. Federatsii ot 16 avg. 2021 № 478 (pp. «A» p. 45) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. – 2021. – № 34, st. 6170.
14. Organizatsiya antikorrupcionnogo obucheniya federal'nykh gosudarstvennykh sluzhashchikh: metodicheskie rekomendatsii, odobreny prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korruptsii, protokol ot 25.09.2012 № 34 (p. 9 razd. 5.1) // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tanTPlyus».
15. Plan meropriyatiy Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korruptsii na 2021 - 2024 gody, utv. resheniem Soveta palaty, vypiska iz protokola ot 21 sentyab. 2021 g. № 14/1-sp (p. 25); Plan Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korruptsii na 2021 - 2024 gody, utv. prikazom Verkhovnogo Suda RF ot 29 senyab 2021 g. № 35-P (p. 5.2) //Dokumenty opublikovany ne byli. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tanTPlyus».
16. Opublikovan otchet o vypolnenii Rossiei rekomendatsii GREKO // Antikorrupcionnyi tsentr NIU VSHEH. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_otchet_o_vypolnenii_rossiey_rekomendatsiy_greko_ (data obrashcheniya: 19.02.2024).
17. Zhuk O. D. O denonsatsii rossiiskoi federatsiei konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu i vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O protivodeistvii korruptsii» // Zakonodatel'stvo, 2023, No. 4, pp. 65–70.
18. Belyaeva O.V., Gomozova O.YU. K voprosu posledstviy denonsatsii Rossiei konventsii ob ugovnoyi otvetstvennosti za korruptsiyu: obespechenie korruptsionnoi bor'by, Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2023, No. 2 (95), pp. 106–113.
19. Maricheva O.V. Rossiiskoe antikorrupcionnoe zakonodatel'stvo v svete vozmozhnoi denonsatsii konventsii Soveta Evropy, Molodezh' XXI veka: shag v budushchee: materialy XXIII regional'noi nauch.-prakt. Konferentsii 24 maya 2022 g. V 4-kh tomakh, Vol. 2. Blagoveshchensk, 2022. pp. 90–91.
20. O Rossiiskoi komissii po monitoringu i regulirovaniyu zakonodatel'stva v oblasti protivodeistviya korruptsii: proekt Federal'nogo zakona № 275491-8 // Dokumenty opublikovany ne byli. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tanTPlyus».

УДК 347

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВОЗНИКШИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИЧИНЕНИЯ УЩЕРБА, ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Кийко А. Ю., Семёнова И. В.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

Деятельность органов государственной власти сопряжена зачастую с реализацией мер принуждения. Меры принуждения являются по своей сути действиями специально уполномоченных лиц, направленными на исполнение предписаний закона, соблюдение установленных правил, лицами, их нарушающими и препятствующими осуществлению полномочий органов государственной власти. Общественные отношения, возникающие между субъектами, регулируемые нормами гражданского законодательства, обладают определенной спецификой и строятся на частных интересах. В отношениях, где одной из сторон являются представители органов государственной, муниципальной власти, субъектов Российской Федерации могут возникать правоотношения, в результате которых юридическому или физическому лицу причинен ущерб или вред. Авторами проведен анализ применения норм гражданского законодательства, регулирующих компенсационный порядок возмещения вреда, и приходят к выводу, что компенсация вреда играет центральную роль в поддержании высоких стандартов работы государственной службы и представляет собой фундаментальный принцип верховенства права.

Ключевые слова: государственная служба, причинение имущественного вреда, моральный вред, полномочия, должностные обязанности, законные и незаконные действия, доказательства, судебный процесс, регресс, укрепление законности, правопорядок.

Одним из направлений деятельности государства в социальной сфере является охрана прав и свобод человека, собственности и правопорядка. Реализация данной деятельности осуществляется на основе существующего механизма государства, состоящего из звеньев, включающих в себя специфические виды. Так общепризнано, что функции государства воплощаются в действительность путем исполнения своих полномочий законодательной, исполнительной и судебной властью.

В настоящее время с целью осуществления управленческой или исполнительной деятельности органы государственной власти наделяются широким кругом полномочий, затрагивающих ограничение конституционных прав.

Так, например, законодатель определил полномочия войск национальной гвардии, наделив их правом осуществлять доставку граждан в полицию, для принятия решения об их задержании; досматривать транспортные средства; входить в помещения и территории, находящиеся под охраной Росгвардии, в том числе с целью осуществления контроля их деятельности; в сфере оборота оружия и боеприпасов к нему, взрывоопасных предметов – принимать на хранение и осуществлять уничтожение, исполнять судебные решения по изъятию и конфискации [13].

Деятельность органов государственной власти сопряжена зачастую с реализацией мер принуждения. Меры принуждения являются по своей сути действиями специально уполномоченных лиц, направленными на исполнение предписаний закона, соблюдение установленных правил, лицами, их нарушающими и препятствующими осуществлению полномочий органов государственной власти. Следует отметить,

что применяемые меры должны быть соразмерными нарушению и реализовываться в соответствии и законом.

В рамках проведения расследования уголовного дела, проведения разбирательства по делу об административном правонарушении, обеспечении и охране общественного порядка и безопасности встречаются случаи злоупотребления и превышения должностных полномочий. Под ними следует понимать, исходя из толкований Верховного суда РФ нарушения, конъюгирующие в сфере ограничения прав и свобод физических и юридических лиц, при реализации потребностей, в рамках закона и морали [10].

В случаях причинения вреда или ущерба, действиями (бездействием) должностных лиц, признанных в судебном порядке незаконными или в результате правомерных действий, подлежит компенсации.

Общественные отношения, возникающие между субъектами, регулируемые нормами гражданского законодательства, обладают определенной спецификой и строятся на частных интересах. В отношениях, где одной из сторон являются представители органов государственной, муниципальной власти, субъектов Российской Федерации могут возникать правоотношения, в результате которых юридическому или физическому лицу причинен ущерб или вред.

К таким органам следует относить организации (учреждения), осуществляющие управление государством на разных уровнях [1]. Деятельность таких органов основана на принципе разделения власти и полномочия осуществляются в рамках своих компетенций [15, с.20]. В результате осуществления полномочий или бездействия, наступившие вредные последствия подлежат возмещению, в том числе при причинении морального вреда доказывание отсутствие вины, лежит на лице, причинившим такой вред.

При наступлении вреда, причиненного в результате правомерных действий органов государственной власти, следует исходить из понимания того, что источник вреда и субъект возмещающий вред не одно и то же лицо, что образует уникальный юридический контекст. Чтобы понять, кто покроет ущерб, допущенный в результате действий органов власти, нужно определить, кого следует признать ответчиком в сложившихся правоотношениях. Статья 16 ГК РФ уточняет, кто несет ответственность в случае допущения неправомерных действий государственных органов власти. Ст. 1069 ГК РФ устанавливает, что такие издержки оплачиваются из федеральной, региональной или местной казны. Ст. 1071 ГК РФ указывает на финансовые органы, структурные подразделения, действующие от имени казны. Также п. 3 ст. 158 Бюджетного Кодекса Российской Федерации (далее БК РФ) подтверждает тот факт, что главные распорядители бюджетов защищают интересы казны в суде, если идет речь о возмещении вреда от незаконных действий власти. Участие финансовых подразделений в роли исполнителя по спорам, возникающим в результате совершения или не совершения действий, признанные противоправные, упрощает реализацию ст. 16 ГК РФ [11].

Следует отметить, в противопоставление, ст. 16.1 ГК РФ, которая прямо не указывает, кто должен возмещать возникшие материальные и нематериальные потери, вызванные законными действиями властей, а лишь направляет к особым законам [14], тем самым подтверждая факт, что данная норма является бланкетной.

В законодательстве часто встречается отсылка к Гражданскому кодексу РФ, например, когда говорится о возмещении ущерба. Это создает между разными отраслями права взаимосвязь с четкими указаниями, порядка осуществления компенсационных выплат. В ГК РФ ст. 16.1 и 1064 касаются этого, и определяют субъекта гражданской правовой ответственности – лицо, чьими действиями причинен вред.

А.В. Максименко и Т. С. Колесова отметили, что изменения, внесенные в законодательство о компенсации ущерба, причиненного федеральными органами государственной власти, не гарантируют адекватной защиты прав граждан [6, с.69]. Представляется возможным полагать, что данное заявление не является обоснованным. Прделана большая работа по изменению законодательства, определяющего механизм компенсации ущерба и вреда. Существует строгое определение лиц, которые несут ответственность за исполнение должностных обязанностей, в результате которых наступили вредные последствия.

Пробелы в законодательстве, касающиеся возмещения ущерба от законных действий властей, проистекают из путаницы с обязательствами по возмещению вреда. Зачастую истцы выбирают лицо, которое в последствие признается судом ненадлежащим ответчиком. Такое смешение понятий приводит к неправильному применению норм обязательств к этим случаям, хотя нужен специфический подход к возмещению. При подаче иска о компенсации ущерба и вреда, следует правильно определить ответчика в суде. Поскольку от этого выбора зависит вынесенное решение. В качестве примера хотелось привести решение суда, которое было обжаловано в вышестоящих судах, апелляционной, кассационной инстанциях и окончательное решение при разрешении спора смог принять только Конституционный суд. Так, например, в Конституционный Суд РФ обратился с жалобой Коновальчиков Я.А., который посчитал, что ст. 1069 ГК РФ нарушает его конституционное право на компенсацию морального вреда, полученного в результате причинения тяжкого вреда здоровью. Во время прохождения военной службы по призыву, двадцать лет назад, сдавая суточный наряд, получил пулевое ранение, по неосторожности, от сослуживца. По результатам проведенного разбирательства пришли к выводу, что данное происшествие стало возможным в результате того, что воспитательная работа и работа по изучению порядка обращения с оружием организована не в полном объеме. Приказом командира воинской части за допущенные нарушения, лица, обязанные организовывать работу в данном направлении были привлечены к дисциплинарной ответственности. Военнослужащий, который произвел выстрел, признан виновным в совершении преступления и осужден условно. Положенные социальные и страховые выплаты пострадавший военнослужащий получил в полном объеме. Иск о компенсации морального вреда был подан в суд к Министерству обороны РФ. В удовлетворении требований было отказано во всех инстанциях, поскольку вред был причинен военнослужащим, не являющимся должностным лицом [7].

Согласно позиции Верховного Суда РФ, применять ст. 16 ГК РФ совместно со статьями 1069, 1067, 1079 и 1071 ГК РФ к случаям урегулирования ущерба при крайней необходимости неправомерно, так как они относятся к различным правовым категориям. Обязательства из-за вреда, нанесенного в таких условиях, не имеют общего или частного характера в рамках законных действий.

Закон отдельно выделяет крайнюю необходимость в ст. 16.1 ГК РФ, подчеркивая её особенность и особый порядок возмещения ущерба, который покрывается федеральным бюджетом. Распределение ответственности на государство и заинтересованных лиц считается неправомерным, учитывая сложности в определении круга лиц и социальную направленность норм о компенсации. Компенсация ущерба, причиненного госорганами в результате осуществления своих действий, идет на счет государства, поскольку они выполняют свой долг и функции государства. При совершении противоправных действий должностным лицом, уполномоченным проводить доследственную проверку, действия, направленные на проведение расследования уголовного дела, был причинен вред, который возмещается за счет бюджетных средств на основании статьи 1070 ГК РФ.

В законе, имеющиеся нормы, регулируют компенсацию вреда по ст. 16. ГК РФ, должны обладать четкостью в определении ответственного за урегулирование убытков, будь то госорганы разного уровня или органы самоуправления. В зависимости от уровня власти, казна РФ, региона или муниципалитет будет покрывать расходы. Минфин России или аналогичный финансовый орган выступает ответчиком в суде.

В любых обстоятельствах в судебном процессе представителем государства выступает федеральный орган, территориальный орган может быть привлечен в качестве третьей стороны, со стороны ответчика, за причинённый вред [11].

В тех случаях, когда деятельность (бездеятельность) должностных лиц связана с ограничением конституционных прав – ограничение свободного передвижения в рамках привлечения к уголовной или с целью привлечения к административной ответственности, моральный вред подлежит компенсации по совокупности реализации положений, содержащихся в п.1 ст.1070 и абз.3 ст. 1100 ГК РФ. При этом не учитывается степень вины лица, осуществляющего применения принудительных мер пресечения.

Так, например, в суде Заводского района г. Саратова, в пользу гражданина Орлова М.В. была присуждена компенсация морального вреда в размере 850 тыс. руб. за незаконное уголовное преследование и незаконное содержание под стражей[4].

В городе Москва, гражданке Шепелевой И.В., иск о компенсации морального вреда, причиненного уголовным преследованием ее сына, был удовлетворен судом частично. В суде было доказано незаконность проведения обыска в жилище. С учетом характера нарушенных прав, нравственных страданий и их продолжительностью было вынесено соответствующее решение [3].

Согласно разъяснениям Верховного суда моральный вред подлежит компенсации в случаях, когда вина должностного лица установлена. В этом случае применяются положения ч.1 ст. 151 ГК РФ, которая устанавливает право суда на принятие такого решения [9].

Следует обратить внимание, что вопрос о компенсации морального вреда не следует рассматривать по совокупности применения положений, указанных в статьях 1069 и п. 2 ст. 1099 ГК РФ в части касаясь социальной составляющей (выплаты, компенсации), особенно если отказ в выплатах не повлиял на жизнедеятельность в целом.

Ушницкий Р.Р. и Садриева Р.Р., ссылаясь на письма Министерства Финансов РФ, утверждают, что удовлетворение требований федеральных органов госвласти не приводит к искомому результату [12]. С данным мнением представляется возможным не согласиться. Поскольку судебная практика подтверждает обратное.

Исходя, из практики реализации данных норм, хочется отметить, что практика регрессного взыскания ущерба, причиненного государственными служащими при исполнении должностных обязанностей, также реализуется установленным законом порядком.

Закон регулирует возмещение вреда, если лицом будет доказано, что действия представителя государства при исполнении должностных обязанностей и вынесенные им акты, являлись противозаконными. Другая ситуация, когда возмещается ущерб, причиненный законными действиями. Этот сложный вопрос юридической и политической сферы сталкивается с принципами социального правового общества.

Признавая классической моделью решение вопроса о компенсации ущерба в полном объеме при наличии строго определенных условий, закрепленных в законе, отмечается, что компенсацию ущерба, причиненного должностными лицами, следует отличать от компенсации ущерба, причиненного представителями судебной власти, лицами проводящими расследование преступления, представителями надзорного органа [2, с.1008].

Государственные институты работают для защиты прав человека, что является их ключевой задачей. Однако ограничения в вопросах возмещения ущерба порой ставят общественное благо выше личных интересов, пренебрегая конституционным уважением к личным свободам.

Конституционный Суд России определил, что государство должно гарантировать защиту прав граждан [8] и представляет собой эффективную защиту и восстановление в суде нарушенных прав.

Для наступления права на возмещения причиненного ущерба, наличие вины в действиях должностных лиц не обязательно, за исключением случаев, когда вред причиняется в результате вступления судебного решения в законную силу [5, с.15].

Следует отметить, что с одной стороны вопрос компенсации для пострадавшей стороны решен, однако для государственных органов остается открытым. В связи с тем, что денежные средства выплачиваются федеральными органами государственной власти, встает вопрос о компенсации понесенных затрат. На этот случай предусмотрен регрессный порядок взыскания понесенных расходов.

Так, например, в случае совершения противоправных действий или бездействия должностного лица, в результате чего наступили вредные последствия, повлекшие причинение ущерба, согласно ст. 1080 ГК РФ, субъекты, возместившие в установленном размере в полном объеме, обладает правом обратного требования. Иными словами, причинитель вреда обязан возместить выплаченную сумму. Согласно действующему законодательству, вина должна быть установлена в судебном порядке. Любое должностное лицо, не зависимо от того к какой ветви власти оно относится, выплаты осуществляет соразмерно доли своей вины. В случае невозможности определения размера долевой ответственности – наступает равная долевая ответственность.

При причинении вреда законными действиями – компенсация за счет казны России и органов ее представляющих, регрессный порядок не предусмотрен.

Субъектам, пострадавшим от действий властей, положены выплаты. Размер зависит от серьезности ущерба здоровью и степени повреждения, душевных страданий или объема утраты собственности. Вычисление компенсационных сумм за убытки должно учитывать текущий момент и ожидаемый диапазон ущерба.

Согласно 16.1 ГК РФ, действия представителей власти, направленные на общее благо и осуществляемые в рамках их полномочий, считаются законными. Они могут применять нестандартные меры в сложных обстоятельствах, следуя закону и служебным указаниям. В случаях угрозы, служащие могут нанести вред, который не подлежит возмещению, если это предусмотрено законом. Следовательно, их действия заранее признаются законными, исключая нужду в компенсации.

При установлении вины потерпевшего в происхождении ущерба, ответственность за его возмещение с виновной стороны снимается, соответствуя ст. 1083 ГК РФ и нормам справедливости. В случаях требования возмещения убытков, вызванных законными действиями власти, бремя доказывания лежит на ответчике, который доказывает вину потерпевшего. Чтобы получить возмещение, жертва должна показать, что урон произошел из-за действий власти. Ответчик имеет право обвинить в ущербе саму жертву, что освободит его от выплат. Предполагается, что работники госструктур, следуя закону и принесенной Присяге, действуют законно, защищая права человека. Их действия основаны на уважении этих прав, что закреплено в ГК РФ ст. 16.1. Презумпция их правомерности действует исключительно в рамках этой статьи и обусловлена нуждами государственной службы.

В рамках ГК РФ все стороны равны, но есть исключения, когда государственные структуры становятся участниками правоотношений. В таких случаях они могут нести ответственность за ущерб, вызванный их действиями или бездействием, включая ошибки силовых и судебных органов. Это указывает на развитие специфического сектора права, касающегося компенсации за вред от деятельности госорганов. Особенность правоотношений заключается в уникальных условиях возмещения вреда из средств казны и видах ответственности за неправомерные поступки государственных служащих. Для этого нужно обратиться в суд с иском, соответствующим ст. 131 ГПК РФ, доказательствами требований. Специфика компенсаций диктуется уникальным статусом таких случаев.

Исходя из изложенного, представляется возможным прийти к выводу, что компенсация вреда, причиненного действиями должностных лиц, является ключевым элементом в системе правопорядка. Это не только мера справедливости для потерпевшего, но и мощный регулятор поведения должностных лиц. Важность такой компенсации заключается в предотвращении злоупотреблений и незаконных действий со стороны представителей государственной власти. Она служит сигналом для всех участников правоотношений о том, что любое нарушение закона будет иметь последствия. Подобная политика способствует укреплению законности и порядка, поскольку устанавливает ответственность за превышение полномочий или неправомерные решения. Когда должностное лицо осознаёт возможность материальной и юридической ответственности за свои действия, это стимулирует его к более тщательному соблюдению законодательства. Кроме того, эффективная система компенсаций помогает восстановить доверие общества к государственным институ-

там. Субъекты правоотношений осознают, что возможные ошибки или злоупотребления не остаются безнаказанными и что есть механизмы защиты их прав. Таким образом, компенсация вреда играет центральную роль в поддержании высоких стандартов работы государственной службы и представляет собой фундаментальный принцип верховенства права.

Список литературы:

1. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2020 // URL: <https://be5.biz/pravo/k054/1.html>
2. Богданова И. С. Правовая модель возмещения (компенсации) вреда, причиненного государством: российский и зарубежный опыт // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 12. – С. 1805-1818.
3. Гражданское дело № 2-315/18. Тверской районный суд г. Москвы. Решение суда от 14 марта 2018 г.
4. Дело №2-2625/2018 // URL: https://zavodskoi-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=111159951&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.
5. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность органов власти и их должностных лиц за ущерб, причинённый правомерными действиями // Юрист. – 2013. – №12. – С. 14-17.
6. Максименко А.В., Колесова Т.С. Вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину действиями сотрудников органов внутренних дел // ППД. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-vozmesheniya-vreda-prichinennogo-grazhdaninu-deystviyami-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 11.03.2024).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коновальчикова Ярослава Андреевича на нарушение его конституционных прав статей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102457831&bpa=cd000000&bpas=cd000000&intelsearch=%EE+%F1%F2%F0%E0%F5%EE%E2%E0%ED%E8%E8++&ysclid=lttug7uv3l520516987
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского» // Российская газета. 2022. № 119.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2022. № 267.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. № 207.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 123.
12. Ушницкий Р. Р., Садриева Р. Р. Особенности деликтной ответственности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 8. С.18-12.
13. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 146.
14. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. № 48.
15. Хуснутдинов, Ф. Г. Государственный орган и государственный орган власти: расположение понятий / Ф. Г. Хуснутдинов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 10. – С. 20-24.

Kiiko A.Yu., Semenova I.V. Obligations arising as a result of damage caused by state bodies in the exercise of official powers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 265–272.

The activities of public authorities are often associated with the implementation of coercive measures. Coercive measures are essentially the actions of specially authorized persons aimed at fulfilling the requirements of the law, compliance with established rules, by persons who violate them and impeded the exercise of the powers of public authorities. Public relations arising between subjects regulated by the norms of civil legislation have certain specifics and are based on private interests. In relations where one of the parties is representatives of state, municipal authorities, and subjects of the Russian Federation, legal relations may arise, as a result of which damage or harm has been caused to a legal entity or individual. The authors analyzed the ap-

plication of the norms of civil legislation regulating the compensatory procedure for compensation for harm, and came to the conclusion that compensation for harm plays a central role in maintaining high standards of public service and represents a fundamental principle of the rule of law.

Keywords: public service, causing property damage, moral harm, powers, official duties, lawful and illegal actions, evidence, judicial process, regression, strengthening of legality, law and order.

Spisok literature:

1. Bezrukov A.V. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnoe posobie. 3-e izd., pererab. i dop. M.: YUstin-form, 2020 // URL: <https://be5.biz/pravo/k054/1.html>
2. Bogdanova I. S. Pravovaya model' vozmeshcheniya (kompensacii) vreda, prichinnogo gosudarstvom: rossijskij i zarubezhnyj opyt // ZHurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2022. – T. 15, № 12. – S. 1805-1818.
3. Grazhdanskoe delo № 2-315/18. Tverskoj rajonnyj sud g. Moskvy. Reshenie suda ot 14 marta 2018 g.
4. Delo №2-2625/2018 // URL: https://zavodskoi--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=111159951&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.
5. Kabanova I.E. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' organov vlasti i ih dolzhnostnyh lic za ushcherb, prichinyonnyj pravomernymi dejstviyami // YUrist. – 2013. – №12. – S. 14-17.
6. Maksimenko A.V., Kolesova T.S. Voprosy vozmeshcheniya vreda, prichinnogo grazhdaninu dejstviyami sotrudnikov organov vnutrennih del // PPD. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-vozmeshcheniya-vreda-prichinnogo-grazhdaninu-deystviyami-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (data obrashcheniya: 11.03.2024).
7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.01.2018 № 7-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Konoval'chikova YAroslava Andreevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'ej 1069 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // URL.: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102457831&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%EE+%F1%F2%F0%E0%F5%EE%E2%E0%ED%E8%E8++&ysclid=lttug7uv3l520516987
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.05.2022 № 20-P «Po delu o provere konstitucionnosti punkta 3 chasti pervoj stat'i 24 i chasti vtoroj stat'i 27 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.V. Novkenskogo» // Rossijskaya gazeta. 2022. № 119.
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.11.2022 № 33 «O praktike primeneniya sudami norm o kompensacii moral'nogo vreda» // Rossijskaya gazeta. 2022. № 267.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 (red. ot 11.06.2020) «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij» // Rossijskaya gazeta. 2009. № 207.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.05.2019 № 13 «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami norm Byudzhetnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, svyazannyh s ispolneniem sudebnyh aktov po obrashcheniyu vzyskaniya na sredstva byudzhetov byudzhetnoj sistemy Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2019. № 123.
12. Ushnickij R. R., Sadrieva R. R. Osobennosti deliktnoj otvetstvennosti Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 8. S.18-12.
13. Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 № 226-FZ (red. ot 04.08.2023) «O vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2016. № 146.
14. Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ (red. ot 10.07.2023) «O protivodejstvii terrorizmu» // Rossijskaya gazeta. 2006. № 48.
15. Husnutdinov, F. G. Gosudarstvennyj organ i gosudarstvennyj organ vlasti: raspolozhenie ponyatij / F. G. Husnutdinov // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2021. – № 10. – S. 20-24.

УДК 343.14

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИЛИ ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кравченко О. Г.

Крымский филиал Краснодарского Университета МВД России

В статье рассмотрены теоретические и правовые вопросы формирования сведений в электронной (цифровой) форме, которые могут использоваться в качестве доказательств по уголовным делам. Возможность использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве и допустимость таких сведений в электронной форме обусловлены наличием предусмотренного в законе источника таких доказательств. Обращается внимания на особые свойства электронных доказательств, а именно, широкие возможности их модификации и уничтожения, что принципиально отличает их от вещественных доказательств и иных документов, так как требует соблюдения специальных требований (режима) извлечения и последующей работы с такими доказательствами. Отмечены также возможности оперативного направления (передачи) таких доказательств с использованием телекоммуникационных каналов связи. Автор приходит к заключению об отсутствии необходимости выделения в законе отдельного источника доказательств для сведений-доказательств в электронной форме. По мнению автора, в системе источников доказательств электронные доказательства могут относиться как к вещественным доказательствам, так и иным документам при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, предъявляемым к указанным источникам доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства; источник доказательств; формирование доказательств; вещественные доказательства; иные документы.

Передовые информационные технологии постоянно совершенствуясь активно используются в современных организационных формах противодействия преступности уверенно, при этом, занимая стратегический пласт информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов и суда благодаря возможностям проведения операций по накоплению, обработке, систематизации и использованию значительных массивов необходимой в такой деятельности информации.

Достижения современной информатизации открывают и новые возможности в области уголовно-процессуальной деятельности, прежде всего, для повышения уровня ее оперативности, а, следовательно, и эффективности. Учитывая, что информационные процессы, состоящие в собирании, проверке и оценке сведений, представляющих доказательства по уголовным делам, являются внутренним содержанием или «стержневой основой» уголовного судопроизводства на всех его стадиях, внедрение принципиально новых технических способов накопления, сохранения и передачи информации, соответствующей электронному цифровому формату, требует должного правового обеспечения. Практические потребности доказывания в уголовном процессе обуславливают необходимость закрепления на законодательном уровне эффективного нормативного инструментария. Поэтому, ключевые положения, связанные с использованием доказательств в электронной форме, которыми должен руководствоваться правоприменитель, должны иметь нормативно-правовое выражение. Вместе с тем, несмотря на то, что теоретики и практики уголовно-процессуальной деятельности все более активно оперируют такими понятиями как «электронное доказательство», «вещественные электронные доказательства», «цифровые доказательства», в настоящей редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ понятие сведений, представляющих электронные или цифровые доказательства,

не закреплено. Отсутствуют в нем и положения, определяющие место таких доказательств в системе законных средств доказывания по уголовным делам. Все вышеизложенное, а также отсутствие научного решения вопроса о том, можно ли считать электронные (цифровые) доказательства новым видом доказательств по уголовным делам, актуализируют необходимость исследования данных проблем, что и является **целью настоящей статьи.**

Актуальные теоретические аспекты формирования и использования доказательств в электронной форме сейчас активно разрабатываются учеными процессуалистами и криминалистами. В данном направлении можно отметить, в частности, работы А.С. Александрова, А.М. Баранова, А.А. Балашова, Д.В. Бахтеева и Е.В. Саматина, А.А. Количенко, С.И. Кувычкова, П.С. Пастухова, В.В. Терехина и многих других [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Однако в многочисленных публикациях отсутствует единый подход к вопросам о целесообразности закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве понятия «электронное доказательство», об отнесения таких сведений к отдельному виду источников доказательств, о правилах формирования электронных доказательств. Все это актуализирует дальнейшие исследования данной тематики.

Нормативные положения доказательственного права призваны, с одной стороны, обеспечить достоверность и возможность проверки сведений, с помощью которых устанавливаются обстоятельства подготавливаемых и совершаемых преступлений, а с другой – максимально гарантировать обеспечение основополагающих прав и свобод личности, как участника уголовно-процессуальных отношений. Вместе с тем, сама возможность реализации этих взаимосвязанных целей обусловлена законодательно установленным формальным качеством используемых сведений-доказательств, а именно, их допустимостью или законностью.

Уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) установлен закрытый перечень источников доказательств, соответствующих необходимому и применимому в процессе доказывания представлениям о форме доказательств. Закрепленный законом перечень источников доказательств необходим для правильной оценки всего процесса формирования доказательств по уголовным делам, так как помимо данных о конечной процессуальной фиксации, собираемых в ходе производства по делу сведений-доказательств, их источники позволяют также отследить и проверить способы получения соответствующих сведений, а значит, прийти к выводу о законности или незаконности соответствующих процессуальных действий и их конечных результатов. Таким образом, закрепление в законе видов источников доказательств имеет немаловажное практическое значение для разрешения вопросов о допустимости собранных по делу доказательств.

Формирование электронных доказательств предполагает необходимые действия (операции), отражающие возникновение и необходимое процессуальное преобразование электронный информации, которая приобретает свойства доказательств при надлежащем, с соблюдением требований законодательства, выполнении действий, состоящих в выявлении, закреплении и превращении ее в образную или письменную форму, для обеспечения восприятия ее содержания участниками уголовного судопроизводства [8].

Перечень информации или сведений, которые можно представить в качестве электронных доказательств достаточно широк. Так А.Ю. Чернадцев считает, что к

таким сведениям-доказательствам относятся: почтовый трафик; данные транзакций; всевозможные деловые записи; записи, хранящиеся в облаке у провайдера, а также у иных третьих лиц; журналы контроля доступа; внутренние файлы, включающие сведения о конфигурации, ошибках и событиях; журналы интернет-активности; журналы обнаружения вторжений; антивирусные «логи»; носители резервных копий; телефонные журналы и записи; записи «закрытой системы видеонаблюдения» [9].

По мнению В.Б. Вехова, понятие электронных доказательств соответствует общепринятым современным представлениям о доказательствах с точки зрения единства информации (сведений), относящейся к предмету доказывания, расследуемого или рассматриваемого в суде уголовного дела, и законной формы (электронной) или источника, в которой данная информация может содержаться [10].

Таким образом, исходя из обозначенного подхода, если при этом руководствоваться равнозначностью таких понятий как форма и законный источник сведений, являющихся доказательствами по уголовным делам, электронные доказательства в системе законных источников доказательств, могут быть отнесены к иным документам. Расширенное толкование статьи 86-й УПК РФ, закрепляющей понятие иных документов в качестве источников доказательств, допускает, в том числе, возможность существования их в электронной форме. Такой подход широко применим и в практической уголовно-процессуальной деятельности.

Несколько иного мнения по данному вопросу придерживается О.В. Желева, которая, изначально, рассматривая электронные доказательства с точки зрения единства информации (сведений) и их электронного носителя допускает, в то же время, возможность обработки такой информации с использованием компьютерных систем, а также ее передачу телекоммуникационными каналами [11]. Вместе с тем, отметим, что оценка таких сведений, например тех, которые поступили с помощью открытых телекоммуникационных каналов на предмет их достоверности представляет определенную сложность и требует использования специальных знаний. К тому же, результатом обработки первичных электронных сведений является их определенная модификация, а, следовательно, изменение первоначальной формы.

Почти аналогичный приведенному выше подход в вопросе особых характеристик электронных доказательств высказывался и другими авторами, в частности, М.П. Поляким и А.Ю. Смолиным. По мнению упоминаемых ученых, к особым характеристикам электронных доказательств относятся простота и возможность оперативного внесения в них изменений, включая уничтожение доказательственной информации, а также необходимость использования специальных знаний и технических приспособлений для работы с ними [12].

Как считает М.И. Воронин, выделение электронных доказательств в качестве отдельного вида источников доказательств в УПК РФ не требуется. Этот подвид доказательств представляет, по его мнению, относящуюся к уголовному делу и обстоятельствам, подлежащим доказыванию, информацию, размещенную на электронном носителе [13].

Считаем, что принципиальный спор о том, к какому законному источнику доказательств, исходя из закрепления их перечня в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, необходимо относить электронные доказательства должен быть разрешен обоюдным компромиссом. Так сторонники отнесения таких доказательств к группе вещественных спра-

ведливо обращают внимание на свойства информации в электронном виде, а также ее носителей и технических средств работы с ней, которые в определенных условиях могут соответствовать требованиям ч. 1 ст. 81 УПК РФ, определяющей признаки вещественных доказательств. К таким свойствам и условиям могут быть отнесены: следы криминальной активности, отражаемые в электронной форме; возможность использования в качестве орудия преступления или предмета преступления (блага, приобретаемого в результате совершения преступления); возможности применения в целях обнаружения признаков преступлений, а также иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, например, цифровая аудио и видео запись [13]. Вместе с тем, электронные доказательства, как было сказано выше, могут относиться и к группе иных документов, в случаях содержания в них сведений, относящихся к предмету доказывания, но не обладающих признаками, которые указаны в ч. 1 ст. 81 ПУК РФ. При этом, для отнесения их к доказательствам-иным документам должны быть соблюдены условия, которые позволяют идентифицировать субъект, чьи интересы, изложенные в электронном документе сведения, могут затронуть [14]. Исходя из этого следует признать, что сведения в электронном виде, в зависимости вышеизложенных обстоятельств могут представлять собой как вещественные доказательства, так и иные документы в качестве источника доказательств.

Обобщив вышеприведенные мнения ученых, можем выделить наиболее существенные признаки электронных доказательств в современных научных представлениях о них.

Во-первых – «классическая» модель единства содержания или информации, представляющей сведения, относящейся к предмету доказывания и электронной формы, в качестве источника этих сведений.

Во-вторых – наличие широких возможностей для модификации, искажения или уничтожения электронных доказательственных сведений, что принципиально отличает их от вещественных доказательств и иных документов, так как требует соблюдения специальных требований (режима) извлечения и последующей работы с такими доказательствами.

В-третьих – возможность оперативного направления (передачи) таких доказательств с использованием телекоммуникационных каналов связи, что также требует соблюдения специальных требований для недопущения утечки полученных сведений.

Следует также заключить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не препятствует использованию электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Электронные или цифровые доказательства не требуют выделения отдельного источника доказательств в перечне таких законных источников согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В системе источников доказательств электронные доказательства могут относиться как к вещественным доказательствам, так и иным документам при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, предъявляемым к указанным источникам доказательств.

Список литературы:

- 1.Александров А.С., Кувычков С.И. О надёжности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2018. № 5 (10). С. 82 – 86.

2. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2021. № 13. С. 64 – 69.
3. Балашова А.А. Оценка допустимости доказательств в виде информации на электронных носителях // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2. С. 334 – 339.
4. Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 61 – 68.
5. Количенко А.А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 136 – 140.
6. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2019. – 34 с.
7. Пастухов П.С., Терехин В.В. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2019. № 18. С. 69 – 75.
8. Иванов Н.А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2018. № 5 (10). С. 100.
9. Черданцев А.Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 15, № 4. С. 57 – 58.
10. Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2018. № 10. С. 24.
11. Желева О.В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 45.
12. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (46). С. 135.
13. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // LEX RUSSICA (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 74.
14. Ткачев А.В. Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3-2. С. 440.

Kravchenko O. G. Electronic or digital evidence in the system of forensic evidence sources in criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 273–278.

The article discusses the theoretical and legal issues of generating information in electronic (digital) form, which can be used as evidence in criminal cases. The possibility of using electronic evidence in criminal proceedings and the admissibility of such information in electronic form are determined by the presence of a source of such evidence provided for by law. Attention is drawn to the special properties of electronic evidence, namely, the wide possibilities for their modification and destruction, which fundamentally distinguishes them from material evidence and other documents, since it requires compliance with special requirements (regime) for the extraction and subsequent work with such evidence. The possibilities of promptly forwarding (transferring) such evidence using telecommunication channels are also noted. The author comes to the conclusion that there is no need in the law to identify a separate source of evidence for evidence in electronic form. According to the author, in the system of sources of evidence, electronic evidence can refer to both material evidence and other documents, subject to the requirements of the criminal procedure law for these sources of evidence.

Key words: electronic evidence; source of evidence; generation of evidence; evidence; other documents.

Spisok literatury:

1. Aleksandrov A.S., Kuvychkov S.I. O nadozhnosti «elektronnyh dokazatel'stv» v ugovnom processe // Biblioteka kriminalista: nauchnyj zhurnal. 2018. № 5 (10). S. 82 – 86.
2. Baranov A.M. Elektronnye dokazatel'stva: illyuziya ugovnogo processa XXI v. // Ugolovnaya yusticiya. 2021. № 13. S. 64 – 69.
3. Balashova A.A. Ocenka dopustimosti dokazatel'stv v vide informacii na elektronnyh nositelyah // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 2. S. 334 – 339.
4. Bahteev D.V., Smahtin E.V. Kriminalisticheskie osobennosti proizvodstva processual'nyh dejstvij s cifrovymi sledami // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 6. S. 61 – 68.
5. Kolichenko A.A. Doktrinal'nyj podhod k opredeleniyu termina «elektronnye dokazatel'stva» v ugovnom processe // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 3 (55). S. 136 – 140.
6. Kuvychkov S.I. Ispol'zovanie v dokazyvanii po ugovnym delam informacii, predstavlennoj v elektronnom vide: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2019. – 34 s.

7. Pastuhov P.S., Terekhin V.V. K voprosu o ponyatii i sushchnosti elektronnyh dokazatel'stv v ugovnom processe // Vestnik Komi Respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya: Gosudarstvo i pravo. 2019. № 18. S. 69 - 75.
8. Ivanov N.A. Cifrovaya informaciya v ugovnom processe // Biblioteka kriminalista. 2018. № 5 (10). S. 100.
9. CHerdancev A.YU. Ponyatie cifrovyyh dokazatel'stv, sovremennoe sostoyanie i ih rol' v dokazatel'stvennom processe // YUridicheskaya nauka i praktika. 2020. T. 15, № 4. С. 57 – 58.
10. Vekhov V.B. Rabota s elektronnyimi dokazatel'stvami v usloviyah izmenivshegosya ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Rossijskij sledovatel'. 2018. № 10. S. 24.
11. ZHeleva O.V. K voprosu o ponyatii elektronnyh dokazatel'stv i kriteriyah dopustimosti ih ispol'zovaniya // Ugolovnaya yusticiya. 2021. № 17. S. 45.
12. Polyakov M.P., Smolin A.YU. Konceptologicheskij analiz fenomena elektronnyh dokazatel'stv // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 2 (46). S. 135.
13. Voronin M.I. Elektronnye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? // LEX RUSSICA (Russkij zakon). 2019. № 7 (152). S. 74.
14. Tkachev A.V. Voprosy ispol'zovaniya elektronnyh nositelej komp'yuternoj informacii v ugovnom processe v kachestve dokazatel'stv inyh dokumentov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2020. № 3-2. S. 440.

УДК 351.745

**ПОРЯДОК И ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ УЧАСТКОВОГО
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ЛИЦАМИ, ДОПУСКАЮЩИМИ
ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ**

Котляр А. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется и конкретизируется порядок проведения индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере. Применяя в практической деятельности имеющиеся методы и формы воздействия на подучетных лиц теоретически можно достигнуть максимального результата по профилактике их дальнейшей противоправной деятельности, однако есть факторы, которые существенно затрудняют данный процесс. Это могут быть как субъективные особенности личности участкового уполномоченного полиции, так и объективные ситуации, связанные с недостатками организации служебной деятельности. Наличие четкой методики проведения профилактической работы с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере, позволит более эффективно организовать данное направление работы.

Ключевые слова: МВД России, участковый уполномоченный полиции, общая профилактика, индивидуальная профилактика, семейно-бытовое правонарушение, семейно-бытовое преступление, принуждение, предостережение.

Административная деятельность является одним из главных направлений работы участкового уполномоченного полиции, которое позволяет обеспечить функционирование законов и нормативных актов в правоохранительной сфере на вверенном административном участке.

Сущность административной деятельности службы участковых уполномоченных полиции заключается в осуществлении комплекса организационных и практических мероприятий, направленных на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, надзор за соблюдением административного и уголовного законодательства, осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, выявление причин и условий, способствующих их совершению, взаимодействие с другими службами в исполнении возложенных на них задач, в пределах соответствующей территории.

Среди основных направлений административной деятельности участковых уполномоченных полиции на закрепленном административном участке стоит выделить проведение профилактической работы. Невозможно не согласиться с мнением некоторых ученых о том, что «профилактика – одна из важнейших мер, направленных на предотвращение правонарушений, которая требует своего изучения с использованием комплексного подхода» [1]. Профилактика правонарушений – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [2].

Осуществляя профилактическую работу, участковый уполномоченный полиции выполняет организационно-практические мероприятия с проведением таких видов профилактики как общая и индивидуальная. Целью осуществления индивидуальной профилактической работы участковым уполномоченным полиции является недопущение совершения противоправных деяний (уголовных или административных) лицами, которые склонны к их совершению и воспитанию таких лиц в духе неукоснительного соблюдения законов, изменение их антисоциальных взглядов.

В разд. 5 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке установлен общий порядок и особенности проведения индивидуальной профилактической работы. Указанной инструкцией закреплено, что участковым уполномоченным полиции проводиться профилактическая работа с такой категорией лиц, как допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере [3].

Действительно, одним из наиболее актуальных направлений профилактики, проводимым участковым уполномоченным полиции можно считать работу с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере.

Ежегодные статистические сведения о состоянии преступности в РФ подтверждают необходимость проведения мероприятий по профилактике такого рода противоправных деяний. Так, только по статьям УК РФ, которые предусматривают ответственность за нанесение побоев, одного из самого распространенного вида противоправного деяния, совершаемого в семейно-бытовой сфере, за 2022 г. зарегистрировано 3817 преступлений, в свою очередь о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, зарегистрировано 7295 преступлений. Следует обратить внимание, что по данным категориям, непосредственно выявлено преступлений сотрудниками органов внутренних дел – 3728 и 7117 соответственно [4].

О.Н. Ивасюк, исследовав уголовные дела по семейно-бытовым преступлениям, получила следующие данные: 16,5% насильственных семейно-бытовых преступлений совершались в отношении лиц, которые заведомо находились в состоянии беспомощности, 14,3% – с особой жестокостью, 8% – сопровождалось издевательствами, 1,5% – пытками [5]. Кроме того, следует принимать во внимание сопутствующий негативный факт – ежедневное употребление алкоголя партнёром увеличивает вероятность применения насилия по отношению к сожителю на 17% [6].

Основанием для проведения индивидуальной профилактической работы участковым уполномоченным полиции с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере является привлечение лица к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП или уголовной ответственности по ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК, а также принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 5 части первой ст. 24, ст. 25 и 25.1, частями первой и пятой ст. 319 УПК РФ, по факту допущения лицом правонарушения в семейно-бытовой сфере [3].

Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке установлена обязанность участкового уполномоченного полиции посещать лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, по месту их жительства или пребывания не реже одного раза в квартал.

Насилие в семейно-бытовой сфере можно профилактировать, или принимать меры по его прекращению. Меры профилактики насильственных действий в семейно-бытовой сфере должны носить комплексный характер и иметь направленность на преждевременное выявление семей, где существует угроза возникновения насилия, предотвращение причин и условий, способствующих его совершению, ограничение влияния, их устранение и создание достаточной защиты от насильственных посягательств каждого члена семьи.

Меры прекращения насилия в семье – это оперативные меры, направленные на физическое прерывание начатого насилия. Меры пресечения применяются в критических ситуациях, когда жизни и здоровью жертвы угрожает реальная опасность. Осуществление этих мер требует от участковых уполномоченных полиции иметь соответствующую физическую и психологическую подготовку, а также необходимые навыки прерывания такого рода противоправных деяний. Члену семьи, при осуществлении им действий создающих условия для совершения семейно-бытовых правонарушений, выносится официальное предостережение о недопустимости совершения противоправных деяний, о чем ему сообщается под роспись [7].

Целью принятия такого специального мероприятия, как официальное предостережение, является доведение до сведения члена семьи, создающего условия для совершения насилия в семье, что в случае осуществления таких действий по отношению к членам своей семьи он может быть привлечен к уголовной или административной ответственности согласно действующему законодательству. При этом лицу, которому вынесено официальное предостережение, а также другим членам семьи, должно быть разъяснено, какие именно действия в сфере семейного насилия признаются противоправными, и какой вид, и мера ответственности предусмотрен законодательством за их совершение, что также будет иметь профилактическое воздействие.

В целях своевременного выявления лиц, склонных к совершению правонарушений и преступлений в семейно-бытовой сфере, участковому уполномоченному полиции целесообразно ежемесячно изучать и обобщать: сведения дежурной части о выездах на семейно-бытовые конфликты; сообщения медицинских учреждений о причинении телесных повреждений в результате семейно-бытовых конфликтов; жалобы и заявления граждан, сообщения должностных лиц о правонарушениях, совершенных в семьях; материалы, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам, которые имели место в сфере семейно-бытовых отношений; материалы общественных формирований по охране общественного порядка в отношении лиц, склонных к совершению правонарушений и преступлений.

Также участковый уполномоченный полиции принимает активное участие в оперативно-профилактических мероприятиях, направленных на предупреждение преступлений и правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере.

К таким оперативно-профилактическим мероприятиям относятся: «Быт», «Семейный дебошир», «Жилой сектор», «Контроль», направленные на комплексную отработку жилого сектора, выявление лиц, допускающих бытовое насилие, и постановку их на профилактический учет, проведение разъяснительной работы с гражданами и др [8].

Кроме того, участковому уполномоченному полиции целесообразно содействовать с общественными организациями, целью деятельности которых является предупреждение насилия в семье. Взаимодействие может осуществляться в форме обмена информацией, проведения совместных профилактических мероприятий, в том числе научно-теоретического характера (семинар, конференция, круглый стол), проведения мероприятий по обучению и обмену опытом. Однако, отдельные исследования показывают, что межведомственное взаимодействие, в том числе и с общественными организациями, не имеет системного характера, носит «...разовый характер и основано на личных связях, а не формализовано» [9].

Работа по выявлению лиц с противоправным поведением в сфере семейно-бытовых конфликтов должна проводиться среди: освобожденных из мест лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в семейно-бытовой сфере; лиц, совершивших такие преступления, но подвергнутых наказанию, не связанному с лишением свободы, или освобожденным от наказания; подвергнутых административному наказанию за семейно-бытовые правонарушения; лиц, которые прошли курс лечения от алкоголизма и (или) наркомании; лиц, которым было вынесено официальное предостережение о противоправном поведении в сфере семейно-бытовых отношений; лиц без гражданства или постоянного места жительства; психически больных, которые характеризуются повышенной возбужденностью, агрессивностью, жестоким обращением с животными и т.д.

Метод изучения документов целесообразно применять для выявления правонарушителей в сфере семейно-бытовых отношений, которые на основе злоупотребления спиртными напитками, наркомании, систематических хулиганских действий уже попали в сферу внимания государственных и общественных организаций.

Чаще семейно-бытовые конфликты носят латентный характер. Их участники могут накапливать негативные эмоции в течение длительного времени, а при возникновении определенных условий потенциальная энергия конфликта реализуется в форме насильственных действий. Выявление этой категории лиц требует от участковых уполномоченных полиции значительных усилий и мастерства. Возникающие при этом трудности сводятся в основном к тому, что факты побоев и других телесных повреждений, нанесенных потерпевшему, не стали известны ни органам полиции, ни общественности. Заметим, что в практической деятельности возможны случаи провоцирования насилия и со стороны потерпевшего.

Для разоблачения таких лиц целесообразно использовать метод опроса, который заключается в проведении беседы с гражданами, которые больше других могут знать о конфликтующих. К ним относятся домохозяйки, пенсионеры, домашние рабочие и другие лица, которые большую часть времени проводят с семьей. Информацию можно узнать от работников жилищно-эксплуатационных организаций, домоуправлений, дворников, сантехников, работников общежитий.

Своевременное и качественное реагирование участкового уполномоченного полиции на сообщения о семейно-бытовых конфликтах имеет важное значение для предупреждения преступлений и правонарушений, которые могут совершаться на почве социально-бытовых отношений, позволяет защитить законные права граждан, а также выявить лиц, нуждающихся в профилактическом воздействии органов внутренних дел. Практика свидетельствует, что основной целью каждого вмешательства участкового уполномоченного полиции в семейные конфликты является их

нейтрализация. При этом метод снятия психологического напряжения выбирается в зависимости от степени развития конфликтной ситуации, количества ее участников.

Если в одних случаях достаточно провести профилактическую беседу, то в других для прекращения насильственных действий необходимо использовать огнестрельное оружие, применить физическую силу, задержать правонарушителя.

Участковый уполномоченный полиции самостоятельно принимает решение в конкретной ситуации, учитывая образ жизни участников семейного конфликта, мотивы противоправного поведения и степени их асоциализации. Строго соблюдая закон, руководствуясь моральными принципами и используя профессиональные навыки, участковый уполномоченный полиции по своему усмотрению выбирает тактические приемы, объективно оценив конфликтную ситуацию. Это дает ему возможность дифференцированно использовать весь комплекс принудительных мер (воспитательных, правовых, организационных и т.д.) с целью профилактики насильственных преступлений.

В свою очередь следует учитывать, что универсальных методов, имеющих одинаковый эффект для разных субъектов, не имеется. Целесообразно выделить ряд факторов, учитывая которые возможно подобрать эффективное средство воздействия на лицо и достичь наиболее положительных результатов по профилактике: характер ранее совершавшихся противоправных действий; особенности близкого окружения, как положительно, так и отрицательно влияющего на лицо; причины, по которым лицо совершает антиобщественные деяния; наличие семьи, уровень образования, трудового стажа, наличие работы и т.д.; жилищные условия; субъективные особенности лица интеллектуального и физического характера и другие.

Однако в осуществлении профилактики семейно-бытовых преступлений и правонарушений участковым уполномоченным полиции имеется ряд недостатков, которые необходимо обозначить с целью дальнейшей выработки решений по их устранению:

1. Несовершенство системы санкций, применяемых в отношении лиц, совершающих насилие в семье. Например, назначение судами штрафа за совершение насилия в семье, в первую очередь, негативно влияет на бюджет семьи, большинство из которых находятся в тяжелом материальном состоянии.

2. Недостатки процедуры применения мер принуждения. Так, в большинстве случаев они применяются уже после совершения противоправных деяний и нанесения вреда потерпевшему лицу.

3. Недостаточная эффективность применяемых мер профилактики, о чем свидетельствуют официальные статистические данные о количестве преступлений и правонарушений, совершаемых в данном направлении.

Следовательно, законодательство, регулирующее деятельность полиции, в том числе участковых уполномоченных, в сфере предупреждения насилия в семье, требует усовершенствования. С этой целью следует продолжить исследование опыта правового регулирования предотвращения семейно-бытовых противоправных деяний в других государствах мира. Изменения в законодательстве в этой сфере должны корреспондироваться с существующими законопроектами и тенденциями по формированию административного и уголовного законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

1. Бачурин, А.Г., Щеглов, А.И. Порядок постановки и снятия с профилактического учета ОВД отдельных категорий граждан, проведение сотрудниками полиции профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений : учебно-методическое пособие / А.Г. Бачурин, А.И. Щеглов. –Барнаул : Барнаулский юридический институт МВД России, 2016 –48 с.
2. Административная деятельность полиции: учебник в 2 ч. / под ред. М. Е. Труфанова и К.Д. Рыдченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. – Ч. 1. – 380 с.
3. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru/72288134/> (дата обращения: 01.08.2023).
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года [Электронный ресурс]// <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>(дата обращения: 01.08.2023)
5. Ивасюк, О.Н. Современные проблемы предупреждения преступлений в сфере бытовых отношений / О.Н. Ивасюк // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 40.
6. Закон о домашнем насилии: новое в законе 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://yurist-rossiya.ru/semejnoe-pravo/zakon-o-domashnem-nasilii-2020.html> (дата обращения: 01.08.2023).
7. О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 // Гарант.ру: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74192788/> (дата обращения: 01.08.2023).
8. Оперативно – профилактическое мероприятие «Контроль» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.yashm.ru/87-informatsiya/rovd/2200-operativno-profilakticheskoe-meropriyatie-kontrol>. (дата обращения: 01.08.2023).
9. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации (на основе анализа российской нормативно-правовой базы и обобщения передовых практик) (апрель, 2020) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: – URL: https://ombudsmannrf.org/upload/files/docs/lib/VAW_Report_2020_rus_web.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

Kotlyar A.I. Procedure and features of individual preventive work of the district police officer with persons who commit offenses in the family and household sphere // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 279–285.

The scientific article analyzes and specifies the procedure for conducting individual preventive work of the district police commissioner with persons committing offenses in the family and household sphere. Applying in practice the available methods and forms of influence on accountable persons, theoretically, it is possible to achieve the maximum result in preventing their further illegal activities, however, there are factors that significantly complicate this process. These can be both subjective features of the personality of the district police officer, and objective situations associated with shortcomings in the organization of official activities. The presence of a clear methodology for carrying out preventive work with persons who commit offenses in the family and household sphere will make it possible to more effectively organize this area of work.

Key words: Ministry of Internal Affairs of Russia, district police officer, general prevention, individual prevention, domestic crime, domestic crime, coercion, warning.

Spisok literatury:

1. Bachurin, A.G., Shcheglov, A.I. Poryadok postanovki i snyatiya s profilakticheskogo ucheta OVD otdelnykh kategoriy grazhdan, provedenie sotrudnikami politsii profilakticheskoy raboty s litsami, sostoyashchimi na profilakticheskom uchete, v tselyakh preduprezhdeniya soversheniya imi prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy : uchebno-metodicheskoe posobie / A.G. Bachurin, A.I. Shcheglov. – Barnaul : Barnaulskiy yuridicheskoy institut MVD Rossii, 2016 –48 s.
2. Administrativnaya deyatel'nost politsii: uchebnik v 2 ch. / pod red. M. E. Trufanova i K.D. Rydchenko. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2022. – Ch. 1. – 380 s.
3. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 Гарант.ру: сайт. URL: <https://base.garant.ru/72288134/> (дата обращения: 01.08.2023).

4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2022 goda [Elektronnyy resurs]// [https://mvd.rf/reports/item/35396677/\(data obrashcheniya: 01.08.2023\)](https://mvd.rf/reports/item/35396677/(data%20obrashcheniya%3A%2001.08.2023))
5. Ivasyuk, O.N. Sovremennye problemy preduprezhdeniya prestupleniy v sfere bytovykh otnosheniy / O.N. Ivasyuk // Kriminologicheskyy zhurnal. 2019. № 2. S. 40.
6. Zakon o domashnem nasilii: novoe v zakone 2020 goda [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <https://yurist-rossiya.ru/semejnoe-pravo/zakon-o-domashnem-nasilii-2020.html> (data obrashcheniya: 01.08.2023).
7. O nekotorykh voprosakh obyavleniya organami vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii ofitsialnogo predosterezheniya (predosterezheniya) o nedopustimosti deystviy, sozdayushchikh usloviya dlya soversheniya prestupleniy, administrativnykh pravonarusheniy, razreshenie kotorykh otneseno k kompetentsii politsii, libo nedopustimosti prodolzheniya antiobshchestvennogo povedeniya: prikaz MVD Rossii ot 04.03.2020 № 119 // Garant.ru: sayt. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74192788/> (data obrashcheniya: 01.08.2023).
8. Operativno – profilakticheskoe meropriyatie «Kontrol» [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.yashrn.ru/87-informatsiya/rovd/2200-operativno-profilakticheskoe-meropriyatie-kontrol>. (data obrashcheniya: 01.08.2023).
9. Issledovanie po voprosam predotvrashcheniya i borby s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem, v tom chisle v situatsiyakh sotsialnogo neblagopoluchiya, v Rossiyskoy Federatsii (na osnove analiza rossiyskoy normativno-pravovoy bazy i obobshcheniya peredovykh praktik) (aprel, 2020) [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: – URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/VAW_Report_2020_rus_web.pdf (data obrashcheniya: 01.08.2023).

УДК 343

РЕЖИМ ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ГРЕНЛАНДИИ

Кошкин А. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Пенитенциарная система Гренландии, в силу исторических обстоятельств, является самой молодой в Европе. С одной стороны, она весьма существенно связана с пенитенциарной системой Дании, с другой же стороны, специфика Гренландии, ее историко-политического развития, предоставление в 2009 г. широкого самоуправления, наличия самостоятельного уголовного права и правовых традиций, все это, как и многие иные факторы обуславливают специфику ее организации, деятельности, правила содержания и поведения заключенных, их трудоустройство и многие иные факторы. В Гренландии действуют следующие основные пенитенциарные учреждения: в Аасиаате, Илулиссате, Нууке, Какортоке, Сисимиуте и Таиилаке.

Ключевые слова: Королевство Дания, Гренландия, пенитенциарная система Гренландии, правила поведения, пенитенциарные учреждения.

В ходе исследования необходимо также определить такие вопросы как 1) действующие пенитенциарные учреждения в Гренландии, 2) количество служащих и заключенных в каждом из них, 3) правила пребывания.

Следует указать, что еще в 1963 г. в Нууке была построена тюрьма на шесть мест, а затем, в связи с переполненностью, и другие тюрьмы.

Однако, от традиционных тюрем эти центры отличались открытым характером, где предполагается, что заключенные будут иметь возможность повседневной и трудовой жизни за пределами учреждения и в качестве части окружающего общества [1].

Тем не менее, в связи с ростом гренландского населения, эволюцией его социально-экономической жизни, проблема преступности и ее пресечения вышла на новый уровень. На основании рекомендаций комиссии в 2010 г. в Гренландии был принят новый уголовный закон, в котором важнейшим решением является создание закрытой тюрьмы в Нууке на 76 мест. После чего, были созданы и иные, аналогичные заведения.

На сегодня, в Гренландии действуют следующие пенитенциарные заведения: учреждения для осужденных в Аасиаате, Илулиссате, Нууке, Какортоке, Сисимиуте и Таиилаке. Каждое из них имеет установленное количество персонала, рассчитано на определенное количество осужденных, собственные внутренние правила. Тем не менее, есть и общие правила пребывания в пенитенциарных заведениях Дании, которые распространяются и на Гренландию [2]. Они установлены Законом об исполнении наказаний № 432 от 31 мая 2000 г. в редакции от 18 марта 2005 г. [3].

Главой 11 установлены дисциплинарные взыскания, конфискации и зачет компенсации, в которой ст. 67 установлены таковые случаи (неявка; уклонение; нарушение трудовых обязательств; отказ предоставить образец мочи; при употреблении алкоголя или иных запрещенных веществ; при нарушении правил, установленных министром юстиции или руководителем учреждения). Дисциплинарными наказаниями являются предупреждение, штраф и карцер (ст. 68). Помещением в карцер мо-

гут служить такие проступки как неявки или уклонение; контрабанда; хранение или употребление алкоголя, или иных запрещенных веществ; хранение и контрабанда оружия и других опасных предметов; насилие или угроза насилия в отношении лиц, находящихся в учреждении (сокамерники, персонал и т.п.); грубый вандализм и иные проступки.

Следует также указать, что дисциплинарное взыскание в виде штрафа и карцера позволено назначать совместно (п. 3, ст. 68). Средствами безопасности закон признает наручники (с установлением соответствующих случаев), камера предварительного заключения с использованием при препровождении заключенного ремня, ремней, перчаток (по усмотрению руководителя заключения) (ст. 65). Особо установлены случаи, когда заключенный исключается из сообщества (изоляция от иных заключенных в различных, в том числе и антиэпидемиологических целях) (ст. 63).

Особо оговорены вопросы применения силы к заключенным (ст. 62), права учреждения на фотографирование съемку отпечатков пальцев (ст. 61), осмотра личности и жилого помещения заключенного (ст. 60).

И, конечно, закон, достаточно подробно излагает различные права заключенных (право на свидание, запрос разрешения на выезд, выход из тюрьмы в особых случаях, лечение, социальное пособие, досуг (в т.ч. на открытом воздухе), работать и получать образование, издавать журналы, иметь и распоряжаться собственными вещами (в т.ч. и деньгами), участвовать в церковных службах, представлять свои интересы перед администрацией через избранных представителей, иметь доступ к общению с иными заключенными и т.п. (гл. 8) [4].

Так как закон предусматривает, что министр юстиции имеет право устанавливать правила ведения дисциплинарного производства, то укажем, что последние подобные правила были опубликованы в исполнительном указе «о порядке отбывания наказания в камере для отбывания наказания, использования камеры для допросов и ведения дисциплинарного производства» [5]. В нем изложены такие вопросы как «общие правила», «использование камеры для допроса и ячейки предложения», «ведение дисциплинарного производства» и «административное обжалование».

Вышеуказанные и рассмотренные выше нормы конкретизируются в отношении Гренландии [6].

Обращаясь собственно к внутренним нормам гренландских пенитенциарных учреждений, укажем, что в учреждении Аасиаате работают 12 сотрудников: начальник учреждения, сотрудники исправительных учреждений, социальный работник, консультант по трудоустройству и учитель с почасовой оплатой, которые обеспечивают подготовку заключенных. Учреждение рассчитано на 15 заключенных.

Правила пребывания в учреждении имеют отличия в зависимости от того, задержаны ли вы (еще не приговорены) или осуждены. Однако, распорядок дня в Аасиаате основном выглядит так: 07.00 – сбор (выходные и праздничные дни 08.00); 08.00-16.00 – время работы; 21.30 – отбой.

Организация кейтерингового питания заключенных построена на самообслуживании, это означает, что каждый из них должен позаботиться о покупках и готовить себе еду (возможно, в продуктовых группах). Они могут приходить в Pisiffik [7] (местная сеть супермаркетов) и делать покупки один раз в неделю, если у осужденного имеется право на выход. При отсутствии такого разрешения, следует составить список покупок, который передавался для их осуществления персоналу учреждения.

Необходимо указать, что осужденные получают 590,50 датских крон в неделю на покупку еды.

В заведении также есть таксофон, которым осужденные могут воспользоваться, если полиция или суд не распорядились, чтобы их не выпустили совершить звонок. При этом родственники заключенных также могут позвонить в таксофон. В тоже время, заключенным не разрешается иметь при себе мобильный телефон во время пребывания в заключении.

Заключенному позволено принимать посетителей в такое время: понедельник-пятница: 14.00 – 20.30; выходные и праздничные дни: 14.00 – 20.30.

Кроме того, родственникам и другим лицам позволено сдавать вещи и деньги заключенным с 09:00 до 16:00. При этом, не все можно сдавать, в том числе нельзя сдавать еду и другие вещи, которые нельзя осмотреть.

Курение в заведении запрещено. Это означает, что заключенному не разрешено курить внутри заведения, ни в своей комнате, ни в общей зоне. При этом, допускается использование никотиновой продукции.

В тоже время, заключенным позволено курить на открытом воздухе в зоне экскурсии по ферме и за пределами объекта, когда они находятся на выходе. Персонал сам предлагает осужденным прийти и покурить в определенное время [8].

Что касается учреждения для осужденных в Илулиссате [9], то в нем работают 12 сотрудников: начальник учреждения, сотрудники исправительных учреждений, социальный работник, помощник педагога и учитель с почасовой оплатой, который обучает заключенных [10].

Данное учреждение рассчитано на 29 заключенных. В нем, безусловно, действуют некоторые различия в правилах пребывания в зависимости от того, задержаны ли вы (еще не приговорены) или осуждены. Стандартное расписание для клиентов таково: подъем в 07.00, сбор и завтрак до 08.00; с 08.00 до 16.00 время работы (с 12.00 до 12.30 обед). В 17.00-17.30 ужин. В 21:30 отбой.

В учреждении есть кухня, которая обслуживает заключенных с завтраком, обедом и ужином. Однако, содержащимся в заведении позволено делать покупки на рынке Ilulissat Center Market два раза в неделю, в среду и пятницу.

Во время пребывания содержащимся не разрешается иметь при себе собственный мобильный телефон, но им позволено позвонить, арендовав мобильный телефон в учреждении или воспользовавшись «мобильной телефонной будкой» учреждения.

Время посещений установлено следующим образом: понедельник-пятница: с 14.00 до 20.30. В выходные и праздничные дни: с 14.00 до 20.30. Родственники и другие лица могут передавать вещи и деньги заключенным с 07:00 до 21:00 каждый день. Следует знать, что не все можно сдавать, в том числе нельзя сдавать еду и другие вещи, которые нельзя осмотреть. Заранее свяжитесь с персоналом учреждения и узнайте больше о правилах [11].

Одним из первых и наиболее крупных пенитенциарных учреждений в Гренландии, является учреждение для осужденных в Нууке [12]. В нем работают 32 сотрудника: заведующий учреждением, сотрудники учреждения, консультанты по трудоустройству, кухонный персонал и почасовой преподаватель. При этом, в данном учреждении могут разместиться 56 заключенных.

Как и в других подобных учреждениях, в Нууке существуют некоторые различия в правилах пребывания в зависимости от того, задержаны ли вы (еще не приговорены) или осуждены. Однако, расписание жизни содержащихся в нем во многом схожи с другими учреждениями: в 07.00 – сбор (в выходные и праздничные дни в 08.00); с 07.00 до 08.00 завтрак (в выходные и праздничные дни с 08.00 до 09.00); с 08.00 до 16.00 – время работы; с 11.30 до 12.30 – обед; в 17.00 – 17.30 ужин. В 21:30 – отбой.

При этом, в учреждении есть кухня, которая обслуживает заключенных с завтраком, обедом и ужином. Кроме того, заключенные могут заказывать покупки из сети супермаркетов Бругзени в Гренландии [13] каждый вторник, товары доставляются в среду и субботу.

В зависимости от того, в каком отделе учреждения находится содержащийся в Нууке (для осужденных или в ином), у него есть доступ либо к таксофону, либо к аренде мобильного телефона. Однако, как и в иных подобных учреждениях, клиентам учреждения в Нууке не разрешается иметь собственный мобильный телефон во пребывания.

Содержащимся позволено принимать посетителей в такое время: понедельник-пятница: с 14.30 до 20.30, а в выходные и праздничные дни: 10.00 – 20.30.

Курение в данном учреждении также запрещено. Это означает, что содержащимся не разрешается курить внутри заведения, ни в своей комнате, ни в общей зоне, хотя и допускается использование никотиновой продукции. Позволено курить на открытом воздухе в зоне экскурсии по ферме и за пределами объекта, когда клиенты находятся на выходе. В данном случае персонал предлагает, кому это необходимо, прийти и покурить в определенное время [14].

В учреждении для осужденных в Сисимиуте работают 20 сотрудников – начальник исправительного учреждения, сотрудники исправительных учреждений, социальный работник, консультант по трудоустройству и учитель с почасовой оплатой, которые обеспечивают подготовку заключенных. При этом, учреждение рассчитано на 29 заключенных, которые разделены на два корпуса [15].

Правила пребывания в Сисимиуте также имеют некоторые различия в зависимости от того, задержан ли клиент (еще не приговорен) или осуждены.

Повседневная жизнь содержащихся в данном учреждении достаточно стандартна: с 07.00 подъем и сбор (с понедельника по пятницу, а в субботу и воскресенье, а также в праздничные дни – 08.00); с 08.00 до 16.00 – время работы. С 08.00 до 20.00 кухня открыта для всех желающих. В 21:15 – отбой.

В данном заведении действует самообслуживание, а это значит, что содержащиеся в нем должны позаботиться о покупках и готовить себе еду (позволяется в продуктовых группах). При этом, клиентам заведения позволено приходить в сеть магазинов Pisiffik и делать покупки два раза в неделю, в понедельник и среду, однако, в сопровождении персонала учреждения. При этом, на 1 содержащегося положено 590,50 датских крон в неделю на покупку еды.

В данном заведении, так как оно рассчитано в основном на задержанных, а не на осужденных, позволено взять напрокат мобильный телефон, а также телевизор. Однако никому не позволено иметь при себе мобильный телефон во время пребывания Сисимиуте.

Курение, как и в иных подобных учреждениях, запрещено. Это означает, что клиентам не разрешается курить внутри заведения, ни в своей комнате, ни в общей зоне, хотя и допускается использование никотиновой продукции. Традиционно разрешено курить на открытом воздухе в зоне экскурсии по ферме и за пределами объекта, при нахождении на выходе. Персонал сам предлагает прийти и покурить в определенное время.

Прием посетителей установлен: понедельник-пятница: с 16.00 до 20.00; в выходные и праздничные дни: с 11.00 до 20.30. Кроме того, родственникам и другим лицам позволено сдавать вещи и деньги заключенным с 09:00 до 16:00. При этом следует помнить, что не все можно сдавать, в том числе нельзя сдавать еду и другие вещи, которые невозможно осмотреть [16].

Что касается учреждения для осужденных в Тазилаке [17], то в нем работают 11 сотрудников: начальник учреждения, сотрудники исправительных учреждений, социальный работник, консультант по трудоустройству и учитель с почасовой оплатой, которые обеспечивают подготовку заключенных. Учреждение рассчитано на 15 заключенных.

Как и в иных подобных учреждениях, здесь имеются некоторые различия в правилах пребывания в зависимости от того, задержаны ли вы (еще не приговорены) или осуждены. Расписание повседневной жизни клиентов в Тазилаке таково: в 07.00 подъем; с 08.00 до 16.00 – время работы; в 21:15 – отбой. Кухня в Тазилаке работает с 07.00 до 08.00 утром, 12.00–13.00 на обед и 15.30–20.00 вечером.

В заведении есть самообслуживание, а это значит, что осужденные и задержанные должны позаботиться о покупках и готовить себе еду (возможно, в продуктовых группах). Также разрешалось приходить в местную сеть магазинов, с офисом в Сисимиуте «Pilersuisoq» [18] и делать покупки по средам, но только тем, у кого есть разрешение на выход. У кого нет такого разрешения, то следует составить список покупок, а занимается непосредственно процессом приобретения персонал учреждения. Как и в иных учреждениях подобного типа, содержащимся выделялось 590,50 датских крон в неделю на покупки еды.

В заведении Сисимиуте, как и в Тазилаке, можно взять напрокат мобильный телефон, а также телевизор, однако не разрешалось иметь при себе мобильный телефон во время пребывания в нем.

Как и в иных учреждениях, курение в Тазилаке запрещено. Это означает, что содержащимся в нем не разрешается курить внутри заведения, ни в своей комнате, ни в общей зоне, но допускается использование никотиновой продукции. Кроме того, разрешено курить на открытом воздухе в зоне экскурсии по ферме и за пределами объекта, при нахождении на выходе (для тех кому позволялось покидать на время пределы учреждения). Также персонал мог предложить прийти и покурить в определенное время.

Принимать посетителей содержащимся в Тазилаке позволяется в понедельник-пятницу: 10.00 – 20.00 ч., а в выходные и праздничные дни: 10.00 – 20.00 ч.

Кроме того, родственники и другие лица имеют право передавать вещи и деньги заключенным с 07:00 до 21:00 каждый день, но, как и в иных аналогичных учреждениях, вещи, которые не подлежат к осмотру передавать запрещалось [19].

И, наконец, учреждение по вынесению приговоров в Какортоке. В нем работают 10 сотрудников: начальник учреждения, сотрудники исправительных учреждений, помощник по социальному обеспечению, консультант по трудоустройству и учитель с почасовой оплатой, которые обеспечивают подготовку заключенных. Данное учреждение рассчитано на 10 заключенных.

Как и в иных заведениях подобного типа, имеются различия в правилах пребывания для задержанных и осужденных. Общим является распорядок: подъем в 07.00; с 08.00 до 16.00 – время работы; 21:30 – отбой.

В данном заведении есть самообслуживание, а это значит, что его клиенты должны позаботиться о покупках и готовить себе еду (возможно, в продуктовых группах). Им позволено, при наличии разрешения на выход, приехать в Бругсен или Писиффик и делать покупки раз в неделю. При отсутствии такого разрешения нуждающимся следовало составить список покупок, а персонал уже заботится о самом процессе покупки. Сумма на каждого заключенного для покупки еды, как и в иных заведениях, составляет 590,50 датских крон в неделю.

Важнейшим отличием данного учреждения является разрешение владения и пользования для его клиентов мобильными телефонами, которые они могли сдать в аренду и использовать, если полиция или суд не установили иного.

Прием посетителей в данном учреждении разрешен в понедельник-пятница: 16.00 – 20.30, а в выходные и праздничные дни: 14.00 – 20.30. Родственники и другие лица имеют возможность сдавать вещи и деньги заключенным с 09:00 до 16:00. Следует знать, что не все можно сдавать, в том числе нельзя сдавать еду и другие вещи, которые нельзя осмотреть. Курение внутри данного заведения запрещено, ни в своей комнате, ни в общей зоне, однако допускается использование никотиновой продукции. При этом, как и в иных учреждениях, содержащимся в Какортоке разрешено курить на открытом воздухе в зоне экскурсии по ферме и за пределами объекта, когда вы находитесь на выходе по разрешению персонала [20].

Как видно из приведенных данных, условия содержания в пенитенциарных учреждениях Гренландии, без учета незначительных отличий в праве пользования телевидением и телефонами, достаточно однообразны, несмотря их различную направленность, т.е. собственно содержание заключенных или задержанных. Также можно отметить достаточно существенное количество персонала, которое в некоторых учреждениях составляет 1/1 по отношению к заключенным; возможность, тем кто имеет право выхода из учреждения, самостоятельно осуществлять закупку продуктов. Также, следует отметить отсутствие официальных данных о конкретной работе заключенных, которая, очевидно, должным образом, в отличии от территории собственно Дании [21], не налажена. Данный вопрос весьма существен, т.к. следует помнить о действии норм, обязывающих осужденных оплачивать свое содержание в тюрьмах Дании [22].

Также следует отметить, что не вполне разрешена проблема содержания женщин на территории Гренландии в соответствующих учреждениях [23].

Таким образом, можно указать, что действующая в Гренландии система пенитенциарных учреждений, с учетом автономного положения в пенитенциарной системе Дании, имеет собственные правила, как общепринятые, так и применимые к специфическим местным условиям. В тоже время, сохраняется общая задача – поддержание в пенитенциарных учреждениях правопорядка, строгая регламентация

жизни осужденных, с учетом их потребностей, прав и возможностей. Система организации питания позволяет заключенным самими закупать и готовить пищу, исходя из легальных имеющихся наличных средств.

Список литературы:

1. Lauritsen, Annemette Nyborg 2011: Anstalten, Frihedsberøvelse I Grønland, Ph.d.- afhandling, Nuuk: Ilisimatusarfik, Grønlands Universitet; Balvig, Fleming 2015: "Kriminalitet og retsbevidsthed - i Grønland". – URL: ANL-phd-ANSTALTEN.pdf (uni.gl). – (дата обращения: 02.03.2024)
2. Правила внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста и наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Дании. – URL: Правила внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста и наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Дании (kdmid.ru). – (дата обращения: 02.03.2024)
3. LBK nr 207 af 18/03/2005. - Bekendtgørelse af lov om fuldbyrdelse af straf m.v. – URL: Straff fuldbyrdelsesloven (retsinformation.dk). (дата обращения: 02.03.2024)
4. LBK No 201 af 28.02.2023. Закон об уголовном правоприменении. – URL: Straff fuldbyrdelsesloven (retsinformation.dk). (дата обращения: 02.03.2024)
5. BEK nr 1129 af 17/08/2023. Bekendtgørelse om proceduren for afsoning i domscellen, brug af afhøringscellen og gennemførelse af disciplinærsager (disciplinærbekendtgørelsen). – URL: Disciplinærstrafbekendtgørelsen (retsinformation.dk). (дата обращения: 02.03.2024)
6. Bekendtgørelse af kriminallov for Grønland. 18. september 2023. Nr. 1187. – URL: 202312L00097.pdf. (дата обращения: 02.03.2024)
7. Pisiffik. – URL: Butiksoversigt Pisiffik.gl | Butik Da. (дата обращения: 02.03.2024)
8. Anstalten for Domfældte i Aasiaat. – URL: Anstalten for Domfældte i Aasiaat – Kriminalforsorgen
9. Forside. – URL: Kriminalforsorgen. (дата обращения: 02.03.2024)
10. Kontakt. – URL: { :da } Kontakt – Kriminalforsorgen. (дата обращения: 02.03.2024)
11. Anstalten for Domfældte i Ilulissat. – URL: Anstalten for Domfældte i Ilulissat – Kriminalforsorgen
12. Учреждение для осужденных в Илулиссате – Пенитенциарная и пробационная служба (kriminalforsorgen.gl). (дата обращения: 02.03.2024)
13. Forside. – URL: Kriminalforsorgen. (дата обращения: 02.03.2024)
14. Brugsen. – URL: Brugsen - Find de gode tilbud lokalt - Klik her (coop.dk)
15. Anstalten for Domfældte i Nuuk. – URL: Anstalten for Domfældte i Nuuk – Kriminalforsorgen
16. Forside. – URL: Kriminalforsorgen. (дата обращения: 02.03.2024)
17. Anstalten for domfældte i Sisimiut. – URL: Anstalten for domfældte i Sisimiut – Kriminalforsorgen
18. Forside. – URL: Kriminalforsorgen. (дата обращения: 02.03.2024)
19. Pilersuisoq. – URL: Forside - Pilersuisoq (дата обращения: 02.03.2024)
20. Anstalten for domfældte i Tasiilaq. – URL: Anstalten for domfældte i Tasiilaq – Kriminalforsorgen
21. Anstalten for Domfældte i Qaqortoq. – URL: Anstalten for Domfældte i Qaqortoq – Kriminalforsorgen (дата обращения: 02.03.2024)
22. Betænkning vedrørende beskæftigelsen i kriminal-anstalterne afgivet af den af justitsministeriet den 13. maj 1957 nedsatte kommission. - A/S J. H. Schultz universitets-bogtrykkeri. København. – 152 s.
23. Bekendtgørelse om betaling for ophold i kriminalforsorgens institutioner Bekendtgørelse nr. 1014 af 28. juni 2022. – URL: eLov - Bekendtgørelse om betaling for ophold i kriminalforsorgens institution. (дата обращения: 02.03.2024)
24. Bekendtgørelse om betaling for ophold i kriminalforsorgens institutioner Bekendtgørelse nr. 1014 af 28. juni 2022. – URL: eLov - Bekendtgørelse om betaling for ophold i kriminalforsorgens institution. (дата обращения: 02.03.2024).

Koshkin A. S. The regime in Greenland's penitentiary institutions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 286–292.

The Greenlandic penitentiary system is, due to historical circumstances, the youngest in Europe. On the one hand, it is very significantly connected with the penitentiary system of Denmark, on the other hand, the specifics of Greenland, its historical and political development, the granting in 2009 of a wide self-government, the presence of an independent criminal law and legal traditions, all this, as well as many other factors determine the specifics of its organisation, activities, rules of detention and behaviour of prisoners, their employment and many other factors. The main penitentiary institutions in Greenland are as follows: Aasiaat, Ilulissat, Nuuk, Kakortok, Sisimiut and Tasiilaq.

Key words: Kingdom of Denmark, Greenland, Greenland prison system, rules of behaviour, penitentiary institutions.

УДК 343.85

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Нагорный А. П., Попов А. Н.

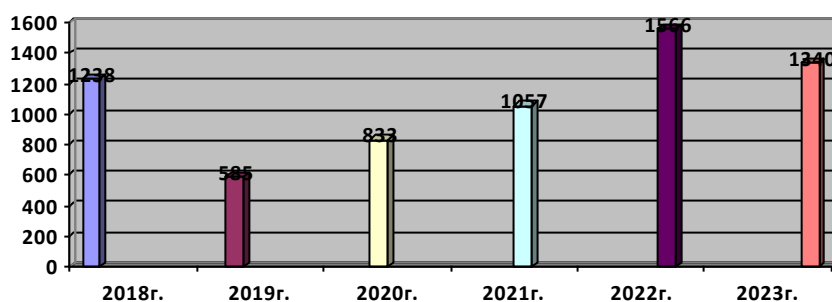
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Экстремизм во многих нормативных правовых актах обозначается в качестве одной из основных угроз обеспечения национальной безопасности, в частности, в п. 5 Указа Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Все большее распространение экстремистские взгляды и воззрения получают в молодежной среде, вследствие чего появился новый социально-правовой термин – «молодежный экстремизм». В связи с проведением Россией специальной военной операции на территории Украины, обострением внешнеполитической ситуации опасность экстремизма на территории России существенно возрастает. Участились случаи вербовки российской молодежи спецслужбами Украины и других недружественных государств для совершения террористических и иных экстремистских преступлений. В этой связи в статье предпринята попытка не только осознания правовой природы и причин молодежного экстремизма, но и предложен ряд мер криминологического и уголовно-правового характера для противодействия молодежному экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, противодействие экстремизму.

Экстремизм является негативным социально-правовым явлением, отражающим общественные процессы и тенденции в сфере нравственных и общечеловеческих ценностей. Правонарушения экстремистской направленности стали не редкостью для российского общества. В общей массе совершаемых преступлений они составляют незначительную долю, но характеризуются повышенной общественной опасностью. Наблюдается ежегодный рост преступлений экстремистской направленности. Так, в 2008 г. было зарегистрировано 460 преступлений экстремистской направленности, в 2009 г. – 548 (+ 19%), в 2010 г. и 2011 г. эти цифры составили соответственно – 656 (+ 20%) и 622 (- 5%). В общей сложности за последние годы в Российской Федерации произошел значительный рост числа данных преступлений. В 2023 г. зарегистрировано 1340 преступлений экстремистской направленности [1]. Статистика преступлений экстремистской направленности за 2018-2023 г. приведена на рис. 1.

Рис. 1. Статистика преступлений экстремистской направленности за 2018-2023 годы

Приведенные данные свидетельствуют о тенденции увеличения числа преступлений экстремистской направленности, количество которых на протяжении последних лет остается стабильно высоким.

Все большее число участников организаций, придерживающихся экстремистских взглядов, составляет молодежь. Данный факт вполне обоснованно объясняется следующими обстоятельствами:

- 1) наличие в обществе социального неравенства;
- 2) желание самоутвердиться в мире взрослых;
- 3) недостаточная социальная зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт;
- 4) присущая молодежи радикализация во взглядах и оценках, максимализация в неприятии несправедливостей;
- 5) подверженность чрезмерному влиянию со стороны идеологов экстремистских учений, которые манипулируют молодежью в силу их неспособности реально оценивать происходящие процессы и явления. Многие из лиц, которые стали приверженцами экстремистских организаций, были вовлечены в идеи «верного» ислама и борьбы с иноверцами, приобщены к употреблению наркотических средств. Одним из действенных методов вовлечения молодежи в экстремистскую организацию является психологическая обработка сознания. Именно беззащитность называется главной причиной активного вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность [2, с. 130];
- 6) низкий уровень культуры, воспитания, образования. Значительную часть последователей экстремизма составляют подростки, проживающие в неполных или неблагополучных семьях. Как отмечается в научной литературе, для молодежного экстремизма свойственно протестное настроение на негативные явления существующей действительности, с которыми не могут смириться и правильно воспринять молодые люди [3, с. 141]. Молодежь используют для создания массовости при проведении различных публичных мероприятий, беспорядков как активную часть населения, способную к противостоянию с властью, оказанию физического насилия к представителям правоохранительных органов.

Участие молодежи в деятельности различных экстремистских организаций является весьма активным и вовлеченным. Согласно данным МВД России на учетах в органах внутренних дел Российской Федерации состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тысяч человек. 147 группировок причисляют себя к движению «скинхеды», 72 – к футбольным фанатам, 31 к Российскому национальному единству, 18 – к реперам, 8 – к национал-большевистской партии [4].

Опасность вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность состоит в том, что у молодых людей формируются антиобщественные установки, появляется стремление к совершению противоправных действий. Им присущи жестокость, проявление беспричинной агрессии, правовой нигилизм и мнимая убежденность в своей правоте. Руководствуясь экстремистским мотивом, несовершеннолетние совершают различные преступления (убийства, причинение вреда здоровью, грабежи, разбои, хулиганство, вандализм и другие).

Преимущественно правонарушения экстремистской направленности совершаются молодежью в группе, например, совершение хулиганских действий, актов ванда-

лизма, массовых беспорядков по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, что повышает степень общественной опасности правонарушений экстремистской направленности, совершаемых молодежью.

Важно также определиться с тем, какие возрастные группы можно включать в определение молодежи. Наиболее правильным, на наш взгляд, является подход, в основе которого должна быть положена следующая градация молодежного возраста – 14-35 лет. На законодательном уровне соответствующий критерий закреплён в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [5]. Это позволяет дать характеристику личности типичного преступника, понять причины молодежного экстремизма, их детерминанты, сформулировать меры по предупреждению молодежного экстремизма.

Согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ возрастная граница совершения экстремистских преступлений выглядит следующим образом:

1. По ст. 280 УК РФ: 14-17 лет – 5 преступлений; 18-24 лет – 43 преступления; 25-29 лет – 43 преступлений; 30-49 лет – 157 преступлений; 50 лет и старше – 28 преступлений.

2. По ст. 282 УК РФ: 14-17 лет – 2 преступления; 18-24 лет – 7 преступлений; 25-29 лет – 5 преступлений; 30-49 лет – 18 преступлений; 50 лет и старше – 10 преступлений.

3. По ст. 282.1 УК РФ: 14-17 лет – 13 преступлений; 18-24 лет – 11 преступлений; 25-29 лет – 11 преступлений; 30-49 лет – 1 преступление; 50 лет и старше – 1 преступление.

4. По ст. 282.2 УК РФ: 14-17 лет – 2 преступления; 18-24 лет – 19 преступлений; 25-29 лет – 29 преступлений; 30-49 лет – 110 преступлений; 50 лет и старше – 53 преступления.

5. По ст. 282.3 УК РФ: 14-17 лет – 0 преступлений; 18-24 лет – 0 преступлений; 25-29 лет – 1 преступление; 30-49 лет – 6 преступлений; 50 лет и старше – 1 преступление [6].

Таким образом, наибольшее количество экстремистских преступлений совершается лицами в возрасте 18-49 лет. Лица старше 35-40 лет выступают в основном в качестве организаторов и руководителей экстремистских организаций.

В период проведения специальной военной операции отчетливо проявили себя внешние генерирующие молодежный экстремизм в России структуры: прежде всего, это спецслужбы стран НАТО и СБУ [7, с. 137]. В этой связи появились новые формы молодежного экстремизма, такие как дискредитация российской армии, участие в акциях по осуждению специальной военной операции, в различных диверсиях и поджогах объектов социальной, дорожной, военной инфраструктуры.

В ряде стран нацистская идеология вновь стала возрождаться, предпринимаются действия по реабилитации нацизма. Проблема заключается в том, что в законодательных актах РФ не сформулировано легального определения нацизма, что затрудняет понимание данной категории. Во многих нормативных правовых актах употребляется термин «нацизм», говорится о необходимости обеспечения беспринципной борьбы с данным явлением, но не приводится его раскрытие. В этой связи предлагаем следующее авторское определение нацизма: нацизм представляет собой

крайне радикальную идеологию, посягающую на мир и безопасность человечества, в основе которой положено представление о превосходстве одной расовой, национальной либо этнической группы над другой, что подразумевает под собой принятие мер различного характера по полному либо частичному физическому уничтожению «оппозиционной» расовой, национальной, этнической либо религиозной группы.

Противодействие молодежному экстремизму требует предпринятия комплекса мер воспитательного, социального, образовательного, управленческого, правового характера. Основное внимание должно уделяться не пресечению правонарушений экстремистской направленности, участниками которых является молодежь, а их предупреждению (профилактике). Полагаем, что в целях предупреждения молодежного экстремизма необходимо укреплять институты семьи, семейных ценностей. Семья является важнейшим социальным институтом, в котором несовершеннолетний проходит первичную ступень социализации, получает заботу, любовь и внимание со стороны родителей и других родственников. На родителей возлагается обязанность по воспитанию и образованию детей.

В тоже время во многих семьях родители не уделяют должного внимания воспитанию детей, не осуществляют контроль за их времяпровождением, процессом обучения в школе и иных учебных заведениях, применяют насилие к несовершеннолетним. Все это ведет к формированию у несовершеннолетних агрессии, антисоциального образа поведения, безнадзорности и совершению ими правонарушений.

Заслуживающим внимание является предложение о целесообразности более широкого внедрения и развития в стране сети кризисных и психологических центров, «горячих линий» и консультационных центров по вопросам взаимоотношений в семье, в том числе между родителями и детьми.

Следующая мера предупреждения молодежного экстремизма связана с трудоустройством несовершеннолетних, что позволит не только занять подростка работой, отвлечь его от улицы, но и заработать денежные средства, которые он может потратить на собственные нужды или семейные потребности. Занятость существенным образом повышает социализацию несовершеннолетних, формирует у них чувство ответственности, самостоятельности, развивает мышление, умственную деятельность. Согласимся с предложением о необходимости обеспечения как постоянной, так и временной занятости несовершеннолетних [8, с. 49]. Для этого, предлагаем принять специальную государственную программу трудоустройства несовершеннолетних.

Повышенное внимание правоохранительные органы должны уделять пресечению и предупреждению фактов распространения экстремистских материалов в сети Интернет, активными пользователями которой является молодежь.

Предупреждение молодежного экстремизма предполагает необходимость повышения правовой грамотности и правосознания молодежи, недопустимости формирования правового нигилизма, т.е. пренебрежительного отношения к праву. Данная задача должна носить системный характер и в этом вопросе одну из ключевых ролей должна играть школа, где дети уже в младших классах должны знакомиться с основами права и законопослушного поведения. Одно из предложений видится во введении общеобязательного образовательного предмета по правовой грамотности, так как сейчас небольшой блок права (несколько часов) рассматривается только в

рамках курса по обществознанию, что является явно недостаточным. Предмет «Основы правовой грамотности» должен преподаваться, начиная с третьего класса, не менее 1 учебного часа в неделю. На данных уроках необходимо разъяснять подросткам, что такое право, для чего оно существует, какими правами и обязанностями обладают граждане, несовершеннолетние, как вести себя в той или иной ситуации. Отдельное внимание необходимо уделять вопросу, связанному с доведением до подростков информации, что каждое деяние несет за собой определенные юридические последствия. На постоянной основе к проведению уроков следует привлекать сотрудников правоохранительных органов.

Противодействие молодежному экстремизму должно осуществляться и мерами уголовно-правового характера. Предлагаем дополнить ст. 150 УК РФ частью 4, в которой в качестве квалифицированного состава преступления предусмотреть вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений экстремисткой и террористической направленности, предусмотрев наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 10 лет.

Требуется решения вопрос, связанный со снижением возраста уголовной ответственности по преступлениям экстремистской направленности. Сегодня преступления экстремистской направленности стали совершать подростки уже в возрасте 12-14 лет. Поэтому в ч. 2 ст. 20 УК РФ перечень преступлений, по которым к уголовной ответственности могут быть привлечены лица с 14 лет, следует добавить ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [9].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что молодежный экстремизм с каждым годом имеет все большее распространение, приобретает новые формы проявления. Однако, государство первостепенное значение уделяет не предупреждению, а пресечению правонарушений экстремисткой направленности и привлечению виновных лиц к ответственности. Данная политика не учитывает причины молодежного экстремизма, в связи с чем, ее нельзя признать правильной и достаточной. На наш взгляд, специальные меры по профилактике и предупреждению молодежного экстремизма необходимо не просто закрепить в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, но и в ее развитие разработать специальную федеральную целевую программу «О предупреждении экстремистских проявлений в молодежной среде в Российской Федерации», в которой более детально расписать конкретные меры по предупреждению и противодействию молодежному экстремизму. Более активно в этом вопросе должны играть различные молодежные волонтерские движения, которым следует выделять государственные гранты под разрабатываемые ими программы работы по противодействию экстремизма в молодежной среде.

Список литературы:

1. Состояние преступности. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф> (дата обращения 24.02.2024).
2. Батюкова В.Е. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России // Закон и право. 2022. № 2. С. 129-131.
3. Буданов С.А., Колесников Р.В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 1. – С. 139-145.
4. Данные МВД России по учету молодежных группировок экстремистской направленности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://есву.мвд.рф/document/3524556> (дата обращения 24.02.2024).

5. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (часть I). – Ст. 28.
6. Сводные статистические данные о состоянии судимости. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 24.02.2024).
7. Ваторопин А.С., Тепляков И.И. Молодежный экстремизм в России в контексте специальной военной операции // Образование и право. – 2022. – № 8. – С. 133-139.
8. Миронов В.О. Профилактика преступности несовершеннолетних // Новый университет. Серия «Экономика и право». – 2014. – № 5-6. – С. 48-51.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

A.P. Nagornyi, A.N. Popov. Youth extremism // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 293–298.

Extremism is designated in many regulatory legal acts as one of the main threats to national security, in particular, in paragraph 5 of Decree of the President of the Russian Federation dated 05/29/2020 No. 344 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025". Extremist views and beliefs are becoming increasingly widespread among young people, as a result of which a new socio-legal term has appeared – "youth extremism". Due to Russia's special military operation on the territory of Ukraine and the aggravation of the foreign policy situation, the danger of extremism in Russia is significantly increasing. Cases of recruitment of Russian youth by the special services of Ukraine and other unfriendly states to commit terrorist and other extremist crimes have become more frequent. In this regard, the article attempts not only to understand the legal nature and causes of youth extremism, but also proposes a number of measures of a criminological and criminal-legal nature to counter youth extremism.

Keywords: extremism, youth extremism, extremist activity, crimes of extremist orientation, countering extremism.

Spisok literatury:

1. Sostojanie prestupnosti. Ofitsial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federatsii [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://mvd.rf> (data obraschenija 24.02.2024).
2. Batjukova V.E. K voprosu o protivodejstvii molodezhnomu `ekstremizmu v Rossii // Zakon i pravo. 2022. № 2. S. 129-131.
3. Budanov S.A., Kolesnikov R.V. Molodezhnyj `ekstremizm: osobennosti struktury lichnosti prestupnika // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 1. – S. 139-145.
4. Dannye MVD Rossii po uchetu molodezhnyh gruppirovok `ekstremistskoj napravlenosti [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://esvu.mvd.rf/document/3524556> (data obraschenija 24.02.2024).
5. Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ «O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federatsii // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2021. – № 1 (chast' I). – St. 28.
6. Svodnye statisticheskie dannye o sostojanii sudimosti. Ofitsial'nyj sajt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federatsii [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru> (data obraschenija 24.02.2024).
7. Vatoropin A.S., Tepljakov I.I. Molodezhnyj `ekstremizm v Rossii v kontekste spetsial'noj voennoj operatsii // Obrazovanie i pravo. – 2022. – № 8. – S. 133-139.
8. Mironov V.O. Profilaktika prestupnosti nesovershennoletnih // Novyj universitet. Serija «`Ekonomika i pravo». – 2014. – № 5-6. – S. 48-51.
9. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 14.02.2024) // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.

УДК: 343.9

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ: ПОТЕРПЕВШИЙ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС

Семёнова И. В.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье рассматривается формирование уголовно-процессуального статуса потерпевшего, его роль и место в уголовном судопроизводстве. В процессуальном смысле потерпевшим лицо становится не автоматически сразу после совершения преступления, а лишь спустя некоторое время после совершения дознавателем, следователем или судом соответствующих процессуальных действий. К числу последних относятся, прежде всего, постановление дознавателя или следователя о возбуждении уголовного дела и постановление о признании потерпевшим. Потерпевшие далеко не всегда являются непосредственными участниками либо очевидцами преступления, а подчас и вовсе не располагают сведениями, связанными с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Тем не менее, в любом случае, если какое-либо лицо признано потерпевшим, и оно не отказывается от дачи показаний на законных основаниях, его допрос является обязательным следственным и судебным действием. Автор приходит к выводу, что защита прав и интересов лиц, признанных потерпевшими по делу является предназначением судопроизводства. Выработка и реализация предупредительных и пресекательных мер, в установленном законом порядке, от посягательств, нарушающих законные права и интересы личности, является обязанностью государства, вместе с тем обеспечивать реализацию защиты своих прав и интересов не только при причинении вреда в результате преступления, но и в результате совершения противозаконных действий, совершенных в невменяемом состоянии.

Ключевые слова: преступления, цифровая сфера, признание потерпевшим, потерпевший, статус, права, обязанности, заявление, дача показаний, участники и стороны процесса.

В эпоху беспрецедентного притока цифровых инноваций компьютерные преступления становятся все более изощренными и разрушительными. От фишинговых атак до кражи цифровой идентичности, от уничтожения данных до сетевого шантажа – спектр киберугроз непрерывно растет, подвергая опасности как отдельных индивидов, так и целые корпорации. Цифровые технологии проникают в каждый аспект нашей жизни, увеличивается и число компьютерных преступлений. Эти действия оставляют после себя широкий спектр жертв, начиная от индивидуальных пользователей и заканчивая крупными корпорациями. На первом уровне потерпевшими являются частные лица. В их число входят пользователи, которые сталкиваются с фишинговыми атаками, кражей личной информации или денежных средств. Например, по данным Роскомнадзора за 2020 г. в России было зарегистрировано более 137 тыс. сообщений о фактах мошенничества в интернете. Следующая группа – малый и средний бизнес. Организации этого уровня часто не имеют достаточного уровня защиты своих систем, что делает их уязвимыми для хакерских атак. Потери от кибератак для малого и среднего бизнеса могут быть значительными как в финансовом плане, так и в плане репутационных рисков. На высшем уровне стоят крупные корпорации и государственные организации. Примером может служить инцидент с компанией SolarWinds, который произошел в 2020 г. Атака повлияла на тысячи организаций по всему миру. Подобные инциденты подрывают доверие клиентов и акционеров, а также требуют значительных затрат на ликвидацию последствий. Не следует забывать об общественном ущербе от цифровых преступлений: расстройство экономической стабильности страны или региона; подрыв доверия к

цифровой экосистеме; создание предпосылок для социального недовольства из-за возможности использования персональной информации для манипулирования общественным мнением.

Цифровые преступления не знают границ – они поражают всех без разбора: от одиноких пожилых людей до целых государств. Эффективное противодействие этому требует комплексного подхода: осведомленности каждого пользователя о базовых правилах безопасности; разработки передовых методик защиты данных специалистами; законодательного регулирования на всех уровнях правительства; активной работы правоохранительных органов по выявлению и предотвращению таких инцидентов.

Возможность дачи показаний, как и использования иных форм участия в доказывании, лицо, пострадавшее от преступления, признается потерпевшим и приобретает таковой статус с момента соответствующего оформления. В процессуальном смысле потерпевшим лицо становится не автоматически сразу после совершения преступления, а лишь спустя некоторое время после совершения дознавателем, следователем или судом соответствующих процессуальных действий. К числу последних относятся, прежде всего, постановление дознавателя или следователя о возбуждении уголовного дела и постановление о признании потерпевшим.

Справедливо по этому поводу замечает В.В. Батуев, в уголовном разбирательстве человек не может сам назначить себя потерпевшим. Этот статус ему присваивается только после того, как соответствующие государственные структуры, занимающиеся расследованием, официально это утверждают [2, с. 10]. С правовой точки зрения это решение представляет собой юридический факт, порождающий уголовно-процессуальное правоотношение лица, пострадавшего от преступления, в статусе полноправного участника уголовного судопроизводства с государством в лице его представителей и иными участниками процесса.

Необходимо отметить, что наряду с понятием «потерпевший» нередко используются и иные понятия – «жертва», «пострадавший» [19; 27]. Об их смысловой близости можно говорить лишь условно и только применительно к разговорному языку, в рамках которого они обычно обозначают лицо, испытавшее на себе некие негативные последствия какого-либо деяния или события. Правовым содержанием (в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве) обладает лишь понятие «потерпевший», отражающее не только факт претерпевания лицом негативных последствий преступления, но и признание его государством в лице правоохранительных органов и суда одним из участников уголовного процесса. С точки зрения УПК потерпевший «произведен» от пострадавшего/жертвы преступления, но не равен им, обладая, в отличие от них, определённым уголовно-процессуальным статусом.

По поводу момента, с которого лицо становится потерпевшим, в научной литературе единства мнений нет. Так, В.П. Божьев, опровергая приведённый выше тезис, отмечает, что «... лицо является потерпевшим уже на основании самого факта совершения в отношении его преступления» [5, с. 27]. Схожие мнения высказывают и другие авторы [10, с. 11]. Представляется что, подобные утверждения, будучи верными с позиций философии и общечеловеческих ценностей, не учитывают формально-юридической стороны проблемы и практики расследования уголовных дел.

Дискуссионность проблеме придаёт тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, кто считается пострадавшим, исходя из концепции «преступления», прописанной в уголовном праве. Таким образом, данное определение больше относится к сфере уголовного права, чем к процедурной стороне вопроса. В ч. 1 ст. 42 УПК указывается на то, что потерпевшим является лицо, которому преступлением причинён физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Это описание отображает статус жертвы в контексте уголовного права. Статья 42 УПК дополнительно разъясняет роль жертвы в рамках процессуальных норм, подчеркивая, что признание лица потерпевшим следователями или судом влечет за собой включение его в число участников процесса и предоставление определенных прав и обязанностей.

Анализ положений ст. 42 УПК позволяет сделать вывод, что совершение в отношении лица преступления влечет за собой появление потерпевшего в уголовно-правовом смысле, а вынесение постановления о признании потерпевшим – в уголовно-процессуальном смысле. С этих позиций следует согласиться с В.П. Божьевым, что «для ввода в уголовный процесс такого субъекта требуется наличие уголовно-правовых и уголовно-процессуальных оснований. При этом под первым имеется в виду наличие вреда, причиненного преступлением, а под вторым – вынесение правоустанавливающего процессуального акта – постановления...» [4, с. 47].

В науке и на практике существуют разногласия относительно критериев, которыми следует руководствоваться при определении статуса потерпевшего в уголовном процессе, и точного времени, когда следует оформлять соответствующее решение о его признании. Некоторые эксперты считают, что решение о признании человека пострадавшим от преступления следует принимать сразу после подтверждения ущерба, обусловленного этим деянием, если имеются соответствующие улики [9, с. 17-12; 31, с. 12], при установлении причинной связи между совершённым преступлением и наступившими вредными последствиями [11, с. 7]. Её сторонники ссылаются на буквальное толкование уголовно-процессуальной нормы, содержащей определение потерпевшего. Определение потерпевшего физического лица, содержащееся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ полностью соответствует аналогичному определению, содержащемуся в ч. 1 ст. 53 УПК РСФСР. Полностью согласиться с данными суждениями нельзя. Из трактовки первой части 42-й ст. УПК следует, что статус потерпевшего человек обретает после того, как вынесено следователем соответствующее постановление. Это связано с необходимостью подтверждения вреда, нанесенного преступным деянием, что, в свою очередь, предполагает доказанность самого факта совершения преступления.

Участие потерпевшего в судебном разбирательстве предоставляет ему лишь определенные права в процессе, но не является признанием причинения ему ущерба в результате преступления. Аналогично, статус обвиняемого, который не подразумевает его автоматическую виновность. По сути, наличие *достаточных данных полагать, что преступлением причинён вред лицу, имуществу и деловой репутации вред следует признать его преступлением*. Поэтому основание признания лица потерпевшим, содержащееся в ч. 1 ст. 42 УПК, следует изложить в редакции: *«Потерпевшим признаётся физическое лицо при наличии достаточных данных полагать,*

что преступлением ему причинён физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо при наличии достаточных данных полагать, что преступлением причинён вред его имуществу и деловой репутации» [25]. Предлагаемая редакция позволит избежать указанных выше сложностей и принимать решение о признании лица потерпевшим, как только появляются достаточные данные полагать, что преступлением ему причинён вред.

Проблема признания лица потерпевшим при неоконченном преступлении должна решаться с учётом того, что, хотя вред фактически может быть и не причинён, но и приготовление и покушение рассматриваются как стадии уголовного преступления и признаются ст.ст. 29, 30 УК наказуемыми деяниями. Соглашаясь с позицией отдельных авторов [22, с. 56; 24, с. 38-42; 22, с. 37], следует отметить, что в данном случае нет оснований лишать потерпевшего процессуальных прав и судебной защиты. Ещё один из видных дореволюционных процессуалистов И.Я. Фойницкий утверждал, что «любые лица, столкнувшиеся с ущербом из-за преступления, будь то физический, моральный, фактический или даже потенциально возможный, признаются жертвами. Урон может коснуться их лично или кого-то близкого по крови или воспитанию» [28, с. 20]. Основанием для признания лица потерпевшим в случае неоконченного преступления следует считать установление реальной угрозы причинения вреда потерпевшему, при условии, что не окончено преступление в силу обстоятельств, не зависящих от виновного.

Постановление о признании лица потерпевшим есть не более чем первоначальное признание следователем наличия оснований полагать, что лицу преступлением был или мог быть причинён какой-либо вред. Только судья в своем вердикте может установить факт причинения ущерба. Однако издание соответствующего документа предоставляет возможность жертве уголовного деяния активно участвовать в расследовании и защищать свои интересы, нарушенные в результате преступления, способствуя тем самым обеспечению не только личных, но и общественных интересов. В соответствии со статьями 22, 42 УПК потерпевший как самостоятельная фигура уголовного судопроизводства наделяется целым рядом прав: участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, выдвигать и поддерживать обвинение, знать о предъявленном обвинении, предъявлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его представителя и др. Особое место среди правомочий потерпевшего занимает его право давать показания. Показания потерпевшего являются основным средством защиты им своих прав. Неслучайно в юридической литературе отмечено, что «потерпевший – физическое лицо ценен своими показаниями» [3, с. 139].

Приходится, однако, констатировать, что приведенные уголовно-процессуальные нормы не являются в полной мере эффективными. Причем не потому, что наделяют лицо, потерпевшее от преступления, недостаточными правами. Главная проблема в том, что все эти права возникают у него слишком поздно, только с того момента как лицо, производящее расследование или суд вынесут постановление о признании его потерпевшим. Пока же этого не произошло, лицо, пострадавшее от преступления, остается фактически бесправным.

Несвоевременное признание потерпевшим «существенным образом ограничивает права этого участника процессуальной деятельности, лишает его возможности влиять на ход следствия, заявлять ходатайства и иным образом защищать свои нарушенные интересы» [16, с. 15]. Законодательство не предусматривает строгих временных рамок для определения статуса потерпевшего в уголовном процессе. Решение об этом принимается после возбуждения уголовного дела, но конкретный срок не фиксирован и зависит от решения следователя. Таким образом, возможность для потерпевшего участвовать в процессе и пользоваться своими правами полностью определяется инициативой следственных органов. Между тем, опыт работы правоохранительных органов четко демонстрирует, что сотрудники зачастую задерживают принятие решений о статусе жертвы преступления по разным, в основном личностным, мотивам [1]. Распространена практика, когда момент вынесения постановления о признании потерпевшим «увязывается» с появлением в деле обвиняемого [18, с. 34]. Она находит поддержку и среди учёных [15, с. 7; 17, с. 82]. Затягивание в признании потерпевшим может иметь и иные формы: постановление о признании потерпевшим может выноситься по окончании расследования или не выноситься совсем, из группы пострадавших могут признаваться потерпевшими только часть лиц и т.д. [13, с. 19].

Как бы подытоживая отмеченные обстоятельства, В. Лукин отмечает, что «во многих случаях лицо признается потерпевшим на завершающей стадии уголовного судопроизводства» в результате чего «имеется временной период между моментом совершения в отношении лица преступления, которым ему причинён вред, и моментом признания его потерпевшим. В этот период пострадавшее от преступления лицо рассматривается в качестве заявителя, что нарушает его права на получение информации о ходе рассмотрения поданного заявления, результатов предварительного расследования, на предоставление доказательства в подтверждение своего заявления о преступлении, на выдвижение требования о признании потерпевшим и др.».

Это мнение перекликается с результатами проведённого нами анализа уголовных дел. Установлено, что после обращения жертв преступления в правоохранительные органы признание их потерпевшими происходило: в 49,2% случаев – в первые 5 дней после возбуждения уголовного дела. В 12,2 % случаев – в течение 6-10 дней; в 17,1% случаев в период от 11 дней до 1,5 месяцев и в 21,5 % случаев – по истечении 1,5 месяцев расследования.

В научной литературе неоднократно высказывались мнения, что для обеспечения потерпевшему возможности в полной мере отстаивать в уголовном процессе свою позицию, признание его таковым должно быть приближено к моменту возбуждения уголовного дела или происходить одновременно с ним. При этом потерпевшему сразу же либо, по аналогии с подозреваемым, в течение 24 ч. после признания потерпевшим, должно быть дано право дать показания по обстоятельствам дела [8, с. 13; 14, с. 15]. Для обеспечения данного положения предлагается ввести в число исходных начал российского уголовно-процессуального законодательства специальный принцип: «презумпции защиты потерпевшего от преступления [6, с. 26; 13]», «презумпции причинения вреда [20, с.8; 13]» и т.п. [8, с. 16-17; 30, с. 129], который обязывал бы лицо, производящее расследование, признавать причинение вреда лицу, предположительно являющемуся жертвой преступления. Как следствие,

такое лицо должно быть признано потерпевшим и наделено всеми сопутствующими процессуальными правами с момента возбуждения дела, если это лицо известно, либо с момента его выявления в ходе расследования. Следует согласиться с тем, что это реально способствовало бы обеспечению потерпевшему его конституционного права на защиту от преступлений (ст. 52 Конституции РФ).

Конституционный Суд России установил, что статус потерпевшего в уголовном деле присваивается индивиду с момента фактического наступления ущерба. Это касается людей, обратившихся в полицию с сообщением о преступлении. Признание потерпевшим происходит после подтверждения вредных последствий деяния. При установлении факта причинения вреда, с целью соблюдения процессуальных прав стороны, следователь обязан незамедлительно закрепить постановление процессуальное положение потерпевшего [21].

При проведении проверки сообщения о преступлении устанавливаются данные, указывающие на наличие признаков совершённого преступления. Во многих случаях, например, по делам об изнасилованиях, кражах, преступления в сфере цифровой информации и т.д., «основания для возбуждения дела те же, что и для признания лица потерпевшим» [16, с. 15], поэтому при вынесении решения о возбуждении уголовного дела в подобных случаях в наличии все основания для признания лица потерпевшим. Разумеется, в начале расследования уголовного дела множество деталей неизвестны, включая ущерб и его масштабы. Эти детали предстоит выяснить следователю. Существует вероятность, что предположения о вреде окажутся ошибочными. Если это произойдет, нужно будет обсудить вопрос о возможном наказании для заявителя согласно статьям 306 и 307 УК РФ.

Вопрос о моменте признания лица потерпевшим и моменте, когда лицо, пострадавшее от преступления, оказывается способным непосредственно участвовать в процессе, важен не только в плане обеспечения прав жертв преступления, но и в плане анализа проблем, связанных с получением, оценкой и использованием показаний потерпевшего при расследовании. Нередко потерпевший – это единственный очевидец преступления (кроме преступника, который на момент допроса потерпевшего может быть и неизвестен). В этих условиях показания, данные жертвой, часто становятся ключевыми в ходе уголовного расследования. Также важно учитывать, что со временем точность и полнота этих показаний могут ухудшаться.

Чаще всего именно лицо, пострадавшее от преступления, своим обращением в правоохранительные органы инициирует начало расследования по уголовному делу. В результате проведённого анализа уголовных дел установлено, что в 86,7% случаев первоначальная информация о совершённом преступлении была получена из заявлений пострадавших от преступления, и лишь в 13,3% случаев дело возбуждалось по инициативе самих правоохранительных органов. Согласно ч. 1 ст. 141 УПК сообщение о преступлении может быть сделано в устном либо письменном виде. На основании устного заявления лицом, принявшим данное заявление, составляется протокол, в котором, как и в заявлении о преступлении, сделанном в письменной форме, помимо прочего излагается содержание заявления о преступлении. По смыслу ст. 141 УПК, заявление о преступлении может исходить не только от пострадавшего от преступления, но и от любого иного лица, которому стало известно о совершённом преступлении. Однако на практике с заявлениями о преступлении в

правоохранительные органы чаще всего обращаются именно лица, непосредственно пострадавшие от преступления. Изучение уголовных дел показало, что все заявления поступали только от пострадавших в преступлении.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не прописывает точные требования к форме и содержанию письменного обращения жертвы преступления. Так как дела различаются по своим деталям, создание универсального образца затруднительно. В отличие от устного сообщения о преступлении, для которого существует специальный протокол, письменное заявление не стандартизировано. При этом большая часть населения не обязана разбираться в юридических тонкостях подачи таких заявлений, поскольку они могут быть им и не нужны.

Таким образом, участие лица в уголовном производстве являющейся жертвой, которой причинен вред, предполагает статус потерпевшего. Жертвы инцидента зачастую не участвуют в нём напрямую и не бывают свидетелями. Иногда у них нет информации о деталях, которые требуется установить в ходе следствия. В ситуации, когда человек становится жертвой преступления и не имеет законных причин для отказа от свидетельства, его участие в качестве свидетеля становится неотъемлемой частью процесса расследования и судебного разбирательства.

Предназначением судопроизводства, исходя из положений п.1 ч.1 ст. 6 УПК, является защита прав и интересов лиц, признанных потерпевшими по делу.

Выработка и реализация предупредительных и пресекательных мер в установленном законом порядке, от посягательств, нарушающих законные права и интересы личности, является обязанностью государства, наравне с обеспечением реализации защиты своих прав и интересов не только при причинении вреда в результате преступления, но и в результате совершения противозаконных действий, совершенных в невменяемом состоянии.

Список литературы:

1. Баяев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М.: Изд-во «Экзамен». 2008. С. 598.
2. Батуев В.В. Обеспечение при расследовании преступления гражданского иска потерпевшего: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. - Москва, 1999. 40 с.
3. Башкатов Л.Н. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / Ин-т государства и права Российской акад. наук; отв. ред. И. Л. Петрухин. - Изд. 6-е, перераб. и доп. - Москва: Кодекс: Проспект, 2008. 735 с.
4. Божьев В.П. Процессуальный статус потерпевшего // Российская юстиция. 1994. № 1. С.47-49.
5. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит. 1975. 176 с.
6. Булатов И. Защита прав потерпевших от преступлений // Законность. 2003. № 4. С. 24-26.
7. Владимирова В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 123с.
8. Гуськова А.П. Актуальные вопросы защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве // Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве / отв. ред. И.Ф. Демидов. Москва-Оренбург: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета. 1999. 105 с.
9. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Тематич. сб. Т. 85 / отв. ред. П.С. Дагель. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. 216с.
10. Евстратенко Е.В. Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 24с.
11. Камашев Г.М. Тактические и психологические основы допроса потерпевшего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1993. 23 с.
12. Колдин С.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 235 с.
13. Комиссаров В.И., Лакаева О.А. Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц. М.: Юрлитинформ, 2004. 158,

14. Корнелюк О.В. Теория и практика применения некоторых положений УПК РФ // Следователь. 2004. № 6. С.13-15.
15. Леви А., Бицадзе Б. О расширении прав потерпевшего и его представителя в уголовном процессе // Сов. юстиция. 1989. № 5. С.6-7.
16. Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе: Конспект лекций. М.: РУДН, 2007. 178 с.
17. Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. М.: Юрлитинформ, 2003. 124 с.
18. Новиков В.Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. 223 с.
19. Овсянников И.В. Проблемы защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений на начальном этапе досудебного производства / И.В. Овсянников // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 33-36.
20. Парий А.В. Потерпевший от преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства США (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. 26 с.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2022 № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина» // Собрание законодательства РФ. 2022, № 21. ст. 3530.
22. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
23. Рыжаков А.П. Потерпевший: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 42 УПК РФ // СПС Консультант Плюс. 2020.
24. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1963. 171 с.
25. Семенова И. В. Тактические и психологические основы получения от потерпевших правдивых показаний: специальность 12.00.09 "Уголовный процесс": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Семенова Ирина Владимировна. Краснодар. 2009. 30 с.
26. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 4 июня 2008 г. «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» // Российская газета. 2008. № 119.
27. Стародубова Г.В. Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе: субъективный аспект / Г.В. Стародубова // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 29 - 31. [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
28. Стрёмовский В.А. Участники предварительного следствия в уголовном процессе. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1966. 260 с.
29. Фойницкий И.Я. Русское уголовное судопроизводство. Предмет и движение уголовного разбирательства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. - 26, 188, 164 с.
30. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: ИНФРА-М. 1997. 239 с.
31. Яни П.С. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.. 1995. 17 с.

Semenova I. V. Crimes in the digital sphere: the victim and his criminal procedural status // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 299–307.

The article examines the formation of the criminal procedural status of the victim, his role and place in criminal proceedings. In a procedural sense, a person does not automatically become a victim immediately after the commission of a crime, but only some time after the commission of the relevant procedural actions by the inquirer, investigator or court. The latter include, first of all, the decision of the inquirer or investigator to initiate a criminal case and the decision to recognize the victim. Victims are not always direct participants or eyewitnesses of the crime, and sometimes do not have information at all related to the circumstances to be proved. Nevertheless, in any case, if a person is recognized as a victim, and he does not refuse to testify legally, his interrogation is a mandatory investigative and judicial action. The author concludes that the protection of the rights and interests of persons recognized as victims in the case is the purpose of legal proceedings. The development and implementation of preventive and preventive measures, in accordance with the procedure established by law, against encroachments that violate the legitimate rights and interests of the individual, is the duty of the state, at the same time, to ensure the protection of its rights and interests not only when harm is caused as a result of a crime, but also as a result of illegal actions committed in an insane state.

Keywords: suppression, digital sphere, victim recognition, victim, status, rights, obligations, statement, testimony, participants and parties to the process.

Spisok literaturey:

1. Baev O.YA. Taktika ugovolnogo presledovaniya i professional'noj zashchity ot nego. M.: Izd-vo «Ekzamen». 2008. S. 598.

2. Batuev V.V. Obespechenie pri rassledovanii prestupleniya grazhdanskogo iska poterpevshego: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.09. - Moskva, 1999. 40 s.
3. Bashkatov L.N. Kommentariy k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii: (postatejnyj) / In-t gosudarstva i prava Rossijskoj akad. nauk; otv. red. I. L. Petruhin. - Izd. 6-e, pererab. i dop. - Moskva: Kodeks: Prospekt, 2008. 735 s.
4. Bozh'ev V.P. Processual'nyj status poterpevshego // Rossijskaya yusticiya. 1994. № 1. S.47-49.
5. Bozh'ev V.P. Ugolovno-processual'nye pravootnosheniya. M.: YUrid. lit. 1975. 176 s.
6. Bulatov I. Zashchita prav poterpevshih ot prestuplenij // Zakonnost'. 2003. № 4. S. 24-26.
7. Vladimirova V.V. Kompensaciya moral'nogo vreda – mera rehabilitacii poterpevshego v rossijskom ugolovnom processe. M.: Volters Kluver, 2007. 123s.
8. Gus'kova A.P. Aktual'nye voprosy zashchity prav i zakonnyh interesov grazhdan, uchastvuyushchih v ugolovnom sudoproizvodstve // Zashchita prav i zakonnyh interesov grazhdan, uchastvuyushchih v ugolovnom processe, kak prioritetnoe napravlenie v sudoproizvodstve / otv. red. I.F. Demidov. Moskva-Orenburg: Izdatel'skij centr Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 1999. 105 s.
9. Dageľ P.S. Poterpevsij v sovetskom ugolovnom prave // Poterpevsij ot prestupleniya. Tematich. sb. T. 85 / otv. red. P.S. Dageľ. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1974. 216s.
10. Evstratenko E.V. Zashchita svidetelej i poterpevshih v ugolovnom processe Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2004. 24 s.
11. Kamashev G.M. Takticheskie i psihologicheskie osnovy doprosa poterpevshego: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 1993. 23 s.
12. Koldin S.V. Zashchita prav i zakonnyh interesov poterpevshego po Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2004. 235 c.
13. Komissarov V.I., Lakaeva O.A. Taktika doprosa poterpevshih ot prestuplenij, sovershaemyh organizovannymi gruppami lic. M.: YUritinform, 2004. 158.
14. Kornelyuk O.V. Teoriya i praktika primeneniya nekotoryh polozhenij UPK RF // Sledovatel'. 2004. № 6. S.13-15.
15. Levi A., Bicaďze B. O rasshirenii prav poterpevshego i ego predstavatelya v ugolovnom processe // Sov. yusticiya. 1989. № 5. S.6-7.
16. Levi A.A. Poterpevsij v ugolovnom processe: Konspekt lekcij. M.: RUDN, 2007. 178 s.
17. Levi A.A., Ignat'eva M.V., Kapica E.I. Osobennosti predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenij, osushchestvlyаемого s uchastiem advokata. M.: YUritinform, 2003. 124 s.
18. Novikov V.N. Professional'noe (advokatskoe) predstavitel'stvo zayavitelya i poterpevshego na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Voronezh, 2004. 223 s.
19. Ovsyannikov I.V. Problemy zashchity prav i zakonnyh interesov poterpevshih ot prestuplenij na nachal'nom etape dosudebnogo proizvodstva / I.V. Ovsyannikov // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 1. S. 33 - 36.
20. Parij A.V. Poterpevsij ot prestupleniya na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva SSHA (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 1997. 26 s.
21. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 12.05.2022 № 18-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti pervoj stat'i 42 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdani-na A.O. Nikitina» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022, № 21. st. 3530.
22. Rahunov R.D. Uchastniki ugolovno-processual'noj deyatel'nosti po sovetskomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1961. 277 s.
23. Ryzhakov A.P. Poterpevsij: ponyatie i pravovoj status. Kommentarij k stat'e 42 UPK RF // SPS Konsul'tant Plyus. 2020.
24. Savickij V.M., Poteruzha I.I. Poterpevsij v sovetskom ugolovnom processe. M.: Gosyurizdat, 1963. 171 s.
25. Semenova I. V. Takticheskie i psihologicheskie osnovy polucheniya ot poterpevshih pravdivyh pokazanij: special'nost' 12.00.09 "Ugolovnyj process": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Semenova Irina Vladimirovna. – Krasnodar. 2009. – 30 s.
26. Special'nyj doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii ot 4 iyunya 2008 g. «Problemy zashchity prav poterpevshih ot prestuplenij» // Rossijskaya gazeta. 2008. № 119.
27. Starodubova G.V. Pravovoe polozhenie poterpevshego v ugolovnom processe: sub'ektivnyj aspekt / G.V. Starodubova // Rossijskaya yusticiya. 2018. № 12. S. 29 - 31. [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tant Plyus.
28. Stremovskij V.A. Uchastniki predvaritel'nogo sledstviya v ugolovnom processe. Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1966. 260 s.
29. Fojnickij I.YA. Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo. Predmet i dvizhenie ugolovnogo razbiratel'stva. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1893. - 26, 188, 164 s.
30. Erdelevskij A.M. Kompensaciya moral'nogo vreda v Rossii i za rubezhom. M.: INFRA-M. 1997. 239 s.
31. YAni P.S. Obespechenie prav poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M. 1995. 17 s.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Титова К. А., Шепель Н. В.

В статье рассматриваются основные аспекты, связанные с порядком применения специалистом технических средств в уголовном судопроизводстве. Отмечается, что отсутствует единое понимание сущности технических средств, применяемых в сфере уголовного судопроизводства, присутствует неопределенность их правового статуса и порядка использования в уголовно-процессуальной деятельности. Судебно-следственная практика и анализ юридической литературы электронные и цифровые технологии уже давно внедрились в уголовный процесс, но несмотря на данный факт, требуется на законодательном уровне в УПК РФ урегулировать отдельные аспекты, затрагивающие понятие, цели, задачи и принципы использования технических средств, в том числе и специалистом в сфере уголовного судопроизводства. Предложены отдельные рекомендации, направленные на оптимизацию применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специалист, технические средства, участники уголовного судопроизводства, цифровые технологии, цифровые средства, специальные знания, следственные действия, электронные доказательства.

В настоящее время продолжает проследиваться тенденция, связанная с наращиванием темпов научно-технического прогресса. Его результаты можно увидеть в разных сферах правоотношений, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Многие ученые-процессуалисты солидарны в вопросе о внедрении в уголовное судопроизводство научно-технических средств. О необходимости включения в список доказательств снимков, оттисков высказывался еще в советское время М.А. Чельцов [11, с. 323], П.А. Лупинская предлагала отразить в теории доказывания применение научно-технических средств [7, с. 13], а С.А. Шейфер в области производства следственных действий [14]. Так, должностные лица, осуществляющие расследование тех или иных видов преступлений, постоянно прибегают к использованию разных технических средств. Можно выделить фото, аудио и видеофиксацию тем более, что правомерность их использования закреплена в ст.ст. 164, 164.1, 189.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту УПК РФ). Считаем, что это важно и востребовано, так как позволяет не просто фиксировать ход и результаты следственных действий, но и получать доказательства, которые впоследствии могут лечь в основу обвинения.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, чаще всего технические средства используют в своей деятельности не только следователи, но и специалисты. Согласно ст. 58 УПК РФ специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Участие специалиста в уголовном судопроизводстве есть одна из форм использования специальных знаний. Несмотря на тот факт, что УПК РФ закрепляет понятие «специалист», его современная правовая составляющая не является достаточно полной, а местами но-

сит противоречивый характер, особенно тогда, когда встает вопрос о его «схожести» с экспертом. Не вдаваясь в детальный анализ данной проблематики, полагаем, что процессуальный статус данного участника требует законодательной проработки, что позволит прийти к конструктивному пониманию его сущности.

Продолжая рассуждения отметим, что данный участник уголовного судопроизводства применяет в своей профессиональной деятельности технические средства. Следует отметить, что на страницах юридической литературы можно встретить разные точки зрения ученых, рассуждающих о правомерности применения технических средств в разных стадиях уголовного судопроизводства.

Можно выделить следующие следственные действия при которых должностные лица, осуществляющие расследование уголовного дела, в том числе с участием специалистов, применяют разные технические средства: 1) допросы разных участников уголовного судопроизводства (свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые), что позволяет получить ответы на важные вопросы, поставленные перед данными участниками, а применение видеозаписи впоследствии позволит выявить элементы лжи, неточности в показаниях участников; 2) при осмотре места происшествия, когда возможно более эффективнее фиксировать окружающую обстановку, не упустить из виду важные детали, выявлять вещественные доказательства, как правило, всегда производится фотографирование места происшествия и составляется фототаблица 3) проверка показаний на месте, выход на место совершения преступления с подозреваемым, обвиняемым и применение видеозаписи данного действия, позволит получить дополнительные доказательства, проверить имеющиеся в распоряжении; 4) очная ставка. Отдельно следует выделить применение фотофиксации при обнаружении трупа или его частей. Обязательно прикладывается фототаблица. Как верно отмечает Н.Г. Шурухов, что использование современных технологий в уголовном судопроизводстве позволяют ускорять проведение ряда действий, что благоприятно сказывается на процессе раскрытия и расследования преступлений [15, с. 18-22].

В тоже время не все ученые рассматривают в «позитивном ключе» участие специалиста в уголовном судопроизводстве. Так Л.В. Виницкий считает, что использование помощи специалиста в расследовании затруднено несовершенством процессуальной регламентации [3]. Чельшева О.В. и А.В. Шахматов предлагают четко разграничить функции специалиста и эксперта при их участии в процессуальных действиях [12, с. 523]. Например, Е. Зайцева по-другому видит цели привлечения специалиста. Она считает, что он оказывает содействие в применении технических средств, когда речь идет о сфере уголовного судопроизводства. Е.Э. Курзинер полагает, что специалист привлекается для оказания научно-технической помощи при проведении следственных действий [6, с. 47]. Полагаем, что такие подходы безусловно заслуживают внимание, так как весьма последовательны и можно сказать и логичны. Почему? Отвечая на данный вопрос отметим, что, как правило эксперт привлекается должностными лицами, осуществляющие расследование уже в рамках возбужденного уголовного дела, а вот специалист и на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. Таким образом можно вести речь о том, что необходимо в УПК РФ законодательно закрепить норму, которая бы позволяла привлекать специалиста на разных стадиях уголовного судопроизводства. Считаем, что необходимо изложить ч. 1 ст. 58 УПК РФ, в следующей ре-

дакции «специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, а также применения технических средств в разных стадиях уголовного судопроизводства» [5].

Следует сказать, что первые упоминания о технических средствах в уголовном судопроизводстве можно встретить на страницах юридической литературы в начале 20 века прошлого столетия. Не вдаваясь в подробный анализ этого вопроса следует сказать, что они часто использовались не всегда гласно. Чаще всего их применение находило отражение в оперативно-розыскной деятельности. Как верно отметил А.Ю. Чурилов, что прошло достаточно много времени прежде чем они стали использоваться следственными органами [13, с. 224].

В настоящее время не наблюдается спада в применении технических средств, цифровых технологий. Информационные технологии позволили эффективно решать повседневные задачи, рационально использовать время, они взаимодействуют и часто составляющей частью входят в сферы услуг, области управления, промышленного производства, социальных процессов. Информационные технологии — процессы, использующие совокупность средств и методов сбора, обработки, накопления и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса, явления, информационного продукта, а также распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов[2]. Таким образом, данные технологии находят свое применение во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. В последние годы интерес ученых-процессуалистов и правоприменителей к цифровым технологиям в уголовном процессе только усиливается.

На сегодняшний день прямого закрепления в УПК РФ они пока не имеют, но это только вопрос времени. В тоже время можно выделить важные направления их применения в уголовном процессе: 1) аналитическая работа по уголовному делу с помощью персонального компьютера; 2) получение, обработка, анализ, хранение информации, касающейся уголовного дела, в том числе в электронном виде; 3) использование баз данных, сообщений в качестве электронных доказательств по уголовным делам.

В тоже время отсутствует единое понимание ученых-процессуалистов о форме и содержании цифровых технологий, особенно в том случае, когда речь идет о раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений. Так, одни авторы считают, что цифровые технологии оказывают непосредственное влияние на процесс доказывания, другие склоняются к такой позиции, которая позволяет утверждать, что такое определение следует «преподносить» правоприменителям через категорию «информация». Считаем, что под цифровыми технологиями следует понимать в первую очередь современные технологии, позволяющие непосредственно фиксировать и исследовать криминалистически значимую информацию в зашифрованном виде, то есть в цифровом виде. Полагаем, что цифровые технологии самым непосредственным способом окажут влияние на практику ведения уголовно-процессуальной деятельности.

На наш взгляд работа с электронными доказательствами требует определенного специфического подхода. Сбор, проверка и оценка таких доказательств должна про-

ходить с обязательным участием специалиста, с использованием технических средств и лица, осуществляющего предварительное расследование, чтобы не произошла случайная их потеря или уничтожение. Считаем, что в УПК РФ в скором времени будут приняты соответствующие поправки, касающиеся тематики доказательств. Рассуждая о важности и значимости цифровых технологий хотелось бы отметить, что они уже самым активным образом продолжают внедряться и применяться в процессе доказывания по уголовным делам. Следует выделить среди прочего их простоту, удобство, которое несомненным образом положительно повлияло на качество процесса раскрытия и расследования разных категорий преступлений.

А какие технические средства можно применять в сфере уголовного судопроизводства и что под ними понимается? УПК РФ в ст. 164 предлагает возможность их применения, но при этом не уточняет какие именно и тем более не предлагает точного определения. Полагаем, что отсутствие ответа на данные вопросы порождает неопределённость в их правоприменении. Этого нельзя допускать, особенно, если речь идет о сфере уголовного судопроизводства. Согласимся с мнением А.Е. Федюнина, который считает, что что необходимо закрепить законодательно «понятие технические средства» [10, с. 162].

Наряду с техническими средствами очень близко понятие «цифровые технологии». Здесь стоит привести приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428» [8]. Данный приказ не просто дает определение «цифровых технологий», но и предлагает классифицировать «цифровые технологии» по трем направлениям: 1) постепенно внедряемые; 2) прорывные; 3) технологии ближайшего будущего.

Подробный анализ данного документа позволил прийти к ряду выводов: 1) четкое определение «цифровых технологий» отсутствует; 2) не конкретизированы их цели, задачи; субъекты использования.

Дальнейший анализ законодательства показал, что понятие «цифровые технологии» в основном затрагивает разные сферы жизнедеятельности: образование, здравоохранение, торгово-промышленную и др. В.А. Семенов, предлагает под «цифровыми технологиями» понимать – технологии со своим программным обеспечением, предназначенные для создания, хранения и распространения информации с помощью вычислительной техники» [9, с.105].

Анализ судебной практики позволил сделать общее заключение, что цифровые технологии упоминаются, например, как «цифровые доказательства».

Приведем пример, в рамках уголовного дела № 23-2000/2021 несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, по мнению защитника, заключается в том, что судом не учтены обстоятельства, свидетельствующие об изменении информации на жестких дисках в связи с несоблюдением специалистом Т. мер по ее защите. Нарушение процедуры работы с цифровыми доказательствами заключалось в том, что осмотр установленного программного обеспечения осуществлялся специалистом с применением носителей информации, а также было допущено копирование информации сотрудниками общества, присутствовавшими при проведении осмотра, на внешние накопители. Вывод об изменении компьютерной информации следует из сопоставления двух заключений эксперта, в которых приведено разное количество файлов и каталогов в одних и тех же логических разделах одного и того

же жесткого диска. При этом суд отказал в осмотре вещественных доказательств в целях проверки версии эксперта Т. о возможности автоматического изменения количества файлов при включении компьютера.

Однако, Апелляционным определением Свердловского областного суда от 05.06.2021 по делу № 23-2000/2021 приговор был оставлен без изменения и выводы защитника были признаны ошибочными» [1].

Таким образом, солидарны с мнениями ученых-процессуалистов» [4, с.54-57], что понятие, цели, задачи и принципы использования технических средств специалистом в стадии предварительного расследования должны найти свое отражение не только на законодательном уровне, но и соответствовать назначению уголовного судопроизводства.

Рассуждая далее отметим, что не менее дискуссионным является вопрос, связанный с принципами использования технических средств. Можно привести разную их классификацию. Считаем, что нельзя забывать о базовых принципах, таких как законность, обоснованность и соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Для того, чтобы не было разного трактования данного вопроса и других, связанных с рассматриваемым аспектом, следует, как мы уже отметили выше, закрепить определение в УПК РФ, который регулировал не только понятие, но и порядок, принципы, цели применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства.

Считаем, что в ст. 5 УПК РФ необходимо ввести новый термин «технические средства» под которым предлагаем понимать любые технические средства, применяемые участниками уголовного судопроизводства, в целях обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, а также доказательств, в том числе, электронных.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что как показывает судебно-следственная практика и анализ юридической литературы электронные и цифровые технологии уже давно внедрились в уголовный процесс, но несмотря на данный факт, требуется на законодательном уровне в УПК РФ урегулировать отдельные аспекты, затрагивающие понятие, цели, задачи и принципы использования технических средств, в том числе и специалистом в сфере уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 05.06.2021 по делу N 23-2000/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Википедия (многоязычная универсальная интернет-энциклопедия) <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. Виноцкий Л.В. О недостатках законодательной регламентации участия специалиста в уголовном судопроизводстве // <http://smo.vkks.ru/publication/8766/>
4. Гаевой А.И. Критерии допустимости технических средств в уголовном процессе // Власть Закона. 2017. № 2. С. 54 - 57.
5. Зайцева Е. К вопросу о заключении специалиста. «Уголовное право», 2010, № 4. <https://www.iuaj.net/node/421>
6. Курзинер Е.Э. Участие специалиста в следственных действиях // Вестник ЮУрГУ, № 2, 2008. С. 47.
7. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С.13.
8. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Семенов В.А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022;14(4). С.105.
10. Федюнин А.Е. Законодательная дефиниция «технические средства»: сущность, сфера применения, эффективность реализации // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 162.
11. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 323.

12. Чельшева О.В., Шахматов А.В. Проблемы применения уголовно-процессуальных норм об участии специалиста в процессуальных действиях при производстве предварительного расследования // Экономика и право, 2021. Т.31, вып.3. С. 523.
13. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.
14. Шейфер С.А. Следственные действия. М., 1981.
15. Шурухнов Н.Г. Качество неотложных следственных действий как необходимое условие эффективности расследования: к проблеме использования информационных технологий // Российский следователь, 2020. № 8. С. 18 - 22.

Titova K.A., Shepel N.V. On the issue of the procedure for a specialist to use technical means in criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 308–313.

The article considers the main aspects related to the order of application of technical means by a specialist in criminal proceedings. It is noted that there is no common understanding of the essence of technical means used in criminal proceedings, there is uncertainty of their legal status and the order of their use in criminal proceedings. Judicial and investigative practice and analysis of legal literature electronic and digital technologies have long been introduced into criminal proceedings, but despite this fact, it is required at the legislative level in the CPC of the RF to regulate certain aspects affecting the concept, goals, objectives and principles of the use of technical means, including by a specialist in the field of criminal proceedings. Some recommendations aimed at optimising the use of digital technologies in criminal proceedings are offered.

Keywords: criminal proceedings, specialist, technical means, participants in criminal proceedings, digital technologies, digital means, special knowledge, investigative actions, electronic evidence.

Spisoc literatury:

1. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 06/05/2021 in case No. 23-2000/2021 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
2. Wikipedia (multilingual universal Internet encyclopedia) <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. Vinitsky L.V. On the shortcomings of the legislative regulation of the participation of a specialist in criminal proceedings // <http://smo.vkks.ru/publication/8766/>
4. A.I. Criteria for the admissibility of technical means in criminal proceedings // Power of the Law. 2017. No. 2. P. 54 - 57.
5. Zaitseva E. On the issue of a specialist's conclusion. "Criminal Law", 2010, No. 4. <https://www.iuaj.net/node/421>
6. Kurziner E.E. Participation of a specialist in investigative actions // Bulletin of SUSU, No. 2, 2008. P. 47.
7. Lupinskaya P.A. Evidence in Soviet criminal proceedings. M., 1966. P.13.
8. Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia dated August 1, 2018 No. 428 "On approval of Explanations (methodological recommendations) for the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
9. Sementsov V.A. Digital technologies in domestic criminal proceedings. Legal Bulletin of Kuban State University. 2022;14(4). P.105.
10. Fedyunin A.E. Legislative definition of "technical means": essence, scope of application, effectiveness of implementation // Legal technology. 2007.No. 1. P. 162.
11. Cheltsov M.A. Criminal process. M., 1948. P. 323.
12. Chelysheva O.V., Shakhmatov A.V. Problems of application of criminal procedural norms on the participation of a specialist in procedural actions during a preliminary investigation // Economics and Law, 2021. Vol. 31, issue 3. P. 523.
13. Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the 21st century: monograph. M.: Justitsinform, 2020. 224 p.
14. S.A. Investigative actions. M., 1981.
15. Shurukhnov N.G. The quality of urgent investigative actions as a necessary condition for the effectiveness of the investigation: to the problem of using information technologies // Russian Investigator, 2020. No. 8. P. 18 - 22.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – С. 314–318.

УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ О НЕДОПУЩЕНИИ ХИЩЕНИЙ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РФ

Фоменко Е. В.

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

В статье анализируются особенности криминогенной ситуации, сложившейся на новых территориях Российской Федерации, в связи с проблемами в процессе оформления в собственность недвижимого имущества. В результате изученной практики применения уголовного законодательства по фактам хищений чужого недвижимого имущества на территориях новых республик с применением обще- и частично- научных методов исследования, автор приходит к выводу, что необходимо в краткосрочной перспективе наметить комплекс оперативных и профилактических мер, направленных на недопущения прироста количества подобных преступлений. В связи с чем, направить все усилия органов исполнительной власти, правоохранительных органов, организаций и граждан на противодействие мошенничеству и иным корыстным преступлениям в указанной сфере.

Ключевые слова: хищения при оформлении прав на недвижимое имущества, мошенничество с недвижимостью, национализация и передача в российскую юрисдикцию недвижимого имущества на новых территориях РФ.

В последнее время в Российской Федерации принят ряд постановлений правительства [1; 2], которые регламентируют обращение имущества на территории новых субъектов РФ. Однако, понятный и безотказный методологический механизм распределения имущества стал формироваться совсем недавно. Правоприменительная практика по нему находится в процессе становления. Что вызывает ожидаемые трудности и возможности для хищений и иных злоупотреблений. Права на торговые объекты, заводы, земли и иное коммерческое имущество на этом отрезке экономической истории пока являются нечеткими.

Своеобразным единым окном, призванным решать эти проблемы на современном этапе является Фонд развития территорий. Полномочия фонда определены Правительством РФ [3].

По сути, выбранный сценарий экономического развития новых территорий является алгоритмом национализации имущества и его возвращения в правовой оборот.

С ранее выбранной формой внешнего управления возникает коллизия на уровне международного права. Имущество, находящееся в таком статусе, обладает первоначальным собственником, который зачастую не является резидентом Российской Федерации, и может находиться на территории любого недружественного Российской Федерации государства или на территории, временно принадлежащей Украине. Чтобы разрешить эту коллизию собственность сначала необходимо передать в собственность Российской Федерации, а затем Фонд на полном законном основании – может передать это имущество в аренду российским резидентам с последующим выкупом. Механизм позволяет узаконить отношения, которые уже сложились. Это форма национализации и вовлечения в гражданский правовой оборот.

В доверительном управлении на новых территориях находится обширный пласт разнообразного имущества. Главам новых территорий были направлены соответствующие письма о его национализации и передаче в российскую юрисдикцию.

В сложившихся условиях высоки уголовно-правовые и криминологические риски различных злоупотреблений при оформлении объектов недвижимости как юридическими, так и физическими лицами и хищений чужого недвижимого имущества, что может привести к негативным последствиям в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Справедливости ради следуют отметить, что не все авторы разделяют точку зрения, что хищение такого предмета как недвижимое имущество вообще возможно. Так, Е. В. Белов [4, с. 9] и А.А. Клепицкий [5, с. 1] считают, что такие деяния должны квалифицироваться как приобретение права на имущество, но есть и альтернативные точки зрения [6, с. 68; 7, с. 34-37; 8, с. 45-57; 9], которые мы поддерживаем.

Актуальность исследования этого вопроса не вызывает сомнений. На его урегулирование направлены усилия представителей всех правоохранительных органов Российской Федерации. Так, Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов на встрече с президентом России Владимиром Путиным в январе 2024 г. коснулся вопроса возможных нарушений законодательства в новых субъектах страны.

В частности, Краснов сообщил президенту, что Генеральная прокуратура РФ следит за недопущением неправомерного отчуждения недвижимости на новых территориях [10].

Следует отметить, что такая работа и ранее велась на местах прокурорами новых республик РФ.

В качестве примера следует отметить действия Управления по надзору за исполнением законодательства Генеральной прокуратуры Донецкой Народной Республики, сотрудники которой ещё в ноябре 2018 г. рассмотрели обращение гражданина «Н» на незаконные действия сотрудников Министерства доходов и сборов ДНР и Фонда государственного имущества ДНР, выразившиеся в отчуждении (как бесхозяйного) имущества, принадлежащего ему на праве частной собственности.

Проверкой установлено, что недвижимое имущество заявителя (имущественный комплекс зданий) было оформлено Министерством доходов и сборов ДНР, как бесхозяйное. Приказом ФГИ ДНР на указанное имущество введено государственное управление и определен орган, уполномоченный им управлять – Министерство доходов и сборов ДНР.

Генеральной прокуратурой Донецкой Народной Республики в адрес Фонда государственного имущества Донецкой Народной Республики направлено требование о рассмотрении указанного обращения в части, касающейся Решения Межведомственной комиссии по вопросам государственного управления бесхозяйным недвижимым имуществом, с учетом ответа Министерства доходов и сборов ДНР «О целесообразности государственного управления в отношении указанного объекта», а также документов, подтверждающих право собственности заявителя.

По результатам рассмотрения указанного требования, Межведомственной комиссией по вопросам государственного управления бесхозяйным недвижимым имуществом имущество, принадлежащее гражданину «Н» на праве частной собственности, выведено из государственного управления и возвращено заявителю [11].

Говоря о хищениях, злоупотреблениях и других криминальных составляющих при регистрации прав на недвижимость гражданами, следует отметить такие примеры из правоприменительной практики.

По данным следствия, с 2019 г. до 2022 г. обвиняемые, действуя по предварительному сговору, с целью незаконного завладения земельными участками изготовили поддельные решения исполнительного комитета различных городских советов народных депутатов Республики Крым о выделении участков для ведения индивидуального садоводства, жилищного строительства, а также личного подсобного хозяйства. Затем, действуя совместно с неустановленными должностными лицами, изъяли архивные дела, после чего оригиналы документов заменили на поддельные.

В результате чего земельным участкам, расположенным на территории Республики Крым, были присвоены кадастровые номера, незаконно зарегистрировано право собственности, что причинило Республике Крым имущественный ущерб на сумму свыше 10 млн. рублей.

Интересным является факт махинаций с недвижимым имуществом в ЛНР. По данным на октябрь этого года правоохранители Луганской Народной Республики вскрыли схему, по которой украинские чиновники и силовики пытались продать недвижимость на территории ЛНР [12]. Так, источник сообщил РИА Новости, что сотрудники Службы безопасности Украины, жившие в Луганске до 2014 г., массово пытаются продать свои квартиры в городе.

«Согласно законодательству, действующему на территории ЛНР, для продажи квартиры или другого недвижимого имущества, требовалось в ряде случаев личное присутствие на территории Республики. Как мы знаем, украинским чиновникам и силовикам сюда въезд запрещен, на многих из них возбуждены уголовные дела, против ряда введены санкции. Но, несмотря на это, их имущество, в том числе квартиры и дома в ЛНР, начали продаваться».

Особенная активность возникла в 2023 г., и конечно большинство сделок удалось предотвратить, однако в ходе оперативной работы были выявлены и уже проведенные ранее сделки, в том числе с участием сотрудников СБУ Украины. Так, бывший пресс-секретарь управления СБУ в Луганской области Юлия Еременко и сотрудник СБУ Александр Попович, вступив в сговор с нотариусами ЛНР, провели сделки по продаже имущества в Луганске.

Доверенности были оформлены дистанционно, без личного присутствия, сделки были проведены. Обычные жители Республики, купившие данное имущество, получается, приобрели его незаконно и стали невольными участниками преступной схемы.

Такие случаи необходимо выявлять ещё на этапе их подготовки и своевременно предотвращать.

Есть факты мошенничеств с выплатами за жилье, разрушенное и поврежденное в результате боевых действий. Так, 27 сентября сотрудники полиции задержали подозреваемого в мошенничестве с такими выплатами в городе Ясиноватая Донецкой Народной Республики, который часто подвергается обстрелам со стороны Вооруженных сил Украины. Полицейские установили, что фигурант подделал сведения о материальном ущербе» [13].

«В ходе оперативных мероприятий полицейские установили, что фигурант обратился в городскую администрацию с заявлением о получении компенсации за жилье, поврежденное в результате боевых действий. Из корыстных побуждений мужчина предоставил заведомо ложные сведения о нанесенном ему материальном

ущербе, в результате чего завладел государственными денежными средствами в размере 1 255 000 рублей».

По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат, совершенное в особо крупном размере).

С учётом этих данных и на основании исследованной практики применения уголовного законодательства по фактам злоупотреблений и хищений чужого недвижимого имущества на территориях новых республик приходим к выводу, что необходимо в краткосрочной перспективе наметить комплекс оперативных и профилактических мер, направленных на недопущения прироста количества подобных преступлений. В связи с чем, направить все усилия органов исполнительной власти, правоохранительных органов, организаций и граждан на противодействие мошенничествам в указанной сфере. Создать систему реальных противовесов деятельности мошенников, информировать граждан о подобных случаях, создать горячую линию, на которую граждане смогут сообщать информацию о злоупотреблениях с недвижимостью с целью своевременного пресечения и нейтрализации подобных преступлений на территориях новых субъектов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2501 «Об утверждении особенностей управления и распоряжения отдельными объектами имущества, расположенными на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, находящимися в государственной или муниципальной собственности, а также разграничения имущества между Российской Федерацией, каждым из указанных субъектов Российской Федерации и его муниципальными образованиями» Доступ: СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства РФ от 17.05.2023 № 768 «О внесении изменений в особенности управления и распоряжения отдельными объектами имущества, расположенными на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, находящимися в государственной или муниципальной собственности, а также разграничения имущества между Российской Федерацией, каждым из указанных субъектов Российской Федерации и его муниципальными образованиями». Доступ: СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 7 октября 2017 г. № 1231 «О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ КОМПАНИИ «ФОНД РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ». Доступ: СПС КонсультантПлюс.
4. Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере: способы совершения и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.
5. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения или вымогательства // Государство и право. 2000. N 12. С. 11 - 19.
6. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. М., 1996. С. 68.
7. Семенов В.М. О понятии предмета хищения // Российский следователь. 2005. № 9. С. 34 - 37.
8. Шульга А.В. Хищение недвижимого имущества или приобретение права на недвижимое имущество: вопросы теории и практики // Научный журнал КубГАУ, №132(08), 2017. С. 45 – 57.
9. Пильников, А. А. Шутова, Е. В. Фоменко Уголовно-правовая и криминологическая характеристика отдельных видов хищений чужого имущества: закон, теория, практика : монография, Москва: «Прспект», 2021. - 96 с.
10. Генпрокурор России пообещал не допустить махинаций с недвижимостью в ЛДНР в переходный период. Режим доступа: <https://novorosinform.org/genprokuror-rossii-poobeshal-ne-dopustit-mahinacij-s-nedvizhimostyu-v-ldnr-v-perehodnyj-period-112373.html>. Дата обращения: 09.03.2024.
11. Незаконно изъятое недвижимое имущество возвращено частному собственнику. Режим доступа: <http://gpdnr.su/news/736-nezakonno-izyatoe-nedvizhimoe-imuschestvo-vozvrashcheno-chastnomu-sobstvenniku.html>. Дата обращения: 09.03.2024.
12. Источник: вскрыта схема продажи украинскими чиновниками недвижимости в ЛНР. Режим доступа: <https://ria.ru/20231010/kvartiry-1901880740.html>. Дата обращения: 09.03.2024.
13. В ДНР задержали мужчину по делу о мошенничестве с компенсацией за жилье. Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/18855419>. Дата обращения: 09.03.2024.

E. V. Fomenko. On the issue of preventing theft when registering rights to real estate in new territories of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 314–318.

The article analyzes the features of the crime situation that has developed in the new territories of the Russian Federation in connection with problems in the process of registering ownership of real estate. As a result of the studied practice of applying criminal legislation in cases of theft of other people's real estate in the territories of the new republics using general and private scientific research methods, the author comes to the conclusion that it is necessary in the short term to outline a set of operational and preventive measures aimed at preventing an increase in the number of such crimes. In this regard, direct all efforts of executive authorities, law enforcement agencies, organizations and citizens to combat fraud and other selfish crimes in this area.

Key words: theft when registering rights to real estate, real estate fraud, nationalization and transfer to Russian jurisdiction of real estate in new territories of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 dekabrya 2022 g. № 2501 «Ob utverzhdenii osobennostej upravleniya i rasporyazheniya otdel'nymi ob'ektami imushchestva, raspolozhennymi na territoriyah Doneckoj Narodnoj Respubliki, Luganskoj Narodnoj Respubliki, Zaporozhskoj oblasti i Hersonskoj oblasti, nahodyashchimisya v gosudarstvennoj ili municipal'noj sobstvennosti, a takzhe razgranicheniya imushchestva mezhdru Rossijskoj Federaciej, kazhdym iz ukazannyh sub'ektov Rossijskoj Federacii i ego municipal'nymi obrazovaniyami» Dostup: SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.05.2023 № 768 «O vnesenii izmenenij v osobennosti upravleniya i rasporyazheniya otdel'nymi ob'ektami imushchestva, raspolozhennymi na territoriyah Doneckoj Narodnoj Respubliki, Luganskoj Narodnoj Respubliki, Zaporozhskoj oblasti i Hersonskoj oblasti, nahodyashchimisya v gosudarstvennoj ili municipal'noj sobstvennosti, a takzhe razgranicheniya imushchestva mezhdru Rossijskoj Federaciej, kazhdym iz ukazannyh sub'ektov Rossijskoj Federacii i ego municipal'nymi obrazovaniyami». Dostup: SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 oktyabrya 2017 g. № 1231 «O PUBLICHNO-PRAVOVOJ KOMPANII «FOND RAZVITIYA TERRITORIJ». Dostup: SPS Konsul'tantPlyus.
4. Belov E.V. Moshennichestvo s nedvizhimost'yu v zhilishchnoj sfere: sposoby soversheniya i problemy kvalifikacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. S. 9.
5. Klepickij I.A. Nedvizhimost' kak predmet hishcheniya ili vymogatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2000. N 12. S. 11 - 19.
6. Gauhman L.D., Maksimov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere ekonomiki. M., 1996. S. 68.
7. Semenov V.M. O ponyatii predmeta hishcheniya // Rossijskij sledovatel'. 2005. № 9. S. 34 - 37.
8. SHul'ga A.V. Hishchenie nedvizhimogo imushchestva ili priobretenie prava na nedvizhimoe imushchestvo: voprosy teorii i praktiki // Nauchnyj zhurnal KubGAU, №132 (08), 2017. S. 45 – 57.
9. Pil'nikov, A. A. SHutova, E. V. Fomenko Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya harakteristika otdel'nyh vidov hishchenij chuzhogo imushchestva: zakon, teoriya, praktika : monografiya, Moskva: «Prospekt», 2021. - 96 s.
10. Genprokuror Rossii poobeshchal ne dopustit' mahinacij s nedvizhimost'yu v LDNR v perekhodnyj period. Rezhim dostupa: <https://novorosinform.org/genprokuror-rossii-poobeshchal-ne-dopustit-mahinacij-s-nedvizhimostyu-v-ldnr-v-perehodnyj-period-112373.html>. Data obrashcheniya: 09.03.2024.
11. Nezakonno iz'yatoe nedvizhimoe imushchestvo vozvrashcheno chastnomu sobstvenniku. Rezhim dostupa: <http://gpdnr.su/news/736-nezakonno-izyatoe-nedvizhimoe-imushchestvo-vozvrashcheno-chastnomu-sobstvenniku.html>. Data obrashcheniya: 09.03.2024.
12. Istochnik: vskryta skhema prodazhi ukrainskimi chinovnikami nedvizhimosti v LNR. . Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20231010/kvartiry-1901880740.html>. Data obrashcheniya: 09.03.2024.
13. V DNR zaderzhali muzhchinu po delu o moshennicestve s kompensaciej za zhil'e. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/proisshestiya/18855419>. Data obrashcheniya: 09.03.2024.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 342

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КАЧЕСТВЕННОГО И ЭФФЕКТИВНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ
С НАСЕЛЕНИЕМ АДМИНИСТРАТИВНОГО УЧАСТКА**

Кудовба О. Н., Куряшкин А. Н.

В статье автор анализирует эффективность взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением административного участка, как важнейшего средства профилактики административных правонарушений и преступлений; рассматривает формы несения службы участкового уполномоченного полиции, как средство взаимодействия с гражданами; уделяет внимание государственному контролю, общественному контролю, судебному контролю и надзору, прокурорскому надзору за деятельностью полиции, которые играют важную роль в повышении качества и эффективности взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением административного участка. Кроме того, автор отмечает актуальные проблемные вопросы организации службы участковых уполномоченных полиции, которые затрудняют исполнение служебных обязанностей и приводят к возникновению негативного психологического климата в коллективе, снижению престижа службы, нежеланию продолжать работу в органах внутренних дел, и, как следствие, к высокому некомплекту и утрате профессионального ядра.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, административный участок, административное правонарушение, преступление, органы внутренних дел, общественное место, общественный порядок, профилактический обход, индивидуальная профилактическая беседа, государственный контроль, общественный контроль, судебный контроль (надзор), прокурорский надзор.

Какие бы реорганизации не происходили сегодня в нашей стране, в том числе и вызванные событиями мирового масштаба, служба участковых уполномоченных полиции (далее УУП) сегодня является одним из основных подразделений полиции, наиболее приближенных к проблемам защиты прав и свобод граждан, а также ведущим субъектом профилактической деятельности, что обусловлено ее генезом и современной моделью организации [1, с. 149–155]. УУП остаются основными представителями органов внутренних дел на обслуживаемом участке, которые, в первую очередь, призваны заниматься профилактикой правонарушений и преступлений, так как с увеличением числа гражданских конфликтов, массовых мероприятий, а также угроз террористических актов, различных правонарушений и преступлений. Роль УУП в поддержании общественного порядка становится все более значимой. Использование административно-правовых средств позволяет им оперативно реагировать на возникающие ситуации и предотвращать возможные правонарушения.

Решение современных проблем, возникающих в деятельности УУП, связанных с эффективностью взаимодействия населения и органов правопорядка, является одной из актуальных задач, стоящих перед органами внутренних дел.

Наличие подобных проблем, прежде всего, обусловлено обстоятельством, выражающемся в наличии в современном обществе правового нигилизма, а также нежелании некоторых граждан адекватно реагировать на деятельность УУП, осуществляемую на определенном административном участке [2, с. 36].

Вообще, характеризуя современное российское общество мы должны понимать, что сама по себе эффективность выступает важнейшим критерием анализа деятель-

ности специалиста системы профессий «человек-человек». Профессия сотрудника органов внутренних дел, как и непосредственная деятельность УУП на административном участке, относится к данному типу, поскольку связана с реализацией функций права в социальной сфере. Другими словами, защищая жизнь, здоровье, права и свободы граждан, интересы общества и государства в целом от преступных посягательств УУП вынужден, определенным образом, общаться с разными людьми, воздействуя на их правосознание и поведение, прежде всего с целью недопущения различного рода противоправных действий с их стороны.

Проблема эффективности взаимодействия УУП с населением административного участка, как важнейшее средство профилактики правонарушений и преступлений, многогранна и связана, прежде всего, с феноменом социально-психологической компетентности — способности личности к эффективному взаимодействию с окружающими людьми, включенными в систему межличностных отношений.

Комплексное изучение исследуемой проблемы требует на сегодняшний день от нас научного анализа базовых слагаемых указанного вида деятельности сотрудников органов внутренних дел, к числу которых относятся знания и умения, связанные с уверенным ориентированием в возникающих ситуациях, правильной оценкой личностных особенностей и эмоциональных состояний людей, находящихся на административном участке, выбором адекватных способов обращения с ними и реализацией этих способов в процессе взаимодействия.

Помимо этого, исследуя вопросы эффективности взаимодействия УУП с населением административного участка, как важнейшего средства профилактики правонарушений и преступлений, необходимо учитывать специфику профессионального общения сотрудника органов внутренних дел, прежде всего связанную с использованием властных полномочий, наличием процессуальной регламентации подобного общения, а также наличия высокого уровня психоэмоционального напряжения. Важно понимать, что профилактика правонарушений и преступлений, осуществляемая в отношении некоторых граждан, напрямую сопряжена с наличием конфликтного характера, поскольку вопрос о соотношении индивидуальной профилактики, осуществляемой полицией в отношении конкретных лиц, к системе полицейского надзора, ученых-административистов интересует на протяжении длительного времени [3, с. 17].

В подтверждение подобной точки зрения следует учитывать позицию ряда авторов, считающих, что персонифицированный полицейский надзор является частью индивидуальной профилактики, осуществляемой в отношении довольно узкой категории лиц, чье правовое положение не только фиксируется, но и изменяется вследствие самого факта взятия под надзор [4, с. 12]. В данном случае мы рассматриваем тех лиц, которые в большей степени нуждаются как в персональном контроле со стороны сотрудников полиции, так и в помощи со стороны населения, в проводимой с ними воспитательной и иной работе, направленной на профилактику нарушений закона. В отношении указанной категории лиц УУП осуществляется индивидуальная профилактика.

Говоря об актуальности данной проблемы, не стоит забывать, что эффективность взаимодействия УУП с населением административного участка, как важнейшее средство профилактики правонарушений и преступлений напрямую зависит и от

цивилизованности нашего государства, культуры поведения граждан, как в быту, так и в общественных местах.

В рамках рассмотрения данного вопроса необходимо отчетливо понимать, что поведение граждан, их отношение к правопорядку и соблюдение общепризнанных норм поведения на улицах, в парках, на стадионах, в транспортных средствах общего пользования и иных общественных местах характеризует правовое государство и способствует развитию правового общества. При этом, эффективное достижение целей качественного взаимодействия УУП с населением административного участка требует высокого уровня повседневного взаимодействия и координации совместных действий всех заинтересованных сторон и ведомств, реализации комплекса организационно-правовых и материально-технических мероприятий.

Эти и другие проблемы требуют изучения вопросов эффективности взаимодействия УУП с населением административного участка, и указывает на актуальность данного вопроса.

Повышение эффективности взаимодействия УУП с населением административного участка, как важнейшее средство профилактики правонарушений и преступлений не получили широкого освещения в научных публикациях. Вместе с тем, необходимо отметить, что значительный вклад в отечественную юридическую науку по отдельным вопросам исследуемого вопроса привнесли следующие такие ученые, как И.А. Адмиралова, А.В. Безруков, О.И. Бекетов, С.А. Гаврилин, Д.О. Новиков, И.Б. Пономарев, Н.Л. Редько, В.Л. Цветков и др.

Прежде чем, рассматривать эффективность взаимодействия УУП, необходимо определить правовую базу, на основании которой осуществляется регулирование этой деятельности и, соответственно, правовые основы, которые заложены в этой нормативной базе. УУП как государственный служащий и сотрудник полиции при осуществлении своей деятельности руководствуется Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ и нормативными правовыми актами Правительства РФ, а также нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

В соответствии с трактовками современного законодательства РФ – «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [5].

Соответственно, мы полагаем, что в составе наиболее значимых функционально ориентированных критериев механизма правоохранительной деятельности УУП устойчиво определяются запросы общества к следующим параметрам: всестороннее и безусловное обеспечение безопасности личности; соблюдение юридической логики в последовательном предупреждении и при пресечении преступлений и административных правонарушений; доказательное оформление правомерных действий УУП при выявлении и раскрытии преступлений; соблюдение правовых гарантий граждан и организаций при охране общественного порядка и в ходе обеспе-

чения общественной безопасности; юридически аргументированная система защиты частной, муниципальной, государственной и иных форм собственности; соблюдение правил максимально прозрачных для общественного мнения форматов при оказании помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных конституционным законодательством.

Служебная деятельность УУП предполагает решение комплекса задач, связанных с профилактикой и выявлением административных правонарушений, преступлений, осуществлением профилактической работы с различными категориями граждан.

В настоящее время очень актуальна проблема эффективности взаимодействия УУП с населением по вопросам профилактики правонарушений и преступлений. В связи с имеющимся недоверием граждан к полиции, в целом, затрудняется деятельность УУП, направленная на предупреждение, пресечение и раскрытие правонарушений и преступлений на административном участке.

УУП является крайне важным связующим звеном между населением и сотрудниками органов внутренних дел, так как именно УУП «ближе» всего к населению – он является представителем власти на закрепленном административном участке, что во многом предопределяет универсальный характер его деятельности, требует высокого профессионализма, знания оперативно-розыскной деятельности, оперативной обстановки на обслуживаемой территории. Эффективное законодательное регулирование деятельности этого правоохранительного института способствует эффективному функционированию самого института, а это, в свою очередь, будет способствовать более тщательной защите конституционных прав и свобод граждан, предупреждению совершения правонарушений, создающих препятствия для реализации этих прав и свобод. Все это определяется достаточно обширными обязанностями УУП. Все обязанности УУП можно разделить на основные (устанавливаются федеральными законами) и особые (устанавливаются Наставлениями, в том числе Приказом МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»).

Основными формами несения службы УУП являются: профилактический обход административного участка, рассмотрение обращений граждан, индивидуальная профилактическая работа, прием граждан, отчеты перед населением о проделанной работе [6]. Под формами несения службы понимается урегулированные преимущественно административным законодательством однородные по своему характеру и правовой природе группы действий, с помощью которых обеспечивается выполнение возложенных на УУП служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке [7, с. 130-135].

Профилактическая деятельность УУП предполагает совершение ряда действий, призванных распознать потенциально возможные ситуации совершения административного правонарушения, преступления и потенциально возможных субъектов правонарушителей, преступников на административном участке, а также предотвратить противоправный исход этих ситуаций и противоправные действия этих субъектов. УУП должен осуществлять обход территории своего административного участка, в том числе различные здания, сооружения, строения, важные объекты жизнеобеспечения, знакомиться с жителями, собственниками объектов, особое

внимание уделяя информации, полученной от жителей и в ходе визуального наблюдения, гражданам, которые проживают с нарушением правил регистрации, с нарушением режима пребывания на территории Российской Федерации, лицам, склонным к совершению бытовых и иных преступлений, административных правонарушений, имеющим оружие, осужденным за совершение преступлений, в том числе условно, досрочно-освобожденным из мест лишения свободы, страдающим алкоголизмом, наркоманией, психическими расстройствами, несовершеннолетним, состоящим на учете в подразделении по делам несовершеннолетних. УУП должен знать о том, с какими проблемами сталкиваются или могут столкнуться граждане, а также кто потенциально способен к совершению противоправных действий с учетом семейного положения, образа жизни, занятости или ее отсутствия и т.д., уделяя наиболее пристальное внимание тем гражданам, которые находятся в положении и ситуациях, способных подтолкнуть их совершению противоправных действий и стать катализирующим фактором. Стоит отметить, что у каждого УУП своя специфика обслуживания закрепленного административного участка [2, с. 36]. Только при непосредственном знакомстве и систематическом контакте УУП с гражданами, УУП сможет произвести качественный и эффективный анализ ситуации на административном участке и выработать свою стратегию более эффективного поддержания правопорядка и защиты прав и интересов граждан. Именно систематическая и последовательная профилактическая деятельность, которая способна предотвратить совершение ряда административных правонарушений и преступлений, является ответственной для УУП при осуществлении им служебных обязанностей.

Также в обязанности УУП входит прием и рассмотрение в порядке, предусмотренном административным законодательством и иными нормативными правовыми актами, заявлений и обращений граждан, проживающих на территории его административного участка, и прием граждан, а также проведение с вышеуказанными гражданами индивидуальной профилактической работы, используя такие формы воздействия как правовое информирование, профилактическая беседа, объявление предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений или административных правонарушений, профилактический учет, административный надзор.

При рассмотрении обращений сотрудник полиции имеет право направлять запросы, касающиеся рассмотрения и разрешения обращения; выяснять факты и обстоятельства по обращению; пользоваться различными информационными базами органов внутренних дел РФ.

Помимо этого сотрудник полиции должен обеспечить законную, всестороннюю и полную проверку обращения, неразглашение личных данных гражданина, сохранность и конфиденциальность документов, относящихся к предмету проверки обращения, принятие законного и обоснованного решения по результатам проверки.

Прием граждан является важным источником информации о состоянии и уровне преступности на административном участке, а также иллюстрирует эффективность проводимой профилактической работы. При общении с гражданами важно проявлять тактичное и вежливое отношение, проявлять внимание и терпеливость, не допускать нравственного или физического насилия. Необходимо продемонстрировать гражданину уважительное и неравнодушное отношение, так как при оценке дея-

тельности УУП важен не только профессионализм, но и культура общения сотрудника, что значительно повышает его авторитет среди населения.

Немаловажен в деятельности УУП и отчет перед населением с целью решения задач по всестороннему и объективному информированию граждан, проживающих на территории административного участка, о деятельности сотрудников полиции, проделанной работе, оперативной обстановке, обеспечения открытости и публичности, повышения уровня доверия граждан к сотрудникам органов внутренних дел и их правовой грамотности, выяснения проблемных вопросов у жителей, оказания своевременной помощи в рамках полномочий сотрудников полиции и получения объективной оценки своей деятельности.

Можно сделать вывод о том, что деятельность УУП основана на коммуникации и взаимодействии с гражданами. Общественное доверие является основой его эффективной деятельности, направленной на предупреждение совершения преступлений и правонарушений, выявление причин и условий, способствующих их совершению, и устранению в пределах своей компетенции. Сотрудник полиции должен вызывать доверие, чтобы при возникновении проблем у граждан, они могли обратиться к УУП с уверенностью в помощи. При этом важно помнить, что список всех обязанностей УУП, предусмотренный нормативными правовыми актами, не является исчерпывающим, он может привлекаться и к выполнению иных обязанностей по службе, так как ему крайне важно быть в частом контакте с населением и взаимодействовать с очень разными категориями граждан: как законопослушными гражданами, так и гражданами, которые потенциально могут быть правонарушителями, преступниками и с гражданами, уже совершившими правонарушение или преступление, а также с близкими родственниками данных граждан.

Взаимодействие УУП с гражданами происходит и путем обмена информацией, совместных действий по выявлению и раскрытию правонарушений и преступлений и применения общих мер профилактического воздействия. Соседи, особенно в многоквартирных домах, зачастую знают друг о друге достаточно много информации и в случае подозрительного поведения кого-либо могут сообщить сотруднику полиции об этом факте, чтобы последний, в свою очередь, проверил информацию и своевременно предотвратил преступление или иное противоправное деяние. Также граждане могут помочь в розыске подозреваемого лица, либо выдвинуть предположение, что лицо может быть причастно к тому или иному противоправному деянию.

Необходимо отметить, что УУП должен осуществлять свою деятельность в рамках закона и соблюдать права и свободы граждан, именно поэтому важная роль в повышении качества и эффективности взаимодействия УУП с населением административного участка отведена государственному контролю, общественному контролю, судебному контролю и надзору, прокурорскому надзору за деятельностью полиции, осуществляемому руководством министерства внутренних дел Российской Федерации, территориального органа МВД России на районном уровне и начальником подразделения, прокуратуры и судебными органами, Правительством РФ, палатой Федерального собрания РФ, Президентом РФ в пределах полномочий, определяемых законодательством РФ, а также гражданами РФ и общественными объединениями.

Так, в соответствии с Приказом МВД России от 29.03.2019 г. № 205, руководство территориального органа принимает меры по исключению необоснованного при-

влечения УУП к выполнению обязанностей, не предусмотренных их основными задачами; организует материально-техническое, кадровое и социально-бытовое обеспечение; организует, обобщает и анализирует эффективность и результаты работы УУП; обеспечивает взаимодействие УУП с другими подразделениями органа внутренних дел, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами, судебными органами [6].

Начальник подразделения также организует, контролирует, проверяет и координирует всю деятельность УУП и оказывает необходимую практическую помощь [6].

Прокурорский надзор за деятельностью УУП заключается в проверке соблюдения законодательства Российской Федерации при осуществлении служебной деятельности, законности и обоснованности принятых решений, недопущения нарушений прав и свобод человека и гражданина, а также принятии мер по устранению причин и условий, способствующих нарушению, с последующим инициированием привлечения к ответственности [5; 9].

Контроль (надзор) суда за деятельностью УУП осуществляется в процессе рассмотрения судьями поступающих из органов внутренних дел материалов и дел при осуществлении уголовно-процессуальной, административно-юрисдикционной и оперативно-разыскной деятельности, а также в ходе рассмотрения жалоб и заявлений граждан и организаций, протестов прокурора по поводу действий должностных лиц полиции [5; 9].

Граждане РФ и общественные объединения, в соответствии с законодательством РФ, также осуществляют общественный контроль, проверку, анализ и общественную оценку принятых органами внутренних дел решений в целях обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; общественного мнения; повышения уровня доверия граждан к деятельности полиции; прозрачности и открытости деятельности полиции; формирования нетерпимости к коррупционному поведению [5, 10].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что для выполнения всех своих должностных обязанностей УУП должен обладать профессиональными знаниями и навыками практически по всем направлениям деятельности полиции. УУП играют ключевую роль в реализации ее основных направлений, профиль их работы связан с общением с гражданами по месту жительства. Предназначение службы состоит в обеспечении правопорядка на вверенной УУП территории, выстраивании конструктивного взаимодействия с гражданами, завоевании прочного доверия населения к полиции, повышении правовой культуры в обществе, своевременном и эффективном реагировании на совершаемые правонарушения, преступления и иные противоправные действия, выявлении и устранении причин и условий, им способствующих.

Кроме того, необходимо отметить, что эффективность деятельности УУП во многом зависит от обстоятельств, затрудняющих исполнение служебных обязанностей. Так, например, 30.03.2020 г. была разработана Концепция развития службы УУП территориальных органов МВД России на 2020–2023 годы, утвержденная приказом МВД России от № 191, которая определяла комплекс мер, направленных на устойчивое развитие данной службы, совершенствование ее потенциалов, реализация которых позволит наиболее эффективно выполнять поставленные руководством страны и МВД РФ задачи.

В результате анализа работы в указанном направлении были выявлены проблемные вопросы организации службы УУП. В настоящее время остается актуальной практика систематического привлечения УУП к выполнению задач, не связанных с обслуживанием административного участка; поручения УУП проверок по зарегистрированным заявлениям и сообщениям о преступлениях экономической направленности, тяжких и особо тяжких преступлениях или заявлениям и сообщениям, не относящимся к компетенции полиции, что создает неприемлемые условия труда и недопустимую перегруженность в работе сотрудников. Это приводит к тому, что значительное время административные участки остаются без должного профилактического внимания. Ежегодное увеличение нагрузки на УУП в условиях сокращения их штатной численности влияет на качество служебной деятельности и отток кадров из подразделений. Ситуация усугубляется недостаточным материально-техническим обеспечением, а также недостатками в реализации социальных гарантий сотрудников полиции [11].

Перечисленные обстоятельства приводят к возникновению негативного психологического климата в коллективе, снижению престижа службы, нежеланию продолжать работу в органах внутренних дел, и, как следствие, к высокому некомплекту и утрате профессионального ядра.

Рациональным стимулом для «закрепления» сотрудников на указанных должностях, привлечения квалифицированных специалистов и одним из способов сокращения оттока кадров в подразделениях УУП является исключение обстоятельств, способствующих необоснованному привлечению УУП к выполнению обязанностей, не предусмотренных их основными задачами, взамен их основной деятельности; обеспечение распределения нагрузки по рассмотрению обращений граждан, заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, между уполномоченными на их проверку должностными лицами органов внутренних дел, с учетом установленной компетенции; обеспечение равномерного распределения нагрузки между УУП в соответствии с расчетными нормативами численности; повышение уровня материально-технического обеспечения службы; повышение уровня обеспеченности УУП служебными жилыми помещениями на обслуживаемой территории; повышение уровня социальных гарантий и денежного довольствия УУП [11].

Подводя итог вышеизложенному можно сделать вывод о том, что УУП всегда были и остаются основным связующим звеном органов внутренних дел с населением, проживающим на определенном административном участке. Населением они всегда воспринимаются как наиболее доступные, а иногда и единственные представители власти, поэтому по результатам работы УУП формируются и общественное мнение, и доверие граждан к работе полиции в целом. Своевременный и результативный отклик представителя власти, каким является УУП, способствует целям восстановления утраченного авторитета органов внутренних дел и доверия населения [12, с. 134]. Направленность деятельности УУП вытекает из национальных интересов страны и имеет в качестве приоритета устойчивое развитие общества и государства в целом. Достижение такого равновесия особенно важно, так как противоречия интересов личности и государства неблагоприятно сказываются на состоянии общества, подрывают авторитет закона, снижают уровень правосознания и приводят к кризису государственной власти [13, с. 69–79].

Список литературы:

1. Заброда Д.Г., Осяк А.Н. Основные направления совершенствования форм несения службы участковым уполномоченным полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. С. 149-155 (дата обращения: 26.02.2023).
2. Безруков А.В., Тепляшин И.В. Роль общественности в укреплении конституционного правопорядка в России // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 36 (дата обращения: 26.02.2023).
3. Лебедев С.Я. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. М., 2018. С. 17 (дата обращения: 26.02.2023).
4. Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 12 (дата обращения: 26.02.2023).
5. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
6. Приказ МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/>
7. Заброда Д.Г. классификация форм несения службы участковым уполномоченным полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. С. 130-135 (дата обращения: 26.02.2023).
8. Столбина Л.В., Озеров И.Н., Северин Н.Н., Домрачёва Е.Ю. Обеспечение прав несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в статических и динамических аспектах // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 172–179.
9. Криминальная среда как объект оперативно-разыскной деятельности (теоретический и прикладной аспекты): монография / О.Б. Абакумов, А.В. Богданов, А.В. Воронцов [и др.]. – Москва, 2014. – С. 332 (дата обращения: 26.02.2023).
10. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
11. Федеральный закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
12. Приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 «Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 - 2023 годы» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
13. Шумакова Е. В. Специфика действий участкового уполномоченного полиции при приеме граждан, рассмотрении обращений / Е. В. Шумакова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2023. – № 23-2. – С. 134 (дата обращения: 26.02.2023).
14. Уманская В.П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть закона. – 2017. – № 1 (29). – С. 69-79 (дата обращения: 26.02.2023).

O.N. Kudovba, A.N. Kuryashkin. On some aspects of the investigation of administrative offenses in the field of road safety // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 319–328.

In the article, the author analyzes the effectiveness of interaction between the local police commissioner and the population of the administrative district, as the most important means of preventing administrative offenses and crimes; considers the forms of service of the local police commissioner as a means of interaction with citizens; pays attention to state control, public control, judicial control and supervision, prosecutorial supervision of police activities, which play an important role in improving the quality and efficiency of interaction between the local police commissioner and the population of the administrative district. In addition, the author notes current problematic issues of organizing the service of local police commissioners, which make it difficult to perform official duties and lead to the emergence of a negative psychological climate in the team, a decrease in the prestige of the service, reluctance to continue working in the internal affairs bodies, and, as a consequence, to a high shortage and loss of the professional core.

Keywords: local police commissioner, administrative district, administrative offense, crime, internal affairs bodies, public place, protection of public order, ensuring public safety, preventive rounds, individual preventive conversation, state control, public control, judicial control (supervision), prosecutorial supervision.

Spisok literatury:

1. Zabroda D.G., Osiyak A.N. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya form neseniya sluzhby uchastkovym upolnomochennym policii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. С. 149-155 (data obrashcheniya: 26.02.2023).

2. Bezrukov A.V., Teplyashin I.V. Rol' obshchestvennosti v ukreple-nii konstitucionnogo pravoporyadka v Rossii // Rossijskoe pravo: obra-zovanie, praktika, nauka. 2018. № 3 (105). S. 36 (data obrashcheniya: 26.02.2023).
3. Lebedev S.YA. Preduprezhdenie prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij organami vnutrennih del. M., 2018. S. 17 (data obrashcheniya: 26.02.2023).
4. Beketov O.I. Policejskij nadzor: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. CHelya-binsk, 2011. S. 12 (data obrashcheniya: 26.02.2023).
5. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ «O policii» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 26.02.2023).
6. Prikaz MVD Rossii ot 29.03.2019 g. № 205 «O nesenii sluzhby uchastkovym upolnomochennym policii na obsluzhivaemom administrativnom uchastke i organizacii etoj deyatel'nosti» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 26.02.2023).
7. Zabroda D.G. klassifikaciya form neseniya sluzhby uchastkovym upolnomochennym policii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 4. S. 130-135 (data obrashcheniya: 26.02.2023).
8. Stolbina L.V., Ozerov I.N., Severin N.N., Domrachyova E.YU. Obespechenie prav nesovershennoletnih podozrevaemyh (obvinyaemyh) v staticheskikh i dinamicheskikh aspektah // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11. № 1. S. 172–179. 10. Kriminal'naya sreda kak ob'ekt operativno-razysknoj deyatel'nosti (teoreticheskij i prikladnoj aspekty): monografiya / O.B. Abakumov, A.V. Bogdanov, A.V. Voroncov [i dr.]. – Moskva, 2014. – S. 332 (data obrashcheniya: 26.02.2023).
9. Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 g. № 2202-I «O prokurature Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 26.02.2023).
10. Federal'nyj zakon ot 04.04.2005 g. № 32-FZ «Ob obshchestvennoj palate Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 26.02.2023).
11. Prikaz MVD Rossii ot 30.03.2020 № 191 «Ob utverzhdenii Koncepcii razvitiya sluzhby uchastkovyh upolnomochennyh policii territorial'nyh organov MVD Rossii na 2020 - 2023 gody» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 26.02.2023).
12. SHumakova E. V. Specifika dejstvij uchastkovogo upolnomochennogo policii pri prieme grazhdan, rassmotrenii obrashchenij / E. V. SHumakova // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2023. – № 23-2. – S. 134 (data obrashcheniya: 26.02.2023).
13. Umanskaya V.P. Balans publicnyh i chastnyh interesov v administrativnom prave // Vlast' zakona. – 2017. – № 1 (29). – S. 69-79 (data obrashcheniya: 26.02.2023).

УДК 342.9

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ППСП В РОССИИ – СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ

Коренюгин В. В., Челпанова М. М.
Ростовский юридический институт МВД России

Патрульно-постовая служба полиции играет ключевую роль в обеспечении общественного порядка и безопасности в современной России. Ее деятельность направлена на предотвращение преступлений, обеспечение публичного порядка, мониторинг дорожной безопасности и быстрое реагирование на происшествия. Организация и эффективность работы подразделений патрульно-постовой службы имеют важное значение для обеспечения безопасной и гармоничной жизни граждан. Рассмотрение методов и организационных аспектов работы этих подразделений является важным шагом в повышении их эффективности и оптимизации ресурсов.

Ключевые слова: правоохранительные органы, полиция, постовая служба полиции, ППСП, охрана порядка, общественная безопасность, правопорядок, маршрут патрулирования, защита прав человека, массовые мероприятия, безопасность дорожного движения.

2 сентября 1923 г. приказом №4 Центрального административного управления НКВД г. Москвы была утверждена «Инструкция постовому милиционеру», регламентирующая общие положения о постовой службе, права и обязанности. Этот нормативный правовой документ положил начало формированию современной патрульно-постовой службы полиции. В 1980-е гг. продолжалось дальнейшее усовершенствование деятельности патрульно-постовой службы. В частности, повысился вклад ППС и ГАИ в выявление и пресечение спекуляции винно-водочными изделиями, в борьбу с мелкой спекуляцией, улучшилось их взаимодействие в решении этих вопросов с БХСС и другими службами.

Развитие системы обеспечения безопасности общественного порядка началось с усиления работы патрульно-постовой службы, относящейся к территориальным подразделениям внутренних дел. В 1980-х годах состоялось создание подразделений ППС в каждом городе и значительном количестве поселков с численностью жителей свыше 20 тыс., что оказало существенное влияние на результативность и безопасность. Была повышена насыщенность и оперативность патрульных групп в местах массового скопления людей, особо активизировавшись в вечернее и ночное время [1, с. 112-117]. Планирование маршрутов патрулирования включало не только охват улиц, но и обеспечение контроля за входами в здания, дворами и другими потенциально важными для безопасности локациями.

К середине 1980-х уровень технического оснащения служб значительно возрос благодаря внедрению новых автомобилей, портативных радиостанций, систем видеонаблюдения и другого современного оборудования. При этом все активнее стали применяться достижения в области электроники.

Изменения затронули и структуру патрульно-постовой службы напрямую, где были сформированы независимые структурные единицы. Это позволило увеличить количество патрулей на улицах и в местах общего пользования. Особое внимание стало уделяться отбору и профессиональной подготовке сотрудников, что

усиливало общую эффективность работы в сфере обеспечения общественного порядка.

Интересный опыт предварительного изучения деловых и моральных качеств кандидатов ППС был накоплен в подразделениях УВД Курского облисполкома. Каждый кандидат проходил здесь своего рода стажировку: в качестве дружинника в течение трех месяцев патрулировал улицы вместе с милиционером. Сотрудник милиции без всяческих прикрас показывал ему сложности службы, учил его некоторым приемам работы и в то же время проверял подшефного в деле. Некоторые, кого тянула в милицию лишь романтика профессии не выдерживали и отказывались от своего намерения, другим приходилось отказывать вопреки их желанию. Кандидаты, с честью выдержавшие испытание, прочно утверждались в рядах стражей порядка.

Во второй половине 80-х гг. Министерство внутренних дел СССР большое значение уделяло обучению вновь поступивших, когда закладывались основы будущего мастерства. В конце 80-х гг. была значительно расширена база первоначального обучения на местах. В частности, в подразделениях широко было распространено наставничество, активизирована деятельность партийных и комсомольских организаций, политаппарата, приняты меры к повышению роли командного состава в воспитании подчиненных [2].

В этот период времени в стране сложилось немало передовых форм и методов организации патрульно-постовой службы. На основе всестороннего анализа и оценки оперативной обстановки была разработана и утверждена единая дислокация (размещения) сил милиции и народных дружинников в масштабах микрорайона, района, города и их эффективного использования для охраны общественного порядка и объектов народного хозяйства, в борьбе с преступностью, в обеспечении безопасности дорожного движения [3, с. 207-207]. При расстановке сил и средств различных служб милиции учитывалось прежде всего их прямое назначение.

Одной из результативных форм комплексного использования сил и средств являлась охрана правопорядка по системе патрульных участков.

Именно опыт такой работы был накоплен в г. Дзержинске Горьковской области. Город был разбит на 14 микрорайонов площадью от полутора до четырех квадратных километров. Здесь же работали с населением и участковые инспектора милиции. Таким образом, удалось добиться максимального объединения милиционеров ППС, участковых инспекторов и общественности. Увеличились возможности маневрирования нарядами как в пределах одного, так и на территории нескольких участков. Маршруты ППС были намечены так, чтобы с ними пересекались маршруты дорожно-постовой службы ГАИ, вневедомственной охраны, медицинских вытрезвителей. Управление нарядами обеспечивалось дежурными УВД с центрального пульта радиосвязи и непосредственно руководством ППС.

Наряды как правило, действовали в одном и том же жилом секторе. Это позволило повысить ответственность личного состава за выполнение поставленной задачи. Атмосферу спокойствия городов СССР, общественный порядок на улицах отмечали в тот период времени многие зарубежные гости. Корреспонденты ряда газет Америки называли Москву «городом без страха» [2]. Советская милиция показала образец несения службы, обеспечила высочайший уровень

общественного порядка и безопасности в Москве во время проведения XXII летней Олимпиады 1980 г. С тех пор, несмотря на множество изменений в обществе и законодательстве, основные задачи и ценности службы остались неизменными.

Преступления, осуществляемые в местах общего пользования, в том числе на улицах, негативно сказываются на экономическом благополучии и социальной стабильности страны, угрожая национальной безопасности. Оптимальное сотрудничество между оперативными подразделениями и полицейскими органами, задействованными в обеспечении общественной безопасности на улицах, позволит эффективно обнаруживать, предотвращать, останавливать и раскрывать подобные преступления. В свете современных условий необходимо организовать соответствующую управленческую систему для координации работы оперативных подразделений и их взаимодействия с отрядами по охране порядка. Такая система управления должна включать в себя набор обязательных компонентов и функциональных связей, гарантирующих высокую эффективность работы как по отдельности, так и в объединении. Исходя из анализа нынешней структуры возможностей оперативных подразделений и полицейских формирований в области общественной безопасности, акцентируем внимание на ключевых направлениях цифровизации их работы для противодействия уличной преступности.

Ежедневно на улицах городов происходят сотни инцидентов, начиная с хулиганства и заканчивая разбоями, изнасилованиями, грабежами и убийствами. Несмотря на все старания государственных органов, полное искоренение уличной преступности пока не достигнуто ни в одной стране мира.

Согласно опубликованному отчету Министерства внутренних дел России, за первые семь месяцев текущего года уровень уличной преступности в стране снизился. Данные статистики показывают, что в парках, скверах и на улицах число разбойных нападений уменьшилось на 19,8%, грабежей на 25,2%, а краж на 6,4%. В общем, количество преступлений в местах общего пользования упало на 3,7%.

Министерство также зафиксировало снижение общего числа убийств и покушений на убийство на 8,4%, разбоев на 19,5% и грабежей на 20,4%. Помимо этого, за тот же семимесячный период 2021 года было отмечено уменьшение прироста IT-преступлений на 15,7%.

В дополнение, было сообщено, что в России за январь-июль число экономических преступлений возросло на почти 10% [4].

Рассмотрим основные предпосылки возникновения уличной преступности [5]: Социальные проблемы, Экономическая нестабильность, Безработица, Низкий уровень образования.

Уличная преступность часто является результатом социальных проблем. Отсутствие равных возможностей, неравноправие, низкий уровень жизни — все это стимулирует людей к совершению преступлений. Большинство преступников вовлечены в преступный мир из-за недостатка легальных возможностей достижения успеха.

В своей повседневной деятельности патрульные первыми выезжают на сообщения, поступающие из дежурных частей и как правило не всегда на месте происшествия происходят мелкие правонарушения, но и совершаются тяжкие преступления отсюда и требования моментально реагировать и действовать в сложившейся обстановке. На патрульно-постовую службу возложена охрана общественного порядка

именно эта служба охраняет покой граждан на улицах и днем и ночью.

Деятельность патрульно-постовой службы полиции организована на основе следующих ключевых принципов [6]:

- соблюдение законности, которое подразумевает строгое и последовательное выполнение всех действующих законодательных актов и нормативов как для граждан, так и для юридических лиц, предприятий, учреждений и организаций;
- защита прав и свобод человека в соответствии с Конституцией Российской Федерации, где права и свободы человека объявлены высшей ценностью, и их защита является долгом государства;
- прозрачность и открытость деятельности службы, включая освещение в СМИ и активное сотрудничество с общественными формированиями, при неразглашении информации, представляющей государственную или личную тайну;
- непредвзятость, означающая защиту прав и интересов каждого человека без учета его социального положения, национальности, вероисповедания и других факторов;
- взаимодействие и сотрудничество с другими правоохранительными и общественными организациями для эффективного решения поставленных задач.
- применение научных достижений для повышения качества работы по предотвращению и раскрытию преступлений.

Патрульно-постовая служба играет ключевую роль в борьбе с преступностью, будучи «первой линией фронта». Персонал службы проходит специализированную подготовку и регулярные проверки на способность к действиям в экстремальных ситуациях, включая использование физической силы и оружия. В ряде стран, включая Россию, ППС выполняет важнейшие задачи по обеспечению порядка и безопасности граждан на улицах городов [7].

Основные функции патрульно-постовой службы включают следующие: охрана общественного порядка; обеспечение безопасности граждан; предотвращение преступлений; реагирование на происшествия; патрулирование территории; оказание неотложной помощи пострадавшим; работа по профилактике правонарушений.

Структура ППС в различных городах может отличаться, но обычно в ее состав входят следующие подразделения: 1) Отделение патрульной полиции; 2) Группа быстрого реагирования; 3) Служба дежурных; 4) Постановщики постов; 5) Другие подразделения, осуществляющие патрулирование и контроль на улицах.

Патрульно-постовая служба полиции представляет собой ключевое подразделение в системе МВД РФ, задачей которого является обеспечение охраны общественного порядка и защиты безопасности граждан в городских условиях, а также предотвращение и прекращение преступных действий в местах общего пользования. Сотрудники этой службы стоят на переднем крае борьбы с преступностью, всегда готовы прийти на помощь там, где это необходимо. Эффективность и слаженность их работы напрямую влияют на безопасность в городах, иногда даже вопросы жизни и достоинства граждан зависят от этих людей.

Основные задачи патрульно-постовой службы, определенные в Наставлении об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России (далее «Наставление») [8], включают: знание и требование исполнения законов РФ в сфере общественного по-

рядка и безопасности от всех граждан; предотвращение, пресечение правонарушений и идентификация условий, благоприятствующих преступности, с последующим их устранением в пределах своих полномочий; оказание помощи пострадавшим от преступлений или несчастных случаев, а также поддержка лиц, находящихся в опасности для жизни и здоровья; поддержание правопорядка в общественных местах, таких как улицы, площади, парки, вокзалы и аэропорты; содействие представителям власти и должностным лицам в выполнении их обязанностей при встрече с противодействием или угрозами; строгое соблюдение законности при реализации своих полномочий, в том числе при задержании правонарушителей, с подробным разъяснением оснований их действий; ограничение доступа граждан в зоны, представляющие угрозу для общественной безопасности, и оперативное информирование служб о необходимости привлечения специализированных подразделений; прием находок от граждан с последующей передачей их вместе с отчетностью оперативному дежурному.

Помимо основных обязанностей, сотрудники ППС также выполняют ряд дополнительных функций, связанных с особенностями охраняемых объектов. Наряд ППС – это группа сотрудников, которая назначается для поддержания установленного порядка, обеспечения безопасности и борьбы с правонарушителями. Для несения патрульно-постовой службы применяются следующие виды нарядов [9]:

- Патруль – это подвижный наряд, который состоит из двух и более сотрудников и несет службу в пределах заданного маршрута патрулирования. Патруль может перемещаться на автомобиле, мотоцикле, вертолете, катере, лошадях или в пешем порядке и использовать служебных собак.

- Патрульная группа (ПГ) – это наряд, который состоит из двух и более патрулей, объединенных для несения службы под единым руководством. Он контролирует общественный порядок сразу по нескольким маршрутам патрулирования или на обширной территории с большим скоплением людей (массовые мероприятия, зоны отдыха).

- Пост по охране общественного порядка – этот наряд выполняет обязанности по контролю за общественным порядком на определенном участке местности. Для поста определяют его центр и границы. Центр поста – это точка, с которой удобно вести наблюдение, расстояние от центра поста до границы не должно превышать 300 м.

- Пост по охране объекта – наряд, который следит за общественным порядком на территории особо важных либо потенциально-опасных объектов.

- Наряд для сопровождения транспортных средств – это наряд, который назначается для контроля за порядком и предотвращения правонарушений во время всего пути следования транспорта.

- Контрольно-пропускной пункт (КПП) – это наряд, который выставляется для обеспечения пропускного режима и организации движения транспортных средств во время проведения массовых мероприятий, либо при эпидемиях, стихийных бедствиях и чрезвычайных происшествиях.

- Заслон – наряд в составе подразделения полиции, выполняет контроль за определенной местностью или перекрытие транспортных потоков при чрезвычайных ситуациях.

- Цепочка – это наряд, численность которого может быть от отделения до роты, выставляется для оцепления (перекрытия) местности, для создания направляющих коридоров или разделительных квадратов, в которых располагаются участники массовых мероприятий.

- Резерв – это наряд, который нужен для усиления задействованных сил при внезапно сложившихся обстоятельствах, а также для подмены постовых и патрульных.

Виды нарядов, их количество и размещение определяется в зависимости от особенностей местности и сложившейся ситуации.

Главные задачи ППС определены в Наставлении. Они заключаются в следующем: обеспечивать правовой порядок на улицах, в транспорте и других общественных местах. Обеспечивать безопасность граждан, предупреждать и пресекать противозаконные действия на маршрутах и постах патрулирования. Обнаруживать и задерживать на постах и маршрутах патрулирования лиц, уклоняющихся от правосудия. Оказывать помощь другим подразделениям полиции в оперативно-розыскной деятельности.

Работники патрульно-постовой службы должны быть образцом защитников правопорядка, которые внушают доверие, но при этом являться реальной угрозой для нарушителей закона.

Прежде всего, сотрудники патрульно-постовой службы обязаны следовать установленным правилам в рамках Наставления, избегать злоупотребления своими полномочиями и точно придерживаться требований закона. В период выполнения служебных обязанностей сотрудникам ППС строго запрещено: передача или демонстрация своего служебного оружия третьим лицам, за исключением своих непосредственных начальников; засыпать, отвлекаться на сторонние занятия или действия, не относящиеся к служебным обязанностям; совершение личных звонков по телефону или нарушение правил радиосвязи; посещение без непосредственной необходимости жилых помещений, общественных заведений типа кафе, ресторанов, магазинов и прочих объектов; оставление своего поста или маршрута патрулирования без разрешения руководства.

Отход от места несения службы сотрудникам патрульной службы разрешается исключительно по указанию командира. В ситуациях, когда отступление необходимо для проведения погони за правонарушителем, сотрудник обязуется немедленно уведомить об этом оперативного дежурного. Для успешного выполнения служебных задач и эффективной работы полиции осуществляется взаимодействие патрульно-постовой службы и: подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД; подразделений вневедомственной охраны; сотрудники ППС могут взаимодействовать с охранными предприятиями, которые привлекаются к охране общественного порядка.

В заключение, патрульно-постовая служба полиции в России выполняет множество важных функций, которые направлены на обеспечение безопасности граждан и поддержание общественного порядка. Ее задачи включают контроль и предотвращение преступлений, обеспечение дорожной безопасности, оперативную реакцию на происшествия и консультационную поддержку граждан. Патрульная служба играет ключевую роль в создании безопасной и стабильной среды для жизни и взаимодействия граждан в России.

Проблемы, с которыми сталкивается патрульно-постовая служба полиции в России, могут повлиять на ее эффективность и способность обеспечивать безопасность и поддерживать общественный порядок. Рассмотрим эти проблемы более подробно.

Одной из основных проблем является недостаточное количество квалифицированных сотрудников и неравномерное покрытие территории, особенно в регионах. Предлагается вновь расширить полномочия народных дружин и объединений граждан с учетом опыта СССР и зарубежного опыта. Проблема общественной опасности населения при этом продолжает оставаться актуальной.

Приведем пример успешного решения этой проблемы. Следует отметить, что личное страхование народных дружинников предусмотрено и в действующем Законе Пермской области № 497-92. По данным отчета об исполнении бюджета за 2020 год финансирование выполнения органами местного самоуправления государственных полномочий по страхованию в 2020 г. из бюджета края составило 121,5 тыс. руб., из них израсходовано органами местного самоуправления – 108,8 тыс. руб. Численность дружинников в Пермском крае – 539 человек. В бюджете Пермского края на 2021 г. и плановый период будущих годов на осуществление переданных государственных полномочий по личному страхованию дружинников предусмотрены бюджетные ассигнования в сумме 113,1 тыс. руб. [10].

В этой связи принятие законопроекта не потребует дополнительных расходов краевого бюджета. Также важно активно включать общественность в решении проблем безопасности и поддержание общественного порядка через участие в совещаниях, публичных слушаниях и проектах сотрудничества.

Наконец, последняя мера по совершенствованию работы патрульно-постовой службы связана с управлением информацией и анализом данных. Важно собирать, хранить и анализировать данные о происшествиях, нарушениях и других аспектах работы патрульных полицейских. Это поможет выявить тенденции, прогнозировать потенциально опасные ситуации, оптимизировать распределение сил и ресурсов, а также улучшить планирование и принятие решений.

В заключение, совершенствование деятельности патрульно-постовой службы в России включает несколько мер, направленных на повышение профессионализма сотрудников, оптимизацию организационной структуры, использование современных технологий, взаимодействие с обществом и анализ данных. Комплексные и целенаправленные меры позволят повысить эффективность и качество работы патрульно-постовой службы, обеспечивая безопасность и общественный порядок в современной России.

Список литературы:

1. Казанцева Е.В. Особенности правового регулирования организации и проведения публичных мероприятий в современной России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 № 4. С. 112-117.
2. Османов М.М., Комаревцева И.В. К вопросу об истории становления патрульно-постовой службы полиции в России // Образование и право. 2022. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-stanovleniya-patrulno-postovoy-sluzhby-politsii-v-rossii> (дата обращения: 18.02.2024).
3. Пестов Р.А. К вопросу об альтернативных подходах к обеспечению безопасности движения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 № 1. С. 205-207.
4. Краюшкина М. М. Актуальные вопросы уличной преступности // Вестник ВИ МВД России. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ulichnoy-prestupnosti>.

5. Бухтоярова Н.А., Семеник Д.П. Уличная преступность и ее предупреждение // Молодой ученый. Международный научный журнал. - 2019. - № 51 (289). - С. 73–76.
6. Багмет А.М. Организационно-правовой механизм противодействия правоохранительных органов массовым беспорядкам // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. №4 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovoy-mehanizm-protivodeystviya-pravoohranitelnyh-organov-massovym-besporiyadkam> (дата обращения: 18.02.2024).
7. Захарина А.А. Принципы обеспечения конституционных прав и свобод в чрезвычайных условиях // Власть закона. – 2023. – № 4 (56). С. 245-254.
8. Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» // <https://base.garant.ru>.
9. Звягин М.М. Административно-правовые средства охраны общественного порядка и права граждан на проведение публичных мероприятий в Российской Федерации // Современное право. 2017. № 10. С. 77.
10. Кодзокова Л.А., Кумехова М.Б. Некоторые вопросы организации деятельности патрульно-постовой службы полиции в России // Право и управление. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-organizatsii-deyatelnosti-patrolno-postovoy-služby-politsii-v-rossii> (дата обращения: 18.02.2024).

V.V. Korenyugin. M. M. Chelpanova About some issues of interaction and coordination in the activities of the ats // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 329–336.

The police patrol service plays a key role in ensuring public order and security in modern Russia. Its activities are aimed at preventing crimes, ensuring public order, monitoring road safety and responding quickly to incidents. The organization and efficiency of the work of the patrol service units are important to ensure a safe and harmonious life of citizens.

Consideration of the methods and organizational aspects of the work of these units is an important step in improving their efficiency and optimizing resources.

Keywords: law enforcement agencies, police, police guard service, PPSP, policing, public safety, law and order, patrol route, protection of human rights, mass events, road safety.

Spisok literatury:

1. Kazanceva E.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya organizatsii i provedeniya publichny`x meropriyatij v sovremennoj Rossii // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2023. – Т. 9 № 4. С. 112-117.
2. Osmanov M.M., Komarevceva I.V. K voprosu ob istorii stanovleniya patrol`no-postovoy sluzhby` policii v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2022. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-stanovleniya-patrolno-postovoy-služby-politsii-v-rossii> (дата обрashheniya: 18.02.2024).
3. Pestov R.A. K voprosu ob al`ternativny`x podxodax k obespecheniyu bezopasnosti dvizheniya // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2023. – Т. 9 № 1. С. 205-207.
4. Krayushkina M. M. Aktual`ny`e voprosy` ulichnoj prestupnosti // Vestnik VI MVD Rossii. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ulichnoy-prestupnosti> (дата обрashheniya: 21.10.2023).
5. Buxtoyarova N.A., Semenik D.P. Ulichnaya prestupnost` i ee preduprezhdenie // Molodoy ucheny`j. Mezhdunarodny`j nauchny`j zhurnal. - 2019. - № 51 (289). - С. 73–76.
6. Bagmet A.M. Organizatsionno-pravovoy mekhanizm protivodeystviya pravooxranitel`ny`x organov massovym besporiyadkam // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2015. №4 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovoy-mehanizm-protivodeystviya-pravoohranitelnyh-organov-massovym-besporiyadkam> (дата обрashheniya: 18.02.2024).
7. Zaxarina A.A. Principy` obespecheniya konstitutsionny`x prav i svobod v chrezvy`chajny`x usloviyax // Vlast` zakona. – 2023. – № 4 (56). С. 245-254.
8. Prikaz MVD Rossii ot 28 iyunya 2021 g. № 495 «Ob utverzhdenii Nastavleniya ob organizatsii sluzhebnoj deyatel`nosti stroevy`x podrazdelenij patrol`no-postovoy sluzhby` policii territorial`ny`x organov MVD Rossii» // <https://base.garant.ru>.
9. Zvyagin M.M. Administrativno-pravovy`e sredstva oxrany` obshhestvennogo poryadka i prava grazhdan na provedenie publichny`x meropriyatij v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. — 2017. — № 10. — С. 77.
10. Kodzokova L.A., Kumexova M.B. Nekotory`e voprosy` organizatsii deyatel`nosti patrol`no-postovoy sluzhby` policii v Rossii // Pravo i upravlenie. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-organizatsii-deyatelnosti-patrolno-postovoy-služby-politsii-v-rossii> (дата обрashheniya: 18.02.2024).

УДК 34.03

**КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ
«ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ»**

Потапенко С. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет, юридический факультет им. А.А. Хмырова, Краснодар, Россия

В статье рассматривается феномен фейковых новостей как глобальной проблемы онлайн-дезинформации, анализируются условия привлечения их авторов и распространителей к гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать проблемы гражданско-правовой ответственности за распространение «фейковых новостей» с использованием социальных сетей и цифровых платформ. При написании статьи использовались диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический. Результаты исследования: Способами гражданско-правовой ответственности за распространение фейковых новостей могут быть возмещение убытков, компенсация морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: фейковые новости, распространение недостоверной общественно значимой информации, диффамация, компенсация морального вреда, информация, гражданско-правовая ответственность.

Между правонарушением и ответственностью существует органическая связь, поскольку только правонарушение порождает юридическую ответственность. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав является одновременно мерой гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений - публично- или частноправовой, причиняется такой вред.

Основанием для применения мер защиты и ответственности является факт совершения правонарушения. Наличие в действиях лица состава конкретного правонарушения должно быть подтверждено в установленном законом порядке.

Помимо этого, совершение правонарушения также влечет применение предусмотренных законом способов защиты, предусмотренных ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Одним из таких способов защиты является компенсация морального вреда. Таким образом, факт правонарушения является ключевым основанием для применения как мер юридической ответственности, так и различных способов защиты нарушенных прав, включая возмещение морального вреда.

Правонарушение всегда выступает как нарушение выраженного в норме права обязательного правила поведения, как отклонение от содержащихся в ней требований. Исходя из этого в основе компенсации морального вреда за распространение «фейковых новостей» лежит правильное определение «фейкового» деликта».

В Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. в качестве стратегической задачи определено обеспечение потребностей граждан и общества в получении «качественных и достоверных сведений» при формировании информационного пространства.

Однако наряду с качественными и достоверными сведениями в цифровое информационное пространство нередко вбрасываются новости дезинформационного характера. Феномен распространения дезинформации принято называть «fake news», что в переводе с английского языка означает поддельные, ложные, фальшивые новости.

Как правило, фейковые новости стилистически похожи на обычные, но отличаются от них полной или частичной недостоверностью. Сущность фейковых новостей заключается в том, что они тоже являются «новостями», но новостями недостоверными в той или иной степени, обладающими признаками сенсационности и эксплуатирующими зачастую инстинкты и сферу бессознательного [1, с. 79-80]. Наибольшая опасность фейковых новостей в том, что люди зачастую верят, что эти ложные новости соответствуют действительности.

Фейками в современной медиасреде можно назвать различные виды ложной или искаженной информации, такие как поддельные тексты, фотографии, видео или аудиозаписи; блоги и страницы, маскирующиеся под реально существующие или вымышленные личности; поддельные страницы популярных сайтов; искусственно созданные популярные личности, произведения или проекты [2, с. 155-156].

Фейковые новости можно рассматривать как частный случай дезинформации, когда намеренно распространяется ложная информация с целью ввести людей в заблуждение. Хотя дезинформация зачастую имеет более широкий масштаб и стратегический характер, в то время как фейковые новости могут быть частью этой стратегии, но могут также распространяться и локально, без четко выраженной политической или военной повестки. Термин «фейковые новости» прочно закрепился в медиaprостранстве и ассоциируется преимущественно с распространением ложной информации в Интернете. Это связано с тем, что Интернет стал главной площадкой для быстрого распространения всевозможных фейков [3].

Контроль за публикацией фейковых новостей в медиа России осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), что позволяет отслеживать источники недостоверной информации. Ключевое значение при этом имеет то, что окончательное решение о степени достоверности информации принимают органы прокуратуры, а не сам Роскомнадзор, что повышает объективность оценки. В то же время решение Роскомнадзора можно оспорить в судебном порядке, что является важной гарантией, которая позволяет обеспечить баланс между необходимостью противодействовать распространению фейков и правом на свободу слова.

Статьей 15.1-2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) установлен порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина (физического лица) в совершении преступления.

В п. 1 ст. 17 Закона об информации указано, что нарушение его требований в числе других видов ответственности влечет и гражданско-правовую ответственность в соответствии с законодательством РФ. Далее в п. 2 ст. 17 названного Федерального закона установлено, что лица, права и законные интересы которых были нарушены в связи с разглашением информации ограниченного доступа или иным

неправомерным использованием такой информации, вправе обратиться в установленном порядке за судебной защитой своих прав, в том числе с исками о возмещении убытков, компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации.

Наконец, в п. 5 той же статьи предусмотрено, что лица, права и законные интересы которых были нарушены владельцем социальной сети в результате неисполнения им требований, установленных в ст. 10.6 настоящего ФЗ, вправе обратиться в установленном порядке за судебной защитой своих прав, в том числе с исками о возмещении убытков, компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации. Таким образом, способами гражданско-правовой ответственности за распространение фейковых новостей могут быть возмещение убытков, компенсация морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации.

Г.А. Гаджиев обоснованно обращает внимание на то, что компенсация морального вреда при наличии признаков злоупотребления правом на распространение информации преследует не только цели возмещения вреда, но и цели сдерживания (превенции) СМИ от повторного совершения аналогичных деликтов [4].

Размер компенсации морального вреда должен находиться в непосредственной зависимости от умысла лица, совершившего распространение фейковых новостей.

Социальные сети отличаются от классических сайтов и интернет-дневников тем, что их контент формируется самими пользователями, а не только администрацией или владельцами ресурса. Таким образом, социальные сети действительно формируются «снизу вверх» благодаря вкладу самих пользователей, в отличие от традиционных сайтов, где контент задается «сверху» администрацией ресурса. Это принципиально меняет динамику и характер взаимодействия в рамках таких платформ. В этой связи возникает вопрос об ответственности за фейковые новости владельцев социальных сетей или разместивших фейковый контент пользователей этих сетей.

Владельцы социальных сетей и других интернет-ресурсов, не являющиеся непосредственными авторами и инициаторами распространения порочащих сведений, однако предоставляющие таковым техническую возможность для их распространения в Сети, получили название «информационные посредники» [5, с. 74-94]. Согласно п. 78 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» владелец сайта самостоятельно определяет порядок его использования (п. 17 ст. 2 Закона о защите информации), поэтому бремя доказывания того, что материал, включающий результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, на сайте размещен третьими лицами, а не владельцем сайта и, соответственно, последний является информационным посредником, лежит на владельце сайта. При отсутствии таких доказательств презюмируется, что владелец сайта является лицом, непосредственно использующим соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

По смыслу ст. 10.6 Закона об информации владельцы сайтов, помимо автора публикации, несут гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений как публикаторы, не принявшие эффективных мер для своевременного удаления оставленных анонимными пользователями диффамационных сведений.

Как следует из ст. 151 ГК РФ моральный вред – это физические или нравственные страдания гражданина, причиненные действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага.

Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», где указано, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Иными словами, моральный вред может быть причинен посягательством на весь комплекс прав и законных интересов физического лица. На этот счет А.М. Эрделевский обоснованно подметил, что поскольку нематериальные блага и имущественные права в широком смысле охватывают собой все возможные объекты гражданских прав, которые могут принадлежать физическому лицу (ст. 128 ГК РФ), то можно сказать, что моральный вред – это страдания, причиненные гражданину любым нарушением его прав [6]. Думается, что сюда относятся и нарушения прав граждан фейковыми деликтами.

Несмотря на в основном гражданско-правовой характер компенсации морального вреда, причиненного фейковыми новостями, для их определения в качестве гражданско-правовых деликтов, поименованный перечень которых в законодательстве не закреплен [7, с. 74-94], необходимо пользоваться нормами административного и уголовного права, где прописано понятие и признаки недостоверной информации. Такой подход полностью соответствует межотраслевому характеру института компенсации морального вреда.

Так, в частности, Федеральным законом от 18.03.2019 N 27-ФЗ внесены изменения в Кодекс об административных правонарушениях (далее – КоАП), а именно введены ч. ч. 9 - 11 ст. 13.15, направленные на противодействие так называемым фейковым новостям. В соответствии с принятым Законом недостоверная информация – это информация, распространяемая «под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной ин-

фраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

Понятие «публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации заведомо ложной информации» установлено Федеральным законом от 01.04.2020 N 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». УК РФ дополнен ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»; ст. 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»; ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

Федеральным законом от 4.03.2022 N 32-ФЗ <1> в УК РФ была включена ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», состоящая из трех частей. Этим же Законом, получившем в СМИ название «Закон о фейках», была установлена уголовная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (ст. 280.3 УК РФ).

Исходя из этого, фейковый деликт как основание компенсации морального вреда это недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений; публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан; публичное распространение заведомо ложной информации об использовании ВС Российской Федерации.

Гражданский иск о компенсации морального вреда от фейкового деликта может быть предъявлен в уголовном [8, с. 64-79], или административном судопроизводстве, но разрешается судом по правилам гражданского законодательства. При этом следует иметь в виду, что согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на компенсацию морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага.

Если причинителем морального вреда в результате фейкового деликта является СМИ, то возмещение морального вреда производится на основании ст. 62 Закона РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации», согласно которой моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный вред, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами в размере, определяемом судом.

В заключение отметим, что распространение фейковых новостей в отношении физических лиц – это в первую очередь гражданско-правовой, административно-

правовой, уголовно-правовой диффамационный деликт (правонарушение, преступление) [9, с. 29-38], связанный с защитой их чести, достоинства и деловой репутации. Возникающие в связи с этим правоотношения относятся к межотраслевому институту диффамации, включающему в себя нормы как гражданского, так и уголовного и административного права, предусматривающие ответственность за распространение не соответствующей действительности порочащих граждан сведений. Компенсация морального вреда является эффективным способом судебной защиты от фейковых новостей.

Список литературы:

1. Красовская, Н. Р. Фейковые новости как феномен современности / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев, Г. Н. Юлина // *Власть*. – 2019. – № 4. – С. 79-80.
2. Суходолов, А. П. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятия, виды, назначения, меры противодействия / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 155-156.
3. Совик, Ю. И. Ограничение распространения недостоверной общественно значимой информации: опыт европейских государств / Ю. И. Совик // *Конституционное и муниципальное право*. – 2020. – № 8. – СПС КонсультантПлюс.
4. Гаджиев, Г. А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации / Г. А. Гаджиев // *Судья*. – 2019. – № 7. – СПС КонсультантПлюс.
5. Прохоренко, Д. В. Ответственность диффамационных посредников за диффамацию в сети / Д. В. Прохоренко // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2020. – № 27. – С. 74-94.
6. Эрделевский, А. М. Новое в судебной практике по спорам о компенсации морального вреда / А. М. Эрделевский // *Подготовлен для системы КонсультантПлюс*. – 2023.
7. Губаева, А. К. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда / А. К. Губаева, Ли Чжев, М. В. Кратенко // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2023. – № 2. – С. 257-284.
8. Потапенко, С. В. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве как универсальный способ возмещения имущественного и морального вреда, причиненного преступлением / С. В. Потапенко, В. А. Семенов // *Вестник Томского государственного университета. Право*. – 2021. – № 40. – С. 64-79.
9. Потапенко, С. В. Компенсация морального вреда как способ судебной защиты от диффамации в России и Англии / С. В. Потапенко // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. – 2021. – № 1. – С. 29-38. – DOI 10.31429/20785836-13-1-29-38. – EDN DQZACW.

Potapenko S.V. Compensation for moral damage as a way of civil liability for the dissemination of "fake news" // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 337–343.

The article examines the phenomenon of fake news as a global problem of online disinformation, analyzes the conditions for bringing their authors and distributors to civil liability in the form of compensation for moral damage. The purpose of the article is to identify and analyze the problems of civil liability for the dissemination of "fake news" using social networks and digital platforms. When writing the article, dialectical, formal-logical and other general scientific research methods were used; special legal methods: comparative legal and formal legal. The results of the study: The methods of civil liability for the dissemination of fake news can be compensation for damages, compensation for moral damage, protection of honor, dignity and business reputation.

Keywords: fake news, dissemination of unreliable socially significant information, defamation, compensation for moral damage, information, civil liability.

Spisok literatury:

1. Krasovskaya, N. R. Fejkovye novosti kak fenomen sovremennosti / N. R. Krasovskaya, A. A. Gulyaev, G. N. Yulina // *Vlast'*. – 2019. – № 4. – С. 79-80.
2. Suhodolov, A. P. «Fejkovye novosti» kak fenomen sovremennogo mediaprostranstva: ponyatiya, vidy, naznacheniya, mery protivodejstviya / A. P. Suhodolov, A. M. Bychkova // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 155-156.
3. Sovik, YU. I. Ogranichenie rasprostraneniya nedostovernoj obshchestvenno znachimoy informacii: opyt evropejskih gosudarstv / YU. I. Sovik // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. – 2020. – № 8. – СПС КонсультантПлюс.
4. Gadzhiev, G. A. O principe proporcional'nosti i konstitucionnoj kassacii / G. A. Gadzhiev // *Sud'ya*. – 2019. – № 7. – СПС КонсультантПлюс.
5. Prohorenko, D. V. Otvetstvennost' diffamacionnyh posrednikov za diffamaciyu v seti / D. V. Prohorenko // *ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam*. – 2020. – № 27. – С. 74-94.

6. Erdelevskij, A. M. Novoe v sudebnoj praktike po sporam o kompensacii moral'nogo vreda / A. M. Erdelevskij // Podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus. – 2023.
 7. Gubaeva, A. K. Bazovyj diskurs deliktного prava v kontekste raz"yasnenij Verhovnogo Suda RF o kompensacii moral'nogo vreda / A. K. Gubaeva, Li CHzhevu, M. V. Kratenko // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. – 2023. – № 2. – S. 257-284.
 8. Potapenko, S. V. Grazhdanskij isk v ugovnom sudoproizvodstve kak universal'nyj sposob vozmeshcheniya imushchestvennogo i moral'nogo vreda, prichinennogo prestupleniem / S. V. Potapenko, V. A. Semencov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2021. – № 40. – S. 64-79.
 9. Potapenko, S. V. Kompensaciya moral'nogo vreda kak sposob sudebnoj zashchity ot diffamacii v Rossii i Anglii / S. V. Potapenko // YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 1. – S. 29-38. – DOI 10.31429/20785836-13-1-29-38. – EDN DQZACW.
- .

УДК 340.0

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Курьшев Е. Ю.

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия

В статье анализируются основные параметры соотношения между юридическими инновациями и политико-правовыми приоритетами отдельных правовых систем зарубежных государств. В работе исследуется понятие юридических инноваций и их содержание. Рассматривается проблема взаимоотношений политико-правовых приоритетов и юридических инноваций в различных правовых системах. Поднимаются вопросы практического применения инновационных юридических стратегий на государственном и регионам уровнях. Изучаются отдельные виды и техника формирования инновационных юридических стратегий в романо-германской, англо-саксонской, мусульманской семье, а также в отдельных странах Дальнего Востока. Автор констатирует, что юридические приоритеты определяются государственной политикой и могут выражаться в различном объеме, видах и типах юридических инноваций, исходя из существующих традиций, присущих правовым семьям. При этом делается вывод о том, что взаимодействие между юридическими инновациями и политико-правовыми приоритетами может создать конфликты или противоречия. Для успешной реализации юридических инноваций и политико-правовых приоритетов требуется сотрудничество между правоохранительными органами, юристами, академическими исследователями и другими заинтересованными сторонами. Такого рода взаимодействие может помочь в достижении согласованного подхода к юридическим инновациям и политико-правовым приоритетам, а также устранить возможные проблемы в их правоприменении.

Ключевые слова: юридические инновации, цифровое право, инновационные юридические стратегии, искусственный интеллект, онлайн-правосудие.

Соотношение между юридическими инновациями и политико-правовыми приоритетами может представлять собой сложную задачу, так как они взаимозависимы и влияют друг на друга. Юридические инновации могут быть направлены на реализацию политических и правовых приоритетов, но могут также вызывать определенные проблемы.

Политико-правовые приоритеты определяются государственной политикой и включают в себя различные аспекты права и политики, которые считаются важными для реализации определенных целей. Например, приоритетами могут быть защита прав граждан, обеспечение безопасности общества, развитие экономики, снижение государственных расходов на содержание судебной системы, повышение уровня прокурорского надзора, эффективности исполнительного производства.

Юридические инновации представляют собой новые подходы, методы, инструменты или законодательные меры, которые разрабатываются для достижения конкретных целей в правовой сфере. Они могут включать в себя создание новых законов, реформирование правоприменительной практики, улучшение правовой психологии и идеологии.

Одной из проблем взаимодействия между юридическими инновациями и политико-правовыми приоритетами является несоответствие между разработкой и внедрением инноваций и изменением политико-правовых приоритетов. Например,

если государственная политика меняется, но юридические инновации не учитывают эти изменения, что может привести к проблемам в их внедрении.

Зарубежные страны всё активнее применяют инновационные юридические стратегии которые представляют собой механизмы для достижения конкурентного преимущества и обеспечения устойчивого развития национальных правовых и политических систем. Сущность инновационных юридических стратегий заключается в применении новых подходов и инструментов в области права с целью обеспечения эффективного управления рисками, защиты прав и интересов организаций, а также создания условий для реализации инновационных идеи и проектов.

Виды инновационных юридических стратегий могут быть разнообразными и зависят от специфики организации и ее целей. Например, организация может применять стратегию оптимизации юридических процессов, которая направлена на совершенствование системы правового обеспечения деятельности организации. Другим примером может быть стратегия создания инновационных юридических продуктов, то есть разработка и внедрение новых форм и методов правового обслуживания.

Техника формирования инновационных юридических стратегий зарубежных стран зависит от выполняемых государственных функций и может включать в себя: анализ правовых изменений, происходящих в других странах и их влияние на развитие правовой жизни общества; определение конкурентных преимуществ зарубежных правовых инноваций и их слабых сторон; разработку конкретных мер и действий для достижения поставленных целей по внедрению перспективных юридических инноваций как в публичном, так и в частном праве. Например, в сфере хозяйственных отношений для определения перспективных юридических инноваций могут использоваться такие комплексные социолого-правовые инструменты, как SWOT-анализ [1, с. 60], анализ конкурентов [2, с. 32], проведение исследований [3, с. 120].

Реализация инновационных юридических стратегий требует комплексного подхода и включает в себя такие этапы, как планирование, реализация и контроль. На этапе планирования определяются конкретные цели и задачи стратегии, разрабатывается план действий и определяются необходимые ресурсы. На этапе реализации осуществляется внедрение разработанных мер и действий, а также контроль и корректировка их выполнения. На этапе контроля осуществляется оценка результатов реализации стратегии и принятие необходимых мер для достижения поставленных целей.

Каких же юридических инноваций и политико-правовых приоритетов придерживаются в странах различных правовых систем в рамках принятых инновационных юридических стратегий?

Романо-германская правовая семья, которая также известна как континентальное право, имеет свои особенности и специфику в отношении юридических инноваций. В традициях континентальной системы не существует обязательства судей соблюдать прецеденты, как это практикуется в англо-американской семье права. Вместо этого они полагаются на кодифицированное законодательство и различные виды официального толкования органов государственной власти, таких как конституционные суды или высшие судебные органы.

Нормотворчество в странах континентальной правовой семьи периодически сталкивается со вторичностью нормы права, когда установленная или санкционированная государством норма права за счёт подзаконных нормативных правовых актов постоянно систематически разрастается, требует бесконечных комментариев, влечёт различного рода официальных толкований и в конечном итоге качественно влияет на правоприменение, правовую психологию и правовую идеологию. В результате этого возникает правовой нигилизм или правовой идеализм.

Характерным признаком созданной нормы права в условиях континентальной системы служит её абстрактность, то есть созданное законодателем стандартное правило поведения, направленное на неоднократное применение. Исходя из этого инновационные юридические стратегии для стран придерживающихся принципов этой правовой системы будут устремлены на поиск оптимальной цифровой нормы права через сопоставление языка права и языка программирования, которая по мнению В.В. Ныркова может быть сформулирована в виде простейшей формулы «если-то» [4, с. 60].

Другой особенностью романо-германской правовой семьи является систематическая кодификация законов [5, с. 131], это ограничивает гибкость и возможность быстрого реагирования на новые технологии или ситуации, а детализация и точность в законодательстве, активное участие государства в регулировании и контроле экономической и социальной деятельности создает большую бюрократическую нагрузку и может сдерживать диффузию (внедрение) юридических инноваций. Однако повышение уровня юридической техники, увеличение скорости совершенствования законодательства и принятия подзаконных актов в эпоху цифровых обществ позволят, на наш взгляд, учитывать новые технологии и изменяющуюся экономическую среду.

Оригинальность юридических инноваций в англо-саксонской правовой семье проявляется в нескольких аспектах.

Одной из основных черт англо-саксонской правовой системы [6] – предпочтение прецедентам. Это означает, что судебные решения, принятые в предыдущих делах, являются источником права и могут стать основой для новых интерпретаций и законодательных изменений. Это позволяет правовой системе развиваться и приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, трактовать законы и судебные решения более гибко и экспериментировать с новыми концепциями и подходами, быть адаптивной, а, следовательно, максимально использовать правовые инновационные механизмы для прогрессивного развития и обновления права. Так, например, правовые системы стран, входящих в англо-саксонскую правовую семью открыты для использования различных источников права: в дополнение к прецедентам, законоположению и договорам, обычный закон и этика также играют важную роль в определении права и его развитии [7, с. 241].

В странах, относящихся к англо-саксонской правовой семье в рамках действующей инновационной юридической стратегии предпринимаются шаги по уменьшению финансовых затрат на содержание судебной системы. Например, в Великобритании, ожидается, что онлайн-суд станет обязательным форумом для разрешения дел в своей юрисдикции, а на начальном этапе должен заниматься денежными спорами между субъектами правоотношений на сумму до 25000 фунтов

стерлингов [8, с. 102]. В США уже на протяжении тридцати лет занимаются проблемой цифровизации права, а в отдельных штатах с 2023 г. суды осуществляют переход с бумажных носителей на платформу eCourts, предоставляющую онлайн-доступ к цифровым судебным записям.

Мусульманская правовая семья имеет свои особенности в отношении инновационных правовых стратегий.

Исламская правовая семья опирается на Коран и Сунну и это означает, что все правовые инновации должны быть согласованы с принципами и правилами, установленными в этих источниках. В мусульманской правовой семье традиции и обычаи имеют большое значение [9]. Поэтому любая юридическая инновация должна учитывать и уважать мусульманские традиции и обычаи, чтобы не противоречить этим ценностям. В связи с этим мусульманская правовая система относится к изменениям осторожно и внимательно, а юридические инновации тщательно изучаются, оцениваются на их соответствие исламскому праву, прежде чем они будут приняты и в последующем внедрены. Например, такой подход касается различных видов вещных прав и переход права собственности на них [10, с. 408].

Активное стремление к совершенствованию и развитию во всех областях, включая правовую систему характерно Объединенным Арабским Эмиратам (ОАЭ).

ОАЭ активно развивает электронную систему правосудия, которая позволяет гражданам и юридическим лицам подавать документы, следить за процессом судебных дел и получать информацию онлайн. Это позволяет ускорить процесс обработки дел и улучшить доступность правосудия. В стране создан правовой портал, который предоставляет гражданам и юридическим лицам доступ к законодательству и правовой информации. Пользователи могут найти законы и нормативные акты, анализировать судебные решения, получать доступ к юридическим консультациям и другим правовым ресурсам. В ОАЭ активно применяются альтернативные методы разрешения конфликтов, такие как медиация и арбитраж. Они способствуют более быстрому и эффективному разрешению споров, а также дают участникам возможность сохранить более дружеские отношения и сохранить коммерческую связь. На регулярной основе вводятся новые законодательные акты. В частности, были приняты законы о защите прав потребителей, борьбе с коррупцией, интеллектуальной собственности и другие. Развиваются международные партнерства и сотрудничество с лучшими правовыми специалистами и учреждениями со всего мира. Это позволяет использовать передовой опыт и знания других стран для улучшения правовой системы ОАЭ. Страна продолжает активно работать над развитием и улучшением своей правовой системы, чтобы соответствовать современным требованиям и обеспечить справедливость и эффективность правосудия.

Шариат ориентирован на сохранение традиционных ценностей и обычаев. Поэтому юридические инновации, которые противоречат или угрожают этим ценностям, могут быть отвергнуты или недопустимы в рамках мусульманской правовой семьи. Надо полагать, что в складывающейся обстановке инновации в мусульманской правовой системе должны быть согласованы и приняты всеми заинтересованными сторонами и общественными группами. Это подразумевает демократический и консенсуальный подход к принятию инноваций.

Важно отметить, что подходы и толкования шариата и его отношение к юридическим инновациям могут различаться в различных странах и между различными школами исламской юриспруденции. Однако эти особенности являются общими для мусульманской правовой системы.

В эпоху цифровой трансформации правовые системы стран Азии претерпевает ряд юридических инноваций, которые в первую очередь внедрялись для того, чтобы преодолеть существующий кризис правоприменительной практики. Отдельные исследователи отмечают, что уже в середине 90-х г. XX в. в Республике Сингапур начинают внедрять в судебную систему информационно-коммуникативные технологии. Развивается электронное правосудие, используется видеоконференцсвязь в гражданском процессе, автоматизирован первичный приём документов в суд [11, с. 186]. В конечном итоге инновационно-юридическая стратегия правительства Сингапура в том числе направлена на улучшение функционирования судебной системы страны.

Инновационные юридические стратегии в китайской правовой системе способствуют совершенствованию электронных документов и электронного урегулирования споров; реформе системы административного наказания; использованию искусственного интеллекта; повышению прозрачности правосудия.

Китайское правительство активно разрабатывает и внедряет системы электронного документооборота и онлайн-услуг для судей, адвокатов и граждан. Это позволяет ускорить процесс подачи и рассмотрения дел, а также снизить издержки и временные затраты. Внедряются новые механизмы административного наказания, включая использование моделей риска и выборочных проверок. Это позволяет более эффективно бороться с нарушениями закона и улучшить качество регулирования правоотношений. Активно исследуется и интегрируется в правовую систему искусственный интеллект, который включает в себя алгоритмическую судебную систему, способную анализировать огромные объемы данных и предлагать более обоснованные решения суду. Предпринимаются шаги для содействия открытости и прозрачности в судебном процессе, включая публикацию решений судов, доступность информации о праве и делах, а также использование случаев судебной практики в качестве руководства для будущих дел. Разрабатывается онлайн-платформа, под названием «судебный портал», где граждане и предприниматели могут подавать жалобы, запросы и получать информацию о своих делах. Это упрощает доступ к правовым услугам и повышает эффективность судебных процедур.

Перечисленные юридические инновации позволяют снизить издержки и временные затраты для граждан, улучшить качество правосудия и повысить доверие к правовой системе Китая. Так, в 2020 г. в Китае провели эксперимент, в котором ведущие правоведы страны соревновались с искусственным интеллектом в анализе гражданско-правовых договоров. В результате искусственный интеллект изучил пять юридически значимых документов за одну минуту и нашёл в этих документах рискованные моменты, тогда как экспертам потребовалось на ту же самую работу около 30 минут [12, с. 185].

Необходимо отметить, что отдельные правовые инновации вызывают вопросы относительно приватности данных и этического использования искусственного интеллекта, которые требуют подробного обсуждения и регулирования.

Начиная с XIX в. японская правовая система претерпевала ряд юридических инноваций, которые характеризовались внешним заимствованием элементов из зарубежных правовых систем. Так в ходе мейдзийской реставрации в 1868 г. японский император Муцухито восстановил свое полномочие, что привело к осуществлению судебной реформы, введение западных правовых принципов и создание судебной системы, основанной на прецедентном праве. В 1890 г. японский правительственный комитет основал новый кодекс гражданской процедуры, чтобы привнести западные правовые традиции и заменить старую систему. После второй мировой войны Япония приняла новую конституцию, в которой закреплены гражданские и политические права, отделение властей и гарантии защиты прав человека.

В Японии активно внедряется система судебных участков, чтобы облегчить доступ граждан к юстиции. Это позволяет ускорить разрешение некоторых гражданских и уголовных дел. Начиная с 2009 г., Япония инвестирует в развитие системы электронной юстиции, что позволяет ускорить судебные процедуры, повысить эффективность и обеспечить лучшую доступность и прозрачность правосудия.

В целом, Япония стремится модернизировать и улучшить свою правовую систему, чтобы отразить современные вызовы и потребности общества.

Таким образом, взаимодействие между юридическими инновациями и политико-правовыми приоритетами может создать конфликты или противоречия. Например, инновации, направленные на защиту прав граждан, могут противоречить политико-правовым приоритетам, связанным с обеспечением безопасности общества. В таких случаях необходимо искать баланс между различными инновациями и приоритетами, чтобы достичь оптимальных результатов.

Важно учитывать, что успешная реализация юридических инноваций и политико-правовых приоритетов требует сотрудничества между правительственными органами, правоохранительными органами, юристами, академическими исследователями и другими заинтересованными сторонами. Взаимодействие и сотрудничество могут помочь в достижении согласованного подхода к юридическим инновациям и политико-правовым приоритетам, а также устранить возможные проблемы в их взаимодействии.

Список литературы:

1. Ойхер, А. Д. Стратегический анализ взаимодействия управляющих компаний с внешней средой / А. Д. Ойхер // Дискуссия. – 2018. – № 1 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskii-analiz-vzaimodeystviya-upravlyayuschih-kompaniy-s-vneshney-sredoy> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
2. Иванченко, О. В. Выбор стратегии развития компании в процессе формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры маркетинга / О. В. Иванченко // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2017. – № 2 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-strategii-razvitiya-kompanii-v-protsesse-formirovaniya-informatsionno-kommunikatsionnoy-infrastruktury-marketinga> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
3. Кокорина, А. В. Проведение маркетинговых исследований / А. В. Кокорина, М. А. Сергеева, О. В. Пацук // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2016. – № 7-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-marketingovyh-issledovaniy> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
4. Нырков, В. В. Научные (доктринальные) основы концепции развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области гражданского судопроизводства / В. В. Нырков // Вестник СГЮА. – 2020. – № 5 (136). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-doktrinalnye-osnovy-kontseptsii-razvitiya-i-unifikatsii>

- zakonodatelstva-reguliruyushchego-primenenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v (дата обращения: 14.03.2024). – Текст : электронный.
5. Маркова, М. М. Классические виды систематизации романо-германского законодательства: французская, германская и швейцарская кодификации / М. М. Маркова, К. Б. Хачирова // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskie-vidy-sistematizatsii-romano-germanskogo-zakonodatelstva-frantsuzskaya-germanskaya-i-shveysarskaya-kodifikatsii> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
6. Рассказов, Л. П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники / Л. П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglosaksonskaya-pravovaya-semya-genezis-osnovnye-cherty-i-vazhneyshie-istochniki> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
7. Оксамытный, В. В. Закон в системе источников современного права: сравнительная характеристика / В. В. Оксамытный // Вестник БГУ. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-v-sisteme-istochnikov-sovremennoy-prava-sravnitel'naya-harakteristika> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
8. Ермакова, Е. П. Пилотные проекты онлайн разрешения споров в Англии и закон «О судебном пересмотре и судах» 2022 года / Е. П. Ермакова // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pilotnye-proekty-onlayn-razresheniya-sporov-v-anglii-i-zakon-o-sudebnom-peresmotre-i-sudah-2022-goda> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
9. Попова, И. А. Источники мусульманского права / И. А. Попова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-musul'manskogo-prava> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
10. Примаков, Д. Я. Сделка саям в исламской традиции и ее применение в исламском банкинге / Д. Я. Примаков, А. Д. Рудоквас, И. Тенберга // Правоведение. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdelka-salyam-v-islamskoy-traditsii-i-ee-primeneniye-v-islamskom-bankinge> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
11. Хорошко, И. В. Зарубежный опыт электронной формы гражданского судопроизводства на примере республики сингапур и китайской народной республики: история возникновения и современное состояние / И. В. Хорошко // Человек: преступление и наказание. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-elektronnoy-formy-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-na-primere-respubliki-singapur-i-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 15.03.2024). – Текст : электронный.
12. Непейвода, Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР / Н. Непейвода. – 2020. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633 (дата обращения: 15.03.2024). – Текст : электронный.

Kuryshev E. Yu. Legal innovations and political and legal priorities of foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 344–351.

The article analyzes the main parameters of the correlation between legal innovations and political and legal priorities of individual legal systems of foreign countries. The paper studies the concept of legal innovations and their content. The problem of interrelations of political-legal priorities and legal innovations in different legal systems is considered. The questions of practical application of innovative legal strategies at the state and regional levels are raised. Some types and techniques of formation of innovative legal strategies in the Romano-Germanic, Anglo-Saxon, Muslim family, as well as in some countries of the Far East are studied. The author states that legal priorities are determined by state policy and can be expressed in different amounts, types and types of legal innovations, based on the existing traditions inherent in legal families. It is concluded that the interaction between legal innovation and political-legal priorities can create conflicts or contradictions. Successful implementation of legal innovation and policy-legal priorities requires collaboration between law enforcement, lawyers, academic researchers, and other stakeholders. Such collaboration can help to achieve a harmonized approach to legal innovation and policy priorities, as well as eliminate possible problems in their enforcement.

Keywords: legal innovations, digital law, innovative legal strategies, artificial intelligence, online justice.

Spisok literatury:

1. Ojxer, A. D. Strategicheskij analiz vzaimodeystviya upravlyayushhix kompanij s vneshnej sredoy / A. D. Ojxer // Diskussiya. – 2018. – № 1 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-analiz-vzaimodeystviya-upravlyayushchih-kompaniy-s-vneshney-sredoy> (дата обращения: 13.03.2024). – Текст : электронный.
2. Ivanchenko, O. V. Vy`bor strategii razvitiya kompanii v processe formirovaniya informacionno-kommunikacionnoj infrastruktury` marketinga / O. V. Ivanchenko // Vestnik RGE`U RINX. – 2017. – № 2 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-strategii-razvitiya-kompanii-v-protsesse-formirovaniya>

- informatсионно-коммуникатсионной-инфраструктуры-маркетинга (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
3. Kokorina, A. V. Provedenie marketingovy`x issledovaniy / A. V. Kokorina, M. A. Sergeeva, O. V. Paczuk // Social`no-e`konomicheskie issledovaniya, gumanitarny`e nauki i yurisprudenciya: teoriya i praktika. – 2016. – № 7-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-marketingovyh-issledovaniy> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
4. Ny`rkov, V. V. Nauchny`e (doktrinal`ny`e) osnovy` koncepcii razvitiya i unifikatsii zakonodatel`stva, reguliruyushhego primeneniye cifrovyy`x tekhnologiy v oblasti civilisticheskogo sudoproizvodstva / V. V. Ny`rkov // Vestnik SGYuA. – 2020. – № 5 (136). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-doktrinalnye-osnovy-kontseptsii-razvitiya-i-unifikatsii-zakonodatelstva-reguliruyushchego-primeneniye-tsifrovyyh-tehnologiy-v> (data obrashheniya: 14.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
5. Markova, M. M. Klassicheskie vidy` sistematizatsii romano-germanskogo zakonodatel`stva: francuzskaya, germanskaya i shvejczarskaya kodifikatsii / M. M. Markova, K. B. Xachirova // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskie-vidy-sistematizatsii-romano-germanskogo-zakonodatelstva-frantsuzskaya-germanskaya-i-shveytsarskaya-kodifikatsii> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
6. Rasskazov, L. P. Anglosaksonskaya pravovaya sem`ya: genezis, osnovny`e cherty` i vazhneyshie istochniki / L. P. Rasskazov // Nauchny`j zhurnal KubGAU. – 2015. – № 105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglosaksonskaya-pravovaya-semya-genezis-osnovnye-cherty-i-vazhneyshie-istochniki> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
7. Oksamy`tny`j, V. V. Zakon v sisteme istochnikov sovremennogo prava: sravnitel`naya xarakteristika / V. V. Oksamy`tny`j // Vestnik BGU. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-v-sisteme-istochnikov-sovremennogo-prava-sravnitelnaya-harakteristika> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
8. Ermakova, E. P. Pilotny`e proekty` onlayn razresheniya sporov v Anglii i zakon «O sudebnom peresmotre i sudax» 2022 goda / E. P. Ermakova // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 1 (71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pilotnye-proekty-onlayn-razresheniya-sporov-v-anglii-i-zakon-o-sudebnom-peresmotre-i-sudah-2022-goda> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
9. Popova, I. A. Istochniki musul`manskogo prava / I. A. Popova // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-musulmanskogo-prava> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
10. Primakov, D. Ya. Sdelka salyam v islamskoy traditsii i ee primeneniye v islamskom bankinge / D. Ya. Primakov, A. D. Rudokvas, I. Tenberga // Pravovedenie. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdelka-salyam-v-islamskoy-traditsii-i-ee-primeneniye-v-islamskom-bankinge> (data obrashheniya: 13.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
11. Xoroshko, I. V. Zarubezhny`j opy`t e`lektronnoy formy` grazhdanskogo sudoproizvodstva na primere respubliky singapur i kitayskoy narodnoy respubliky: istoriya vozniknoveniya i sovremennoe sostoyaniye / I. V. Xoroshko // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-elektronnoy-formy-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-na-primere-respubliki-singapur-i-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (data obrashheniya: 15.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.
12. Nepejvoda, N. Pravosudie na konchikax pal`cev: opy`t KNR / N. Nepejvoda. – 2020. – URL : https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633 (data obrashheniya: 15.03.2024). – Tekst : e`lektronny`j.

УДК 340

**РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫБОРОВ В ГРЕНЛАНДИИ
В УСЛОВИЯХ ШИРОКОЙ АВТОНОМИИ (2009-2023)**

Хрущев Р. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс эволюции правового регламентирования парламентских выборов в Гренландии в условиях широкой автономии с 2009 г. выявлено, что нормативно, впервые особая система выборов для Гренландии в парламент королевства была установлена законом 1974 г., входе реформирования системы местного самоуправления, эволюции правового статуса самоуправления Гренландии, подготовки закона о ограниченном самоуправлении 1978 г. следующий закон о парламентских выборах в Гренландии был принят 21 декабря 1988 г., он действовал с соответствующими поправками и изменениями до 1993 г., а последующие изменения и законы о парламентских выборах в Гренландии приняты 28 апреля 1999 г., 29 апреля 2009 г. (о внесении изменений в список избирательных округов) и, соответственно, в 2023 г. Специфическая система выборов (при активном голосовании через почту), обусловлена демографическими, территориальными и климатическими факторами, а также тем, что многие гренландцы активно заняты в торговом и промысловом рыболовстве, что подразумевает нахождение большого количества мужчин на судах основную часть года. В тоже время, установленная квота представителей Гренландии в парламенте Дании (2 депутата), позволяет гренландцам доносить до высшей власти королевства свою точку зрения, озвучивать с высокой трибуну свою позицию.

Ключевые слова: королевство Дания, самоуправление Гренландии, закон о выборах в парламент, избирательные округа, голосование на почте.

Обращение к проблеме организации выборов в Гренландии в исследуемый период обусловлено необходимости выявления таких факторов, как:

- 1) организация волеизъявления гренландцев в условиях широкого самоуправления;
- 2) выявление специфики проведения выборов в природно-географических, климатических, демографических условиях Гренландии;
- 3) определение установленных законом случаев выборов в Гренландии;
- 4) обзор законодательства, регулирующего вопросы проведения выборов в Гренландии.

Как известно, длительный период времени гренландцы могли принимать участие в выборах лишь своих местных советов и муниципалитетов (находясь в статусе колонии); с обретением в 1953 г. статуса графства – участвовать в общегосударственных выборах [1, с. 1-21; 2, с. 464-471]. В ходе работы по получению «домашнего правления» был принят «Закон о парламентских выборах в Гренландии» 1974 г. (см. исполнительный указ No 416 от 29 июля 1974 г.), который сменил закон о парламентских выборах в Гренландии № 845 от 21 декабря 1988 г. [3], действовавший с соответствующими поправками и изменениями до 1993 г., и последующие изменения и законы о парламентских выборах в Гренландии – 28 апреля 1999 г. (84 ст.) [4], 29 апреля 2009 г. (о внесении изменений в список избирательных округов) [5].

С обретением Гренландией широкой автономии в 2009 г. [6], соответственно были внесены изменения и в нормы, регулирующие проведение выборов. Это произошло законом от 28 июня 2018 г. [7] и законом 25 ноября 2021 г. [8].

Однако, 8 сентября 2023 г. произошло «Обнародование Закона о парламентских выборах в Гренландии», с принятием которого был отменен ранее действовавший «Закон о парламентских выборах в Гренландии» [9].

Данный акт сохранил правило, согласно которому в Гренландии в парламент Дании избирались два депутата (§ 1).

Все граждане, достигшие 18 лет, право голоса в Фолькетинге, постоянно проживающие в королевстве (в том числе пребывающие за границей госслужащие и члены их семей), дееспособные, а также лица, находящиеся за границей на учебе и по состоянию здоровья (§ 2-3). Однако, избирательным правом пользовались лишь включенные в список избирателей (§ 4), а § 5-6 устанавливали ограничения на право баллотироваться в Фолькетинг.

В гл. 3 – установление избирательных округов, с указанием их в приложении (§ 7-8).

Выборы проходят под общим председательством национального омбудсмана Гренландии, который ведет книгу выборов (§ 9), а в муниципалитетах выборы проходят под председательством избирательной комиссии, состоящей из председателя муниципального совета и не менее 2 муниципальных советников избираемых муниципальным советом (§ 10), с назначением лидера в каждом округе и избирательных участках вне округа (§ 11, п. 1-2), а также должностных лиц (§ 11, п. 3) и назначенных избирателей из числа избирателей (§ 12).

Избиратели должны быть зарегистрированы в соответствующих списках в своих муниципалитетах, в том числе и те, что пребывают за пределами страны, но последние с определенными условиями (§ 13-15), а также с разделением на основной список избирателей и список новичков (§ 18).

Правила процедуры регистрации в списках избирателей устанавливаются министрами внутренних дел и здравоохранения (§ 15, п. 7).

Процесс подготовки выборов в парламент Дании начинается с открытого королевского письма национальному омбудсмену (§ 24), который объявляет день выборов и крайний срок представления отчетов о кандидатах, информирует избирательные комиссии, после чего вступают в работу сотрудники избирательных комиссий (§ 25).

Каждый кандидат может быть выдвинут либо партией, либо не менее чем 100 избирателями округа. Вместе с тем запрещалось выдвижение одного и того же кандидата от партии и в качестве беспартийного, от нескольких партий, в Гренландии и в остальной части королевства (§ 26). Установлены требования к уведомлению кандидата (§ 27) и правила отзыва извещения о выдвижении (§ 27 а).

После истечения срока подачи кандидатами своих документов избирательная комиссия проверяет их документы и уведомляет о необходимом омбудсмана (§ 28-29). Лишь национальный омбудсмен принимает окончательное решение о действительности или недействительности сообщений кандидатов, с уведомлением их о том (§ 30), после чего объявляет имена кандидатов (§ 31).

Также национальный омбудсмен выдает избирательные бюллетени для голосования, направляет их для голосования в избирательные комиссии (§ 33).

Основная часть голосования проходит в день выборов (гл. 6) на избирательных участках в закрытых кабинках (§ 34) и проходит с 9.00 до 20.00 или же пока избиратели не придут голосовать, а может прекратиться если ни один из избирателей не за-

явит о намерении голосовать, или же прекращается досрочно, когда проголосовали все избиратели (§ 35). Как везде во многих странах, избиратели, ограниченные в своей подвижности имеют права запросить помощь и проголосовать за пределами участка (§ 38).

Избиратели, проживающие в Гренландии, которые не могут явиться на голосование в день выборов, могут проголосовать по почте в любом реестре населения. Такое же право дано лицам, находящимся в больнице, находящимся в заключении (п. 2); проживающие на аэродромах, метеостанциях голосуют на почте с избирателем, назначенным министром внутренних дел и здравоохранения (§42, п. 1-4); избиратели в отдаленных местах, которые не являются независимым избирательным округом могут проголосовать на почте с лицом, имеющим право голоса и назначенным муниципальным советом и т.п. (§ 42, п. 5). Аналогично избиратели, проживающие на иной части территории королевства – на почту в регистре народонаселения или у назначенного избирателя (п. 6); находящиеся за границей – на почте в датском дипломатическом представительстве или консульском учреждении, или у назначенного избирателя (п. 7); моряки и пассажиры на борту судов, находящихся в Гренландии или на датских судах, лица, работающие на датских морских объектах – на почте на судне или морской установке. В данном случае получателем голосов выступает капитан или лицо им назначенное и т.п. (§42, п. 8). Однако, голосование на почте не могло состояться не ранее нежели за 3 месяца до выборов, а моряки гренландских или датских судов, совершающих международные рейсы, их супруги и путешествующие с ними, могли голосовать на почте судна со следующего дня после выборов в Фолькетинг (§ 43).

Отдельно устанавливался набор документов для голосования на почте и их содержание; правила заполнения бюллетеня и сопроводительного письма и иные процедуры (§§ 44 а.-46); условия, когда не учитывалось голосование на почте (§49, п. 2) и иная специфика голосования в по почте (§§47-52).

Особые условия устанавливались в отношении объявлений о выборах, в т.ч. предварительная инвентаризация, подсчет голосов и т.п. (§53); признание бюллетеня недействительным при голосовании обычным порядком (§54, п. 1) и по почте (§54, п. 2), порядок учета бюллетеней (§ 55, п. 2), подсчета голосов (§56), подсчет общих результатов избирательной комиссией (§57), заявление омбудсмана о предварительных результатах (§58); выдача им же избирательных писем избранным кандидатам (§59) и информирование министров внутренних дел и здравоохранения о важнейших обстоятельствах (§60) и т.п., в том числе правила определения победителей при равном количестве голосов (§62, п. 2; §63).

Лишь после этого происходит одобрение выборов Фолькетингом и утверждение парламентом Дании обоснованности выбора кандидатов (§64), открывается возможность обжалования выборов (§65), а если жалоба признается законной, то назначаются новые выборы (§66).

Особые нормы рассматриваемого закона устанавливают порядок проведения референдумов в Гренландии (§70-80) [9].

Таким образом, можно указать, что опыт правового регулирования и организации парламентских выборов в Гренландии начался с принятия Конституции Дании 1953 г. и преобразованием ее в графство; второй этап с получением частичной автономии в 1978 г., а третий с 2009 г., когда Гренландия обрела широкое самоуправле-

ние. Специфическая система выборов (при активном голосовании через почту), обусловлена демографическими, территориальными и климатическими факторами, а также тем, что многие гренландцы активно заняты в торговом и промысловом рыболовстве, что подразумевает нахождение большого количества мужчин на судах основную часть года. В тоже время, установленная квота представителей Гренландии в парламенте Дании (2 человека), позволяет гренландцам доносить до высшей власти королевства свою точку зрения, озвучивать с высокой трибуну свою позицию.

Список литературы:

1. Maria Ackrén. Development of Autonomy in Greenland – From Home Rule to Self-Government // *Autonomy Arrangement in the World*. January 2022. – S. 1-21. – 1666882635-greenland-2022.pdf (eurac.edu).
2. Хрущев Р. С. Историко-правовые и организационные предпосылки принятия закона о самоуправлении Гренландии 1978 г. // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 464-471. (текст : непосредственный)
3. Forslag til Lov om folketingsvalg i Grønland. - F. 1.1. om folketingsvalg i Grønland. – S. 309–342. – URL : 19881_L6_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения : 1.04.2024)
4. LBK nr 255 af 28/04/1999. Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland. - Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland (lovkilden.dk) (дата обращения : 10.04.2024)
5. BEK No 340 af 29.04.2009. – URL : Anordning om ændring af fortegnelsen over valgdistrikter i lov om folketingsvalg i Grønland. – Bekendtgørelse om ændring af den fortegnelse over valgkredse, der indeholdes i lov om folketingsvalg i Grønland (retsinformation.dk) (дата обращения : 02.04.2024)
6. LOV nr 473 af 12/06/2009. – Lov om Grønlands Selvstyre. – URL : Selvstyreloven (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024) (дата обращения : 05.04.2024)
7. LBK No 916 af 28.06.2018. Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland. – URL : Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024).
8. LBK No 2241 af 25.11.2021. Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland. – URL : Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024)
9. LBK nr 1167 af 08/09/2023. Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland. – URL : Bekendtgørelse af lov om folketingsvalg i Grønland (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024).

Khrushchev R. S. Regulating the organisation of elections in Greenland under broad autonomy (2009-2023) // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 352– 355.

The article considers the process of evolution of legal regulation of parliamentary elections in Greenland under conditions of wide autonomy since 2009. It is revealed that normatively, for the first time a special system of elections for Greenland to the Parliament of the Kingdom was established by the law of 1974, during the reform of the system of local self-government, evolution of the legal status of Greenland self-government, preparation of the law on limited self-government in 1978, the next law on parliamentary elections in Greenland was adopted on 21 December 1988, it was in force with the relevant amendments.

The specific electoral system (with active voting by post) is due to demographic, territorial and climatic factors, as well as to the fact that many Greenlanders are actively engaged in commercial and commercial fishing, which means that a large number of men are on ships for most of the year. At the same time, the established quota of Greenlandic representatives in the Danish Parliament (2 deputies), allows Greenlanders to convey to the highest authorities of the kingdom their point of view, to voice their position from a high rostrum.

Key words: Kingdom of Denmark, Greenlandic self-government, Parliamentary Elections Act, electoral districts, postal voting.

УДК 340

**ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВЫХ ПОРТОВ
ГРЕНЛАНДИИ**

Змерзлый Б. В., Клименко Е. П.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

В статье рассмотрена специфика правовой организации деятельности торговых портов Дании, которая заключается в наличии трех отдельных систем: собственно, Дании, Фарерских островов, Гренландии. Это вызвано широкими правами самоуправления, предоставленными в 1948 г. Фарерским островам и в 2009 г. Гренландии. Соответственно в каждом из регионов королевства действует собственная подсистема нормативных актов, регулирующая вопросы организации и деятельности торговых портов, их подчиненности и т.п. Особое место в статье занимает подробный анализ приказа № 1 от 4 января 2000 г. «о портовых правилах» в Гренландии, которым, на основе норм международного права, а также соответствующих норм королевства Дания установлены общие для всех торговых портов Гренландии правила, нормы деятельности администрации торговых портов, судовладельцев, капитанов, судовой команды

Ключевые слова: торговые порты, управление, Дания, Гренландия, Фарерские острова.

Правовое регулирование деятельности торговых портов Дании имеет богатую историю, что во многом связано с географическим положением данной страны, а также ее автономных регионов – Фарерских островов и Гренландии

История эволюции торговых портов Дании и их правовой организации нашла свое отображение во множестве научных и научно-популярных работ [1], в то время как современное состояние регулирования портовой деятельности, в силу своей динамики и специфики, представляет особый интерес.

Ранее действовавший закон о портах был обнародован в мае 2012 г. [2]. Сегодня в Дании действует закон от 24 января 2024 г. [3]. Ключевая роль по вопросам деятельности торговых портов Дании принадлежит министру транспорта, который устанавливает правила об уведомлениях, запреты (§ 1), принимает решение о строительстве нового порта или реконструкции уже действующего (§ 2); при необходимости принимает решение о распределении расходов между портами или требовать, чтобы порт покрывал расходы по углублению фьордов, портов (§ 3); издает распоряжения о ремонте портовых сооружений или демонтаже, ликвидации порта (§ 4).

Следует указать, что организация портов в Дании предусматривает несколько организационно-технических форм: 1) государственный; 2) муниципальный; 3) муниципальный самоуправляющийся; 4) общество с ограниченной ответственностью, полностью или частично находящееся в муниципальной собственности; 5) частный порт (§ 6, п. 1).

При этом приоритет закон отдает портовым территориям, используемых для коммерческой деятельности (§ 6, п. 2).

Учитывая важность торговых портов для муниципалитетов, предусматривается, что несколько муниципалитетов могут управлять одним или несколькими портами, в качестве муниципальной общины.

При этом порт, независимо от его организационной формы, может, во-первых: 1) нести ответственность за эксплуатацию и строительство портовой инфраструктуры, в том числе ограждающих сооружений, причалов и портовых бассейнов;

2) сдавать в аренду частные компании на рыночных условиях земельные участки и существующие здания в порту; 3) сотрудничать с другими портами в эксплуатации и развитии портовой инфраструктуры, зданий и сооружений, а также в закупках товаров и услуг (§ 6 а).

Во-вторых, порт может приобретать участки на ограниченном расстоянии от существующих площадей порта, если существующих площадей порта недостаточно для предоставления услуг пользователям порта или для обеспечения непрерывной работы порта. На таких участках порт может осуществлять деятельность в рамках выбранной организационной формы. Осуществление деятельности и приобретение земли должны быть разделены в независимую налогооблагаемую компанию с ограниченной ответственностью, которая действует на рыночных условиях и в соответствии с положениями Закона Дании о компаниях (§ 6 а, п. 2).

В-третьих, за исключением первоначального взноса в уставный капитал компании, упомянутого в п. 2, порт не может предоставлять гранты или займы, гарантировать займы компании или нести какую-либо иную ответственность по долгам компании. Муниципалитет не может оказывать финансовую поддержку компании, которая отделена от муниципального самоуправляемого порта или порта, организованного как полностью или частично муниципальное акционерное общество (§ 6 а, п. 3).

Любой государственный порт управляется министром транспорта или лицом, уполномоченным министром на это (§ 7, п. 1). Именно министр имеет право создать портовый совет для управления повседневными операциями. В случае создания портового совета, муниципальный совет муниципалитета, в котором расположен порт, избирает 2 членов совета. Полномочия Совета порта определяет Министр (§ 7, п. 2).

При этом порту позволено предоставить краны, склады и т.п. для обслуживания судов, стивидоров, судовладельцев и т.д.

В тоже время, муниципальный порт управляется муниципальным советом муниципалитета, в котором он расположен (§ 8), а также такой муниципальный самоуправляемый порт является независимым предприятием, управляемым муниципальным советом муниципалитета, в котором расположен порт (§ 9, п. 1); управление портом осуществляется правлением порта, избираемым муниципальным советом (§ 9, п. 2).

Такой порт муниципальный самоуправляющийся порт может самостоятельно или в сотрудничестве с другими: 1) осуществлять деятельность, связанную с портовыми операторами; 2) оказывать вспомогательные услуги, связанные с судном; 3) использовать избыточные мощности портового оборудования для реализации услуг портовым пользователям; 4) владеть и эксплуатировать здания и сооружения, обслуживающие пользователей порта; 5) владеть и эксплуатировать волновые и ветряные электростанции и продавать излишки продукции от них (§ 9, п. 6).

К эксплуатации муниципальных портов государство выдвинуло главное условие – чтобы его доходы, как минимум, покрывали расходы.

Несмотря на нахождение в подчинении муниципалитета, министр транспорта устанавливает правила оплаты труда и возмещения расходов председателю и другим членам правления порта, и их заместителям. Расходы на это несет портовая казна (§ 9, п. 15).

Порт, организованный полностью или частично как муниципальное общество с ограниченной ответственностью, может предоставлять краны, склады и т.д. для обслуживания судов, стивидоров, судовладельцев и т.д. и осуществлять деятельность, связанную с портовыми операторами.

Порт, организованный как общество с ограниченной ответственностью, полностью или частично находящееся в муниципальной собственности, может в этом самостоятельно или в сотрудничестве с другими лицами: 1) выполнять вспомогательные услуги по связанным с судном; 2) использовать избыточные мощности портового оборудования для реализации услуг портовыми пользователями; 3) владеть и эксплуатировать здания и сооружения, обслуживающие пользователей порта; 4) владеть и эксплуатировать волновые и ветряные электростанции и продавать излишки продукции от них; 5) иным образом заниматься деятельностью, поддерживающей использование портового и морского транспорта (§ 10, п. 3-4). Более того, отдельным видам портов позволено инвестировать свои средства в иностранные порты (§ 10, п. 10).

При всей многогранности рассматриваемого нормативного акта, он содержит одно важное ограничение – его деятельность не распространяется на торговые порты Гренландии и Фарерских островов. Позволим себе напомнить, что по закону о самоуправлении Фарерских островов № 137 от 23 марта 1948 г., самоуправлению передавались в том числе такие вопросы как Порты, берегоукрепление, каналы, Судовые реестры, кораблекрушения [4].

Аналогично, закон о самоуправлении Гренландии 2009 г. также подразумевает переход под власть местного самоуправления всех вопросов, связанных с транспортно-портовой отраслью, в том числе и торговых портов [5].

Однако еще 23 декабря 1986 г. был принят закон Гренландии № 943 об электричестве, водоснабжении и отоплении, пожарной охране, гаванях, дорогах, телекоммуникациях и т.д.: пар. 3 которого установил право самоуправления устанавливать правила строительства и эксплуатации портов. С целью дальнейшей организации деятельности торговых портов Гренландии в ходе развития системы самоуправления, первый соответствующий нормативно-правовой акт «Положение о строительстве, техническом обслуживании, эксплуатации и т. д. портовых сооружений Домашнего Правления» был принят еще 29 октября 1999 г. [6].

Им установлено, что данный акт Гренландии применяется к строительству, обслуживанию и эксплуатации портовых сооружений острова, для осуществлению центрального и функционального управления портом (§ 1, п. 1). Однако, не распространяется на портовые сооружения для рекреационных целей или на портовые сооружения оборонного значения Кангилиннгуит (Грённедал) и Питтуфик (Дундас).

Парламентское постановление также не распространяется на портовые сооружения и т. д., которые являются непосредственной частью резервуарных сооружений, т.к. они принадлежат компании Pilersuisoq A/S (§1, п. 2). Устанавливалось, что основное назначение портовых сооружений Гренландии – прием и отправка грузов, обслуживание рыбной промышленности и морских пассажирских перевозок (§ 2).

Целью Положения о портах объявлялась – обеспечить планирование, расширение, обслуживание и управление портовыми сооружениями Самоуправления таким образом, чтобы основная цель гаваней выполнялась наилучшим образом (§ 2, п. 2).

В связи с этим, важнейшим заданием было обеспечение надлежащего строительства, содержание и эксплуатация портовых сооружений. Для ее осуществления, правительство автономии Королевства устанавливает положения по управлению строительством, содержанием и эксплуатацией портовых сооружений автономии, включая любые платежи за использование портовых территорий (§ 3). Также правительство Гренландии обязалось устанавливать положения об осуществлении управления портом, в том числе о том, кто несет ответственность за его местное, функциональное управление портом (§ 4).

Постановления, изданные в соответствии с Парламентским ордонансом Гренландии, могли предусматривать и санкции в виде штрафов (§5, п. 1).

На основании выше указанного акта от 29.10.1999 г. вышел приказ № 1 от 4 января 2000 г. о портовых правилах, которым отменялся документ полувековой давности – Правила о гаванях Гренландии от 5 мая 1951 г. Приказ регулирует вопросы уведомления, введения и продолжения (гл. 1, §§1-6), погрузочно-разгрузочные работы (гл. 2, § § 7-12); судоремонт, постановка на прикол и т.д. (гл. 3, §§ 13-17); использование портовых земель (гл. 4, §§ 18-22); ответственность (гл. 3, §§ 29-30).

Приказом установлено, что Портовые правила применяются ко всем гренландским портам и местам, за исключением мест отдыха Кангилиннит (Грпиннедал) и Питуффик (Дундас). Портовые правила не распространяются на портовые сооружения и т.д., которые являются непосредственно частью резервуарных сооружений, поскольку они принадлежат Pilersuisoq A/S (§ 1, п. 1).

Администрация порта несет ответственность за свободный и неограниченный доступ в порт насколько это возможно (§ 1, п. 2). Однако, до прихода судна в порт грузчику судна или агенту необходимо связаться с администрацией порта, для указания информации о данных судна, расчетном времени прибытия, цели установки и предполагаемой продолжительности стоянки в порту (§ 1, п. 3). По требованию администрации лицо, уведомившее ее, должно представить официальные документы судна и предоставить всю необходимую информацию о судне, грузе и имущественных правах (§ 1, п. 4).

Администрация порта может потребовать сдачи на хранение всех или части судебных документов и свидетельств во время стоянки судна в порту (§ 1, п. 5); может создать положение, в соответствии с которым владелец, руководитель или агент судна обеспечит властям порта удовлетворительные гарантии по любым претензиям (§ 1, п. 6). В том числе это касается судов, перевозящих опасные грузы (§ 1, п. 7).

На момент уведомления и во время нахождения в порту судно должно быть пригодным для использования по назначению и иметь все необходимые сертификаты в соответствии с классом судна и, для Гренландии, соответствующими правилами (§ 2). Только при соблюдении всех формальностей администрация выделяет причал для судна. Как правило, это происходит после его прибытия, за исключением судов, совершающие регулярные рейсы со стационарными причалами. Администрация всегда определяет, какому судну будет предоставлено место для стоянки (§ 3, п. 1),

может потребовать убрать или переставить суда, препятствующие приему и выгрузке грузов, рыбному хозяйству и пассажирским перевозкам и т.п. (§ 3, п. 1).

В случае невыполнения владельцем/пользователем таких судов указаний администрации по перестановке судна, администрация может организовать подъем судна и постановку на якорь за счет и на риск владельца (§ 3, п. 3). Также администра-

ция может предоставить судну приоритет в отношении причала, непосредственно прилегающим к складским помещениям, у которого судно должно быть загружено или выгружено (§ 3, п. 4). Погрузка или выгрузка грузов, или газов наливом должна производиться в установленные законодательством цистерны или из них и на специально отведенных для этого причалах (§ 3, п. 5).

Суда должны находиться в указанном месте, и не задерживаться без особого разрешения (§ 3, п. 6).

Администрация имеет право задержать судно в другом месте и право задержать судно за счет судна и на свой риск, если соответствующее распоряжение не исполнено (§ 3, п. 6).

Прогулочные суда должны храниться в порту на предназначенных для этой цели причалах, за исключением случаев, когда администрацией выдано специальное разрешение на дальнейшую стоянку в другом месте (§ 3, п. 8).

В порту запрещалось без крайней необходимости производить постановку на якорь в запретной зоне гавани и на участках пути к гавани, за исключением когда администрация дает на это специальное разрешение (§ 4, п. 1), а суда, стоящие на якоре в пределах запретной зоны порта, обязаны иметь на борту экипаж, соответствующий размерам судна, и нести соответствующую радиовахту (§ 4, п. 2).

Администрация может потребовать перемещения любого судна, стоящего на якоре на территории порта, если она установит, что судно препятствует свободному и безопасному проходу (§ 4, п. 3).

Если постановка на якорь не прекращена в срок, установленный администрацией, она может разрешить судну двигаться за счет и на риск судна (§ 4, п. 4).

Ни одно судно не может без специального разрешения администрации перегораживать воду или акваторию гавани канатами (§ 4, п. 5). Плавание в районе порта должно осуществляться на умеренной и безопасной скорости, с обеспечением того, чтобы портовые сооружения, суда или их оборудование не подвергались повреждению (§ 5, п. 1). Для плавания в порту применяются правила плавания и т. д., установленные Датским транспортным агентством (§ 5, п. 2).

Швартовка судов допускается только к специально предназначенным кнехтам, крюкам или кольцам. У причала суда должны быть оборудованы достаточным количеством фальшбортов, подходящим причальным оборудованием, сооружениями, находящимися в собственности, или другими судами, которые не должны быть повреждены. В ином случае необходимо следовать возможным инструкциям администрации порта по дальнейшей перевозке. Судно должно обеспечить наличие безопасного и освещенного схода, который не должен препятствовать свободному проходу, работе портовых кранов и т.п. (§ 6, п. 1).

При стоянке нескольких кораблей, корабли, находящиеся в пределах самого крайнего корабля, должны обеспечить свободный, безопасный и освещенный проход по палубе и с корабля на корабль (§ 6, п. 2).

Суда должны, при необходимости, иметь все сливные отверстия в бортах, оборудованные соответствующими сливными коробами, чтобы предотвратить перетекание вытекающей воды через другие суда или причал (§ 6, п. 3). Суда, на борту которых имеются подозрения на наличие крыс или других паразитов, должны установить металлические экраны на передних площадках, чтобы такие паразиты не могли попасть на берег (§ 6, п. 4).

Суда, перевозящие, загружающие или выгружающие опасные грузы, в т.ч.: взрывчатые вещества, сжатые и другие газы, легковоспламеняющиеся жидкости, самораздувающиеся или выделяющие аналогичные газы в сочетании с водой; зажигательные вещества, токсичные инфекционные вещества, радиоактивные вещества, сильноактивные вещества, другие газы, должны сообщить о том грузе администрации не менее чем за 24 ч. до прибытия (§ 7, п. 1). В уведомлении должны быть указаны все необходимые классификации (вид, количество и масса брутто), класс опасности, упаковка и т.п. (§ 7, п. 2).

В особых случаях администрация может подтвердить уведомление и в более короткий срок. За исключением, когда судно не стоит в порту до получения разрешения администрации (§ 7, п. 3).

Опасные грузы должны быть упакованы, маркированы, уложены, разобраны и надежно закреплены по правилам или рекомендациями Кодекса МРОГ [7] и применимыми гренландским, датскими и международными правилами (§ 7, п. 4).

Суда, осуществляющие перевозку, погрузку или разгрузку опасных грузов, не соответствующих действующим нормам охраны окружающей среды и безопасности, правилам техники безопасности и охраны труда, а также условиям такой перевозки, могут быть отклонены администрацией, которая может потребовать от судна, что уже приступило к погрузке или разгрузке, немедленно покинуть порт (§ 7, п. 5).

Администрация может, после консультации с городской пожарной службой и полицией: 1) отказать судам в перевозке опасных грузов при наличии необходимых мер безопасности при обращении с опасными грузами; 2) на борту судна обеспечить принятие необходимых мер безопасности на борту или на берегу и не нести никаких связанных с этим расходов (§ 7, п. 6).

Суда, перевозящие опасные грузы, должны поднять сигнал пожарной опасности на территории порта, если на их борту находится груз (днем - Международный сигнальный флаг Б, а в ночь фонарь с ярким светом за горизонт (§ 8, п. 1-2).

Судно, получившее сигнал пожарной опасности, должно быть всегда готово к отправке в путь и идти своим курсом (§ 9, п. 1). Однако, на танкерах выход на сушу должен быть тросовым и освещенным. Лодки должны быть изготовлены из негорючего материала, закреплены на борту и спущены на поверхность воды носом и кормой. Необходимый экипаж должен постоянно находиться на борту во время отхода судна (§ 9, п. 2).

Если погрузочно-разгрузочные работы на судне не производятся в нормальном темпе, оцененном администрацией и работы не могут быть завершены в течение нормального периода времени, обычно используемого для данного вида работ, администрация может заранее уведомить, потребовать задержки судна или временного выхода из порта за свой счет, если другое судно ожидает погрузки или разгрузки (§ 10, п. 1). Даже если работы начались своевременно и продолжались без перерывов, судно, тем не менее, должно быть отбуксировано к иному причалу, когда администрация порта сочтет это необходимым. В этом случае судно имеет преимущественное право требовать причал, предназначенный для продолжения его погрузки или разгрузки (§ 10, п. 2).

Судно должно принять необходимые меры для предотвращения выгрузки или разлива груза. В случае такого сброса или разлива судно должно немедленно прекратить разгрузку или разлив и обеспечить эффективную очистку. О разливе необ-

ходимо немедленно сообщить администрации и выполнить указания администрации порта. Это касается и бункеровки (§ 11, п. 1).

В случае разливов и разливов применяются также нормы природоохранного законодательства (§ 11, п. 2), а при аварии с участием опасных веществ необходимо сообщить об этом командованию пожарной охраны (§ 11, п. 3). Погрузка и разгрузка опасных грузов должна, по возможности, начинаться сразу после прибытия, а их передача осуществляться как можно скорее до завершения погрузки или разгрузки (§ 12, п. 1). Танкер, загруженный опасными грузами, должен немедленно покинуть порт, если у него нет специального разрешения администрации на пребывание. Полностью разгруженный танкер, не свободный от газа или не защищенный инертным газом, также должен немедленно покинуть порт (§ 12, п. 2).

Во время стоянки судна в порту ремонт корпусов, механизмов, установок и т.п. не может осуществляться без разрешения властей порта, если ремонт может существенно ухудшить функциональность или пригодность судна (§ 13, п. 1).

Ремонтные или аналогичные работы на судах и оборудовании в порту должны проводиться в соответствии с правилами охраны окружающей среды, здоровья и безопасности (§ 13, п. 2).

При ремонте и техническом обслуживании судов работы должны выполняться так, чтобы гарантировать, что, по мнению администрации, третьи лица и окружающая среда не пострадают, и акватория порта не будет загрязнена (§ 13, п. 3). Наружная обработка судна в акваториях и вне ее, воспрещается (§ 14, п. 1). Обработка поверхности подразумевает мойку под высоким давлением с добавлением краски или без нее, пескоструйную обработку с добавлением воды или без нее, металлизацию, напыление и напыление (§ 14, п. 2).

Суда, не находящиеся в эксплуатации, в т.ч. суда с истекшим сроком службы, катера, баржи, буровые установки и другая продукция, а также грузы, не должны быть оставлены на территории порта или на плаву без специального разрешения администрации (§ 15, п. 2). Бесхозные или брошенные суда, или материальные ценности вывозятся за счет и на риск судовладельца и могут быть вывезены в соответствии с § 17 (§ 15, п. 3).

Затонувшие из-за пожара на борту суда, сильно поврежденные и аналогичные суда не могут быть введены в порт без специального разрешения портовых властей. Такое разрешение, где это применимо, будет содержать подробные условия для этого, в том числе то, что администрация может в любой момент потребовать предоставления обеспечения, а также потребовать от судовладельца немедленно принять соответствующие гарантийные меры (§ 16).

Легкие, брошенные, затонувшие или стоящие на мели или затонувшие суда (вместе с их оборудованием или принадлежностями) или другие брошенные товары или материалы могут быть затребованы администрацией в разумный срок. Если судовладелец не выполняет требования администрации, а также если администрация не может продолжать оплачивать объект без существенных затрат или неудобств, администрация может, после истечения срока действия дополнительного уведомления, организовать вывоз и продажу товара за счет владельца. Пока продажа не состоялась, порт должен уведомить владельца, насколько это возможно (§ 17, п. 1).

Вырученные от продажи средства могут быть использованы для покрытия всех или части расходов администрации (§ 17, п. 2). Если независимый оценщик заявил,

что объект оценен или его стоимость не превышает понесенных затрат на продажу, администрация может распорядиться объектом, уведомив об этом собственника в письме. Если владелец или его местонахождение неизвестны властям порта, уведомление может быть отправлено путем размещения его на судне или грузе, в газете (§ 17, п. 3). Независимо от досрочной продажи или выбытия, владелец обязан полностью оплатить расходы администрации (§ 17, п. 4).

Не допускается нахождение товаров, подлежащих погрузке или разгрузке, на причалах и подъездных путях или в местах, предназначенных для хранения, без разрешения администрации (§ 18, п. 1), которая итак же имеет право выдать соответствующий груз и принять меры, принимаемые по её усмотрению, включая предоставление места для хранения (§ 18, п. 2). За использование земельных участков под погрузку груза администрация получает арендную плату за помещение в соответствии с действующими правилами (§ 17, п. 3).

По требованию администрации хранящиеся товары должны быть вывезены или перемещены в установленное место в течение разумного срока, установленного ей же (§ 19, п. 1). При невыполнении требования или хранения груза без разрешения администрации, она имеет право вывезти груз в соответствии с § 17 (§ 19, п. 2).

Стоянка на территории порта должна осуществляться только в соответствии с правилами датского морского права в специально отведенных для того местах и, возможно, в соответствии с указаниями администрации (§ 20, п. 2). В особых случаях парковочные места могут выделяться администрацией в связи с проведением погрузочно-разгрузочных работ (§ 20, п. 3).

Судно, грузовладелец или их представитель обязаны после погрузки или разгрузки очистить использованные портовые территории и удалить оттуда все отходы. Если этого не будет сделано, администрация может поручить проведение таких работ за счет заявителя (§ 21, п. 1).

Контейнеры, поддоны, прицепы, стивидорное оборудование, транспортное оборудование, рыболовные снасти и рыболовные ящики и т.п., после окончания работ не оставляют на набережных, причальных улицах, мостах и подъездных путях, кроме случаев достижения соглашения с администрацией (§ 22, п. 2). Все оставленные материалы и т. д. остаются за счет и на риск владельца (§ 22, п. 3).

На территории порта запрещены следующие виды деятельности: охота и стрельба; деятельность, связанная с шумом или запахом, включая ненужное использование сирен и поплавков; выброс за борт любого мусора, включая остатки груза; сжигание, ополаскивание, выкачивание или сброс любой формы твердых или жидких отходов, включая масло, химикаты, туалетные отходы, жидкие отходы из судовых желобов и т.п., а также остатки воды, содержащую такие вещества. В случае аварии администрация порта должна быть немедленно уведомлена, а соответствующие вещества должны удалены (§23).

С разрешения администрации порта позволялось: 1) запуск машины. Разрешение получается по целесообразности, чтобы это не производилось с такой силой, чтобы изменить условия глубины или нанести ущерб портовым сооружениям, другим судам, баржам, лодкам и т. д. или чтобы проходящие суда могли пострадать от действия машин иного судна. В течение всей операции на борту должна находиться охрана, чтобы операцию можно было остановить по требованию портовых властей. Прежде чем машину запустят, корму необходимо отбуксировать от причала, если

этого требует администрация (§ 24, п. 1); 2) необычный или необычный свет на борту или освещенность судна (использование яркого света, должно быть уместным и не должно мешать судоходству, наземному движению и т. д.); 3) при пожаре на борту корабля за пределами верфи (администрация порта может потребовать наличия противопожарной защиты); 4) прекращение работы (для проведения праздничных мероприятий, в том числе с разрешения полиции); 5) ведение рыбного хозяйства; 6) хранение материалов для рыбной ловли; 7) организация соревнований на воде и т.п.; 8) плавание с корабликами или мячами (§ 24, п. 1), а также метание льда на расстояние более 15 метров от причальных сооружений (§ 24, п. 1).

Администрация и власти, которые она должна назначить для этой цели, имеют доступ к судну в любое время, т.к. это касается вопросов соблюдения правил. Капитан судна обязан оказать необходимую помощь в связи с осмотром судна (§ 26, п. 1). Если в таком доступе отказано или он ограничен, либо не оказана необходимая помощь, администрация может потребовать, чтобы судно немедленно покинуло территорию порта (§ 26, п. 2).

На администрация также возлагались, кроме указанных, такие задачи: следить за соблюдением порядка на территории; по запросу сотрудники должны предоставить удостоверение личности; каждый, кто находится на территории порта, обязан выполнять указания и распоряжения администрации; полиция, городская пожарная служба и другие органы выполняют задачи на территории порта в соответствии с общими правилами законодательства (§ 27, п. 1-4).

Учитывая особую роль капитана судна, Правила предусматривали, что при невыполнении им или иным лицом положений Правил или указаний администрации, администрация может принять соответствующие меры. При отсутствии на судне его командира приказ о задержке судна и т.п., может быть сообщен присутствующему офицеру, а при его отсутствии – другому члену экипажа. Если судно покинуто на время, судовладелец обязан сообщить имя, адрес и номер телефона лица, имеющего право передвигаться в непосредственной близости от порта. Такое лицо осуществляет надзор за судном, и портовые власти могут издать такой приказ с той же силой, что и приказ, отданный самому капитану (§28, п. 1-3).

Что до ответственности, то установлено, что владелец судна, находящегося в порту, несет её за любой ущерб, причиненный по вине или незаконным действиям лиц, выполняющих работы на судне. Ответственность распространяется на ущерб, прямо или косвенно причиненный в связи с установлением, пребыванием в порту, использованием или выходом из порта (§29); администрация порта несет ответственность за ущерб, причиненный судну, находящемуся на нем грузу, занятиям судна и пассажирам, если ущерб причинен по вине или халатности персонала администрации порта (§30) [8].

Как видим, данный акт содержит как, общие, так и отдельные частные нормы, необходимые в условиях деятельности портов Гренландии.

Таким образом, современная система норм права, действующая в Дании сегодня состоит из 3-х основных компонентов – 1) общедатское законодательство, а также законодательство двух автономных образований: 2) Фарерских островов и 3) Гренландии. Данные нормы, безусловно отличаются между собой, однако отличия вызваны в основном спецификой деятельности торговых портов в различных регионах и, также, организационными формами местного и государственного управления. В

иных вопросах их взаимодействие с нормами международного морского права не подвергается сомнению.

Список литературы:

1. Industrisamfundets erhvervshavne 1840-1970. Rapporten Industrisamfundets erhvervshavne 1840-1970. er udgivet af Kulturarvsstyrelsen og Odense Bys Museer. © Kulturarvsstyrelsen og Odense Bys Museer. Forfattere: René Schrøder Christensen, Gitte Haastруп, Henrik Harnow, Ellen Warring og Susanne Mikkelsen. - 2007. - 251 с. – URL : havnerapport_samlet_2.pdf (slks.dk) (дата обращения : 10.04.2024).
2. LBK nr. 457 dateret 23.05.2012. Bekendtgørelse af lov om havne. – URL : Havneloven (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024).
3. LBK nr 116 af 24/01/2024. - Bekendtgørelse af lov om havne. - Havneloven (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024).
4. Home Rule Act of the Faroe Islands. – URL : The Home Rule Act - The Government (дата обращения : 10.04.2024).
5. LOV nr 473 af 12/06/2009. – Lov om Grønlands Selvstyre. – URL : Selvstyreloven (retsinformation.dk) (дата обращения : 10.04.2024).
6. Lovgivning Nr. 4. 29 oktober 1999. Landstingsforordning om anlæg, vedligeholdelse og drift m.v. af Hjemmestyrets havneanlæg. – URL : ltf 04 1999 (nalunaarutit.gl) (дата обращения – 06.04.2024).
7. Multicenter Perioperative Outcomes Group (MPOG). – URL : Multicenter Perioperative Outcomes Group (MPOG) (umich.edu) (дата обращения – 06.04.2024).
8. Hjemmestyrets bekendtgørelse nr. 1 af 4. januar 2000 om havnereglement. – URL : bkg_nr_01-2000_dk (nalunaarutit.gl) (дата обращения – 06.04.2024).

Zmerzlyy B. V., Klimenko E. P. Legal organisation of the activities of Greenland's trade ports // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – P. 356–365.

The article considers the specificity of the legal organisation of the activity of commercial ports of Denmark, which consists in the presence of three separate systems: Denmark proper, Faroe Islands, Greenland. It is caused by the wide rights of self-government granted in 1948 to the Faroe Islands and in 2009 to Greenland. Accordingly, each region of the kingdom has its own subsystem of normative acts regulating the issues of organisation and activities of commercial ports, their subordination, etc.

A special place in the article is taken by a detailed analysis of Order No. 1 of 4 January 2000. "On Port Regulations" in Greenland, which, based on the norms of international law, as well as the relevant norms of the Kingdom of Denmark, establishes rules common to all commercial ports in Greenland, norms of activity of the administration of commercial ports, shipowners, captains, ship crews

Keywords: commercial ports, administration, Denmark, Greenland, Faroe Islands.

УДК-342.5

ПОРЯДОК ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В ЖАНДАРМЕРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Филонов А. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Антигосударственное движение в Российской империи имело многолетнюю историю. Однако, своеобразным апогеем антигосударственной борьбы леворадикальных партий и организаций стал период второй половины XIX–начало XX веков. Для противодействия леворадикальным политическим силам, которые для достижения своих политических целей использовали всевозможные противозаконные способы, в том числе и террор, в XIX веке в России была создана политическая полиция, которая была представлена жандармерией и охранными отделениями полиции. Политическая полиция не безуспешно боролась в указанный период времени с антиправительственными элементами. Особое место среди правоохранительных органов того периода времени занимал Отдельный корпус жандармов, как специализированный, государственный правоохранительный орган, организованный по военному образцу, и главная задача которого была борьба с антигосударственной деятельностью различных политических сил в тот период. Именно Отдельному корпусу жандармов посвящена данная статья, где говорится какое место и значение в системе правоохранительных органов Российской империи занимала жандармерия в борьбе с антигосударственным экстремизмом и терроризмом. Кроме того, раскрыта внутренняя структура данного органа, показана процедура отбора кандидатов в жандармерию и какой порядок прохождения службы в жандармерии существовал в XIX–начале XX веков. Также в статье показано какое денежное содержание и пенсионное обеспечение существовало в тот период у сотрудников жандармерии. То есть, в статье раскрыты те условия, которые сложились во второй половине XIX–начале XX веков для прохождения службы в жандармерии, органа, обеспечивающего в течение 90 лет небезуспешно политическую стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие России в тот период времени. В марте 1917 года в результате революционных событий в России Отдельный корпус жандармов был упразднен по решению Временного правительства.

Ключевые слова: жандармерия, политическая полиция, политический сыск, экстремизм, терроризм, охранные отделения, радикалы-революционеры.

Отдельный корпус жандармов, как один из правоохранительных органов, призванных обеспечивать законность и правопорядок, осуществлять борьбу с преступностью, которая была направлена на подрыв существующего политического строя в России, занимала особое место и играла особое значение среди других правоохранительных органов империи. Не случайно жандармерию, так же, как и охранные отделения, называли политической полицией. Жандармерия, в первую очередь, отвечала за сохранение существующего политического строя, безопасность государства и существующих государственных институтов. За последние несколько десятилетий историко-правовые аспекты этой проблематики являлись предметом научного исследования таких ученых как: З. И. Перегудовой, Ф. М. Лурье, А. Н. Ярмыш, Н. П. Ерошкина, Б. Н. Григорьева, О. В. Будницкого, А. А. Гейфман и других.

Согласно Указа Императора Николая I, Корпус жандармов был создан 28 апреля 1827 г. (а с 1836 г. он стал называться Отдельный корпус жандармов-ОКЖ) [1, с. 265], который представлял собой военизированное подразделение- специализированный государственный полицейский орган, просуществовавший 90 лет с 1827 по 1917 годы. Изначально Отдельный корпус жандармов подчинялся руководителю Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, ко-

торый возглавлял граф А. С. Бенкендорф, он же считался первым шефом корпуса жандармов.

Позже, в 1880 г., когда III Отделение было упразднено, руководство жандармерией перешло к Департаменту полиции МВД.

К началу 1917 г. Отдельный корпус жандармов включал: Главное жандармское управление, Штаб, 106 жандармских управлений (67 губернских, 3 областных, 2 территориальных, 4 городских, 30 уездных), 32 жандармско-полицейских управлений железных дорог, 19 крепостных и 2 портовые команды, 3 дивизиона, 1 конную и 2 пешие команды, 27 строевых частей. Численность Отдельного корпуса жандармов в 1880 году составляла 521 офицер и чиновник, 6187 нижних чинов, а в октябре 1916 г. соответственно 1051 и 14667 [2].

В строевом, финансовом и хозяйственном отношении Корпус жандармов входил в систему Военного министерства, которое имело право проверять и инспектировать их. В то же время Корпус жандармов изначально подчинялся Третьему отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а с 1880 года Департаменту полиции МВД.

Жандармские управления занимались мониторингом политического настроения среди населения России, осуществляли дознание по политическим преступлениям, проведение оперативных мероприятий (в том числе тайных- работа с агентурой) с целью раскрытия антигосударственных преступлений, осуществляли патрульно-постовую службу (в том числе, в местах массового скопления людей во время проведения массовых мероприятий), противостояли общественным беспорядкам, розыск преступников, конвоирование арестованных и осужденных в места заключения, борьбу с коррупцией, контроль за СМИ и т. д.

Отдельный корпус жандармов состоял, в основном из офицеров и унтер-офицеров. Офицерский состав жандармерии комплектовался из лиц, которые уже прошли службу в армии не менее 6 лет и имели высшее военное образование по первому разряду (т. е. окончившие юнкерские училища с отличием), а также кандидаты должны были не исповедовать католичество, и иметь дворянское происхождение возраст не моложе 25 лет и не старше 33 лет, а также они должны были быть политически благонадежными.

Не принимались в жандармерию лица, на которых судом были наложены штрафы и которые имели долги, злоупотребляющие спиртными напитками, характеризующиеся негативным поведением в быту, а также лица польского происхождения, католического вероисповедания или женатые на католичках, а также евреи, хотя бы и крещенные [3 с. 251].

Вплоть до правления Александра II никаких регламентированных правил приема в жандармерию не существовало, и даже Положение о Корпусе жандармов 1867 г. было рамочным документом и определяло лишь общие принципы и ограничения при осуществлении набора. Отбор офицеров в жандармерию был прерогативой шефа корпуса жандармов. И только 17 мая 1871 г. шеф жандармерии граф П. А. Шувалов провел кадровую реформу жандармерии, утвердив первые правила приема в Корпус жандармов. В последствии правила приема в жандармерию неоднократно дополнялись: так в 1882 и 1894 годах были составлены новые подробные правила приема в жандармерию, а последним нормативным актом, который определял поря-

док приема кандидатов в жандармерию, стало Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов 1913 г.

Исходя из вышеперечисленных нормативных актов, кандидат для зачисления в Отдельный корпус жандармов должен был предоставить безупречную характеристику с прежнего места службы. Кандидат должен был разбираться в общей и российской новейшей истории, географии, государственном устройстве Российской империи, действующем законодательстве и реформах последних правлений, знать положение о полиции, о службе на железных дорогах, разбираться в содержании Крестьянской реформы 1861 г. и Судебной реформы 1864 г. в России [4].

Кандидат должен был пройти предварительное испытание, которое заключалось в сдаче экзамена, написании сочинения. На экзамен выносились вопросы, которые касались: государственного права Российской империи, полицейского права, уголовного права, гражданского права, финансового права, международного права, экономики, рабочих союзов и революционных движений, оппозиционных режимов политических сил, истории России, новейшей истории Западной Европы, географии и т. д. Кроме знания этих дисциплин на экзамене проверялось общее развитие кандидата: острота и логика мышления, смекалка, находчивость и др. Сочинение кандидаты писали обычно на следующий день после сдачи экзамена на историческую либо на литературную тему (чаще на исторические темы).

На предварительное испытание офицер получал личное приглашение за подписью делопроизводителя комиссии и обязан был явиться в парадной форме одежды. Председательствовал в комиссии начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. В состав комиссии, также, входили помощник начальника штаба, чиновники от департамента полиции, преподаватели, которые вели учебные дисциплины на этих курсах и т. д.

Затем, успешно сдавшие вступительные экзамены кандидаты, должны были пройти 3-4-месячные курсы подготовки при штабе корпуса жандармов, по окончании которых также успешно сдать выпускной экзамен. На этих курсах изучали устройство корпуса жандармов, права и обязанности жандармов, основы политического сыска и производства дознания, историю революционного движения, ж/д жандармско-полицейскую службу, государственное и уголовное право, антропологию и дактилоскопию и т. д. Знания оценивались по 12-ти бальной шкале, минимальной положительной оценкой была 6 баллов [5].

Несомненно, можно сделать промежуточный вывод о том, что требования подготовки кандидатов в жандармерию в начале XX в. стали более сложные, с практическим уклоном их будущей деятельности в отличие от XIX века, где кандидаты должны были соответствовать прежде всего морально-этическим и общеобразовательным требованиям.

Не случайно, что в октябре 1912 г. разработано «Положение о повторных курсах», целью которых было-повышение уровня практических навыков для жандармских офицеров (организация наружного наблюдения, работа с агентурой и т. д.) и углубленное изучение революционного движения в Российской империи [6, с. 343-345]. По итогам этих повторных курсов и приобретенных знаний жандармские офицеры перераспределялись либо на вышестоящие, либо на нижестоящие должности в губернских жандармских управлениях.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что программа подготовки офицеров жандармерии была достаточно продуманной и последовательной как в отношении приобретения практических навыков (в направлении усиления розыскной части), так и по вопросам общей подготовки офицеров. Необходимо сказать, что на вакантные должности в Корпус жандармов всегда было значительное количество претендентов, так как эта служба считалась престижной. Так, в 1871 г. прошение о переводе в жандармерию подали 142 армейских офицера, из них был отобран 21 чел., а к занятиям допустили всего шестерых [7, с. 251].

Офицеры Корпуса жандармов имели значительное денежное содержание. Так, начальник губернского жандармского управления годовое жалование имел в размере 3400 рублей. Зарплата увеличивалась при получении очередного звания и увеличения выслуги лет офицера. В начале XX в. младший армейский офицер имел жалование около 50-ти рублей в месяц, то начинающий жандармский офицер 150 руб. в месяц [8, с. 251].

Чтобы заинтересовать лиц проходить службу в отдаленных территориях империи, им увеличивалась заработная плата и выплачивались дополнительные денежные премии. К 1914 г. право на государственную пенсию за выслугу лет («за долговременную и беспорочную службу») имели все бюджетники, в том числе офицеры и прапорщики армии, таможенной службы, жандармского корпуса и др.

Пенсии выплачивались за долговременную беспорочную службу минимум 30 лет, либо по болезни или инвалидности, в случае досрочного ухода со службы, за полученные ордена в ходе службы. Однако, помимо трудового стажа требовалось наличие еще одного принципиального условия: служба на протяжении всех лет должна быть «беспорочной». Сотрудник, уволенный по «статье» по решению суда или своего начальства, пенсию не получал вообще. Не полагалась пенсия и лицам, отбывшим наказания за уголовное преступление. Повышенную пенсию утверждал император. Размер назначенной пенсии обжалованию не подлежал: суммы не пересчитывались. В случае, если пенсионер оказывался под следствием за дела, совершенные еще во время службы, ему выплачивалась половина положенной пенсии, а вторую половину продолжали выплачивать в том случае, если данному лицу выносился судом оправдательный приговор. Лишить человека пенсии можно было в двух случаях: если он принимал монашеский постриг, уйдя в монастырь, либо если он лишался или утрачивал российское подданство. Смерть пенсионера не являлась основанием для прекращения выплаты пенсии. В этом случае пенсию получала вдова пожизненно, а также дети-сыновья до 17 лет, а дочери до замужества или до 21 года. После смерти пенсионера прекращались всякие пенсионные выплаты, если пенсионер погибал на дуэли. Если пенсионер решал вновь выйти на работу, то в этом случае он терял назначенную пенсию. В Российской империи не было понятия «работающий пенсионер» [9].

Размер пенсии зависел от продолжительности службы, звания, наличия или отсутствия ранений, полученных во время прохождения службы, наград, состояния здоровья пенсионера, особые заслуги, размера заработной платы при прохождении службы, социального положения. Существовали как государственные, так и не государственные источники материальной помощи лицам: пенсионерам полиции и жандармерии. Следует, однако, отметить тот факт, что разрыв в размере пенсии для высших и низших чинов был весьма значительным и мог колебаться от нескольких

тысяч рублей в год для высших чинов до десятков руб. в год для чинов низшего звена.

Все государственные служащие в Российской империи имели либо воинские, либо гражданские классные чины, и их должности соответствовали одному из XIV классных чинов, т. е. петровский «табель о рангах». Для сотрудников правоохранительных органов, как и для гражданских служащих, существовала система чинов, званий, классов, должностей и разрядов. Так, в армии низшим чином XIV класса являлся чин «фендрик», а наивысшим чином I класса «генерал-фельдмаршал» [10]. Все зависело от срока службы, качества службы, занимаемой должности сотрудника жандармерии. Чем больше был срок службы, тем больше возможностей получить более высокий чин и более высокую должность имел офицер.

Обычно присвоение генеральских чинов в Российской империи осуществлялось 2 раза в год: на кануне рождества 6 января и на пасхальную неделю (первая неделя после пасхи).

На сотрудников полиции и жандармерии при необходимости могли налагаться взыскания: увольнения со службы, понижение в должности, понижение в чине и классе, арест до 7 дней, строгий выговор с занесением в личное дело или нет, штраф, удержание средств с заработной платы, замечание. Основаниями для взыскания могли быть: 1) негативное поведение сотрудника в быту и семье (пьянство и т. д.), 2) недостаточное морально-этическое поведение (неоказание помощи при несчастном случае), 3) служебные недостатки (неподчинение старшим по должности и званию, грубость к арестованным и задержанным, разглашение служебной информации, несение службы с нарушением служебной дисциплины, бездеятельность при необходимости задержания преступника, самовольное оставление воинской части и др.).

Сотрудники жандармерии могли быть привлечены и к уголовной ответственности, если бывшие полицейские и жандармы получали сроки отбывания уголовного наказания, они не могли быть в дальнейшем амнистированы.

На жандармов распространялись действия Дисциплинарного Устава, утвержденного 28 мая 1888 г. [11].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в Российской империи на рубеже второй половины XIX-начале XX веков была выстроена довольно продуманная и эффективная система подбора и подготовки кадров в жандармерию, регламентировался порядок прохождения службы жандармами, причем требования эти были достаточно высоки от морально-этических до служебно-строевых. Среди других правоохранительных органов жандармы имели более высокое денежное содержание и возможность получать достойную пенсию после ухода в отставку. По сути, жандармерия была элитой политического сыска. Вакансии быстро заполнялись, не взирая на жесткие требования отбора, кандидатами, прошедшими воинскую службу, да и само прохождение службы в жандармерии считалось престижным во всех отношениях.

В большинстве своем жандармерия совместно с охранными отделениями выполняла поставленные перед ней задачи (так, к 1910 г. была сведена на нет террористическая деятельность леворадикальных партий: эсеров, анархистов и т. д.).

Обеспечение качества службы достигалось также установленным порядком присвоения и лишения классных чинов, поощрений и взысканий для сотрудников полиции и жандармерии.

Профессионально-этическое и патриотическое воспитание сотрудников осуществлялось практически весь период прохождения ими службы в жандармерии. Данная подготовка была направлена на то, чтобы в рядах правоохранительных органов и, прежде всего, жандармерии служили патриотично настроенные и преданные режиму сотрудники.

Однако, следует отметить и тот факт, что в Российской империи не существовало какой-то единой программы подготовки и условий отбора кандидатов, единого нормативного акта, который бы по единому образцу, не зависимо от чинов и классов, регламентировал бы подбор и подготовку кандидатов в различные правоохранительные органы. Условия приема и подготовки кандидатов часто менялись, дополнялись и усложнялись. И тем не менее, следует обозначить тот факт, что к началу XX в. сложилась более-менее понятная и последовательная система отбора и подготовки кандидатов в жандармерию.

Кроме того, по нашему мнению, негативно на работе жандармерии сказывалось ее двойное подчинение. С одной стороны, жандармерия входила в структуру МВД, а, с другой стороны, считалась военизированным подразделением и подчинялась военному министру по инспекторской, строевой и хозяйственной части, а также финансировалась военным министерством. Такая двойственность, на наш взгляд, только мешала жандармерии более эффективно выполнять возложенные на нее задачи.

Также следует указать и то факт, что цели, задачи и функции жандармерии во многом совпадали с целями и задачами, которые выполняли охранные отделения, т. е. сфера их деятельности не была четко разграничена.

И все же, на наш взгляд, трудно отрицать то факт, что политический сыск в лице жандармерии и охранных отделений в большинстве своем в полной мере выполнял поставленные перед ним задачи по предупреждению и раскрытию антигосударственных преступлений, что и позволило властям во многом благодаря их деятельности потушить пожар первой русской революции 1905-1907 гг.

Все эти положительные стороны в работе жандармерии и других правоохранительных органов были перечеркнуты началом первой Мировой войны в 1914 г., а затем и революционными событиями в России 1917 г. Отдельный корпус жандармов был упразднен в марте 1917 г. по решению Временного правительства, в том числе, и жандармские полицейские управления на железной дороге. Все жандармские чины, за исключением тех, которые по возрасту или по состоянию здоровья не подлежали призыву в войска, были переданы в Военное министерство, остальные были отправлены в отставку.

Данные революционные события в России, на наш взгляд, стали возможны не столько по причине неэффективной работы жандармерии и охранных отделений (последние, к сожалению, были сокращены до минимума в 1913 г. товарищем Министром внутренних дел В. Ф. Джунковским), а сколько в следствии преступных и безответственных действий некоторых представителей правящей элиты страны в феврале 1917 г., которые в последствии ввергли страну с начала в события ноября

1917 г., а затем и в пучину гражданской войны, которая унесла жизни более 10 миллионов граждан России.

Список литературы:

1. Олейников Д. И. «Бенкендорф». М.: «Молодая гвардия»-2009. 397 с.
2. Отдельный корпус жандармов. Большая российская энциклопедия-электронная версия bigens.ru (дата обращения 26.02.2024 г.)
3. Жандармы России /Сост. В. С. Измозик.-СПб: Издательский Дом «Нева». 2002.-640 с.
4. Интернет ресурс: Жандармские курсы military. wikireading.ru (дата обращения 06.03.2024 г.)
5. Интернет ресурс: Жандармские курсы military. wikireading.ru (дата обращения 07.03.2024 г.)
6. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917 гг.) /З. И. Перегудова.-М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.-432 с.
7. Жандармы России /Сост. В. С. Измозик.-СПб: Издательский Дом «Нева» 2002.-640 с.
8. Жандармы России /Сост. В. С. Измозик.-СПб: Издательский Дом «Нева» 2002.-640 с.
9. Интернет ресурс: Пенсии по старости (за выслугу лет) в Царской России VK.com (дата обращения 12.03.2024 г.)
10. Интернет ресурс: Табель о рангах (таблица) histerl.ru
11. Интернет ресурс: Дисциплинарный устав (высочайше утвержденный 28 мая 1888 г.)-СПб: В. Березовский, 1895. http://militera.lib.ru/regulations/russr/1888_du/index.html

Filonov A.V. Order of service in the gendarmerie of the Russian Empire, general features and features // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 366–372.

The anti-state movement in the Russian Empire had a long history. However, the period of the second half of the 19th and early 20th centuries became a kind of apogee of the anti-state struggle of radical left parties and organizations. To counter left-wing radical political forces, which used all sorts of illegal methods, including terror, to achieve their political goals, in the 19th century a political police was created in Russia, which was represented by the gendarmerie and security police departments. The political police did not unsuccessfully fight anti-government elements during this period of time. A special place among the law enforcement agencies of that period of time was occupied by the Separate Corps of Gendarmes, as a specialized, state law enforcement agency, organized on a military model, and whose main task was to combat anti-state activities of various political forces in that period. This article is dedicated to the Separate Corps of Gendarmes, which says what place and importance the gendarmerie occupied in the system of law enforcement agencies of the Russian Empire in the fight against anti-state extremism and terrorism. In addition, the internal structure of this body is revealed, the procedure for selecting candidates for the gendarmerie is shown, and what procedure for serving in the gendarmerie existed in the 19th and early 20th centuries. The article also shows what kind of salary and pension provision existed at that time for gendarmerie employees. That is, the article reveals the conditions that developed in the second half of the 19th and early 20th centuries for serving in the gendarmerie, a body that for 90 years successfully ensured political stability and sustainable socio-economic development of Russia during that period of time. In March 1917, as a result of revolutionary events in Russia, the Separate Corps of Gendarmes was abolished by decision of the Provisional Government.

Key words: gendarmerie, political police, political investigation, extremism, terrorism, security departments, radical revolutionaries.

Spisok literaturey:

12. Oleynikov D.I. “Benckendorf”. M.: “Young Guard” - 2009. 397 pp.
13. Separate corps of gendarmes. Great Russian Encyclopedia-electronic version bigens.ru (access date 02/26/2024).
14. Gendarmes of Russia / Comp. V. S. Izmozik.-SPb: Publishing House “Neva”. 2002.-640 p.
15. Internet resource: Gendarmerie military courses. wikireading.ru (date accessed 03/06/2024).
16. Internet resource: Gendarmerie military courses. wikireading.ru (date accessed 03/07/2024).
17. Peregudova Z.I. Political investigation of Russia (1880-1917) /Z. I. Peregudova.-M.: Russian Political Encyclopedia, 2000.-432 p.
18. Gendarmes of Russia / Comp. V. S. Izmozik.-SPb: Publishing House “Neva” 2002.-640 p.
19. Gendarmes of Russia / Comp. V. S. Izmozik.-SPb: Publishing House “Neva” 2002.-640 p.
20. Internet resource: Old-age pensions (for long service) in Tsarist Russia VK.com (date of access 03/12/2024).
21. Internet resource: Table of ranks (table) histerl.ru.
22. Internet resource: Disciplinary Charter (highly approved on May 28, 1888) - St. Petersburg: V. Berezovsky, 1895. http://militera.lib.ru/regulations/russr/1888_du/index.html.

УДК 342.56

СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ И ПРОГРАММНОЕ РАЗВИТИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СУДОУСТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Шерстнев В. Н.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В рамках разработки теоретической основы судоустроительных трансформаций в статье представлена характеристика реализованных в Российском государстве ключевых судебных реформ, а также современных целевых программ развития судебной власти. Отдельное внимание уделено сопоставлению мероприятий судебных реформ со смежными правовыми явлениями. В качестве предложения, направленного на совершенствование российского судоустройства автором аргументирована разработка Концепции судебной власти в Российской Федерации как документа стратегического планирования, представляющего собой систему взглядов на судебную власть в Российской Федерации, ее базовые принципы, судоустроительный и судопроизводственный аспекты.

Ключевые слова: судебная реформа, целевая программа, судебная власть, судоустройство, концепция.

Раскрывая понятийно-содержательный аспект российских судоустроительных трансформаций, считаем целесообразным обратиться к характеристике судебных реформ и сопоставимых с ними современных мероприятий.

Доктринальные позиции разнятся по числу судебных реформ в Российском государстве. Так, Д.О. Серов считает, что «в истории отечественного государства и права имели место шесть судебных реформ: Петра I, Екатерины II (1775), Александра II (1864), 1922 г., 1956-1964 гг. и 1990 – начала 2000 гг., а также одна несостоявшаяся – начала XX в., нормативной основой которой должна была стать новая редакция судебных уставов, разработанная комиссией Н.В. Муравьева» [20, с. 13, 15-17].

Особенно неоднозначно научное мнение по поводу хронологических рамок судебной реформы 1922 г. С данным годом судебную реформу связывает А.Н. Суханбердиева, отмечая, что она «являлась комплексным преобразованием всей судебной системы, введением в правовую практику новых для советского государственного строя институтов. Основные аспекты судебной реформы могут быть выражены в следующих положениях: 1) реорганизация системы общих судов и революционных трибуналов; 2) создание прокуратуры; 3) создание адвокатуры; 4) создание государственного арбитража; 5) модернизация процессуального законодательства» [25, с. 121].

Иной взгляд на событие у М.И. Клеандрова: «послеоктябрьская судебная реформа проходила в основном не в 1922 г., а в 1917-1918 гг., во время разрушения старого здания судебной власти, осуществлённого декретами о суде № 1, 2 и 3» [10, с. 395-401]. С позиции С.С. Бородина «именно в судебной реформе 20-30-х годов была заложена основа, правовые институты, определившие дальнейшее развитие всей советской судебной системы на десятилетия вперёд. Вместе с тем как правосудие, так и деятельность судов продолжают оставаться «зависимыми» от идеологической и политической модели государства в целом» [7].

Помимо суждений о количестве и хронологии судебной реформы Д.О. Серов отмечал, что «за 1918-1985 гг. в Советской России и СССР было издано свыше 200 нормативно-правовых актов, касавшихся судостроительства» [19, с. 43-53]. Уточним, что данные нормативные правовые акты вносили изменения в судостроительный аспект, но отнюдь не выступали реформами. Таким образом, это еще один аргумент терминологического поиска для характеристики изменений в судостроительстве.

Несмотря на отсутствие единого мнения по количеству судебных реформ, ученые обоснованно отмечают, что «самые прогрессивные преобразования судебной власти и ее деятельности по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, скорее всего, произошли в результате двух выдающихся судебных реформ – 1864 г. и 90-х годов XX века» [8, с. 120-124]. При этом, судебная реформа 1864 г. расценивается как «самая последовательная» [14, с. 5], затронувшая интересы всех классов, всех слоев Российского общества [17, с. 88-93].

Великая реформа XIX в. «вносила радикальные изменения в правовую жизнь страны, способствуя «связанности» светской (государственной) власти правом, становлению демократических начал жизни общества и привлечению различных слоев к участию в становлении и развитии институтов государства, что несомненно стало знаковым событием в укреплении экономической и политической силы государства» [7].

В дореформенный период отмечалось кризисное состояние судебной системы с такими недостатками, как: «отсутствие гласности, сословность, зависимость суда от административных органов, осуществление органами полиции расследования и осуществления приговора, судебная волокита, распространенное взяточничество» [13, с. 123-130]; «взяточничество; отсутствие законодательного для судей образовательного ценза не только юридического, но и общего» [21, с. 20-21].

Структура судебной системы была сложной и запутанной; «существовало множество специальных судов; судебные функции отправляли и административные органы – губернские правления, органы полиции и др.; господствовала следственная (инквизиционная) форма судопроизводства» [21, с. 20-21]. Основными нормативными правовыми актами судебной реформы выступили принятые 20 ноября 1864 г. уставы гражданского судопроизводства, уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях и Учреждение судебных установлений.

Документы, составившие правовое ядро судебной реформы, внесли радикальные изменения не только в судебный строй, но и в целом в государственную систему, придав ей отчасти вид «государства, стремящегося к правовому» [15, с. 16-31].

В аспекте результатов «судебная реформа 1864 г. привела к оформлению формально независимой от законодательной и исполнительной судебной власти. Были провозглашены принципы несменяемости судей, участия в правосудии общественного элемента (присяжных заседателей), сочетания назначения (коронных судей) и выборности (мировых судей) в комплектовании судебного состава, бессословности, формального равенства всех сословий перед судом, коллегиальности, состязательности, гласности, публичности процесса, устности судебного разбирательства и прочих, соответствующих надлежащей организации правосудия» [10].

Вместе с тем, «хотя судебная реформа была наиболее последовательной из буржуазных реформ, она также сохранила многие черты сословно-феодального политического строя» [27, с. 24-30]. Так, «сохранялись духовный суд (консисто-

рия) по делам духовным и военные суды по военным делам. Высшие царские чиновники – члены Государственного совета, сенаторы, министры, генералы – судились особым Верховным уголовным судом. ... С 1866 г., когда судебные учреждения только начали вводиться, шли различные исключения, «дополнения» и «уточнения», ограничивавшие сферу деятельности новых судов. В 1866 г. судебные чиновники фактически находились в зависимости от губернаторов: они должны были являться к губернатору по первому вызову и «подчиняться его законным требованиям» [27, с. 24-30].

Распространено также мнение, что введенная в 1864 г. «прогрессивная модель правосудия, основанная на идеях преемственности лучших отечественных и творческого заимствования прогрессивных иностранных элементов системы судостроительства и судопроизводства, оказалась не вполне соответствующей социальной, экономической и политической системам в целом Российской империи. Она значительно опережала своими демократичностью и либерализмом остальные элементы государственного механизма Российской империи» [10].

Несмотря на представленные негативные аспекты судебной реформы 1864 г., тем не менее, считаем ее по праву характеризуют как Великую реформу, оказавшую существенное влияние на развитие судебной власти в Российском государстве. Уточним, что именно рассматриваемая реформа впервые легализовала формулировку судебной власти в России. В Судебных уставах «Отцы судебной реформы» закрепили создание самостоятельной, независимой от административных властей судебной власти, которая вручалась судебным органам, перечисленным в ст. 1 Учреждения судебных установлений (первая книга Судебных уставов)» [15, с. 16-31].

Говоря об изменениях судебной власти в XX столетии, учеными упоминаются такие термины, как «эволюция», «преобразование» и также «реформа». К примеру, отмечается, что «в отличие от 1917 г., когда судебная система Российской империи была просто разрушена, ныне действующая система судебных органов эволюционировала из советской модели» [21, с. 20-21].

Развитие судебной системы конца XX века неразрывно связывают с масштабными политическими и экономическими преобразованиями в России [7].

Конечно, в связи с принятием 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы в РСФСР [5], упоминается и термин «реформа». Проведение реформы было опосредовано «глубокими социально-политическими преобразованиями, происходящими в стране. Изменение политического устройства государства, смещение приоритетов в соотношении интересов государства и личности в пользу личности, радикальная перестройка экономической базы общества в связи с переходом к рыночной экономике были бы немыслимы без формирования соответствующей правовой среды как в виде системы нормативных актов, содержащих совокупность правовых норм, адекватных новым потребностям общества, так и в виде системы государственных институтов, обеспечивающих действие упомянутых правовых норм. Судебная власть – в центре этих институтов» [24, с. 62-65].

В научной литературе обоснованно затрагивается вопрос об окончании судебных реформ.

Так, «принято считать, что император Николай II, издав 1 июня 1899 г. Высочайший Указ о завершении судебной реформы на всей территории Российской империи, подвел ее итоги. Однако в нем говорилось всего лишь о завершении рас-

пространения Судебных уставов на всю территорию Российской Империи, т.е. фиксировался формально-правовой результат. Содержательно, как мы знаем, она не была завершена» [18, с. 90-96]. Что касается реформы, зафиксированной Концепцией 1991 г., то на легализованном уровне отсутствуют документы, указывающие на ее завершение и достижение целей. Однако на высоком политическом уровне неоднократно были высказывания о завершении судебной реформы.

Неоднозначное отношение ученых к Концепции судебной реформы 1991 г. опосредовано неоднозначностью ее правового статуса, как документа. Она не являлась нормативным правовым актом по той причине, что Верховный Совет РСФСР ее одобрил, а не утвердил (опубликовано было лишь Постановление о Концепции судебной реформы [5], сам же ее текст был опубликован в 1992 г.). Поэтому распространено мнение, согласно которому в Концепции было изложено представление авторов-составителей о судебной системе России будущего [6].

Для того, чтобы преобразования считались судебной реформой М.И. Клеандров считает, что «в их основе должен лежать целостный программный документ, в котором необходимо зафиксировать ясно сформулированную цель преобразований. В развитие этого документа должны быть приняты тщательно разработанные, четко между собой взаимосвязанные, синхронно сбалансированные, утвержденные законодательные акты (еще лучше, если это будет единый комплексный акт). Преобразования должны быть в своей концептуальной основе радикальными, всеобъемлющими, комплексными и охватывать все составляющие судебной власти. Проведение реформы, безусловно, должно быть обеспечено организационно, финансово, информационно, материально» [12, с. 395-401].

Вместе с тем, приведенный спорный аспект легализации не лишает Концепцию несомненных реализованных достоинств в судеустройственном плане, выразившихся в ориентирах «о Конституционном Суде РФ, о системе арбитражных судов, о суде присяжных заседателей и т.д.» [11, с. 7-18].

Уточним, что в России после принятия в 1991 г. Концепции судебной реформы, более подобного рода документы не принимались. Соответственно, все иные преобразования в судебной власти, включая судеустройство не были поименованы в качестве реформы. Вместе с тем, как этапы судебной реформы доктринально интерпретируют принятие федеральных целевых программ развития судебной системы России на 2002-2006 г.г. [2], на 2007-2012 г.г. [4] и на 2013-2024 г.г. [4].

Однако официальная трактовка федеральной целевой программы указывает на ее предназначение в решении системных проблем: «увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации, а также инновационное развитие экономики» [9].

Федеральные целевые программы являются одним из важнейших механизмов Правительства РФ по реализации структурной, научно-технической и инновационной политики государства, активного воздействия на его социально-экономическое развитие. Как видим, реализация федеральной целевой программы не связана с радикальными изменениями в той или иной сфере. На наш взгляд, некорректно пози-

ционировать федеральные целевые программы как разновидность мероприятий реформы, в частности, судебной реформы.

В качестве очередного этапа именно реформирования ученые указывают на подписанный 5.02.2014 Президентом РФ пакет законов, ликвидировавший Высший арбитражный суд РФ и легализовавший в Верховном Суде РФ Коллегии по административным, гражданским, уголовным делам, Коллегию по экономическим спорам и Коллегию по делам военнослужащих [7].

Намеченные преобразования высшего судебного органа логично потребовали внесения изменений в десятки законодательных актов, в том числе в законодательство о судостроительстве [7]. Здесь уместно привести комментарий М.И. Клеандрова о впечатляющих преобразованиях законодательства по этому поводу: «изменены 8 статей Конституции РФ, более 30-ти федеральных и федеральных конституционных законов, 2 утратили силу ... Изменения в судопроизводственной составляющей были не радикальными, а узкоцеленаправленными, обеспечивающими правосудную деятельность нового, объединенного Верховного Суда Российской Федерации. В 2014 г. произошла не судебная реформа в классическом понимании, а реформа лишь судостроительной составляющей механизма судебной власти, реформа структуры судебной системы» [11, с. 7-18].

В качестве реформы ученые называют судостроительные изменения 2019 г. Так, по мнению Р.Ф. Степаненко «реформирование судебной системы России, наметившееся в последние годы, своей целью имеет максимальное обеспечение независимости и самостоятельности судов» [23, с. 75-81]. С позиции А.В. Соколовой названный хронологический период является «всеобъемлющей судебной реформой». Уточним, что основанием произошедших изменений выступили федеральные конституционные законы и федеральные законы. Не было отдельного документа о реформировании / реформе. В интересующем нас аспекте судостроительства – федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [1], отдельно выделивший апелляционную и кассационную инстанции в судах общей юрисдикции в отдельные суды. С 1 октября 2019 г. работают 5 апелляционных и 9 кассационных судов, а также 1 апелляционный военный суд и 1 кассационный военный суд. Каждый из этих судов действует в пределах своего судебного округа, который включает в себя несколько регионов России [22, с. 141-145].

Приведем еще одно мнение, согласно которому, произошедшие с 1991 г. судостроительные изменения на основе различных документов, расценивают как «судебно-правовую реформу современной России» [16, с. 145-150]. Как считает Т.Л. Курас, в заявленной реформе «можно выделить 4 периода. Началом 1-го считают 24 октября 1991 г. – день принятия Концепции судебной реформы в РСФСР... 2-й этап был связан с принятием Правительством РФ 20 октября 2001 г. Постановления «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы». В России были созданы все виды судов, предусмотренные законом, ... введены суды с участием присяжных заседателей, возрождена мировая юстиция. Третий период начался 21 сентября 2006 г., когда Правительство РФ утвердило федеральную целевую программу «Развитие судебной системы Рос-

сии на 2007-2012 годы»... В настоящее время продолжается серьезное реформирование судебной системы. На основании принятых в 2014 г. законов из перечня федеральных судов исключен Высший арбитражный суд РФ... Таким образом, современной Россией был пройден весьма серьезный путь по созданию эффективной независимой судебной системы, основывающей свою деятельность на демократических принципах правосудия; ее реформирование судебной системы продолжается и по сей день» [16, с. 145-150]. Как ранее мы уже отмечали, с таким подходом не можем согласиться. Однако, полагаем, необходимым разрешение теоретического вопроса терминологии изменений в судоустройстве и легализованных оснований.

Что касается последнего, то в юридической литературе в разное время предлагались вариативные подходы к легализации ориентиров развития судебной власти и судоустройства, как частности. К примеру, в 2014 г. М.И. Клеандров аргументировал целесообразность разработки «федеральной целевой комплексной (и поэтапной) программы по радикальному преобразованию всего (всех составляющих) организационно-правового механизма судебной власти России, не исключено – со стержнем в виде федерального кодифицированного законодательного акта о судах, судьях и органах судейского сообщества» [11, с. 7-18]. Интересно, что ученый в перспективе видел специализированный федеральный кодифицированный законодательный акт.

В 2021 г. в интересующем нас ключе А.П. Тресковым было предложено принятие судейским сообществом Концепции основных направлений развития судебной власти России, а также принятие в русле федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» ведомственных программ для гарантирования реализации принципов судебной системы [26, с. 26]. На наш взгляд, приведенные предложения соответствовали времени и состоянию судебной власти.

Исходя из многочисленных изменений судебной власти в России, полагаем в перспективе не требуются ее радикальные изменения, то есть реформа. Вместе с тем, судебная власть, являясь конституционно формализованной разновидностью государственной власти, конкретизированной по большей части на уровне федеральных конституционных законов, заслуживает особого стратегического внимания. Одной из разновидностей документов стратегического планирования в России выступает Концепция, утверждаемая Президентом РФ. Полагаем, и юридическая форма, и заверение Главой государства соответствуют статусу судебной власти. В этой связи, считаем обоснованной разработку Концепции судебной власти в РФ как документа стратегического планирования, представляющего собой систему взглядов на судебную власть в РФ, ее базовые принципы, судостроительный и судопроизводственный аспекты.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.
2. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2002-2006 годы» (ред. от 06.02.2004 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4623; 2004. № 7. Ст. 520.
3. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007-2012 годы» (ред. от 01.11.2012 г.) // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248; 2012. № 45. Ст. 6263.

4. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы"» (ред. от 29.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13; 2021. № 2 (часть I). Ст. 402.
5. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
6. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2006. 192 с.
7. Бородин С.С. Тенденции реформирования судебной системы России в исторической ретроспективе // <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fspbros.ru%2Fimages%2Fcms%2Fdata%2Fborodin.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения 11.03.2024 г.).
8. Гаврикова Л.Н. Реформирование, как условие совершенствования деятельности российской судебной власти по обеспечению прав и свобод человека и гражданина // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 120-124.
9. Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений // https://www.economy.gov.ru/material/departments/d17/federalnye_celevye_programmy/?ysclid=luzbr1s9vh277462703 (дата обращения 11.03.2024 г.).
10. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России как факторы модернизации основ правосудия: ретроспективный обзор // <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-reformy-v-rossii-kak-factory-modernizatsii-osnov-pravosudiya-retrospektivnyy-obzor/viewer> (дата обращения 11.03.2024 г.).
11. Клеандров М.И. О методологии судебной реформы // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2014. С. 7-18.
12. Клеандров М.И. Судебная реформа в России // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 5. С. 395-401.
13. Климанов А.Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года // Для цитирования: Вестник МИЭП. 2017. № 1 (26). С. 123-130.
14. Коротких М.Г. Борьба в правительственных кругах по поводу принципов судебной реформы в России (1857-1859) // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987. С. 5-23.
15. Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 16-31.
16. Курас Т.Л. Реформирование судебной системы в России: история и современность // Власть. 2014. № 10. С. 145-150.
17. Кусов В.В. Исторический опыт модернизации России: судебная реформа второй половины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: Материалы Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Том Часть 2 / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2013. С. 88-93.
18. Очередыко В.П. Великая и современная судебные реформы: переключки времен // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 90-96.
19. Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 годов // Вестник НГУ. Серия: Право. 2006. Том 2. С. 43-53.
20. Серов Д.О. Судебная реформа Петра: Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. С. 13, 15-17.
21. Смыкалин А.С. Первая и Вторая Великие судебные реформы // Платон. 2015. № 1. С. 20-21.
22. Соколова А.В. Судебные реформы России // Актуальные научные исследования в современном мире. Выпуск 7 (63). Ч. 6. С. 141-145.
23. Степаненко Р.Ф. Особенности реформирования судебной системы России: историко-правовые аспекты // Основные тенденции развития современного права: вопросы теории и практики: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2018. С. 75-81.
24. Степанова Н.Ю. Судебная реформа в России: историографический аспект // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2012. № 2 (22). С. 62-65.
25. Суханбердиева А.Н. Судебная реформа 1922 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 121-124.
26. Тресков А.П. Конституционно-правовая теория принципов судебной власти России: Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2022. 423 с.
27. Шишова М.Ф. Судебная реформа 1864 года: ее достоинства и недостатки // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 2А. С. 24-30.

Valery N. Sherstnev. Judicial reforms and programmatic development as a variety of domestic shipbuilding transformations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 373–381.

As part of the development of the theoretical basis of shipbuilding transformations, the article presents a description of the key judicial reforms implemented in the Russian state, as well as modern targeted programs for the development of the judiciary. Special attention is paid to the comparison of judicial reform measures with related legal phenomena. As a proposal aimed at improving the Russian judicial system, the author argues for the development of the Concept of Judicial power in the Russian Federation as a strategic planning document, which represents a system of views on judicial power in the Russian Federation, its basic principles, judicial and judicial aspects.

Keywords: judicial reform, target program, judiciary, judicial system, concept.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 29.07.2018 g. № 1-FKZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon "O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii" i odel'nye federal'nye konstitucionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassacionnyh sudov obshchej yurisdikcii i apellyacionnyh sudov obshchej yurisdikcii» // SZ RF. 2018. № 31. St. 4811.
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.11.2001 g. № 805 «O federal'noj celevoj programme "Razvitie sudebnoj sistemy Rossii" na 2002-2006 gody» (red. ot 06.02.2004 g.) // SZ RF. 2001. № 49. St. 4623; 2004. № 7. St. 520.
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.09.2006 g. № 583 «O federal'noj celevoj programme "Razvitie sudebnoj sistemy Rossii" na 2007-2012 gody» (red. ot 01.11.2012 g.) // SZ RF. 2006. № 41. St. 4248; 2012. № 45. St. 6263.
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 g. № 1406 «O federal'noj celevoj programme "Razvitie sudebnoj sistemy Rossii na 2013-2024 gody"» (red. ot 29.12.2020 g.) // SZ RF. 2013. № 1. St. 13; 2021. № 2 (chast' I). St. 402.
5. Postanovlenie VS RSFSR ot 24.10.1991 g. № 1801-1 «O Konceptii sudebnoj reformy v RSFSR» // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 44. St. 1435.
6. Antonov I.A., Gorlenko V.A., Mihajlov N.N. Tret'yakov I.L. Sudebno-pravovaya reforma v Rossijskoj Federacii: itogi, sostoyanie, perspektivy / pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb.: Fond «Universitet», 2006. 192 s.
7. Borodin S.S. Tendencii reformirovaniya sudebnoj sistemy Rossii v istoricheskoy retrospektive // <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http%3A%2F%2Fspbrs.ru%2Fimages%2Fcms%2Fdata%2Fborodin.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (data obrashcheniya 11.03.2024 g.).
8. Gavrikova L.N. Reformirovanie, kak uslovie sovershenstvovaniya deyatel'nosti rossijskoj sudebnoj vlasti po obespecheniyu prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Biznes v zakone. 2008. № 4. S. 120-124.
9. Departament gosudarstvennyh celevyh programm i kapital'nyh vlozhenij // https://www.economy.gov.ru/material/departments/d17/federalnye_celevye_programmy/?ysclid=luzbr1s9vh277462703 (data obrashcheniya 11.03.2024 g.).
10. Efremova N.N. Sudebnye reformy v Rossii kak faktory modernizacii osnov pravosudiya: retrospektivnyy obzor // <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-reformy-v-rossii-kak-faktory-modernizatsii-osnov-pravosudiya-retrospektivnyy-obzor/viewer> (data obrashcheniya 11.03.2024 g.).
11. Kleandrov M.I. O metodologii sudebnoj reformy // Sudebnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost': sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Izdatel'skij dom «Petropolis», 2014. S. 7-18.
12. Kleandrov M.I. Sudebnaya reforma v Rossii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2012. T. 82. № 5. S. 395-401.
13. Klimanov A.YU. Iz otechestvennoj istorii reformirovaniya sudebnoj sistemy: sudebnaya reforma 1864 goda // Dlya citirovaniya: Vestnik MIEP. 2017. № 1 (26). S. 123-130.
14. Korotkih M.G. Bor'ba v pravitel'stvennyh krugah po povodu principov sudebnoj reformy v Rossii (1857-1859) // Gosudarstvennyj stroj i politiko-pravovye idei Rossii vtoroj poloviny XIX stoletiya. Voronezh, 1987. C. 5-23.
15. Krakovskij K.P. Sudebnaya reforma 1864 g.: znachenie i istoriko-pravovye ocenki // ZHurnal rossijskogo prava. 2014. № 12. S. 16-31.
16. Kuras T.L. Reformirovanie sudebnoj sistemy v Rossii: istoriya i sovremennost' // Vlast'. 2014. № 10. S. 145-150.
17. Kusov V.V. Istoricheskij opyt modernizacii Rossii: sudebnaya reforma vtoroj poloviny XIX veka // Modernizaciya kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenij: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastyah. Tom CHast' 2 / pod red. S.V. Solov'evoj, V.I. Ionesova. Samara: Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2013. S. 88-93.
18. Ochered'ko V.P. Velikaya i sovremennaya sudebnye reformy: pereklichka vremen // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2020. № 2. S. 90-96.

19. Serov D.O. Zabytaya stranica istorii gosudarstva i prava SSSR: sudebnaya reforma 1956-1964 godov // Vestnik NGU. Seriya: Pravo. 2006. Tom 2. S. 43-53.
20. Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra: Istoriko-pravovoe issledovanie. M.: Zercalo-M, 2009. S. 13, 15-17.
21. Smykalin A.S. Pervaya i Vtoraya Velikie sudebnye reformy // Platon. 2015. № 1. S. 20-21.
22. Sokolova A.V. Sudebnye reformy Rossii // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. Vypusk 7 (63). CH. 6. S. 141-145.
23. Stepanenko R.F. Osobennosti reformirovaniya sudebnoj sistemy Rossii: istoriko-pravovye aspekty // Osnovnye tendencii razvitiya sovremennogo prava: voprosy teorii i praktiki: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kazan': Universitet upravleniya «TISBI», 2018. S. 75-81.
24. Stepanova N.YU. Sudebnaya reforma v Rossii: istoriograficheskij aspekt // Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika. 2012. № 2 (22). S. 62-65.
25. Suhanberdieva A.N. Sudebnaya reforma 1922 g. // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki. 2013. № 1 (11). S. 121-124.
26. Treskov A.P. Konstitucionno-pravovaya teoriya principov sudebnoj vlasti Rossii: Dis. ... dokt. jurid. nauk. Belgorod, 2022. 423 s.
27. SHishova M.F. Sudebnaya reforma 1864 goda: ee dostoinstva i nedostatki // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. Tom 12. № 2A. S. 24-30.

УДК 342.922; 347.91./95.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СООТНОШЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Лунарев Е. Б., Потапенко С. В.

Кубанский государственный университет

Статья посвящена проблематике соотношения публично-правовых и частно-правовых начал в современной правоприменительной практике. Порой довольно трудно бывает отделить публичные правоотношения от частных и это накладывает свой отпечаток как на порядок реализации соответствующего права, так и на выбор способа защиты нарушенного права. Принципиальным является вопрос конечного правоотношения в ситуациях, когда речь идет о комплексных правоотношениях, когда одно правоотношение выступает в качестве юридического факта для наступления другого – именно конечному правоотношению должен соответствовать способ процессуальной защиты оспариваемого или нарушенного права, порядка реализации обязанности.

Ключевые слова: публичное правоотношение, частное правоотношение, комплексное правоотношение, способ процессуальной защиты, правоприменительное правоотношение

Существуют понятия, базовые для отраслей юридической науки. К таковым понятиям можно отнести понятие правоотношения: публичного, частного, комплексного, межотраслевого. Феномен правоотношений состоит в том, что они выражают собой связующую подсистему, включающую в себя как публичное, так и частное право в их объективной и субъективной трактовке. Правоотношения играют первостепенную роль в механизме правового регулирования. Без правоотношений право теряет свой практический смысл, трансформируясь в умозрительную конструкцию. Право лишь тогда становится реальным элементом общественной жизни, когда выступает в качестве элемента системы, опосредуя собой взаимоотношения людей вне зависимости от того, представляют ли эти люди лично себя как физическое лицо, организацию, государство или иное публичное образование. Не все социальные отношения являются правовыми – традиционно считается, что правовому регулированию подвержены лишь те общественные отношения, которые имеют наиболее важное с точки зрения государства значение. Порой трудно понять, какие именно общественные отношения носят приоритетный характер в данном государстве, что обусловлено разницей культур, ментальности, юридических традиций. Существуют противоречия между государственными и личными интересами физических лиц, а также всякого рода государственных и негосударственных организаций. Публичные правоотношения – индикатор, форма компромисса, который существует в обществе и государстве.

На наш взгляд право в конечном итоге суть субъективный феномен, существующий исключительно в сознании людей, хотя некоторые авторы теоретически объективизируют его как совокупность норм [1, с. 7]. Типы правовых систем изменяются с изменениями в государствах, но социальные связи между людьми остаются, на смену одному правовому регулированию может приходиться другое. Это значит, что объективными являются социальные связи между людьми, а как эти связи регулировать – элемент субъективного восприятия людьми характера и значения социаль-

ных связей. Таким образом, по мнению А.В. Мицкевича значение правоотношений состоит в том, что они, исходя не только из нормативного, но и из социологического видения права составляют «его необходимый, а иногда и исходный элемент» [2, с. 369]. Конечно, хотелось бы заметить, что исходным элементом права правоотношения быть не могут, таковыми являются социальные отношения, без наличия которых право теряет свой социальный смысл. Налицо симбиоз объективного права и социальных отношений в рамках правоотношений. Социальные отношения могут существовать и без права. В свою очередь памятники права существуют в историко-правовой науке и без тех отношений, которые они регулировали, что не умаляет значение памятников права для целей современного правового регулирования.

Равное значение социальных отношений и права в правоотношениях имеет значение как с точки зрения методологии исследования правоотношений, так и с точки зрения законодательной практики: в теории публичного и частного права необходимо исследовать не только сами правовые нормы, регулирующие общественные отношения, но и общественные отношения, являющиеся предметом правового регулирования. Эта методика исследования правоотношений конечно расширяет предмет соответствующей отраслевой юридической науки. Но как можно, например, принимать законы, регулирующие экономическую сферу, не зная закономерностей экономического развития? Как раз закономерности развития экономики позволяют нормодателю находить хоть и подвижный, но баланс, между публично-правовым и цивилистическим регулированием экономических отношений. Означает ли это, что соответствующая отраслевая правовая наука должна вторгаться в изучение предмета, который изучается экономистами, политологами, социологами, управленцами и т.д.? Современная юридическая теория и практика не даёт однозначного ответа на этот вопрос. Как только речь заходит о противоправном поведении, не возникает вопроса исследовать или не исследовать противоправность как явление в рамках юридической науки. Если же речь заходит об управленческих или экономических отношениях, то в рамках юридической науки они изучаются до определённого предела. Предел этот определяется целесообразностью правового регулирования на основе выработанной управленческой или экономической теории. Зачастую никто не задаётся вопросом, а адекватна ли сложившимся общественным отношениям та самая управленческая или экономическая теория, которая взята за основу правового регулирования? Можно наблюдать две взаимоисключающие тенденции в юридической науке. С одной стороны – это уход от изучения в публичном праве управленческих отношений как таковых. С другой стороны, существует тенденция глубокого выявления экономических закономерностей для адекватного регулирования предпринимательской деятельности. Изучение теории информационных систем и цифровизации – обязательное условие регуляторики как публичных, так и частных цифровых прав. Естественно, что изучение экономических закономерностей, теории управления, информационных теорий есть прерогатива соответствующих наук. Не все ученые-юристы согласны с тем, что они должны слепо воспринимать достижения естественных и технических наук, экономической науки. Свидетельством тому является появление работ в рамках, которых исследуются вопросы на стыке права, власти и экономики, что также является и тенденцией в науке [3].

Юрист вправе и должен обобщать достижения других наук для целей правового регулирования и правоприменительной практики. Соответственно о наибольшей

степени обобщения речь может идти в рамках общей теории правоотношений, которая с одной стороны создает основу для теорий отраслевых правоотношений, а с другой – использует достижения отраслевых теорий для собственного развития [4].

Теории как отраслевых публичных, так и частных правоотношений давно уже не несут сугубо теоретический смысл – стали оказывать активное влияние на конкретные общественные отношения. Достаточно ознакомиться с некоторыми актами Конституционного Суда Российской Федерации, чтобы убедиться, что теоретический инструмент теории правоотношений становится языком источников права [5, с. 21]. Конечно, в большей степени речь в данном случае идёт об отраслевых теориях правоотношений. Так, например, в Постановлении Конституционного Суда от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита - Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товариществ с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» [6], Определении Конституционного Суда РФ от 12.05.2006 № 167-О «По жалобе гражданина Кириллова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 15 Таможенного кодекса Российской Федерации» [7] вводится ранее легально не применявшееся понятие «таможенные правоотношения». В данном случае теоретические воззрения судей Конституционного Суда РФ нашли свою реализацию в пусть и «негативном» [8, с. 73], но правотворчестве. Складывающаяся прецедентная практика Конституционного Суда РФ меняет представление о том, что теоретические воззрения имеют значение лишь для целей обучения или юридической политики (уголовной, административной, налоговой, гражданско-правовой т.д.), а для практики необходима конкретика. Свой вклад в практическую реализацию теории правоотношений вносит не только Конституционный Суд РФ, но и судебные акты иных судов, в которых судьи в мотивировочных частях выносимых судебных актов трактуют те или иные концепции правоотношений, принципы теории правоотношений применительно к рассматриваемым делам.

Возврат к классическому римскому принципу деления права на публичное, частное и «право народов», теоретически должен повлечь деление всех типов правоотношений на публичные, частные и международные, но сложные общественные отношения не всегда этому способствуют. От деления права напрямую зависят процессуальные особенности разрешения соответствующих споров в судах. В случаях, когда правоотношения в «чистом виде» не являются публичными, предлагается гражданский исковой способ защиты права. В частности, об этом речь идет в ч. 3 ст. 247 ГПК РФ. Например, если лицо требует не только признать решение налогового органа недействительным, но и вернуть соответствующую сумму из бюджета, то подается исковое заявление, рассматриваемое не по правилам административного судопроизводства, а по правилам гражданского судопроизводства.

Законодатель не всегда четко придерживается деления права на частное и публичное, по крайней мере, с точки зрения соотношения способов защиты права или порядка реализации обязанности с материальной природой норм. Примером является финансовое законодательство. Финансовые правоотношения возникают и разви-

ваются в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований [9, с. 49]. В свою очередь административные правоотношения возникают в сфере государственного управления. Для налоговых правоотношений характерна также имущественная составляющая в виде публичных финансов.

Однако, «публичный характер каких-либо правовых отношений определяется в конечном счёте степенью связанности данного правоотношения общественным разделением труда и регулируемым правом интересами государственно организованного общества» [10, с. 11]. Если учесть, что такого рода интересы общества могут быть весьма многообразны, то напрашивается вывод о том, что, некоторые виды правоотношений, связанных с налогами можно отнести не только к публичным правоотношениям, ибо публичный интерес по-разному отражается в разных отраслях права [11, с. 80-81; 12]. Достаточно отметить, что помимо административного права публичные интересы могут защищаться и посредством конституционной юстиции [13]. Другими словами, государственная управленческая деятельность явление достаточно подвижное, и порой охватывает явления, на правовое регулирование которых «претендуют» и иные, нежели административное, отрасли права. К такого рода явлениям без сомнения можно отнести и налоговые споры. В значительной степени налоговые правоотношения входят в предмет финансового права. Встает вопрос, – в какой? Очевидно, что в той степени, в которой определяются и границы финансовых правоотношений. Следует согласиться с мыслью М.В. Карасевой о том, что «не все отношения, возникающие в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований, являются финансово-правовыми» [9, с. 78-79]. Финансовая деятельность государства – довольно традиционная категория, под которой обычно понимают осуществление им функций по планомерному образованию (формированию), распределению и использованию денежных фондов (финансовых ресурсов) в целях реализации задач социально-экономического развития, обеспечения обороноспособности и безопасности страны, а также использования финансовых ресурсов для деятельности государственных органов [14, с. 27]. В науке административного права справедливо указывается на перекрещивание деления методов государственного управления, где с одной стороны по способу воздействия выделяются административные и экономические методы, а с другой по степени воздействия на объект управления – методы общего руководства, регулирования и непосредственного (оперативного) управления [15, с. 189-191]. Налоги традиционно относят к экономическим методам государственного управления [16, с. 182]. Установление налогов можно отнести к методам государственного управления, если иметь ввиду термин «государственное управление» в широком, а не специальном или собственном смысле. Установление налогов – прерогатива законодателя или представительных органов местного самоуправления (иногда – сходов граждан). Штрафные санкции, якобы характеризующие финансовую ответственность, как особый вид юридической ответственности не вполне вписываются в традиционную характеристику специальных управленческих методов, так как опосредуются подачей искового заявления в суд в случае отказа налогоплательщика от добровольной уплаты. Это обусловлено тем, что нет обязательного к исполнению юрисдикционного акта уполномоченного государственного органа. Говоря о роли налогов в условиях налоговой реформы, В.Г. Вишняков прямо говорит о том, «установление жесткого оперативного контроля за соблюдением налогового законодательства; повышение от-

ветственности граждан и организаций за уклонение от налогов...» прямо относятся к административному законодательству [17, с. 53].

Законодатель идет дальше, признавая исковой способ защиты налоговых интересов государства, хотя последние являются исключительно публичными, а не частными.

Без сомнения, выбор способа защиты нарушенного (по мнению заявителя) права или порядка реализации обязанности определяется конечным интересом заявителя, который может быть и публичным, и частным. Соответственно, необходим дифференцированный подход к вопросу о том, какие способы – административный исковой или гражданский исковой следует выбирать в многосоставных правоотношениях. Известное Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [18] относит к спорам, рассматриваемым в порядке ГПК РФ не только имущественные по своей сути дела, например, связанные с регистрацией объектов недвижимого имущества, но и дела, не имеющие имущественной составляющей. В частности, неоднозначной выглядит трактовка служебных споров, как дел, рассматриваемых в порядке ГПК РФ. Служебные споры весьма разноплановы по своему существу. До сих пор в общественном и профессиональном сознании государственная служба рассматривается как реализация права на труд [19, с. 100-104]. И если к государственным гражданским служащим такое подход вполне объясним, то по отношению к военнослужащим и служащим правоохранительных органов возникает масса вопросов. В частности, о каком частном праве может идти речь, если лицо оспаривает акты о призыве на действительную военную службу, призыв по мобилизации, наложение дисциплинарных взысканий, включая дисциплинарный арест. Соответственно, мы предлагаем уточнить отдельные формулировки названного постановления пленума ВС РФ с учетом того, что в рамках отдельных видов государственной службы публичные отношения остаются таковыми, если, конечно, речь не идет о денежном содержании, социальных выплатах и тому подобных материальных аспектах государственной службы.

Список литературы:

1. Никольская А.А. Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования). Дисс. канд. юрид. наук. Воронеж, 2007, С. 7.
2. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под общ. редакцией В.С. Нерсесянца. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА М., - 1999. - С. 369.
3. Прокошин В.А. Право, власть и жизнеобеспечение народа: основы новейшей камералистики. - М., 2000. – 469 с.
4. Зеленцов А.Б. Теоретические основы правового спора. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. – М., - 2005. – 42 с.
5. Борисова О.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по налоговым спорам. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., – 2007. - С. 21.
6. Постановлении Конституционного Суда от 27 апреля 2001 года № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита - Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товариществ с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // Собрание законодательства РФ. - 2001. № 23. - Ст. 2409.
7. Определении Конституционного Суда РФ от 12 мая 2006 г. № 167-О «По жалобе гражданина Кириллова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15 Таможенного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2006. № 32. - Ст. 3586.

8. Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). – М.: ООО «Виктор-Медиа», 2006. – С. 73.
9. Карасева М.В. Финансовое правоотношение. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 49.
10. Дёмин А.А. Административное право Российской Федерации: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2002.
11. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С.80-81;
12. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: БЕК., 1995.
13. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М.: Бек., 1998. 462 с.
14. Финансовое право: Учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева. – М.: Юрист, 2000.
15. Пискотин М.И. Социализм и государственное управление. М., 1988, С. 189 - 191.
16. Овсянко Д.М. Административное право: Учебное пособие. М.: Юрист, 1997.
17. Вишняков В.Г. К вопросу о предмете административного права // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития. Материалы научной конференции. М., 2002.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Российская газета. 2016, 3 октября; 2020. 30 декабря.
19. Глухов А.В. Трудовые правоотношения государственных гражданских служащих // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2017 - № 02-2. С. 100-104.

Luparev E.B., Potapenko S.V. About some problems of the relationship of public and private legal relations in law enforcement practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 382–388.

The article is devoted to the problem of the relationship between public law and private law principles in modern law enforcement practice. Sometimes it is quite difficult to separate public legal relations from private ones, and this leaves its mark both on the procedure for implementing the relevant right and on the choice of method of protecting the violated right. The question of the final legal relationship is fundamental in situations when we are talking about complex legal relations when one legal relationship acts as a legal fact for the occurrence of another - it is the final legal relationship that must correspond to the method of procedural protection of a disputed or violated right, the procedure for implementing the obligation.

Key words: public legal relationship, private legal relationship, complex legal relationship, method of procedural protection, law enforcement legal relationship.

Spisok literatury:

1. Nikolskaya A.A. Administrative procedures in the public administration system (problems of administrative and legal regulation). Diss. Ph.D. legal Sci. Voronezh, 2007, p. 7.
2. Problems of the general theory of law and state. Textbook for universities. Under general edited by V.S. Nersesyants. – М.: Publishing house. group NORMA-INFRA M, - 1999. - P. 369.
3. Prokoshin V.A. Law, power and livelihoods of the people: the foundations of modern cameralism. - М., 2000. – 469 p.
4. Zelentsov A.B. Theoretical foundations of legal dispute. Author's abstract. diss. doc. legal Sci. – М., - 2005. – 42 p.
5. Borisova O.V. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on tax disputes. Author's abstract. diss. Ph.D. legal Sci. – М., – 2007. - P. 21.
6. Resolution of the Constitutional Court of April 27, 2001 No. 7-P “In the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of the Customs Code of the Russian Federation in connection with a request from the Arbitration Court of the city of St. Petersburg and the Leningrad Region, complaints from open joint-stock companies AvtoVAZ and "Severonickel Plant", limited liability companies "Ver-nost", "Vita-Plus" and "Neva-Baltic Transport Company", limited liability partnership "Joint Russian-South African enterprise "Ekont" and citizen A.D. . Chulkova" // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2001. No. 23. - Art. 2409.
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 12, 2006 No. 167-O “On the complaint of citizen Vladimir Sergeevich Kirillov about the violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 15 of the Customs Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. No. 32. - Art. 3586.
8. Bondar N.S. Constitutionalization of the socio-economic development of Russian statehood (in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). – М.: Victor-Media LLC, 2006. - P. 73.
9. Karaseva M.V. Financial legal relationship. – М.: Publishing house NORMA, 2001. P. 49.
10. Demin A.A. Administrative law of the Russian Federation: Textbook. М.: Zertsalo-M, 2002.
11. Tikhomirov Yu.A. Administrative Law and Procedure Course. М., 1998. P.80-81;
12. Tikhomirov Yu.A. Public law. М.: БЕК., 1995.

13. Kryazhkov V.A., Lazarev L.V. Constitutional justice in the Russian Federation. M.: Bek., 1998. 462 pp.
 14. Financial law: Textbook / Answer. ed. N.I. Khimicheva. – M.: Yurist, 2000.
 15. Piskotin M.I. Socialism and public administration. M., 1988, pp. 189 - 191.
 16. Ovsyanko D.M. Administrative law: Textbook. M.: Yurist, 1997.
 17. Vishnyakov V.G. On the subject of administrative law // Administrative law: theory and practice. Strengthening the state and the dynamics of socio-economic development. Materials of the scientific conference. M., 2002.
 18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2016 No. 36 (as amended on December 17, 2020) On some issues of the application by courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. 2016, October 3; 2020. December 30.
 19. Glukhov A.V. Labor relations of state civil servants // International scientific journal "Innovative Science". – 2017 - No. 02-2. pp. 100-104.
- .

УДК 340.11

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

Жинкин С. А., Прохорова М. Л.

Кубанский государственный университет

В статье рассмотрены некоторые актуальные для современной российской государственно-правовой практики вопросы, связанные с реализацией принципа взаимной ответственности государства и личности. Авторами подчеркивается многоаспектный характер этого принципа в современный период, обращается внимание на некоторые его наиболее значимые и перспективные на сегодняшний день аспекты. Отмечается, в частности, то, что для дальнейшего развития правового государства сегодня наиболее важна именно ответственность государства и его органов перед личностью в различных сферах. Важную роль также играет их совместная ответственность за решение наиболее значимых социальных проблем.

Ключевые слова: принцип, взаимная ответственность, государство, личность.

Принцип взаимной ответственности государства и личности в современной доктрине и государственно-правовой практике подвергся весьма существенному дополнению и переосмыслению. При этом предметом критического анализа в настоящее время выступают как наименование данного принципа, так и его основные аспекты, и наиболее значимые характеристики. И это совершенно закономерно, поскольку сами взаимоотношения личности и государства в современном мире постоянно усложняются, дополняются и конкретизируются новыми формами взаимодействия и приобретают новые сферы для возможных конфликтов.

В литературе подчеркивается, что «принципу взаимной ответственности государства и личности принадлежат все необходимые для категории «общие принципы права» сущностные характеристики: он выступает идеей концептуального уровня обобщения; он выражает сущность права и имеет объективный характер; он проявляется во всех отраслях российского права; он влияет «на содержание и направленность правовых предписаний; он обладает качеством системности в целях обеспечения единства элементов права» [1, с. 13]. Однако нельзя не признать, что его актуальность и социальная востребованность вместе с тем сегодня фактически на порядок выше, чем у ряда других принципов права, в том числе в и контексте движения России к правовому государству.

Значение рассматриваемого принципа взаимной ответственности государства и личности для современных социумов в нынешний период заключается в том, что им как бы очерчиваются пределы, разумные границы правового и иного вторжения государства в личную сферу конкретного гражданина, а также устанавливает границы осуществления индивидуальной автономии личности.

Механизм взаимной ответственности дает возможность сформировать в обществе продуманный баланс суверенитета отдельной личности и суверенитета государства, реализовать иные принципы и обеспечить действительно правовой характер соответствующего государства. Благодаря правильному действию механизма такой взаимной ответственности, по сути дела, может решаться такая значимая со-

временная проблема, как гармоничное сочетание личных и общественных интересов и ожиданий, что выступает неперенным «условием для нормального функционирования подлинно правового государства» [2, с. 16].

Принцип взаимной ответственности государства и личности, его содержательная и процедурная специфика сегодня определяются самим характером и направленностью социального развития, он функционирует в условиях приобретающих все новые грани противоречий публичных и частных интересов. В то же самое время он вытекает из их взаимообусловленности, непрерывного взаимопроникновения и разнохарактерного взаимодействия.

Весьма многоаспектные политико-правовые, культурные и иные связи личности и государства в настоящий период пребывают в состоянии нарастающего изменения и развития, а степень динамизма этого развития находится в зависимости, помимо других факторов, и от уровня сформированности правового государства и гражданского общества, а также от меры и характера эффективности их функционирования. Гармония и эффективность в системе взаимных весьма многоаспектных отношений между личностью и структурами государства сегодня должны быть обеспечены с помощью все большего влияния институтов гражданского общества на базе незыблемости конкретно «таких принципов правового государства, как верховенство права, связанность личности и государства правом, взаимная ответственность личности и государства» [3, с. 15].

Политико-правовые связи государства и личности в доктрине иногда дефинируются через категорию взаимной зависимости. Думается, что такой немаловажный аспект взаимной зависимости необходимо иметь в виду в практической деятельности и при исследовании различных сторон взаимной ответственности государства и личности. Существенную роль сегодня должна играть и совместная связанность государства и личности правом, выступающая также и как связанность общими стоящими перед ними социальными проблемами и задачами, а также одновременно и взаимосвязь и взаимозависимость индивида с институтами гражданского общества.

Взаимная ответственность государства и личности как базовый принцип находит одну из форм своего выражения, помимо прочего, в однопорядковом подходе к ответственности государства перед личностью и наоборот. Государство в лице своих полномочных представителей обязано нести предусмотренную ответственность за деятельность любого органа публичной власти, должностного лица, которые нарушили конституционные и иные закрепленные права и свободы человека и гражданина.

В процессах реализации принципа взаимной ответственности в социальных реалиях нынешней России, к сожалению, наблюдается явный перекося в сторону ответственности именно личности перед государством и его структурами, в то время, как «многие нормы, закрепляющие статус органов власти и должностных лиц, фактически не обеспечены санкциями» [4, с. 24]. Тем самым по сути нарушается и другой принцип – принцип равенства всех перед законом, и, кроме того, принцип ограниченности действий государственной власти правом. А ведь иногда в качестве принципа именно правового государства (в отличие от неправового) подразумевается ответственность только государства перед гражданином [5, с. 3], что, как представляется, на самом деле и отличает правовое государство от неправового, потому что ответственность граждан имеет место в любом государстве.

Механизм обоюдной, взаимонаправленной ответственности изначально не был заложен в назначении и самой природе государства и государственной власти, поэтому в достаточно длительной практике государственно-правового развития в истории мы наблюдаем по большей части механизм одностороннего обязывания. Только наличие зрелого гражданского общества, развитость его институтов дает нам все возможности для трансформации этого механизма в механизм как раз «взаимной ответственности, а вовсе не само по себе декларативное признание прав и свобод гражданина» [6, с. 18].

Итак, принцип взаимной ответственности государства и личности – базовая, многоаспектная и весьма актуальная на сегодняшний день идея права, которая отражает и вместе с тем сама определяет содержание наличного баланса социальных интересов и складывание гармоничного сосуществования личности и публичной власти на основе формирования справедливой системы единства и равенства их прав и обязанностей. Однако нельзя безоговорочно согласиться и с высказываемой иногда идеей равенства прав и обязанностей государства и личности, поскольку они – изначально разнопорядковые субъекты права.

Сегодня, к сожалению, в ряде теоретических исследований данного принципа оставляется без внимания позитивная (перспективная) ответственность личности и государства за совершенствование, гармонизацию социальной жизни и государственной политики, за оптимизацию социальных связей, социального развития. И эта позитивная ответственность данных субъектов не должна противопоставляться друг другу, а должна приобрести действительно совместный характер, что очень значимо именно в современный период, в том числе в контексте проблем осуществления в России начал правового государства.

Представляется, что в нынешний период социального развития принципом настоящего правового государства должен являться не классически выделяемый принцип взаимной ответственности государства и личности (ответственность личности перед государством имеет место, как уже выше отмечалось, в любом типе, при любой форме государства), а принцип ответственности государственной перед социумом, его структурами и личностью. Именно многообразная государственная ответственность, ответственность государственных структур перед социумом и личностью и образует одно из главных отличий правового государства от иных его разновидностей. К сожалению, современная государственно-правовая практика, связанная с осуществлением данного принципа взаимной ответственности государства и личности, полна множеством примеров, существенно расходящихся с теорией. Во взаимных отношениях «государство-гражданин» в условиях современной России именно первый участник в подавляющем большинстве случаев юридически доминирует над вторым. Ни о какой равной взаимной ответственности в этой связи речи вообще не идет. При этом никаких эффективных механизмов, которые бы стабильно обеспечивали, надежно гарантировали это равенство, до сих пор государством фактически не сформировано.

Полагаем, что в современный период сама по себе взаимная ответственность государства и личности обладает более второстепенным значением в контексте развития начал правовой государственности, нежели такой ее актуальный аспект, как закрепленная в законодательстве разносторонняя совместная ответственность госу-

дарства и личности, государства и граждан за решение назревших общественных проблем, а также ответственность собственно государства перед обществом и личностью посредством им же закрепленных правовых инструментов, в том числе норм права.

Важно в этой связи, что в современном российском законодательстве, хотя и в минимальной мере, закреплена не только взаимная ответственность личности и государства, но и, что более важно с позиций построения правового государства, также и их совместная ответственность за решение важнейших общественных проблем.

Целый ряд значимых аспектов принципа ответственности государства перед обществом и человеческой личностью, что важно отметить, получил в свое время закрепление в действующей федеральной Конституции, выступив тем самым своеобразным ориентиром для регионального и муниципального законодательства [7].

Существенную роль приобретает сегодня нормативное и как можно более детальное закрепление различных аспектов принципа ответственности государства перед обществом и гражданами в современном региональном законодательстве. И здесь все еще присутствует недостаток системности и вместе с тем и некоторое содержательное разнообразие, которое, однако, не противоречит действующему федеральному законодательству, но нуждается, на наш взгляд, в некотором упорядочении.

Прежде всего, в конституциях и уставах целого ряда субъектов провозглашена такая их позитивная ответственность, которая связывается с самим развитием соответствующего субъекта. В частности, в Уставе Краснодарского края его преамбула содержит фразу «сознавая свою ответственность за социально-экономическое, политическое и культурное развитие края» [8]. И это только один из многих примеров.

В современном законодательстве федерального и регионального уровней, что, несомненно, социально значимо, закрепляются и в разной степени конкретизируются и положения о наличии или необходимости совместной ответственности государства, его органов, общества и граждан за решение наиболее важных общественных проблем. Например, в Законе Республики Северная Осетия-Алания от 02.12.1997 №15-3 «О семейной политике в Республике Северная Осетия-Алания» говорится о «взаимной ответственности государственных органов, органов местного самоуправления, семьи, общественных объединений» [9].

Сегодня, на основании вышеизложенного, стало вполне очевидным (и это подтверждается положениями действующего федерального и регионального законодательства), что ответственность государства, его органов перед личностью не может быть сведена лишь к такому своему аспекту, как ответственность за причинение личности некоего вреда действиями этого государства и его органов (так называемая негативная ответственность). Этот принцип должен рассматриваться в качестве многоаспектного и включать, несомненно, и совместную с обществом ответственность в следующих областях: в области складывания и сохранения баланса социальных интересов; в области обеспечения устойчивого экономического развития; в сфере социальной ориентированности общественной организации и ее функционирования; в сфере обеспечения справедливого, рационального и при этом максимально действенного разрешения возникающих социальных конфликтов и т.д.

Итак, мы видим, что принцип взаимной ответственности государства и личности приобретает особую значимость и все большую многоплановость в нынешний пе-

риод развития российского общества. И в первую очередь это становится важным в аспекте ответственности именно государства перед социумом и конкретной личностью, а также в качестве реализации совместной ответственности государства и личности в обеспечении максимально действенного решения общественных задач и проблем. И в этом плане интересно то, что законодательная практика в современной России, ее регионах, как представляется, находится существенно впереди доктрины, поскольку в законодательстве закреплён целый ряд новых аспектов ответственности личности и государства, но эти аспекты пока не получили признания в юридической науке.

Список литературы:

1. Черепанова О. С. Реализация принципа взаимной ответственности государства и личности (вопросы теории). Автореф. дисс...канд.юрид.наук. М., 2012. С. 13.
2. Довбуш Т. Н. Принципы правового государства и механизм их реализации (теоретико-правовой аспект). Автореф. дисс...канд.юрид.наук. СПб., 2005. С. 16.
3. Волконский Ю. К. Современные политико-правовые связи личности и государства в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование). Автореф. дисс...канд.юрид.наук. Владимир, 2007. С. 15.
4. Вырлеева-Балаева О.С. Система правовых ограничений государственной власти в современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ. Автореф. дисс. канд.юрид.наук. Казань, 2012. С. 24.
5. Горбунов Д. Г. Ответственность государства перед гражданином как принцип правового государства. Автореф. дисс...канд.юрид.наук. М., 2003. С. 3.
6. Огнева М. В. Закономерности трансформации правового государства в теории и действительности. Автореф. дисс...канд.юрид.наук. М., 2012. С. 18.
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. // docs.cntd.ru /document/ 9004937
8. Устав Краснодарского края (в редакции на 19.07.2018г.) // constitution.garant.ru. /region /ustav-krasnod /
9. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 02.12.1997г. №15-З «О семейной политике в Республике Северная Осетия-Алания» // docs.cntd.ru/ document/ 802042084

Zhinkin S.A., Prokhorova M.L. Actual problems of the implementation of the principle of mutual responsibility of the state and the individual in modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 389–393.

The article considers some relevant issues for modern Russian state legal practice related to the implementation of the principle of mutual responsibility of the state and the individual. The authors emphasize the multidimensional nature of this principle in the modern period, and draw attention to some of its most significant and promising aspects today. It is noted, in particular, that for the further development of the rule of law, it is the responsibility of the state and its bodies to the individual in various spheres that is most important today. Their joint responsibility for solving the most significant social problems also plays an important role.

Keywords: principle, mutual responsibility, state, personality.

Spisok literatury:

1. Cherepanova O.S. Realizaciya principa vzaimnoj otvetstvennosti gosudarstva i lichnosti (voprosy teorii). Avtoref. diss...kand.yurid.nauk. M., 2012. S.13.
2. Dovbush T.N. Principy pravovogo gosudarstva i mekhanizm ih realizacii (teoretiko-pravovoj aspekt). Avtoref.diss...kand.yurid.yunauk. SPb., 2005. S.16.
3. Volkonskij YU.K. Sovremennye politiko-pravovye svyazi lichnosti i gosudarstva v Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoe issledovanie). Avtoref.diss...kand.yurid.nauk. Vladimir, 2007. S.15.
4. Vyrlieva-Balaeva O.S. Sistema pravovyh ogranichenij gosudarstvennoj vlasti v sovremennoj Rossii: teoretiko-instrumental'nyj i sravnitel'nyj analiz. Avtoref.diss.kand.yurid.nauk. Kazan', 2012. S.24.
5. Gorbunov D.G. Otvetstvennost' gosudarstva pered grazhdaninom kak princip pravovogo gosudarstva. Avtoref.diss...kand.yurid.nauk. M., 2003. S.3.
6. Ogneva M.V. Zakonomernosti transformacii pravovogo gosudarstva v teorii i dejstvitel'nosti. Avtoref.diss...kand.yurid.nauk. M., 2012. S.18.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993g. // docs.cntd.ru /document/ 9004937
8. Ustav Krasnodarskogo kraja (v redakcii na 19.07.2018g.) // constitution.garant.ru. /region /ustav-krasnod /
9. Zakon Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya ot 02.12.1997g. №15-Z «O semejnoy politike v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya» // docs.cntd.ru/ document/ 802042084

УДК 342.1

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ – ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

Мокроусова К. А., Нифанов А. Н.

**ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»**

В данной статье авторское внимание уделено анализу одной из разновидностей статусных территорий с особенностями организации местного самоуправления – городам федерального значения. На основе анализа федерального законодательства и специальных нормативных правовых актов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя установлены дефинитивные, институциональные, материальные и процессуальные аспекты, формирующие заявленные особенности.

По итогам осуществленного анализа представлены авторские предложения по совершенствованию регионального законодательства городов федерального значения в части особенностей организации местного самоуправления.

Ключевые слова: территория, местное самоуправление, город федерального значения, столица, статус, внутригородская территория, городское хозяйство, местная администрация.

Обособление статусной разновидности территорий с особенностями организации местного самоуправления мы связываем с присущим таким территориям конституционно-правовым статусом. В нормативном смысле «правовой статус, будучи составной частью системы права, выступает в качестве относительно самостоятельного регулятора общественных отношений» [1, с. 25-39].

Для решения задач данного исследования применим подход С.А. Авакьяна к определению понятия «статус» в качестве «структурно организованного нормативно-правовым актом положения органа, организации, объединения, должностного лица, личности, гражданина» [2, с. 559].

Классифицируя правовые статусы по критерию отраслевой принадлежности источников и объему правового регулирования, выделяют конституционные, конституционно-правовые и правовые статусы. Исходя из этого, «конституционно-правовой статус шире по содержанию конституционного и включает в себя характеристики, содержащиеся, помимо Конституции, в нормах других источников конституционного права» [1, с. 25-29].

Полагаем, что в нашем случае, исходя из конституционной природы заявленных территорий и их конкретизации в специальных нормативных правовых актах, обоснованно говорить о конституционно-правовом статусе, а, следовательно, статусной разновидности, объединяющей соответствующие территории.

К статусной разновидности рассматриваемых территорий нами отнесены территории субъектов Российской Федерации – городов федерального значения, закрытых административно-территориальных образований, наукограды, муниципальные образования, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) (с апреля 2024 г. территории северного завоза), федеральные территории.

Открывает Главу 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ норма об особенностях организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения. В рамках данной статьи выявлению таких особенностей и будет уделено внимание.

Уточним, что ранее в юридической науке в контексте заявленной разновидности территории обращались к городским округам с внутригородским делением [3, с. 60-62; 4, с. 43-48].

В силу правового статуса столицы многочисленны публикации о городе федерального значения Москва [5, с. 39-42; 6, с. 59-63; 7, с. 74-80; 8, с. 10-24]. В меньшей степени исследовательский интерес охватил организацию местного самоуправления в Санкт-Петербурге и Севастополе [9, с. 5-8; 10, с. 26-30; 11, с. 15-18]. Однако, с учетом конституционных изменений и продолжающейся реформы местного самоуправления, в современной юридической литературе отсутствуют результаты анализа современного законодательства, формализующего особенности организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения.

По сравнению со всеми иными нормами Главы 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, ст. 79 более развернуто регулирует правовой статус организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения.

Непосредственно из содержания указанной статьи Федерального закона № 131-ФЗ следуют ключевые особенности организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения:

- местное самоуправление осуществляется органами местного самоуправления на внутригородских территориях (части территории города федерального значения, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления);
- установление и изменение границ внутригородских муниципальных образований, их преобразование осуществляются законами городов федерального значения с учетом мнения населения соответствующих внутригородских территорий (ч. 2);
- корреляция вопросов местного значения с необходимостью сохранения единства городского хозяйства (ч. 3);
- возможность отсутствия местной администрации (ч. 3).

Далее рассмотрим заявленные особенности, исходя из анализа норм специальных законов об организации местного самоуправления, которые были приняты в Москве 6 ноября 2002 г., в Санкт-Петербурге 23 сентября 2009 г., в Севастополе 30 декабря 2014 г.

Структурно указанные законы включают в себя следующие самостоятельные содержательные единицы:

- «Общие положения» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь);
- «Территориальная организация местного самоуправления» (Санкт-Петербург, Севастополь);
- «Вопросы местного значения» (Санкт-Петербург, Севастополь);
- «Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург);
- «Формы прямого волеизъявления граждан и другие формы осуществления

местного самоуправления» (Москва) / «Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления» (Санкт-Петербург, Севастополь);

– «Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь);

– «Муниципальные правовые акты» (Санкт-Петербург, Севастополь);

– «Экономическая основа местного самоуправления» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь);

– «Межмуниципальное сотрудничество» (Санкт-Петербург, Севастополь);

– «Гарантии местного самоуправления» (Москва);

– «Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления. Контроль за их деятельностью» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь);

– «Заключительные и переходные положения» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь).

Обращает на себя внимание наличествующая вариативность последовательности расположения отдельных глав. Например, в законах Санкт-Петербурга и Севастополя сначала отражены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления, что аналогично логике федерального закона, а затем органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления. В московском законе обратная последовательность.

Учитывая, что из трех городов федерального значения, Москва является столицей, тем не менее, считаем, имеющуюся специфику возможно отразить в законе, унифицировав его структурно с нормативными актами Санкт-Петербурга и Севастополя.

Далее сопоставим содержание законов трех городов федерального значения.

Итак, в ст. 1 «Местное самоуправление в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве. Территориальная основа местного самоуправления» московского закона дано определение понятия «местное самоуправление в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве». По аналогии понятие «местное самоуправление в Санкт-Петербурге / Севастополе» размещено в ч. 2 ст. 1 законов.

При этом в Законе Санкт-Петербурга имеется самостоятельная ст. 2 «Основные понятия...», дефинирующая такие термины, как «внутригородское муниципальное образование города федерального значения Санкт-Петербурга», «особенности муниципального образования», «муниципальный совет муниципального образования», «глава муниципального образования», «местная администрация муниципального образования», «глава местной администрации муниципального образования».

Идентичный подход обнаружен в ст. 3 Закона Севастополя. В ее ч. 1, кроме указанных, даны определения терминам «выравнивание бюджетной обеспеченности» и «избирательная комиссия внутригородского муниципального образования».

Таким образом, только в московском законе отсутствует статья, формализующая основные понятия. Полагаем, по опыту законов Санкт-Петербурга и Севастополя, целесообразно дополнить Закон города Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» статьей, дающей определения основным понятиям.

Далее, разбирая содержание ст. 1 московского закона, уточним, что местное самоуправление в городе Москве осуществляется в таких внутригородских муниципальных образованиях, как муниципальный округ, городской округ и поселение (ч. 2 ст. 1). При этом, стандартна формулировка о том, что «образование муниципальных образований, установление границ их территорий и наименований осуществляются законом города Москвы по представлению Мэра Москвы с учетом исторических и иных местных традиций, географических, градостроительных особенностей, социально-экономических характеристик соответствующих территорий, расположения транспортных коммуникаций, наличия инженерной инфраструктуры и других особенностей территорий» (ч. 3 ст. 1) [12].

В ч. 4 ст. 1 московского закона предусмотрено, что «установление и изменение границ территорий муниципальных образований, преобразование муниципальных образований осуществляются законами города Москвы по инициативе населения, органов местного самоуправления, а также органов государственной власти города Москвы в соответствии с Уставом города Москвы и с учетом мнения населения соответствующей территории, выраженного представительным органом муниципального образования с учетом результатов публичных слушаний» [12]. Аналогичная по содержанию норма содержится в ч. 2 ст. 7 Закона Санкт-Петербурга.

Однако, как выше нами было указано в законах Санкт-Петербурга и Севастополя территориальной организации местного самоуправления посвящена Глава 2. В ней самостоятельными статьями регламентируются порядок изменения границ (ст. 8) и преобразования муниципальных образований (ст. 9).

По поводу изменения границ муниципальных образований Закон Санкт-Петербурга определяет, что оно «осуществляется путем внесения изменений в закон Санкт-Петербурга о территориальном устройстве Санкт-Петербурга с учетом мнения населения соответствующих муниципальных образований, выраженного муниципальными советами соответствующих муниципальных образований, по инициативе населения соответствующих муниципальных образований, органов местного самоуправления, органов государственной власти Санкт-Петербурга, федеральных органов государственной власти» (ст. 8) [13].

В ст. 9 рассматриваемого Закона преобразование муниципальных образований определено как объединение муниципальных образований и разделение муниципальных образований. Далее по поводу преобразования детализирован аналогичный с изменением порядок.

Следует отметить, несмотря на самостоятельность главы о территориальной организации местного самоуправления в севастопольском законе, ее нормы являются самыми лаконичными. Отмечается лишь то, что «местное самоуправление осуществляется в пределах административных границ города Севастополя, как субъекта Российской Федерации, на территориях внутригородских муниципальных образований» (ч. 1 ст. 8) [13]; «установление и изменение границ внутригородских муниципальных образований, их преобразование осуществляются в порядке, установленном законодательством города Севастополя» (ч. 2 ст. 8) [13] и «перечень внутригородских муниципальных образований и описание их границ устанавливаются отдельным законом города Севастополя» (ч. 3 ст. 8) [13].

Обратим внимание, что Закон Санкт-Петербурга об организации местного самоуправления учитывает конституционные изменения о единстве системы публичной

власти и в ч. 3 ст. 1 легализует следующее положение: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти Санкт-Петербурга входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [14].

В заявленных законах в различном объеме предусмотрены:

- полномочия органов государственной власти в области местного самоуправления (ст. 4 в Москве, ст. 5 – в Санкт-Петербурге и ст. 6 в Севастополе);
- порядок взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления (ст. 5 московского закона);
- непосредственно вопросы местного значения муниципального образования (ст. 8 в Москве, ст. 10 в Санкт-Петербурге, ст. 9 в Севастополе);
- полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения (ст. 8.1 в Москве, ст. 10 в Севастополе);
- порядок осуществления органами местного самоуправления отдельных полномочий (государственных полномочий) (ст. 9 московского закона, ст. 12 в законе Санкт-Петербурга).

В ст. 13 и ст. 11 законов Санкт-Петербурга и Севастополя (в главе о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями) соответственно предусмотрен государственный контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Функционал такого контроля в московском законе отражен в рамках положений о взаимодействии органов государственной власти города Москвы и органов местного самоуправления (ч. 6 ст. 5).

Интересен аспект легализации взаимодействия органов государственной власти города Москвы и органов местного самоуправления по отдельным вопросам на основе договоров и соглашений между органами исполнительной власти города Москвы и органами местного самоуправления (ч. 2 ст. 5), а также в рамках совместных координационных, консультационных, совещательных и других рабочих органов как временных, так и постоянно действующих (ч. 3 ст. 5). Столь детализированная информация отсутствует в законах Санкт-Петербурга и Севастополя.

Обратим внимание на легализованную структуру органов местного самоуправления. В Москве ее составляют (ч. 1 ст. 10):

- 1) представительный орган местного самоуправления, образуемый в соответствии с федеральными законами, законами города Москвы, уставом муниципального образования;
- 2) глава муниципального образования;
- 3) исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления, образуемый в соответствии с федеральными законами, настоящим Законом, уставом муниципального образования;
- 4) другие органы местного самоуправления, образуемые в соответствии с уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

В ч. 1 ст. 25 Закона Санкт-Петербурга указано, что «структуру органов местного самоуправления составляют муниципальный совет муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация муниципального обра-

зования, контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения» [14].

Как видим, дополнительно предусмотрено создание контрольно-счетного органа муниципального образования, более подробные положения о котором изложены в ст. 29.

В Законе Севастополя ст. 23 лаконично представлена формулировкой «структура органов местного самоуправления на территории города Севастополя определяется в соответствии с уставом внутригородского муниципального образования». А далее формализован статус таких органов, как Совет внутригородского муниципального образования (ст. 24), Глава внутригородского муниципального образования (ст. 25), Контрольно-счетный орган внутригородского муниципального образования (ст. 26), Избирательная комиссия внутригородского муниципального образования (ст. 27).

Полагаем, совокупно нормы ст. 79 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и рассмотренных законов субъектов Российской Федерации – городах федерального значения позволяют сформировать представление об особенностях реализации местного самоуправления на данной разновидности территорий.

Список литературы:

1. Дотдаева О.Н. К вопросу о понятии и структуре конституционно-правового статуса // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 2. С. 25-39.
2. Конституционное право: Энцикл. слов. / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М.: НОРМА: НОРМА-ИНФРА.М, 2000. С. 559.
3. См.: Астафичев П.А. Городской округ с внутригородским делением как новый вид муниципального образования в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 60-62.
4. Бабичев И.В. Городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы: новые юридические конструкции как возможный инструмент развития местного самоуправления на соответствующей территории // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 43-48.
5. Бычкова Е.И. К вопросу о территориальной организации местного самоуправления в городе Москве // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 5. С. 39-42.
6. Данько А.А. Территориальное устройство города федерального значения Москвы: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 59-63.
7. Ежукова О.А. Некоторые тенденции в правовом регулировании организации местного самоуправления в Москве // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 74-80.
8. Пешин Н.Л. Территориальные основы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления города Москвы // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 20-24.
9. Закондырин А.Е. Концепция организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге // Административное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 5-8.
10. Козодубов А.А., Яковлев А.В. Перспективы становления местного самоуправления в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. № 2. С. 26-30.
11. Козодубов А.А. Организация местного самоуправления в городе федерального значения Севастополе // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 2. С. 15-18.
12. Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 12. Ст. 276.
13. Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2009. № 22; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.10.2023 г.
14. Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2009. № 22; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.10.2023 г.

Ksenia A. Mokrousova, Aleksey N. Nifanov. Peculiarities of the organization of local self-government in the subjects of the Russian Federation - cities of federal significance // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 394–400.

Within the framework of this article, the author's attention is paid to the analysis of one of the varieties of status territories with the peculiarities of the organization of local self-government - cities of federal signifi-

cance. Based on the analysis of federal legislation and special regulatory legal acts of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol, the definitive, institutional, material and procedural aspects forming the declared features are established.

Based on the results of the analysis, the author's proposals for improving the regional legislation of cities of federal significance in terms of the specifics of the organization of local self-government are presented.

Keywords: territory, local government, federal city, capital, status, inner-city territory, urban economy, local administration.

Spisok literatury:

1. Dotdaeva O.N. K voprosu o ponyatii i strukture konstitucionno-pravovogo statusa // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 2. S. 25-39.
2. Konstitucionnoe pravo: Encikl. slov. / otv. red. i ruk. avt. kol. S.A. Avak'yan. M.: NORMA: NORMA-INFRA.M, 2000. S. 559.
3. Sm.: Astafichev P.A. Gorodskoj okrug s vnutrigorodskim deleniem kak novyj vid municipal'nogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 6. S. 60-62.
4. Babichev I.V. Gorodskie okruga s vnutrigorodskim deleniem i vnutrigorodskie rajony: novye yuridicheskie konstrukcii kak vozmozhnyj instrument razvitiya mestnogo samoupravleniya na sootvetstvuyushchej territorii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 3. S. 43-48.
5. Bychkova E.I. K voprosu o territorial'noj organizacii mestnogo samoupravleniya v gorode Moskve // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2018. № 5. S. 39-42.
6. Dan'ko A.A. Territorial'noe ustrojstvo goroda federal'nogo znacheniya Moskvy: problemy i perspektivy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2016. № 10. S. 59-63.
7. Ezhukova O.A. Nekotorye tendencii v pravovom regulirovanii organizacii mestnogo samoupravleniya v Moskve // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 5. S. 74-80.
8. Peshin N.L. Territorial'nye osnovy deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya goroda Moskvy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 10. S. 20-24.
9. Zakondyrin A.E. Konceptiya organizacii mestnogo samoupravleniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii – gorodah federal'nogo znacheniya Moskve i Sankt-Peterburge // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 5. S. 5-8.
10. Kozodubov A.A., YAKovlev A.V. Perspektivy stanovleniya mestnogo samoupravleniya v Respublike Krym i gorode federal'nogo znacheniya Sevastopole // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2015. № 2. S. 26-30.
11. Kozodubov A.A. Organizaciya mestnogo samoupravleniya v gorode federal'nogo znacheniya Sevastopole // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2018. № 2. S. 15-18.
12. Vedomosti Moskovskoj gorodskoj Dumy. 2002. № 12. St. 276.
13. Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga. 2009. № 22; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 24.10.2023 g.
14. Vestnik Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga. 2009. № 22; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 24.10.2023 g.

УДК 340.1

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Бутько Л. В., Лепешкина О. В.

Кубанский государственный университет

В данной статье рассматривается важность исторических знаний для оценки правосознания и его соответствия каждому историческому типу государства и права. Обосновывается необходимость изменения подхода к преподаванию истории и исторических дисциплин на разных этапах образования. Указано, что феномен правосознания представляется достаточно сложным объектом научного исследования и этим объясняется многоаспектность его проблематики. Нельзя утверждать, что все аспекты правосознания в достаточной мере исследованы и обоснованы представителями разноотраслевых наук, включая юридическую. Необходимость обновления учения о правосознании особенно остро ощущается в условиях глобализации, оценок ее несостоявшейся авторитетности, приведшей к современным глобальным вызовам человечеству. Сложность заключается в том, что долго ожидаемые процессы восстановления исторической справедливости, традиций и значимости непреходящих ценностей, подающие надежду на возможность благополучного решения проблем, порожденных вызовами, приходится вести в условиях этих самых вызовов. В таких условиях главной основой трансформации современного правосознания является разработка новой концепции российского законодательства и ее реализация на базе исторических знаний о праве в целом, о масштабных закономерностях его обновления, ориентированных на конкретно исторический этап развития государственности и общества.

Ключевые слова: история, правосознание, исторические знания, правовая культура, историко-правовые науки.

Особое место в теоретико-правовой науке занимают исследования вопросов правосознания. Их специфика predetermined не только научной базой юридической науки, состоянием права и законодательства, результатами их применения. В них находит преломление информация целого ряда научных отраслей: философии, психологии, физиологии, социологии, педагогики, экономики. Особое место в этом перечне занимают исторические знания, знания идеологии.

Необходимость их учета при формировании и в оценках правосознания подтверждена рядом факторов. В этом убеждает анализ состояния правосознания представителей разных возрастных слоев и разного национального состава населения, ориентированного на различия профессиональной подготовки; заслуживают учета и факторы географического положения места пребывания, уровень культуры, особенности языка и др. В решении обозначенной задачи и с учетом указанных позиций неопределимую помощь оказывает огромный пласт исторических знаний. Тем более, что оценка и констатация их роли в формировании правосознания представлены многими отечественными и зарубежными учеными разных исторических эпох.

Актуальность понимания и применения перечисленных пластов знаний в исследовании правосознания заметно возросла в связи с принятием «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809, нашедших подтверждение в программных мерах, предложенных Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию страны 29.02.2024 г.

Перечисленные документы приобрели непреходящее значение в вопросах формирования обновляемого правосознания на новых условиях, во-первых, на основе новой государственной политики – политики по защите традиционных ценностей, во-вторых, на основе идеологизации. Такую оценку представил в своих работах А.Г. Дугин, подчеркнув: *«всякий, кто препятствует или оттягивает момент резкой идеологизации нашего общества, является прямым пособником нашего врага. Немедленное обращение к идеологии – это единственное, что отделяет нас от следующего аккорда Апокалипсиса, например, от использования ТЯО. С идеологией у нас ещё остаётся шанс отложить акт глобального самоубийства человечества, так как это новый ресурс, новое оружие, новая стратегия»* [1].

В последние десятилетия формирование правового сознания происходит в условиях действия последствий проводимых в стране реформ и планирования их дальнейших перспектив, неоднозначно оцениваемых представителями различных слоев российского общества, разных поколений [8]. Приходится учитывать и воздействие на правосознание социально-экономических, общественно-политических, духовных процессов обновления российского общества, состояние международной обстановки и реакции мирового сообщества на события второго-третьего десятилетия XXI в. Сыграли свою роль и нравственные устои поколения, родившегося в 90-е гг. XX столетия, которое некоторые авторы именуют «потерянным поколением». Можно сказать, что взгляды этой категории граждан составляют основу современного нигилистического отношения не только к праву, но и к другим ценностям жизни. Все эти процессы получили неоднозначное отражение в различных направлениях современной государственной политики России (прежде всего правовой). Ее содержание трансформировано в реализацию государственных социальных национальных проектов, сориентированных на создание достойных условий жизни населения страны.

Заметим, что наиболее ощутимым результатом проводимых реформ явилось колоссальное расхождение между возможностью и действительностью, которое привело к утрате доверия к проводимым мероприятиям (к примеру, к приватизации), к неоправданию надежд на улучшение жизни и общего благосостояния (к примеру, на референдум по сохранению Союза 1991 г.) и другим подобным последствиям [7]. Весомым противовесом нигилистическим настроениям явились события 2014 г., связанные с государственным переворотом в Украине, с возвращением в состав России Крыма, с развертыванием военных действий на Юго-востоке Украины, с санкциями против России, с начавшимся новым этапом конституционной реформы, с событиями по проведению СВО.

В таких условиях особенно значимым признается закон, существующий в природе, «который гласит, что знание уничтожить невозможно, потому что оно имеет свое собственное сознание. То сознание, которое всегда находит возможности к самосохранению, и не только в письменном виде, архитектуре или каких-то еще иных формах, но, прежде всего, в людях, которые по эстафете передают его от поколения к поколению» [9].

И здесь уместно вспомнить рассуждения известных русских ученых XIX–XX вв., посвященных оценкам исторических знаний. Так, Н.М. Карамзин в предисловии к своему труду «История государства Российского» записал: – «История в некотором

смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на её листы, как мореплаватели на чертежи морей..... Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали ещё ужаснейшие...» [5].

Не менее актуальны высказывания Н.Н. Алексеева и И.А. Ильина, посвященные оценке природы и значения главного субъекта права – человека, личности. По утверждению Н.Н. Алексеева: «Очевидно, опыт усовершенствования права должен начаться с усовершенствования субъекта права. До тех пор, пока носитель правового смысла и излучающееся из него правосознание не достигнут нормальной и истинно-духовной жизни, порождающей нормальную и здоровую деятельность, – до тех пор и право не сможет быть совершенным» [2].

Но еще более убедительно подметил И. А. Ильин. «Право и государство, – писал ученый, – живут по существу в субъекте права, им, субъектом, его душою, его духом. Но субъект права – это не только понятие, или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права это, прежде всего, *духовно организованная душа*. Настоящий, не фиктивный субъект права способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства и потому он переносит эти духовные напряжения свои на самое право, и на самое государство, и на государственную власть, как на *верные и достойные пути к этой цели*. Быть не фиктивным субъектом права, значит быть *духовно зрелой личностью* – вот первооснова правосознания, вот аксиома философии права, длительное пренебрежение которой таит в себе возмездие... Это значит, что нормальный субъект права, как духовно-зрелая личность, ощутил и осознал свою *собственную природу*, как нечто *неразложимое* на простые животно-телесные потребности; он нашел себя, как существо духовное, т.е. измеряющее себя и всю человеческую жизнь не голыми «нуждами», «пользами» и «интересами», – но *достоинством*, объективным и безусловным достоинством, честью, совестью, правотою *перед лицом Божиим*» [4].

Процитированное обязывает напомнить о существовании двух тайн, – тайн сознания и души как недоступных для восприятия с помощью органов чувств, данных человеку природой, но имеющих самое первостепенное значение в понимании правосознания. Правосознание всегда предстает в духовном облике и считается духовным органом человека, и потому его познание как части сознания должно быть освящено духовным состоянием личности.

О значении исторических знаний и важности их получения человеком можно привести множество знаменитых высказываний, учитывая, что они благотворно влияют, прежде всего, на молодежь, на усвоение ею культурно-исторических традиций своего народа, дают возможность почувствовать себя его частью, стать полноценным гражданином своего государства.

В свете последних событий, происходящих в стране и мире, мы вновь обращаемся к историческим истокам и переосмысливаем события прошлого, оцениваем их с учетом современного контекста. Многие события недавней истории открываются по-новому. Все это свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к оценке

истории как науки и учебной дисциплины во всех ее проявлениях в целом и в юриспруденции, в частности, в ключе ее воздействия на правосознание. Такие процессы собственно и происходят на общегосударственном уровне. Россия в мировом сообществе всегда оценивалась не однозначно на всех этапах своего существования и лишь сейчас мы сами о себе говорим, как об особой цивилизации, не относящейся ни к Западу, ни к Востоку. У нас особый путь развития, обусловленный ментальностью русского народа, его традициями, обычаями и историческим наследием.

Существенным историческим фактом, оказавшим влияние на трансформацию правосознания, признаются особенности отраслевого строения системы отечественного права, которыми отличались соответствующие пласты истории российской государственности. В большей степени такими особенностями отличилась отрасль, именуемая в разные периоды государственным или конституционным правом. Ее заслуга не только в том, что под воздействием ее норм сформировался и упрочился такой вид правосознания, как конституционное. Главное в том, что данная отрасль призвана выполнять особую преобразовательную функцию, действием ее норм были осуществлены все преобразования Российского государства и права в переходные периоды – в периоды перехода от одного исторического типа к другому. В итоге такие преобразования получили завершенное содержание. Именно такие масштабные, судьбоносные переходы коренным образом изменяли правосознание граждан страны в течение срока, исторически требуемого для создания государства и права нового типа [3].

Можно с уверенностью утверждать, что право в русской правовой традиции выполнило особенную историческую миссию: с одной стороны, обозначен соответствующий этап развития российской государственности, ее состояние в разных условиях, с другой, продемонстрирована трансформация правосознания под воздействием особенностей каждого исторического типа Российского государства. Сегодня значение знаний этой истории состоит в том, что они позволили отследить тенденции развития и трансформации не только норм отечественного права и законодательства, но и обосновать закономерности трансформации правосознания русского народа. История позволяет обнаружить и показать особенности изменения правосознания в разных исторических условиях. В результате создана эмпирическая и научная база для понимания и объяснения тенденций развития норм отечественного права, его влияния на правосознание.

Так, в XX в. отечественное право увековечило в истории России три исторических типа государства и права: помещичье-капиталистический, советский – социалистический, современный – капиталистический (постсоциалистический). Это нашло отражение в содержании права целого столетия, его нормы в каждый период по-разному участвовали в формировании общего правосознания и конкретно каждого отраслевого вида правосознания. Связь правосознания с историческим типом российского государства подтверждается наличием присущих ему сущностных, теоретических, нормативных характеристик и иными типологическими моментами. В этом убеждают поэтапные особенности каждой отрасли права разных исторических периодов [3].

Наиболее наглядно это наблюдается в последние 30 лет отечественной истории. С 90-х годов прошлого века в сферу правосознания все активнее стали проникать обновленные либеральные идеи, авторы которых стремились к отрицанию величия

российского народа, нещадно критикуя имперское и советское прошлое. Наука и образование повернулись лицом к западным ценностям. Такой поворот на протяжении без малого 30 лет взращивался и поддерживался в российском обществе. Все это привело к воспитанию подрастающего поколения, к формированию его правосознания в духе потребительства на «западный» манер, к падению нравственных ценностей, как предвестнику неизбежной деградации.

Немало тому поспособствовала и система образования, преобразованная в русле пресловутого Болонского процесса. Изначально цель присоединения к его рекомендациям была более чем благая – открыть доступ на европейский рынок образования российским университетам, создать возможность нашим выпускникам устраиваться на работу на Западе и что немало важно – привлечение зарубежных специалистов и в наши отрасли народного хозяйства, в которых Россия испытывала потребность. Пострадало от этого в первую очередь образование в целом. Но как уже не однократно говорил в своих выступлениях Президент В.В. Путин – «нас обманули».

Происходящее дает основание наблюдать постепенное разрушение исторического знания, констатировать его фрагментарность, что в итоге лишает понимания связи одних процессов с другими, а в истории это означает закладку основ саморазрушения народа. Это говорит о необходимости выработки новых подходов к системе образования в целом и к изучению истории, в частности. Потому сейчас наблюдается обратный процесс – отказ от западных ценностей и выстраивание своей собственной системы образования на основе отечественного опыта.

10 июня 2022 г. министр Просвещения С. Кравцов сообщил о возможности с 1 сентября 2025 г. ввести в школьную программу дополнительные уроки истории. Предлагается ввести новый курс «Россия – моя история» для учеников старших классов. По его словам, такой курс позволит вновь обсудить уже со старшеклассниками «значимые исторические события, факты, их влияние на становление нашего государства» и поможет сформировать у школьников грамотную картину мировоззрения [6], и соответственно, обеспечить достойный уровень правосознания. Кроме того, предлагается ввести дополнительный урок в неделю по истории для учеников 6-8 классов.

Интерес к истории – явление непреходящее и для общества, и для государства. С 2015 г. в России действует проект по созданию мультимедийных исторических парков – «Россия – моя история», в которых все желающие могут наглядно увидеть значимые исторические события российской истории – начиная с возникновения древнерусского государства до настоящих дней. Экспозиции парка постоянно дополняются новыми выставками и коллекциями (экспозициями). Для посетителей с ограниченными возможностями предусмотрены пандусы, наличие субтитров облегчает восприятие материала слабослышащими. Такие парки появились уже в 24 субъектах России, что свидетельствует о необходимости формирования у подрастающего поколения исторического сознания, а на его основе – и современного правосознания, понимания важности создаваемых для этого возможностей.

Под историческим сознанием следует понимать представление человека, социальной группы и общества в целом о своем прошлом, прошлом своей страны и человечества в целом. В научной литературе выделяется четыре уровня исторического сознания, в соответствии с которыми идут процессы формирования и трансформации правосознания: первый уровень – обыденное, формируемое на основе жизнен-

ного опыта; второй уровень, сформированный на основе прочитанных книг, просмотренных фильмов и другой информации, получаемой из средств массовой информации; третий уровень формируется на основе собственно исторических знаний, приобретаемых на уроках, лекциях по истории в школе, вузе в систематизированном виде; четвертый уровень формируется на основе всестороннего осмысления прошлого, путем самообразования, выявления тенденций исторического развития [10].

Полагаем, что формирование правосознания, равно как и исторического сознания современного российского гражданина, является первоочередной задачей нашего государства и общества. Оно является основой для воспитания гражданственности и патриотизма не только у юного поколения, но и на протяжении всей жизни, для качественного усвоения и применения действующего в стране права и законодательства. Гражданственность и патриотизм не просто какие-то эфемерные понятия, провозглашенные на общегосударственном уровне и слышимые из многих средств массовой информации. Это залог построения в России гражданского общества и государства, отказ от либеральной модели построения общества и возврат к традиционным российским ценностям. Уже сегодня можно говорить о положительных моментах, прослеживающихся и в сознании российского общества, и в поведении российской молодежи, доказывающем процессы формирования обновляемого правосознания. Наконец-то, начался отказ от потребительского отношения к историческому пониманию общественных ценностей и коллективизма, от индивидуальности к реализации в первую очередь общественных и государственных задач, а потом своих собственных. Идет процесс строительства нового общества, основанного на исторической памяти народа, сохранении традиционных ценностей, заботе о подрастающем поколении, уважении памяти предков. И эти тенденции находят постепенно отражение в обновляемом законодательстве. Полагаем, что такая модель общественного и государственного устройства в дальнейшем станет образцом, который, возможно, воспримут менее развитые народы и государства.

Резюмируя, подчеркнем, что феномен правосознания представляется достаточно сложным объектом научного исследования и этим объясняется многоаспектность его проблематики. Нельзя утверждать, что все аспекты правосознания в достаточной мере исследованы и обоснованы представителями разноотраслевых наук, включая юридическую. Необходимость обновления учения о правосознании особенно остро ощущается в условиях глобализации, оценок ее несостоявшейся авторитетности, приведшей к современным глобальным вызовам человечеству. Сложность заключается в том, что долго ожидаемые процессы восстановления исторической справедливости, традиций и значимости непреходящих ценностей, подающие надежду на возможность благополучного решения проблем, порожденных вызовами, приходится вести в условиях этих самых вызовов. В таких условиях главной основой трансформации современного правосознания является разработка новой концепции российского законодательства и ее реализация на базе исторических знаний о праве в целом, о масштабных закономерностях его обновления, ориентированных на конкретно исторический этап развития государственности и общества.

Список литературы:

1. Александр Дугин: Русская Идеология и цивилизация Антихриста // Избрский клуб <https://dzen.ru/a/Y27PvaPg9QBzPe7s>

2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. – С. 221.
3. Бутько Л.В., Мархгейм М.В. Конституционные преобразования и правосознание. Монография. Краснодар, Изд-во «Просвещение-Юг», 2021
4. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России. Изд-во «Русская мысль», 1922. – С. 181.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., Издательство АСТ, 2017 г. – С. 6.
6. Кравцов сообщил о планах ввести дополнительный курс истории в школе//РБК// <https://www.rbc.ru/society/10/06/2022/62a3187b9a7947ee820cda58>
7. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. М., 2007; Миронов Б.С. Приговор убивающим Россию. М., 2005; Матузов Н.И., Ушакова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010; Молчанов А.И. Распад СССР как философская сплетня. Белгород, 2013.
8. Мнения представителей различных научных кругов представлены работами следующих авторов: Леонов Н.С. Крестный путь России 1991–2000. М., 2002; Матузов Н.И., Ушакова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010; Алексеев С.С. Линия права. М., 2006.
9. Сидоров Г.А. Истоки знания. Вторая книга эпопеи «Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации». М., 2013. С. 5.
10. Тимофеева А.А. Проблемы истории отечественного государства и права в контексте образовательного компонента// Право и образование. 2014. №1. С. 162–163.

Butko L. V., Lepeshkina O. V. The role of historical knowledge in the formation of modern governmental concept // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 401–407.

This article discusses the importance of historical knowledge for assessing legal consciousness and its relevance to each historical type of state and law. It substantiates the need to change the approach to teaching history and historical disciplines at different stages of education. It is indicated that the phenomenon of legal consciousness is a rather complex object of scientific research and this explains the multidimensionality of its problems. It is impossible to assert that all aspects of legal consciousness are sufficiently investigated and substantiated by representatives of diversified sciences, including legal. The need to update the doctrine of legal consciousness is especially acute in the conditions of globalisation, assessments of its failed credibility, leading to modern global challenges to humanity. The complexity lies in the fact that the long-awaited processes of restoration of historical justice, traditions and significance of enduring values, giving hope for the possibility of a favourable solution to the problems caused by the challenges, have to be carried out in the conditions of these very challenges. In such conditions, the main basis for the transformation of modern legal consciousness is the development of a new concept of Russian legislation and its implementation on the basis of historical knowledge about law in general, about the large-scale regularities of its renewal, focused on a specifically historical stage of development of statehood and society.

Key words: history, legal consciousness, historical knowledge, legal culture, historical and legal sciences.

Spisok literatury:

1. Aleksandr Dugin: Russkaya Ideologiya i civilizaciya Antihrista // Izbrskij klub <https://dzen.ru/a/Y27PvaPg9QBzPe7s>
2. Alekseev N.N. Osnovy filosofii prava. SPb., 1999. S. 221.
3. But'ko L.V., Marhgejm M.V. Konstitucionnye preobrazovaniya i pravosoznanie. Monografiya. Krasnodar, Izd-vo «Prosveshchenie-YUG», 2021
4. Il'in I.A. Osnovnye zadachi pravovedeniya v Rossii. Izd-vo «Russkaya mysl'», 1922. S. 181.
5. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. M., Izdatel'stvo AST, 2017 g. S.6
6. Kravcov soobshchil o planah vvesti dopolnitel'nyj kurs istorii v shkole//RBC// <https://www.rbc.ru/society/10/06/2022/62a3187b9a7947ee820cda58>
7. L'vov D.S. Rossiya: ramki real'nosti i kontury budushchego. M., 2007; Mironov B.S. Prigovor ubivayushchim Rossiyu. M., 2005; Matuzov N.I., Ushakova N.V. Vozmozhnost' i dejstvitel'nost' v rossijskoj pravovoj sisteme. Saratov, 2010; Molchanov A.I. Raspad SSSR kak filosofskaya spletnya. Belgorod, 2013.
8. Mneniya predstavitelej razlichnyh nauchnyh krugov predstavleny rabotami sleduyushchih avtorov: Leonov N.S. Krest-nyj put' Rossii 1991–2000. M., 2002; Matuzov N.I., Ushakova N.V. Vozmozhnost' i dejstvitel'nost' v rossijskoj pravovoj sisteme. Saratov, 2010; Alekseev S.S. Liniya prava. M., 2006.
9. Sidorov G.A. Istoki znaniya. Vtoraya kniga epopei «Hronologo-ezotericheskij analiz razvitiya sovremennoj civilizacii». M., 2013. S. 5.
10. Timofeeva A.A. Problemy istorii otechestvennogo gosudarstva i prava v kontekste obrazovatel'nogo komponenta// Pravo i obrazovanie. 2014. №1. S. 162–163.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – С. 408–416.

УДК 341.9

**АНАЛИЗ КОНКУРИРУЮЩИХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
(ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ) НА ПРИМЕРЕ СПОРНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ**

Залоило М. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статьей актуализируется проблема конкурирования основных принципов международного права, а именно: принципа территориальной целостности государства и принципа, закрепляющего право народа на равноправие и самоопределение. Автором рассмотрен данный вопрос на примере применения вышеуказанных принципов в отношении спорных территорий или спорных границ. В работе проведен анализ понятия «спорной территории» и приведены толкования данного термина отечественными и зарубежными учеными. В ходе изучения вопроса были рассмотрены и проанализированы основные принципы международного права. Был проведен анализ исторически сложившихся событий, предшествующих появлению спорных территорий, на примере распада двух федеративных государств – СССР и Социалистической Федеративной Республики Югославия. В работе также представлены современные примеры вооруженных конфликтов, основанием которых являются спорные территории. Сделан вывод о необходимости дальнейшего исследования конкурирующих принципов международного права – принципа территориальной целостности государства и права народа на самоопределение. Также автором сделан вывод о необходимости создания межгосударственной процедуры урегулирования конфликтов, возникающих в связи с конкурированием международных принципов – территориальной целостности и правом народа на самоопределение в отношении спорных территорий.

Ключевые слова: спорные территории, право народа на самоопределение, территориальная целостность, принципы международного права, конкурирование международно-правовых норм, геополитика, деколонизация, автономия, народное единство.

Состояние мирового сообщества, на современном этапе его развития, вызывает определенные опасения. Сложность в межгосударственных взаимоотношениях, по нашему мнению, связана в определенной степени, с отсутствием эффективных рычагов сдерживания государств, имеющих определенные экономические преимущества над другими государствами.

Уровень экономического и политического влияния развитого государства на менее развитые страны, зачастую приводит к монополизации определенных видов экономической деятельности, которые в свою очередь ведут к экономической зависимости менее развитых государств.

Данный факт опасен для мирового сообщества, поскольку единоличное развитие и насыщение государства-лидера, ведет к полному экономическому истощению менее развитых государств, что в свою очередь тормозит не только экономический прогресс и честную конкуренцию между государствами, но и зачастую приводит к возможности создания искусственного дефицита определенных товаров, имеющих в том числе стратегическое значение для каждого государства. В связи с этим менее развитые государства не имеют шансов на экономическое развитие и повышения уровня жизни для своих граждан, и зачастую выступают «донорами» природных ресурсов, трудовой силы для экономически развитого государства.

В связи с преимущественным большинством государств, имеющих низкую степень экономического развития, государство-лидер зачастую самостоятельно определяет экономические векторы развития мира, разрешает вопросы

политического характера, не учитывая интересы или положение зависимых, экономически слабо развитых государств.

В отечественной юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о тенденции развития однополярного мирового порядка, и его негативного влияния на состояние мирового сообщества в целом. Анализируя данный вопрос, автор пришел к выводу, что мир, на современном этапе его развития, претерпевает достаточно сложные политические и экономические изменения.

Наращение влияния стремительно развивающихся государств, образование крепких политических и экономических союзов, создают определенную противостоящую силу только сложившемуся порядку однополярного мира. В связи с этим, в настоящее время участились межгосударственные конфликты, связанные, в первую очередь, с таким понятием как «спорные территории».

Международные территориальные споры подразумевают под собой наличие конфликта между несколькими государствами в отношении юрисдикции конкретной территории. По мнению Б.М. Клименко территориальный спор в международном праве состоит из определенных элементов: субъекты-государства; оспариваемая граница или территория; совпадение объекта и предмета территориального спора [1].

Белорусский ученый-правовед А.П. Сальков в понятие «национально-территориального конфликта» включает такой обязательный элемент как «исторические корни конфликта», включающие латентные периоды территориального конфликта.

Официальное закрепление и толкование понятия «сорной территории» в международно-правовых актах отсутствует, что в свою очередь порождает возможность субъектам международных правоотношений самостоятельно его интерпретировать. Понятие территориального спора имеет долгую историю, поскольку межгосударственные конфликты, связанные с определением принадлежности конкретной территории тому или иному государству, в том числе сопровождающиеся вооруженными конфликтами, сопутствуют человечеству с момента его зарождения на всех этапах его развития. Большое количество спорных территорий связано в первую очередь с колониальным и постколониальным разделом мира. Захват территорий и подчинение коренных народов, в дальнейшем, послужило основанием для многих территориальных конфликтов. В большей степени во времена колониального периода пострадали страны Африки и Азии, которые в подавляющем своем большинстве стали колониями (доминионами или подмандатными территориями) экономически развитых государств.

Процесс деколонизации зачастую связывают с окончанием 2-й Мировой войны и созданием ООН, однако предпосылки данного процесса возникли намного раньше. По мнению А.П. Салькова, история стран Центральной и Восточной Европы прошла под знаком двух мировых войн, вместила несколько этно-территориальных и национально-государственных реструктуризаций, что в свою очередь породило серьезные территориальные конфликты между государствами [2].

Освободительные движения колониальных территорий зародились в Египте в 1882 г., при восстании государственного и общественного деятеля Египта Ораби-паша [3]. Египетский историк Ар-Рафии отмечал, что данное движение сопротивления было направлено против самодержавия и иностранного

вмешательства [4]. По всему миру начались восстания основной целью которых было свержения гнёта и эксплуатационного режима государств колонизаторов.

После окончания Второй мировой войны и созданием ООН процесс деколонизации обрел повсеместный мировой масштаб. В связи с этим процессом возникли определенные сложности, связанные в первую очередь с тем, что между вновь образованными государствами отсутствовали четко обозначенные и закреплённые границы, а некоторые территории и вовсе могли сочетать в себе симбиоз двух государств, имеющих разный этнический состав и разную религиозную принадлежность.

Данный факт по мнению Н.П. Медведева имеет прямое отношение к проблеме территориальной целостности и политической стабильности государства [5].

Т.И. Потоцкая приводит классификацию образования спорных территорий на основании международных конфликтов, возникших между государствами после окончания Второй мировой войны [6], и если ранее, территориальные споры, разрешались исключительно с помощью военной силы, то после создания ООН и определения основных принципов международного права, ситуация в значительной степени улучшилась.

Достаточно долгое время после окончания 2-й Мировой войны идея территориального суверенитета в мире была связана с Вестфальской системой международных отношений, в которой особую важность представлял принцип о нерушимости границ, обретший особую актуальность в послевоенное время [7].

Принцип нерушимости границ, почитаемый на территории Европы, неоднозначно применялся на территориях стран Востока. Среди наиболее крупных – территориальные споры в рамках проблемы ближневосточного урегулирования, кашмирская проблема, индо-китайский пограничный конфликт, территориальные противоречия между Ираном и Ираком, которые в 1980-х годах привели к полномасштабной войне [7].

Применения международного принципа, декларированного ООН, о нерушимости границ в вышеуказанных конфликтах не имел бы ни логического ни практического значения, поскольку вопрос спорных территорий для стран Востока имеет более сложный характер, в виду отсутствия закрепления четких границ между государствами. В некоторых случаях применение принципа территориальной целостности государства противоречило бы нравственным и этнокультурным постулатам, в связи с чем провозглашение Вестфальской системой вышеуказанного принципа доминирующим, не является логичным и универсальным для повсеместного мирового применения.

По мнению автора, принцип нерушимости территориальных границ государства, безусловно имеет важное правовое и политическое значение для поддержания и сохранения мира и безопасности для всего человечества. Однако не стоит забывать, что государство, представляя собой целостный организм, на протяжении всей истории человечества неизбежно претерпевает изменения, касающиеся в том числе границ и территории. Изменение территории государства путем ее увеличения или уменьшения процесс неизменный и нерушимый. Однако, не стоит забывать, что любые территориальные изменения зачастую сопровождаются военными конфликтами, которые в свою очередь, оканчиваются всегда отрицательно, в связи с многочисленными человеческими потерями.

Данный факт полностью разрушает те постулаты и идеалы, провозглашённые ООН. Практически принцип территориальной целостности и нерушимости границ государства идет в противовес гуманности и определения человека высшей ценностью для государства.

В связи с чем в научном сообществе вопрос конкурирования двух принципов международного права, а именно – принципа территориальной целостности государства и закрепленного права народа на самоопределение, является остроактуальным уже достаточно долгое время.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. закреплен принцип: «согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций» и «принципа равноправия и самоопределения народов» [8].

Таким образом автор приходит к выводу, что вышеуказанные принципы имеют равную юридическую силу, и выделение доминирующего принципа для повсеместного применения не представляется юридически верным решением.

По мнению автора, рассматривать утвержденные принципы международного права необходимо в первую очередь через призму основных целей ООН, закрепленных в ст. 1 Устава ООН, а именно:

- «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира»
- осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [9].

Анализ закрепленных в Уставе ООН целей, позволяет прийти к выводу, что народ, как в лице государства, так и обособленно от него, является субъектом и полноправным участником международно-правовых отношений.

Поддержание дружественных отношений между нациями и народами, соблюдение правил международного сотрудничества преследует пред собой главную цель ООН уважение и почитание человека – как субъекта несущего главную ценность для мирового сообщества. В контексте анализа основных целей ООН можно прийти к выводу, что человек, представляя пред собой наивысшую ценность для государства является объектом «особенным» для международных отношений.

По аналогии можно прийти к выводу, что народ также относится к тем субъектам международно-правовых отношений, права и свободы которых необходимо почитать и защищать.

Данный факт подтверждает даже сама цель создания такой организации как ООН, закрепленный в преамбуле устава ООН: «Избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое

горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности...» [9]. Автор считает, что уважение народов, и предоставления им права на самоопределение является безусловно огромным шагом на пути к искоренению неравенства и дискриминации.

В истории достаточно примеров успешного сочетания и применения как принципа сохранения территориальной целостности, так и реализацией народом права на самоопределение, ещё до создания ООН, и официального закрепления вышеуказанных принципов, однако есть и отрицательный опыт, повлекший бесчисленное количество погибших. Ярким примером как положительного, так и отрицательного применения вышеуказанных принципов является Берлинский конгресс 1878 г., пересмотревший условия Сан-Стефанского мирного договора, заключенного после завершения русско-турецкой войны [10].

Берлинским трактатом была предоставлена независимость Сербии и Черногории. Болгарии был предоставлен особый статус самоуправляющегося княжества, что на тот момент, можно расценивать как положительный опыт. Однако на вышеуказанном конгрессе остро стал вопрос предоставления автономии Западной Армении [11].

Итогом решений, принятых на Берлинском конгрессе, к сожалению, стал геноцид армян в 1915 г., унесший по меньшей мере 644 тыс. человек [12].

К сожалению вышеприведенный пример не является единственным в истории человечества.

Безусловно, с созданием ООН и провозглашением основных принципов международного права, таких глобальных демографических катаклизмов в истории стало намного меньше. Одним из значимых событий для развития международных принципов территориальной целостности государства и права народа на самоопределение является распад двух крупных федеративных государств – Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и Социалистической Федеративной Республики Югославия (далее – СФРЮ).

Данное событие шокировало международное сообщество, и в связи с масштабностью распадающихся государств, принцип сохранения территориальной целостности был признан в качестве базиса для новообразующихся государств, что в дальнейшем послужило основанием для конфликтов, в том числе и вооруженных, в связи с наличием большого количества спорных территорий, ввиду утверждения международно-признанных границ, установленных еще при социализме, без учета национального и религиозного признака. В связи с чем возникли межнациональные конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Косово [13].

А.К. Каграманов считает, что правовой основой распада СССР, с точки зрения международного права служил именно принцип права народов на самоопределение [14]. В противовес вышеуказанному мнению выступали Р.М. Тимошев [15] и Э.Д. Нодари [16], которые в своих трудах высказывали мнение о том, что при распаде СССР уделялось внимание больше политическим интересам отдельных групп.

Безусловно, распад такого большого государства как СССР не мог обойтись без последствий, в виде спорных территорий, возникших в связи с неопределенностью границ между бывшими республиками. Ярким примером, по нашему мнению, является Нагорный Карабах, являющийся спорной территорией, юрисдикцию которого отстаивали Республика Армения и Республика Азербайджан.

Конфликт между Арменией и Азербайджаном имеет долгую историю, которая считается одной из самых продолжительных на постсоветском пространстве. История спорной территории Карабаха начинается с решения Кавказского бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии передать территорию Карабаха Азербайджану для обеспечения национального мира между двумя национальностями, имеющими разное вероисповедание.

С 1921 г. данная территория входила в состав Азербайджанской Советской Социалистической Республики (далее – Азербайджанская ССР), и имела статус автономной области. В 1988 г. начались массовые общественные движения, основной целью которых было воссоединение территории Карабаха с Арменией. Общественные деятели возглавившие вышеуказанное движение неоднократно выступали с просьбой к советскому правительству о передачи территории Карабаха Армянской ССР, и не добившись положительного результата в 1991 г. самостоятельно провозгласили независимость Нагорного Карабаха от Азербайджана [17].

Далее история Нагорного Карабаха продолжилась долгими вооруженными конфликтами, и как результат гибелью мирного населения как граждан Армении, так и Азербайджана. В истории конфликта спорной территории Нагорного Карабаха четко прослеживается конфликт принципов территориальной целостности и права народа на самоопределения. Азербайджан отстаивая свои интересы в отношении Нагорного Карабаха ссылается на принцип сохранения территориальной целостности, ведь изначально Карабах официально был передан Азербайджанской ССР, Армения в свою очередь ссылается на принцип права народа на самоопределение. В настоящее время конфликт в отношении спорной территории Нагорного Карабаха перешел в стадию мирных переговоров между государствами.

Исходя из соображений физической безопасности Самвел Шахрамян, являющийся лидером Нагорно Карабахского движения, подписал указ о Упразднении всех государственных учреждений, созданных в Республике Нагорных Карабах и прекращении действия самой республики. Населению были предложены условия реинтеграции для дальнейшего пребывания в Нагорном Карабахе [18].

Данное решение связано напрямую с введением миротворческого контингента Российской Федерации на территорию Нагорного Карабаха, в связи с подписанием заявления между лидерами Российской Федерации, Азербайджана и Армении о полном прекращении военных действий на территории Карабаха.

22 мая 2023 г. Никол Пашинян, являющийся премьер-министром Армении, выступил с официальным заявлением о признании территориальной целостности Азербайджана, в том числе включающим территорию Нагорного Карабаха [19].

На данном примере отчетливо видно прямое конкурирование принципов международного права, которое привело к одному из самых долги территориальных конфликтов в истории постсоветского пространства. Любые споры, в том числе перешедшие в стадию военных действий, решаются мирными переговорами и заключением мирных соглашений. Коллизия принципов международного права в отношении Нагорного Карабаха окончилась применением принципа территориальной целостности, однако стоит отметить, что выбор данного принципа обусловлен согласием всех спорящих сторон, о чем свидетельствует официальное заявление премьер-министра Армении.

Ещё одним сложным территориальным конфликтом современности, по нашему мнению, является кризис в Косово. Противостояние двух народов – сербов и албанцев в отношении территории Косово и Метохия заключалось в агрессивных противоправных деяниях албанцев, которые в рамках борьбы за свою независимость этнически уничтожали сербское население проживающие на территории Косово [20].

Исторически территория Косово и Метохия была заселена сербами, которые подверглись массовому изгнанию с вышеуказанных территорий. Также выделяют ряд других предпосылок, послуживших основанием для серьезного межнационального конфликта и создания спорной территории. Е.Ю. Гуськова, отмечает также план Иосипа Броза Тито по вовлечению Албании в Югославию с помощью объединения Албании и Косово, данный факт, привел к наделению Косово широкой автономии, на которую впоследствии опирались албанцы [20].

Возникший конфликт усугубился также столкновением двух верований, православием и мусульманством. Нельзя не отметить беспрецедентное вмешательство в конфликт в отношении спорной территории третьей стороны. Под эгидой защиты ущемленного албанского населения, НАТО начало бомбардировку территории Югославии. По мнению автора, действия НАТО в отношении Югославии можно расценивать как акт вооруженной агрессии и нарушение норм международного права, прикрытые намерениями защитить угнетенный албанский народ, отстаивающий свое право на самоопределение и независимость. Радикальное применение силы в отношении Югославии предопределило историческую развязку конфликта Косово, провозгласив его независимость и автономность. В данном примере отчетливо прослеживается столкновение принципа территориальной целостности поддерживаемого Югославией, и права народа на самоопределение – поддерживаемое албанским населением Косово и Метохия. Большая часть международного сообщества признало Косово и Метохия независимым государством, автономия которого реализована путем реализации народом права на самоопределение.

Учитывая вышеизложенное, автор пришел к выводу, что конкурирование основополагающих принципов международного права, имеет долгую историю существования, зачастую связанную с конфликтами, возникающими в связи с определением юрисдикции в отношении спорной территории. Принцип территориальной целостности, как и право народа на самоопределение имеет равное юридическое значение. Выделение доминирующего положения с точки зрения закона недопустимо. Конкурирование вышеуказанных принципов, по мнению автора, должно разрешаться путем проведения мирных переговоров, и достижения консенсуса в отношении спорных территорий, на примере опыта Нагорного Карабаха, или путем анализа основных целей, закрепленных Уставом ООН, с преимущественным сохранением человеческих жизней и недопущением вооруженных конфликтов между сторонами.

Список литературы:

1. Клименко Б.М. Мирное решение территориальных споров. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 4.
2. Сальков А.П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938 - 1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. - 743 с.
3. Хоружая, С. В. Национально-освободительное движение в Египте в период британского колониального господства в конце XIX - первой четверти XX в / С. В. Хоружая, С. Н. Турк //

- Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 1(69). – С. 52-56. – DOI 10.24158/fik.2020.1.9. – EDN YHADZQ.
4. Ар-Рафии А. Восстание 1919 г. в Египте. История национально-освободительного движения 1914–1921 гг. : сокр. пер. с араб. М., 1954. 432 с.
5. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева / Отв. ред. Н.П. Медведев. Том 12. М.: Издательство «НАУКА сегодня», 2019. 167 с.
6. Потоцкая Т.И. Геополитика России на постсоветском пространстве : учебное пособие / Потоцкая Т.И. — Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2018. — 160 с. — ISBN 978-5-4486-0219-1. — Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/72800.html>
7. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 319 с.
8. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Действующее международное право : офиц. текст. - Т. 1. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С. 65-73.
9. Устав Организации Объединенных Наций. / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители: Ю.М. Колосов. Т.1. - М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. - 858 с.
10. Берлинский трактат// Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VIII. Изд. 1888, стр. 639—675.
11. Берлинский конгресс 1878 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/etext/FOREIGN/berlin.htm>
12. Suny, Ronald Grigor et al., eds., A Question of Genocide: Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire. New York: Oxford University Press, 2011.
13. Чолахян А. В., Чолахян В. А. Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 370-377. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377
14. Каграманов А.К. Право на самоопределение народов и формирующийся миропорядок // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. №4. С. 154–163. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163
15. Тимошев Р.М. Право наций на самоопределение и современные межнациональные конфликты // Электронный научный журнал Проблемы безопасности. 2008. № 1(1). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19405823_99433877.pdf
16. Нодари Э.Д. Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 9. С. 150–155. DOI: 10.31857/S102694520022228-1
17. Саламов Ш.Н. (Shuhrat Barlas) С 85 Карабахский конфликт. Истоки - причины - последствия: «Улуу тоолор», 2018. – 336 с.
18. Катенёва Ю. «Республика Нагорный Карабах прекращает существование с 1 января 2024 года» // «Парламентская газета» 28.09.2023. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/respublika-nagornyy-karabakh-prekrashhaet-sushhestvovanie-s-1-yanvarya-2024-goda.html>
19. Карташева В. «В Армении заявили о готовности признать Нагорный Карабах частью Азербайджана» // «Парламентская газета» 22.05.2023. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/v-armenii-zayavili-o-gotovnosti-priznat-nagornyy-karabakh-chastyu-azerbaydzhana.html>
20. Гуськова Е. Ю. Албанское сепционистское движение в Косове. Албанский фактор кризиса на Балканах. М.: ИНИОН, 2003. С. 7–53.

Zaloilo M. A. Analysis of competing principles of international law (territorial integrity of the state and the right of the people to self-determination) using the example of disputed territories // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 408-416.

The article actualizes the problem of competition between the basic principles of international law, namely: the principle of the territorial integrity of the state and the principle establishing the right of the people to equality and self-determination. The author examined the above issue using the example of the application of the above principles in relation to disputed territories or disputed borders. The work analyzes the concept of “disputed territory” and provides interpretations of this term by domestic and foreign scientists. During the study of the issue, the basic principles of international law were reviewed and analyzed. An analysis was carried out of historical events preceding the emergence of disputed territories, using the example of the collapse of two federal states - the Union of Soviet Socialist Republics and the Socialist Federal

Republic of Yugoslavia. The work also presents modern examples of armed conflicts based on disputed territories. It is concluded that it is necessary to further study the above issue and create an interstate procedure for resolving conflicts arising in connection with competing international principles - territorial integrity and the right of the people to self-determination in relation to disputed territories.

Key words: disputed territories, people's right to self-determination, territorial integrity, principles of international law, competition of international legal norms, geopolitics, decolonization, autonomy, national unity.

Spisok literature:

1. Klimenko B.M. *Mirnoe reshenie territorial'nyh sporov.* – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1982. – S. 4.
2. Sal'kov A.P. *Nacional'no-territorial'nye konfliktov v Central'no-Vostochnoj Evrope vo vneshnej politike SSSR (1938 - 1949 gg.).* Minsk: BGU, 2019. - 743 s.
3. Horuzhaya, S. V. *Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Egipte v period britanskogo kolonial'nogo gospodstva v konce XIX - pervoj chetverti XX v / S. V. Horuzhaya, S. N. Turk // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* – 2020. – № 1(69). – S. 52-56. – DOI 10.24158/fik.2020.1.9. – EDN YHADZQ.
4. Ar-Rafii A. *Vosstanie 1919 g. v Egipte. Istoriya nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya 1914–1921 gg. : sokr. per. s arab. M., 1954. 432 s.*
5. *Etnopoliticheskaya avtonomiya i separatizm: rossijskoe i mirovye izmerenie. Kollektivnaya monografiya. Trudy nauchnoj shkoly prof. N.P. Medvedeva / Otv. red. N.P. Medvedev. Tom 12. M.: Izdatel'stvo «NAUKA segodnya», 2019. 167 s.*
6. Potockaya T.I. *Geopolitika Rossii na postsovet'skom prostranstve : uchebnoe posobie / Potockaya T.I. — Saratov : Aj Pi Er Media, 2018. — 160 c. — ISBN 978-5-4486-0219-1. — Tekst : elektronnyj // Cifrovoy obrazovatel'nyj resurs IPR SMART : [sajt]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/72800.html>*
7. *Territorial'nyj vopros v afro-aziatskom mire / Pod red. D. V. Strel'cova. — M.: ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2013. — 319 s.*
8. *Deklaraciya o principah mezhdunarodnogo prava, kasayushchih'sya družestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdru gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizacii Ob"edinennyh Nacij. Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo : ofic. tekst. - T. 1. - M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava, 1996. - S. 65-73.*
9. *Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij. / Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. V 3-h tomah. Sostaviteli: Yu.M. Kolosov. T.1. - M.: Izdatel'stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava, 1996. - 858 s.*
10. *Berlinskij traktat// F. Martens. Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami, t. VIII. Izd. 1888, str. 639—675.*
11. *Berlinskij kongress 1878 goda [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm>*
12. Suny, Ronald Grigor et al., eds., *A Question of Genocide: Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire.* New York: Oxford University Press, 2011.
13. Cholahyan A. V., Cholahyan V. A. *Istoriko-pravovye osnovy principov territorial'noj celostnosti gosudarstv i prava narodov na samoopredelenie na sovremennom etape // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 22, vyp. 3. S. 370-377. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377*
14. Kagramanov A.K. *Pravo na samoopredelenie narodov i formiruyushchijsya miroporyadok // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18. №4. S. 154–163. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163*
15. Timoshev P.M. *Pravo nacij na samoopredelenie i sovremennye mezhnacional'nye konflikty // Elektronnyj nauchnyj zhurnal Problemy bezopasnosti. 2008. № 1(1). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19405823_99433877.pdf*
16. Nodari E.D. *Teoretiko-pravovye osnovy razvitiya federalizma v usloviyah centralizacii gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 9. S. 150–155. DOI: 10.31857/S102694520022228-1*
17. Salamov Sh.N. (Shuhrat Barlas) *S 85 Karabakhskij konflikt. Istoki - prichiny - posledstviya: «Uluu toolor», 2018. – 336 s.*
18. Katenyova Yu. *«Respublika Nagornyj Karabah prekrashchaet sushchestvovanie s 1 yanvarya 2024 goda» // «Parlamentskaya gazeta» 28.09.2023. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/respublika-nagornyy-karabakh-prekrashhaet-sushhestvovanie-s-1-yanvarya-2024-goda.html>*
19. Kartasheva V. *«V Armenii zayavili o gotovnosti priznat' Nagornyj Karabah chast'yu Azerbaydzhana» // «Parlamentskaya gazeta» 22.05.2023. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/v-armenii-zayavili-o-gotovnosti-priznat-nagornyy-karabakh-chastyu-azerbaydzhana.html>*
20. Gus'kova E. Yu. *Albanskoe secessionist'skoe dvizhenie v Kosove. Albanskij faktor krizisa na Balkanah. M.: INION, 2003. S. 7–53.*

УДК 347.453

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЙМОДАТЕЛЯ ПО ДОГОВОРУ КОММЕРЧЕСКОГО НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Ярошевская А. М.
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

The article examines current issues of legal relations between the parties to the rental of residential premises, examines certain problematic issues related to the conditions and procedure for terminating a commercial rental agreement for residential premises, as well as the consequences of terminating a contract for the rental of residential premises, and points out the existing shortcomings in the legal regulation of termination of a commercial rental agreement. In the Russian Federation, the place and role of judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal system are analyzed. The need to make appropriate changes to the provisions of the Civil Code of the Russian Federation governing the relations of the parties under a commercial rental agreement in order to eliminate the existing imbalance of interests in favor of the tenant is noted.

Key words: rental of residential premises, rental agreement for residential premises, balance of interests of the parties, landlord, tenant, Constitutional Court of the Russian Federation.

В данной работе мы постараемся исследовать правовые отношения сторон, определяющие условия и порядок расторжения договора коммерческого найма жилого помещения, осветить некоторые теоретические и практические нюансы в рассматриваемой сфере отношений.

В России долгое время одним из основных способов сбережения накоплений для граждан среднего класса являлись банковские вклады. Однако, в последние годы в Российской Федерации продолжает активно развиваться рынок недвижимости, и мы уже привыкли к тому факту, что жилье от застройщика пользуется у населения особым спросом. При этом, многие люди рассматривают приобретение квартир как возможность сдачи их в наем и получения дополнительного регулярного заработка не работая, то есть, получение так называемого «пассивного» дохода в долгосрочной перспективе.

Вначале остановимся на самом понятии «НАЕМ». В соответствии с Энциклопедическим словарем экономики и права, составленным авторами Л.П. Кураковым, В.Л. Кураковым, А.Л. Кураковым, под термином «НАЕМ» понимается предоставление имущества его владельцем (наймодателем) другой стороне {нанимателю) во временное пользование за определенную плату [1]. Другими словами, это обязательство, в соответствии с которым одна сторона (наймодатель) предоставляет другой (нанимателю) свое имущество во временное пользование за определенную плату. В Российской Федерации условия найма определяются Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также отдельными нормативными актами. Вместе с этим, положения ГК РФ, которые, по мнению многих ученых, нарушают баланс интересов сторон договора коммерческого найма жилья в пользу нанимателя, являются в настоящее время одним из самых обсуждаемых вопросов в российской правовой семье.

В этой связи, необходимо отметить, что в ГК РФ правовым отношениям сторон по найму жилого помещения посвящена отдельная гл. 35, включающая в себя во-

семнадцать статей, две из которых посвящены расторжению договора найма жилого помещения (ст. 687 ГК РФ) и последствиям расторжения договора найма жилого помещения (ст. 688 ГК РФ). Обратив свое внимание на ст. 687 ГК РФ, понимаем, что несмотря на то, что договор коммерческого найма жилого помещения может быть расторгнут как по требованию нанимателя, так и по требованию наймодателя, законодатель своим подходом к правовому регулированию расторжения договора коммерческого найма квартир повлиял на баланс их интересов, поставив интересы первого выше интересов второго.

Так, согласно пункту первому статьи 687 ГК РФ **наниматель жилого помещения вправе** с согласия других граждан, постоянно проживающих с ним, **в любое время расторгнуть договор найма** (выделено мной – А.Я.) с письменным предупреждением наймодателя за три месяца [2]. В отличие от нанимателя жилого помещения, наймодатель таким правом не обладает, он может расторгнуть договор найма только в судебном порядке и только по исчерпывающему перечню оснований. При этом, на помощь полиции в выселении вселившихся квартирантов (нанимателей жилого помещения), даже в том случае, когда срок договора уже истек, он также рассчитывать не может.

Кроме этого, о защите интересов только нанимателей свидетельствует правило, предусмотренное абзацем четвертым пункта второго, все той же, статьи 687 ГК РФ, в соответствии с которым по решению суда нанимателю может быть предоставлен срок не более года для устранения им нарушений, послуживших основанием для расторжения договора найма жилого помещения. Если в течение определенного судом срока наниматель не устранит допущенных нарушений или не примет всех необходимых мер для их устранения, суд по повторному обращению наймодателя принимает решение о расторжении договора найма жилого помещения. При этом по просьбе нанимателя суд в решении о расторжении договора может отсрочить исполнение решения на срок не более года [2]. Для подавляющего большинства собственников жилья такое положение дел, является крайне неприемлемым, так как квартиранты (наниматели), участвуя в судебном процессе, продолжают длительное время проживать в их квартирах.

На такой перекоп баланса интересов сторон договора коммерческого найма жилого помещения в сторону нанимателя обращают внимание многие исследователи в своих научных работах (Корнилова Н.В., Карпухин Д.В., Забелова Л.Б., Новосельцев А.Ю.). Так, например, Н.В. Корнилова по результатам проведенного анализа небезосновательно делает вывод, что «в любом случае в связи с применением к п. 4 ст. 687 ГК РФ правил, предусмотренных абзацем четвертым п. 2 ст. 687 ГК РФ, можно и в этом случае говорить только о защите интересов нанимателей» [3]. Вместе с этим, ссылаясь на проявление гуманизма законодателя, который считает нанимателя как более слабую сторону в договоре найма жилого помещения, некоторые авторы попытались оправдать сложившийся дисбаланс. Так, по мнению О.В. Кириченко, «возможность отсрочки исполнения решения суда о расторжении договора коммерческого найма – это проявление гуманизма законодателя. Отсрочка необходима, например, если договор расторгается в зимнее время, а у нанимателя имеются маленькие дети, а также в других сложных жизненных ситуациях» [4].

Однако, с этими доводами сложно согласиться. При этом отдельные авторы, вообще, называют их оторванными от реальности, так как такая позиция не рассматривает сложные жизненные ситуации у другой стороны договора – наймодателя, например, у которых получение дохода от сдачи жилого помещения является, чуть ли, не основным источником существования.

Вместе с этим, даже поверхностный анализ последствий отказа нанимателей освобождать квартиры в разумный срок по требованию собственников жилья свидетельствует о складывающейся парадоксальной ситуации с ростом цен на рынке аренды жилых помещений, снижением доступности жилья для квартиросъемщиков и, в конечном итоге, отказом со стороны собственников квартир от сдачи их в наем. Также можно предположить, что такое положение дел связано с отсутствием желания у собственников жилья сдавать его в наем неблагополучным гражданам, которые «бегают» с одной съемной квартиры на другую и, по сути, шантажируя их знаниями положений ГК РФ, занимаются вымогательством денежных средств за освобождение жилого помещения.

Невозможно не заметить, что действующие нормы ГК РФ, определяющие правовые отношения сторон по найму жилого помещения, сильно схожи с нормами, действующими в государствах Европы, в которых утвердился американская модель общества, где принятые законы призваны защищать в первую очередь права арендаторов жилья, попавших в трудную экономическую ситуацию. Ярким примером этому стала система, которая сложилась в Испании в период экономического кризиса 2008 года, законодатели которой приняли законы, позволяющие гражданам оставаться в съемном жилье, даже не имея возможности оплачивать его.

Данное явление получило в стране широкое распространение, причем активно пользоваться таким правом стали не законопослушные испанские граждане, действительно находившиеся в трудном экономическом положении, а огромное количество мигрантов, многие из которых находились в Испании нелегально. Таких людей, как и явление в целом, называют «окупас» (ocupas), что в переводе с испанского (от глагола «осулар») означает буквально «занимать», «захватывать». Есть у этого явления и другое название – «сквоттеры», так обычно называют «окупас» в англоязычных странах. Стоит отметить, что данному вопросу посвящено уже достаточно большое количество исследований и публикаций в научных изданиях. Рассуждения и споры по этому вопросу все чаще появляются в социальных сетях, форумах и видеорепортажах, связанных с переездом в Испанию желающих приобрести недвижимость в этой стране.

Попробуем разобраться, какая недвижимость привлекает «окупас» и каковы шансы имеются у собственников не потерять свое имущество.

В первую очередь в зону риска попадает жилье владельцев (как частных лиц, так и агентств, фондов и иных юридических лиц), в котором постоянно или длительное время никто не проживает. В этом случае есть очень большие шансы, что этим могут воспользоваться «сквоттеры», которые могут фактически взламывать и проникать в квартиры, менять в них замки и располагаться как у себя дома.

Выселить таких недобросовестных людей из своего жилья владельцы могут только по решению суда, которому собственниками жилья необходимо доказать, что «арендаторы» его жилья действовали умышленно, зная о наличии владельца помещения, который был бы против их нахождения в нем.

Еще одним вариантом «захвата» жилья является заселение в нее под видом добросовестных арендаторов, которые со временем перестают платить по счетам.

Вместе с этим, при обращении в суд владельцами жилья «окупас», защищая свои права, всерьез аргументируют свою позицию тем, что они не знали о принадлежности этого жилья какому-то определенному лицу и имели право пользоваться данным помещением на «честном основании», часто добавляя, что идти им некуда. Как правило, суды прислушиваются к такому роду доводам, что влечет освобождение сквоттеров от уголовной ответственности. При этом, судебные тяжбы длятся месяцами, а то и годами, в то время как «окупас» продолжают беспрепятственно жить в захваченных помещениях, а законные собственники жилья не могут им распоряжаться, оплачивают чужие коммунальные счета, а также несут финансовые и моральные потери.

Сложившаяся в Европе и США практика свидетельствует, что выселение «захватчиков» возможно только в судебном порядке, а обращение собственников к полиции не возымеет никакого результата. В случае же, если собственник жилья придет в свою, захваченную окупасами, квартиру и начнет угрожать «арендаторам», отключит им свет или воду, под суд поведут уже его самого. На наш взгляд такая ситуация является по меньшей мере странной и вызывающей много вопросов к законодателям Европы и США, которые в данном случае прикрываются маской соблюдения международно-правовых стандартов прав человека.

Но вернемся к положениям, регулирующим правовые отношения сторон по найму жилого помещения, которые действуют в Российской Федерации.

Общеизвестно, что Российская Федерация на конституционном уровне провозгласила, что государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. [5]. Это стало одним из самых важных конституционных положений современной России и с ним, естественно, нельзя не считаться [6].

Безусловно, особое положение в российской правовой системе занимают акты Конституционного Суда РФ, которые могут признавать неконституционными отдельные положения закона или закон в целом. Поэтому деятельность Конституционного Суда РФ может оцениваться с различных точек зрения, прежде всего, как правоприменительная и как толковательная. Некоторые авторы, не называя судебную практику источником права, называют ее источником нормотворчества [7]. Так, Конституционный Суд РФ может давать предписания федеральному законодателю о внесении тех или иных изменений в действующее законодательство на основании рассмотренных им дел на предмет конституционности некоторых нормативных правовых актов или отдельных норм права, которых нельзя встретить в постановлениях Пленумов ВС РФ, а ранее и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Не может не радовать тот факт, что Конституционный Суд РФ в одном из своих судебных решений (Постановление от 2.06.2022 №23-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 310, п. 4 ст. 421, п. 1 ст. 422, п. 1 ст. 450, п. 2 ст. 450.1 и абзаца второго п. 2 ст. 687 ГК РФ в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной) встал на сторону наймодателя и подтвердил его право расторгать договор краткосрочного найма жилья во внесудебном порядке.

В рамках рассмотрения этого сложного вопроса взаимоотношения нанимателя и наймодателя жилья Конституционным Судом РФ по результатам проведенного глубокого анализа законодательства и судебной практики установлено, что «Отсутствие у наймодателя права расторгнуть договор во внесудебном порядке, даже при существенном нарушении условий договора нанимателем и при наличии этого права у нанимателя, создает отрицательный стимул сдавать жилые помещения внаем, а при сдаче – надлежащим образом оформлять договоры, что способствует снижению предложения на данном рынке и росту стоимости найма жилья, мешает легализации этого рынка и позволяет избегать уплаты налогов в бюджет.» [8].

Кроме этого, в своем Постановлении от 2.06.2022 №23-П Конституционный Суд РФ отказался признать нанимателя заведомо более слабой стороной в договоре, так как «сама по себе правовая модель соответствующих договорных отношений, особенно складывающихся между гражданами, не предопределяет взгляд на ту или иную сторону как заведомо сильную или слабую» [8].

С учетом изложенного, автор считает, что право на одностороннее расторжение договора найма жилого помещения должно быть одинаково доступным как для собственника жилья, так и для нанимателя жилья, а также поддерживает тех исследователей данного вопроса, которые считают необходимым внести соответствующие изменения в ст. 687 ГК РФ, предоставив право всем сторонам договора найма жилого помещения расторгать его в любое время с предупреждением за месяц.

В последующих публикациях мы постараемся глубже и детальнее погрузиться в изучение проблемных вопросов, затронутых в настоящей статье, и попробуем сформулировать выводы и конкретные предложения о внесении в действующее гражданское процессуальное законодательство надлежащих изменений.

Список литературы:

1. Портал slovaronline.com «Словари онлайн» [Электронный ресурс]: Энциклопедический словарь экономики и права. – Режим доступа: <https://rus-economic-law-dict.slovaronline.com/8524-НАЕМ, свободный>. – Загл. с экрана.
2. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/glava-35/statja-687/>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Файловый архив для студентов StudFiles studfile.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/16712545>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Кириченко О. В. Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения по требованию одной из сторон / О. В. Кириченко // Современное право. 2013. № 11. С. 61 – 66.
5. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-1/statja-10/>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Мартынич Е., Колоколов Э. Прецедентное право: от современной идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. 12. С. 21.
7. Воротынцева А.А., Колоколов Н.А., Павликов С.Г., Потапова А.В., Ралько В.В., Слободенюк И.П. Право, закон, судебный прецедент в российской цивилизационной системе. М., 2009. С. 74.
8. Справочно правовая система consultant.ru «КонсультантПлюс – законодательство РФ кодексы и законы в последней редакции» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418510/, свободный. – Загл. с экрана.

Yaroshevskaya A. M. On the issue of protecting the rights of the lessor under a commercial lease agreement for residential premises // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 417– 422.

В статье исследуются актуальные вопросы правовых отношений сторон по найму жилого помещения, рассмотрены отдельные проблемные вопросы, связанные с условиями и порядком расторжения договора коммерческого найма жилого помещения, а также последствия расторжения договора найма жилого помещения, указано на имеющиеся недостатки правового регулирования расторжения договора коммерческого найма жилья в Российской Федерации, анализируются место и роль судебных актов Конституционного Суда Российской Федерации в правовой системе. Отмечена необходимость внесения соответствующих изменений в положения Гражданского Кодекса Российской Федерации, регулирующие отношения сторон по договору коммерческого найма жилья, с целью устранения сложившегося дисбаланса интересов в пользу нанимателя.

Ключевые слова: наем жилого помещения, договор найма жилого помещения, баланс интересов сторон, наймодатель, наниматель, Конституционный Суд Российской Федерации.

Spisok literature:

1. Portal slovaronline.com «Slovari onlayn» [Elektronnyy resurs]: Entsiklopedicheskiy slovar' ekonomiki i prava. – Rezhim dostupa: <https://rus-economic-law-dict.slovaronline.com/8524-NAYEM, svobodnyy.> – Zagl. s ekrana.
2. Informatsionno-pravovoy portal legalacts.ru «Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye akty v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]: baza dannykh sodержit obnovlyayemyye normativno-pravovyye akty zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i sudebnykh aktov, prinyatykh sudami Rossiyskoy Federatsii razlichnogo urovnya, na osnovanii deystvuyushchego zakonodatel'stva RF. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/glava-35/statja-687/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
3. Faylovyy arhiv dlva studentov StudFiles studfile.net [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://studfile.net/preview/16712545, svobodnyy.> - Zagl. s ekrana.
4. Kirichenko O. V. Rastorzheniye dogovora kommercheskogo nayma zhilogo pomescheniya po trebovaniyu odnoy iz storon / O. V. Kirichenko // Sovremennoye pravo. 2013. № 11. S. 61 – 66.
5. Informatsionno-pravovoy portal legalacts.ru «Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye akty v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]: baza dannykh sodержit obnovlyayemyye normativno-pravovyye akty zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i sudebnykh aktov, prinyatykh sudami Rossiyskoy Federatsii razlichnogo urovnya, na osnovanii deystvuyushchego zakonodatel'stva RF. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-1/statja-10/>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.
6. Martynchik Ye., Kolokolov E. Pretsedentnoye pravo: ot sovremennoy ideologii k mezhdunarodnoy praktike // Rossiyskaya yustitsiya. 1994. 12. S. 21.
7. Vorotyntseva A.A., Kolokolov N.A., Pavlikov S.G., Potapova A.V., Ral'ko V.V., Slobodenyuk I.P. Pravo, zakon, sudebnyy pretседent v rossiyskoy tsivilizatsionnoy sisteme. M., 2009. S. 74.
8. Spravochno pravovaya sistema consultant.ru «KonsultantPlyus – zakonodatel'stvo RF kodeksy i zakony v posledney redaktsii» [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418510/, svobodnyy. – Zagl. s ekrana.

УДК 341.3

**ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

Малиновский О. Н.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

В статье исследуются вопросы становления, развития и современного состояния международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооружённых конфликтов. Отмечается, что Россия внесла существенный вклад в становление и эволюционное развитие международного гуманитарного права и последовательно выступает за соблюдение всеми государствами его норм. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что рассматриваемые нормы создают правовую основу, достаточную для обеспечения эффективной защиты гражданского населения. Однако данные нормы нарушались США и некоторыми другими субъектами международного права в ходе предшествовавших вооружённых конфликтов. В настоящее время они массово и грубо нарушаются подконтрольными Киевскому режиму вооружёнными формированиями, а также армией Израиля. В этой связи актуализируется вопрос о неотвратимости ответственности за эти нарушения и, в частности, о создании международного трибунала по Украине.

Ключевые слова: вооружённые конфликты, международное гуманитарное право, международно-правовая защита, гражданское население, принципы, нормы, гуманность, нарушения

Проблема международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооружённых конфликтов с течением времени не теряет своей актуальности. Несмотря на то, что эта проблема постоянно находится в спектре пристального внимания юридической науки, она нуждается в дальнейших исследованиях. В ходе происходящих в различных регионах мира вооружённых конфликтов гибнут ни в чем не повинные гражданские лица, в том числе женщины, старики, дети. И если из общего количества погибших во время Первой мировой войны гражданское население составляло 5%, то в ходе ряда последующих вооружённых конфликтов этот показатель неуклонно возрастал.

Совокупность принципов и норм международного права, регулирующих различные аспекты вооружённых конфликтов, в том числе вопросы защиты их жертв, общеизвестна в качестве международного гуманитарного права, являющегося важнейшей отраслью современного международного права. Исключительно важную роль в деле становления и развития этих принципов и норм сыграла деятельность Международного комитета по оказанию помощи раненым, при активном участии которого в 1864 г. в Женеве была созвана Международная конференция, итогом которой стало принятие Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны, а также инициативы России по созыву и проведению Санкт-Петербургской конференции 1868 г. Принятая на конференции Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль провозгласила принцип ограничения воюющих в выборе средств нанесения вреда противнику. Декларация указала на наличие границ, в «которых потребности войны должны остановиться перед принципами человеколюбия», и провозгласила недопустимость ведения боевых действий непосредственно против гражданского населения [1, с. 228 – 229].

В 1874 г. по предложению России в Брюсселе была созвана новая международная конференция, рассмотревшая разработанный российской делегацией «Проект международной конвенции о законах и обычаях сухопутной войны». Данный проект лег в основу принятых в Гааге в 1899 и 1907 гг. конвенций о законах и обычаях сухопутной войны, в которых принцип защиты гражданского населения получил дальнейшее развитие. В частности, было запрещено предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению неприятеля, объявлять, что никому не будет пощады. Большое значение имела включенная в преамбулу конвенций «оговорка Мартенса», устанавливающая, что гражданское население, как и комбатанты, исходя из принципа гуманности, требований общественного сознания и международных обычаев, продолжает оставаться под защитой международного права и в тех случаях, когда конкретные ситуации вооруженных конфликтов не регламентируются его нормами. Весьма серьезные новеллы содержались в ст. 25 конвенции 1907 г., запрещающей атаковать или бомбардировать незащищенные города, селения, жилища или строения, а также в ст. 46, обязывающей уважать семейные и имущественные права граждан оккупированных территорий и не посягать на их честь и жизнь [2].

Разработка и принятие указанных и ряда других Гаагских конвенций – важная веха в развитии международного гуманитарного права, о чем свидетельствует тот факт, что до 1949 г. они продолжали оставаться основными юридическими источниками, регламентирующими вопросы ведения военных действий. Нормы данных конвенций входят в так называемое «Гаагское право». Новым этапом кодификации международного гуманитарного права явилась Женевская дипломатическая конференция 1949 г., которая приняла четыре конвенции о защите жертв войны. Эти конвенции, называемые «Женевским правом», охватили основные категории жертв войны, в том числе гражданское население (IV Конвенция).

Одно из главных мест в IV Конвенции занимает ст. 32. Она запрещает сторонам вооруженного конфликта принимать меры, которые могут причинять физическое страдание или привести к уничтожению покровительствуемых лиц. Новеллой Конвенции стало закрепление норм о запрете применения коллективных наказаний. В целях усиления защиты раненых, больных, инвалидов, престарелых, детей до 15-летнего возраста, беременных женщин и матерей с детьми до 7-летнего возраста Конвенция предусмотрела необходимость создания специальных санитарных и безопасных зон и местностей (ст. 14). В Конвенции закреплено положение, согласно которому гражданские больницы не могут подвергаться нападению ни при каких обстоятельствах (ст. 18) [3].

Оценивая значение IV Женевской конвенции, нельзя не учитывать, что этот международно-правовой документ разрабатывался с учётом трагического опыта Второй мировой войны, в ходе которой гражданское население стран-жертв агрессии понесло огромные потери вследствие преступной оккупационной политики фашизма (массовые расстрелы мирных жителей, заключение их в концлагеря и т.п.). Это обстоятельство и привело к тому, что Конвенция приоритетное и детальное внимание уделила статусу гражданского населения оккупированных территорий и его защите от произвола противника, в то время как вне правового регулирования остался целый ряд вопросов защиты гражданских лиц непосредственно в ходе боевых действий. Из этого следует, что Конвенция, при всем её важном значении, не смогла в полной мере решить проблему защиты гражданского населения. На недо-

статочно полный характер защиты указывалось и в оговорках, сделанных СССР при её подписании. Так, отмечалось, что она «не вполне отвечает требованиям гуманности, поскольку она не распространяется на лиц, находящихся вне оккупированной территории» [4].

В этой связи были предприняты попытки ликвидировать указанный пробел: Международный комитет Красного Креста в 1956 г. подготовил Проект правил для ограничения опасностей, которым подвергается гражданское население во время войны; в 1968 г. на Тегеранской конференции по правам человека была принята резолюция «Права человека в вооруженных конфликтах»; в 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов».

Однако поднять систему международно-правовой защиты гражданского населения на принципиально новый договорной уровень удалось лишь в 1977 г. на Женевской дипломатической конференции по гуманитарному праву, результатом работы которой стало принятие двух дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г. Протокол I касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов, Протокол II – защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Принятие Протоколов 1977 г. – один из самых решительных шагов по развитию и универсализации норм международного гуманитарного права и их интеграции в сферу как международных, так и внутригосударственных отношений.

Протокол I формулирует понятия «гражданское лицо» и «комбатант» и определяет последних как лиц, входящих в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме духовного и медицинского персонала), и имеющих право принимать непосредственное участие в военных действиях. Согласно Протоколу статус комбатантов распространяется также на личный состав организованных движений сопротивления при условии соблюдения этими движениями ряда требований; население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля, не успев сформироваться в регулярные войска, стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны. Гражданское население определяется Протоколом как совокупность лиц, не принадлежащих ни к одной из категорий комбатантов. В случае сомнения относительно того, является ли то или иное лицо гражданским, оно считается таковым, т.е. Протокол установил презумпцию принадлежности к гражданским лицам.

В Протоколе говорится о мерах предосторожности, которые должны приниматься при планировании или осуществлении нападений на противника (ст.57). В частности, нападающая сторона обязана удостовериться, что объекты нападения не являются гражданскими лицами; а также принять все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения, чтобы избежать случайных потерь жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц.

Значительное внимание в Протоколе уделяется обязанностям противостоящих сторон по защите гражданского населения при ведении боевых действий, ограничению применения некоторых видов обычного оружия. В частности, запрещается использовать против гражданского населения мины, мины-ловушки, зажигательное

оружие. Существенная правовая защита предоставляется лицам, входящим в состав организаций гражданской обороны, а также журналистам, находящимся в районах вооруженных конфликтов. Устанавливается обязанность по розыску лиц, пропавших без вести, по возвращению останков погибших [5]. Трудно переоценить и значение Протокола II, распространившего действие принципа защиты гражданского населения на вооруженные конфликты немеждународного характера. В частности, Протокол устанавливает, что население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения (ст.13) [6].

В целом Женевское право запрещает убийства, пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний; взятие заложников, коллективные наказания, акты терроризма, оскорбительное и унижающее обращение, надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме; медицинские или научные опыты, которые не вызваны необходимостью врачебного лечения; осуждение и применение наказаний без предварительного судебного решения, принудительное перемещение, а также ряд других действий.

В ряду принципов современного международного гуманитарного права, имеющих непосредственное отношение к гражданскому населению и нашедших отражение в нормах международного гуманитарного права, в первую очередь, следует выделить принцип защиты гражданского населения. Иными отраслевыми принципами, применимыми к рассматриваемой категории жертв войны, являются: принцип гуманности; принцип недопустимости дискриминации; принцип ответственности; принцип ограничения воюющих сторон в выборе средств и методов ведения вооружённых конфликтов; принцип обеспечения безопасности и оказания гуманитарной помощи гражданскому населению. Как справедливо подчёркивается в юридической литературе, принцип защиты гражданского населения находится в тесной взаимосвязи с другими юридически закреплёнными принципами международного гуманитарного права, что обеспечивает всей системе данной отрасли международного права цельность и органическое единство [7, с. 56].

Наряду с этим отмечается, что научная дискуссия об отраслевых принципах международного гуманитарного права продолжается, в том числе по вопросам их обобщения, уточнения базовых норм в сфере международного гуманитарного права и соотношения запретов и принципов в этой области [8, с. 19]. Одна из главных целей международного гуманитарного права — гуманизация вооружённых конфликтов, минимизация, насколько это возможно, его неблагоприятных последствий в целом, и последствий в отношении гражданского населения, в частности. Исходя из этого, можно констатировать, что принцип гуманности является основополагающим и распространяется на все сферы вооружённой борьбы [9, с.18]. При этом в специальных исследованиях констатируется, что в ходе развития международного гуманитарного права количество и содержание прав, которые не могут быть ограничены, меняются в сторону усиления защиты индивидов [10, с. 465].

Важно отметить, что конвенционные нормы международного гуманитарного права являются обязательными и для государств, которые не являются участниками конвенций. По отношению к данным государствам эти нормы выступают как обычно-правовые. Таким образом, нормы международного гуманитарного права связывают все государства. Проведенный краткий анализ международно-правовой защи-

ты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов, истории её становления и развития позволяет сделать вывод о том, что регулирование данной проблемы, эволюционируя, прошло в своем развитии ряд этапов.

Автор считает, что рассмотренные нормы достаточно чётко регулируют широкую палитру вопросов и создают прочную правовую основу, достаточную для обеспечения защиты гражданских лиц. Однако, эффективность данных норм зависит от выполнения воюющими сторонами вытекающих из них требований.

Российская Федерация является участницей Женевских конвенций 1949 г., Протоколов 1977 г., большинства других актов, регулирующих вопросы вооружённых конфликтов, и последовательно выступает за неукоснительное выполнение всеми государствами обязательств, вытекающих из них. В России осуществлен целый комплекс мер по имплементации норм международного гуманитарного права. В частности, установлена уголовная ответственность за применение запрещённых средств и методов войны, мародерство. В Вооружённых Силах России действует Наставление по международному гуманитарному праву. Международное гуманитарное право изучается курсантами и слушателями военных образовательных организаций, а также студентами ряда гражданских вузов. Начиная с 1997 г. по 2021 г. в Санкт-Петербурге на базе СПбГУ ежегодно проводились международные «Мартенсовские чтения», что явилось признанием особой роли нашего государства в становлении и развитии международного гуманитарного права. Теоретические и практические аспекты международного гуманитарного права продолжают оставаться предметом исследований российских ученых-правоведов.

К сожалению, приходится констатировать, что в вооружённых конфликтах второй половины XX - начала XXI веков принципы и нормы международного гуманитарного права, касающиеся гражданского населения, часто нарушались. Они грубо нарушались США и некоторыми другими субъектами международного права в периоды вооружённых конфликтов в Югославии, Ираке, Ливии и ряде других стран.

Нормы международного гуманитарного права нарушаются и в ходе происходящих в настоящее время вооружённых конфликтов. При этом, на характер современных вооружённых конфликтов влияет комплекс целого ряда взаимосвязанных факторов, в том числе их сопряжение с совершением террористических актов, активное применение кибератак, «урбанизация» конфликтов, увеличение числа акторов и др., что порождает дополнительные трудности [11, с.118].

Массовые грубые нарушения норм международного гуманитарного права, которые привели к тысячам жертв среди мирных граждан, в том числе детей, являющихся одной из наиболее уязвимых категорий населения, совершены армией Израиля на территории Палестины. К ним, в первую очередь, относятся: массированные удары по гражданским объектам, в том числе по больницам, коллективные наказания жителей сектора Газа и др.

Масса грубых нарушений данных норм со стороны подконтрольных Киеву режиму вооружённых формирований фиксируется в ходе начавшегося на Украине в 2014 г. вооружённого конфликта. В их ряду, в частности, применение против гражданского населения кассетных боеприпасов, мин типа «лепесток», химического оружия, размещение вооружений и военной техники среди гражданских объектов, пытки и убийства гражданских лиц, систематические обстрелы мирных населённых пунктов и гражданских объектов, мародерство. Страны так называемого «коллек-

тивного запада», исходя из политики двойных стандартов, либо игнорируют факты этих нарушений, либо, используя недостоверную информацию, лицемерно искажают такие факты, препятствуя их объективной оценке. Власти стран, поддерживающих Киевский режим, не только спонсируют этот режим, поставляют ему оружие и участвуют в подготовке бойцов ВСУ, способствуя эскалации вооружённого конфликта, но и продолжают раскручивать маховик информационной войны, сопровождаящейся информационными вбросами и усилением русофобских настроений.

Автор разделяет позицию, согласно которой необходимо создать международный трибунал для привлечения к уголовной ответственности неонацистских военных и политических преступников Украины. Призыв к созданию такого трибунала содержится в резолюции, принятой в августе 2023 г. в Минске на втором Международном антифашистском конгрессе, в котором участвовало более 30 стран [12]. Представляется, что в состав судейского корпуса этого трибунала должны войти юристы государств, в которых осуждается и считается неприемлемой политика и практика неонацизма и международно-правового нигилизма. На сегодняшний день чрезвычайно важной является задача продолжения большой проводимой Россией работы по своевременной фиксации всех фактов нарушений международного гуманитарного права вооружёнными формированиями Украины.

Подводя общий итог, необходимо ещё раз отметить, что рассмотренные нормы способны обеспечить достаточно эффективную защиту гражданского населения в периоды вооружённых конфликтов. Основная проблема заключается в том, что данные нормы грубо нарушаются, в связи с чем актуализируется вопрос о неотвратимости ответственности за эти нарушения.

Список литературы:

1. Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль, заключенная в Санкт-Петербурге 29 ноября (11 декабря) 1868 года // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – СПб., 1994. – № 1. – С. 228 – 229.
2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года // <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (Дата обращения 21.02.2024).
3. Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) // <https://base.garant.ru/2540383/> (Дата обращения 21.02.2024).
4. Оговорки СССР, сделанные при подписании четырех Женевских Конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года // [@egNPA#txt](https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?Id=12093328). (Дата обращения 21.02.2024).
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377> (Дата обращения 24.02.2024).
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, (Протокол II) от 8 июня 1977 г. // <https://base.garant.ru/2540378/> (Дата обращения 25.02.2024).
7. Воронцова Н.А., Сибилева О.П. Боевые действия в городах: проблемы международно-правовой защиты гражданского населения и гражданских объектов // Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 56.
8. Ястребова А.Ю. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного права: содержание и эволюция // Московский журнал международного права. 2022. № 3. С. 19.
9. Котляров И.И. Международное право и вооруженные конфликты. Монография. М.: Московский университет МВД России, 2003. С.18.
10. Русинова, В. Н. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: специальность 12.00.10 – «Международное право; Европейское право»: дис. на соиск. ... д-ра юрид. наук/ Русинова Вера Николаевна; Правительство Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва – 2015. – 465 с. – Текст: непосредственный.

11. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств // Московский журнал международного права. 2022. № 2. С. 118.
12. Конгресс в Минске призвал мир сплотиться в борьбе с возрождающимся фашизмом // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18540065> (Дата обращения 02.03.2024).

Malinovsky O. N. The problem of international legal protection of civilian population in conditions of armed conflicts // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 423–429.

The article investigates the issues of formation, development and the current state of international legal protection of civilians in armed conflicts. It is noted that Russia has made a significant contribution to the formation and evolutionary development of international humanitarian law and consistently advocates for compliance with its norms by all States. Based on the analysis conducted, it is concluded that the norms under consideration create a legal framework sufficient to ensure effective protection of the civilian population. However, these norms have been violated by the United States and some other subjects of international law during previous armed conflicts. Currently, they are massively and grossly violated by armed groups controlled by the Kiev regime, as well as by the Israeli army. In this regard, the issue of the inevitability of taking responsibility for these violations and, the establishment of an international tribunal for Ukraine in particular is being updated.

Key words: armed conflicts, international humanitarian law, international legal protection, civilian population, principles, norms, humanity, violations.

Spisok literatury:

1. Deklaraciya ob otmene upotrebleniya vzryvchatyh i zashigatel'nyh pul', zaklyuchennaya v Sankt-Peterburge 29 noyabrya (11 dekabrya) 1868 goda // Vestnik Mezhparlamentskoj Assamblei. – SPb., 1994. – № 1. – S. 228 – 229.
2. Konvenciya o zakonah i obyčajah suhoputnoj vojny, 18 oktyabrya 1907 goda // <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (Data obrashcheniya 21.02.2024).
3. Zhenevskaya Konvenciya o zashchite grazhdanskogo naseleniya vo vremya vojny (Zheneva, 12 avgusta 1949 g.) // <https://base.garant.ru/2540383/> (Data obrashcheniya 21.02.2024).
4. Ogovorki SSSR, sdelaynye pri podpisanii chetyrekh Zhenevskih Konvencij o zashchite zhertv vojny ot 12 avgusta 1949 goda // [@egNPA#txt](https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?Id=12093328). (Data obrashcheniya 21.02.2024).
5. Dopolnitel'nyj protokol k Zhenevskim konvenciyam ot 12 avgusta 1949 goda, kasayu-shchiysya zashchity zhertv mezhdunarodnyh vooruzhennykh konfliktov, ot 8 iyunya 1977 g. (Protokol I) (s izmeneniyami i dopolneniyami) // <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377> (Data obrashcheniya 24.02.2024).
6. Dopolnitel'nyj protokol k Zhenevskim konvenciyam ot 12 avgusta 1949 goda, kasayu-shchiysya zashchity zhertv vooruzhennykh konfliktov nemezhdunarodnogo haraktera, (Protokol II) ot 8 iyunya 1977 g. // <https://base.garant.ru/2540378/> (Data obrashcheniya 25.02.2024).
7. Voroncova N.A., Sibileva O.P. Boevye dejstviya v gorodah: problemy mezhdunarodno-pravovoj zashchity grazhdanskogo naseleniya i grazhdanskikh ob"ektov // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2023. № 3. С. 56.
8. Yastrebova A.Yu. Otdel'nye podhody k sisteme special'nykh principov mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: sodержanie i evolyuciya // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2022. № 3. С. 19.
9. Kotlyarov I.I. Mezhdunarodnoe pravo i vooruzhennyye konflikty. Monografiya. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2003. S.18.
10. Rusinova, V. N. Prava cheloveka v vooruzhennykh konfliktah: sootnoshenie norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka: special'nost' 12.00.10 – «Mezhdunarodnoe pravo; Evropejskoe pravo»: dis. na soisk.... d-ra yurid. nauk/ Rusinova Vera Nikolaevna; Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». – Moskva – 2015. – 465 s. – Tekst: nepo-sredstvennyj.
11. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodejstviya terrorizmu v mirnoe vremya i v period vooruzhennykh konfliktov: regional'nyj podhod Sodruzhestva Nezavisimyyh Gosudarstv // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2022. № 2. С.118.
12. Kongress v Minske prizval mir splostit'sya v bor'be s vozrozhdayushchimsya fashizmom // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18540065> (Data obrashcheniya 02.03.2024).

НАШИ АВТОРЫ

Аблятипова Н. А.	к.ю.н., доц., доцент к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Бабурина П. М.	к.ю.н., доц., д-р к-ры финансового права юридического ф-та Института экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет
Бадиков Д. А.	к.ю.н., доц. к-ры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
Бахриева З. Р.	к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»
Бокий А. Н.	к.ю.н., доц., начальник к-ры физической подготовки спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Бубнова Ю. Г.	к.ю.н., доц., доцент к-ры административно-правовых дисциплин юрид. ф-та Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
Бутько Л. В.	д.ю.н., проф., проф. к-ры конституционного и административного права ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
Быстрыкова С. А.	соискатель Российского университета транспорта
Великая О. С.	к.ю.н., доц. к-ры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы
Вершинина Е. С.	к.ю.н., доц., подполковник полиции. Начальник к-ры административной деятельности ОВД Нижегородской Академии МВД России
Водовозов С. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Волкова И. Ю.	главный специалист Межрегионального Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Крым и г. Севастополю
Воронина С. А.	Студент 4 курса ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет

Годованик Е. В.	д.ю.н., доц., заведующий к-ры «Международное, морское и таможенное право», ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Головкин Р. Б.	д.ю.н., проф., проф. к-ры Теории и истории государства и права Юридического Института Владимирского Государственного Университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ)
Горишкова Н. А.	к.ю.н., доц., заместитель начальника к-ры уголовного права и криминологии юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир
Жинкин С. А.	д.ю.н., проф. к-ры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета
Иванченко С. В.	аспирант юридического ф-та Таврической академии ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (к-ры истории и теории государства и права)
Залоило М. А.	аспирант юридического ф-та Таврической академии ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (к-ры истории и теории государства и права)
Зезюлина Т. А.	к.ю.н., доц., заведующий к-ры гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, г. Москва
Змерзлый Б. В.	д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Зоз В. А.	старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Исмаилов Д. А.	общественный помощник прокурора Центрального р-на г. Тольятти Самарской области
Кабанов П. А.	к.ю.н., доц. к-ры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»
Каляшин А. В.	к.ю.н., доц. к-ры конституционного и муниципального права Владимирского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Кийко А. Ю.	к.ю.н., доц., Санкт-Петербургский военный орден Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, начальник

Клименко Е. П.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Коренюгин В. В.	к.ю.н., доц. к-ры административного права федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МВД России»
Котляр А. И.	старший преподаватель к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции
Кошкин А. С.	преподаватель к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Кравченко О. Г.	старший преподаватель к-ры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Кудовба О. Н.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры административного права федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МВД России»
Кузьмин И. М.	ассистент к-ры Теории и истории государства и права Юридического Института Владимирского Университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Кулиева А. М.	Московский государственный юридический университет имени О. М. Кутафина (МГЮА)
Курышев Е. Ю.	к.ю.н., доц., начальник к-ры гражданского права ФГКВБОУВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации»
Куряшкин А. Н.	преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Симферополь)
Лепешкина О. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
Лунарев Е. Б.	д.ю.н., проф., зав. к-ры конституционного и административного права. Кубанский государственный университет
Малиновский О. Н.	К.ю.н., доц. зав. к-ры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Мамедов А. Р.	студент 4-го курса Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Маргарян А. В.	аспирант к-ры «Государственно-правовые дисциплины» Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Нагорный А. П.	старший преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Незнамова А. А.	к.ю.н., доц., заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Академии труда и социальных отношений, Москва
Никитина А. П.	д.ю.н., проф. к-ры «Государственное право и процесс» ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет
Нифанов А. Н.	д.ю.н., доц., проф. к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Мокроусова К. А.	аспирант к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Пикин И. В.	к.ю.н., доц., начальник к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России
Полякова Т. А.	д.ю.н., проф., и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, Заслуженный юрист Российской Федерации. г. Москва
Попов А. Н.	преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Потапенко С. В.	д.ю.н., проф., ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет, юридический факультет им. А.А. Хмырова, декан
Потопальский С.С.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия
Прохорова М. Л.	д.ю.н., проф. к-ры уголовного права Кубанского государственного университета
Радомский А. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Радомский Ю. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского

Сафронов Н. А.	Преподаватель к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Саченок Л. И.	к.э.н., доц. к-ры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет
Семёнова И. В.	к.ю.н., начальник кафедры гражданского права факультета (командного); Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Сибилева А. Ю.	к.ю.н., доц., зав. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского
Титова К. А.	к.ю.н., доц., заместитель начальника административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России
Ткачева Н. А.	к.ю.н., доц., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Трифонов С. Г.	к.ю.н., доц. проф. к-ры РЮИ МВД России; доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Трифонова К. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского процессуального права ФГБОУВО «РГУП»; доц. к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»
Троян Н. А.	к.ю.н., старший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, г. Москва
Филонов А. В.	д.ю.н., профессор кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Фоменко Е. В.	д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

<i>Челпанова М. М.</i>	<i>начальник к-ры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат экономических наук, доц.</i>
<i>Шепель Н. В.</i>	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России</i>
<i>Шерстнев В. Н.</i>	<i>аспирант к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ Во «Белгородский государственный национальный исследовательский университет</i>
<i>Цыганков А. Ю.</i>	<i>доц. департамента правового регулирования экономической деятельности Юридического ф-та Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва</i>
<i>Ярошевская А. М.</i>	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бутов С. В.

Задачи войск НКВД СССР по охране судов заграничного плавания в
годы Великой Отечественной войны.....3

Великая О. С.

Применение огнестрельного оружия и иных средств защиты
служащими пенитенциарных учреждений Финляндии.....7

Головкин Р. Б.

Механизм юридической идентификации субъектов и объектов
правоотношений.....11

Иванченко С. В.

Реализация принципов состязательности и диспозитивности при разрешении
споров путем проведения судебных поединков в Восточной Европе эпохи
средневековья.....18

Маргарян А. В.

Экспериментальная правовая норма в современном законодательстве:
основные цели и сущностное значение.....30

Пикин И. В.

Проблемные вопросы совершенствования системы социальной
реабилитации и социальной адаптации осужденных.....37

Кулиева А. М.

Трансформационные процессы в механизме правового регулирования
в условиях цифровизации права.....43

Сафронов Н. А.

Экуменизм, протоглобализм, антинационализм –
триада будущего В. С. Соловьева.....57

Сибилева А. Ю.

Актуальные вопросы совершенствования процедуры получения
гражданства РФ в контексте грядущих законодательных реформ.....64

Иващенко Е. С.

Правовая организация лоцманской проводки в Финляндии
по закону 23 марта 2023 г.....72

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Аблятинова Н. А., Волкова И. Ю.

Актуальные проблемы правоприменительной практики института
компенсации морального вреда, причиненного потребителю.....81

Быстрыкова С. А.

Формирование регистра населения в Российской Федерации и цифровой
оборот персональных данных: правовые проблемы.....87

Водовозов С. В.

Конституционно-правовое регулирование деятельности субъектов

пересмотра конституций в зарубежных странах: к вопросу сравнительного функционирования конституционного собрания РФ.....	94
Годованик Е. В.	
Качество предоставления государственных и муниципальных услуг как фактор реинтеграции Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.....	103
Кузьмин И. М.	
Блокчейн-арбитраж и иные пути цифровизации правосудия.....	115
Незнамова А. А.	
Конституционное право на свободу научного творчества: понятие и сущность.....	123
Никитина А. П., Саченок Л. И., Воронина С. А.	
Нормативно-правовое регулирование финансового контроля деятельности некоммерческих организаций.....	134
Полякова Т. А., Троян Н. А.	
Публично-правовые подходы к обеспечению государственного суверенитета в информационной сфере.....	143
Радомский А. Ю.	
Судебная система как правовой механизм обеспечения охраны и защиты конституционного строя РФ.....	152
Радомский Ю. А.	
К вопросу об основаниях и пределах конституционно-правовой ответственности Федерального Собрания РФ в контексте эволюционной проблематики.....	161
Рыбалко С. В.	
Проблемы и перспективы функционирования института специализированных (отраслевых) уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.....	171
Ткачева Н. А.	
Обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина в условиях особых правовых режимов в Российской Федерации.....	180

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Бабурина П. М.	
Перспективы развития исламского банкинга в современных экономических условиях.....	190
Бахриева З. Р.	
К вопросу о структурировании договорных обязательств.....	198
Потопальский С. С.	
Специфика правового статуса самозанятого лица в системе гражданско-правового регулирования.....	205
Трифонов С. Г., Трифонова К. В.	
Экологическая миграция как одна из угроз современности.....	211
Цыганков А. Ю., Мамедов А. Р.	
Фиктивное банкротство физических лиц в Российской Федерации: проблемы и пути решения.....	217

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бадиков Д. А., Зоз В. А.	
К вопросу о проблемных аспектах расследования интернет-мошенничеств и мошенничеств, совершаемых с использованием сотовой связи.....	223
Бокий А. Н.	
Особенности формирования профессионально значимых навыков в процессе специальной подготовки сотрудников полиции.....	229
Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А.	
Субъективные признаки бандитизма: теоретический и правоприменительный аспекты.....	235
Исмаилов А. Д., Вершинина Е. С.	
Проблемы документооборота в деятельности сотрудников органов внутренних дел.....	243
Кабанов П. А., Исмаилов Д. А.	
К вопросу о проблемных аспектах уголовно-правовой квалификации малозначительности деяния по делам о хищении.....	251
Каляшин А. В., Бубнова Ю. Г.	
Страсбургская конвенция об уголовной ответственности за коррупцию: от подписания, ратификации и имплементации обязательств до денонсации Российской Федерацией.....	257
Кийко А. Ю., Семёнова И. В.	
Обязательства, возникающие в результате причинения ущерба, государственными органами при осуществлении должностных полномочий.....	265
Кравченко О. Г.	
Электронные или цифровые доказательства в системе источников судебных доказательств в уголовном судопроизводстве.....	273
Котляр А. И.	
Порядок и особенности проведения индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере.....	279
Кошкин А. С.	
Режим пребывания в пенитенциарных учреждениях Гренландии.....	286
Нагорный А. П., Попов А. Н.	
Молодежный экстремизм.....	293
Семёнова И. В.	
Преступления в цифровой сфере: потерпевший и его уголовно-процессуальный статус.....	299
Титова К. А., Шепель Н. В.	
К вопросу о порядке применения специалистом технических средств в уголовном судопроизводстве.....	308
Фоменко Е. В.	
К вопросу о недопущении хищений при оформлении прав на недвижимое имущество на новых территориях РФ.....	314

СРОЧНО В НОМЕР

Кудовба О. Н., Куряшкин А. Н.	О некоторых аспектах качественного и эффективного взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением административного участка...319
Коренюгин В. В., Челпанова М. М.	Организация деятельности ППСП в России – современное состояние и тенденция развития.....329
Потапенко С. В.	Компенсация морального вреда как способ гражданско-правовой ответственности за распространение «фейковых новостей».....337
Курьшев Е. Ю.	Юридические инновации и политико-правовые приоритеты зарубежных стран.....344
Хрущев Р. С.	Регламентирование организации выборов в Гренландии в условиях широкой автономии (2009–2023).....352
Змерзлый Б. В., Клименко Е. П.	Правовая организация деятельности торговых портов Гренландии.....356
Филонов А. В.	Порядок прохождения службы жандармерии Российской империи, общие черты и особенности.....366
Шерстнев В. Н.	Судебные реформы и программное развитие как разновидности отечественных судеустроительных трансформаций.....373
Дупарев Е. Б., Потапенко С. В.	О некоторых проблемах соотношения публичных и частных правоотношений в правоприменительной практике.....382
Жинкин С. А., Прохорова М. Л.	Актуальные проблемы реализации принципа взаимной ответственности государства и личности в современной России.....389
Мокроусова К. А., Нифанов А. Н.	Некоторые особенности формализации организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения 394
Бутько Л. В., Лепешкина О. В.	Роль исторических знаний в формировании современного правосознания.....401
Залоило М. А.	Анализ конкурирующих принципов международного права (территориальной целостности государства и права народа на самоопределение) на примере спорных территорий.....408
Ярошевская А. М.	К вопросу защиты прав наймодателя по договору коммерческого найма жилого помещения.....417
Малиновский О. Н.	Проблема международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов.....423